

ХРОНИКА УБИЙЦЫ КОРОЛЯ:
ДЕНЬ ВТОРОЙ

ПАТРИК РОТФУСС

СТРАХИ МУДРЕЦА

КНИГА 1

КНИГА-ФАНТАЗИЯ

Annotation

Долгожданное продолжение культового романа «Имя ветра»! Юный Квоут делает первые шаги на тропе героя: он уберезет влиятельного лорда от предательства, победит группу опасных бандитов, уйдет живым от искусной соблазнительницы Фелуриан. Но на каждом головокружительном повороте своей необыкновенной судьбы он не забудет о своем истинном стремлении — найти и победить мифических чандриан, жестоко убивших его семью и оставивших его круглой сиротой... А еще он узнает, какой трудной может быть жизнь, когда человек становится легендой своего времени. И пока скромный трактирщик рассказывает историю своего прошлого, прямо за порогом гостиницы начинается будущее.

- [Патрик Ротфусс](#)

- [ПРОЛОГ](#)
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)
- [ГЛАВА 21](#)
- [ГЛАВА 22](#)

- [ГЛАВА 23](#)
- [ГЛАВА 24](#)
- [ГЛАВА 25](#)
- [ГЛАВА 26](#)
- [ГЛАВА 27](#)
- [ГЛАВА 28](#)
- [ГЛАВА 29](#)
- [ГЛАВА 30](#)
- [ГЛАВА 31](#)
- [ГЛАВА 32](#)
- [ГЛАВА 33](#)
- [ГЛАВА 34](#)
- [ГЛАВА 35](#)
- [ГЛАВА 36](#)
- [ГЛАВА 37](#)
- [ГЛАВА 38](#)
- [ГЛАВА 39](#)
- [ГЛАВА 40](#)
- [ГЛАВА 41](#)
- [ГЛАВА 42](#)
- [ГЛАВА 43](#)
- [ГЛАВА 44](#)
- [ГЛАВА 45](#)
- [ГЛАВА 46](#)
- [ГЛАВА 47](#)
- [ГЛАВА 48](#)
- [ГЛАВА 49](#)
- [ГЛАВА 50](#)
- [ГЛАВА 51](#)
- [ГЛАВА 52](#)
- [ГЛАВА 53](#)
- [ГЛАВА 54](#)
- [ГЛАВА 55](#)
- [ГЛАВА 56](#)
- [ГЛАВА 57](#)
- [ГЛАВА 58](#)
- [ГЛАВА 59](#)
- [ГЛАВА 60](#)
- [ГЛАВА 61](#)

- [ГЛАВА 62](#)
 - [ГЛАВА 63](#)
 - [ГЛАВА 64](#)
 - [ГЛАВА 65](#)
 - [ГЛАВА 66](#)
 - [ГЛАВА 67](#)
 - [ГЛАВА 68](#)
 - [ГЛАВА 69](#)
 - [ГЛАВА 70](#)
 - [ГЛАВА 71](#)
 - [ГЛАВА 72](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Патрик Ротфусс

СТРАХИ МУДРЕЦА

Книга 1

Моим терпеливым поклонникам — за то, что читают мой блог и говорят, что им хотелось бы видеть в идеальной книге, даже если это займет больше времени.

Моим толковым бета-читателям — за их бесценную помощь и терпение, с каким они относятся к моей параноидальной скрытности.

Моему замечательному агенту — за то, что отгоняет от моих дверей разных волков.

Моему мудрому редактору — за то, что мне дали время и возможность написать книгу, которой можно гордиться.

Моим любящим родным — за то, что поддерживают меня и не устают напоминать, что время от времени стоит все же выходить из дома.

Моей понимающей подруге — за то, что не бросает меня, когда я становлюсь жутким и невыносимым от бесконечной вычитки.

И моему милому малышу — за то, что любит своего папочку, несмотря на то что мне все время приходится бросать его и садиться работать — даже когда нам так здорово вместе, даже когда мы разговариваем об уточках.

ПРОЛОГ

ТРЕХЧАСТНАЯ ТИШИНА

Близился рассвет. Трактир «Путеводный камень» погрузился в тишину, и складывалась эта тишина из трех частей.

Самой заметной частью было пустое, гулкое до эха молчание, порожденное несколькими причинами. Будь сегодня гроза, капли дождя стучали бы по крыше и шелестели в лозах селаса за трактиром. Урчал и грохотал бы гром, и гром прогнал бы тишину по дороге, точно опавшие осенние листья. Если бы в трактире ночевали путники, они бы сейчас ворочались и потягивались у себя в комнатах, разгоняя тишину, как тускнеющие, полузабытые сны. Играй здесь музыка... Нет, вот уж музыки точно не было. Так что в воздухе висела тишина.

В трактире черноволосый мужчина мягко прикрыл за собой заднюю дверь. В крошечной темноте он пробрался через кухню, через зал, спустился по лестнице в подвал. Наученный долгим опытом, он непринужденно переступал расшатавшиеся доски, которые могли бы скрипнуть или застонать под его весом. Его осторожные шаги отдавались в тишине лишь чуть слышным «Топ. Топ. Топ...». Этим он добавлял к царящему в трактире молчанию, большому и гулкому, свое, маленькое и пугливое. Получался своего рода сплав, контрапункт.

Третью тишину уловить было не так легко. Пожалуй, если вслушиваться достаточно долго, вы ощутили бы ее в холоде оконного стекла и в гладких оштукатуренных стенах комнаты трактирщика. Тишина таилась в черном сундуке, стоящем в ногах узкой и жесткой кровати. Она пряталась в руках человека, который неподвижно лежал на кровати, глядя в окно на первый бледный проблеск наступающей зари.

У человека были рыжие волосы — совершенно рыжие, словно пламя. Темные глаза безучастно смотрели в пространство, и лежал он с безропотным видом того, кто давно утратил всякую надежду заснуть.

Трактир «Путеводный камень» принадлежал ему, и третья тишина тоже. Неудивительно, что тишина эта была самой большой из трех: она окутывала две первые, поглощала их — бездонная и безбрежная, словно конец осени, и тяжелая, как обкатанный рекой валун. То была терпеливая покорность срезанного цветка — молчание человека, ожидающего смерти.

ГЛАВА 1

ЯБЛОКО И БУЗИНА

Баст стоял, облокотившись на длинную стойку красного дерева. Ему было скучно.

Окинув взглядом пустой зал, он вздохнул, порылся, нашел чистую белую тряпочку. И со скорбным видом принялся протирать стойку.

Через некоторое время Баст подался вперед и прищурился, глядя в какое-то незаметное пятнышко. Он поскреб его ногтем и нахмурился: палец оставил на стойке маслянистое пятно. Баст наклонился, дыхнул на полированную поверхность и протер ее. Потом задумался, старательно подышал на дерево и написал на получившемся пятне бранное слово.

Баст отшвырнул тряпку и прошел между пустых столов и стульев к широким окнам. И надолго застыл у окна, глядя на немощеную дорогу, разрезающую городок пополам.

Потом вздохнул и принялся расхаживать по комнате. Двигался он с небрежной грацией танцора и великолепной непринужденностью кота. Однако, когда он запуская пальцы в свои черные волосы, жест выдавал тревогу. Голубые глаза непрестанно шарили по комнате, будто искали выход. Будто искали здесь что-то, чего они не видели сотню раз до того.

Но нет, ничего нового тут не было. Пустые столы и стулья. Пустые табуреты у стойки. На прилавке за стойкой две огромные бочки — одна для виски, другая — для пива. Между бочками — целая батарея бутылок всех цветов и форм. А над бутылками висел меч.

Взгляд Баста упал на бутылки. Он пристально, задумчиво осмотрел их, потом зашел за стойку и достал тяжелую глиняную кружку.

Баст глубоко вздохнул, указал пальцем на первую бутылку в нижнем ряду и заговорил нараспев, отсчитывая бутылки:

Клен, калитка,
Тишина,
Пламя, пепел,
Бузина!

Считалочка закончилась на приземистой зеленой бутылке. Баст выкрутил пробку, неспешно пригубил бутылку и скривился. Его передернуло. Он поспешно поставил бутылку на место и взял вместо нее другую, красную и пузатую. Пригубил ее, задумчиво вытер влажные губы, кивнул и щедро плеснул себе в кружку.

Потом указал на следующую бутылку и снова принялся считать:

Прялка, прядь,
Луна в ночи,
Ивы, окна,
Свет свечи.

На этот раз ему выпала прозрачная бутылка с бледно-желтой жидкостью внутри. Баст выдернул пробку и щедро плеснул в кружку, не потрудившись попробовать. Отставив бутылку в сторону, он взял кружку и принялся яростно ее трясти. Потом отхлебнул. Расплылся в улыбке, ткнул пальцем в следующую бутылку, отчего она тоненько звякнула, и опять завел свою считалочку:

Путник, пиво,
Камень, кладь,
Ветер, воды...

Тут скрипнула половая доска, Баст вскинул голову и широко улыбнулся.

— С добрым утром, Реши!

Рыжеволосый трактирщик стоял у лестницы. Он отряхнул длиннопалыми руками чистый фартук и рукава рубашки.

— Что, гость еще не встал?

Баст мотнул головой.

— Не шуршит, не шевелится!

— Ну, ему нелегко пришлось за последние два дня, — сказал Коут. — Должно быть, оно его догнало...

Он осекся, задрал голову, приняхался.

— Ты что, пил, что ли?

Вопрос был задан скорее с любопытством, чем в порядке обвинения.

— Да нет, — ответил Баст.

Трактирщик приподнял бровь.

— Я дегустировал, — пояснил Баст, сделав ударение на последнем слове. — Надо же сначала продегустировать, а потом уже пить.

— Ага, — сказал трактирщик. — Собирался пить, стало быть.

— Ну да, клянусь малыми богами, — ответил Баст. — Я собирался напиться. А что тут еще делать-то?

Баст достал кружку из-под стойки и заглянул в нее.

— Я рассчитывал на бузину, а мне досталась какая-то дыня...

Он задумчиво поболтал кружку.

— И что-то пряное.

Он отхлебнул еще и задумчиво сощурился.

— Корица? — спросил он, окинув взглядом ряды бутылок. — А что, бузины у нас совсем не осталось?

— Где-то должна была быть, — ответил трактирщик, не потрудившись взглянуть на бутылки. — погоди минутку, Баст. Послушай меня. Нам нужно поговорить о том, что ты сделал вчера вечером.

Баст застыл.

— А что я сделал, Реши?

— Остановил ту тварь из Маэля, — сказал Коут.

— А-а! — Баст вздохнул с облегчением и небрежно махнул рукой. — Я ее просто задержал, Реши. Только и всего.

Коут покачал головой.

— Ты понял, что это не просто безумец. Ты пытался нас предупредить. И если бы не твое проворство...

Баст нахмурился.

— Да какое там проворство, Реши? Шеп-то она прикончила!

Он посмотрел на свежевыскобленные доски у стойки.

— А Шеп мне нравился.

— Все остальные будут думать, что нас спас ученик кузнеца, — сказал Коут. — И, пожалуй, оно так к лучшему. Но я знаю, как было дело. Если бы не ты, тварь перебила бы тут всех.

— Ой, Реши, ну, это неправда, — сказал Баст. — Ты бы ее прикончил, как цыпленка. Я просто успел первым.

Трактирщик только рукой махнул.

— Я всю ночь лежал и думал, — сказал он. — Думал о том, что можно сделать, чтобы тут стало поспокойнее. Ты когда-нибудь слышал «Охоту Белых Всадников»?

Баст усмехнулся.

— Реши, эта песня была нашей прежде, чем стала вашей!

Он набрал в грудь воздуху и пропел нежным тенором:

Одежда грозных всадников, как кони их, бела,
И светлый лук у каждого привешен у седла,
Мечи блестят в руках у них, из серебра клинки,
Зеленые и красные на головах венки.

(Стихи в переводе Вадима Ингвалла Барановского)

Трактирщик кивнул.

— Те самые строки, о которых я и думал. Сумеешь управиться с этим, пока я тут все приготавливаю?

Баст с энтузиазмом закивал и буквально рванулся прочь, но замер в дверях кухни.

— А вы без меня не начнете? — с тревогой осведомился он.

— Мы начнем сразу, как только наш гость позавтракает и будет готов, — ответил Коут, и, увидев, как изменилось лицо его ученика, немного смягчился. — В общем и целом, думаю, пара часов у тебя в запасе есть.

Баст посмотрел в дверной проем, потом снова обернулся.

Трактирщик чуть заметно усмехнулся.

— И я позову тебя прежде, чем мы начнем.

Он помахал рукой.

— Ступай, ступай!

* * *

Человек, называвший себя Коутом, взялся за обычные утренние дела. Он двигался как заведенный, точно телега, катящаяся по наезженной колее.

Сначала хлеб. Он на глазок отсыпал муку, сахар, соль, не трудясь отмерять. Плеснул закваски из горшка, стоящего в кладовке, замесил тесто и оставил его подходить. Выгреб золу из кухонной печи и разжег огонь.

Потом перешел в общий зал и разложил дрова в черном каменном камине, вытянувшемся вдоль северной стены, выгребя предварительно золу. Накачал воды, помыл руки, вытащил из погреба кусок баранины. Наколот свежей растопки, натаскал дров, осадил поднимающееся тесто, подвинул квашню поближе к разогревшейся печке.

И вдруг оказалось, что делать больше нечего. Все было готово. Все было чисто и расставлено по местам. Рыжеволосый человек стоял за стойкой, и его взгляд, устремленный куда-то вдаль, медленно возвращался обратно, фокусируясь на том, что было здесь и сейчас, на обстановке в трактире.

Взгляд человека упал на меч, что висел на стене над бутылками. Меч был не особенно красив, не украшен насечками и узорами и вообще не бросался в глаза. Можно сказать, что он выглядел угрожающе. Как высокий обрыв. Серый клинок без изъянов, холодный на ощупь. И острый, как осколок стекла. На черном дереве доски, где он висел, было вырезано одно-единственное слово: «Глупость».

Трактирщик услышал тяжелые шаги на деревянном крыльце. Загремел засов, снаружи гаркнули: «Эгей!» — и забарабанили в дверь.

— Минуточку! — отозвался Коут. Он торопливо подбежал к двери и повернул массивный ключ в блестящем латунном замке.

На крыльце стоял Грейм. Он уже занес тяжелую руку, чтобы постучать еще раз. Когда он увидел трактирщика, его обветренное лицо расплылось в улыбке.

— А Баст что, удрал нынче утром? — спросил он.

Коут снисходительно усмехнулся.

— Славный парнишка, — сказал Грейм, — только безалаберный малость. А я уж было подумал, что ты на сегодня закрыл лавочку.

Он кашлянул и опустил глаза.

— Я бы и не удивился...

Коут сунул ключ в карман.

— Да нет, открыто, все как обычно. Чем могу служить?

Грейм перешагнул порог и кивнул на улицу, где стояла тележка с тремя кадками. Кадки были новехонькие, из бледного, свежееоструганного дерева, с блестящими металлическими ободьями.

— Нынче ночью я понял, что мне не уснуть, вот и собрал последнюю кадку из тех, что ты заказывал. А еще я слышал, что Бентоны собираются нынче подвезти первые зимние яблоки.

— Спасибо, что подсказал.

— Яблочки славные, крепенькие, всю зиму пролежат!

Грейм подошел к кадке и гордо постучал по стенке.

— Чем еще перебить голод, как не зимним яблочком?

Он лукаво взглянул на трактирщика и еще раз постучал по кадке.

— Перебить, а? Как ты думаешь?

Коут негромко охнул и потер лицо.

Грейм хихикнул себе под нос и провел рукой по блестящим металлическим обручам.

— Никогда еще не делал обручи латунные, а надо же, так хорошо вышло! Ты мне скажи, если они вдруг рассядутся. Я поправлю.

— Я рад, что это не причинило особых хлопот, — сказал трактирщик. — А то в погребе-то сыро. Боюсь, как бы железо не проржавело через пару лет.

Грейм кивнул.

— Ну да, умно придумано, — сказал он. — Просто мало кто удосуживается загадывать так далеко вперед.

Он потер руки.

— Ты мне не подсобишь? Не хотелось бы уронить кадку и испортить тебе полы.

Они взялись за кадки. Две из них отправились в погреб, третью утащили за стойку в кухню и водрузили в кладовке.

Потом оба вернулись в общий зал, каждый по свою сторону стойки. Ненадолго воцарилась тишина. Грейм окинул взглядом пустой зал. У стойки стояло меньше табуретов, чем обычно, и на месте одного из столов зияло пустое пространство. В тщательно обустроенном трактире все это бросалось в глаза как выбитые зубы.

Грейм отвел глаза от выскобленного пятна на полу возле стойки, сунул руку в карман и достал пару тусклых железных шимов. Рука у него почти не дрогнула.

— Налей-ка мне пива, Коут, — хрипло сказал он. — Я понимаю, что рановато, но день впереди длинный. Я нынче Маррионам помогаю пшеницу возить.

Трактирщик налил пива и молча протянул ему кружку. Грейм отхлебнул единым духом сразу полкружки. Глаза у него были красные.

— Да, скверно дело обернулось, — сказал он, не глядя в глаза, и отхлебнул еще.

Коут кивнул. «Скверно дело обернулось». Возможно, это и все, что скажет Грейм по поводу гибели человека, с которым он был знаком всю свою жизнь. Здешний народ знал о смерти все. Они сами резали скот. Они мерли от лихорадки, от падений, от загноившихся переломов. Смерть была все равно что неприятный сосед. Лучше не болтать о ней лишний раз, а не то того гляди услышит, да и заявится в гости.

О смерти говорилось только в историях. Легенды об отравленных королях, о поединках, о древних войнах — это ничего, это было можно. Они рядили смерть в чужеземное платье и отсылали ее подальше от дверей

родного дома. Загоревшаяся сажа в трубе, крупозный кашель — это было ужасно. Но суд над герцогом Гибей или осада Энфаста — это дело другое. Эти истории были как молитвы, как заклинания-обереги, которые бормочет себе под нос припозднившийся прохожий. Как грошковые амулеты, которые люди покупают у коробейника, просто на всякий случай.

— А долго он тут еще пробудет, этот писец? — тихо спросил Грейм, говоря в кружку. — А то мало ли, вдруг я надумаю чего записать...

Он слегка нахмурился.

— Папаша мой всегда звал это просто «доверенность». Никак не вспомню, как оно по-правильному-то называется.

— Смотря о чем идет речь, — уверенно ответил трактирщик. — Если только о твоём добре, это называется «распоряжение имуществом». А если о чем-то еще, это называется «изъявление воли».

Грейм изумленно приподнял бровь.

— Ну, по крайней мере, я так слышал, — пояснил трактирщик, опуская глаза и протирая стойку чистой белой тряпочкой. — Писец упоминал что-то на этот счет...

— Изъявление воли... — пробубнил Грейм в кружку. — Думаю, я просто попрошу его написать доверенность, а там уж как он ее официально назовет, так пусть и будет.

Он поднял взгляд на трактирщика.

— Думаю, найдутся и другие, кто захочет чего-то в этом роде. Времена-то нынче какие...

На миг могло показаться, будто трактирщик раздраженно хмурится. Но нет, ничего подобного. Он стоял за стойкой таким же, как всегда, и лицо его сохраняло миролюбивое и дружелюбное выражение.

Коут небрежно кивнул.

— Он вроде говорил, что собирается открыть лавочку около полудня, — сказал он. — А то вчерашние события его несколько выбили из колеи. Так что, если кто вдруг явится раньше полудня, боюсь, ничего у них не выйдет.

Грейм пожал плечами.

— Да какая разница? Все равно до обеда в городке и десяти человек не останется.

Он отхлебнул еще пива и посмотрел в окно.

— День-то какой, все в поле будут!

Трактирщик, похоже, чуть поуспокоился.

— Он останется тут до завтра. Так что ломиться к нему прямо сегодня нужды нет. У него лошадь отобрали на Аббатсфорде, он теперь пытается

добыть новую.

Грейм сочувственно цыкнул зубом.

— Вот не свезло так не свезло! Где ж теперь лошадь добудешь, когда уборка урожая в самом разгаре? Даже Картеру не найти замену Нелли после того, как этот паук напал на него у Старокаменного моста.

Он покачал головой.

— Все-таки как-то это неестественно, когда такое творится всего в трех километрах от твоего дома. Вот в былые времена...

Грейм запнулся.

— Господь и владычица, я говорю словно мой папаша!

Он втянул подбородок и загудел басом:

— «Вот в былые времена, когда я был юнцом, погода была как погода, а не как теперь! И мельник не придерживал весов, и люди не лезли не в свое дело!»

Трактирщик грустно улыбнулся.

— А мой отец говаривал, что пиво было слаще и на дорогах было меньше ухабов.

Грейм тоже улыбнулся, но улыбка быстро исчезла. Он потупился, словно ему было не по себе от того, что он собирался сказать.

— Коут, я знаю, что ты не местный. Это тяжело. Некоторые думают, будто чужак и утро от вечера не отличит.

Он перевел дух, по-прежнему не глядя в глаза трактирщику.

— Но мне кажется, ты знаешь много такого, чего другие не знают. У тебя вроде как кругозор шире.

Он поднял голову. Взгляд у него был серьезный и усталый, под глазами залегли темные круги от недосыпа.

— Что, неужто и впрямь все так плохо, как кажется в последнее время? Дороги поганые. Людей на них грабят. Да еще...

Было заметно, что Грейм с трудом удержался, чтобы не взглянуть еще раз на пустое место на полу.

— Налоги эти новые, жизни совсем не стало. Парни Грейденов вот-вот лишатся своей фермы. Паук этот опять же...

Он отхлебнул еще пива.

— Неужели действительно все так плохо? Или я просто старею, как мой папаша, и теперь все кажется горше по сравнению с теми временами, когда я был мальчишкой?

Коут долго протирал стойку, словно ему не хотелось отвечать.

— Я думаю, жизнь всегда плоха, не так, так эдак, — сказал он наконец. — Может быть, дело в том, что только мы, пожилые, способны

это заметить.

Грейм кивнул было, но тут же нахмурился.

— Но ведь ты-то не пожилой, верно? Я все время об этом забываю.

Он смерил рыжеволосого взглядом.

— Ну, в смысле ты и ходишь как старик, и рассуждаешь как старик, но только ты не старик, верно? Могу поручиться, что ты вдвое меня моложе!

Он прищурился, глядя на трактирщика.

— Сколько тебе лет-то, а?

Трактирщик устало улыбнулся.

— Достаточно, чтобы чувствовать себя старым.

Грейм фыркнул.

— Ты слишком молод, чтобы кряхтеть и жаловаться. Тебе бы еще за бабами бегать и влипать в неприятности! Предоставь уж нам, старым пердунам, ныть о том, что мир нынче не тот и все идет насмарку!

Старый плотник отодвинулся от стойки и повернулся к двери.

— Я зайду сегодня поговорить с твоим писцом, когда у нас будет перерыв на обед. И не я один. Куча народу хочет обустроить свои дела официально, пока есть возможность.

Трактирщик сделал глубокий вдох и медленно выпустил воздух.

— Грейм!

Плотник, уже взявшийся за ручку двери, обернулся.

— Дело не только в тебе, — сказал Коут. — Дела действительно плохи, и нутром чую, что дальше будет хуже. Так что не вредно будет подготовиться к суровой зиме. И, быть может, позаботиться о том, чтобы суметь себя защитить, если дойдет до этого.

Трактирщик пожал плечами.

— Вот нутром чую.

Грейм сурово поджал губы и угрюмо кивнул.

— Что ж, рад, что не только мое нутро это чувствует.

Потом заставил себя улыбнуться и принялся подворачивать рукава рубашки.

— Однако, пока светит солнце, надо косить сено!

* * *

Вскоре заехали Бентоны с телегой поздних яблок. Трактирщик купил половину того, что они привезли, и весь следующий час занимался тем, что перебирал и сортировал яблоки.

Самые зеленые и крепкие отправились в кадки в подвале. Заботливые руки трактирщика выложили их ровными рядами, пересыпая опилками, и заколотили крышки. Более спелые отправились в кладовку, а побитые и помятые пошли на сидр. Их порезали на четвертинки и покидали в огромное жестяное корыто.

Пока рыжий перебирал и упаковывал яблоки, он выглядел спокойным и довольным. Но, если приглядеться, было заметно, что, хотя руки его были заняты, глаза смотрели куда-то в пространство. И хотя он был спокоен и даже улыбался, улыбка эта была безрадостной. Он не мурлыкал и не насвистывал за работой. И не пел.

Управившись с переборкой, он поволок жестяное корыто через кухню к черному ходу. Стояло прохладное осеннее утро, за трактиром был маленький, уединенный тенистый садик. Коут вывалил четвертинки яблок в деревянный пресс и опустил массивную крышку на винте до тех пор, пока она не перестала свободно двигаться.

Коут засучил длинные рукава рубахи выше локтей, ухватился длинными изящными руками за ручки пресса и принялся крутить. Крышка пошла вниз, сначала сдавливая, потом дробя яблоки. Повернуть — перехватить. Повернуть — перехватить.

Если бы кто-то мог видеть Коута, он бы непременно заметил, что его руки не похожи на мясистые руки обычного трактирщика. Когда он тянул и толкал деревянные ручки, на предплечьях вздувались мышцы, тугие, как канаты. На коже виднелось множество накладывающихся друг на друга старых шрамов. Большинство из них — бледные и узкие, как трещинки на зимнем льду. Другие были багровые и злые, отчетливо выделявшиеся на бледной коже.

Руки трактирщика толкали и тянули, толкали и тянули. Слышалось лишь мерное поскрипыванье дерева и drobный стук струйки сока, текущей в подставленное ведро. В этих звуках был ритм, но музыки не было, и взгляд трактирщика казался отстраненным и безрадостным, и его зеленые глаза сделались настолько бледными, что могли бы сойти за серые.

ГЛАВА 2

ОСТРОЛИСТ

Хронист спустился в общий зал «Путеводного камня» со своим плоским кожаным портфелем на плече. Стоя в дверях, он нашел взглядом рыжеволосого трактирщика, который склонился над стойкой и усиленно корпел над чем-то.

Хронист вошел в зал и кашлянул.

— Извините, что я так заспался, — начал он. — Боюсь, что...

Он запнулся, увидев, что находится на стойке.

— Вы что, пирог печете?

Коут, который деловито защищивал кромку, поднял голову.

— Нет, пирожки. А что?

Хронист открыл было рот, подумал и снова закрыл. Его взгляд метнулся к мечу, который висел на стене за стойкой, серый и безмолвный, потом к рыжеволосому человеку, который по-прежнему старательно защищивал пирожок.

— И с чем же пирожки?

— С яблоками.

Коут выпрямился и принялся аккуратно накалывать готовые пирожки вилкой.

— А вы знаете, как сложно испечь по-настоящему вкусные пирожки?

— Вообще-то нет... — признался Хронист, потом с тревогой огляделся по сторонам. — А помощник ваш где?

— Да бог знает, где его может носить, — сказал трактирщик. — А ведь это достаточно непросто. Я имею в виду, печь пирожки. Можете себе представить, оказывается, там столько тонкостей! Вот хлеб испечь несложно. Суп сварить несложно. Пудинги там всякие. А пирожки — это сложно. А ведь ни за что не подумаешь, пока сам не возьмешься их печь.

Хронист неуверенно кивнул, не зная, чего от него ждут, сбросил с плеча портфель и уселся за ближайший столик.

Коут вытер руки фартуком.

— Когда давишь яблоки на сидр, потом остается такая влажная масса, знаете?

— Мезга-то?

— Мезга-а! — с глубоким облегчением повторил Коут. — Так вот как

это называется! А что с ней делают после того, как весь сок отжат?

— Ну, из виноградской мезги можно сделать слабое вино, — сказал Хронист. — Или масло, если ее у вас много. А яблочная мезга практически ни на что не годится. Можно использовать ее как удобрение или как мульчу, но и то и другое получается так себе. Обычно она идет на корм скоту.

Коут кивнул. Лицо у него было задумчивым.

— Вот и мне так казалось, что вряд ли ее просто выбрасывают. Здесь все идет в дело так или иначе. Мезга... — повторил он снова, как будто пробуя слово на вкус. — А то я уже два года мучаюсь, не могу узнать, как это называется.

Хронист посмотрел на него озадаченно.

— Да вы могли бы спросить у кого угодно, это все знают!

Трактирщик нахмурился.

— Ну, раз все это знают, значит, спрашивать мне было нельзя ни в коем случае!

Где-то хлопнула дверь, послышался беззаботный, залихватский свист. В дверях кухни появился Баст, в руках у него топорщилась охапка ветвей остролиста, завернутая в белую простыню.

Коут угрюмо кивнул и потер руки.

— Отлично! Теперь мы, значит... — тут его глаза сузились. — Ты что, взял хорошую простыню?!

Баст взглянул на сверток.

— Ну-у, Реши, — ответил он, — зависит от ситуации. У тебя есть похуже?

Трактирщик гневно сверкнул было глазами, потом вздохнул.

— Ладно, думаю, это неважно...

Он вытянул из свертка одну длинную ветку.

— И что теперь с этим делать?

Баст пожал плечами.

— Сам не знаю, Реши! Я только знаю, что, когда ситхе выезжали на охоту за кожаными плясунами, они надевали венки из остролиста...

— Нет, расхаживать в венках из остролиста мы не можем, — решительно ответил Коут. — Разговоры пойдут...

— А мне плевать, что там подумает местное мужичье! — проворчал Баст, принимаясь сплести вместе несколько длинных гибких веток. — Когда плясун забирается в твоё тело, ты становишься все равно что марионетка. Они могут заставить тебя откусить себе язык, если захотят!

Он приложил к голове наполовину сплетенный венок, примерил, наморщил нос.

— Ой, колется!

— В легендах, которые я читал, — заметил Коут, — говорится, что остролист также заточает их внутри тела, не давая выйти наружу.

— А что, разве нельзя просто носить на себе железо? — спросил Хронист. Двое, стоявшие за стойкой, удивленно воззрились на него, как будто почти забыли о его существовании. — Ну, в смысле если это фейелинг...

— Не надо так говорить! — с презрительной миной перебил его Баст. — «Фейелинг» звучит ужасно по-детски. Просто — «существо из феи». Фейен, если хотите.

Хронист немного поколебался, затем продолжал:

— Короче, если эта тварь проникнет в тело того, кто носит железо, ей ведь станет плохо, верно? И тогда она просто покинет тело, и все.

— Они могут заставить-тебя-откусить-себе-язык, — с расстановкой повторил Баст, как будто говорил с на редкость глупым ребенком. — Как только они окажутся внутри тебя, они могут твоей собственной рукой вырвать тебе твой собственный глаз так же легко, как ты срываешь ромашку. С чего ты взял, что они не могут заставить тебя снять браслет или, там, кольцо?

Он тряхнул головой и снова опустил глаза, вплетая в венок новую ярко-зеленую ветку.

— К тому же будь я проклят, если стану носить железо!

— Но если они могут покидать тело, — спросил Хронист, — отчего эта тварь просто не покинула тело того человека вчера вечером? Почему она не переметнулась в одного из нас?

Повисла длинная пауза. Наконец Баст сообразил, что оба его собеседника смотрят на него.

— Это вы у меня спрашиваете? — он скептически расхохотался. — Понятия не имею! Анпауэн! Последнего из плясунов выследили и убили сотни лет тому назад. Задолго до моего рождения. До меня дошли только легенды!

— Тогда откуда мы знаем, что она этого не сделала? — спросил Хронист медленно, словно ему не хотелось об этом говорить. — Вдруг она до сих пор здесь?

Он напряженно застыл у себя на стуле.

— Откуда нам знать, вдруг она сейчас в одном из нас?

— Похоже, она все-таки сдохла, когда умерло тело наемника, — сказал Коут. — Мы бы увидели, как она покидает тело.

Он покосился на Баста.

— Они ведь, кажется, выглядят как темная тень или столб дыма, когда находятся вне тела, верно?

Баст кивнул.

— И к тому же, если бы она выскочила наружу, она бы просто принялась снова убивать уже в новом теле. Обычно они ведут себя именно так. Переходят из тела в тело, пока все не погибнут.

Трактирщик успокаивающе улыбнулся Хронисту.

— Вот видите? Может быть, это даже не был плясун. Просто нечто подобное.

Вид у Хрониста был почти безумным.

— Но мы же не знаем наверняка! Она сейчас может быть в ком угодно, в любом из жителей городка!

— Ага, может, она вообще во мне, — небрежно заметил Баст. — Может, я только и жду, пока вы утратите бдительность, а потом возьму и укушу вас в грудь, прямо напротив сердца, и выпью из вас всю кровь. Высосу, точно мякоть из сливы!

Хронист поджал губы.

— Не смешно!

Баст поднял голову и улыбнулся Хронисту — широко, как рубаха-парень. Однако что-то с этой улыбочкой было не так. Она словно бы застыла на его лице — чуть дольше, чем надо. И была она чуть более широкой, чем следует. И взгляд его был направлен не на самого писца, а чуть в сторону.

Баст на миг застыл. Его пальцы перестали ловко сновать среди зеленых листьев. Он с любопытством посмотрел на собственные руки и уронил полусплетенный венчик на стойку. Улыбка медленно растаяла, лицо сделалось пустым и неподвижным, и он тупо обвел взглядом зал.

— Те вейан? — спросил он странным голосом. Глаза у него сделались стеклянные и невидящие. — Те-тантен вентеланет?

А потом Баст с головокружительной скоростью вылетел из-за стойки и устремился на Хрониста. Писец сорвался с места и сломя голову рванулся прочь. Он опрокинул пару столов и с полдюжины стульев, потом запутался в собственных ногах, рухнул на пол и бросился к выходу уже на четвереньках.

Ползя к двери, Хронист, бледный и перепуганный, решился оглянуться и обнаружил, что Баст сделал никак не более трех шагов. Теперь темноволосый юноша стоял у стойки, согнувшись в три погибели, и заливался безудержным хохотом. Одной рукой он закрывал лицо, другой указывал на Хрониста. Он буквально захлебывался смехом. Ему пришлось

ухватиться за стойку, чтобы не упасть.

Хронист был взбешен.

— Урод! — рявкнул он, с трудом поднимаясь на ноги. — У-у, ур-род!

Баст, по-прежнему захлебываясь смехом, вскинул руки и принялся потрясать растопыренными и скрюченными пальцами, точно ребенок, изображающий медведя.

— Баст! — одернул его трактирщик. — Довольно! Я серьезно.

Но хотя голос Коута звучал сурово, глаза у него искрились смехом. И губы подергивались в сдерживаемой улыбке.

Хронист с видом оскорбленного достоинства принялся расставлять по местам опрокинутые столы и стулья, гремя ими несколько громче, чем то было необходимо. Наконец он вернулся на свое прежнее место и напряженно уселся. К тому времени Баст уже стоял за стойкой, все еще тяжело дыша, всецело поглощенный плетением венка из остролиста.

Хронист гневно зыркнул на него и потер подбородок. Баст подавил смех, притворившись, что подкашливает.

Коут хохотнул и вытянул из пука остролиста еще несколько веток, добавив их к длинной гирлянде, которую плел. Он поднял голову, встретился взглядом с Хронистом.

— Да, пока не забыл: сегодня должны зайти люди, которые рассчитывают прибегнуть к услугам писца.

Хронист как будто удивился.

— Что, в самом деле?

Коут кивнул и вздохнул с досадой.

— Ну да. Новости уже разлетелись, тут уж ничего не поделаешь. Придется разбираться с ними по мере прихода. Хорошо еще, что все, кто способен держаться на ногах, до полудня будут заняты в поле, так что нам не придется беспокоиться об этом до тех пор, пока...

Тут трактирщик неловко согнул веточку остролиста, она сломалась, и острый шип вонзился в подушечку его пальца. Рыжеволосый не вздрогнул и не выругался, он только гневно нахмурился, глядя на руку. На пальце стремительно росла капелька крови, круглая и яркая, как ягода остролиста.

Трактирщик, насупившись, сунул палец в рот. Он уже не улыбался, глаза стали колючими и темными. Недоплетенную гирлянду из остролиста он отшвырнул в сторону жестом столь подчеркнуто небрежным, что это выглядело почти угрожающе.

Он снова обратился к Хронисту. Голос его звучал абсолютно спокойно.

— Я имею в виду, что нам лучше взяться за дело, пока никто не мешает. Но для начала вы, наверное, хотите позавтракать...

— Да, если вам не сложно, — кивнул Хронист.

— Совершенно не сложно, — сказал Коут, направляясь в кухню.

Баст проводил его взглядом. Вид у него был озабоченный.

— Ты бы снял с плиты сидр^[1] и поставил бы его студиться! — крикнул он вслед Коуту. — А то в прошлый раз получился не сок, а варенье какое-то! И я еще травок разных набрал, пока ходил. Они на кадушке для дождевой воды. Погляди там, не сгодятся ли они на ужин.

Оставшись одни, Баст и Хронист обменялись долгим взглядом поверх стойки. Единственным звуком, нарушившим тишину, было хлопанье задней двери.

Баст в последний раз покрутил в руках получившийся венок, разглядывая его со всех сторон. Поднес к лицу, словно собирался понюхать. Но вместо этого набрал полную грудь воздуха, зажмурился и подул на листья остролиста, так бережно, что они едва шевельнулись.

Баст открыл глаза, улыбнулся очаровательной виноватой улыбкой и подошел к Хронисту.

— На, держи! — сказал он, протягивая венок сидящему человеку.

Хронист не шелохнулся.

Баста это не смутило.

— Ты не заметил, тебе было не до того, потому что ты упал на четвереньки, — сказал он вполголоса, — но когда ты рванулся прочь, он рассмеялся. Смеялся от души, целых три секунды. У него такой чудный смех! Точно спелый плод. Точно музыка. Я уже несколько месяцев не слышал его смеха.

Баст снова протянул ему венок из остролиста и застенчиво улыбнулся.

— Так что это тебе. Я вложил в него все ведовство, какое знаю. Поэтому он надолго останется зеленым и не завянет куда дольше, чем ты мог бы представить. Я собрал остролист должным образом и сплел венок своими руками. Нарочно срывал, нарочно собирал, нарочно заплетал.

Он держал венок на вытянутой руке, точно смущенный подросток с букетом.

— Держи! Это дар от чистого сердца. Я вручаю его без умысла, без обязательств, без задних мыслей.

Хронист опасливо протянул руку и принял венок. Он посмотрел на него, повертел в руках. Красные ягоды гнездились в темной листве, точно самоцветы, а ветки были сплетены таким хитроумным способом, чтобы все шипы торчали наружу, а не внутрь. Хронист опасливо надел венок на голову, и тот сел как по мерке.

Баст ухмыльнулся.

— Многая лета владыке Безумия! — вскричал он, вскинув руки. И радостно рассмеялся.

Хронист тоже невольно улыбнулся и снял венок.

— Так что, — негромко спросил он, опуская руки на колени, — значит, между нами все улажено?

Баст озадаченно склонил голову набок.

— Прошу прощения?

Хронист, похоже, смутился.

— Ну, то, о чем ты говорил тогда... сегодня ночью...

Баст, похоже, удивился.

— О нет! — серьезно ответил он и покачал головой. — Нет-нет! Ни в коем случае! Ты мой, мой до мозга костей. Ты — орудие моего желания.

Баст оглянулся на дверь кухни, и лицо его исказила горькая гримаса.

— А чего я желаю — это ты знаешь. Заставь его вспомнить, что он не просто трактирщик, пекущий пирожки!

Последнее слово он словно выплюнул с отвращением.

Хронист нервно заерзал на стуле, глядя в сторону.

— Я до сих пор не понимаю, что я могу сделать...

— Ты сделаешь все, что сможешь. Ты вытащишь его из скорлупы, в которую он забился. Ты заставишь его пробудиться! — сказал Баст яростным шепотом.

Он положил руку на плечо Хрониста, голубые глаза прищурились — совсем чуть-чуть.

— Ты заставишь его вспомнить все! Понял?

Хронист колебался, потом взглянул на остролистный венок, лежащий у него на коленях, и чуть заметно кивнул.

— Я сделаю все, что смогу.

— А большего и никто из нас сделать не может, — сказал Баст, дружески хлопнув его по спине. — Кстати, как плечо?

Писец подвигал плечом. Движение выглядело странным и неуместным, потому что все его тело при этом осталось застывшим и неподвижным.

— Онемело. Холодное. Но не болит.

— Ну, этого и следовало ожидать. Я бы на твоём месте особо не тревожился.

Баст ободряюще улыбнулся ему.

— Ваша жизнь чересчур коротка, чтобы волноваться по пустякам!

Они сели завтракать. Картошкой, тостами, помидорами и яичницей. Хронист наелся от души. Баст лопал за троих. Коут суетился по хозяйству, бегал за дровами, топил печку для пирогов, разливал по кувшинам остывающий сидр.

Он как раз нес к стойке пару кувшинов, когда на деревянном крыльце послышался топот сапог — громче любого стука в дверь. И в следующую секунду в дверь вломился ученик кузнеца. Ему едва сравнялось шестнадцать, однако он уже был одним из самых высоких мужчин в городке, широкоплечий, с мощными руками.

— Привет, Аарон, — спокойно сказал трактирщик. — Прикрой дверь, а? А то на улице пыльно.

Пока ученик кузнеца закрывал дверь, трактирщик с Бастом в четыре руки дружно и сноровисто запихали большую часть остролиста за стойку. К тому времени, как ученик кузнеца снова обернулся в их сторону, Баст вертел в руках маленький недоплетенный веночек, пустяковую игрушку, какую плетут затем, чтобы руки не скучали без дела.

Аарон, похоже, не заметил, чтобы что-то изменилось. Он торопливым шагом подошел к стойке.

— Господин Коут, — возбужденно начал он, — не могли бы вы собрать мне еды на дорогу?

Он помахал пустым холщовым мешком.

— Картер говорит, вы должны знать, что к чему.

Трактирщик кивнул.

— У меня есть хлеб, сыр, колбаса и яблоки.

Он махнул Басту, тот взял мешок и убежал на кухню.

— А что, Картер куда-то собрался?

— И я тоже, — ответил мальчик. — Оррисоны едут в Трейю, овец продавать. И наняли нас с Картером их провожать, а то на дорогах беспокойно.

— В Трейю... — задумчиво повторил трактирщик. — До завтра не вернетесь, значит.

Ученик бережно положил на отполированную стойку красного дерева узкий серебряный бит.

— Картер еще надеется найти лошадь взамен Нелли. А если не сумеет добыть лошадь, то, наверно, примет королевскую монету.

Коут вскинул брови.

— Картер собирается завербоваться в армию?

Мальчик улыбнулся. Улыбка вышла одновременно насмешливой и угрюмой.

— А он говорит, коли он себе лошадь добыть не сумеет, тут ему все равно делать нечего. Говорит, в армии о тебе пекутся, кормят-поят, дают возможность повидать мир, и все такое.

Глаза у юноши возбужденно блестели, а лицо выражало нечто среднее между мальчишеским энтузиазмом и суровой мужской озабоченностью.

— А нынче тем, кто завербовался, платят не серебром, а золотом! Как подпишешь бумаги, тебе сразу выдают роял! Полновесный золотой роял, представляете?

Трактирщик помрачнел.

— Я смотрю, Картер не единственный, кто подумывает взять монету?

Он посмотрел юноше в глаза.

— Ну а что, роял-то — большие деньги! — лукаво усмехнулся ученик кузнеца. — А нам туго приходится, с тех пор как папаня мой помер и мамка перебралась из Рэнниша сюда.

— Ну, а мать твоя что говорит насчет того, что ты надумал завербоваться?

Лицо у парня вытянулось.

— Ой, только не берите ее сторону! — взмолился он. — Я-то думал, вы меня поймете! Вы ведь мужчина, вы должны знать, как следует вести себя с матерью.

— Я знаю, мальчик, что твоя мама предпочла бы, чтобы ты сидел дома, живой и здоровый, чем купался в золоте.

— Мне надоело, что все зовут меня «мальчиком»! — вспыхнув, отрубил ученик кузнеца. — В армии из меня выйдет толк! Как только мы принудим мятежников присягнуть на верность Кающемуся Королю, дела снова пойдут на лад. Налоги убавят. Семья Бентли не лишится своей земли. На дорогах станет безопасно...

Потом его лицо посуровело, и какой-то миг он уже совсем не казался мальчишкой.

— И мамке моей не придется сидеть и тревожиться за меня, когда я задержусь где-нибудь, — добавил он глухим голосом. — И она больше не будет просыпаться по три раза за ночь и проверять ставни на окнах и засов на дверях.

Аарон посмотрел трактирщику в глаза и расправил плечи. Когда он не сутулился, было видно, что он почти на голову выше трактирщика.

— Иногда мужчина должен вступить в бой за своего короля и свою

страну!

— А Роза? — негромко спросил трактирщик.

Юноша залился краской и смущенно потупился. Плечи его снова поникли — он сдулся, точно парус, потерявший ветер.

— Господи, неужели все всё знают?

Трактирщик дружески улыбнулся и кивнул.

— В таком городке, как этот, все тайное становится явным.

— Ну что ж, — решительно ответил Аарон, — я это делаю и ради нее тоже! Ради нас обоих. На королевское золото и те деньги, что я успел накопить, я смогу купить нам дом или открыть свою кузню, не обращаясь к ростовщикам.

Коут, казалось, хотел что-то сказать, но передумал. Он погрузился в задумчивость, чтобы как следует перевести дух, а потом заговорил, словно тщательно подбирая слова:

— Аарон, ты знаешь, кто такой Квоут?

Ученик кузнеца закатил глаза.

— Что я, дурак, что ли? Знаю, конечно! Мы же только вчера про него истории рассказывали, помните?

Он посмотрел за спину трактирщику, в сторону кухни.

— Слушайте, мне пора, а? А то Картер будет беситься, как мокрая курица, если я его...

Коут жестом остановил его.

— Аарон, давай заключим сделку. Выслушай то, что я тебе скажу, и ты получишь еду на дорогу бесплатно.

Он подвинул серебряный бит обратно к мальчику.

— А на это можешь привезти Розе из Трейи какой-нибудь подарок.

Аарон опасливо кивнул.

— Ну ладно...

— Так что тебе известно о Квоуте из тех историй, которые ты слышал? Каким ты его представляешь?

— Мертвым, каким же еще! — рассмеялся Аарон.

Коут слабо улыбнулся.

— А еще?

— Ну, он владел всякими тайными заклятьями, — начал Аарон. — Он знал шесть слов, которые нужно прошептать на ухо коню, чтобы заставить его проскакать сто километров без отдыха. Он умел обращать железо в золото и мог поймать молнию в четвертную бутылку и спрятать ее в кладовку. Он знал песню, что открывает любые замки, и мог одной рукой выбить прочную дубовую дверь...

Аарон замялся.

— На самом деле, конечно, все зависит от того, какая это история. В некоторых он хороший, этакий сказочный принц. Вот как-то раз он спас нескольких девушек от труппы людоедов...

Коут снова слабо улыбнулся.

— Да, я знаю.

— ...А в других историях он — настоящий ублюдок! — продолжал Аарон. — Он похитил тайную магию из Университета. За это его и выгнали... Ну, вы знаете. Да и Убийцей Короля его прозвали не за то, что он был искусен в игре на лютне.

Трактирщик перестал улыбаться, но кивнул.

— Это все верно. Но каким же он был?

Аарон слегка нахмурился.

— Ну, у него были рыжие волосы, если вы это имеете в виду. Об этом во всех историях упоминается. Он фехтовал как бес. Он был ужасно хитроумный. И настоящий златоуст, мог убедить кого угодно в чем угодно.

Трактирщик кивнул.

— Все верно. А теперь скажи: представь, ты был бы на месте Квоута и при этом ужасно хитроумным, как ты сказал. И вдруг за твою голову назначили награду в тысячу роялов и герцогский титул тому, кто ее отрубит. Как бы ты поступил?

Ученик кузнеца покачал головой и развел руками, явно не зная, что сказать.

— Ну так вот, — продолжал трактирщик, — я бы на его месте подстроил так, чтобы все считали меня мертвым, сменил имя и подыскал бы себе маленький городок в самой что ни на есть глуши. Открыл бы там трактир и сделал бы все, чтобы затеряться.

Он посмотрел на юношу в упор.

— Вот как поступил бы я.

Аарон взглянул на рыжие волосы трактирщика, бросил взгляд на меч, висящий за стойкой, и снова посмотрел в глаза трактирщику.

Коут медленно кивнул, потом указал на Хрониста.

— Этот человек не просто писец. Он нечто вроде историка. Он приехал сюда, чтобы записать подлинную историю моей жизни. Начало ты пропустил, но, если хочешь, можешь остаться и послушать остальное.

Он улыбнулся открытой улыбкой.

— Я могу поведать тебе истории, которые никто прежде не слышал. И никогда более не услышит. Истории о Фелуриан, о том, как адемы учили меня сражаться. Подлинную историю принцессы Ариэль...

Трактирщик протянул руку через стойку и коснулся руки мальчика.

— На самом деле, Аарон, ты мне очень дорог. Я считаю, что ты на редкость толковый парень, и мне не хотелось бы, чтобы ты пустил свою жизнь на ветер.

Он перевел дух и посмотрел ученику кузнеца прямо в глаза. Его собственные глаза сделались пронзительно-зелеными.

— Я ведь знаю, как началась эта война. Я знаю всю правду о ней. И когда ты услышишь, как все было, тебе уже не захочется отправиться и погибнуть на этой бойне.

Трактирщик указал на свободный стул у стола, рядом с Хронистом, и улыбнулся улыбкой столь непринужденной и обаятельной, как будто она и впрямь принадлежала сказочному принцу.

— Ну, что ты на это скажешь?

Аарон с серьезным видом уставился на трактирщика, взглянул на меч, снова опустил глаза.

— Но, если вы и в самом деле...

Мальчик не договорил, однако в его голосе слышался вопрос.

— Да, он самый, — мягко заверил его Коут.

— Тогда где же ваш плащ, не имеющий цвета? — ухмыльнулся ученик кузнеца.

Улыбка трактирщика мгновенно сделалась колючей и неприятной, точно осколок стекла.

— Ты путаешь Квоута с Таборлином Великим, — как ни в чем не бывало пояснил Хронист со своего места за столом. — Это у Таборлина был плащ, не имеющий цвета.

Аарон с озадаченным видом обернулся к писцу.

— А у Квоута тогда какой же?

— Плащ, сотканный из теней, — ответил Хронист. — Если я правильно помню.

Мальчик снова обернулся к стойке.

— Так вот, можете ли вы показать мне свой плащ, сотканный из теней? — спросил он. — Или волшебство какое-нибудь? Мне всегда хотелось увидеть какое-нибудь чудо. Ничего особенного: магическое пламя или там молнию какую-нибудь. Мне не хотелось бы вас утомлять понапрасну.

И прежде чем трактирщик нашелся, что ответить, Аарон разразился хохотом.

— Да ладно, мистер Коут, шучу я!

Он снова ухмыльнулся, шире прежнего.

— Господь и владычица, отродясь не слыхивал такого вранья, как вы! Уж на что мой дядюшка Альван был хорош, а и тот не смог бы нести подобную чушь с таким серьезным видом!

Трактирщик опустил глаза и буркнул что-то невнятное.

Аарон потянулся через стойку и опустил свою широкую ладонь на плечо Коута.

— Господин Коут, — ласково сказал он, — вы просто хотите мне добра, я понимаю. Я подумаю над тем, что вы сказали. Я вовсе не собираюсь поступать на службу прямо так, очертя голову. Я просто хочу обдумать и эту возможность тоже.

Ученик кузнеца грустно покачал головой.

— Ну, честное слово! А то сегодня с самого утра все на меня ополчились. Мамка говорит, что помирает от чахотки. Роза сказала, будто она беременна.

Он провел рукой по волосам и хихикнул.

— Но надо сказать, вы переплюнули всех!

— Ну, видишь ли... — Коут наконец сумел справиться с собой и просто улыбнуться. — Я должен был хотя бы попробовать, иначе как бы я стал смотреть в лицо твоей матери?

— Ну, у вас, может быть, что-нибудь и вышло бы, если бы вы удумали что-то поправдоподобнее, — сказал мальчик. — Но ведь у Квоута меч был серебряный, это все знают!

Он снова стрельнул глазами в сторону меча на стене.

— И звался он не «Глупость», а «Кайзера», убийца поэтов.

Услышав это, трактирщик слегка отшатнулся.

— Убийца поэтов?

Аарон упрямо кивнул.

— Да, сэр. И писец вот этот ваш правильно говорит. У него был плащ, сплошь сотканный из паутины и теней, и на каждом пальце он носил по кольцу. Как же там говорится?

И было пять колец на руке его,
Так в балладах о том говорят:
Кольцо из железа, кольцо из дерева,
Кости, камня и янтаря.
А на левой...

Ученик кузнеца нахмурился.

— Вот дальше не помню. Там что-то было про огонь...

Лицо трактирщика сделалось непроницаемым. Он окинул взглядом свои руки, неподвижно лежащие на стойке, и, помолчав, прочитал:

Еще говорят, пять колец незримых
Он носил на другой руке,
Одно — огонь без жара и дыма,
Другое — воздух в тугом витке,
Ледяное кольцо с небольшим изъямом,
Кольцо из крови, алой как мак,
О пятом кольце рассказать нельзя нам —
Ибо его не назвать никак.

(Стихи в переводе Вадима Ингвалла Барановского)

— Вот-вот, — улыбнулся Аарон. — Где же они у вас, эти кольца? Может, вы их под стойкой прячете?

И он привстал на цыпочки, словно пытаясь заглянуть за стойку.

Коут смущенно улыбнулся.

— Да нет. Нету их у меня.

Тут оба вздрогнули: Баст с размаху шваркнул на стойку холщовый мешок.

— Вот, нате, — резко сказал Баст. — Этого вам с Картером на пару дней с запасом хватит.

Аарон взвалил мешок на плечи и повернулся, чтобы уйти, потом остановился, замялся и оглянулся на двоих, стоявших за стойкой.

— Терпеть не могу просить об одолжениях... Старый Коб обещался приглядывать за моей мамкой, но...

Баст вышел из-за стойки и принялся подталкивать Аарона к двери.

— Я так думаю, что с ней все будет в порядке. Я и к Розе могу заглянуть, если хочешь.

Он ухмыльнулся широкой, сластолюбивой улыбочкой.

— А то вдруг ей будет грустно, одиноко...

— Да, пожалуйста, сделай милость! — сказал Аарон с облегчением. — А то она была так расстроена, когда мы расставались! Она действительно нуждается в утешении.

Баст, который уже протянул руку, чтобы распахнуть дверь трактира, замер на месте и недоверчиво уставился на широкоплечего парня. Потом

покачал головой и открыл-таки дверь.

— Ну ладно, ступай. Желаю тебе как следует поразвлечься в большом городе. Воды тамошней только не пей.

Закрыв дверь за Аароном, Баст уперся лбом в доски, как будто внезапно очень устал. «Она действительно нуждается в утешении», — повторил он, словно не веря собственным ушам.

— И я еще говорил, будто этот парень умный! Беру свои слова обратно.

Он снова развернулся к стойке и, обвиняющим жестом указывая на закрытую дверь, произнес, обращаясь ко всем присутствующим сразу:

— Вот что бывает, когда каждый день имеешь дело с железом!

Трактирщик невесело хохотнул и облокотился на стойку.

— Вот тебе и легендарный златоуст!

Баст презрительно фыркнул.

— Реши, да он просто придурок!

— И что, мне должно быть легче от того, что я даже придурка убедить не сумел?

Хронист неуверенно кашлянул.

— Да нет, это скорее говорит о том, что вы очень хорошо вошли в роль, — сказал он. — Вы так убедительно разыгрывали перед ними трактирщика, что они уже не могут представить вас никем другим.

Он обвел жестом пустой зал.

— По правде говоря, меня удивляет, что вы были готовы рискнуть своей здешней жизнью только ради того, чтобы спасти мальчишку от армии.

— Да было бы чем рисковать, — сказал трактирщик. — Разве это жизнь?

Он выпрямился, обошел стойку, подошел к столу, за которым сидел Хронист.

— Я ведь в ответе за каждого, кто погиб на этой дурацкой войне. Я просто надеялся спасти хотя бы одного из них. Но, похоже, мне даже это не по плечу.

Он рухнул на стул напротив Хрониста.

— На чем мы вчера остановились? Нет смысла повторяться, если можно без этого обойтись.

— На том, как ты призвал ветер и Амброз отчасти получил то, на что давно нарывался, — напомнил Баст, стоящий у дверей. — И на том, как ты раскис из-за своей ненаглядной.

Коут поднял голову.

— Я не раскисал, Баст!

Хронист взял свой плоский кожаный портфель и достал из него лист бумаги, на три четверти исписанный мелким, убористым почерком.

— Я могу зачитать последнюю часть, если хотите.

Коут протянул руку.

— Я достаточно хорошо помню ваш шифр, чтобы прочесть его самому, — устало сказал он. — Дайте сюда. Может быть, это поможет прокачать насос.

Он покосился на Баста.

— Если собираешься слушать, иди сюда и сядь. Я не хочу, чтобы ты нависал надо мной.

Баст поспешно уселся. Коут тем временем перевел дух и просмотрел последнюю страницу вчерашних записей. Трактирщик надолго умолк. Сначала он скептически поджал губы, но потом едва заметно улыбнулся.

Он задумчиво кивнул, не отрывая глаз от страницы.

— Большую часть своей короткой жизни я стремился попасть в Университет, — сказал он. — Мне хотелось попасть туда еще до того, как погибла моя труппа. До того, как мне стало известно, что чандрианы не просто одна из сказок, которую рассказывают вечером у костра. До того, как я принялся разыскивать амир.

Трактирщик откинулся на спинку стула, усталое выражение исчезло с его лица, он сделался задумчивым.

— Мне казалось, что, как только я попаду в Университет, дальше все будет просто. Я выучусь магии и получу ответы на все вопросы. Я думал, все будет просто, как в сказках.

Квоут улыбнулся немного смущенно, от чего его лицо на удивление помолодело.

— И, возможно, так бы оно и вышло, не будь я наделен особым даром наживать врагов и влипать в неприятности. Я хотел всего-навсего играть на лютне, посещать занятия и получать ответы на вопросы. В Университете было все, чего я хотел. И мне хотелось одного — остаться там.

Он кивнул, отвечая своим мыслям.

— Вот с этого мы и начнем.

Трактирщик вернул лист Хронисту, тот рассеянно разгладил его ладонью. Потом открыл чернильницу и обмакнул перо в чернила. Баст в нетерпении подался вперед, улыбаясь, как возбужденный ребенок.

Сверкающие глаза Квоута обвели помещение трактира, вбирая все, что он видел вокруг. Он глубоко вздохнул, неожиданно просиял и на миг сделался вовсе не похож на трактирщика. Взгляд у него стал светлый и

пронзительный, глаза зеленые, как молодая трава.

— Ну что, готовы?

ГЛАВА 3

УДАЧА

Каждая четверть в Университете начиналась одинаково: студенты тянули жребий, и за этим следовали экзамены. Экзамены были неким неизбежным злом.

Я не сомневаюсь, что изначально замысел был вполне разумный. Я мог себе представить, что в прежние времена, когда Университет был гораздо меньше, экзамены были нормальным собеседованием — возможностью обсудить с магистрами то, чему ты успел научиться. Диалогом. Дискуссией.

Но в наше время в Университете училось более тысячи студентов. Теперь магистрам было не до дискуссий. Вместо этого каждого из студентов забрасывали градом вопросов, на которые нужно было ответить в течение нескольких минут. Поскольку беседы длились недолго, всего один неверный ответ или секундное замешательство могли серьезно повлиять на твою плату за обучение.

Перед экзаменами студенты зубрили как одержимые. После них они напивались, чтобы отпраздновать удачу или смягчить горечь поражения. По этой причине на протяжении одиннадцати экзаменационных дней большинство студентов выглядели в лучшем случае замороченными и измотанными. В худшем же случае они слонялись по Университету, как шаркуны, посеревшие и с кругами под глазами от недосыпа, или с перепоею, или от того и другого сразу.

Мне лично казалось странным то, как серьезно относятся к экзаменам все остальные. Ведь подавляющее большинство студентов было из знати или из богатых купеческих семей. Для них высокая плата за обучение была не более чем неудобством — это означало, что у них останется меньше карманных денег, которые можно потратить на лошадей и на шлюх.

Для меня ставки были куда выше. После того как магистры назначат плату, изменить ее уже нельзя. Так что, если назначенная плата окажется чересчур высока для меня, я не смогу учиться в Университете, пока не найду, чем заплатить.

Первый день экзаменов всегда чуть-чуть смахивал на праздник. Экзаменационная лотерея проходила в первой половине дня. Это означало, что те несчастные, чей жребий выпадал на первый день, вынуждены были проходить собеседование всего несколько часов спустя.

К тому времени, как я пришел во двор, через него тянулись длинные очереди, а те студенты, кто уже успел попытать счастья, слонялись вокруг, жалуясь на судьбу и пытаясь продать, купить или обменять свой жребий.

Ни Вилема, ни Симмона нигде не было видно, так что я встал в ближайшую очередь, стараясь не думать о том, сколько денег у меня в кошельке: один талант и восемь йот. Некогда такие деньги показались бы мне немыслимым богатством. Но на оплату обучения этого не хватало...

Вокруг стояло множество тележек, с которых торговали сосисками и каштанами, горячим сидром и пивом. От ближайшей тележки несло теплой выпечкой и салом. Там продавались пирожки со свиной — для тех, кто мог себе это позволить.

Лотерея всегда проводилась в самом просторном из университетских дворов. Большинство звали его «двором наказаний», хотя те немногие, у кого память была более долгой, называли это место Залом Вопросов. Я же знал его под еще более древним названием: Чертог Ветра.

Я некоторое время смотрел на листья, несомые ветром по булыжной мостовой, а когда поднял голову, то увидел глядящую на меня Фелу. Она стояла мест на тридцать-сорок ближе к началу очереди. Фела дружески улыбнулась мне и помахала рукой. Я махнул ей в ответ, и она вышла из очереди и подошла ко мне.

Фела была красавицей. Из тех женщин, каких обычно видишь на картинах. Это не та утонченная, искусственная красота, которую можно часто встретить у знатных дам. Красота Фелы была природной и естественной: большие глаза и пухлые губы, которые всегда улыбались. Здесь, в Университете, где мужчин было вдесятеро больше, чем девушек, она выделялась среди прочих, как лошадь в овчарне.

— Можно я с тобой постою? — спросила она, подойдя ко мне. — А то там и поболтать не с кем, терпеть этого не могу.

Она одарила обаятельной улыбкой двоих парней, что стояли следом за мной.

— Я не лезу без очереди, — объяснила она, — я просто перешла из головы в хвост!

Парни возражать не стали, хотя их глаза так и бегали от меня на Фелу и обратно. Было очевидно, что они удивляются, отчего это одна из самых красивых девушек в Университете бросила свое место ради того, чтобы

постоять в очереди вместе со мной.

Хороший вопрос. Меня и самого это удивляло.

Я подвинулся в сторону, чтобы освободить ей место. Некоторое время мы молча стояли плечом к плечу.

— Ты чем будешь заниматься в этой четверти? — спросил я наконец.

Фела откинула назад волосы, упавшие ей на плечо.

— Наверно, буду и дальше работать в архивах. Химией буду заниматься. А Брандье позвал меня на математику многообразий.

Меня слегка передернуло.

— Там же одни цифры! Нет, мне такое не по зубам.

Фела пожала плечами, и ее длинные локоны, которые она только что откинула назад, воспользовавшись случаем, снова рассыпались, обрамляя лицо.

— Да нет, это все не так сложно, когда вникнешь. Больше похоже на игру, чем на что-либо другое.

Она вопросительно склонила голову.

— Ну а ты?

— Занятия в медике, — начал я. — Обучение и работа в артной. И симпатия тоже, если Дал меня возьмет. Кроме того, мне, наверное, стоит поплотнее заняться сиару.

— Ты говоришь на сиару? — удивленно спросила она.

— Объясниться могу, — ответил я. — Но Вил говорит, что грамматика у меня просто кошмарная.

Фела кивнула, потом искоса взглянула на меня, слегка прикусив губу.

— А еще Элодин предложил мне присоединиться к его группе, — сказала она глухим от волнения голосом.

— А что, Элодин ведет занятия? — спросил я. — Я думал, ему не разрешают преподавать.

— Ведет, с этой четверти, — сказала она, с любопытством взглянув на меня. — Я думала, что и ты с нами будешь. Разве не он высказался за то, чтобы сделать тебя ре'ларом?

— Он, — кивнул я.

— Ой... — она, похоже, смутилась, потом поспешно добавила: — Ну, наверное, он просто пока не успел тебя пригласить. Или планирует заниматься с тобой отдельно.

Я отмахнулся от последнего замечания, хотя и был уязвлен мыслью о том, что обо мне забыли.

— Да кто его знает, этого Элодина? — сказал я. — Если он не сумасшедший, значит, он лучший актер, какого я когда-либо встречал.

Фела хотела было сказать что-то еще, потом нервно оглянулась по сторонам и подалась ближе ко мне. Ее плечо коснулось моего, вьющиеся волосы щекотнули мне ухо — она вполголоса спросила:

— А это правда, что он сбросил тебя с крыши Череповки?

Я смущенно хохотнул.

— Это запутанная история, — сказал я и довольно неуклюже сменил тему: — А как называется предмет, который он ведет?

Фела потеряла лоб и разочарованно усмехнулась.

— Не имею ни малейшего представления! Он сказал, что название предмета — «Название предмета».

Она посмотрела на меня.

— Что это, вообще, значит? В расписании его надо будет искать под названием «Название предмета»?

Я честно сказал, что не знаю, ну а отсюда был всего один шаг до того, чтобы начать делиться анекдотами про Элодина. Фела рассказала, что один хранист отловил его в архивах голым. А я слышал, что он как-то раз целый оборот расхаживал по Университету с завязанными глазами. Фела слышала, что он придумал Целый новый язык с нуля. А мне рассказывали, что он затеял драку в какой-то занюханной таверне из-за того, что один из посетителей упорно говорил «питание» вместо «еда».

— Да, об этом мне тоже рассказывали! — рассмеялась Фела. — Единственное, что мне говорили, будто это случилось в «Лошади и четверке», а подрался он с баронетом, который то и дело говорил «более того».

Я и оглянуться не успел, как подошла наша очередь.

— Квоут, сын Арлидена, — сказал я. Женщина со скупающим лицом сделала пометку напротив моего имени, и я вытащил из черного бархатного мешочка гладкую костяную плашку. На ней значилось: «Повержение — полдень». Восьмой день экзаменов, времени на подготовку полно!

Фела вытянула свой жребий, и мы отошли от стола.

— А у тебя что? — спросил я.

Она показала мне свою плашку. Возжиганье, после четвертого колокола.

Это был на редкость удачный жребий в самом конце экзаменов.

— Ух ты! Поздравляю.

Фела пожала плечами и сунула плашку в карман.

— Мне-то все равно. Я и готовиться особо не буду. Чем дольше я занимаюсь, тем хуже сдаю. Только нервничать начинаю.

— Ну так поменяйся с кем-нибудь! — сказал я, указывая на

слоняющихся вокруг студентов. — За такое время наверняка кто-нибудь отвалит целый талант. Если не больше.

— Да ты знаешь, я и торговаться-то особо не умею, — ответила она. — Я просто считаю, что любой жребий, который мне попадется, — счастливый, за него и держусь.

Теперь, когда мы отстояли очередь, у нас уже не было причин оставаться вместе. Однако мне хотелось побыть с ней, да и она, похоже, не спешила уходить. Так что мы принялись бесцельно бродить по двору, в толпе.

— Слушай, я просто умираю с голоду! — сказала вдруг Фела. — Ты не хочешь сходить куда-нибудь пообедать?

Я мучительно осознал, насколько тощ мой кошелек. Будь там несколькими монетами меньше, пришлось бы положить в него камень, чтобы он не развеялся на ветру. У Анкера меня кормили бесплатно, за то, что я играю там на лютне. И тратить деньги на еду где-то еще, в особенности накануне экзаменов, было бы непростительным безрассудством.

— Да я бы с удовольствием, — честно ответил я. А потом солгал: — Но мне придется еще немного потолкаться здесь, чтобы попробовать с кем-нибудь поменяться жребиями. Я-то обожаю торговаться.

Фела порылась в кармане.

— Если тебе нужно лишнее время, пожалуйста, можешь взять мой.

Я посмотрел на костяную плашку, которую она держала в руке, испытывая большое искушение. Лишних два дня на подготовку — это же дар небес! С другой стороны, можно будет ее продать и заработать целый талант... А то и два...

— Да нет уж, — улыбнулся я, — не хочу я отбирать у тебя твою удачу. Ну а моя удача тебе и подавно ни к чему. Ты и без того была весьма щедра со мной.

И я многозначительно поправил плащ у себя на плечах.

Фела улыбнулась и провела костяшками пальцев по вороту плаща.

— Я рада, что он тебе нравится. Но я лично по-прежнему считаю, что я у тебя в долгу.

Она нервно прикусила губу и опустила руку.

— В общем, ты мне скажи, если передумаешь, ладно?

— Ладно.

Она снова улыбнулась, слегка махнула рукой и пошла прочь со двора. Смотреть, как она идет сквозь толпу, было все равно что наблюдать за порывом ветра, бегущим по глади пруда. Только ее сопровождала не рябь

на воде, а головы мужчин, оборачивающихся ей вслед.

Я все еще провожал ее взглядом, когда ко мне подошел Вилем.

— Ну что, на сегодня с флиртом покончено?

— Да я с ней вовсе не флиртовал, — возразил я.

— Ну что же ты так? — сказал он. — Зачем же я тогда вежливо ждал в сторонке и не мешал, если ты упускаешь такой счастливый случай?

— Да ладно тебе, — сказал я. — Мы просто болтали по-дружески.

— Ну да, конечно, — ответил Вил. Его сильный сельдский акцент делал насмешку еще более язвительной. — Тебе какое время выпало?

Я показал ему свою плашку.

— На день позже меня! — он показал свою. — Готов поменяться за йоту.

Я призадумался.

— Давай меняться! — настаивал он. — Ты же все равно не можешь заниматься в архивах как мы.

Я гневно зыркнул на него исподлобья.

— Твое сочувствие бьет через край!

— Сочувствие я лучше приберегу для тех, кому хватает ума не доводить до бешенства магистра архивов, — ответил он. — А для таких, как ты, у меня найдется только йота. Ну что, по рукам?

— Я предпочел бы получить две йоты, — ответил я, осматривая толпу в поисках студентов с безумно-ищущим взглядом. — Если, конечно, удастся.

Темные глаза Вилема сузились.

— Йота и три драба! — предложил он.

Я поглядел на него и решился.

— Хорошо, йота и три. И плюс еще ты возьмешь в партнеры Симмона в следующий раз, когда мы сядем играть в уголки!

Он расхохотался и кивнул. Мы обменялись плашками, и я сунул деньги в свой кошелек. «Талант и четыре йоты». Все-таки на шагок ближе. Немного поразмыслив, я сунул свою плашку в карман.

— Что, дальше меняться не будешь? — спросил Вил.

Я качал головой.

— Да нет, пожалуй. Оставлю это время за собой.

Он нахмурился.

— А зачем? Что ты будешь делать целых пять дней, кроме как дергаться да ковырять в носу?

— То же, что и все, — ответил я. — К экзамену готовиться буду.

— Как? — спросил он. — Тебе ведь до сих пор запрещено работать в

архивах, разве нет?

— Ну, готовиться можно по-разному, — с таинственным видом ответил я.

Вилем фыркнул.

— Сплошные тайны, — заметил он. — А ты еще удивляешься, отчего о тебе столько болтают!

— Что болтают — это меня совершенно не удивляет, — ответил я. — А вот интересно, что именно они обо мне говорят?

ГЛАВА 4

СМОЛА И ЖЕСТЬ

Город, разросшийся за прошедшие века вокруг Университета, был невелик. Так себе, небольшой городишко.

Несмотря на это, торговля на нашем конце Большого Каменного тракта процветала. Купцы телегами везли сюда сырье: смолу и глину, ульмарит, поташ и морскую соль. Везли предметы роскоши: ленаттский кофе, винтийское вино. Везли отличные черные чернила из Аруэха, чистый белый песок для наших стеклодувных работ и ювелирно изготовленные сильдийские пружины и винты.

Когда купцы отправлялись в обратный путь, они увозили полные телеги товаров, которые можно было купить только в Университете. Лекарства, изготовленные в медике. Настоящие лекарства, а не подкрашенную гнилую воду или грошовые чудо-снадобья. Алхимики производили свои собственные диковинки, о которых я слышал только краем уха, а кроме того — сырье: нефту, сернистую обманку и двойную известь.

Быть может, я предвзят, но, думаю, справедливо будет сказать, что большая часть зримых чудес Университета происходила из артефактной — линзы матового стекла, вольфрамовые слитки и гланская сталь, сусальное золото, тонкое, как бумажная салфетка.

Но мы создавали не только это. Симпатические лампы и телескопы. Теплоемы и жар-винты. Соляные насосы. Триметаллические компасы. Десятки разновидностей теккамова ворота и вала Делевари.

Все это изготавливали мы, артефакторы; и когда торговцы их приобретали, мы получали свои комиссионные: шестьдесят процентов по продаже. Это был мой единственный источник доходов. И, поскольку занятий во время экзаменов не было, я мог целыми днями работать в артной.

* * *

Я пришел в «хранение», кладовую, где артефакторы получали инструменты и материалы для работы, и увидел в окошке высокого

бледного студента с выражением крайней скуки на лице.

— Джаксим? — удивился я. — Ты что тут делаешь? Это же не твоего уровня работа!

Джаксим угрюмо кивнул.

— Килвин все еще... несколько недоволен мной, — сказал он. — Ну, ты знаешь. Из-за пожара и всего прочего.

— Сочувствую, — сказал я. Джаксим был полноправный ре'лар, как и я сам. Он имел право самостоятельно работать над любым количеством проектов. И рутинная работа вроде этого дежурства была не просто скучна: для Джаксима это было публичное унижение, и, кроме того, он терял на этом деньги и возможность продолжать свои опыты. В целом наказание вышло весьма и весьма суровое.

— Чего нам сейчас не хватает? — спросил я.

Выбирать, над чем стоит работать, тоже надо было уметь. Сделать самую яркую симпатическую лампу в истории артефакции или самый эффективный жаропровод еще мало. Пока их кто-нибудь не купит, ты на этом и пенни ломаного не заработаешь.

Для многих других артефакторов это была не проблема. Они могли позволить себе подождать. Мне же необходимо было что-то, что можно быстро продать.

Джаксим облокотился на разделявшую нас стойку.

— Только что ушел обоз, который увез все наши трюмные лампы, — сказал он. — Осталась только та, уродская, Вестоновой работы.

Я кивнул. Симпатические лампы идеально подходили для использования на кораблях — не бьются, в конечном счете оказываются дешевле масляных, и не приходится опасаться пожара.

Я произвел мысленные подсчеты. Лампы я могу делать по две одновременно, это сэкономит время за счет удвоения усилий, и к тому же можно быть уверенным, что их успеют продать до того, как мне придется вносить плату за обучение.

К сожалению, изготовление трюмных ламп было делом чрезвычайно нудным. Сорок часов кропотливого труда, а стоит мне допустить малейшую ошибку, и лампы просто не станут работать. И тогда за все потраченное время я лишь окажусь в долгу перед хранением за израсходованные впустую материалы.

Однако выбора особого не было.

— Ну что же, — сказал я, — тогда возьмусь за лампы.

Джаксим кивнул и открыл конторскую книгу. Я принялся по памяти перечислять все, что мне нужно.

— Двадцать излучателей средней мощности. Два набора высоких форм. Алмазный стилус. Тентеново стекло. Два средних тигля. Четыре унции олова. Шесть унций высшей стали. Две унции никеля...

Джаксим только кивал и записывал.

* * *

Восемь часов спустя я вошел в трактир Анкера. От меня несло раскаленной бронзой, смолой и угольным дымом. Время близилось к полуночи, и в зале никого не оставалось, кроме горстки самых завзятых выпивох.

— Хреново выглядишь, — заметил Анкер, когда я подошел к стойке.

— Я и чувствую себя не лучше, — ответил я. — В котле небось ничего не осталось?

Он покачал головой.

— Народ сегодня голодный был. У меня осталась холодная картошка, я ее хотел завтра бросить в похлебку. И еще половинка печеной тыквы, кажется.

— Беру! — сказал я. — Правда, к этому еще бы неплохо соленого маслица.

Он кивнул и отправился на кухню.

— Можешь не разогревать! — сказал я ему вслед. — Я просто возьму еду к себе в комнату.

Анкер вынес мне миску с тремя крупными картофелинами и половинкой румяной тыквы в форме колокола. В серединке тыквы, откуда выскоблили семечки, красовался щедрый кус масла.

— И бутылку бредонского пива, если можно, — сказал я, забирая миску. — Откупоривать не надо, а то еще разолью его на лестнице.

В мою комнатенку вели три лестничных пролета. Закрыв за собой дверь, я аккуратно перевернул тыкву, чтобы она накрыла собой миску, поставил сверху бутылку и завернул все вместе в мешковину. Получился сверток, который можно было нести под мышкой.

Я открыл окно и выбрался на крышу трактира. А оттуда перемахнул через узкий проулок на крышу пекарни.

Над горизонтом висел узкий месяц. Он давал достаточно света, чтобы видеть дорогу, и при этом меня не было особо заметно. Не то чтобы я сильно тревожился на этот счет. Близилась полночь, и на улицах было тихо. К тому же люди вообще на удивление редко смотрят вверх.

Аури сидела на широкой кирпичной трубе и ждала меня. Она была одета в платье, которое я ей купил, и рассеянно болтала босыми ногами, глядя на звезды. Ее волосы были такие тонкие и легкие, что стояли ореолом вокруг головы, малейший ветерок вздымал их вверх.

Я аккуратно наступил на середину плоского участка крыши, крытого железом. Кровельное железо негромко бухнуло у меня под ногой, словно далекий, приглушенный барабан. Аури прекратила болтать ногами и застыла, как испуганный кролик. Потом увидела меня и расплылась в улыбке. Я помахал ей.

Аури спрыгнула с трубы и подбежала ко мне. Волосы развевались у нее за спиной.

— Здравствуй, Квоут!

Она отступила на полшага.

— Ой, как от тебя воняет!

Я улыбнулся — самой неотразимой улыбкой за этот день.

— Здравствуй, Аури! — сказал я. — А от тебя пахнет хорошенькой юной девушкой.

— Ну да, конечно! — радостно улыбнулась она.

Аури сделала небольшой шагок вбок, потом вперед, покачнувшись на носочках босых ног.

— А что ты мне принес? — спросила она.

— А ты мне? — спросил я.

Аури лукаво усмехнулась.

— Я принесла яблоко, которое думает, будто оно груша, — ответила она, протягивая его мне. — И булочку, которая думает, будто она кошка. И салат, который думает, будто он салат.

— Какой разумный салат!

— Ничего подобного! — она вежливо фыркнула. — Разве это разумно — считать себя салатом?

— Даже если ты в самом деле салат? — спросил я.

— Особенно в этом случае! — сказала Аури. — Достаточно того, что ты и в самом деле салат. А еще и думать, будто ты салат, — как это ужасно!

Аури печально покачала головой, и ее волосы колыхнулись, как будто она находилась под водой.

Я развернул свой сверток.

— Ну а я принес тебе картошки, половинку тыквы и бутылку пива, которое думает, будто оно хлеб.

— А кем считает себя тыква? — с любопытством спросила Аури, глядя на еду. Руки она держала сцепленными за спиной.

— Тыква знает, что она тыква, — ответил я. — Но делает вид, будто она заходящее солнце.

— А картошка? — спросила Аури.

— Картошка спит, — ответил я. — К тому же, боюсь, она холодная.

Аури ласково посмотрела на меня.

— Не бойся, — сказала она и на мгновение коснулась моей щеки самыми кончиками пальчиков. Прикосновение ее было легче перышка. — Я с тобой. Ты в безопасности.

* * *

Ночь выдалась прохладная, поэтому мы не стали ужинать на крыше, как обычно. Аури повела меня вниз, через железную сливную решетку, в лабиринт ходов под Университетом.

Она несла бутылку и держала перед собой какую-то вещь размером с монетку, испускающую мягкий зеленоватый свет. Я нес миску и симпатическую лампу, которую изготовил для себя, — Килвин называл ее «воровской». Ее красноватый свет странно сливался и смешивался с более ярким голубовато-зеленым светом от светильника Аури.

Аури привела нас в тоннель, где вдоль стен тянулись трубы всех видов и размеров. По некоторым железным трубам шел горячий пар, и, несмотря на то что они были обмотаны изолирующей тканью, от них исходил жар. Аури аккуратно разложила картошку на изгибе трубы, ткань с которой была содрана. Получилась такая небольшая печурка.

Мы постелили мешковину вместо скатерти, уселись на землю и принялись ужинать. Булочка слегка зачерствела, зато она была с орешками и с корицей. Кочан салата оказался на удивление свежий — интересно, где она его раздобыла? Мне Аури дала фарфоровую чашку, а себе взяла серебряную плошечку. Пиво она разливала так торжественно, что можно было подумать, будто она угощает чаем самого короля.

За едой болтать было нельзя. Это было одно из тех правил, которые я выучил методом проб и ошибок. Не прикасаться. Не делать резких движений. Не задавать личных вопросов — даже тех, что касаются ее лишь косвенно. Например, я не мог спросить про салат или про зеленую монетку. От этого она немедленно срывалась и убегала в тоннель, и я потом не видел ее по несколько дней.

По правде говоря, я не знал даже ее настоящего имени. «Аури» было имя, которое я придумал для нее сам, но в душе я думал о ней как о своей

маленькой лунной феей.

Аури, как и всегда, кушала очень изящно. Она сидела выпрямившись и откусывала по маленькому кусочку. У нее была ложка, которой мы ели печеную тыкву, по очереди передавая ее друг другу.

— А лютню ты не принес, — сказала она после того, как мы поели.

— Сегодня мне нужно читать, — объяснил я. — Но скоро я ее принесу.

— Когда?

— Через шесть ночей, считая с нынешней, — сказал я. К тому времени я так или иначе сдам экзамен, и заниматься дальше будет бессмысленно.

Ее крошечное личико насупилось.

— Шесть дней — это до-олго, — сказала она. — Скоро — это завтра!

— Для камня шесть дней — это скоро, — возразил я.

— Вот и сыграй для камня через шесть дней, — ответила она. — А для меня сыграй завтра!

— Мне кажется, ты можешь шесть дней побыть камнем, — сказал я. — Это же лучше, чем салатом?

Она улыбнулась.

— Ну да, лучше.

После того как мы доели яблоко, Аури повела меня через Подовсе. Мы тихо миновали Киванье, в три прыжка преодолели Скачки и наконец оказались в Поддевале, лабиринте тоннелей, где постоянно дул слабый, но ровный ветер. Наверное, я бы и сам нашел дорогу, но я предпочитал, чтобы меня провожала Аури. Она знала Подовсе, как лудильщик знает свои мешки.

Да, Вилем был прав. Меня изгнали из архивов. Я всегда имел склонность лезть именно туда, куда меня не пускают. Увы и ах.

Архивы представляли собой огромное каменное здание без окон. Однако же находящимся внутри студентам требовалась вентиляция, чтобы дышать, а книгам — тем более. В слишком влажном воздухе книги сгниют и заплесневеют. В слишком сухом бумага и пергамент сделаются хрупкими и начнут рассыпаться.

У меня ушло немало времени на то, чтобы понять, откуда в архивы проникает свежий воздух. Но даже когда я нашел нужный тоннель, попасть в него оказалось не так просто. Нужно было ползти по кошмарно узкому проходу целую четверть часа, брюхом по грязному камню. Я держал в Подовсе смену одежды, и после десятка таких вылазок она оказалась изорвана в хлам, колени и локти стерлись начисто.

И тем не менее это была не такая уж высокая плата за доступ в архивы.

А вот если бы я попался, плата могла оказаться непомерно высокой. Исключение — это как минимум. Однако если бы я провалил экзамены и мне назначили плату в двадцать талантов, это было бы равносильно исключению. В общем, что со мной об пень, что пнем об сову.

И тем не менее я не особенно тревожился, что меня поймают. Света в Хранилище не было, только те лампы, что носили при себе студенты и хранисты. Это означало, что в архивах царила вечная ночь, а ночью я всегда чувствовал себя увереннее всего.

ГЛАВА 5

«ЭОЛИАН»

Дни тянулись один за другим. Я работал в артной, пока пальцы не немели, а потом читал в архивах, пока буквы перед глазами не начинали расплываться.

На пятый день экзаменов я наконец доделал свои трюмные лампы и сдал их в хранение, надеясь, что их быстро удастся продать. Я хотел было взяться за вторую пару, но понял, что не сумею их закончить до того, как придет время платить за учебу.

Поэтому я принялся добывать деньги другими способами. Я отыграл у Анкера лишний вечер, заработал себе бесплатную выпивку и горсть мелочи от благодарных слушателей. Я работал в артной, изготавливая всякую необходимую мелочовку вроде латунных шестеренок или стекла удвоенной прочности. Такой товар приобретала сама мастерская, платили за него немного, но хоть что-то.

Потом, поскольку мелочи мне не хватало, я изготовил два набора желтых излучателей. Симпатическая лампа с такими излучателями дает приятный желтый свет, очень близкий к солнечному. Они и стоили вдвое дороже, потому что их изготовление требовало использования опасных материалов.

Тяжелые металлы и летучие кислоты — это еще цветочки. По-настоящему опасными были редкие алхимические соединения — транспортирующие средства, которые проникают сквозь кожу, не оставляя ни малейших следов, а потом потихоньку выедают кальций из костей. Или другие вещества, которые просто бродят в крови, месяцами ничем не выдавая своего присутствия, а потом у тебя вдруг начинают кровоточить десны и выпадать волосы. Короче, в алхимическом комплексе изготавливали такое, что по сравнению с этим мышьяк — все равно что сахарок, который вы кладете в чай.

Я был крайне осторожен, но во время работы над вторым набором излучателей мое тентеновое стекло лопнуло, и крошечные капельки транспортирующего средства забрызгали стеклянный колпак вытяжки, под которой я работал. На кожу мне не попало, но одна капля упала мне на рубашку, над раструбами рабочих кожаных перчаток.

Я осторожно взял лежавший под рукой кронциркуль, защипнул им

ткань рубашки и оттянул ее подальше от тела. Потом неуклюже вырезал кусок рукава, чтобы опасное вещество не имело ни малейшего шанса коснуться моей кожи. Под конец я весь вспотел и трясся. Я пришел к выводу, что есть и лучшие способы зарабатывать деньги.

Я за йоту подменял своих товарищей на дежурстве в медике и помог купцу разгрузить три телеги извести, по полпенни за каждую. В тот же вечер я познакомился с компанией игроков-головорезов, которые усадили меня играть с ними в воздуха. За пару часов я ухитрился просадить восемнадцать пенни и еще немного железной мелочи. И, хотя мне смертельно хотелось отыграться, я заставил себя встать и уйти, пока дело не зашло слишком далеко.

В результате всех предпринятых усилий в кошельке у меня оказалось меньше, чем было изначально.

По счастью, у меня в запасе был еще один способ.

* * *

Я шагал по широкой мощеной дороге, направляясь в Имре.

Со мной были Симмон и Вилем. Вил в конце концов продал свой поздний жребий какому-то отчаявшемуся хранисту, выручив на этом кругленькую сумму, так что они оба уже покончили с экзаменами и были беззаботны, как котята. Вилу назначили плату в шесть талантов восемь йот. Сим до сих пор упивался тем, что с него потребовали всего пять талантов две йоты.

У меня в кошельке был один талант и три йоты. Ничего хорошего это не сулило.

Четвертым в нашей компании был Манет. Его растрепанная седая шевелюра и мятая, как всегда, одежда придавали ему несколько очумелый вид, словно он только что вскочил с постели и не может понять, где находится. Мы взяли его с собой отчасти потому, что нам нужен был четвертый для уголков, отчасти же потому, что считали своей обязанностью хоть изредка вытаскивать бедолагу из Университета.

Мы миновали высокую арку Каменного моста, перешли реку Омети и вступили в Имре. Осень была на исходе, и я кутался в плащ, чтобы не простыть. Лютню я удобно пристроил у себя за спиной.

Дойдя до центра Имре, мы миновали просторный, вымощенный булыжником двор и обогнули находящийся в центре фонтан, украшенный статуями сатиров, гоняющихся за нимфами. Фонтан журчал, ветер

разносил брызги. Мы присоединились к очереди, тянущейся к дверям «Эолиана».

Когда мы подошли к дверям, я с изумлением обнаружил, что У входа стоит не Деоч, а какой-то приземистый мрачный дядька с толстой шеей. Он протянул руку:

— С вас йота, юный сэр!

— Извините... — я сдвинул в сторону ремень футляра от лютни и показал ему серебряные дудочки, приколотые к плащу, и указал на Вила, Сима и Манета: — Эти со мной!

Он подозрительно сощурился, уставившись на дудочки.

— Что-то вы больно молоды! — сказал он, зыркнув на мое лицо.

— Да, я ужасно молод, — небрежно сказал я. — Это часть моего личного обаяния.

— Слишком молоды, чтобы носить дудочки, — уточнил он. Это прозвучало как вежливое обвинение.

Я заколебался. Я выглядел достаточно взрослым для своих лет, но это означало лишь, что я выгляжу несколько старше своих пятнадцати. Насколько мне было известно, я оставался самым юным музыкантом в «Эолиане». Как правило, это работало на меня, я был здесь чем-то вроде диковинки. Но теперь...

Не успел я придумать, что ответить, как из очереди позади нас сказали:

— Дудочки настоящие, Кетт.

Высокая женщина со скрипичным футляром кивнула мне.

— Он их заработал, пока тебя не было. Он серьезный музыкант.

— Спасибо, Мари, — сказал я.

Привратник пустил нас внутрь.

Мы нашли себе столик у дальней стены, с хорошим видом на сцену. Я окинул взглядом лица соседей и подавил привычный укол разочарования: Денны нигде видно не было.

— А что это там такое в дверях творится? — спросил Манет, озираясь по сторонам, разглядывая сцену и высокий сводчатый потолок. — Неужто люди платят деньги за то, чтобы войти сюда?

Я уставился на него.

— Ты пробыл в Университете тридцать лет и ни разу не бывал в «Эолиане»?!

— Ну, знаешь, — он неопределенно развел руками, — все как-то не до того было. Я на этой стороне реки не так уж часто бываю.

Сим расхохотался и сел за стол.

— Манет, разреши, я объясню в доступных тебе терминах. Если бы

существовал музыкальный Университет, вот это бы он и был, а Квоут был бы полноправным арканистом.

— Неудачная аналогия, — возразил Вил. — Это скорее двор музыкального королевства, а Квоут — один из местной знати. Мы попали сюда в качестве его свиты. Собственно, ради этого мы и терпим его присутствие так долго.

— Что, целую йоту только за то, чтобы сюда войти? — спросил Манет. Я кивнул.

Манет уклончиво хмыкнул, озираясь по сторонам и глядя на разодетых дворян, собравшихся на балконе.

— Ну что ж, — сказал он, — век живи — век учись.

* * *

«Эолиан» только начинал наполняться, так что мы проводили время, играя в уголки. Игра шла по маленькой, по драбу за сдачу, по два за подставу, но при моем тощем кошельке любые ставки были высоки. По счастью, Манет играл с точностью часового механизма: никаких потерянных взяток, никаких безумных заявок, никаких ходов наудачу.

Симмон угощал всех первым, Манет — вторым. К тому времени, как огни в «Эолиане» начали тускнеть, мы с Манетом обошли их на десять сдач, в основном благодаря тому, что Симмон имел склонность зарываться и перезаказывать. Я с мрачным удовлетворением опустил в карман лишнюю медную йоту. «Один и четыре».

На сцену поднялся немолодой мужчина. Станчион коротко представил его, и он заиграл на мандолине немислимо прелестную версию «Поздних дней Таэтне». Пальцы у него были легкие и проворные и уверенно бегали по струнам. Но голос...

С возрастом многое портится. Костенеют руки и спины. Тускнеет взгляд. Грубеет кожа, и красота увядает. Единственное исключение — это голос. Если о нем заботиться должным образом, по прошествии лет и при постоянной практике голос становится только слаще. Его голос был как сладкое медовое вино. Он закончил песню под громкие аплодисменты. Секунду спустя снова вспыхнул свет, и зал наполнился гулом бесед.

— Между выступлениями делаются перерывы, — объяснил я Манету, — чтобы люди могли поговорить, побродить по залу, выпить. Но если ты вздумаешь болтать во время чьего-то выступления, тебя не спасет даже сам Тейлу со всеми своими ангелами.

Манет обиженно фыркнул.

— Не беспокойся, я вас не опозорю! Что ж ты думаешь, я совсем уж варвар?

— Да нет, я просто предупреждаю, — сказал я. — Ты вот предупреждал меня о том, что опасно делать в артефактной. А я тебя предупреждаю о том, что опасно делать здесь.

— А у него лютня другая, — заметил Вилем. — Поменьше твоей и звучит иначе.

Я сдержал улыбку и решил не заострять на этом внимание.

— Такая разновидность лютни называется мандолиной, — объяснил я.

— Ну а ты, ты ведь будешь играть? — спросил Симмон, ерзая на стуле, точно нетерпеливый щенок. — Сыграй ту песенку, что ты сочинил про Амброза, а?

Он замурлыкал мелодию, потом принялся напевать:

Мул магии обучен, науки превзошел —
Ведь он не то что Розы, он лишь полуосел.

Манет фыркнул в кружку. Даже Вилем улыбнулся.

— Нет уж, — твердо ответил я. — С Амброзом покончено. С моей точки зрения, мы полностью квиты.

— Ну да, конечно! — с непроницаемым видом сказал Вилем.

— Нет, серьезно, — возразил я. — Мне с этого никакой пользы. Эта наша грызня только сердит магистров, и все.

— «Сердит» — это мягко сказано, — сухо заметил Манет. — Я бы выразился точнее.

— А по-моему, ты ему задолжал! — сказал Сим, гневно сверкая глазами. — И к тому же вряд ли тебя обвинят в «поведении, не подобающем члену арканума» только за то, что ты споешь какую-то песенку!

— Нет, конечно, — сказал Манет. — Просто повысят ему плату, и дело с концом.

— Как? — воскликнул Симмон. — Но они же не могут этого сделать! Плата ведь назначается по результатам экзаменационного собеседования!

Манет гулко фыркнул в кружку.

— Собеседование — всего лишь часть игры. Из тебя выдоят лишку, если ты можешь себе это позволить. И если ты доставляешь им лишние хлопоты — тоже.

Он серьезно взглянул на меня.

— И тебе на этот раз влетит сразу с двух сторон. Сколько раз ты побывал на рогах за последнюю четверть?

— Дважды, — признался я. — Но во второй раз я на самом деле был ни в чем не виноват!

— Ну да, конечно! — Манет посмотрел на меня в упор. — Именно поэтому тебя связали и высекли? Потому что ты был ни в чем не виноват?

Я неловко поерзал на стуле, чувствуя, как тянут полузажившие шрамы вдоль спины.

— Ну, почти не виноват, — поправился я.

Манет пожал плечами, отменяя мое возражение в сторону.

— Дело даже не в том, виноват ты или нет. Дерево не виновато в том, что случилась гроза, но каждый дурак знает, куда ударит молния.

Вилем серьезно кивнул.

— Ну да, как у нас говорят: самый длинный гвоздь забьют первым.

Он нахмурился.

— На сиару это звучит лучше...

Сим явно встревожился.

— Но все равно же львиная доля назначенной платы зависит от результатов экзамена?

Судя по его тону, Сим даже не задумывался о том, что в уравнение может входить личная неприязнь или политика.

— По большей части — да, — признал Манет. — Однако же каждый из магистров сам решает, какие вопросы задать, и результат зависит от каждого из них.

Он принялся загибать пальцы.

— Хемме тебя не любит, а когда речь идет о неприязни, он может унести вдвое больше собственного веса. Лоррену ты сам не угодил, и так оно с тех пор и идет. Ты вечно во что-то влипаешь. В конце прошлой четверти ты пропустил почти целый оборот занятий. Причем не предупредил заранее и не объяснился потом.

Он многозначительно взглянул на меня.

Я потупился, четко сознавая, что в числе пропущенных занятий была моя учеба в артефактной под руководством Манета.

После паузы Манет пожал плечами и продолжал:

— А главное, на этот раз тебя будут экзаменовать как ре'лара. Чем выше ранг, тем выше плата. Собственно, поэтому я до сих пор и хожу в э'лирах.

Он пристально взглянул на меня.

— Хочешь, угадаю? Тебе очень повезет, если тебе назначат меньше десяти талантов.

— Десять талантов! — Сим втянул воздух сквозь зубы и сочувственно покачал головой. — Хорошо еще, что у тебя есть куча денег!

— Увы, совсем не куча, — вздохнул я.

— Ну как же? — удивился Сим. — После того как Амброз разбил твою лютню, магистры оштрафовали его почти на двадцать талантов. Куда же ты девал такие деньги?

Я посмотрел вниз и ласково дотронулся ногой до футляра с лютней.

— На новую лютню? — в ужасе переспросил Сим. — Целых двадцать талантов? Да ты знаешь, что можно купить на двадцать талантов?

— Лютню? — предположил Вилем.

— Я даже не думал, что инструмент может стоять таких денег! — признался Симмон.

— Еще и не таких денег, — сказал Манет. — Инструменты ведь все равно что лошади.

На этом месте в разговоре произошла заминка. Вилем с Симом непонимающе уставились на Манета.

Я расхохотался.

— Да, это удачное сравнение!

Манет кивнул с умным видом.

— Понимаете, лошади бывают разные. Можно купить заезженную старую клячу меньше, чем за талант. А можно — вольдера с красивым ходом за сорок.

— Ну да, как же! — хмыкнул Вил. — Чистокровный вольдер дороже стоит!

Манет улыбнулся.

— Вот именно. Сколько бы денег ни стоила самая дорогая лошадь, какую вы знаете, ровно столько же может стоять хорошая арфа или скрипка.

Симмон, похоже, был ошеломлен.

— Но мой отец как-то раз уплатил за кепсанского рысака двести пятьдесят чистыми!

Я повернулся и указал пальцем.

— Видишь вон того блондина? Так его мандолина стоит вдвое дороже.

— Но-о... — протянул Симмон. — Но у лошадей же родословная! От нее можно получить жеребенка и продать его...

— У этой мандолины тоже родословная, — возразил я. — Она работы самого Антрессора. На ней играют уже сто пятьдесят лет.

Я смотрел, как Сим переваривает информацию, обводя взглядом все инструменты в зале.

— И все равно, — сказал Сим, — двадцать талантов...

Он покачал головой.

— Ну что тебе стоило подождать до экзаменов? А потом уж ты мог бы потратить на лютню то, что останется!

— Мне нужна была лютня, чтобы играть у Анкера, — объяснил я. — У меня там комната и бесплатный стол. Если не играть, негде будет жить.

Это была правда, но не вся правда. Конечно, если бы я объяснил, в чем дело, Анкер сделал бы мне поблажку. Но если бы я стал ждать, мне бы почти два оборота пришлось прожить без лютни. Все равно что без ноги или без зуба. Все равно что прожить два оборота с зашитым ртом. Это было немыслимо.

— И потом, я не все потратил на лютню, — сказал я. — У меня были и другие расходы.

Собственно, я расплатился с гелет, у которой занимал деньги. На это ушло шесть талантов, однако, рассчитавшись с Деви, я почувствовал себя так, словно с груди у меня сняли тяжеленный груз.

Однако теперь я предчувствовал, как тот же груз вот-вот опустится на меня вновь. Если Манет прав хотя бы наполовину, дело обстоит хуже, чем я думал.

По счастью, свет вновь погас, и зал затих, избавив меня от дальнейших объяснений. Мы обернулись к сцене — Станчион вывел на нее Мари. Он немного поболтал с сидящими поблизости слушателями, пока она настраивала скрипку, потом шум в зале понемногу улегся.

Мари мне нравилась. Она была выше большинства мужчин, гордая как кошка и говорила минимум на четырех языках. Большинство живущих в Имре музыкантов изо всех сил старались угнаться за последней модой, надеясь сойти за знатных господ, но Мари всегда носила простую дорожную одежду. Штаны, в которых можно целый день проработать в поле, башмаки, в которых можно прошагать тридцать километров.

Нет, вы не подумайте, что она одевалась в какую-то поношенную дерюгу. Она просто не любила моды и роскоши. Ее одежда явно была пошита по мерке, плотно облегала и подчеркивала ее фигуру. Сегодня Мари была одета в вишневое с коричневым, цвета своей покровительницы, леди Джейл.

Мы уставились на сцену.

— Надо признаться, — негромко сказал Вилем, — что с Мари я бы познакомиться не отказался.

Манет негромко хохотнул.

— Мари тянет на полторы женщины, — сказал он. — А это значит, что она впятеро более женщина, чем любая, с которой вы знаете, что делать.

В другое время мы бы немедленно принялись бахвалиться, доказывая, что он не прав. Но Манет сказал это без капли ехидства, и потому мы промолчали. Тем более что он, по всей вероятности, был прав.

— Нет, она не по мне, — заметил Симмон. — У нее всегда такой вид, словно она собирается с кем-то бороться. Или коня на скаку остановить.

— Да уж, она такая, — снова хохотнул Манет. — Живи мы в иную, лучшую эпоху, вокруг такой женщины, как она, возвели бы храм!

Мы умолкли: Мари закончила настраивать скрипку и заиграла нежное рондо, спокойное и ласковое, как весенний ветерок.

Я не успел сказать об этом Симмону, однако он был прав — как минимум наполовину. Как-то раз в «Кремне и чертополохе» Мари заехала в челюсть какому-то мужику, который обозвал ее «языкастой сучкой со скрипочкой». А когда он упал, еще и ногой добавила. Но только один раз и ничего серьезного ему не отбила.

Мари играла все то же рондо, его спокойный, медленный темп постепенно ускорялся, и вот оно уже понеслось вскачь. Это была одна из тех мелодий, под которую берется танцевать только тот, кто на диво легконог или пьян до изумления.

А Мари все ускоряла темп, так что теперь уж никому бы и не пришло в голову танцевать под эту музыку. Мелодия летела, точно дети, несущиеся наперегонки. Я дивился тому, как ловко и проворно бегают ее пальцы, ни разу не сбившись, невзирая на бешеный темп.

Еще быстрее. Точно олень, убегающий от гончих. Я начинал нервничать, зная, что рано или поздно она непременно собьется, споткнется, сфальшивит — это лишь вопрос времени. Но она каким-то чудом продолжала играть, и каждая нота звучала все так же отточенно, звонко и нежно. Мелькающие пальцы высоко выгибались над грифом. Запястье правой руки было лениво расслаблено, невзирая на немыслимую скорость.

Еще быстрее. Ее лицо было сосредоточенным. Правая рука выглядела размытой. Еще быстрее. Все ее тело напряглось, длинные ноги уверенно попирали пол сцены, скрипка прижималась к подбородку. Каждая нота звучала чисто, как утренний птичий щебет. Еще быстрее!

Она закончила мощным, звучным аккордом, так и не сделав ни единой ошибки. Я вспотел, точно загнанная лошадь, сердце у меня отчаянно колотилось.

И не у меня одного. У Вила и Сима тоже блестели лбы от пота.
А у Манета побелели костяшки — так сильно он стискивал край стола.
— Тейлу милосердный! — выдохнул он. — Это тут каждый вечер так играют?

Я улыбнулся в ответ.

— Вечер только начался. Ты еще не слышал, как играю я!

* * *

Вилем заказал круговую, и разговор перешел на пустые университетские сплетни. Манет пробыл в Университете дольше доброй половины магистров, а потому знал больше скандальных историй, чем все мы трое вместе взятые.

Лютнист с окладистой седой бородой сыграл впечатляющую версию «Эн Фейеан Мори». Потом две очаровательные дамы, одна лет за сорок, а вторая достаточно молодая, чтобы быть ее дочерью, — спели дуэт о Ланиэль Вновь Юной, которого я никогда прежде не слышал.

Снова вызвали на сцену Мари. Она сыграла простенькую джигу, но с таким воодушевлением, что кое-кто пустился в пляс между столов. Во время последнего припева Манет тоже вскочил, и мы с удивлением обнаружили, что он отличный плясун. Мы подбадривали его, хлопая в ладоши, и когда музыка закончилась, он плюхнулся на место, покрасневшись и запыхавшись.

Вил купил ему выпивку, а Симмон возбужденно обернулся ко мне.

— Нет, — твердо ответил я. — Не буду я ее играть. Я же сказал.

Симмон сник. Он выглядел таким разочарованным, что я не удержался от смеха.

— Знаешь что? Прогуляюсь-ка я по залу. Если найду Трепе, попробую его подбить.

Я принялся медленно пробираться через толпу. Краем глаза я высматривал Трепе, но на самом деле разыскивал Денну. Я не видел, чтобы она входила в зал, но за музыкой, картами и разговорами я ее мог попросту прозевать.

У меня ушла четверть часа на то, чтобы методично обыскать переполненный главный зал, заглядывая в лицо каждому из гостей и останавливаясь по пути поболтать с некоторыми музыкантами.

Я как раз поднялся на второй этаж, и тут огни снова потухли. Я пристроился у перил и стал слушать иллийского флейтиста, который

наигрывал печальную, ритмичную мелодию.

Когда снова вспыхнул свет, я обыскал второй этаж «Эолиана» — широкий балкон в форме полумесяца. Мои поиски были чем-то вроде ритуала. Искать Денну стало для меня тренировкой на тщетность, вроде молитвы о хорошей погоде.

Однако сегодняшний день стал исключением из правил. Слоняясь по второму этажу, я увидел ее идущей под руку с высоким темноволосым господином. Я слегка изменил свой маршрут между столиков, чтобы встретиться с ними как бы невзначай.

Денна заметила меня полминуты спустя. Она расплылась в широкой радостной улыбке, освободила руку из-под руки своего спутника и поманила меня к себе.

Мужчина рядом с ней был горд как орел и хорош собой, с челюстью как зольный кирпич. На нем была рубашка ослепительно-белого шелка и багрово-красный замшевый камзол. Серебряное шитье. Серебряная пряжка, серебро на манжетах. Модеганский аристократ до кончиков ногтей. Одного его костюма, не считая колец на руках, хватило бы, чтобы оплатить мое обучение за целый год.

Денна играла роль его спутницы, обаятельной и привлекательной. Прежде я не раз видел ее одетой так же, как и я сам: в простую одежду, рассчитанную на долгое ношение и путешествия. Сегодня же она облачилась в длинное платье зеленого шелка. Тщательно уложенные черные волосы обрамляли лицо и ниспадали на плечи. На груди красовалась изумрудная подвеска-капелька. И цвет подвески так идеально подходил к платью, что это никак не могло быть случайностью.

Рядом с ней я почувствовал себя несколько поизношенным. Да что там — просто оборванцем. У меня всего-то и было, что четыре рубашки, двое штанов и кой-чего по мелочи. Все это не новое, а ношеное и порядком протершееся. В тот день я надел все самое лучшее, но, думаю, вы поймете, если я скажу, что мое самое лучшее оставляло желать лучшего.

За исключением плаща, подарка Фелы. Это был чудесный теплый плащ, сшитый на меня по мерке, из зеленой и черной ткани, со множеством карманов в подкладке. Нельзя сказать, чтобы он был особенно элегантен, но это была лучшая моя вещь.

Когда я приблизился, Денна выступила вперед и протянула мне руку для поцелуя — уверенным, почти надменным жестом. Лицо ее было спокойным, улыбка — учтивой. Со стороны она выглядела благородной дамой, снизошедшей до бедного юного музыканта.

Ее выдавали лишь глаза. Глаза у нее были темные и глубокие, цвета

кофе с шоколадом. И в глазах этих плясало веселье, искрился смех. Оставшийся позади аристократ чуть заметно нахмурился, когда она подала мне руку. Я не знал, что за игру затеяла Денна, однако угадать свою роль мне было нетрудно.

Так что я склонился над ее рукой в глубоком поклоне и слегка коснулся губами ее запястья. Придворные манеры мне прививали с малолетства, так что я знал, что делаю. Согнуться пополам всякий может, а вот поклониться как следует — это надо уметь.

Мой поклон был изящен и подобострастен, а касаясь губами ее кисти, я еще легким взмахом запястья откинул в сторону полу плаща. Последнее особенно сложно, у меня ушло несколько часов тщательных репетиций перед зеркалом в ванной на то, чтобы движение выглядело достаточно небрежным.

Денна сделала реверанс, грациозный как падающий лист, отступила назад и встала рядом с аристократом.

— Квоут, перед вами лорд Келлин Вантенъе. Келлин, это Квоут.

Келлин смерил меня взглядом, составив обо мне исчерпывающее мнение быстрее, чем вы бы успели перевести дух. На лице его отразилось пренебрежение, он кивнул. Не то чтобы я прежде не встречался с презрением — я и сам удивился, как меня это задело.

— К вашим услугам, милорд!

Я отвесил вежливый поклон и слегка повел плечом, так чтобы плащ сполз, выставив напоказ мои талантовые дудочки.

Он уже хотел было отвернуться с отработанным равнодушием, как вдруг его взгляд упал на серебряную брошь. С точки зрения ювелирного мастерства она не представляла собой ничего особенного, но здесь она значила много. Вилем был прав: в «Эолиане» я был аристократом.

И Келлин это знал. Мгновение поразмыслив, он поклонился в ответ. Ну, не столько поклонился, сколько кивнул. Достаточно низко, чтобы не показаться нелюбезным.

— Вашим и вашего семейства, — ответил он на безупречном атуранском. Голос у него был ниже, чем мой, теплый бас с легким модеганским акцентом, который делал его слегка певучим.

Денна склонила голову в его сторону.

— Келлин учит меня игре на арфе.

— Я пришел сюда, чтобы получить дудочки, — сказал он. В его низком голосе не было ни капли сомнения.

Когда он заговорил, дамы за соседними столиками развернулись и уставились на него голодными глазами из-под полуопущенных век. На

меня его голос произвел противоположное действие. Мало того, что этот негодяй богат и хорош собой! Но иметь при этом еще и голос как мед, намазанный на теплый хлеб, — это уж совершенно непростительно. При звуке этого голоса я почувствовал себя как кот, которого схватили за хвост и гладят мокрой рукой против шерсти.

Я огляделся.

— А где же ваша арфа?

— Я ее с собой не ношу, — сухо отвечал он. — Ведь я играю на пенденхайле, короле инструментов.

Я набрал было воздуха для ответа, потом передумал и закрыл рот. Большая модеганская арфа была королем инструментов пять сотен лет тому назад. В наше время это не более чем устаревшая диковинка. Но я не стал ввязываться в спор, ради Денны.

— Вы хотите попытать удачи нынче вечером? — спросил я.

Келлин слегка прищурился.

— Когда играю я, об удаче речи не идет. Но нет. Нынче я наслаждаюсь обществом леди Динель.

Он поднес руку Денны к своим губам и рассеянно ее поцеловал, потом окинул шумную толпу властным взглядом, так, будто все здесь принадлежало ему.

— Полагаю, здесь я буду в достойном обществе.

Я взглянул на Денну, но она избегала встречаться со мной глазами. Она склонила голову набок и теребила серьгу, которая до сих пор скрывалась у нее в волосах: маленькую изумрудную капельку того же цвета, что подвеска у нее на шее.

Келлин еще раз окинул взглядом меня. Одежду не по росту и не по размеру. Волосы, слишком короткие, чтобы сойти за модную прическу, и слишком длинные, чтобы не выглядеть растрепанными.

— А вы, я полагаю, играете... на дудке?

Самый дешевый инструмент.

— На флейте, — ненавязчиво поправил я. — Но нет. Я предпочитаю лютню.

Он вскинул брови.

— Вы играете на придворной лютне?!

Моя улыбка сделалась несколько напряженной, невзирая на все мои усилия.

— Нет. На дорожной.

— А-а! — воскликнул он, рассмеявшись, как будто ему вдруг все стало ясно. — Народная музыка!

Я и это ему спустил, хотя не так легко, как прежде.

— У вас уже есть места? — радушно спросил я. — Мы с друзьями заняли внизу столик с хорошим видом на сцену. Не изволите ли к нам присоединиться?

— Нет, у нас с моей спутницей, — Келлин кивнул в сторону Денны, — свой столик на третьем ярусе. Я предпочитаю то общество, что собирается повыше.

Денна, стоявшая позади него, выразительно закатила глаза.

Я с каменным лицом отвесил ему любезный поклон — немногим более чем кивок.

— Что ж, не стану вас задерживать.

И обернулся к Денне.

— До свидания, госпожа моя. Могу ли я как-нибудь вас навестить?

Она вздохнула, ни дать ни взять светская дама, не чающая, как избавиться от докучливого собеседника, и лишь глаза ее по-прежнему смеялись над всем этим нелепым и напыщенным разговором.

— Не поймите меня неправильно, Квоут. В ближайшие несколько дней я занята донельзя. Впрочем, вы можете нанести мне визит ближе к концу оборота. Я остановилась в «Седом человеке».

— Вы так добры! — ответил я и поклонился ей, куда искреннее, чем Келлину. На этот раз она закатила глаза, глядя на меня.

Келлин взял ее под руку, развернувшись при этом ко мне плечом, и оба направились прочь. Глядя, как они небрежно продвигаются сквозь толчею, нетрудно было поверить, что это заведение принадлежит им или они как минимум подумывают приобрести его вместо летнего домика. Да, только прирожденные аристократы умеют двигаться с такой ленивой небрежностью, будучи уверены в глубине души, что весь мир существует лишь затем, чтобы им было удобно. Денна изумительно это имитировала, ну а для лорда Келлина Морда Кирпичом это было естественно как воздух, которым он дышал.

Я провожал их взглядом до середины лестницы, ведущей на третий этаж. Тут Денна остановилась и вскинула руку к голове. Потом принялась что-то искать у себя под ногами. Лицо у нее сделалось встревоженным. Они перекинулись парой фраз, и Денна указала наверх. Келлин кивнул и скрылся наверху.

Осененный догадкой, я посмотрел на пол и увидел блеск серебра у перил там, где стояла Денна. Я подошел и встал над этим местом, вынудив пару сильдийских купцов обогнуть меня.

Я делал вид, что глазею на толпу внизу, до тех пор, пока Денна не

подошла и не похлопала меня по плечу.

— Квоут, — озабоченно сказала она, — извини, что я тебя беспокою, но я, кажется, потеряла сережку. Будь так добр, помоги ее отыскать, а? Она буквально только что была при мне.

Я кивнул, и мгновение спустя мы уже сидели на корточках голова к голове, деловито разглядывая доски пола. По счастью, платье Денны было пошито на модеганский манер: с широкой, развевающейся юбкой. Если бы на нем, по нынешней моде Содружества, были разрезы по бокам, зрелище вышло бы скандальное!

— Тело Господне, — пробормотал я, — где же ты его такого взяла-то? Денна приглушенно хмыкнула.

— Потише, ты! Не ты ли советовал мне поучиться играть на арфе? Келлин, между прочим, неплохой наставник!

— Да ведь модеганская педальная арфа весит впятеро больше тебя самой! — возразил я. — Это инструмент для гостиных. Ее невозможно брать с собой в дорогу.

Она перестала делать вид, будто ищет сережку, и пристально взглянула на меня.

— А кто говорит, что у меня никогда не будет гостиной, где можно играть на арфе?

Я опустил взгляд в пол и пожал плечами.

— Ну, учиться-то на ней можно, я полагаю. Тебе самой-то нравится на ней играть?

— Она куда лучше лиры, — сказала Денна. — Я уже это понимаю. Но пока что могу сыграть разве что «Белочку на крыше», и то с трудом.

— Ну а он как тебе? — я лукаво улыбнулся. — Чему еще он тебя научил?

Денна слегка покраснела, и на миг мне показалось, что она вот-вот меня ударит. Однако она вовремя вспомнила о приличиях, только сердито сощурила глаза.

— Гадкий ты, — сказала она. — Келлин ведет себя как благородный человек.

— Ох, спаси нас Тейлу от благородных, — сказал я.

Она покачала головой.

— Да нет, серьезно. Он ведь никогда прежде не бывал за пределами Модега. Он все равно что котенок в корзинке!

— Так ты у нас, значит, теперь Динель? — спросил я.

— Пока да. Для него, — сказала она, искоса глядя на меня и неприметно улыбаясь. — Что до тебя, я предпочту, чтобы ты по-прежнему

называл меня Денной.

— Приятно слышать, — сказал я и оторвал руку от пола, открыв гладкую изумрудную капельку сережки. Денна всплеснула руками, схватила сережку, та сверкнула в лучах света.

— Ах! Вот она!

Я встал, помог ей подняться на ноги. Она откинула волосы с плеча и подалась в мою сторону.

— Знаешь, я так толком и не научилась надевать эти штуки! — сказала она. — Ты мне не поможешь?

Я подступил к ней вплотную. Она протянула мне сережку. От нее слабо пахло полевыми цветами. Но сквозь этот аромат проступал запах палой листвы. Дурманил густой аромат ее собственных волос, пахнущих дорожной пылью и воздухом перед летней грозой.

— Кто же он такой? — вполголоса спросил я. — Младший сын какого-то лорда?

Она чуть заметно качнула головой, откинутаая прядь волос упала, скользнув по моей руке.

— Нет, он сам лорд.

— Скете та ретаа ван! — выругался я. — Прячьте ваших сыновей и дочек!

Денна снова беззвучно рассмеялась. Ее тело затряслось от сдерживаемого смеха.

— Стой смирно! — шикнул я, осторожно беря ее за ушко.

Денна сделала глубокий вдох, выпустила воздух и наконец успокоилась. Я вдел серьгу ей в ухо и отступил в сторону. Она ощупала сережку, отступила назад и сделала реверанс.

— Покорно благодарю за помощь!

Я снова поклонился ей. Поклон был не такой изысканный, как в прошлый раз, зато куда более искренний.

— К вашим услугам, госпожа моя!

Денна тепло улыбнулась и пошла прочь. Глаза у нее снова смеялись.

* * *

Я для проформы обошел оставшуюся часть второго яруса, но Трепе, похоже, не было. На третий этаж я решил не ходить, чтобы избежать неловкости при второй встрече с Денной и ее дворянчиком.

Сим сидел с оживленным видом, какой у него бывает после пятой

кружки. Манет развалился на стуле, с полужакрытыми глазами, удобно пристроив кружку на выпуклом брюхе. Вил выглядел точно так же, как всегда, его темные глаза были непроницаемыми.

— Трепе нигде нету, — сказал я, садясь на место. — Увы.

— Жаль, жаль, — сказал Сим. — А что, не нашел он тебе еще покровителя?

Я с горечью покачал головой.

— Амброз запугал или подкупил всех дворян на сто километров в округе. Они не желают иметь со мной дела.

— А отчего Трепе не возьмет тебя себе? — спросил Вилем. — Ты же ему нравишься!

Я покачал головой.

— Трепе уже поддерживает троих музыкантов. Точнее, даже четверых, но двое из них — супружеская пара.

— Четверых? — в ужасе переспросил Сим. — Да как же ему на еду-то хватает?

Вил с любопытством склонил голову набок. Сим подался вперед и принялся объяснять:

— Трепе, конечно, граф. Но владения его не столь уж обширны. Содержать четверых музыкантов на его доходы — это несколько... экстравагантно.

Вил нахмурился.

— Так ли уж дорого обходятся выпивка и струны?

— Но ведь покровителю приходится предоставлять им не только это! — Сим принялся загибать пальцы: — Во-первых, официальный документ о покровительстве. Во-вторых, стол и кров для каждого из них, и ежегодная плата, и костюм его фамильных цветов...

— Два костюма, как правило, — перебил я. — Каждый год.

Пока я рос в труппе, я не особенно ценил ливреи, которыми обеспечивал нас лорд Грейфеллоу. Однако теперь я не мог не думать о том, насколько улучшился бы мой гардероб, если бы я каждый год получал целых два новых костюма.

Появился мальчишка-подавальщик. Симмон улыбнулся, не оставляя сомнений насчет того, кому мы обязаны бокалами ежевичного бренда, которые появились перед каждым из нас. Сим молча вскинул свой бокал, приветствуя нас, и отпил солидный глоток. Я приподнял свой бокал в ответ, Вилем — свой, хотя ему это далось не без труда. Манет остался неподвижен. Похоже, он задремал.

— И все равно, что-то не сходится, — сказал Вилем, ставя бокал

обратно на стол. — А что получает покровитель, кроме опустевших карманов?

— Покровитель получает репутацию, — объяснил я. — Затем музыканты и носят ливреи. Кроме того, у него всегда под рукой те, кто будет забавлять гостей на приемах, на балах, во время торжественных событий. Иногда они пишут песни или пьесы по его заказу...

Вил по-прежнему был скептиком.

— И все равно, сдается мне, что покровитель мало что выигрывает.

— А это потому, что ты видишь только половину картины, — сказал Манет, внезапно выпрямляясь на стуле. — Ты же городской парень. Ты не представляешь, каково это — родиться и вырасти в селе, стоящем на землях какого-нибудь лорда. Вот, скажем, земли лорда Гординга, — продолжал Манет, рисуя на столе круг пролитым пивом. — А ты — добрый поселанин, живущий вот здесь.

Манет взял опустевший бокал Симмона и поставил его внутри круга.

— В один прекрасный день в ваше село является мужик в цветах лорда Гординга.

Манет взял свой, полный бокал бренда, проскакал им по столу и остановился рядом с пустым бокалом Сима, стоящим в кругу.

— Этот мужик останавливается в местном трактире и целый вечер поет для всех желающих.

Манет плеснул немного бренда в бокал Сима.

Сим, не дожидаясь приглашения, ухмыльнулся и выпил.

Манет объехал бокалом вокруг стола и снова въехал в круг.

— А в следующем месяце в село приезжают еще двое, тоже в его цветах, и устраивают представление кукольного театра.

Он плеснул в бокал еще бренда, и Симмон лихо опрокинул его.

— А через месяц приезжают бродячие актеры.

Все повторилось еще раз.

Потом Манет взял свою деревянную кружку и с грохотом простучал ею по столу и въехал в круг.

— И тут приезжает сборщик налогов в той же самой ливрее!

Манет многозначительно постучал пустой кружкой по столу.

Сим слегка растерялся, потом спохватился и плеснул Манету из своей кружки.

Манет взглянул на него и требовательно пристукнул кружкой еще раз.

Сим со смехом вылил в его кружку остатки своего пива.

— Все равно ежевичный бренд нравится мне больше!

— Ну вот, а лорду Гордингу нравится сполна получать все положенные

ему налоги, — сказал Манет. — А людям нравится, когда их развлекают. А сборщику налогов нравится, что никому не придет в голову его отравить и зарыть по-быстрому позади заброшенной мельницы.

И он отхлебнул пива.

— Так что все остаются довольны.

Вил серьезно наблюдал за всем происходящим, не сводя с собравшихся своих темных глаз.

— Да, тогда понятно.

— Ну, на самом деле нельзя сказать, что все руководствуются настолько грубым расчетом, — заметил я. — Вот Трепе искренне хочет помогать музыкантам совершенствоваться в своем мастерстве. Ну а некоторые знатные люди относятся к своим артистам, как к лошадям в стойле.

Я вздохнул.

— И все равно это было бы лучше, чем теперь, — у меня-то и того нет.

— Ну, ты ж смотри не продавайся задешево! — усмехнулся Сим. — Дождись уж хорошего покровителя. Ты этого достоин. Ты ничем не хуже любого из музыкантов, кого я здесь слышал.

Я промолчал, из гордости не сказав им правды. Я был настолько нищ, что они себе этого даже представить не могли. Сим принадлежал к атуранскому дворянству, родители Вила были торговцы шерстью из Ралиена. Им всем казалось, что бедность — это когда тебе не хватает на выпивку.

Сейчас, когда впереди маячила оплата за обучение, я не смел потратить лишнего пенни. Я не мог себе позволить покупать ни свечи, ни чернила, ни бумагу. У меня не было ни драгоценностей, которые я мог бы заложить, ни денежного содержания, ни родителей, которым можно было бы написать и попросить денег. Ни один уважающий себя ростовщик не ссудил бы мне ни единого шима. И неудивительно: я был безродный сирота из эдема руэ, чье имущество поместилось бы в холщовый мешок. Да и мешок-то не очень большой.

Я поднялся на ноги прежде, чем разговор мог перейти на неловкую почву.

— Ну ладно, пора и мне сыграть.

Я взял свой футляр с лютней и отправился к углу стойки, где сидел Станчион.

— Так что ты приготовил нам сегодня? — спросил он, оглаживая бороду.

— Сюрприз.

Станцион, уже начавший подниматься с табурета, остановился.

— Надеюсь, не такой сюрприз, от которого в заведении начнутся беспорядки или пожар?

Я, улыбнувшись, покачал головой.

— Это хорошо!

Он улыбнулся в ответ и направился к сцене.

— Тогда на здоровье, сюрпризы я люблю!

ГЛАВА 6

ЛЮБОВЬ

Станцион вывел меня на сцену, поставил стул без подлокотников и вышел вперед, чтобы поболтать с аудиторией. Я развесил свой плащ на спинке стула. Огни начали тускнеть.

Я положил на пол свой потрепанный футляр с лютней. Футляр выглядел еще более жалко, чем я сам. Когда-то это был весьма недурной футляр, но с тех пор он был свидетелем многих событий и повидал немало разных дорог. Теперь кожаные петли потрескались и стали жесткими, а корпус местами изнашивался до того, что сделался тонким, как бумага. От первоначальных пряжек осталась только одна: изящная вещица гравированного серебра. Остальные я заменил чем попало, так что теперь футляр был усеян разнокалиберными застежками из блестящей латуни и тусклого железа.

Но содержимое футляра было совсем не под стать ему. Внутри была она, та, что вынуждала меня добывать деньги на обучение. Я отчаянно торговался из-за нее, и все равно она обошлась мне дороже, чем любая другая вещь в моей жизни. Так дорого, что я не мог позволить себе купить футляр, который подходил по форме, и мне пришлось набить свой старый футляр тряпками.

Ее деревянный корпус был цвета черного кофе или свежеспаханной земли. Изгиб ее был безупречен, как женское бедро. Звонкие струны отзывались приглушенным эхом на любой звук. Моя лютня. Моя воплощенная душа.

Я слышал немало из того, что поэты пишут о женщинах. Они рифмуют, они витийствуют, они лгут. Я видел, как моряки, застрявшие на берегу, безмолвно взирают на вздымающуюся грудь моря. Я видел, как старые солдаты, с сердцами жесткими, точно кожаный ремень, плачут, видя, как полощется на ветру знамя их короля.

Так вот, слушайте: все эти люди ничего не ведают о любви.

Вы не найдете любви ни в речах поэтов, ни в исполненных тоски глазах моряков. Если хотите узнать, что такое любовь, взгляните на руки бродячего артиста, когда тот играет на лютне. Артист — тот знает.

Я окинул взглядом своих слушателей. Толпа медленно затихала. Симмон восторженно помахал мне, я улыбнулся в ответ. А вон и сидя

шевелюра графа Трепе, у перил второго яруса. Он о чем-то серьезно беседовал с хорошо одетой парой, указывая в мою сторону. Он по-прежнему боролся за меня, хотя оба мы знали, что это безнадежно.

Я достал лютню из потрепанного футляра и принялся ее настраивать. Нельзя сказать, чтобы это была лучшая лютня в «Эолиане». Далеко не лучшая. Шейка у нее была слегка изогнутая, но не выгнутая. Один из колков разболтался, и эта струна быстро расстраивалась.

Я негромко взял аккорд и наклонился к струнам, прислушиваясь. Подняв глаза, я увидел лицо Денны, ясное как луна. Она радостно улыбнулась мне и помахала пальчиками под столом, так чтобы ее знатный спутник не видел.

Я легонько подкрутил ослабевший колок, провел ладонью по теплему дереву лютни. Да, лак местами поцарапался и потерся. С нею не так уж хорошо обращались в прошлом, однако в глубине души она оставалась все такой же чудесной.

Ну да. У нее были свои недостатки, но в делах сердечных — какое это имеет значение? Любовь есть любовь. Разуму тут места нет. Во многих отношениях именно неразумная любовь и есть самая истинная. Любить «потому что» способен кто угодно. Это так же просто, как сунуть монету в карман. Но любить «вопреки»... Знать наизусть все недостатки и любить и их тоже... Это любовь редкая, чистая и совершенная.

Станцион широко взмахнул рукой, указывая на меня. Послышались короткие аплодисменты, и аудитория замерла в ожидании.

Я взял пару нот, ощутил, как слушатели подались в мою сторону. Я коснулся струны, еще чуть-чуть подстроил ее и, наконец, заиграл. Не успел я сыграть и двух тактов, как мелодию узнали все.

Это был «Барашек с бубенцом». Мотивчик, который тысячелетиями насвистывают пастухи, гонящие стадо. Простейший из простейших. Мотивчик, который можно сыграть на перевернутом ведре. Да что там, ведро даже лишнее. Его можно просто прохлопать в ладоши. Насвистеть в кулак. В два пальца.

Короче говоря, народная музыка как она есть.

На мотив «Барашка» написаны сотни песен. Песен о любви, песен о войне. Забавных, трагических, скабрёзных. Я не стал петь ни одну из них. Не надо слов. Просто музыка. Просто мелодия.

Я поднял глаза и увидел, как лорд Морда Кирпичом подался к Денне и пренебрежительно махнул рукой. Я улыбнулся, небрежно перебирая струны.

Однако прошло несколько минут, и улыбка моя застыла на устах. На

лбу выступил пот. Я склонился над лютней, полностью сосредоточившись на том, что делают мои руки. Мои пальцы забегали, заплясали, залетали.

Музыка была жесткой, точно град, точно молот, кующий медь. И мягкой, точно позднее солнце над осенней нивой, нежной, точно едва шелохнувшийся листочек. Вскоре у меня начало срываться дыхание от напряжения. Мои губы сомкнулись в тонкую бескровную нить.

На середине второго припева я тряхнул головой, убирая прядь волос, упавшую на глаза, и брызги пота разлетелись по дуге, усеяв пятнами деревянную сцену. Я тяжело дышал, грудь моя вздымалась как кузнечные меха, я вымотался, точно взмыленная лошадь.

Мелодия неслась вперед, рассыпая звонкие, отчетливые звуки. Один раз я едва не сбился. На какую-то долю секунды ритм нарушился, смялся... Но я чудом выпрямился, пробился и доиграл последнюю строку. Мелодия звучала по-прежнему чисто и нежно, несмотря на то что мои усталые пальцы, порхающие по струнам, сделались почти невидимы.

И когда было совершенно очевидно, что дольше я не выдержу, я извлек последний аккорд и в изнеможении откинулся на спинку стула.

Аудитория разразилась оглушительными аплодисментами.

Но не вся аудитория. Десятки людей, разбросанных по залу, вместо аплодисментов разразились хохотом. Некоторые колотили кулаками по столам и топали ногами, выражая бурное веселье.

Овация смялась и утихла почти тотчас же. Люди замирали с поднятыми руками, не успев хлопнуть в ладоши, и растерянно оглядывались на смеющихся. Некоторые были возмущены, другие сконфужены. Многие просто обиделись за меня, и по залу пополз возмущенный ропот.

Но прежде, чем успели завязаться серьезные споры, я взял одну высокую ноту и вскинул руку, снова привлекая всеобщее внимание. Я еще не закончил. Нет, я только начал!

Я устроился поудобнее, повел плечами. Провел рукой по струнам, подтянул ослабевший колок и непринужденно заиграл вторую песню.

Это была одна из песен Иллиена, «Тим-тиририм». Не думаю, что вы о ней когда-нибудь слышали. Она заметно отличается от прочих произведений Иллиена. Во-первых, она без слов. Во-вторых, хотя мелодия у нее и приятная, она все же далеко не настолько запоминающаяся или волнующая, как многие из его известных песен.

А главное, она славится какой-то извращенной сложностью. Отец мой, бывало, отзывался о ней как о «лучшей мелодии, написанной для пятнадцати пальцев». И всегда заставлял меня играть ее, когда видел, что я

чересчур зазнался, и считал, что меня стоит осадить. Довольно будет сказать, что мне доводилось ее играть довольно регулярно, временами и по несколько раз на дню.

И вот эту-то песню я и заиграл. Я откинулся на спинку стула, положил ногу на ногу, несколько расслабился. Пальцы мои небрежно перебирали струны. После первого припева я вздохнул и сдержанно зевнул, точно мальчишка, сидящий взаперти в солнечный денек. Взгляд мой скучающе блуждал по залу.

Не переставая играть, я поерзал на стуле, стараясь устроиться поудобнее, однако не преуспел. Я нахмурился, встал, пристально оглядел стул, как будто это он был во всем виноват. Потом снова опустился на сиденье и принялся устраиваться на нем с недовольным видом.

И все это время в воздухе плясали десять тысяч нот «Тим-тиририма». Я выбрал момент между двумя аккордами и небрежно почесался за ухом.

Я так вошел в роль, что меня и впрямь потянуло зевать. На этот раз я зевнул от души, так что сидящие в первом ряду без труда могли бы пересчитать все мои зубы, потом потряс головой, словно желая пробудиться, и промокнул рукавом слезящиеся глаза.

А «Тим-тиририм», не останавливаясь, струился дальше. Головоломная гармония и контрапункт то сплетались воедино, то рассыпались вновь множеством нитей. И все это звучало безупречно, ровно и легко. Я играл как дышал. И когда под конец десятки запутанных прядей мелодии сплелись воедино, я не стал акцентировать финал. Просто доиграл и слегка протер глаза. Никакого крещендо. Никаких поклонов. Ничего. Я рассеянно хрустнул костяшками пальцев и наклонился, чтобы убрать лютню в футляр.

На этот раз сначала раздался смех. Смеялись все те же люди, что и прежде, они гоготали и колотили по столам вдвое громче прежнего. Это были свои. Музыканты. Я убрал с лица скучающую мину и понимающе улыбнулся им.

Аплодисменты зазвучали несколько мгновений спустя, но хлопки были разрозненные и неуверенные. Еще до того, как в заведении снова вспыхнул свет, они угасли, сменившись гулом споров по всему залу.

Когда я спускался со сцены, навстречу мне бросилась Мари. Лицо ее лучилось смехом. Она пожала мне руку, похлопала меня по спине. И она была только первой из многих. Все они были музыканты. Пока я окончательно не утонул в толпе, Мари взяла меня под руку и отвела к моему столику.

— Господи помилуй, малый! — воскликнул Манет. — Да ты тут вроде короля!

— Э, обычно его приветствуют куда более бурно! — возразил Вилем. — Как правило, ему аплодируют до тех пор, пока он не сядет за стол. И прекрасные девы строят ему глазки и усыпают его путь цветами.

Сим с любопытством огляделся по сторонам.

— На этот раз реакция была какая-то... — он замялся, подбирая слово, — какая-то неоднозначная. Почему бы это?

— Потому что наш юный шестиструнный так востер, что, того гляди, сам порежется, — сказал Станчион, подходя к нашему столику.

— А, вы тоже это заметили? — сухо сказал Манет.

— Брось, — возразила Мари, — это было блестяще!

Станчион вздохнул и покачал головой.

— Лично я, — с нажимом заметил Вилем, — хотел бы знать, о чем речь.

— Квоут взял самую простую песенку на свете и сыграл ее так, словно прятал золото из простой кудели, — объяснила Мари. — А потом взял по-настоящему серьезную пьесу, такую, которую могут сыграть разве что несколько человек во всем зале, и сделал вид, будто она такая простая, что ее мог бы сыграть ребенок на жестяной дудочке.

— Это было очень остроумно, не отрицаю, — сказал Станчион. — Проблема в том, как именно он это сделал. Все, кто кинулся аплодировать после первой песни, почувствовали, что их одурачили. Разыграли.

— Так ведь так оно и было! — возразила Мари. — Артист вертит аудиторией как хочет. В этом вся соль шуток.

— Людям не нравится чувствовать себя дураками, — ответил Станчион. — На самом деле их это злит. Никто не любит, когда с ним играют шулки.

— Ну, вообще-то он сыграл шутку не с ними, а с лютней, — ухмыляясь, вмешался Симмон.

Все разом уставились на него, и его улыбка несколько поувяла.

— Ну как же? Он ведь действительно сыграл шутку, буквально сыграл. На лютне...

Он потупился, лицо у него вытянулось и залилось краской.

— Извините...

Мари непринужденно рассмеялась.

— Короче, вся штука в том, что тут две разные аудитории, — медленно и задумчиво произнес Манет. — Те, кто достаточно разбирается в музыке, чтобы оценить шутку, и те, кому шутку надо объяснять.

Мари торжествующе взмахнула рукой в сторону Манета.

— Именно! — сказала она Станчиону. — Если ты явился сюда и не

способен понять эту шутку без посторонней помощи, ты заслуживаешь того, чтобы тебе натянули нос!

— Ага, только большинство тех, кто не понял, знатные люди, — заметил Станчион, — а у нашего умника до сих пор нет покровителя.

— Как?! — удивилась Мари. — Трепе ведь всем про тебя уши прожужжал еще несколько месяцев назад. Как же тебя до сих пор никто не пригрел?

— Это из-за Амброза Джакиса, — объяснил я.

Судя по всему, это имя было ей незнакомо.

— Это музыкант?

— Баронский сынок, — пояснил Вилем.

Она озадаченно нахмурилась.

— И чем же он может помешать тебе найти покровителя?

— Тем, что у него прорва свободного времени и денег вдвое больше, чем у самого Господа Бога, — сухо ответил я.

— Его папаша — один из самых влиятельных людей во всем Винтасе, — пояснил Манет и обернулся к Симмону. — Который он в очереди престолонаследования, шестнадцатый?

— Тринадцатый, — угрюмо поправил Симмон. — Семья Сурфен в полном составе погибла в море два месяца тому назад. Амброз, не затыкаясь, твердит о том, что его отец всего в двенадцати шагах от трона.

Манет снова обернулся к Мари.

— Короче, у этого баронского сынка уйма возможностей, и он не стесняется ими пользоваться.

— Ну, справедливости ради следует заметить, что наш юный Квоут тоже не самый милый и уживчивый человек во всем Содружестве, — сказал Станчион. Он прочистил горло. — Собственно, сегодняшнее представление это наглядно продемонстрировало.

— Терпеть не могу, когда меня называют «юным Квоутом»! — буркнул я на ухо Симу. Он сочувственно взглянул на меня.

— А я все равно считаю, что это было блестяще! — Мари обернулась к Станчиону. — Самое оригинальное, что мы слышали здесь за последний месяц, и ты это прекрасно знаешь!

Я коснулся руки Мари.

— Да нет, он прав, — сказал я. — Это было глупо.

Я неуверенно пожал плечами.

— Или, по крайней мере, было бы глупо, если бы у меня оставалась хоть малейшая надежда найти себе покровителя.

Я посмотрел Станчиону в глаза.

— Но я на это уже не надеюсь. Оба мы знаем, что этот колодец отравлен Амброзом.

— Ну, рано или поздно вода очистится, — возразил Станчион.

Я снова пожал плечами.

— Ну, ладно, тогда скажем так: я предпочитаю играть песни, которые забавляют моих друзей, чем заискивать перед людьми, которые недолюбливают меня понаслышке.

Станчион хотел было что-то сказать, потом с шумом выпустил воздух.

— И то верно, — сказал он, слегка улыбнувшись.

Наступила короткая пауза. Манет многозначительно кашлянул и обвел глазами стол.

Я понял намек и представил собравшихся друг другу.

— Станчион, с моими друзьями Вилом и Симом ты уже знаком. А это Манет, мой соученик и временами наставник в Университете. Все, кто не знаком, — это Станчион: хозяин, владелец и распорядитель «Эолиана».

— Рад знакомству, — сказал Станчион, вежливо кивнул, потом озабоченно окинул взглядом зал. — Кстати, раз уж я здесь хозяин, пора мне браться за дело.

Перед тем как уйти, он хлопнул меня по спине.

— Поглядим, может, мне заодно удастся потушить парочку пожаров!

Я с благодарностью улыбнулся ему, потом сделал торжественный жест.

— Прошу любить и жаловать, это — Мари. Лучшая скрипачка в «Эолиане». Впрочем, это вы только что слышали своими ушами. И самая красивая женщина на тысячу километров в округе, но это вы можете видеть своими глазами. И самая умная к тому же, но это вы можете...

Она шутливо шлепнула меня по затылку.

— Будь я хоть вполтину так умна, как ты говоришь, ни за что бы не стала тебя защищать, — сказала она. — Неужто бедняга Трепе до сих пор за тебя хлопочет?

Я кивнул.

— А я ему говорил, что дело пропащее!

— Еще бы, если ты и дальше намерен показывать нос всем и каждому! Клянусь, я никогда еще не встречала человека, настолько лишенного такта и обходительности. Если бы не твое природное обаяние, тебя давно бы уже прирезали где-нибудь в переулке.

— Да ладно тебе! — буркнул я.

Мари обернулась к моим друзьям за столом.

— Рада знакомству!

Вил кивнул, Сим расплылся в улыбке. Манет же изящно поднялся на

ноги и протянул руку. Мари ответила на рукопожатие, и Манет сердечно пожал ее ладонь, стиснув ее обеими руками.

— Мари, — произнес он, — я вами заинтригован. Могу ли я надеяться, что вы позволите мне угостить вас стаканчиком вина и немного побеседовать с вами нынче вечером?

Я был так ошеломлен, что мог только молча пялиться на них. Рядом друг с другом они выглядели как плохо подобранные подпорки для книг. Мари была сантиметров на пятнадцать выше Манета, а в сапогах ее длинные ноги казались еще длиннее.

Манет же выглядел как всегда: седым и растрепанным. Вдобавок он был минимум лет на десять старше Мари.

Мари поморгала и склонила голову набок, словно размышляя.

— Вообще-то прямо сейчас я здесь с друзьями, — ответила она. — К тому времени, как я освобожусь, может быть уже поздно...

— О, меня это не волнует! — беспечно ответил Манет. — Я готов пожертвовать сном, если уж такое дело. Даже и не вспомню, когда мне в последний раз доводилось общаться с женщиной, которая не стесняется говорить, что думает. Таких, как вы, нынче не делают.

Мари снова смерила его взглядом.

Манет посмотрел ей в глаза и сверкнул улыбкой — такой уверенной и обаятельной, что она была бы вполне уместна на сцене.

— Я не собираюсь разлучать вас с друзьями, — сказал он, — но ваша скрипка — первая за десять лет, от которой мои ноги сами пошли в пляс. Должен же я хотя бы вином вас угостить!

Мари улыбнулась в ответ, весело и насмешливо.

— Я сижу на втором ярусе, — сказала она, указывая в сторону лестницы. — Я освобожусь... ну, скажем, часа через два.

— Вы невероятно добры, — сказал Манет. — Так я поднимусь наверх и разыщу вас?

— Хорошо, — ответила она. Задумчиво взглянула на него и ушла.

Манет плюхнулся на стул и потянулся к кружке.

Симмон выглядел таким же ошарашенным, как и все мы.

— Черт возьми, что это было? — осведомился он.

Манет хихикнул себе в бороду и откинулся на спинку стула, пристроив кружку у себя на пузе.

— А это, — самодовольно сказал он, — еще одно, что я умею, а вы, щенки, — нет. Смотрите и учитесь, пока я жив!

Когда знатные люди желают продемонстрировать музыканту свое одобрение, они дают ему деньги. Когда я только начал играть в «Эолиане», я не раз получал подобные дары, и в течение некоторого времени это изрядно помогало мне платить за обучение и держаться на плаву, хотя хватало мне в обрез. Однако же Амброз провел весьма последовательную кампанию против меня, и я уже несколько месяцев не получал таких подарков.

Музыканты беднее дворян, но музыку любят не меньше. Так что, если им нравится твоя игра, они угощают тебя выпивкой. Собственно, ради этого я и явился в «Эолиан» нынче вечером.

Манет отошел к стойке за тряпкой, чтобы протереть стол и сыграть еще одну партию в уголки. Пока его не было, молодой сильдийский флейтист подошел и спросил, нельзя ли нас угостить.

Мы сказали, что можно. Он перехватил взгляд пробежавшей мимо подавальщицы, и мы все заказали, чего кому хотелось, и еще пива Манету.

Мы пили, играли в карты и слушали музыку. Нам с Манетом выпали плохие карты, и мы проиграли три сдачи подряд. Это несколько испортило мне настроение, но куда больше его портила мысль о том, что Станчион, возможно, прав.

Богатый покровитель помог бы мне решить большую часть моих проблем. И даже небогатый все равно дал бы мне возможность вздохнуть свободнее — в финансовом смысле. Как минимум у меня появился бы человек, у которого в безвыходной ситуации можно занять денег, вместо того чтобы связываться со всякими подозрительными личностями.

Поглощенный своими мыслями, я сыграл невовпад, и мы проиграли еще одну сдачу. Вышло четыре проигрыша подряд плюс штрафные.

Тасуя карты, Манет посмотрел на меня исподлобья.

— Ответь-ка сначала на вопрос для новичков.

Он поднял руку с тремя сердито растопыренными пальцами.

— Предположим, у тебя на руках три пики, а на столе — еще пять.

Он растопырил пальцы на второй руке, для наглядности.

— Сколько всего пик, а?

Он откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди.

— Не торопись, подумай хорошенько!

— Да он до сих пор не может прийти в себя от мысли, что Мари согласилась выпить с тобой! — сухо заметил Вилем. — Мы, между прочим,

тоже.

— Ничего подобного! — бросил Симмон. — Я всегда знал, что ты мужик не промах!

Тут нас прервали: появилась Лили, одна из постоянных подавальщиц в «Эолиане».

— Что это у вас тут творится? — шутливо спросила она. — Пируете?

— Лили, — спросил Симмон, — а вот если бы я предложил тебе выпить со мной, ты бы согласилась?

— Согласилась бы, — беспечно ответила она. — Если только недолго.

Она положила руку ему на плечо.

— Вам, господа, повезло. Некий любитель хорошей музыки, не пожелавший себя назвать, просит угостить вас всех.

— Мне скаттена, — сказал Вилем.

— Меду, — улыбнулся Симмон.

— Мне саунтена, — сказал я.

Манет вскинул бровь.

— Саунтена, говоришь? — переспросил он, взглянув на меня. — Тогда и мне тоже саунтена.

Он многозначительно взглянул на подавальщицу и кивнул в мою сторону.

— На его счет, понятное дело.

— Да? — переспросила Лили, потом пожала плечами. — Минуточку!

— Ну ладно, а теперь, когда ты произвел на всех сногшибательное впечатление, можно и повеселиться, верно? — сказал Симмон. — Как насчет песенки про ишака, а?..

— Нет и нет, в последний раз говорю, — ответил я. — С Амброзом покончено. Ссориться с ним бессмысленно, это ничего не даст.

— Ты ж ему руку сломал, — сказал Вил. — Так что вы уже в ссоре, как ни крути.

— А он разбил мне лютню, — сказал я. — Так что мы квиты. И я предпочитаю не поминать старого.

— Ага, щас! — заметил Сим. — То-то ты бросил ему в трубу фунт тухлого масла! И подпругу на седле ослабил...

— Обожженные руки! Заткнись!

Я поспешно огляделся по сторонам.

— Это было почти месяц назад, и никто не знает, что это сделал я, кроме вас двоих! Ну, теперь вот еще Манет знает. И все, кто мог нас слышать...

Сим пристыженно побагровел, и разговор затих до тех пор, пока Лили

не принесла нам напитки. Вилу подали скаттен в традиционной каменной чаше, мед Сима сиял золотом в высоком бокале. Нам с Манетом подали деревянные кружки.

Манет улыбнулся.

— Я даже и не помню, когда я последний раз заказывал себе саунтен, — задумчиво произнес он. — По-моему, я себе его вообще никогда не заказывал.

— Да ты единственный человек, который это пьет, — сказал Сим. — Кроме Квоута, конечно. Вот Квоут его дует как воду. По три-четыре кружки за вечер.

Манет взглянул на меня, приподняв лохматую бровь.

— Так они ничего не знают?

Я покачал головой и отпил из кружки, не зная, смеяться мне или стыдиться.

Манет подвинул свою кружку к Симмону. Тот взял, отхлебнул. Потом нахмурился и отхлебнул еще раз.

— Да это же вода, нет?

Манет кивнул.

— Это старая уловка, ее все шлюхи знают. Вот, предположим, сидишь ты с ней в общем зале борделя и желаешь показать ей, что ты не такой, как все прочие, ты человек культурный. И ты предлагаешь ее угостить.

Он потянулся через стол и взял у Сима свою кружку.

— А она же на работе. И вина ей совсем не хочется. Она предпочла бы взять деньгами. И тогда они заказывают саунтен, или пeverет, или еще что-нибудь этакое. Ты платишь за выпивку, бармен наливает ей воды, а в конце вечера она делит деньги пополам с заведением. Если девушка умеет хорошо слушать, то в баре она может заработать не меньше, чем в постели.

— Вообще-то мы делим деньги натрое, — вмешался я. — Треть заведению, треть бармену, треть мне.

— Значит, тебя надувают, — напрямик сказал Манет. — Бармен получает свою долю с заведения.

— Но я никогда не видел, чтобы ты заказывал саунтен у Анкера, — заметил Сим.

— Значит, это грейсдельский мед, — сказал Вил. — Ты его все время заказываешь.

— Да нет, грейсдельский мед я заказывал! — возразил Сим. — Он на вкус — как маринованные огурцы с мочой. И к тому же...

Он осекся.

— И к тому же он стоит дороже, чем ты думал? — ухмыльнулся

Манет. — Не стоит пить такую дрянь по цене приличного пива, верно?

— Когда я заказываю у Анкера грейсдельский мед, там знают, что я имею в виду, — объяснил я Симу. — Если бы я заказал напиток, которого не существует, рано или поздно все бы догадались, что к чему.

— А ты про это откуда знаешь? — спросил Сим у Манета.

Манет хмыкнул.

— Я старый пес, все трюки наизусть знаю!

Огни начали тускнеть, и мы снова обернулись к сцене.

* * *

Вечер шел своим чередом. Манет удалился на более тучные луга, а мы с Вилом и Симом не успевали опрокидывать бокалы: благодарные музыканты то и дело нас угощали. Угощали нас очень много. Куда больше, чем я смел надеяться.

Я заказывал по большей части саунтен, поскольку затем и явился сегодня в «Эолиан», чтобы собрать денег на оплату учебы. Вил с Симом, узнав, в чем дело, тоже несколько раз заказали саунтен. Я был им вдвойне благодарен: иначе мне пришлось бы везти их домой на тачке.

В конце концов мы поняли, что по уши сыты музыкой, болтовней и бесплодным ухаживанием за подавальщицами (это что касается Сима).

Перед уходом я задержался и втихомолку побеседовал с барменом, выторговав у него разницу между половиной и третью. В результате я заработал еще талант и шесть йот. Большую часть этого за выпивку, которой угощали меня мои товарищи-музыканты.

Я ссыпал монеты в кошелек. «Ровно три таланта».

Помимо денег, я получил еще две темно-коричневые бутылки.

— Это что такое? — спросил Сим, когда я принялся укладывать бутылки в футляр с лютней.

— Бредонское пиво.

Я разложил тряпки так, чтобы бутылки не терлись о корпус.

— Бредонское! — презрительно фыркнул Вил. — Оно больше похоже на хлеб, чем на пиво!

Сим кивнул и скривился.

— Не люблю такое густое. Его же жевать можно!

— Оно не такое уж плохое! — возразил я. — В Малых королевствах его пьют беременные женщины. Арвил упоминал о нем в одной из своих лекций. Его варят из цветочной пыльцы, рыбьего жира и вишневых

косточек. Оно очень богато питательными веществами...

— Да ладно, Квоут, мы же тебя не осуждаем! — Вил сделал озабоченное лицо и положил руку мне на плечо. — Мы с Симом тебя не бросим, даже если ты окажешься беременной иллийкой!

Симмон фыркнул, потом заржал над собой, оттого что фыркнул.

Мы втроем потихоньку двинулись в обратный путь, к Университету, через высокую арку Каменного моста. На мосту, поскольку поблизости никого не было, я спел Симу песенку про ишака.

Вил с Симом побрели к себе в гнезда. Но я пока не был готов ложиться спать и потому отправился бродить по пустынным улочкам Университета, вдыхая прохладный ночной воздух.

Я проходил мимо темных витрин аптекарей, стеклодувов и переплетчиков. Я пересек аккуратно подстриженный газон, ощутив отчетливый пыльный аромат палой листвы и зеленой травы под ней. Почти все трактиры и питейные заведения уже спали, только в борделях еще горел свет.

Серые каменные стены Зала магистров отливали серебром в лунном свете. Там горела одна-единственная лампа, подсвечивая изнутри витражное окно с классическим изображением Теккама: босого, беседующего у входа в свою пещеру с толпой молодых студентов.

Я миновал тигельную. Ее бесчисленные трубы, которые сейчас не дымили, мрачно топорщились на фоне ясного неба. Даже ночью оттуда несло аммиаком и жжеными цветами, кислотой и спиртом — тысячами разнообразных запахов, которые за минувшие века впитались в каменные стены здания.

И вот, наконец, архивы. Пятиэтажное здание без окон напоминало мне гигантский камень-путевик. Его массивные двери были закрыты, но сквозь щели сочился красноватый свет симпатических ламп. Во время экзаменов магистр Лоррен держал архивы открытыми и по ночам, чтобы все члены арканума могли заниматься вволю. Все, кроме одного, само собой.

Я вернулся к Анкеру. В трактире было темно, все спали. У меня был ключ от черного хода, но, чем бродить в темноте, я предпочел свернуть в соседний проулок. Правой ногой на бочонок с дождевой водой, левой на подоконник, левой рукой за водосточную трубу... Я бесшумно вскарабкался к себе на третий этаж, подцепил задвижку провололочкой и влез в окно.

В комнате царила непроглядная тьма, а я слишком устал, чтобы спускаться вниз и разыскивать огонь в очаге. Поэтому я просто коснулся фитилька лампы, что стояла рядом с постелью, слегка запачкав пальцы

маслом. Потом я пробормотал связывание и ощутил, как похолодела рука, отдавшая часть тепла. Поначалу ничего не произошло, и я нахмурился, сосредоточившись, чтобы преодолеть алкогольный туман в голове. Холод глубже проник в мою руку, меня пробрала дрожь, но наконец фитиль вспыхнул.

Поскольку мне сделалось холодно, я закрыл окно, окинул взглядом тесную каморку со скошенным потолком и узкой кроватью и с удивлением понял, что это единственное место, где мне хотелось бы сейчас находиться. Я чувствовал себя здесь почти как дома.

Для вас это, может быть, звучит естественно, но мне показалось странным. Ведь я вырос среди эдема руэ и никогда не чувствовал себя как дома под крышей. Домом для меня была вереница фургонов и песни у костра. И когда мою трупку перебили, я лишился не только семьи и друзей детства. Мне казалось, будто весь мой мир сгорел по самую ватерлинию.

И вот теперь, проведя почти год в Университете, я наконец прижился здесь. Начал чувствовать себя своим. Странное это было чувство — привязанность к месту. Отчасти оно было утешительным, однако эдема руэ во мне бунтовал и бесился при мысли, что я пустил корни, точно растение.

И, проваливаясь в сон, я подумал о том, что сказал бы обо мне отец.

ГЛАВА 7

ЭКЗАМЕН

На следующее утро я плеснул себе в лицо водой и сбежал вниз. Зал трактира Анкера только-только начинал заполняться народом, желающим перекусить с утра, да еще несколько безутешных студентов явились заливать горе с утра пораньше.

Все еще рассеянный с недосыпа, я уселся на свое обычное место за угловым столиком и принялся переживать из-за грядущего собеседования.

Килвин и Элкса Дал меня особо не тревожили. К их вопросам я был готов. В целом то же касалось и Арвила. А вот остальные магистры в той или иной степени были загадкой.

Каждую четверть каждый из магистров выставлял в «книгах», читальном зале архивов, набор томов. Это были основные тексты, которые полагалось освоить э'лирам, учащимся низшего ранга, и более сложные труды для ре'ларов и эл'те. В этих книгах излагалось то, что магистры считали полезным знать. И любой разумный студент считал необходимым прочитать эти книги к экзаменам.

Но я не мог просто взять и пойти в «книги», как другие студенты. Я был первым и единственным за последние десять лет, кого изгнали из архивов, и все об этом знали. «Книги» были единственным хорошо освещенным залом во всем здании, и во время экзаменов там постоянно кто-то сидел и читал.

Поэтому мне приходилось разыскивать экземпляры выложенных магистрами книг в хранилище. Вы себе просто не представляете, в скольких вариантах существует одна и та же книга! Если удача мне улыбалась, найденный мною экземпляр бывал идентичен тому, который магистр выложил в «книгах». Но куда чаще обнаруженные мною версии оказывались устаревшими, сокращенными или дурно переведенными.

В последние несколько ночей я читал, сколько мог, однако поиски книг отнимали драгоценное время, и я по-прежнему чувствовал себя плачевно неготовым.

Я сидел, поглощенный этими тревожными мыслями, как вдруг мое внимание привлек голос Анкера:

— Квоут? Да вон он!

Я поднял голову и увидел женщину, сидящую у стойки. Она не была

похожа на студентку. Элегантное вишневое платье с пышными юбками и узкой талией и вишневые перчатки в тон, доходившие ей до локтей.

Женщина непринужденно соскользнула с табурета, ухитрившись не запутаться в юбках, и подошла к моему столику. Искусно завитые белокурые волосы, губы накрашены алым... Интересно, что она делает тут, у Анкера?

— Не вы ли сломали руку этому мерзавцу, Амброзу Джакису? — осведомилась она. Она говорила по-атурански с густым, певучим модеганским акцентом. Из-за этого понимать ее было не так просто, но я бы солгал, если бы сказал, что это было непривлекательно. Модеганский акцент буквально дышит обольстительностью.

— Да, я, — ответил я. — Не то чтобы нарочно, но я сломал ему руку.

— Тогда разрешите вас угостить! — произнесла она тоном женщины, которая привыкла всегда поступать так, как ей угодно.

Я улыбнулся ей, сожалея, что всего десять минут как проснулся и совершенно ничего не соображаю.

— Вы не первая, кто желает меня угостить по этому поводу, — честно ответил я. — Если вы настаиваете, то я предпочел бы грейсдельский мед.

Она направилась к стойке. Я проводил ее взглядом. Если это и студентка, то из новеньких. Если бы она провела тут больше оборота, я бы непременно узнал об этом от Сима — тот примечал всех самых красивых девушек в университетском городке и ухаживал за ними с безыскусным энтузиазмом.

Модеганка вскоре возвратилась и села напротив, подвинув ко мне деревянную кружку. Анкер, должно быть, только что помыл эту кружку: пальчики, обтянутые вишневой перчаткой, были влажные в том месте, где они сжимали ручку.

Она подняла свой бокал, наполненный густо-красным вином.

— За Амброза Джакиса! — произнесла она неожиданно страстно. — Чтоб ему свалиться в колодец и сдохнуть как собаке!

Я взял кружку и отхлебнул, гадая, осталась ли в пределах ста километров от Университета хоть одна женщина, которую не обидел бы Амброз. Я тайком вытер руку о штаны.

Женщина залпом осушила бокал и с размаху поставила его на стол. Зрачки у нее были огромные. Несмотря на ранний час, она, похоже, была уже изрядно пьяна.

Внезапно я почувствовал запах мускатного ореха и коринки. Я понюхал свою кружку, потом посмотрел на стол — может, там что-то пролили? Но нет, все чисто...

Женщина напротив внезапно разревелась. Не расплакалась, нет: именно разревелась, как будто кран открыли.

Она посмотрела на свои руки в перчатках, потрясла головой. Содрала с руки влажную перчатку, взглянула на меня, выдавила несколько слов на модеганском.

— Извините, — промямлил я, — я не понимаю...

Но она уже поднималась из-за стола. Вытерла глаза и бросилась к выходу.

Анкер уставился на меня из-за стойки, как и остальные присутствующие.

— Я тут ни при чем! — сказал я, указывая ей вслед. — Она сама сбрендила!

Я бы бросился за ней и попытался разобраться, в чем дело, но она уже выскочила за дверь, а мне оставался всего час до собеседования. К тому же, если я возьмусь утешать всех женщин, которых когда-либо обидел Амброз, мне ни есть, ни спать некогда будет!

Зато эта странная беседа как будто прочистила мне мозги. Я уже не чувствовал себя ни сонным, ни тупым. Что ж, надо этим воспользоваться и как можно быстрее покончить с экзаменом. Раньше возьмешься — раньше закончишь, как говаривал мой отец.

* * *

По дороге в Пустоты я остановился и купил себе у разносчика поджаристый мясной пирожок. Нет, я знал, что мне понадобится каждый пенни, чтобы оплатить учебу, но ведь эти гроши меня все равно не спасут, а я хоть позавтракаю как следует... Пирожок был горячий и сытный, щедро начиненный курятиной с морковкой и шафраном. Я жевал его на ходу, наслаждаясь скромной свободой в кои-то веки съесть что-нибудь, чего хочется мне самому, а не довольствоваться тем, что найдется у Анкера.

Положив в рот последний кусочек теста, я почуял запах жареного миндаля в меду. Я купил себе большую порцию миндаля, насыпанную в хитро свернутый кулек из кукурузных листьев. Это обошлось мне в четыре драба, но я тыщу лет не ел миндаля в меду, а лишний сахар в крови на экзамене не помешает.

Через двор вилась очередь экзаменуемых. Не то чтобы особенно длинная, но все равно раздражающая. Я увидел лицо, знакомое мне по артной, и подошел к молодой девушке с зелеными глазами, которая стояла

рядом с очередью.

— Эй ты, привет! — сказал я. — Ты ведь Амлия, верно?

Она нервно улыбнулась и кивнула.

— А я Квоут, — сказал я, слегка поклонившись.

— Да, я тебя знаю, — сказала она. — Я видела тебя в артефактной.

— В артной! — поправил я. — Надо говорить — «в артной».

Я протянул ей свой кулек.

— Миндалю хочешь?

Амлия покачала головой.

— А зря, вкусный миндаль! — я потряс кульком, орешки заманчиво загремели.

Она опасливо взяла один орешек.

— Это очередь на полдень? — спросил я.

Она покачала головой.

— Нет, это те, кто раньше. Мы пока даже в очередь вставать не можем. Надо подождать пару минут.

— Глупо все-таки, что нас заставляют тут толпиться, — сказал я. — Будто овец в загоне! Пустая трата времени, оскорбительная к тому же.

На лице Амлии отразилась тревога.

— В чем дело? — спросил я.

— Да нет, ничего, просто... ты не мог бы говорить потише? — попросила она, озираясь по сторонам.

— Я просто не боюсь сказать вслух то, что думают все! — возразил я. — Сама идея экзаменов изначально порочна до идиотизма. Что, магистр Килвин не знает, на что я способен? Знает, конечно. И Элкса Дал знает. Брандье все равно не отличит меня от дырки в полу. Так почему же его мнение имеет тот же вес, когда речь идет о моей плате за обучение?

Амлия пожала плечами, избегая встречаться со мной взглядом.

Я раскусил еще один орешек и тут же сплюнул его на мостовую.

— Тьфу ты!

Я протянул ей кулек.

— Тебе не кажется, что они отдают коринкой?

Она посмотрела на меня с легким отвращением, потом перевела взгляд на кого-то у меня за спиной.

Я обернулся и увидел, что в нашу сторону идет Амброз. Выглядел он, как всегда, великолепно: безупречно-белая рубашка, бархат, парча. На нем была шляпа с высоким белым султаном, и эта шляпа почему-то особенно меня взбесила. Против обыкновения, он был один, без своей обычной свиты прихвостней и лизоблюдов.

— Чудесно! — воскликнул я, как только он подошел достаточно близко, чтобы меня услышать. — Амброз, твое присутствие — это та самая дерьмовая вишенка на дерьмовом тортике, который представляет собой весь процесс экзаменов!

Амброз, на удивление, только улыбнулся.

— А, Квоут! Я тоже рад тебя видеть.

— Виделся сегодня с одной из твоих бывших пассий, — продолжал я. — Бедняжка в шоке — видимо, глубоко травмирована тем, что видела тебя голым.

Тут физиономия у него несколько вытянулась. А я склонился к Амлии и театральным шепотом произнес:

— Мне из верных источников известно, что у Амброза крошечный пенис, но мало этого: возбудиться он способен лишь в присутствии дохлого пса, портрета герцога Гибей и галерного барабанщика, голого по пояс.

Лицо Амлии окаменело.

Амброз взглянул на нее.

— Тебе лучше уйти. Совсем ни к чему слушать подобные вещи.

Амлия практически сбежала.

— Надо отдать тебе должное, — заметил я, провожая ее взглядом. — Когда надо заставить женщину сбежать, тут тебе равных нет.

Я приподнял воображаемую шляпу.

— Ты мог бы давать уроки. Мог бы читать лекции!

Амброз просто стоял, кивал и смотрел на меня с каким-то довольным видом, как будто я был у него в руках.

— В этой шляпе у тебя такой вид, как будто ты увлекаешься мальчиками, — заметил я. — Мне охота сшибить ее с тебя, если ты не слиняешь.

Я взглянул на него.

— Кстати, как рука?

— Теперь уже гораздо лучше, — вежливо ответил он. Рассеянно потер сломанную руку и улыбнулся.

Я сунул в рот еще один орешек, скривился и снова его выплюнул.

— В чем дело? — поинтересовался Амброз. — Коринка не нравится?

И, не дожидаясь ответа, развернулся и зашагал прочь. Он улыбался.

Можете себе представить, что творилось в моей голове, если я просто растерянно проводил его взглядом. Я поднес кулек к лицу и принялся. Я ощутил пыльный запах кукурузных листьев, аромат меда и корицы. Ни коринкой, ни мускатным орехом не пахло ничуть. Откуда же Амброз может знать?..

И тут мои мозги с грохотом встали на место. Одновременно с этим пробило полдень, и все, у кого был тот же жребий, что у меня, поспешно встали в длинную очередь, тянущуюся через двор. Наступило время моего экзамена.

Я опрометью бросился прочь.

* * *

Я отчаянно колотил в дверь, задыхаясь оттого, что взбежал бегом на третий этаж гнезд.

— Симмон! — орал я. — Симмон, открой, поговорить надо!

Дальше по коридору открывались другие двери, студенты выглядывали на шум. Одним из них как раз и был Симмон. Его песочно-рыжие волосы были растрепаны.

— Квоут, ты чего? — спросил он. — Это же даже не моя дверь!

Я подошел, втолкнул его в комнату и захлопнул за собой дверь.

— Симмон. Амброз меня чем-то опоил. Мне кажется, что у меня не все в порядке с головой, но я не могу понять, в чем дело.

Симмон ухмыльнулся.

— Знаешь, мне уже давно казалось, что...

Он осекся, глаза у него вылезли на лоб.

— Ты чего делаешь? Ты зачем плюешься?!

— У меня во рту какой-то странный привкус, — объяснил я.

— А мне какое дело? — сердито и растерянно отрезал он. — Ты чего, вообще? В сарае, что ль, родился?

Я залепил ему увесистую пощечину, он отлетел и впечатался в стену.

— Ну да, я родился в сарае, — мрачно ответил я. — И что такого?

Сим стоял, одной рукой упираясь в стену, другую прижав к медленно багровеющей щеке. Лицо у него было совершенно ошеломленное.

— Господи помилуй, да что с тобой такое?!

— Со мной-то все нормально, — ответил я, — а ты бы лучше последил за своим тоном. Вообще-то ты мне нравишься, но, если у меня нет богатеньких родителей, это не значит, что ты меня чем-то лучше.

Я нахмурился и снова сплюнул на пол.

— Господи, какая мерзость! Терпеть не могу мускатный орех. С детства его терпеть не мог!

Тут Сима, похоже, осенило.

— Что за вкус у тебя во рту? — спросил он. — Коринка и пряности,

да?

Я кивнул.

— Гадость страшная.

— Прах Господень... — сказал Сим тихо и серьезно. — Понятно. Да, ты прав. Тебя опоили. И я даже знаю чем...

Он осекся. Я развернулся и взялся за ручку двери.

— Ты куда?

— Пойду убью Амброза, — ответил я. — Он меня отравил.

— Это не яд. Это...

Он вдруг умолк, затем продолжал очень ровным, спокойным тоном:

— Откуда у тебя этот нож?

— Я всегда его ношу на ноге, под штанами, — объяснил я. — На всякий случай.

Сим набрал воздуха в грудь, потом с шумом выдохнул.

— Можешь выслушать меня в течение минуты, прежде чем пойдешь убивать Амброза? Я тебе все объясню.

Я пожал плечами.

— Ладно.

— Можно попросить тебя сесть, пока мы будем разговаривать?

Он указал на стул.

Я вздохнул и сел.

— Ну, хорошо. Только давай побыстрее. У меня ведь еще экзамен сегодня.

Сим спокойно кивнул и сел на край своей кровати напротив меня.

— Короче, знаешь, как бывает, когда человек напьется и вобьет себе в голову, что ему непременно надо сделать какую-нибудь глупость? И отговорить его нет никакой возможности, хотя делать этого явно не стоит?

Я расхохотался.

— Как в тот раз, когда ты непременно захотел поговорить с той арфисткой возле «Эолиана» и облевал ей всю лошадь?

Сим кивнул.

— Ну да, именно так. Так вот, алхимик может изготовить вещество, которое заставит человека поступать подобным образом, только гораздо хуже.

Я покачал головой.

— Я совершенно не чувствую себя пьяным. Голова у меня ясная, как стеклышко.

Сим кивнул.

— Это не похоже на опьянение, — сказал он. — Это всего лишь часть

опьянения. От этого вещества не кружится голова, не убавляется сил. От него человеку только становится проще делать глупости.

Я немного поразмыслил.

— Да нет, не думаю, что дело в этом, — сказал я. — Мне совершенно не хочется делать никаких глупостей.

— Есть способ это проверить, — сказал Сим. — Вот ты сейчас можешь придумать что-нибудь, чего делать явно не стоит?

Я снова поразмыслил, рассеянно постукивая кончиком ножа по голенищу своего башмака.

— Ну вот, например, явно не стоит...

Я осекся. И задумался, теперь уже надолго. Сим выжидающе глядел на меня.

— Прыгать с крыши? — интонация вышла вопросительная.

Сим молчал. И по-прежнему смотрел на меня.

— Да, теперь я вижу, в чем проблема, — медленно произнес я. — Похоже, у меня начисто отказали все сдерживающие механизмы.

Симмон улыбнулся с облегчением и одобрительно кивнул.

— Именно. Все имевшиеся у тебя запреты обрезало начисто, так что ты даже не замечаешь, чего лишился. А все остальное на месте. Ты ходишь ровно, говоришь четко, мыслишь разумно.

— Ты говоришь со мной покровительственным тоном, — заявил я, ткнув в его сторону кончиком ножа. — Не надо так делать!

Он моргнул.

— Хорошо, не буду. Так ты можешь придумать, как решить эту проблему?

— Разумеется. Мне нужно что-то вроде пробного камня. Тебе придется меня направлять, у тебя-то все сдерживающие механизмы в порядке.

— Вот и я думал об этом, — сказал Сим. — Так ты готов довериться мне?

Я кивнул.

— Во всем, кроме женщин. С женщинами ты себя ведешь по-дурацки.

Я взял с соседнего столика стакан с водой, прополоскал рот и выплюнул воду на пол.

Сим слабо улыбнулся.

— Ну хорошо. Итак, во-первых, Амброза убивать нельзя.

Я заколебался.

— Ты уверен?

— Абсолютно. На самом деле почти всего, что ты собираешься делать

с этим ножом, делать наверняка не стоит. Отдай-ка его лучше мне.

Я пожал плечами, подкинул нож, перехватил его лезвием к себе и протянул Симу самодельную кожаную рукоятку.

Сима это, похоже, удивило, но нож он взял.

— Тейлу милосердный! — он перевел дух и положил нож на кровать. — Спасибо тебе большое!

— Что, это было настолько серьезно? — спросил я и еще раз прополоскал рот. — Знаешь, наверно, надо придумать какую-то систему оценок. Какую-нибудь десятибалльную шкалу.

— Сплевывать воду на пол — это один балл, — сказал Сим.

— Ой, извини.

Я поставил стакан обратно на стол.

— Да нет, ничего! — он махнул рукой.

— Один балл — это минимум или максимум? — уточнил я.

— Минимум, — ответил Сим. — А убить Амброза — это десять...

Он колебался.

— Нет, пожалуй, восемь...

Он поерзал на кровати.

— Или даже семь.

— Что, правда? — переспросил я. — Так много? Ну, тогда ладно.

Я подался вперед.

— Ты мне, главное, подскажи, как вести себя на экзамене! А то ведь мне скоро пора будет возвращаться в очередь.

Симмон твердо покачал головой.

— Нет. Вот этого делать точно не стоит. Это восемь.

— Что, правда?

— Правда не стоит, — сказал он. — Слишком щекотливая ситуация. И слишком многое может пойти не так.

— Но если, предположим...

Сим вздохнул, убрал рыжеватую челку, упавшую ему на глаза.

— Кто тут пробный камень, ты или я? Если мне придется тебе все повторять по три раза, это будет крайне утомительно!

Я поразмыслил.

— Да, ты прав. Особенно если я собираюсь сделать что-то потенциально опасное...

Я огляделся.

— И долго это продлится?

— Не больше восьми часов.

Он открыл было рот, чтобы сказать что-то еще, и снова закрыл его.

— Чего? — спросил я.

Сим вздохнул.

— Могут еще быть побочные эффекты. Вещество жирорастворимое, поэтому в организме оно задержится надолго. И ты потом еще некоторое время будешь испытывать небольшие рецидивы под влиянием стресса, сильного волнения, физического напряжения...

Он виновато посмотрел на меня.

— Но это все будет слабое эхо того, что сейчас.

— Ну, об этом я побеспокоюсь после, — сказал я. И протянул руку. — Давай твой жребий. Ты пойдешь на экзамен сейчас, а я потом, вместо тебя.

Сим беспомощно развел руками.

— Я уже отстрелялся.

— Ах, Тейловы сиськи! — выругался я. — Ладно. Ступай разыщи Фелу.

Он отчаянно замахал руками.

— Нет! Нет-нет-нет! Десять баллов!

Я расхохотался.

— Да не за этим! У нее жребий на вечер возжиганья!

— А ты думаешь, она с тобой поменяется?

— Она уже предлагала.

Сим вскочил.

— Я схожу за ней!

— А я посижу здесь, — сказал я.

Сим энергично закивал и нервно огляделся.

— И, пожалуй, лучше ничего не делай, пока меня не будет, — сказал он, открывая дверь. — Сунь руки под задницу и так сиди, пока я не вернусь.

* * *

Сим отсутствовал всего минут пять. Пожалуй, это было к лучшему.

Раздался стук в дверь.

— Это я, — слышался из-за двери голос Сима. — У тебя там все в порядке?

— Ты знаешь, что странно? — сказал я через дверь. — Я тут пытался придумать что-нибудь забавное, что можно было бы сделать, пока тебя нет, и совершенно ничего в голову не приходит!

Я огляделся.

— Думаю, это означает, что юмор как таковой коренится в нарушении социальных норм. Я не могу их нарушить, потому что не представляю, что будет социально неприемлемым. Для меня сейчас все едино.

— Да, возможно, ты прав, — согласился Сим, потом спросил: — А ты уже что-нибудь сделал?

— Да нет, — ответил я. — Я решил вести себя хорошо. Фелу нашел?

— Нашел. Она тут, со мной. Но прежде, чем мы войдем, обещай, что не станешь делать ничего, не посоветовавшись прежде со мной. Договорились?

Я расхохотался.

— Ладно, идет! Только смотри не заставляй меня делать при ней глупости!

— Не буду, — обещал Сим. — Только можно ты сядешь? Просто на всякий случай.

— Да я и так сижу, — ответил я.

Сим отворил дверь. Я увидел Фелу, заглядывающую в комнату ему через плечо.

— Привет, Фела! — сказал я. — Мне надо поменяться с тобой жребиями.

— Сначала рубашку надень, — сказал Сим. — Это примерно два балла.

— Ой, извини, — сказал я. — Мне было жарко.

— Мог бы окно открыть.

— Я счел, что будет безопаснее ограничить свои взаимодействия с внешними предметами, — пояснил я.

Сим приподнял бровь.

— Вот это и в самом деле хорошая мысль. Просто на этот раз она завела тебя немного не туда.

— Ух ты! — сказала Фела из коридора, не входя в комнату. — Он это все серьезно?

— Абсолютно серьезно, — ответил Сим. — Хочешь честно? Я не уверен, что тебе безопасно сюда входить.

Я натянул рубашку.

— Я одет, — доложил я. — Могу даже сунуть руки под задницу, если ты сочтешь, что так безопаснее.

И так я и сделал.

Сим поморщился, но впустил Фелу в комнату и закрыл за ней дверь.

— Фела, ты такая роскошная женщина! — сказал я. — Я готов отдать тебе все деньги, что есть у меня в кошельке, только за то, чтобы две минуты

полюбоваться на тебя голую. Я готов отдать тебе вообще все, что у меня есть. Кроме лютни.

Трудно сказать, кто из них покраснел сильнее. По-моему, все-таки Сим.

— Что, этого говорить не стоило, да? — спросил я.

— Не стоило, — сказал Сим. — Это тянет баллов на пять.

— Но это же нелогично, — возразил я. — На картинах рисуют голых женщин. Кто-то же покупает эти картины? И кто-то же для них позирует?

Сим кивнул.

— Это верно. Но все равно. Просто посиди смирно, ничего не говори и не делай, ладно?

Я кивнул.

— Просто ушам своим не верю, — сказала Фела. Лицо ее мало-помалу приобретало нормальный цвет. — Мне все-таки кажется, что вы двое меня разыгрываете.

— Ах, если бы! — сказал Симмон. — На самом деле это вещество — крайне опасная штука.

— Но как он может помнить про картины с голыми женщинами и при этом не помнить, что нельзя появляться на людях без рубашки? — спросила она у Сима, не сводя с меня глаз.

— Мне просто не кажется, что это так уж важно, — объяснил я. — Я ведь снимал рубашку во время порки, а это было в общественном месте. Странно, что такие пустяки кого-то волнуют.

— А ты знаешь, что будет, если ты попытаешься зарезать Амброза?

Я немного поразмыслил. Это было все равно что пытаться припомнить, что ты ел на завтрак месяц тому назад.

— По-моему, будет суд, — осторожно сказал я, — и люди станут угощать меня выпивкой...

Фела хихикнула в кулачок.

— Ну хорошо, подойдем с другой стороны, — сказал Симмон. — Что хуже: украсть пирожок или зарезать Амброза?

На этот раз я размышлял дольше.

— А пирожок с мясом или с яблоками?

— Ух ты... — шепотом сказала Фела. — Это просто...

Она покачала головой.

— У меня просто мурашки по спине ползают!

Симмон кивнул.

— Кошмарное снадобье. Это разновидность успокоительного, называется коринковый боб. Его даже глотать не надо. Оно всасывается

прямо через кожу.

Фела пристально взглянула на него.

— А ты о нем откуда так много знаешь?

Сим слабо улыбнулся.

— Мандраг о нем рассказывает чуть ли не на каждой лекции по алхимии. Я эту историю уже раз десять слышал, не меньше. Это его излюбленный пример злоупотребления алхимией. Один алхимик воспользовался этим средством, чтобы погубить нескольких важных чиновников в Атуре, лет пятьдесят тому назад. И поймали его только благодаря тому, что одна графиня взбесилась в самый разгар свадьбы, убила с десяток человек и...

Сим осекся и покачал головой.

— В общем, вот так. Очень опасное вещество. Настолько опасное, что любовница алхимика сама выдала его стражникам.

— Надеюсь, он получил по заслугам!

— Получил, и с лихвой, — мрачно ответил Сим. — Но штука в чем: оно на всех действует немного по-разному. Это не просто снятие запретов. Это еще и усиление эмоций. Пробуждение тайных желаний, сочетающееся со странной, избирательной памятью. Нечто вроде моральной амнезии.

— Не могу сказать, что я себя плохо чувствую, — сказал я. — Чувствую я себя довольно хорошо на самом деле. Но я тревожусь из-за экзамена.

Сим взмахнул рукой.

— Вот видишь? Про экзамен он помнит. Для него это важно. А про остальное... просто забыл.

— А противоядия никакого нет? — с тревогой спросила Фела. — Может, надо отвести его в медику?

— Думаю, не стоит! — нервно ответил Симмон. — Они могут дать ему рвотное или слабительное, но это же не лекарство. Алхимия действует не так. Он сейчас находится под влиянием освобожденных начал. Их нельзя просто изгнать из организма, как ртуть или офалум.

— Идея с рвотным мне не нравится! — добавил я. — Если, конечно, мое мнение имеет значение.

— А еще они могут подумать, что он просто тронулся от перенапряжения во время экзаменов, — сказал Симмон Феле. — Такое каждую четверть случается с несколькими студентами. И его запрут в Гавани до тех пор, пока не убедятся, что...

Я вскочил на ноги, стиснув кулаки.

— Да пусть меня лучше порежут на куски и отправят в ад, чем я

позволю им запереть меня в Гавани! — яростно выпалил я. — Хоть на час! Хоть на минуту!

Сим побледнел, отшатнулся, вскинул руки ладонями вперед, словно защищаясь. Но голос его по-прежнему звучал твердо и ровно.

— Квоут, трижды тебе говорю: остановись!

Я остановился. Фела смотрела на меня расширенными, перепуганными глазами.

Симмон твердо продолжал:

— Квоут, трижды тебе говорю: сядь!

Я сел.

Фела, стоящая у Симмона за спиной, поглядела на него с изумлением.

— Спасибо, — вежливо сказал Симмон, опуская руки. — Да, я с тобой согласен. Медика — не самое подходящее для тебя место. Переждать ты можешь и здесь.

— Мне тоже кажется, что так лучше, — сказал я.

— Даже если в медицине все пройдет благополучно, — добавил Симмон, — я думаю, что ты будешь более обычного склонен высказывать свои мысли вслух.

Он криво улыбнулся.

— А тайны — это краеугольный камень цивилизации, и я знаю, что тебе известно больше, чем многим.

— По-моему, никаких тайн у меня нет, — заметил я.

Сим с Фелой одновременно разразились хохотом.

— Боюсь, что ты только что подтвердил слова Сима, — сказала Фела. — Мне известно, что у тебя их как минимум несколько.

— И мне тоже, — сказал Сим.

Я пожал плечами.

— Ты — мой пробный камень!

Потом улыбнулся Феле и достал кошелек.

Сим замотал головой.

— Нет-нет-нет! Я же тебе уже говорил. Увидеть ее голой — это худшее, что ты сейчас можешь сделать.

Глаза у Фелы слегка сузились.

— А в чем дело? — спросил я. — Ты что, боишься, что я повалю ее на пол и изнасилую?

Я расхохотался.

Сим посмотрел на меня.

— А что, нет?

— Нет, конечно! — ответил я.

Он оглянулся на Фелу, снова посмотрел на меня.

— А ты можешь объяснить почему? — с любопытством спросил он.

Я поразмыслил.

— Ну, потому что...

Я запнулся, потом покачал головой.

— Ну, просто... просто не могу. Я же знаю, что не могу съесть камень или пройти сквозь стену. Что-то вроде этого.

Я на секунду сосредоточился на этом, и у меня закружилась голова. Я прикрыл глаза рукой, стараясь не обращать внимания на непонятное головокружение.

— Пожалуйста, скажи, что я прав! — попросил я, внезапно испугавшись. — Камни ведь есть нельзя, верно?

— Да-да, ты прав! — поспешно сказала Фела. — Камни есть нельзя.

Я прекратил рыться у себя в голове в поисках ответа, и странное головокружение прекратилось.

Сим пристально смотрел на меня.

— Хотел бы я знать, что это означает! — сказал он.

— Кажется, я знаю... — негромко заметила Фела.

Я достал из кошелька костяной жребий.

— Я просто хотел поменяться, — объяснил я. — Но, может быть, ты все же не против, чтобы я увидел тебя голой?

Я встряхнул кошелек и посмотрел в глаза Феле.

— Сим говорит, что это плохо, но он совершенно ничего не смыслит в женщинах. Крыша у меня, быть может, приколочена не так прочно, как хотелось бы, но уж это я помню твердо!

* * *

Прошло четыре часа, прежде чем я наконец начал мало-помалу вспоминать о запретах, и еще два, прежде чем они восстановились полностью. Симмон провел весь этот день со мной. Он терпеливо, как священник, объяснял, что нет, мне нельзя пойти и купить нам бутылку бренда. Нет, не надо выходить и пинать собаку, которая гавкает на той стороне улицы. Нет, не надо ходить в Имре и искать Денну. Нет. Трижды нет.

К тому времени, как зашло солнце, я снова сделался самим собой — умеренно аморальным типом. Симмон долго и придирчиво меня допрашивал, потом отвел меня домой, к Анкеру, и заставил поклясться

молоком моей матери, что до утра я никуда выходить не буду. Я поклялся.

Но нельзя сказать, чтобы со мной все было в порядке. Меня по-прежнему обуревали эмоции, жарко вспыхивающие по любому поводу. И хуже того: ко мне не просто вернулась память. Воспоминания сделались особенно яркими и совершенно неуправляемыми.

Пока я сидел у Симмона, все было не так плохо. Его присутствие меня отвлекало и развлекало. Но, оставшись один в своей крошечной мансарде у Анкера, я оказался во власти воспоминаний. Казалось, мой разум твердо решил вытащить на свет и как следует рассмотреть все самое острое и мучительное, что хранилось у меня в памяти.

Вы, наверно, думаете, будто хуже всего были воспоминания о том, как погибла моя труппа. Как я вернулся в лагерь и обнаружил, что все горит. Как неестественно выглядели в сумерках трупы моих родителей. Запах горелой парусины, крови и паленого волоса. Воспоминания об убийцах. О чандрианах. О человеке, который говорил со мной, непрерывно ухмыляясь. О Пепле.

Да, это были дурные воспоминания, но за прошедшие годы я столько раз вытаскивал их и вертел в голове, что они сильно притупились. Я помнил тон и тембр голоса Хелиакса так же отчетливо, как голос своего отца. Я без труда мог вызвать в памяти лицо Пепла. Его ровные, ослабленные зубы. Его светлые выующиеся волосы. Его глаза, черные, точно капли чернил. Его голос, пронизанный зимним холодом, и его слова: «Чьи-то родители пели совсем неправильные песни».

Вы, наверно, думаете, что это и были худшие мои воспоминания. Но нет. Вы ошибаетесь.

Хуже всего были воспоминания о моем детстве. О том, как медленно катится фургон, подпрыгивая на ухабах, а отец небрежно подергивает вожжами. О том, как его сильные руки лежат у меня на плечах, показывая, как надо стоять на сцене так, чтобы все мое тело говорило о гордости, или горе, или смущении. О том, как его пальцы поправляют мои на грифе лютни.

О том, как мать причесывает меня. Ощущение ее рук, обнимающих меня. О том, как удобно лежит моя голова у нее на груди. Как я сижу у нее на коленях возле ночного костра, сонный и счастливый, и все в порядке.

Вот эти воспоминания были хуже всего. Драгоценные и отчетливые. Острые, как глоток битого стекла. Я лежал в постели, свернувшись дрожащим клубком, не в силах заснуть, не в силах переключиться на что-то другое, не в силах перестать вспоминать. Снова. И снова. И снова.

И тут ко мне в окно тихонько постучали. Так тихонько, что я даже не

услышал этого звука, пока он не затих. А потом я услышал, как у меня за спиной открылось окно.

— Квоут! — тихонько окликнула Аури.

Я стиснул зубы, сдерживая рыдания, и застыл, надеясь, что она подумает, будто я сплю, и уйдет прочь.

— Квоут! — повторила она. — Я тебе принесла...

На миг она умолкла, а потом воскликнула:

— Ой!

Я услышал шорох у себя за спиной. В лунном свете я видел на стене ее маленькую тень: Аури забралась в окно. Я почувствовал, как качнулась кровать, когда она влезла на нее.

Маленькая холодная ручка погладила мою щеку.

— Все хорошо, — шепнула она. — Иди сюда!

Я тихонько заплакал, и она мало-помалу развернула меня так, что моя голова оказалась у нее на коленях. Она что-то бормотала, убирая волосы у меня со лба. Ее руки казались прохладными на моем разгоряченном лице.

— Я все понимаю, — грустно сказала она. — Иногда бывает тяжело, да?

Она ласково гладила меня по голове, и от этого я рыдал все сильнее. Я просто не помнил, когда в последний раз кто-то прикасался ко мне с любовью.

— Я все понимаю, — говорила она. — На сердце у тебя камень, и временами он так тяжел, что тут уж ничего не поделаешь. Но тебе не обязательно справляться с этим в одиночку. Лучше бы ты ко мне пришел. Я же все понимаю.

Я судорожно дернулся и внезапно снова ощутил во рту привкус коринки.

— Мне так ее не хватает! — сказал я прежде, чем сообразил, что говорю. Потом я заставил себя заткнуться, пока не наговорил еще чего-нибудь. Я стиснул зубы и яростно замотал головой, как лошадь, норовящая вырвать поводья.

— Ты можешь говорить все, что хочешь, — мягко сказала Аури.

Я снова содрогнулся, ощутил вкус коринки, и внезапно слова хлынули из меня потоком.

— Она рассказывала, что я запел прежде, чем научился говорить. Она рассказывала, когда я был младенцем, у нее была привычка мурлыкать что-нибудь себе под нос, держа меня на руках. Не песни, нет. Просто нисходящую терцию, успокаивающие звуки. И вот в один прекрасный день она гуляла со мной вокруг лагеря и услышала, как я повторяю за ней. На

две октавы выше. Пронзительная такая терция. Она говорила, это была моя первая песня. И мы пели ее друг другу. Годами...

Я осекся и стиснул зубы.

— Говори, говори, — шепнула Аури. — Можно говорить.

— Я никогда больше ее не увижу!

Я осекся и разрыдался, уже всерьез.

— Все хорошо, все хорошо, — шептала Аури. — Я здесь, я с тобой.

Все в порядке.

ГЛАВА 8

ВОПРОСЫ

Следующие несколько дней нельзя назвать особенно приятными или продуктивными. Жребий Фелы приходился на самый конец экзаменов, так что я делал все, чтобы употребить доставшееся мне время с наибольшей пользой. Я попытался было работать в артной, но поспешил вернуться к себе, когда внезапно разрыдался, нанося руны на жаропровод. Мало того что я был не в состоянии поддерживать нужный алар — последнее, чего я хотел, это чтобы все думали, будто я тронулся от перенапряжения во время экзаменов.

В тот же вечер, когда я полз по узкому тоннелю, ведущему в архивы, мой рот снова наполнился вкусом коринки, и меня охватил безрассудный страх перед темным, тесным пространством. По счастью, я успел проползти не больше десятка футов, но даже так я едва не устроил себе сотрясение мозга, пытаясь выбраться обратно, и содрал руки в кровь о камни.

Так что следующие два дня я провел, делая вид, что болен, и стараясь не выходить из своей каморки. Я играл на лютне, спал зыбким тревожным сном и обдумывал планы мести Амброзу.

* * *

Когда я спустился вниз, Анкер прибирался в зале.

— Ну что, полегчало? — спросил он.

— Немножко, — сказал я. Накануне у меня было всего два приступа с привкусом коринки, и те очень короткие. А главное, мне удалось проспять целую ночь, ни разу не проснувшись. Похоже, худшее осталось позади.

— Есть хочешь?

Я покачал головой.

— Экзамены сегодня...

Анкер нахмурился.

— Ну, так съешь хоть что-нибудь! Яблоко вон возьми...

Он порылся за стойкой и извлек наружу глиняную кружку и тяжелый кувшин.

— И молока выпей. Молоко все равно надо извести, пока не скисло. Чертов безлёдник уже пару дней как сдох. А ведь три таланта с меня за него содрали! Вот знал же я, что не стоит выбрасывать такие деньги, когда можно по дешевке купить нормального льду...

Я перегнулся через стойку и взглянул на длинный деревянный ящик, стоящий среди кружек и бутылок.

— Хотите, я посмотрю, в чем дело? — предложил я.

Анкер вскинул бровь.

— А ты что, разбираешься, что ли?

— Ну, посмотреть-то можно, — сказал я. — Если что-нибудь простенькое, могу и починить.

Анкер пожал плечами.

— Ну, хуже-то ты уже не сделаешь, он так и так сломан.

Он вытер руки передником и жестом пригласил меня за стойку.

— А я тебе пока пару яиц сварю. Все равно их тоже надо извести.

Он открыл длинный ящик, достал оттуда несколько яиц и ушел на кухню.

Я обогнул стойку и опустился на колени рядом с безлёдником. Это был выложенный камнями ящик размером с небольшой дорожный сундучок. За пределами Университета это был бы уникальный артефакт, диковинка, роскошь. Но здесь подобную штуку достать было нетрудно, поэтому он был всего лишь еще одной бесполезной богопротивной штуковиной, которая отказывается работать как следует.

На самом деле артефакт был самый что ни на есть простой и примитивный. Никаких тебе движущихся частей, просто две плоские оловянные ленты, исписанные рунами, которые передавали теплоту с одного конца ленты к другому. Фактически это был не более чем медленный и малоэффективный тепловой сифон.

Я коснулся оловянных лент. Правая была теплой — значит, та ее часть, что находится внутри, холодная. Но левая была комнатной температуры. Я вытянул шею, вглядываясь в руны, и заметил на олове глубокую царапину, перечеркнувшую целых две руны.

Это все объясняло. Сигалдри во многом подобна высказыванию. Если выкинуть из фразы пару слов, она становится бессмысленной. Точнее сказать, обычно она просто становится бессмысленной. А временами поврежденная сигалдри может приобрести какой-нибудь весьма неприятный эффект. Я нахмурился, глядя на ленту. Артефакт был попросту дурно изготовлен. Руны должны были находиться на внутренней стороне ленты, чтобы их нельзя было повредить.

Я порылся в ящике, нашел молоток для колки льда и несколькими аккуратными ударами выровнял поверхность олова, стерев поврежденные руны. Потом сосредоточился и кончиком картофелечистки выцарапал их заново.

Анкер вернулся с кухни с тарелкой вареных яиц и помидоров.

— Ну все, теперь должно заработать, — сказал я. И принялся есть — сначала из вежливости, но внезапно обнаружил, что и впрямь голоден.

Анкер осмотрел ящик, приподнял крышку.

— Что, так просто?

— Как и все остальное, — ответил я с набитым ртом. — Просто, когда знаешь, что делаешь. Я говорю, что должно заработать, а там не знаю. Подожди денек — и увидишь, холодит он или нет.

Я доел яйца и выпил молоко настолько торопливо, как мог, чтобы не показаться при этом невежливым.

— Мне нужно забрать деньги, что накопились у меня в баре, — сказал я. — В этой четверти мне будет нелегко заплатить за учебу.

Анкер кивнул и заглянул в тетрадку, которую держал под стойкой, подсчитывая, сколько «грейсдельского меда» я выпил за последние два месяца. Потом достал кошелек и отсчитал десять медных йот. Целый талант — вдвое больше, чем я рассчитывал! Я озадаченно уставился на него.

— Ребята Килвина взяли бы с меня не меньше полталанта за то, чтобы прийти и починить эту штуку, — объяснил Анкер, пнув безлэдник.

— Но я еще не уверен...

Он только рукой махнул.

— Если не починится, вычту из твоих денег за следующий месяц. Или заставлю тебя играть еще и по отторженьям!

Он ухмыльнулся.

— По-моему, это выгодное капиталовложение!

Я ссыпал деньги в кошелек. «Четыре таланта!»

* * *

Я направлялся к артной, узнать, не проданы ли, наконец, мои лампы, когда вдали мелькнула знакомая фигура в черных одеждах магистра.

— Магистр Элодин! — окликнул я, видя, как он подходит к задней двери Зала магистров. Это было одно из немногих зданий, где я бывал довольно редко: там находились только квартиры магистров, комнаты

постоянно проживающих гиллеров и гостиница для приезжих арканистов.

Услышав свое имя, он обернулся. Потом, увидев, что к нему бегу я, закатил глаза и снова отвернулся к двери.

— Магистр Элодин, — сказал я, запыхавшись, — могу ли я задать вам один вопрос?

— Ну, с точки зрения статистики это вполне вероятно, — отвечал Элодин, отпирая дверь блестящим латунным ключом.

— Так можно спросить или нет?

— Сомневаюсь, что какая-либо сила, доступная человеку, способна вас остановить.

Он распахнул дверь и вошел внутрь.

Меня никто не приглашал, но я все же просочился следом. Выследить Элодина было не так просто, и я тревожился, что если упущу нынешний шанс, то не увижу его еще целый оборот.

Я шагал следом за ним по узкому каменному коридору.

— До меня дошли слухи, что вы собираете группу студентов, чтобы учить их именам, — осторожно начал я.

— Это не вопрос! — заметил Элодин, взбегая по длинной и узкой лестнице.

Я подавил желание огрызнуться и набрал вместо этого побольше воздуха.

— Правда ли, что вы собираете группу?

— Да.

— Планируете ли вы включить в нее меня?

Элодин остановился на лестнице и развернулся лицом ко мне. Черное одеяние магистра смотрелось на нем довольно нелепо. Волосы у него были взлохмаченные, лицо чересчур юное, почти мальчишеское.

Он долго и пристально смотрел на меня, наверно, целую минуту. Он мерил меня взглядом, как будто я был конем, на которого он собирался поставить деньги, или говяжьей полутушей, которую он собирался продавать на вес.

Но все это были пустяки по сравнению с тем, когда он посмотрел мне в глаза. Какое-то мгновение это нервировало. А потом мне показалось, как будто на лестнице погасили свет и она погрузилась в полумрак. Или как будто я погрузился глубоко под воду и страшное давление мешает мне вздохнуть.

— Черт бы вас побрал, полоумный! — донесся, словно бы издалека, знакомый голос. — Если вы снова собираетесь впадать в транс, имейте совесть: отправляйтесь в Гавань и сходите с ума там, чтобы нам не

пришлось волочить туда вашу забрызганную пеной тушу! А если нет, то отойдите в сторону!

Элодин оторвал от меня свой взгляд, и все вокруг внезапно снова сделалось ярким и отчетливым. Я изо всех сил сдерживался, чтобы не начать хватать воздух ртом.

По лестнице, грубо отпихнув Элодина в сторону, протопал магистр Хемме. Увидев меня, он фыркнул.

— Ну да, конечно. И недоумок тоже здесь! Могу ли я порекомендовать вам один полезный учебник? Замечательная книга, называется «Коридоры, их устройство и назначение — начальный курс для умственно отсталых».

Он исподлобья уставился на меня и, видя, что я не спешу шарахаться в сторону, противно ухмыльнулся:

— Ах да, вас ведь по-прежнему не пускают в архивы, не так ли? Быть может, мне следует подавать наиболее существенную информацию в более доступной для вас форме? Как насчет пантомимы или кукольного представления?

Я отступил в сторону, и Хемме пронесся мимо, что-то бормоча себе под нос. Элодин направил убийственный взгляд в широкую спину магистра. И только когда Хемме свернул за угол, Элодин снова обратил внимание на меня.

Он вздохнул.

— Знаете, ре'лар Квоут, лучше бы вы посвятили себя другим занятиям. Дал вас обожает, Килвин тоже. Судя по всему, у них вы делаете большие успехи.

— Но сударь, — сказал я, стараясь не выдать своего смятения, — ведь это же вы высказались за то, чтобы сделать меня ре'ларом!

Он развернулся и пошел дальше вверх по лестнице.

— Ну так тем более вам стоит ценить мои мудрые советы, верно?

— Но если вы обучаете других студентов, то почему не меня?

— Потому что вы слишком рветесь учиться, чтобы учиться как следует, — небрежно ответил он. — Вы слишком горды, чтобы как следует слушать. А главное, вы слишком умны. И последнее — хуже всего.

— Некоторые наставники предпочитают иметь дело с умными студентами, — буркнул я. Мы очутились в просторном коридоре.

— Да, — сказал Элодин. — Дал, Килвин, Арвил — все они предпочитают умных студентов. Вот и учитесь у них. Ваша жизнь станет куда проще, и моя тоже.

— Но...

Элодин внезапно остановился прямо посреди коридора.

— Отлично! — сказал он. — Докажите, что вас стоит учить. Разрушьте мои предположения до основания.

Он выразительно охлопывал свое одеяние, как будто искал что-то в карманах.

— К моему большому сожалению, я не могу войти в эту дверь.

Он постучал по ней костяшкой пальца.

— Что вы сделаете в подобной ситуации, ре'лар Квоут?

Я улыбнулся, невзирая на раздражение, которое испытывал. Он не мог бы придумать вызова, более соответствующего моим талантам! Я достал из кармана своего плаща длинную и тонкую полоску пружинной стали, присел перед дверью и заглянул в замочную скважину. Замок был массивный, прочный. Но, хотя массивные замки выглядят впечатляюще, на самом деле отпереть их куда проще, если только их хорошо смазывают.

Этот был смазан на совесть. Я успел сделать три ровных вдоха, и он уже провернулся с приятным моему уху щелчком. Я встал, отряхнул колени и торжественно распахнул дверь.

Элодин, похоже, и впрямь был изрядно впечатлен. Когда дверь распахнулась, он вскинул брови.

— Недурно! — произнес он, входя внутрь.

Я следовал за ним по пятам. Я никогда прежде не задумывался, как должны выглядеть комнаты Элодина. Но если бы я об этом задумался, мне бы никогда не пришло в голову, что они могут выглядеть так.

Это были просторные, роскошные апартаменты с высокими потолками и толстыми коврами. Стены были отделаны мореным дубом, в высокие окна лился утренний свет. На стенах висели картины, вдоль стен стояла массивная антикварная мебель. Короче, эти покои выглядели на удивление тривиально.

Элодин стремительно миновал прихожую, со вкусом обставленную гостиную и вошел в спальню. Хотя здесь было бы скорее уместно слово «опочивальня». Огромная комната, кровать под балдахином, просторная, как корабль. Элодин распахнул дверцы гардероба и принялся вытаскивать наружу длинные черные одеяния, такие же, как то, что было на нем.

— Нате, держите!

Элодин совал мне охапки одеяний, пока они не начали вываливаться у меня из рук. Часть из них были простыми, тряпичными, повседневными, часть — из дорогого тонкого полотна или роскошного мягкого бархата. Еще с полдюжины одеяний Элодин повесил себе на руку и пошел с ними обратно в гостиную.

Мы миновали старинные книжные шкафы, уставленные сотнями книг,

огромный полированный стол. Одну стену гостиной целиком занимал большой камин, достаточно просторный, чтобы в нем можно было зажарить свинью на вертеле, хотя сейчас в нем горел довольно скромный огонек, разгоняющий холод ранней осени.

Элодин взял со стола хрустальный графин и подошел к камину. Он свалил одеяния, которые держал в руках, поверх тех, которые нес я, так что я едва мог видеть поверх этой кучи. Аккуратно вытащив пробку, Элодин попробовал содержимое графина на вкус, одобрительно приподнял бровь и посмотрел графин на свет.

Я решил попытать счастья еще раз:

— Магистр Элодин! Почему вы не хотите учить меня именам?

— Это не тот вопрос, — ответил он и выплеснул содержимое графина на угли, тлеющие в камине. Жарко полыхнуло пламя. Элодин забрал у меня те тряпки, которые принес, и не спеша скормил камину бархатное одеяние. Одеяние быстро вспыхнуло, и, когда оно как следует разгорелось, Элодин проворно побросал в огонь остальные, одно за другим. Образовалась большая груда тлеющих тряпок, в каминную трубу потянулся густой дым. — Попробуйте еще раз.

Я не удержался и задал самый очевидный вопрос:

— Зачем вы жжете свою одежду?

— Не-а. Даже и рядом не лежало, — сказал он, взял у меня еще несколько одеяний и сунул их в камин. Потом с лязгом закрыл задвижку каминной трубы. Клубы дыма повалили в комнату. Элодин слегка закашлялся, отступил назад и огляделся с довольным видом.

Я внезапно сообразил, что происходит.

— О боже! — воскликнул я. — Чьи это комнаты?

Элодин удовлетворенно кивнул.

— Очень хорошо! Меня бы также устроил вопрос «Почему у вас нет ключа от этой двери?» или «Что мы тут делаем?».

Он смотрел на меня, взгляд у него был серьезный.

— Если дверь заперта, значит, на то есть причина. И если у человека нет ключа, значит, есть причина его не впускать.

Он потыкал ногой груду тлеющего тряпья, как бы затем, чтобы убедиться, что оно не вывалится наружу.

— Вы умны и знаете об этом. Это и есть ваша слабость. Вам все кажется, будто вы понимаете, во что ввязываетесь, хотя на самом деле это не так.

Элодин снова посмотрел на меня, его темные глаза были очень серьезны.

— Вам кажется, будто вы можете мне довериться, — сказал он. — Будто я вас научу всему, что надо, и уберегу от всего, что может случиться. Но это худшая разновидность глупости.

— Чьи это комнаты? — тупо повторил я.

Он внезапно расплылся в улыбке.

— Магистра Хемме!

— И зачем вы жжете всю его одежду? — спросил я, пытаюсь не обращать внимания на то, что комната стремительно наполняется горьким дымом.

Элодин посмотрел на меня, как на идиота.

— Потому что я его ненавижу!

Он вытащил из складок мантии хрустальный графин и шварнул его об стенку камина. Графин разлетелся вдребезги, и огонь вспыхнул еще ярче от того, что оставалось внутри.

— Он осел и ублюдок. Никто не смеет так со мной говорить!

Дым продолжал заполнять комнату. Если бы не высокие потолки, мы бы уже задыхались. Но и без того дышать становилось трудновато. Мы бросились к выходу. Элодин отворил дверь, и дым повалил в коридор.

Мы стояли у двери, глядя друг на друга. Мимо нас струился дым. Я решил подойти к проблеме с другой стороны.

— Магистр Элодин, — сказал я, — я понимаю ваши колебания. Иногда мне действительно недостает предусмотрительности.

— Очевидно, да.

— И, должен признаться, временами мои поступки бывают...

Я замялся, пытаюсь придумать более уничижительное для меня определение, чем «необдуманные».

— Невообразимо идиотскими? — подсказал Элодин.

Меня охватил гнев, я начисто забыл о своем намерении продемонстрировать смирение.

— Ну знаете ли! Слава богу, я тут не единственный, кому случалось принимать неразумные решения! — выпалил я, с трудом сдерживаясь, чтобы не перейти на крик. Я посмотрел ему в глаза. — Про ваши подвиги я тоже слышан! Говорят, вы и сами немало начудили, когда были студентом!

Улыбающаяся физиономия Элодина несколько вытянулась, придав вид человека, который что-то проглотил и это застряло у него в горле.

Я продолжал:

— Если вы думаете, будто я безрассуден, так сделайте с этим что-нибудь! Укажите мне верный путь! Направьте мой неокрепший юный

разум...

Тут я глотнул дыма и закашлялся, это вынудило меня оборвать свою тираду на полуслове.

— Сделайте что-нибудь, черт побери! — прохрипел я. — Научите меня!

Не то чтобы я кричал, но под конец все-таки запыхался. Мой гнев улегся так же стремительно, как и вспыхнул, и я испугался, что зашел чересчур далеко.

Но Элодин просто смотрел на меня, и все.

— А с чего ты взял, будто я тебя не учу? — озадаченно спросил он. — Если не считать того факта, что ты упорно отказываешься учиться.

Потом он развернулся и пошел прочь по коридору.

— На твоём месте я бы предпочел убраться отсюда, — бросил он через плечо. — Люди захотят выяснить, кто это устроил, а что вы с Хемме не ладите — это всем известно.

Меня прошиб холодный пот.

— Что?!

— И помыться перед экзаменом тебе не помешало бы, — продолжал он. — Нехорошо получится, если от тебя будет вонять дымом. Я живу здесь, — Элодин достал из кармана ключ и отпер дверь в дальнем конце коридора. — И чем ты это объяснишь?

ГЛАВА 9

ВЕЖЛИВОСТЬ

Волосы у меня были еще влажные, когда я миновал короткий коридор и поднялся по лесенке на сцену пустого театра. В зале, как всегда, было темно, освещен был лишь огромный стол в форме полумесяца. Я остановился на краю освещенного пространства и стал вежливо ждать.

Ректор жестом подозвал меня, и я подошел к центру стола и протянул ему свой жребий. Потом отступил назад и остановился в круге чуть более яркого света между краями стола.

Девять магистров воззрились на меня. Мне хотелось бы сказать, что они выглядели грозно, точно вороны на ограде, или вроде того. Но хотя все они были в своих парадных одеяниях, они выглядели слишком разными, чтобы казаться единым целым.

А кроме того, я видел на их лицах признаки усталости. До меня только сейчас дошло, что, как ни ненавидят экзамены студенты, для магистров это тоже далеко не прогулка в саду.

— Квоут, сын Арлидена, — официально объявил ректор. — Ре'лар.

Он указал на правый конец стола.

— Магистр медицины!

Арвил пристально посмотрел на меня. В своих круглых очках он выглядел добрым дедушкой.

— Каковы медицинские свойства мхенки? — спросил он.

— Сильное обезболивающее, — начал я. — Вызывает сильную кататонию. Может действовать как слабительное...

Я замялся.

— Она обладает еще множеством сложных побочных действий. Перечислить их все?

Арвил покачал головой.

— В медику пришел пациент, жалующийся на боли в суставах и затрудненное дыхание. Он испытывает сухость во рту и утверждает, что чувствует сладковатый привкус. Жалуется на озноб, но на самом деле потеет и его лихорадит. Какой диагноз вы ему поставите?

Я набрал было воздуха, потом замялся.

— Магистр Арвил, ставить диагнозы в мои обязанности не входит. Я бы позвал кого-то из ваших эл'те.

Он улыбнулся мне, вокруг глаз разбежались морщинки.

— Верно, — сказал он. — Но, чисто в учебных целях, — как вы думаете, что с ним?

— А этот пациент — студент?

Арвил приподнял бровь.

— А как это влияет на цены на масло?

— Ну, если он работает в артной, это может быть литейная лихорадка, — сказал я. Арвил вскинул бровь, и я добавил: — В артной легко можно отравиться металлами. Такое случается редко, потому что обычно студенты хорошо подготовлены, но человек, работающий с раскаленной бронзой, всегда может вдохнуть смертельную дозу паров, если не будет осторожен.

Я видел, как кивает Килвин, и радовался: мне не пришлось сознаваться, что знаю я все это только потому, что сам словил литейную лихорадку не далее как месяц тому назад.

Арвил задумчиво хмыкнул, потом указал на другой конец стола.

— Магистр арифметики!

На левом конце стола сидел Брандье.

— Сколько пенни вы получите с таланта, при условии, что меняла берет четыре процента? — спросил он, не поднимая глаз от лежащих перед ним бумаг.

— Каких именно пенни, магистр Брандье?

Он поднял голову и нахмурился.

— Мы пока еще в Содружестве, если я правильно помню!

Я принялся считать в уме, основываясь на данных из тех книг, которые он выложил в архивах. Это были не те курсы обмена, которыми пользовались ростовщики, это были официальные курсы валют, которыми пользовались государства и финансисты, чтобы иметь возможность лгать друг другу на общей почве.

— В железных пенни — триста пятьдесят, — сказал я, потом добавил: — И еще один. С половиной.

Брандье оторвал взгляд от бумаг прежде, чем я успел договорить.

— Золото вашего компаса указывает на двести двадцать, платина — на сто двенадцать, а кобальт — на тридцать два. Где вы находитесь?

Этот вопрос поставил меня в тупик. Ориентация по триметаллическому компасу требовала подробных карт и сложных тригонометрических расчетов. Обычно этим занимались только моряки и картографы, и для расчетов они пользовались готовыми подробными картами. Я и компас-то живьем видел всего два раза в жизни.

Либо этот вопрос обсуждался в одной из книг, которые Брандье выложил для подробного изучения, либо он был нарочно придуман затем, чтобы вставить палку мне в колесо. Поскольку Брандье с Хемме были друзьями, то скорее второе.

Я закрыл глаза, мысленно представил себе карту цивилизованного мира и постарался прикинуть, где это может быть.

— Тарбеан? — сказал я. — Или, может быть, где-то в Илле?

Я открыл глаза.

— Честно говоря, понятия не имею.

Брандье что-то пометил у себя в бумагах.

— Магистр имен! — сказал он, не поднимая головы.

Элодин ухмыльнулся мне ехидной, заговорщицкой улыбочкой, и меня внезапно охватил страх, что он сейчас всем расскажет о том, какую роль я сыграл в том, что мы натворили в комнатах Хемме нынче утром.

Но он всего лишь театрально вскинул три пальца.

— У вас на руках три пики, — сказал он, — а еще пять пик разыграно.

Он сложил пальцы домиком и серьезно уставился на меня.

— Сколько всего пик, а?

— Восемь пик, — ответил я.

Прочие магистры зашевелились. Арвил вздохнул. Килвин сник. Хемме с Брандье даже переглянулись и закатили глаза. Все вместе создали впечатление страдальческого долготерпения.

Элодин обвел их гневным взглядом.

— Что такое? — осведомился он, и в голосе его зазвенела сталь. — Вы хотите, чтобы я относился к этим песням и пляскам более серьезно? Вы хотите, чтобы я задавал ему вопросы, на которые может ответить лишь именователь?

Прочие магистры застыли. Им явно сделалось не по себе, они избегали встречаться с ним взглядом. Только Хемме посмотрел ему в глаза, открыто и злобно.

— Ну хорошо, — сказал Элодин, снова оборачиваясь ко мне.

Глаза у него потемнели, и голос обрел странную звучность.

Он звучал не так уж громко, но когда Элодин говорил, казалось, будто его голос заполняет собой весь зал. Другим звукам не оставалось места.

— Куда уходит луна, — мрачно спросил Элодин, — когда она исчезает с нашего небосвода?

Когда он умолк, в зале сделалось неестественно тихо. Словно его голос оставил дыру в мироздании.

Я выждал, чтобы понять, весь ли это вопрос. И признался:

— Понятия не имею.

После голоса Элодина мой казался довольно тонким и слабым.

Элодин пожал плечами и любезно указал через стол.

— Магистр симпатической магии.

Элкса Дал был единственным, кто явно чувствовал себя комфортно в парадной мантии. Своей черной бородой и узким лицом он, как всегда, напомнил мне злого колдуна, персонажа ряда дурных атуранских пьес. На меня он взглянул сочувственно.

— Что вы можете сказать о связывании в случае линейного фульманического притяжения?

Я бойко отбарабанил нужные формулы.

Он кивнул.

— Каково расстояние непреодолимого затухания для железа?

— Восемь километров двести метров, — ответил я. Это был ответ из учебника, хотя насчет «непреодолимого» я мог бы поспорить. Разумеется, перемещение сколь-либо значимого количества энергии на расстояние более тринадцати километров было статистически невозможным, однако использовать симпатию для определения наличия предмета или вещества можно на значительно больших расстояниях.

— У вас есть унция кипящей воды. Сколько теплоты потребуется, чтобы она выкипела досуха?

Я порылся в памяти, припоминая таблицы испарения, с которыми работал в артной.

— Сто восемьдесят таумов, — ответил я куда увереннее, чем чувствовал себя на самом деле.

— Меня все устраивает, — сказал Дал. — Магистр алхимии!

Мандраг отмахнулся пятнистой рукой.

— У меня вопросов нет.

— Он здорово разбирается в картах! — подсказал Элодин.

Мандраг сурово посмотрел на Элодина.

— Магистр архивов!

Лоррен посмотрел на меня. Его длинное лицо осталось бесстрастным.

— Каковы правила посещения архивов?

Я вспыхнул и опустил глаза.

— Ходить тихо, — начал я. — С уважением относиться к книгам. Повиноваться хранистам. Не пить. Не есть... — я сглотнул. — И не вносить огня.

Лоррен кивнул. Ничто в его тоне или поведении не выражало неодобрения, но от этого было только хуже. Он скользнул взглядом вдоль

стола.

— Магистр артефактов.

Я выругался про себя. За последний оборот я прочитал все шесть книг, которые магистр Лоррен выложил для ознакомления ре'ларов. На одно только «Железо и пламя: Атур и империя» Фелтеми Рейса у меня ушло добрых десять часов! Мало о чем я мечтал больше, чем о допуске в архивы, и я отчаянно надеялся произвести впечатление на магистра Лоррена, ответив на любые вопросы, какие он мог задать...

Но тут уж ничего не поделаешь. Я обернулся к Килвину.

— Фульманическое осаждение меди! — буркнул себе в бороду огромный магистр, смахивающий на медведя.

Я изложил по пунктам. Оно мне потребовалось, когда я делал расчеты для трюмных ламп.

— Коэффициент проводимости иридия.

Коэффициент проводимости иридия мне был необходим для зарядки излучателей ламп. Что, Килвин нарочно подбрасывает мне самые простые вопросы? Я дал ответ.

— Хорошо, — прогудел Килвин. — Магистр риторики!

Я перевел дух и обернулся к Хемме. Я даже прочел целых три его книги, хотя питал глубочайшее отвращение ко всякой риторике и прочей бесполезной философии.

Ну, ничего, я сумею на пару минут засунуть свое отвращение куда подальше и сыграть хорошего, послушного студента. Я из эдема руэ, мне не привыкать к лицедейству!

Хемме уставился на меня исподлобья, его круглое лицо багровело, точно гневная луна.

— Это вы подожгли мою квартиру, наглый плут?

Этот прямолинейный вопрос застал меня врасплох. Я был готов к самым заковыристым вопросам, к коварным вопросам, к вопросам, которые всегда можно вывернуть так, чтобы любой мой ответ казался неверным.

Но это брошенное в лицо обвинение выбило меня из колеи. А слово «плут» я особенно ненавижу. Буря чувств поднялась в моей душе, и я ощутил во рту привкус коринки. Все еще обдумывая, как будет лучше ответить на этот вопрос, я вдруг обнаружил, что уже говорю.

— Квартиру вашу я не поджигал, — честно ответил я. — Но с удовольствием поджег бы. И хорошо бы, чтобы вы были внутри и крепко спали.

Лицо Хемме из грозного сделалось ошарашенным.

— Ре'лар Квоут! — рявкнул ректор. — Не забывайте о вежливости, или я лично предъявлю вам обвинение в неподобающем поведении!

Привкус коринки исчез так же стремительно, как появился. Голова у меня слегка кружилась, я вспотел от страха и смущения.

— Приношу свои извинения, господин ректор, — поспешно ответил я, глядя в пол. — Я говорил под влиянием гнева. Слово «плут» в моем народе считается особенно оскорбительным. Оно звучит как насмешка над хладнокровным истреблением тысяч эдема руэ.

Ректор заинтересованно нахмурился.

— Должен признаться, что этимология этого слова мне неизвестна... — задумчиво произнес он. — Пожалуй, это и будет моим вопросом.

— Пойдите, — перебил его Хемме, — я еще не закончил!

— Нет, вы закончили! — отрезал ректор. — Вы ничем не лучше этого мальчишки, Джейсом, но ему простительно, а вам нет. Вы продемонстрировали неспособность вести себя как профессионал, так что замкните уста и радуйтесь, что я не требую вынести вам официальный выговор.

Хемме побелел от гнева, но промолчал.

Ректор обернулся ко мне.

— Магистр языков! — официально представился он. — Ре'лар Квоут, расскажите нам об этимологии слова «плут».

— Оно восходит ко временам чисток, устроенных императором Алькионом, — ответил я. — Император издал указ, гласящий, что любые «путешествующие лицедеи», скитающиеся по дорогам, подлежат штрафу, заточению и высылке без суда. Термин «путешествующий лицедей» позднее сократился до «плут» путем метаплазмической энклитизации.

Ректор приподнял бровь.

— В самом деле?

Я кивнул.

— Кроме того, полагаю, возникла ложная этимология, связывающая это слово с выражением «плутать по дорогам».

Ректор торжественно кивнул.

— Благодарю вас, ре'лар Квоут. Присядьте, пока мы совещаемся.

ГЛАВА 10

СОКРОВИЩЕ ПОД ЗАМКОМ

Мне назначили плату в девять талантов пять йот. Лучше, чем десять, что предрекал мне Манет, но все равно это было больше, чем имелось у меня в кошельке. И до завтра мне нужно было рассчитаться с казначеем, а не то мне придется пропустить целую четверть.

Конечно, можно было бы и отложить занятия на четверть, это не катастрофа. Но только студенты имели право пользоваться университетским имуществом, таким, как оборудование артефактной. А это означало, что, если я не сумею заплатить за обучение, я не смогу работать в мастерской у Килвина. А это было единственное место, где я мог рассчитывать заработать на обучение.

Я зашел в хранение. Когда я подошел к окошку, Джаксим улыбнулся.

— А твои лампы ушли как раз сегодня утром! — сказал он. — Нам даже удалось продать их чуть-чуть подороже, потому что они были последние.

Он нашел нужную страницу в конторской книге.

— Тебе полагается шестьдесят процентов, а именно — четыре таланта восемь йот. За вычетом стоимости расходных материалов... — он провел пальцем вниз по странице, — остается два таланта, три йоты и восемь драбов.

Джаксим сделал пометку в книге и выписал мне расписку. Я аккуратно сложил бумагу и спрятал ее в кошелек. Бумага не имела приятной тяжести монет, и все же с ней мое состояние перевалило за шесть талантов. Большие деньги, но все-таки этого недостаточно.

А ведь если бы я не вышел из себя тогда, на экзамене, глядишь, этого бы и хватило! А еще я мог бы подольше позаниматься или заработать побольше денег — если бы не был вынужден целых два дня проторчать у себя в комнате, то рыдая, то ярясь и чувствуя во рту привкус коринки!

И тут меня осенило.

— Тогда я, пожалуй, возьмусь за что-нибудь новенькое, — небрежно сказал я. — Мне нужен небольшой тигель. Три унции олова. Две унции бронзы. Четыре унции серебра. Катушка тонкой золотой проволоки. Медная...

— Секундочку! — перебил меня Джаксим. Он провел пальцем вдоль

моего столбца в конторской книге. — А тут не записано, что тебе положено выдавать золото и серебро.

Он посмотрел на меня.

— Это ошибка?

Я заколебался. Врать мне не хотелось.

— А я не знал, что на это требуется особое разрешение...

Джаксим понимающе ухмыльнулся.

— Ты же не первый, кто пытается повернуть нечто подобное, — сказал он. — Что, плату высокую назначили?

Я кивнул.

Он сочувственно поморщился.

— Ну извини. Но Килвин понимает, что, если не смотреть в оба, хранение моментально превратится в лавку заимодавца.

Он закрыл книгу.

— Придется тебе пойти к ростовщику, как и всем прочим.

Я показал ему обе свои руки, наглядно продемонстрировав, что ни одного кольца на них нет.

Джаксим дернул щекой.

— Да, плохо дело... А то я знаю нормального ростовщика на Серебряном Дворе, он берет всего десять процентов в месяц. Все равно, конечно, как зубы драть, но все-таки лучше прочих.

Я кивнул и вздохнул. «Серебряным Двором» называлось место, где держали свои лавки официальные ростовщики из гильдии. Но мне они ничем не помогут.

— Ну ничего, бывало и хуже, — сказал я.

* * *

Шагая в Имре и ощущая на плече привычную тяжесть лютни, я еще раз все хорошенько обдумал.

Положение было сложное, но все же не безвыходное. Ни один официальный ростовщик не даст денег без залога сироте из эдема руэ, но можно было взять денег у Деви. И все же к этому прибегать не хотелось бы. Мало того что она брала зверские проценты, меня тревожило то, какие услуги она может потребовать, если я вдруг не сумею выплатить долг. Вряд ли это будет что-то пустяковое. Или простое. Или совершенно законное.

Вот о чем я размышлял, переходя Каменный мост. Я завернул к аптекарю, а потом направился к «Седому человеку».

Отворив дверь, я увидел, что «Седой человек» не трактир, а гостиница. Здесь не было общего зала, где постояльцы собираются и пьют. Только небольшой, богато отделанный и обставленный холл вкупе с богато одетым привратником, который уставился на меня весьма неодобрительно, чтобы не сказать с отвращением.

— Чем могу служить, молодой человек? — осведомился он, когда я вошел.

— Я в гости к даме, — сказал я. — Ее имя — Динель.

Он кивнул.

— Я схожу и посмотрю, у себя ли она.

— Не трудитесь, — сказал я, направляясь к лестнице. — Она меня ждет.

Привратник преградил мне путь.

— Увы, пропустить вас к ней я не могу, — сказал он. — Но с удовольствием посмотрю, у себя ли она.

И протянул руку. Я посмотрел на нее.

— Нельзя ли вашу визитную карточку? — сказал он. — Чтобы я мог вручить ее даме?

— А как же вы можете вручить ей мою карточку, если даже не знаете, у себя она или нет? — поинтересовался я.

Привратник улыбнулся особенной привратницкой улыбкой. Улыбка была снисходительная, любезная и при этом такая неприятная, что я нарочно ее запомнил, на будущее. Подобная улыбка — это произведение искусства. И я, выросший на сцене, способен был ее оценить сразу в нескольких аспектах. Подобная улыбка в определенных кругах ничем не хуже ножа, возможно, в один прекрасный день она мне пригодится.

— Видите ли, — сказал привратник, — дама, безусловно, у себя. Но это вовсе не значит, что она у себя для вас.

— Можете ей передать, что пришел Квоут, — сказал я. Все это меня скорее позабавило, чем оскорбило. — А я подожду.

Ждать пришлось недолго. Привратник спустился вниз с раздраженным видом, словно он уже предвкушал, как сейчас выкинет меня за дверь, и был разочарован.

— Прошу вас, — сказал он.

Я последовал за ним наверх. Он отворил дверь, и я прошествовал мимо него, стараясь выглядеть как можно более небрежно и горделиво, чтобы сильнее его разозлить.

Я очутился в гостиной с широкими окнами, в которые били лучи предзакатного солнца, достаточно большой, чтобы выглядеть просторной,

несмотря на расставленные по ней кресла и кушетки. У противоположной стены стояли цимбалы с молоточками, а один угол был целиком занят массивной модеганской арфой.

Денна стояла в центре комнаты, одетая в зеленое бархатное платье. Прическа открывала ее стройную шею иставляла напоказ изумрудные серьги-капельки и такую же подвеску на груди.

Денна беседовала с молодым человеком. Он был... самое удачное слово, какое я могу подобрать, — это «хорошенький». Миловидное, чисто выбритое лицо с большими темными глазами.

Молодой человек выглядел как дворянин, от которого отвернулась удача, причем достаточно давно, чтобы стало ясно, что это уже не временные трудности. Одежда хорошая, но мятая. Черные волосы явно подстрижены с расчетом на завивку, но слишком долго не встречались с шипцами цирюльника. Глаза у него запали, как будто с недосыпа.

Денна протянула мне навстречу обе руки.

— Квоут! — воскликнула она. — Познакомьтесь, это Джеффри!

— Рад знакомству, Квоут, — сказал Джеффри. — Динель мне немало о вас рассказывала. Вы ведь немного... как это сказать? Волшебник?

Улыбка у него была открытая и совершенно бесхитростная.

— Точнее сказать, арканист, — ответил я настолько вежливо, насколько мог. — Слово «волшебник» приводит на ум слишком много ерунды, о которой пишут в волшебных сказках. Люди думают, будто нам полагается носить черные мантии и потрясать птичьими потрохами. А вы сами кто будете?

— Джеффри у нас поэт, — сказала Денна. — Хороший поэт, между прочим, хоть он это и отрицает.

— И буду отрицать! — кивнул Джеффри, но тут его улыбка увяла. — Однако мне пора. У меня назначена встреча с людьми, которых нельзя заставлять ждать...

Он поцеловал Денну в щечку, дружески пожал мне руку и удалился.

Денна проводила его взглядом.

— Славный юноша...

— Ты так говоришь, будто жалеешь об этом, — заметил я.

— Не будь он такой славный, ему было бы по силам удержать в голове две мысли зараз. Может быть, они бы даже столкнулись и выбили искру разумного. Ну, хотя бы струйку дыма — это создало бы видимость, что там внутри хоть что-то происходит.

Денна вздохнула.

— Что, он настолько туп?

Она покачала головой.

— Да нет. Просто доверчив. В нем нет ни капли расчетливости, и с тех пор, как он появился тут месяц назад, он только и делает, что попадает впросак.

Я достал из кармана плаща два маленьких матерчатых свертка, голубой и белый.

— У меня для тебя подарок.

Денна взяла их в руки, вид у нее был слегка озадаченный.

Несколько часов тому назад это казалось хорошей идеей, а теперь выглядело как глупость.

— Для твоих легких, — пояснил я, немного смутившись. — Я знаю, у тебя временами бывают проблемы...

Она склонила голову набок.

— Ах вот как? А откуда ты это знаешь, а?

— Ну, ты упоминала об этом, когда мы были в Требоне, — сказал я. — Я разузнал, что к чему. Вот это, — я указал на один свертки, — заваривают как чай: пероедка, яснотка, логатм...

Я указал на второй:

— А вот это надо всыпать в кипящую воду и дышать паром.

Денна переводила взгляд с одного свертка на другой.

— Я написал, как их принимать, на клочках бумаги, вложенных внутрь, — сказал я. — Голубой — это тот, который надо кипятить и дышать над паром. Голубой цвет означает воду, понимаешь?

Она подняла взгляд на меня.

— А чай разве не на воде заваривают?

Я растерянно поморгал, потом покраснел и начал было что-то говорить, но Денна расхохоталась и замотала головой.

— Да шучу я, шучу, — ласково сказала она. — Спасибо тебе большое. Это самый приятный подарок, который я получала за много-много дней.

Она подошла к комоду и бережно убрала матерчатые свертки в резную деревянную шкатулку.

— А ты, похоже, недурно устроилась! — сказал я, указывая на богато обставленную комнату.

Денна пожала плечами, равнодушно глядя на богатую обстановку.

— Это Келлин недурно устроился, — ответила она. — А я так, пребываю в его отраженном свете.

Я понимающе кивнул.

— Я-то думал, ты нашла себе покровителя!

— Ну что ты, это все неофициально. Мы с Келлином просто «гуляем

вместе», как говорят в Модеге, и он учит меня игре на арфе.

Она кивнула в сторону инструмента, громоздившегося в углу.

— Может, покажешь, чему ты успела научиться? — попросил я.

Денна смущенно покачала головой. Волосы соскользнули у нее с плеч.

— Да у меня пока плохо получается...

— Ничего, — любезно сказал я, — я сдержу свои здоровые порывы и не стану шипеть и кусаться.

Денна рассмеялась.

— Ну ладно! Только чуть-чуть!

Она подошла к арфе, подтащила поближе высокий табурет и оперлась на него. Подняла руки к струнам, помедлила — и заиграла.

Мелодия была вариацией на тему «Барашка с бубенцом». Я улыбнулся.

Играла она неспешно, почти царственно. Очень многие думают, будто стремительность игры есть признак истинного виртуоза. Их можно понять. То, что делала в «Эолиане» Мари, было чудом. Но то, в каком темпе ты можешь перебирать струны, — лишь малая часть искусства. Главное — умение выдерживать паузу.

Это все равно что рассказывать анекдоты. Слова может запомнить кто угодно. И повторить их тоже. Но для того, чтобы люди смеялись от души, этого мало. И если рассказать анекдот быстрее, смешнее он от этого не станет. Тут, как и во многих делах, пауза лучше спешки.

Вот почему настоящих музыкантов так немного. Очень многие могут петь или пикировать на скрипке. А музыкальная шкатулка и подавно может сыграть одну и ту же песню сколько угодно раз без сучка без задоринки. Но знать ноты еще мало. Надо еще уметь сыграть их правильно. Беглость пальцев нарабатывается со временем и с практикой, а вот с чувством ритма надо родиться. Оно либо есть, либо нет.

У Денны с ритмом было все в порядке. Она играла медленно, но не было впечатления, будто она играет неуверенно. Мелодия тянулась, точно долгий поцелуй. Не то чтобы я тогда что-то знал о поцелуях. Но, видя, как она стоит, обнимая руками арфу, с сосредоточенно прикрытыми веками, слегка поджав губы, я чувствовал, что, когда придет мое время целоваться, мне хочется делать это столь же протяжно, старательно и неспешно.

И еще она была прекрасна. Думаю, неудивительно, что меня особенно тянет к женщинам, у которых музыка в крови. Но в тот день, когда она играла мне, я впервые увидел ее такой, какая она есть. Прежде меня все отвлекала то новая прическа, то покрой платья. Но теперь, когда она заиграла, все это исчезло из виду.

Что-то я заговариваюсь... Довольно будет сказать, что играла она

впечатляюще, хотя заметно было, что она только учится. Несколько раз она брала неверную ноту, но не морщилась и не вздрагивала, как бывает с новичками. Как говорится, ювелир узнает алмаз и без огранки. Вот так и я. А она была алмазом. Ну, вот так.

— Я смотрю, ты далеко ушла от «Белочки на крыше», — негромко заметил я, когда отзвучали финальные ноты.

Она только плечами пожала, не глядя мне в глаза.

— Да мне тут и делать почти нечего, остается только заниматься, — сказала она. — Келлин говорит, что я не лишена дарования.

— И давно ты занимаешься? — спросил я.

— Оборота три... — Она призадумалась, потом кивнула: — Чуть меньше трех оборотов.

— Матерь Божья! — сказал я, покачав головой. — Никому не рассказывай, как быстро ты научилась играть. Прочие музыканты тебя возненавидят.

— У меня пока еще пальцы не разработались, — сказала она, глядя на свои руки. — Я не могу заниматься столько, сколько хочется.

Я взял ее за руку и развернул ладонью вверх, чтобы посмотреть на кончики пальцев. На них были подживающие кровавые мозоли.

— Да ты...

Я поднял голову и вдруг увидел, как близко она от меня. Рука ее была прохладной на ощупь. Она смотрела на меня огромными темными глазами. Одна бровь слегка приподнята. Не изумление, не игривость — просто сдержанное любопытство. Я вдруг ощутил пустоту и странную слабость в животе.

— Что — я? — переспросила она.

Я сообразил, что понятия не имею, что именно собирался сказать. Хотел было ответить — «Понятия не имею, что я хотел сказать». Но тут же подумал, что это было бы глупо. Поэтому не сказал ничего.

Денна опустила глаза, взяла меня за руку и перевернула ее ладонью вверх.

— А у тебя руки нежные, — сказала она, легонько коснувшись моих кончиков пальцев. — Я думала, мозоли будут жесткими на ощупь, а они нет, гладкие такие...

Сейчас, когда она не смотрела мне в глаза, я немного пришел в себя.

— На это просто нужно время, — объяснил я.

Денна подняла глаза и лукаво улыбнулась. Мой разум сделался пуст, как новый лист бумаги.

Секунду спустя Денна отпустила мою руку и прошла мимо меня на

середину комнаты.

— Быть может, хочешь чего-нибудь выпить? — спросила она, грациозно опускаясь в кресло.

— Я был бы весьма признателен, — ответил я чисто машинально. Я осознал, что по-прежнему держу руку в воздухе, как дурак, и опустил ее.

Денна указала на соседнее кресло, я сел.

— Смотри!

Она взяла со столика маленький серебряный колокольчик и негромко позвонила в него. Потом подняла руку с растопыренными пальцами и принялась загибать их, считая. Большой палец, потом указательный...

Не успела она согнуть мизинец, как в дверь постучали.

— Войдите! — сказала Денна, и шикарно одетый привратник отворил дверь.

— Мне хотелось бы горячего шоколаду, — сказала она. — А Квоуту...

Она вопросительно посмотрела на меня.

— Я бы тоже не отказался от шоколада, — сказал я.

Привратник кивнул и исчез, затворив за собой дверь.

— Иногда я делаю это нарочно, просто чтобы заставить его побегать, — стыдливо призналась Денна, глядя на колокольчик. — Не представляю, как он ухитряется его услышать! Одно время я думала, будто он так и сидит в коридоре, прижавшись ухом к моей двери.

— А можно мне взглянуть на колокольчик? — спросил я.

Денна протянула мне колокольчик. На первый взгляд он был вполне обычный, но, перевернув его, я увидел цепочку крохотных рун, тянущихся вдоль внутреннего края.

— Да нет, он не подслушивает, — сказал я, возвращая колокольчик ей. — Просто внизу висит второй такой же колокольчик, который звонит одновременно с этим.

— Но как? — спросила она и тут же сама ответила на свой вопрос: — Магия, да?

— Ну, можно сказать, что да.

— Так вот чем вы там занимаетесь! — она кивнула в сторону реки и находящегося за нею Университета. — Как-то это... мелко.

— Ну, это самое легкомысленное использование сигалдри, какое я когда-либо видел, — признался я.

Денна расхохоталась.

— У тебя такой оскорбленный вид! — сказала она. Потом спросила: — Так это называется «сигалдри»?

— Изготовление подобных предметов называется «артефакцией», —

ответил я. — А «сигалдри» — это вырезание или написание рун, которые заставят предмет работать.

Глаза у Денны вспыхнули.

— Так, значит, в письме есть магия? — спросила она, подавшись вперед. — А как это действует?

Я ответил не сразу. Не только потому, что вопрос требовал слишком пространный ответ, но и потому, что университетские правила касательно разглашения тайн арканума были весьма строги.

— Ну, это все довольно сложно... — протянул я.

По счастью, в этот момент в дверь снова постучали и подали нам шоколад в исходящих паром чашечках. У меня слюнки потекли от одного только запаха. Привратник поставил поднос на столик и молча удалился.

Я отхлебнул глоток и улыбнулся, ощутив густую душистую сладость.

— Тысячу лет шоколад не пробовал! — сказал я.

Денна взяла чашечку и окинула взглядом гостиную.

— Даже странно, как подумаешь, что некоторые люди всю жизнь так и живут, — задумчиво сказала она.

— А тебе тут что, не по душе? — удивился я.

— Шоколад мне нравится, и арфа тоже, — сказала она. — А вот без колокольчика я вполне могла бы обойтись, как и без целой комнаты, предназначенной только для того, чтобы там сидеть.

Она сомкнула губы с выражением легкого недовольства.

— И мне очень не по душе, что ко мне приставлен человек, которому поручено меня стеречь, как будто я сокровище, которое могут украсть.

— Но разве ты не стоишь того, чтобы тебя ценили?

Денна пристально посмотрела на меня поверх чашки, как будто была не уверена, что я говорю всерьез.

— Мне не по вкусу, когда меня держат под замком, — угрюмо пояснила она. — Я не против, чтобы мне давали комнаты, но, если я не могу свободно приходить и уходить, когда захочу, эти комнаты не очень-то мои.

Я вопросительно взглянул на нее, но прежде, чем успел уточнить, что она имеет в виду, Денна махнула рукой.

— Да нет, вообще-то все не так плохо, — вздохнула она. — Но я уверена, что Келлину докладывают о том, когда я ухожу и прихожу. Привратник сообщает ему о том, кто у меня бывает, это я знаю точно. И это меня несколько злит, вот и все.

Она невесело усмехнулась.

— Я выгляжу неблагоприятной мерзавкой, да?

— Вовсе нет, — ответил я. — Когда я был мальчишкой, наша труппа странствовала повсюду. Но каждый год мы проводили по несколько оборотов во владениях нашего покровителя, выступая перед его семьей и гостями.

Я покачал головой, вспомнив, как это было.

— Барон Грейфеллоу был щедрым патроном. Нас кормили за его столом. Он осыпал нас подарками...

Я осекся, вспомнив полк крошечных оловянных солдатиков, которых он подарил мне. И тряхнул головой, чтобы избавиться от этого воспоминания.

— И все же отца это бесило. Он буквально на стенку лез. Для него была невыносима сама мысль, что им кто-то распоряжается.

— Да! Вот именно! — воскликнула Денна. — Если Келлин говорит, что собирается навестить меня в такой-то вечер, я внезапно чувствую, как будто у меня нога прибита к полу. Если я уйду — это будет хамство и тупое упрямство, но если я сижу дома, я себя чувствую собакой, которая ждет под дверью.

Мы некоторое время сидели молча. Денна рассеянно крутила колечко у себя на пальце. Бледно-голубой камушек вспыхивал на солнце.

— Но все равно, — сказал я, оглядываясь по сторонам, — тут довольно славно!

— Тут славно, когда ты здесь, — сказала Денна.

* * *

Несколько часов спустя я поднимался по узкой лесенке позади Мясницкой лавки. Из переулка навязчиво тянуло тухлым салом, но я все равно улыбался. Провести полдня наедине с Денной было редким подарком судьбы, и мои шаги были на удивление легки для человека, который собирается заключить сделку с демоном.

Поднявшись наверх, я постучал в прочную деревянную дверь и принялся ждать. Ни один ростовщик из гильдии не ссудил бы мне и ломаного пенни, однако, если поискать, люди, готовые одолжить денег, отыщутся всегда. Поэты и прочие романтики зовут их «медными ястребами» или «вострецами», но самое распространенное название — гелеты. Это опасные люди, разумнее с ними не связываться.

Дверь чуть приоткрылась, потом распахнулась во всю ширь, за ней обнаружилась молодая женщина с мордочкой эльфа и светло-рыжими

волосами.

— Квоут! — воскликнула Деви. — А я уж начинала бояться, что в этой четверти тебя не увижу!

Я вошел, и Деви заперла за мной дверь. В просторной комнате без окон приятно пахло цинной и медом — особенно приятно после вонючего переуллка.

Вдоль одной стены комнаты тянулась огромная кровать под балдахином с задернутым темным пологом. Напротив были очаг, большой деревянный стол и книжный шкаф, заполненный на три четверти. Пока Деви возилась с засовом, я подошел к шкафу и принялся разглядывать корешки.

— А этот Малкаф у тебя что, новый? — спросил я.

— Ага, — ответила она, подойдя ко мне. — Один молодой алхимик не мог выплатить свой долг и разрешил мне вместо этого порыться у себя в библиотеке.

Деви аккуратно достала книгу с полки. На обложке было золотом вытиснено заглавие: «Видение и провидение». Она взглянула на меня и лукаво усмехнулась.

— Читал?

— Нет, не читал, — признался я. Я хотел прочесть ее к экзаменам, но не нашел в хранилище. — Только слышал.

Деви на миг призадумалась, потом вручила книгу мне.

— Прочтешь — приходи, обсудим. А то мне в последнее время ужасно не хватает интересных собеседников. Если беседа выйдет толковая, возможно, я потом дам тебе почитать другую.

Когда книга оказалась у меня в руках, Деви многозначительно постучала пальцем по обложке.

— Имей в виду, она стоит дороже твоей головы! — сказала она без малейшего намека на шутливость. — Испортишь — век не рассчитаешься!

— Я осторожно! — пообещал я.

Деви кивнула и прошла мимо меня к столу.

— Ну ладно, тогда к делу.

Она села.

— Что-то ты поздновато, — заметила она. — Обучение-то надо оплатить не позднее завтрашнего полудня.

— Я веду жизнь, полную опасностей и приключений, — сказал я, подходя к ней и усаживаясь напротив. — И, как ни приятно мне твое общество, я до последнего надеялся в этой четверти обойтись без твоих услуг.

— Ну и как тебе твоя ре'ларская плата? — понимающе спросила она. — Сколько с тебя нынче содрать хотят?

— Ну, это довольно личный вопрос... — заметил я.

Девушка посмотрела мне в глаза.

— Мы с тобой собираемся заключить довольно личную сделку, — возразила она. — Так что мне не кажется, что я преступаю границы приличий.

— Девять с половиной, — признался я.

Девушка насмешливо фыркнула.

— А я-то думала, ты у нас золотая голова! Вот когда я была ре'ларом, мне ни разу больше семи не назначали!

— У тебя-то был доступ в архивы! — возразил я.

— У меня был доступ к обширным запасам интеллекта! — отрезала она. — Ну и к тому же я милая, как новая пуговка!

Она широко улыбнулась, и на щеках у нее заиграли ямочки.

— Да уж, ты сверкаешь, как новенький пенни, — признал я. — Перед тобой ни один мужчина не устоит.

— Ну, и некоторые женщины тоже колеблются, — заметила она. Ее улыбка слегка изменилась, из обаятельной сделалась лукавой, а потом откровенно дьявольской.

Я не имел ни малейшего понятия, как на это реагировать, а потому решил сменить тему на более безопасную.

— Боюсь, мне придется взять займы четыре таланта, — сказал я.

— Ага, — сказала Девушка. Она тут же стала очень деловой и сложила руки на столе. — Боюсь, в последнее время мои правила несколько изменились. В настоящее время я ссужаю займы суммы не менее шести талантов.

Я не стал скрывать своего разочарования.

— Шесть талантов? Девушка, но этот лишний долг будет для меня все равно что жернов на шее!

Она вздохнула, даже вроде бы немного виновато.

— Видишь ли, в чем проблема. Давая займы, я иду на риск. Я рискую лишиться своих денег, если должник умрет или попытается сбежать. Я рискую тем, что на меня попытаются донести. Я рискую тем, что мне предъявят обвинение по железному закону или, хуже того, что против меня ополчится гильдия ростовщиков.

— Девушка, но ты же понимаешь, что я-то никогда так не поступлю!

— И тем не менее факт остается фактом, — продолжала Девушка, — я иду на риск независимо от того, крупную или мелкую сумму я ссужаю. Так

зачем мне рисковать ради мелких сумм?

— Мелких? — переспросил я. — Да на четыре таланта год прожить можно!

Она побарабанила по столу пальцами, поджала губы.

— А что ты можешь предложить в залог?

— То же, что и всегда, — я улыбнулся ей своей лучшей улыбкой. — Свое безграничное обаяние!

Деви неизящно фыркнула.

— Вот в обмен на безграничное обаяние и три капли крови ты можешь взять займы шесть талантов под стандартный процент. Пятьдесят процентов на два месяца.

— Деви, — заискивающе сказал я, — ну что мне делать с этими лишними деньгами?

— Устрой пирушку, — предложила она. — Проведи день в «Пряжке». Попробуй сыграть в фаро на большую ставку.

— Фаро, — возразил я, — это налог на людей, которые не умеют рассчитывать вероятности.

— Ну, положи их в банк и возьми процент, — сказала Деви. — Или купи себе что-нибудь приличное и надень в следующий раз, когда придешь ко мне.

Она смерила меня циничным взглядом.

— Тогда, быть может, я и подумаю над тем, чтобы смягчить условия сделки.

— А как насчет шести талантов на месяц под двадцать пять процентов? — спросил я.

Деви дружелюбно покачала головой.

— Квоут, я уважаю стремление торговаться, но у тебя просто нет другого выхода. Ты пришел сюда потому, что положение у тебя безвыходное. А я сижу здесь затем, чтобы выжать максимальную выгоду из твоего положения.

Она развела руками.

— Я этим на жизнь зарабатываю! И тот факт, что у тебя смазливая мордашка, ничего не меняет.

Деви пристально взглянула на меня.

— И наоборот: если бы ростовщик из гильдии согласился ссудить тебе денег, не думаю, что ты пришел бы сюда просто потому, что я хорошенькая и тебе нравится мой цвет волос.

— А что, хороший цвет, — сказал я. — Нам, огненным, стоит держаться вместе!

— Это верно, — согласилась Деви. — Вот и давай держаться вместе за пятьдесят процентов на два месяца.

— Ну хорошо, — сказал я, устало откинувшись на спинку стула. — Твоя взяла. Ты выиграла.

Деви победоносно улыбнулась, на щеках у нее снова заиграли ямочки.

— Если я выиграла, значит, мы оба играли?

Она открыла ящик стола, достала оттуда стеклянную бутылочку и длинную булавку.

Я потянулся за ними, но вместо того, чтобы подвинуть их ко мне, Деви задумчиво взглянула на меня.

— Хотя, если так подумать, возможно, есть и другой выход.

— Я предпочел бы другой выход, — признался я.

— Во время нашего предыдущего разговора, — медленно произнесла Деви, — ты намекал, что знаешь путь в архивы.

Я замялся.

— Ну да, было дело...

— Это довольно ценная для меня информация, — сказала она с нарочитой небрежностью. Хотя она изо всех сил старалась это скрыть, я видел, какая лютая, необузданная алчность вспыхнула у нее в глазах.

Я опустил взгляд и ничего не ответил.

— Я могла бы дать тебе десять талантов, прямо сейчас, — напрямик сказала Деви. — Не в долг, нет. Это будет плата за информацию. И если меня застукают в хранилище, ты мне ничего не говорил.

Я подумал обо всем, что можно купить на десять талантов. Новую одежду. Футляр для лютни, который не разваливался бы на куски. Бумагу. Перчатки на зиму...

Я вздохнул и покачал головой.

— Двадцать талантов! — сказала Деви. — И официальный гильдейский процент на все будущие займы.

Двадцать талантов — это значит, что мне полгода можно будет не тревожиться по поводу платы за обучение. Можно будет заниматься в артной тем, чем хочется, вместо того чтобы горбатиться над опостылевшими трюмными лампами. Можно будет покупать одежду, сшитую по мерке. Свежие фрукты. Отдавать одежду в стирку вместо того, чтобы стирать ее самому...

Я нехотя открыл рот.

— Я...

— Сорок талантов! — жадно сказала Деви. — И гильдейский процент. И еще я с тобой пересплю!

На сорок талантов можно было бы подарить Денне полуарфу. Можно было бы...

Я поднял глаза и увидел, как Деви смотрит на меня через стол. Ее полураскрытые губы влажно блестели, бледно-голубые глаза сузились. Она поводила плечами бессознательным инстинктивным движением кошки, готовящейся к прыжку.

Я подумал об Аури, которой так спокойно и счастливо живется в ее Подовсе. Что она станет делать, если в ее крошечное королевство вторгнется кто-то чужой?

— Извини, — сказал я. — Не могу. Попасть туда... не так просто. Для этого требуется помощь одного моего друга, и я не думаю, что он на это согласится.

Что касается ее последнего предложения, я решил ничего о нем не говорить, потому что понятия не имел, как на это реагировать.

Повисла долгая, напряженная пауза.

— Черт бы тебя побрал! — сказала наконец Деви. — Похоже, ты даже не врешь.

— Ну да, — кивнул я. — Это неприятно, я понимаю...

— Черт бы тебя побрал...

Она, насупившись, подтолкнула ко мне бутылочку и булавку.

Я уколол булавкой свое запястье и стал пристально смотреть на капли крови, набухающие и падающие в бутылочку. После третьей капли я кинул булавку туда же, в бутылочку.

Деви ляпнула на пробку какого-то клея и сердито вогнала пробку в горлышко. Потом достала из ящика алмазный резец.

— Ты мне доверяешь? — спросила она, выцарапывая на стекле номер. — Или хочешь опечатать бутылочку?

— Я тебе доверяю, — сказал я. — Но бутылочку предпочел бы все-таки опечатать.

Она залила горлышко бутылочки растопленным воском. Я притиснул к нему свои талантовые дудочки, оставив узнаваемый отпечаток.

Деви полезла в другой ящик, достала шесть талантов и бросила их на стол. Этот жест мог бы показаться капризным, если бы не ее взгляд — жесткий и разгневанный.

— Ничего, я все равно туда проберусь, так или иначе! — сказала она ледяным тоном. — Ты поговори со своим другом. Если ты мне поможешь, ты об этом не пожалеешь!

ГЛАВА 11

ГАВАНЬ

В Университет я вернулся в хорошем расположении духа, несмотря на то что на плечах у меня лежал груз нового долга. Я кое-что купил, забрал свою лютню и отправился в путешествие по крышам.

Перемещаться внутри главного здания было нечеловечески сложно: оно представляло собой лабиринт каких-то дурацких коридоров и лестниц, которые никуда не вели. А вот ходить по его крышам было проще простого. Я направлялся в небольшой дворик, который в результате многочисленных перестроек сделался совершенно недоступным, замкнутым, как мушка в янтаре.

Аури меня не ждала, но это было первое место, где я с ней повстречался, и в погожие ночи она иногда выходила сюда, посмотреть на звезды. Я убедился, что в аудиториях, окна которых выходили во дворик, темно и пусто, достал лютню и принялся ее настраивать.

Я играл около часа, когда наконец в разросшихся кустах внизу послышался шорох. Потом появилась и сама Аури — она как белка взбежала по старой яблоне и прыгнула на крышу.

Она подбежала ко мне. Ее босые ноги едва касались залитой варом крыши, волосы развевались за спиной.

— Я тебя услышала, — сказала она, подойдя вплотную. — Я услышала тебя из самых Скачков!

— Я припоминаю, — медленно произнес я, — что я кому-то обещал сыграть.

— Мне, мне! — она прижала обе ладошки к груди и заулыбалась. Она переминалась с ноги на ногу и едва не подпрыгивала от нетерпения. — Мне, мне сыграй! Я так терпеливо ждала, прямо как целых два камня! Ты пришел как раз вовремя. На три камня мне бы терпения не хватило.

— Ну, — сказал я с притворной нерешительностью, — думаю, это зависит от того, что ты мне принесла...

Она рассмеялась, приподнялась на носочках, по-прежнему прижимая руки к груди.

— А ты мне что принес?

Я опустил на колени и принялся развязывать узелок.

— Я принес тебе три вещи, — сказал я.

— словно в сказке или в песне! — усмехнулась она. — Ты сегодня прямо как настоящий кавалер!

— Ну да, так и есть.

Я протянул ей тяжелую темную бутылку.

Она приняла ее обеими руками.

— А кто ее сделал?

— Пчелы, — ответил я. — И пивовары из Бредона.

Аури улыбнулась.

— Пивовары трудятся как пчелки! — сказала она и поставила бутылку к своим ногам. Я достал каравай свежего ячменного хлеба. Она потрогала его пальчиком и одобрительно кивнула.

Последним я достал цельного копченого лосося. Он один стоил целых четыре драба, но я тревожился, что Аури недополучает мясного с той пищей, которую ухитряется раздобыть без моей помощи. Лосось должен был пойти ей на пользу.

Аури с любопытством взглянула на рыбу, склонив голову набок, чтобы заглянуть в ее выпученный глаз.

— Здравствуй, рыба! — сказала она и посмотрела на меня. — А у нее есть тайна?

Я кивнул.

— У нее вместо сердца арфа.

Аури снова посмотрела на рыбу.

— Неудивительно, что у нее такой изумленный вид!

Аури взяла рыбу у меня из рук и бережно уложила ее на крышу.

— Ладно, вставай. У меня для тебя тоже есть три вещи, это будет справедливо.

Я выпрямился, и она протянула мне нечто, завернутое в тряпицу. Это была толстая свеча, пахнувшая лавандой.

— А что у нее внутри? — спросил я.

— Счастливые сны, — сказала она. — Я положила их туда для тебя.

Я повертел свечу в руках, начиная что-то подозревать.

— Ты что, сама ее сделала?

Она кивнула и расплылась в улыбке.

— Да, сама! Я ужасно умная!

Я бережно опустил свечу в один из карманов своего плаща.

— Спасибо, Аури!

Аури сделалась серьезна.

— А теперь закрой глаза и наклонись, я отдам тебе второй подарок.

Я удивился, зажмурился и наклонился. Неужели она мне еще и шляпу

сшила?

Я почувствовал, как ее ручки коснулись моего лица и она бережно, осторожно поцеловала меня в лоб.

Я удивился, открыл глаза. Но она уже отбежала на несколько шагов и нервно спрятала руки за спину. Я не знал, что и сказать.

Аури сделала шаг вперед.

— Ты для меня очень важен, — серьезно сказала она, сурово и торжественно глядя на меня. — Я хочу, чтобы ты знал: я всегда-всегда буду о тебе заботиться!

Она робко протянула руку и вытерла мои щеки.

— Нет. Не надо. Сегодня этого не надо. И вот тебе третий подарок: если все будет плохо, можешь прийти жить ко мне в Подовсе. Там хорошо, и тебя там никто не обидит.

— Спасибо, Аури, — сказал я, как только снова обрел дар речи. — Ты для меня тоже очень важна, правда-правда.

— Ой, ну конечно! — уверенно ответила она. — Я ведь прекрасна, как луна!

И она убежала к трубе, из которой торчала железяка, чтобы открыть о нее бутылку. Я тем временем взял себя в руки. Аури вернулась, бережно неся бутылку обеими руками.

— Аури, — спросил я, — у тебя ноги не мерзнут?

Она посмотрела на них.

— А крыша теплая, — сказала она, пошевелив пальцами. — Нагрелась за день на солнышке.

— Тебе башмаки не нужны?

— А что в них будет? — спросила она.

— Твои ноги, — сказал я. — Зима же скоро.

Она пожала плечами.

— Ноги мерзнуть будут.

— А я зимой наверх почти и не выхожу, — сказала она. — Тут не очень хорошо.

Не успел я ничего ответить, как из-за большой кирпичной трубы выступил Элодин — выступил непринужденно, как будто вышел на улицу перед сном.

Мы некоторое время молча смотрели друг на друга — все трое были застигнуты врасплох, хотя и по-разному. Мы с Элодином просто удивились, но краем глаза я видел, что Аури застыла и напряглась, точно лань, готовая умчаться прочь от опасности.

— Магистр Элодин, — сказал я самым мягким и дружелюбным тоном,

на какой был способен, ужасно боясь, что он сделает что-нибудь неправильно и спугнет Аури. В последний раз, когда она испугалась и спряталась под землю, прошел целый оборот, прежде чем она показалась снова, — очень рад вас видеть!

— Всем привет! — сказал Элодин, точно копируя мой непринужденный тон, как будто не было ничего странного в том, что мы втроем встретились на крыше посреди ночи. Впрочем, насколько я его знал, возможно, ему это и впрямь странным не казалось.

— Здравствуй, магистр Элодин! — Аури скрестила босые ножки, приподняла юбку драного платья и присела в неглубоком реверансе.

Элодин по-прежнему стоял в тени высокой кирпичной трубы. Он поклонился в ответ на удивление серьезно. Лица его было не видно в темноте, но я без труда мог представить, как он с любопытством разглядывает босоногую хрупкую девушку в ореоле легких волос.

— А что привело вас сюда в эту славную ночь? — спросил Элодин.

Я напрягся. Задавать Аури вопросы было опасно.

По счастью, этот вопрос ее, похоже, совсем не задел.

— Квоут принес мне много всего хорошего, — сказала она. — И пчелиное пиво, и ячменный хлеб, и копченую рыбу, у которой вместо сердца арфа.

— А-а! — сказал Элодин, сделав шаг вперед. Он похлопал себя по карманам, что-то нашел и протянул ей. — Боюсь, что мне нечего тебе подарить, кроме плода цинны.

Аури сделала легкий танцующий шаг назад и плода не взяла.

— А Квоуту ты что принес?

Это, похоже, выбило Элодина из колеи. Он неловко постоял с протянутой рукой.

— Боюсь, что ничего, — ответил он. — Но ведь и Квоут мне, наверно, ничего не принес.

Аури сощурила глаза и неодобрительно насупилась.

— Квоут музыку принес! — сурово возразила она. — Музыка — это для всех!

Элодин снова растерялся. Надо признаться, мне было приятно видеть, как его для разнообразия выбил из колеи кто-то другой. Он обернулся в мою сторону и слегка поклонился.

— Прошу прощения, — сказал он.

Я любезно махнул рукой.

— Ничего-ничего, забудьте об этом.

Элодин обернулся к Аури и снова протянул ей цинну.

Она сделала два маленьких шажка вперед, застыла, поколебалась и сделала еще два. Медленно протянула руку, помедлила, взяла маленький плод и поспешно отбежала назад, прижав обе руки к груди.

— Спасибо большое, — сказала она и снова сделала маленький реверанс. — Теперь ты тоже можешь поужинать с нами, если хочешь. И, если будешь хорошо себя вести, можешь остаться после ужина и послушать, как играет Квоут.

Она слегка склонила голову набок, так что сделалось ясно, что это был вопрос.

Элодин поколебался и кивнул.

Аури перебежала на другую сторону крыши и спустилась во двор по голым сучьям яблони.

Элодин проводил ее взглядом. Когда он повернул голову, его лицо озарил свет луны, и я увидел, что он был задумчив. Живот тугим узлом скрутила внезапная тревога.

— Магистр Элодин!

Он обернулся ко мне.

— А?

Я по опыту знал, что ей потребуется всего три-четыре минуты, чтобы принести из Подовсе то, что она хотела. Нужно ему все объяснить, и чем быстрее, тем лучше.

— Я понимаю, это выглядит странно, — сказал я. — Но, прошу вас, будьте осторожны. Она очень пугливая. Не пытайтесь прикасаться к ней. Не делайте резких движений. А то спугнете.

Элодин снова повернулся спиной к свету, и лица его я не видел.

— Ах вот как? — сказал он.

— И не шумите. Даже смеяться громко не надо. И не задавайте ей никаких вопросов, которые могут показаться личными. А то она просто сбежит.

Я перевел дух, лихорадочно соображая. Язык у меня подвешен неплохо, и, если мне дадут достаточно времени, я могу убедить практически кого угодно в чем угодно. Но Элодин был слишком непредсказуем, чтобы им манипулировать.

— И смотрите, никому не говорите, что она здесь!

Это прозвучало резче, чем мне хотелось бы, и я тут же пожалел о том, что не выразился иначе. Я был не в том положении, чтобы приказывать одному из магистров, пусть даже этот магистр полубезумен.

— Я хотел сказать, — поспешно добавил я, — что я буду вам крайне признателен, если вы никому о ней не скажете.

Элодин посмотрел на меня долгим задумчивым взглядом.

— И почему бы это, ре'лар Квоут?

Его тон был таким холодным и насмешливым, что меня прошиб пот.

— Ее же в Гавань засадят! — сказал я. — Кому, как не вам...

Я осекся, в горле у меня пересохло.

Элодин смотрел на меня. Его лицо было почти не видно в тени, но я чувствовал, что он хмурится.

— «Кому, как не мне»? Что вы имеете в виду, ре'лар Квоут? Вы уверены, будто знаете, какие чувства я испытываю по отношению к Гавани?

Я обнаружил, что весь мой тонкий полуобдуманый план убеждения разлетелся вдребезги. Я внезапно почувствовал себя так, будто вновь очутился на улицах Тарбеана и мой живот сводит судорогой от голода, а в груди отчаянная безнадежность, я вновь хватаю за рукав моряков и купцов, вымаливая жалкие пенни, полпенни, шимы. Хоть что-нибудь, чтобы наконец поесть.

— Ну пожалуйста! — взмолился я. — Магистр Элодин, прошу вас! Если ее примутся искать, она спрячется, и я никогда больше ее не найду! У нее не все в порядке с головой, но тут ей хорошо. А я о ней забочусь. Я мало чем могу помочь, но хоть чем-то. А если ее поймают, будет еще хуже. Гавань ее убьет. Магистр Элодин, прошу вас! Я для вас все, что угодно, сделаю! Только не говорите никому!

— Тс-с! — прошипел Элодин. — Она идет!

Он ухватил меня за плечо, и луна озарила его лицо. В нем не было ни гнева, ни суровости. Лишь изумление и озабоченность.

— Господь и владычица, да ты весь дрожишь! Вздохни поглубже и представь, что ты на сцене. Ты ее напугаешь, если она увидит тебя таким.

Я перевел дух и постарался расслабиться. Озабоченное выражение исчезло с лица Элодина, и он отступил назад, отпустив мое плечо.

Я обернулся и как раз успел увидеть Аури, которая бежала к нам по крыше с охапкой всякого добра. Она остановилась на некотором расстоянии от нас, пристально окинула нас взглядом и наконец подошла, ступая аккуратно, как танцовщица, и остановилась на прежнем месте. Она грациозно опустилась на крышу, скрестив ноги. Мы с Элодином тоже сели, хотя и не столь непринужденно.

Аури развернула тряпицу, аккуратно постелила ее между нами и поставила посередине большое гладкое деревянное блюдо. Достала цинну и понюхала ее, глядя поверх нее.

— А что в ней? — спросила она у Элодина.

— Солнечный свет, — уверенно ответил он, как будто ожидал вопроса. — Солнечный свет раннего утра.

Они были знакомы. Ну конечно! Оттого она и не сбежала сразу, как увидела его. Напряжение, стиснувшее мне спину, немного отпустило.

Аури снова понюхала цинну и призадумалась.

— Она славная, — объявила она. — Но подарки Квоута все равно лучше.

— Это логично, — сказал Элодин. — Наверно, Квоут вообще лучше меня.

— Ну, это-то само собой разумеется! — серьезно ответила Аури.

Аури накрыла на стол, поровну разделив между нами хлеб и рыбу. Кроме того, она принесла плоский горшочек оливок в рассоле. Я обрадовался, обнаружив, что она и без моей помощи способна о себе позаботиться.

Аури налила мне пива в уже знакомую фарфоровую чашечку. Элодину досталась стеклянная баночка, вроде тех, в каких хранят варенье. В первый раз она ему налила, а во второй наливать не стала. Мне оставалось только гадать почему: то ли ей было неудобно к нему тянуться, то ли это был тонкий намек на ее нерасположение.

Мы ели молча. Аури сидела прямо и деликатно откусывала по кусочку. Элодин ел осторожно, время от времени поглядывая на меня, словно не знал, как ему держаться. Я сделал вывод, что ему прежде не доводилось ужинать с Аури.

Когда с ужином было покончено, Аури достала маленький блестящий ножичек и разделила цинну на три части. Как только она взрезала кожицу, я ощутил аромат фрукта, сладкий и резкий. У меня потекли слюнки. Цинну привозили из дальних краев, и для таких, как я, эти фрукты были чересчур дороги.

Она протянула мне мой кусочек, и я бережно взял его у нее из рук.

— Спасибо большое, Аури.

— Пожалуйста, Квоут.

Элодин обвел нас взглядом.

— Аури?

Я ждал, пока он закончит вопрос, но это, видимо, и был весь вопрос.

Аури поняла его прежде меня.

— Это мое имя, — ответила она, горделиво улыбнувшись.

— В самом деле? — с любопытством переспросил Элодин.

Аури кивнула.

— Это Квоут мне его дал! — она улыбнулась мне. — Здорово, правда?

Элодин кивнул.

— Чудесное имя, — вежливо сказал он. — И тебе очень идет.

— Да, очень! — согласилась она. — Это все равно что цветок у меня в сердце.

Она серьезно взглянула на Элодина.

— Если тебе тяжело носить свое нынешнее имя, ты попроси Квоута, он даст тебе новое!

Элодин снова кивнул, откусил кусочек цинны и обернулся, чтобы посмотреть на меня. В свете луны я увидел его глаза. Они были холодные, задумчивые и совершенно, абсолютно разумные.

* * *

После ужина я спел несколько песен, и мы распрощались. Мы с Элодином ушли вместе. Я знал по меньшей мере полдюжины путей, которыми можно спуститься с крыши главного здания, однако же предоставил выбрать путь ему.

Мы миновали круглую каменную башню обсерватории, которая торчала на крыше, вращаясь на плоском свинцовом основании.

— И давно вы с ней встречаетесь? — спросил Элодин.

Я поразмыслил.

— Где-то с полгода... Смотря как считать. Мне пришлось играть на лютне не меньше пары оборотов, прежде чем я увидел ее хотя бы мельком, и еще некоторое время прошло, прежде чем она доверилась мне настолько, что решилась со мной заговорить.

— Вам повезло больше моего, — сказал он. — У меня ушли годы. Сегодня она впервые решилась подойти ко мне ближе, чем на десять шагов. В самые удачные дни мне едва удастся перекинуться с нею десятком слов.

Мы перелезли через широкую и низкую трубу и снова очутились на покатой тесовой крыше, в несколько слоев покрытой варом. Чем дальше мы шли, тем больше мне становилось не по себе. Зачем он пытался сблизиться с ней?

Я вспомнил, как мы с Элодином ходили в Гавань, чтобы навестить его гиллера, Альдера Уина. Я представил себе Аури в Гавани. Хрупкую Аури, привязанную к кровати толстыми кожаными ремнями, чтобы она не покалечилась и не дергалась, когда ее кормят...

Я остановился. Элодин сделал еще несколько шагов, потом обернулся и посмотрел на меня.

— Она — мой друг, — медленно произнес я.

Он кивнул.

— Ну, это-то очевидно.

— И у меня не так много друзей, чтобы я мог позволить себе потерять кого-то из них, — продолжал я. — Тем более ее. Обещайте, что никому о ней не скажете и не отправите ее в Гавань. Это место не для нее.

Я сглотнул — в горле у меня пересохло.

— Прошу вас, обещайте мне это.

Элодин склонил голову набок.

— Мне слышится «А не то...», — сказал он. В его голосе звучала усмешка. — Хотя вслух вы этого и не говорите. Я должен обещать вам это, а не то...

Его губы изогнулись в кривой усмешке.

Когда он ухмыльнулся, я ощутил приступ гнева, смешанного с тревогой и страхом. А потом рот внезапно наполнился горячим привкусом коринки и мускатного ореха, я отчетливо ощутил тяжесть ножа, пристегнутого к ноге под штанами, и медленно опустил руку в карман.

Потом я увидел край крыши, всего в полдюжине шагов за спиной у Элодина, и ноги мои сами собой сдвинулись и встали поудобнее. Я приготовился рвануть вперед, сбить его с ног и вместе с ним рухнуть с крыши вниз, на твердую булыжную мостовую.

Внезапно меня прошиб холодный пот, и я закрыл глаза, потом глубоко вдохнул, выдохнул, и противный привкус во рту исчез.

Я снова открыл глаза.

— Мне нужно, чтобы вы это обещали, — сказал я. — А не то я, вероятно, сделаю что-нибудь невообразимо идиотское.

Я сглотнул.

— И это не принесет ничего хорошего нам обоим.

Элодин пристально взглянул на меня.

— Удивительно честная угроза, — сказал он. — Обычно они бывают куда более жорсткими.

— Жорсткими? — переспросил я. — Может, жесткими? Или жестокими?

— И жестокими тоже, — сказал он. — Обычно это звучит как «Да я тебе ноги переломлю!», «Да я тебе шею сверну!».

Он пожал плечами.

— Подобные высказывания я воспринимаю как жорсткие.

— А-а, — сказал я. — Понятно.

Некоторое время мы молча смотрели друг на друга.

— Я не собираюсь никого посылать за ней, — сказал он наконец. — Для некоторых людей Гавань — самое подходящее место. Для многих — вообще единственное подходящее место. Но я бы не стал держать там даже бешеную собаку, если бы для нее имелся лучший выход.

Он повернулся и пошел прочь. Обнаружив, что я не иду за ним, он остановился и обернулся.

— Этого мало, — сказал я. — Мне нужно, чтоб вы обещали!

— Клянусь молоком моей матери, — сказал Элодин. — Клянусь своим именем и своей силой. Клянусь вечно изменчивой луной.

Мы пошли дальше.

— Ей нужна теплая одежда, — сказал я. — Носки и башмаки. И одеяло. Все это должно быть новое. Аури ношеного не берет. Я уже пробовал.

— У меня она их не возьмет, — сказал Элодин. — Я оставлял для нее вещи. Она к ним не притрагивается.

Он обернулся и посмотрел на меня.

— Давайте, я их вам отдам, вы ведь ей передадите?

Я кивнул.

— В таком случае ей нужны еще деньги, талантов двадцать, рубин величиной с куриное яйцо и набор новых резцов.

Элодин от души простецки гоготнул.

— А струны для лютни ей не нужны?

Я кивнул.

— Два комплекта, если сумеете их достать.

— А почему именно Аури? — спросил Элодин.

— Потому что у нее больше никого нет, — ответил я. — И у меня тоже. Если мы не станем заботиться друг о друге, кто еще о нас позаботится?

Он покачал головой.

— Да нет. Почему вы выбрали для нее именно это имя?

— А-а... — смутился я. — Потому, что она такая ясная и светлая. У нее нет никаких причин быть, но она есть. «Аури» значит «солнечная».

— На каком языке? — спросил он.

Я замялся.

— На сиару, кажется.

Элодин покачал головой.

— На сиару «солнечная» будет «левириет».

Я попытался вспомнить, откуда я знаю это слово. Может, в архивах попадалось?

Но не успел я вспомнить, как Элодин небрежно сказал:

— Я собираюсь вести занятия для тех, кто интересуется тонким и сложным искусством именования.

Он искоса взглянул на меня.

— Сдается мне, что для вас это не будет пустой тратой времени.

— Да, возможно, меня это заинтересует, — осторожно ответил я.

Он кивнул.

— Предварительно вам следует прочесть «Основные принципы» Теккама. Книга не особенно толстая, но глубокая, если вы понимаете, что я имею в виду.

— С удовольствием прочту, если вы мне ее одолжите, — ответил я. — Ну а если нет, придется мне обойтись как-нибудь так.

Он непонимающе посмотрел на меня.

— Мне ведь запрещен вход в архивы.

— Как, до сих пор? — удивился Элодин.

— До сих пор.

Он, похоже, возмутился.

— Это сколько же получается? Полгода?

— Через три дня будет девять месяцев, — ответил я. — Магистр Лоррен совершенно недвусмысленно дал понять, что он думает по поводу допуска меня в архивы.

— Безобразие! — воскликнул Элодин, проявив неожиданную заботу. — Вы же теперь мой ре'лар!

И Элодин повернул в другую сторону, через ту часть крыши, которую я обычно обходил стороной, потому что она была крыта черепицей. Оттуда мы перескочили через узкий проход, миновали покатую крышу трактира и перешагнули на широкую крышу, крытую отшлифованными каменными плитками.

Наконец мы подошли к большому окну, в котором мерцал теплый свет свечей. Элодин уверенно постучался в стекло, как будто это была дверь. Оглядевшись по сторонам, я понял, что мы стоим на крыше Зала магистров.

Через некоторое время я увидел в окне высокий сухой силуэт магистра Лоррена. Он повозился с задвижкой, и вся рама распахнулась наружу.

— Чем могу служить, магистр Элодин? — осведомился Лоррен. Если ситуация и представлялась ему несколько странной, по его лицу этого сказать было никак нельзя.

Элодин указал на меня большим пальцем через плечо.

— Этот парень говорит, будто ему до сих пор запрещен вход в архивы.

Это правда?

Бесстрастный взгляд Лоррена скользнул по мне и вновь вернулся к Элодину.

— Да, это правда.

— Ну, так пустите его туда! — сказал Элодин. — Мальчику нужно читать. Он уже все понял и осознал.

— Он безрассуден и опрометчив, — невозмутимо сказал Лоррен. — Я планировал не пускать его в архивы год и один день.

Элодин вздохнул.

— Ну да, конечно, вы приверженец традиций. Но, может, все-таки дадите ему шанс? Я готов поручиться за него.

Лоррен долго и пристально изучал меня. Я постарался выглядеть как можно более серьезным и ответственным, но, боюсь, вышло плохо, учитывая, что я стоял на крыше глубокой ночью.

— Хорошо, — сказал наконец Лоррен. — Но только в «книги».

— Могила предназначена для нерадивых олухов, которым все надо разжевать и в рот положить! — решительно возразил Элодин. — Мальчик уже ре'лар. У него мозгов на двадцатерых хватит! Ему необходимо бывать в хранилище и читать всякую бесполезную ерунду.

— Мальчик меня не волнует, — ответил Лоррен с неколебимым спокойствием. — Меня волнует исключительно судьба архивов.

Элодин ухватил меня за плечо и вытолкнул вперед.

— Давайте договоримся так. Если вы снова застукаете его за каким-то баловством, можете отрубить ему большие пальцы на руках. Это будет поучительным примером для всех, вы не находите?

Лоррен медленно окинул нас взглядом. Потом кивнул.

— Хорошо, — сказал он и закрыл окно.

— Ну, вот видите? — радостно сказал Элодин.

— Эй, какого черта? — возмутился я, ломая руки. — Я... какого черта?

Элодин озадаченно уставился на меня.

— А в чем дело? Вы допущены. Проблема решена.

— Вы не имеете права предлагать ему отрубить мне пальцы!

Он вскинул бровь.

— А вы что, собираетесь опять нарушать правила? — осведомился он.

— Ну... нет. Но...

— Ну, так вам и беспокоиться не о чем, — сказал он. Развернулся и зашагал дальше. — По всей вероятности. Но я бы на вашем месте все-таки держал ухо востро. С Лорреном никогда не знаешь, шутит он или нет.

На следующий день, едва проснувшись, я отправился к казначею и рассчитался с Риемом, узкилицым человеком, которому был вверен университетский кошелек. Я уплатил свои девять с половиной талантов, столь дорого мне доставшиеся, обеспечив себе возможность учиться в Университете еще одну четверть.

Потом я пошел в «журналы и списки» и записался на занятия в медицине и на курс физиогномики и физиологии. И на металлургию железа и меди у Каммара в артной. И, наконец, на симпатию для продолжающих, которую вел Элкса Дал.

И только тогда сообразил, что не знаю, как называется курс Элодина. Я листал книгу, пока не нашел его имя, и провел пальцем вдоль строки до названия курса. Там свежими черными чернилами было написано: «Введение в то, как не быть тупым ишаком».

Я вздохнул и вписал свое имя в единственную свободную клеточку.

ГЛАВА 12

СПЯЩИЙ РАЗУМ

Когда я пробудился на следующее утро, первое, о чем я подумал, — это о занятиях у Элодина. В животе у меня порхали бабочки. После долгих месяцев, в течение которых я пытался убедить магистра имен взять меня в ученики, я наконец-то буду изучать именование! Настоящую магию! Магию Таборлина Великого!

Но делу время, потехе час. Занятия у Элодина начинались только после полудня. А на мне висел долг Деви. Я еще успею пару часов поработать в артной.

* * *

Я вошел в мастерскую Килвина. Знакомый шум и лязг, издаваемый полусотней деловитых рук, окутал меня, точно музыка. Мастерская была небезопасным местом, и все же здесь я, как ни странно, чувствовал себя наиболее спокойно и расслабленно. Многим студентам не нравилось, что я так стремительно достиг высокого ранга в аркануме, однако большинство артефакторов поневоле относились ко мне с уважением.

Я увидел Манета, работающего возле муфельных печей, и начал пробираться между занятых рабочих столов в его сторону. Манет всегда знал, за какую работу сейчас больше платят.

— Квоут!

В огромном помещении воцарилась тишина. Я обернулся и увидел магистра Килвина, стоящего на пороге своего кабинета. Он махнул рукой, подзывая меня к себе, и шагнул внутрь.

Мастерская мало-помалу вновь наполнялась шумом, студенты возвращались к работе, однако я чувствовал, как они провожают меня взглядом.

Подойдя ближе, я увидел в большом окне кабинета Килвина. Он что-то писал на грифельной доске, которая висела на стене. Магистр был сантиметров на пятнадцать выше меня, с широкой как бочка грудью. А благодаря окладистой бороде и темным глазам он выглядел еще крупнее, чем был.

Я вежливо постучался в дверной косяк. Килвин обернулся и положил мел.

— Войдите, ре'лар Квоут. И закройте дверь.

Я с тревогой вошел в кабинет и затворил за собой дверь. Лязг и грохот мастерской как ножом отрезало. Я заподозрил, что Килвин использует какую-то хитрую сигалдри, приглушающую шум. В результате в кабинете царила тишина, немного даже жутковатая.

Килвин взял с края стола листок бумаги.

— До меня дошли неприятные новости, — сказал он. — Несколько дней тому назад в хранение приходила девушка. Она искала молодого человека, который продал ей амулет.

Он посмотрел мне в глаза.

— Вам об этом ничего не известно?

Я покачал головой.

— Чего она хотела?

— Это нам неизвестно, — ответил Килвин. — В это время в хранении работал э'лир Бэзил. Он сказал, что девушка была молода и выглядела весьма расстроенной. Она искала, — он взглянул на бумагу, — молодого волшебника. Имени его она не знала, но, по ее описанию, он очень молод, рыжеволос и хорош собой.

Килвин положил бумагу на стол.

— Бэзил говорил, что во время разговора она нервничала чем дальше, тем больше. Она выглядела напуганной и, когда он попытался узнать ее имя, расплакалась и убежала.

Он сложил громадные руки на груди, лицо его сделалось суровым.

— Ответьте мне прямо: это вы продаете девушкам амулеты?

Вопрос застал меня врасплох.

— Амулеты? — переспросил я. — Какие амулеты?

— А это вам лучше знать, — угрюмо сказал Килвин. — Приворотные или приносящие удачу. Помогающие забеременеть или, наоборот, не забеременеть. Обереги от демонов и тому подобное.

— А разве такое можно сделать? — спросил я.

— Нет, — твердо ответил Килвин. — Именно поэтому мы ими и не торгуем.

Он уставился на меня тяжелым взглядом.

— Потому я и спрашиваю: вы действительно продавали амулеты невежественным поселянам?

Я был настолько не готов к подобному обвинению, что не мог даже с ходу сообразить, что разумного сказать в свою защиту. А потом до меня

дошло, насколько все это нелепо, и я расхохотался.

Глаза Килвина недобро сузились.

— Ре'лар Квоут, это не смешно! Мало того что подобные вещи прямо запрещены университетским уставом — студент, который продает фальшивые амулеты... — Килвин запнулся и покачал головой. — Это говорит о некой глубинной порочности нрава.

— Магистр Килвин, да вы взгляните на меня! — сказал я, демонстрируя ему свою рубашку. — Если бы я в самом деле дурил головы легковверным поселянам, вытягивая из них деньги, неужто я ходил бы в поношенной дерюге?

Килвин окинул меня взглядом, как будто впервые заметил, во что я одет.

— Это верно, — согласился он. — Однако всякий может подумать, что студент, стесненный в средствах, испытывает большее искушение прибегнуть к подобным уловкам.

— Я подумывал об этом, — сознался я. — Если взять на пенни железа и потратить десять минут на нанесение нескольких простых рун, можно было бы изготовить подвеску, холодную на ощупь. Продать подобную вещь было бы несложно. Но, — я пожал плечами, — я прекрасно понимаю, что это подпадает под статью о мошеннической подделке. Я не стал бы так рисковать.

Килвин нахмурился.

— Ре'лар Квоут, член арканума избегает подобного поведения потому, что это дурно! А не потому, что это слишком рискованно.

Я скорбно улыбнулся.

— Магистр Килвин, если бы вы были настолько уверены в твердости моих моральных принципов, мы бы с вами не беседовали на эту тему.

Его лицо несколько смягчилось, и он слегка улыбнулся.

— Должен признаться, от вас я подобного и не ожидал. Но мне уже доводилось ошибаться в людях. И с моей стороны было бы постыдной нерадивостью не расследовать подобные случаи.

— А зачем приходила эта девушка? Пожаловаться на амулет? — спросил я.

Килвин покачал головой.

— Нет. Как я уже сказал, она ничего толком не сказала. Но я не могу понять, зачем еще расстроенная девушка с амулетом могла явиться разыскивать вас, зная вас в лицо, но не зная вашего имени.

Он приподнял бровь, давая понять, что это вопрос.

Я вздохнул.

— Магистр Килвин, хотите, я скажу начистоту?

На это он вскинул обе брови.

— Я всегда только этого и хочу, ре'лар Квоут!

— Насколько мне известно, некто пытается навлечь на меня неприятности, — сказал я. По сравнению с тем, чтобы опоить меня алхимической отравой, распространение слухов было бы со стороны Амброза почти любезностью.

Килвин кивнул, рассеянно оглаживая бороду.

— Да, понятно...

Он пожал плечами и снова взял мел.

— Что ж, хорошо. Полагаю, этот вопрос пока можно считать закрытым.

Он снова повернулся к доске и оглянулся на меня через плечо.

— Надеюсь, в ближайшее время сюда не явится орда беременных женщин, размахивающих железными подвесками и проклинающих ваше имя?

— Я постараюсь, чтобы такого не случилось, магистр Килвин.

* * *

Я потратил несколько часов на всякую мелочовку в артной, потом отправился в аудиторию в главном здании, где должны были проходить занятия Элодина. По расписанию они начинались в полдень, но я пришел на полчаса раньше и оказался первым.

Мало-помалу в аудиторию просачивались другие студенты. Всего нас оказалось семеро. Первым пришел Фентон, мой товарищ и соперник по курсу углубленной симпатии. Потом появились Фела и Бреан, хорошенькая девица лет двадцати, с рыжеватыми волосами, подстриженная под мальчика.

Мы болтали, знакомились друг с другом. Джаррет был застенчивым модеганцем, которого я встречал в медике. Я знал, что молодую женщину с ярко-голубыми глазами и волосами медового цвета зовут Инисса, но не сразу вспомнил, где я с ней познакомился. Это была одна из многочисленных недолговечных пассий Симмона. И последним был Юреш. Ему было уже под тридцать, полноправный эл'те. Судя по цвету лица и выговору, он был родом из самого Ленатта.

Пробило полдень. Элодин не появлялся.

Прошло пять минут. Потом десять. И только в половине первого

Элодин наконец впорхнул в аудиторию с охапкой каких-то бумаг. Он бросил их на стол и принялся расхаживать перед нами взад-вперед.

— Прежде чем мы начнем, вам следует уяснить себе несколько правил, — сказал он без какого-либо вступления, даже не извинившись за опоздание. — Во-первых, вы должны все делать, как я говорю. Вы должны стараться изо всех сил, даже если не понимаете, зачем это надо. Вопросы задавать можно, но потом. Я сказал — вы сделали.

Он окинул нас взглядом.

— Ясно?

Мы кивнули и промычали что-то утвердительное.

— Во-вторых, вы должны верить мне, когда я говорю вам некоторые вещи. Кое-что из того, что я вам говорю, может и не быть правдой. Но вы все равно должны в это верить, пока я не скажу вам, что можно думать иначе.

Он снова окинул нас взглядом.

— Ясно?

Я мимоходом спросил себя, каждую ли лекцию он будет начинать таким образом. Элодин обратил внимание, что я не спешу соглашаться с ним, и раздраженно уставился на меня.

— Самое трудное еще впереди! — сообщил он.

— Я постараюсь сделать все, что в моих силах, — ответил я.

— С подобными ответами из вас выйдет превосходный адвокат, — ехидно заметил он. — Стараться не надо, надо просто делать, и все.

Я кивнул. Это его, похоже, успокоило, и он снова обратился ко всей группе:

— Вам следует запомнить две вещи. Во-первых, наши имена определяют то, какими мы будем, а мы, в свою очередь, определяем то, какими будут наши имена.

Он остановился и взглянул на нас.

— И, во-вторых, простейшее из имен настолько сложно, что вашему разуму не дано даже охватить его границы, не говоря уж о том, чтобы постичь его настолько, чтобы произнести.

Повисло молчание. Элодин выжидал, глядя на нас.

Наконец Фентон схватил наживку.

— Но если это так, как человек вообще может сделаться именователем?

— Хороший вопрос, — сказал Элодин. — Самый очевидный ответ — что это невозможно. Что даже простейшее из имен выходит за пределы наших возможностей.

Он поднял руку.

— Не забывайте, речь идет не о тех малых именах, которые мы употребляем в обыденной жизни. Не о названиях, таких как «дерево», «огонь» или «камень». Я говорю о другом.

Он достал из кармана речную гальку, темную и гладкую.

— Опишите мне форму этого камня во всех подробностях. Расскажите мне о тяжести и давлении, которые сформировали его из песка и ила. Поведайте о том, как он отражает свет. Как мир притягивает к себе его массу, как подхватывает его ветер, если подбросить его в воздух. Расскажите, как следы железа, присутствующие в нем, откликаются на зов лоденника. Все это и еще сотня тысяч деталей и составляют имя этого камня.

Он протянул нам его на ладони.

— Вот этого маленького, простенького камушка.

Элодин опустил руку и взглянул на нас.

— Теперь видите, насколько сложна даже эта простая вещь? Если бы вы потратили целый месяц на изучение этой гальки, быть может, вы узнали бы о ней достаточно, чтобы очертить внешние границы его имени. А может быть, и нет. Вот суть проблемы, с которой сталкивается именователь. Мы должны понять то, что недоступно нашему пониманию. Как же это сделать?

Он не стал дожидаться ответа. Вместо этого он взял часть той бумаги, которую принес с собой, и раздал каждому из нас по несколько листов.

— Через пятнадцать минут я брошу этот камень. Я стану вот тут, — он поставил ноги, — лицом туда.

Он расправил плечи.

— Я брошу его снизу вверх с силой примерно в три хвата. Я прошу вас рассчитать, куда именно он полетит, с тем, чтобы вы могли в нужный момент подставить руку и поймать этот камень.

Элодин положил гальку на стол.

— Приступайте!

Я добросовестно взялся за дело. Я чертил треугольники и дуги, я считал и выводил формулы, которых не помнил наизусть. Вскоре я отчаялся, придя к выводу, что задача не имеет решения. Слишком много неизвестных, слишком многое рассчитать было просто невозможно.

После того как мы минут пять промучились в одиночку, Элодин предложил нам поработать в группе. Тут я впервые обнаружил, насколько Юреш талантлив в расчетах. Его вычисления были настолько серьезнее моих, что я даже не понимал большей части того, что он пишет. Фела ему

почти не уступала, но, помимо расчетов, она еще вычертила серию парабол.

Мы всемером дискутировали, спорили, пробовали, терпели неудачу, пробовали снова. К тому времени, как миновало пятнадцать минут, отчаялись все. Особенно я. Ненавижу проблемы, которые я не могу решить.

Элодин окинул нас взглядом.

— Ну, что скажете?

Некоторые из нас попытались было дать приблизительный ответ или наиболее точную догадку, но Элодин жестом заставил нас замолчать.

— Что вы можете сказать точно?

После небольшой паузы Фела ответила:

— Мы не знаем, куда упадет камень.

Элодин одобритительно хлопнул в ладоши.

— Отлично! Да, ответ верный. Теперь смотрите!

Он подошел к двери и высунул голову в коридор.

— Генри! — окликнул он. — Да-да, ты. Поди-ка сюда на секундочку.

Он отступил от двери и впустил в аудиторию одного из посыльных Джеймисона, парнишку лет восьми.

Элодин отошел на несколько шагов и повернулся лицом к мальчику. Он расправил плечи и улыбнулся безумной улыбкой.

— Лови! — воскликнул он и кинул мальчишке камень.

Удивленный мальчишка поймал камень на лету.

Элодин разразился бурными аплодисментами, потом поздравил ошеломленного мальчика, отобрал у него камень и выпроводил мальчишку за дверь.

Наш наставник снова обернулся к нам.

— Ну вот, — сказал Элодин. — Как же он это сделал? Как он сумел в один миг рассчитать то, чего семеро блестящих членов арканума не сумели вычислить за четверть часа? Быть может, он разбирается в геометрии лучше, чем Фела? Или считает проворнее, чем Юреш? Быть может, стоит его вернуть и сделать его ре'ларом?

Мы рассмеялись и почувствовали себя спокойнее.

— Я что хочу показать. У каждого из нас есть разум, который мы используем для своих сознательных поступков. Но есть и другой разум, спящий. И он настолько могуч, что спящий разум восьмилетнего мальчонки способен в секунду осуществить то, чего бодрствующий разум семи членов арканума не может сделать за пятнадцать минут.

Он широко развел руками.

— Ваш спящий разум достаточно обширен и неизведан, чтобы

вместить имена вещей. Я это знаю потому, что временами это знание прорывается на поверхность. Инисса произнесла имя железа. Ее бодрствующий разум этого имени не знает, но ее спящий разум мудрее. Нечто внутри Фелы понимает имя камня.

Элодин указал на меня.

— Квоут призвал ветер. Если верить тому, что пишут давно умершие мудрецы, его путь наиболее традиционный. Именно имя ветра искали и ловили те, кто стремился стать именователями много лет назад, когда здесь этому учили.

Он ненадолго умолк и пристально посмотрел на нас, сложив руки на груди.

— Я хочу, чтобы каждый из вас подумал о том, какое имя вам хотелось бы обрести. Это должно быть скромное имя. Нечто простое: железо или огонь, ветер или вода, дерево или камень. Это должно быть нечто, с чем вы ощущаете родство.

Элодин подошел к большой доске, висящей на стене, и принялся писать список названий. Почерк у него был на удивление аккуратный.

— Вот важные книги, — сказал он. — Прочитайте одну из них.

Через некоторое время Бреан подняла руку. Потом сообразила, что это бесполезно: Элодин по-прежнему стоял к нам спиной.

— Магистр Элодин, — осторожно спросила она, — а которую из них нам нужно прочесть?

Он оглянулся через плечо, ни на миг не прекращая писать.

— Да какая разница? — сказал он, явно раздраженный. — Возьмите какую-нибудь. А остальные пробегите по диагонали. Посмотрите картинки. Понюхайте их, в конце концов.

И снова отвернулся к доске.

Мы переглянулись. Тишину нарушал только стук его мела.

— Но какая из них наиболее важная? — спросил я.

Элодин с отвращением фыркнул.

— Не знаю! — ответил он. — Я их не читал.

Он написал на доске «Эн темерант войстра» и обвел название кружочком.

— А насчет этой я даже не уверен, есть ли она в архивах.

Он пометил ее вопросительным знаком и продолжал писать.

— Вот что я вам скажу. В «книгах» ни одной из них точно нет. Я нарочно в этом убедился. Вам придется разыскивать их в хранилище. Вам нужно будет их заслужить.

Он дописал последнее название, отступил на шаг и кивнул самому

себе. Всего в списке было двадцать книг. Три из них он пометил звездочками, еще две подчеркнул, а глядя на последнее название, сделал печальную гримасу.

И вдруг удалился, вышел из аудитории, не сказав на прощанье ни единого слова, оставив нас размышлять над природой имен и гадать, во что же мы такое вляпались.

ГЛАВА 13

ПОИСКИ

Твердо решив хорошо показать себя на занятиях у Элодина, я отловил Вилема и, пообещав потом угостить выпивкой, уговорил научить меня ориентироваться в архивах.

Мы шагали по мощеным улочкам Университета. Дул порывистый ветер. И вот перед нами выросла лишенная окон громада архивов. Над массивными каменными дверями было выбито в камне: «Ворфелан Рхината Морие».

Когда мы подошли к зданию, я обнаружил, что ладони у меня вспотели.

— Господь и владычица! Погоди минутку, — сказал я и остановился.

Вил приподнял бровь.

— Я нервничаю, как начинающая шлюха, — объяснил я. — Дай мне собраться с духом.

— Ты же говорил, что Лоррен отменил запрет еще позавчера, — сказал Вилем. — Я-то думал, ты рванешь в архивы сразу, как только получишь разрешение.

— Я выжидал, пока они обновят списки, — объяснил я. И вытер ладони о рубашку. — Сейчас что-нибудь случится, я знаю. Моего имени не окажется в списках. Или дежурным будет Амброз, у меня случится очередной приступ этого коринкового зелья, и я с воплями вцеплюсь ему в глотку.

— Хотел бы я на это посмотреть! — заметил Вил. — Но Амброз сегодня не дежурит.

— И то хорошо! — сказал я, немного успокаиваясь. Я указал на надпись над дверью: — Ты не знаешь, что там написано?

Вил задрал голову.

— Жажда знаний творит человека, — сказал он. — Или что-то в этом духе.

— Это мне нравится.

Я глубоко вдохнул, выдохнул.

— Ну ладно. Пошли!

Я отворил огромную каменную дверь и вошел в небольшую прихожую, потом Вил отворил внутреннюю дверь, и мы вступили в

вестибюль. В центре вестибюля стоял огромный деревянный стол, и на нем лежали раскрытыми несколько больших, переплетенных в кожу конторских книг. Из вестибюля в разных направлениях вело несколько внушительных дверей.

За столом сидела Фела. Ее вьющиеся волосы были собраны в хвост на затылке. В красном свете симпатических ламп она выглядела какой-то другой, но не менее хорошенькой. Она улыбнулась.

— Привет, Фела! — сказал я, стараясь, чтобы по голосу не было слышно, как я нервничаю. — Говорят, Лоррен снова внес меня в списки достойных. Ты не посмотришь, есть ли я там?

Фела кивнула и принялась листать лежащую перед ней книгу. Ее лицо озарилось улыбкой, она ткнула пальцем в страницу. Потом вдруг помрачнела.

Сердце у меня упало.

— В чем дело? — спросил я. — Что-то не так?

— Да нет, — сказала она. — Все в порядке.

— А у тебя такой вид, как будто что-то не так, — буркнул Вил. — Что там написано?

Фела, поколебавшись, развернула книгу, и мы прочли: «Квоут, сын Арлидена. Рыжеволосый. Белокожий. Юный». А рядом, на полях, другим почерком было дописано: «Ублюдок эдема руэ».

Я улыбнулся Феле.

— Верно по всем пунктам! Ну что, можно войти?

Она кивнула.

— Лампы нужны? — спросила она, открывая ящик.

— Мне нужна, — сказал Вил, уже записывая свое имя в отдельную книгу.

— А у меня своя, — сказал я, доставая свою маленькую лампу из кармана плаща.

Фела открыла список проходов и вписала нас. Когда я расписывался, рука у меня дрогнула, кончик пера дернулся и забрызгал чернилами всю страницу.

Фела промокнула кляксы и закрыла книгу. И улыбнулась мне.

— С возвращением! — сказала она.

* * *

Я предоставил Вилему указывать мне путь и изо всех сил старался

изображать искреннее изумление.

Изображать его было нетрудно. Хотя я уже в течение некоторого времени бывал в архивах, я вынужден был таиться, точно вор. Я делал свет своей лампы как можно более слабым и избегал главных коридоров, чтобы случайно на кого-нибудь не наткнуться.

Каменные стены архивов были сплошь уставлены шкафами. Некоторые коридоры были широкими и просторными, с высокими потолками, другие же образовывали узкие проходы, где с трудом могли разминуться двое людей, и то только боком. В воздухе висел густой запах кожи и пыли, старого пергамента и переплетного клея. Это был аромат тайн.

Вилем провел меня через змеящиеся ряды шкафов, по какой-то лестнице, потом длинным и широким коридором, уставленным книгами в одинаковых красных кожаных переплетах. И, наконец, мы подошли к двери, из-под которой пробивался тусклый красный свет.

— Тут есть кабинеты для занятий. Читальни-норки. Мы с Симом часто сидим в этой. О ней не так много народу знает.

Вил постучал в дверь и открыл ее. За ней обнаружилась комнатка без окон, в которой едва помещался стол и несколько стульев.

За столом сидел Сим. В красном свете симпатической лампы его лицо выглядело еще более румяным, чем обычно. Когда он увидел меня, то выпучил от удивления глаза.

— Квоут? А ты что тут делаешь?!

Он испуганно обернулся к Вилему.

— Как он сюда попал?

— Лоррен отменил запрет, — объяснил Вилем. — У нашего юного друга большой список. Он намерен отправиться на свою первую охоту за книгами.

— Ух ты! Поздравляю, Квоут! — просиял Сим. — Можно, я помогу? А то я тут скоро засну.

Он протянул руку за списком.

Я постучал себя по виску.

— В тот день, когда я не сумею запомнить два десятка названий, я буду считать, что я больше не в аркануме!

Хотя это была только часть правды. На самом деле у меня было всего полдюжины драгоценных листков бумаги. Я не мог позволить себе тратить бумагу на такие пустяки.

Сим достал из кармана сложенный листок бумаги и огрызок карандаша.

— Ну а мне надо записывать, — сказал он. — Не все же привыкли учить наизусть баллады для развлечения!

Я пожал плечами и принялся писать.

— Думаю, дело пойдет быстрее, если мы разделим список на три части, — сказал я.

Вилем пристально взглянул на меня.

— Ты что думаешь, ты можешь просто пройти по библиотеке и найти книги самостоятельно?

Он переглянулся с Симом. Сим широко заулыбался.

Ну, да, конечно. Я ведь не должен уметь ориентироваться в хранилище. Вил с Симом не знали, что я почти месяц бродил тут по ночам.

Не то чтобы я им не доверял, но Сим не способен был солгать даже ради спасения собственной жизни, а Вил работал хранистом. Мне не хотелось заставлять его выбирать между моим секретом и его долгом перед магистром Лорреном.

Так что я решил притвориться дурачком.

— Да ладно уж, разберусь как-нибудь! — небрежно ответил я. — Вряд ли тут все настолько сложно!

— В архивах столько книг, — медленно произнес Вилем, — что даже на то, чтобы просто прочитать все названия, потребуется не меньше оборота.

Он помолчал, пристально глядя на меня.

— Одиннадцать дней, без перерывов на еду и сон!

— Что, правда? — спросил Сим. — Так много?

Вил кивнул.

— Я это вычислил еще в прошлом году. Очень помогает заставлять заткнуться э'лиров, ноющих, что приходится подолгу ждать, когда я принесу им нужную книгу.

Он взглянул на меня.

— А есть еще книги без названия. И свитки. И черепки. Все это на разных языках.

— Что такое черепки? — спросил я.

— Глиняные таблички, — объяснил Вил. — Из числа того немногого, что пережило пожар Калуптены. Некоторые из них переписаны, но далеко не все.

— Да ладно, это все мелочи, — перебил его Сим. — Главная проблема — это организация!

— Каталогизация, — сказал Вил. — Существует несколько разных систем. И некоторые магистры предпочитают одну, другие — другую.

Он нахмурился.

— А некоторые придумывают свою собственную систему расстановки книг!

Я рассмеялся.

— Ты это так говоришь, будто за это их следует выставить к позорному столбу!

— Да, неплохо бы, — буркнул Вилем. — Во всяком случае, я бы плакать не стал.

Сим взглянул на него.

— Нельзя же винить магистра за то, что он хочет все организовать наилучшим образом!

— Еще как можно! — возразил Вилем. — Если бы архивы везде были организованы одинаково плохо, здесь была бы единая система, пусть и дурная, но к ней можно было бы приспособиться. А за последние пятьдесят лет систем было несколько. И книги терялись. И названия переводились неправильно...

Он запустил обе руки в волосы, и голос у него внезапно сделался усталым.

— А ведь все время поступают новые книги, их тоже надо вносить в каталоги! А есть еще ленивые э'лиры в могиле, которые хотят, чтобы мы разыскивали для них книги! Это все равно что пытаться вырыть яму на дне реки.

— То есть ты хочешь сказать, — лениво осведомился я, — что ремесло храниста — работа благодарная и непыльная?

Сим фыркнул в ладошку.

— А еще есть вы, — Вил снова смотрел на меня, голос его сделался глухим и угрожающим. — Студенты, допущенные в хранилище. Вы приходите, прочитываете полкнижки и куда-нибудь ее прячете, чтобы дочитать когда-нибудь потом.

Вил стиснул кулаки, словно хватая кого-то за грудки. Или за глотку.

— А потом вы забываете, куда ее спрятали, — и все, пропала книга. С тем же успехом можно было ее сжечь.

Вил ткнул в меня пальцем.

— Если я когда-нибудь застукаю тебя за чем-то подобным, — грозно произнес он, — никакой бог тебе не поможет!

Я виновато подумал о трех книжках, которые заныкал таким образом, готовясь к экзаменам.

— Я так делать никогда не буду! — пообещал я. — Честное слово!

«В смысле никогда больше».

Сим встал из-за стола и потер руки.

— Ну ладно! Короче говоря, тут страшный бардак, но найти то, что ищешь, можно, если ограничиться книгами, которые есть в каталоге Толема. Каталог Толема — это та система, которой мы пользуемся сейчас. Мы с Вилом покажем тебе, где хранятся списки.

— И кое-что еще, — сказал Вил. — Толем далеко не полон. Некоторые нужные тебе книги придется поискать подольше.

Он повернулся к двери.

* * *

Выяснилось, что в каталоге Толема есть всего четыре книги из моего списка. В конце концов нам пришлось покинуть упорядоченную часть хранилища. Вилем, похоже, счел мой список за вызов, брошенный его профессиональной чести, так что я в тот день узнал много нового об архивах. Вил сводил меня и в «мертвые каталоги», и в «дальнюю лестницу», и в «нижнее крыло».

И тем не менее за четыре часа нам удалось разыскать всего семь книг. Вилем, похоже, пал духом, но я от души поблагодарил его, сказав, что он сообщил мне все, что нужно, чтобы я мог продолжать поиски самостоятельно.

Следующие несколько дней я почти каждую свободную минуту проводил в архивах, разыскивая книги из списка Элодина. Мне больше всего на свете хотелось всерьез взяться за дело, и я твердо решил прочесть все книги, которые он нам рекомендовал.

Первая книга оказалась путевыми записками, которые я прочел не без удовольствия. Вторая представляла собой сборник довольно плохих стихов, но он, по счастью, оказался коротким, так что я кое-как продрался через него, скрипя зубами и временами зажимываясь, чтобы пощадить свой бедный мозг. Третьим мне попался философско-риторический опус, нудный и высокопарный.

Следом я прочел описание полевых цветов северного Атура, учебник по фехтованию, с довольно бестолковыми иллюстрациями, еще один сборник стихов, на этот раз толстый, как кирпич, и еще более безнадежный, чем первый.

Мне потребовалось много часов, но я прочел их все. Я даже извел два из своих бесценных листков бумаги на то, чтобы кое-что законспектировать.

Следом в руки мне попали, насколько я могу судить, записки сумасшедшего. Звучит интересно, но на самом деле это была сушая головная боль в переплете. Этот человек писал мелким, убористым почерком, не делая пробелов между словами. Без абзацев. Без знаков препинания. Без оглядки на грамматику и правописание.

Тут уж я начал читать по диагонали. А на следующий день, столкнувшись с двумя книгами на модеганском, сборником статей, посвященных севообороту, и монографией по винтийской мозаике, я бросил делать конспекты.

Последнюю стопку книг я просто пролистал, гадая, чего ради Элодин велел нам прочитать налоговые записи двухсотлетней давности из какого-то баронства Малых королевств, устаревший медицинский трактат и дурно переведенное моралите.

Воодушевление, с каким я читал книги Элодина, быстро иссякло, но разыскивать их мне по-прежнему нравилось. Я извел многих хранистов своими бесконечными вопросами: кто отвечает за расстановку книг на полки? Где хранятся винтийские афоризмы? У кого ключи от четвертого подвального хранилища свитков? Где лежат испорченные книги в ожидании ремонта?

В конце концов я нашел девятнадцать книг. Все, кроме «Эн темерант войстра». И эту последнюю я не нашел не потому, что плохо искал. По моим расчетам, на весь процесс ушло почти пятьдесят часов поисков и чтения.

На следующее занятие к Элодину я явился за десять минут до начала, гордый как священник. Я принес два листка тщательных конспектов, намереваясь поразить Элодина своим старанием и добросовестностью.

Все мы явились на занятие до того, как пробил полуденный колокол. Дверь в аудиторию оказалась заперта, и мы стояли в коридоре, ожидая Элодина.

Мы делились впечатлениями о поисках в архивах и рассуждали о том, почему Элодин считает эти книги важными. Фела уже несколько лет работала хранистом, и то нашла всего семнадцать. «Эн темерант войстра» не нашел никто. Не нашлось даже упоминаний о ней.

Когда пробило полдень, Элодин не пришел. Прождав еще минут пятнадцать, я устал стоять в коридоре и подергал дверь аудитории. Поначалу ручка не поддавалась, но, когда я раздраженно потряс дверь, задвижка провернулась и дверь приоткрылась.

— А мы думали, тут заперто! — нахмурилась Инисса.

— Да нет, просто туго открывается, — сказал я и распахнул дверь.

Мы вошли в огромную, пустынную комнату и спустились по лестнице к первому ряду сидений. На большой доске удивительно аккуратным почерком Элодина было выведено одно-единственное слово: «Обсуждайте».

Мы расселись по местам и стали ждать, но Элодин не появлялся. Мы посмотрели на доску, потом переглянулись, не зная, что нам следует делать.

Судя по виду остальных, я был не единственный, кого все это разозлило. Я убил пятьдесят часов, откапывая его бестолковые книжки! Я свою долю работы выполнил. Почему же он не выполняет свою?

Мы сидели почти два часа, лениво болтали, ждали Элодина.

Он так и не пришел.

ГЛАВА 14

ТАЙНЫЙ ГОРОД

Хотя я ужасно злился, что потратил столько времени на розыски книг Элодина, в результате я научился великолепно ориентироваться в архивах. Главное, что я узнал, это что архивы — не просто склад, заполненный книгами. Архивы сами по себе были подобны городу. Там были свои дороги и извилистые тропинки. Там были переулки и проходные дворы.

Как и в городе, в некоторых районах архивов кипела бурная жизнь. В скриптории стояли ряды столов, за которыми хранисты трудились над переводом или переписывали старые, выцветшие тексты в новые книги свежими, насыщенно-черными чернилами. В сортировочном зале, где хранисты разбирали книги и откуда разносили их по полкам, тоже бурлила оживленная деятельность.

«Вошебойка», по счастью, оказалась совсем не тем, что я думал. Это было место, где новые книги обеззараживали перед тем, как присоединить их к общему собранию. Очевидно, книги любят далеко не только люди. Многие из этих любителей точат кожу и пергамент, другие предпочитают бумагу или клей. Книжные черви были едва ли не самыми безобидными. После того как я наслушался историй Вилема, мне отчаянно захотелось помыть руки.

Гнездо каталогов, переплетная, свитки, палимпсесты — все это были весьма оживленные помещения, где непрерывно трудились молчаливые и деловитые хранисты.

Другие же помещения архивов, напротив, никак нельзя было назвать оживленными. К примеру, кабинет новых приобретений представлял собой крошечную комнатку, где всегда было темно. Через окошко я видел, что вся стена кабинета занята огромной картой с отмеченными на ней городами и дорогами, настолько подробной, что она походила на запутанную пряжу. Карта была покрыта слоем прозрачного алхимического лака, и поверх него красным масляным карандашом в разных местах были нанесены заметки, касающиеся слухов о нужных книгах и последнем известном местоположении поисковых групп.

Книги напоминали большой городской сад. Любой студент мог прийти сюда, чтобы почитать книги, выставленные в общем доступе. Еще можно было отдать запрос хранистам, которые нехотя отправлялись в хранилище и

приносили если и не ту самую книгу, которую ты просил, то хотя бы что-нибудь по той же теме.

Однако большую часть архивов занимало хранилище. Именно там жили книги. И, как в любом городе, там были уважаемые и нехорошие районы.

В уважаемых районах все было аккуратно каталогизировано и расставлено по полочкам. В таких местах запись в каталоге приводила тебя к нужной книге так же верно, как перст указующий.

Но были и нехорошие районы. Забытые и брошенные отделения архивов или просто слишком запущенные, чтобы разбираться с ними прямо сейчас. Места, где книги были расставлены по устаревшим каталогам или вообще без каталога.

Там ряды полок походили на щербатые рты: это хранисты былых времен разоряли старый каталог, чтобы расставить книги согласно какой-нибудь новомодной системе. Тридцать лет тому назад целых два этажа из уважаемого района превратились в нехороший, когда враждебная фракция хранистов сожгла каталоги Ларкина.

Ну и, разумеется, дверь с четырьмя табличками. Тайна в сердце тайного города.

По уважаемым районам гулять было приятно. Хорошо прийти за книгой, точно зная, где она стоит. Это было просто. Удобно. Быстро.

Но нехорошие районы буквально завораживали меня. Книги там выглядели пыльными и забытыми. Открыв такую книгу, можно было прочитать слова, которых уже сотни лет никто не видел. В горах мусора здесь таились сокровища.

Именно тут я искал чандриан.

Искал часами, искал целыми днями. Одной из главных причин, что привели меня в Университет, было желание узнать правду о чандрианах. И теперь, получив наконец свободный доступ в архивы, я наверстывал упущенное.

Но, невзирая на многочасовые поиски, я так почти ничего и не нашел. Там было несколько сборников детских сказок, в которых чандрианы творили мелкие пакости: например, воровали пирожки или сквашивали молоко. В других историях они торговались, точно демоны из атуранских моралите.

Кое-где в этих историях попадались мелкие обрывки фактов, но все это я уже и так знал. Чандрианы прокляты. Об их присутствии говорят особые знаки: синее пламя, гниение и ржавчина, пронизывающий холод.

Мои поиски затрудняло еще и то, что я не мог ни к кому обратиться за

помощью. Если станет известно, что я провожу время за чтением детских сказок, мою репутацию это точно не улучшит.

А главное, среди того немногого, что мне было известно о чандрианах, присутствовал тот факт, что они стремятся истребить любые сведения о своем существовании. Они перебили мою труппу только за то, что мой отец сочинял песню о них. В Требоне они вырезали целую свадьбу только потому, что некоторые гости видели их изображение на древнем горшке.

Так что распространяться о чандрианах было бы неразумно.

Поэтому искать приходилось самостоятельно. По прошествии нескольких дней я утратил надежду найти столь ценный источник сведений, как книга о чандрианах, или что-нибудь столь существенное, как монография. И все же я продолжал читать, надеясь отыскать схороненную где-нибудь крупицу правды. Один-единственный факт. Намек. Что угодно.

Но детские сказки обычно небогаты подробностями, а те немногие подробности, которые я находил, явно были вымышлены. Где чандрианы живут? На облаках. В снах. В карамельном замке. Каковы знаки их появления? Раскат грома. Затмение луны. В одной сказке упоминалась даже радуга. Ну вот зачем такое писать? Зачем заставлять детей бояться радуги?

Найти имена было проще, но все они явно были позаимствованы из других источников. И почти все это были имена демонов из «Книги о пути» или из какой-нибудь пьесы, в основном «Даэоники». В одной истории, насквозь аллегорической, чандрианы носили имена семи хорошо известных императоров времен Атуранской империи. Это, по крайней мере, заставило меня рассмеяться, коротко и горько.

В конце концов я обнаружил в недрах «мертвых каталогов» тоненький томик, озаглавленный «Книга тайн». Странная это была книга: она выглядела как бестиарий, но написана была как детская азбука. Там были изображения сказочных созданий: огров, троввов, деннерлингов. К каждой статье прилагалась картинка, а при ней — короткий и безвкусный стишок.

Разумеется, статья о чандрианах была единственной, где картинки не оказались. Просто пустое место, окаймленное декоративными завитушками. Прилагающийся стишок был более чем бесполезен:

Чандрианы бродят там и тут,
Свои секреты они стерегут,
Следов они не оставляют,
Но не грызут и не кусают.
Не знают смуты и тревоги
И в целом к людям не жестоки.

Явившись вмиг, вмиг исчезают,
Как молния, с небес слетают.

(Стихи в переводе Вадима Ингвалла Барановского)

Конечно, подобные тексты меня злили, но благодаря им хотя бы один факт был совершенно очевиден. Для всего остального мира чандрианы были не более чем детскими побасенками, не более реальными, чем шаркуны или единороги.

Но, конечно, я знал, что это не так. Я видел их своими глазами. Я разговаривал с черноглазым Пеплом. Я видел Хелиакса, окутанного тенью, как плащом.

И я продолжал свои бесплодные поиски. Неважно, что там думает весь остальной мир. Я знал истину, и я всегда был не из тех, кто легко сдается.

* * *

Я приноровился к ритму новой четверти. Как и прежде, я ходил на занятия и играл в трактире Анкера. Но большую часть времени я проводил в архивах. Я так долго алкал встречи с ними, что возможность в любой момент просто взять и войти туда казалась почти сверхъестественной.

Даже то, что мне по-прежнему не удавалось найти ничего существенного о чандрианах, впечатления не портило. Во время моих бесконечных поисков я то и дело отвлекался на посторонние книги. Рукописный медицинский травник с акварельными изображениями растений. Маленький томик ин-кварго с четырьмя пьесами, о которых я никогда раньше не слышал. На редкость увлекательное жизнеописание Хевреда Осмотрительного.

Я по полдню проводил в читальных норках, пропуская обеды и встречи с друзьями. Не раз я оказывался последним студентом, которого хранисты выставляли из архивов перед тем, как запереть их на ночь. Я бы там и ночевал, только это не разрешалось.

Иногда, если мое расписание бывало слишком плотным и читать было некогда, я просто ненадолго забежал в архивы, чтобы немного побродить по хранилищу в перерыве между занятиями.

Я был так поглощен своими новыми возможностями, что много дней подряд не бывал за рекой, в Имре. А когда я наконец добрался до «Седого

человека», у меня была при себе визитная карточка, которую я изготовил из клочка пергамента. Я подумал, что Денну это позабавит.

Но когда я туда пришел, корректный привратник в холле «Седого человека» сообщил мне, что нет, вручить карточку он не может. Нет, эта дама здесь больше не проживает. Нет, он не возьмется ничего ей передать. Нет, он не знает, куда она съехала.

ГЛАВА 15

ИНТЕРЕСНЫЙ ФАКТ

Элодин размашистым шагом вошел в аудиторию, опоздав почти на час. Одежда его была измазана травяной зеленью, в волосах запуталась палая листва. Он улыбался.

Сегодня нас было только шестеро. На последних двух занятиях Джаррет не появлялся. Судя по язвительным комментариям, которые он отпускал перед тем, как исчезнуть, я подозревал, что больше он не вернется.

— Ну-с! — воскликнул Элодин без долгих предисловий. — Рассказывайте!

Это был новый способ тратить наше время. В начале каждого занятия он требовал рассказать интересный факт, о котором он никогда прежде не слышал. Разумеется, о том, что интересно, а что нет, судил исключительно сам Элодин, и если первое, о чем вы рассказывали, не соответствовало его требованиям или было ему уже известно, он требовал еще и еще, пока вы наконец не находили что-то, что его достаточно забавляло.

Элодин указал на Бреан.

— Вы!

— Пауки могут дышать под водой! — выпалила она.

Элодин кивнул.

— Хорошо!

И посмотрел на Фентана.

— К югу от Винтаса есть река, текущая не в ту сторону, — сказал Фентан. — Это соленая река, которая не впадает в Сентийское море, а вытекает из него.

Элодин покачал головой.

— Это я уже знаю.

Фентон бросил взгляд на листок бумаги.

— Император Венторан однажды издал закон...

— Скучота! — отрезал Элодин, перебив его на полуслове.

— Если выпить два литра морской воды, тебя стошнит! — предложил Фентон.

Элодин задумчиво подвигал губами, словно хрящик из зубов выковыривал. Потом кивнул.

— Годится.

И указал на Юреша.

— Бесконечно большое число можно делить бесконечное количество раз, и полученные числа все равно будут бесконечно большими, — сказал Юреш со своим странным ленаттским акцентом. — Если же разделить небесконечное число бесконечное количество раз, полученные числа будут небесконечно малыми. Поскольку они не бесконечно малы, а их при этом бесконечно большое количество, то, если их сложить, сумма будет бесконечно большой. Таким образом, мы приходим к выводу, что любое число фактически бесконечно.

— Да-а! — протянул Элодин после долгой паузы. И ткнул в ленаттца пальцем. — Юреш! Вам персональное задание: заняться сексом. Если не знаете, как это делается, подойдите ко мне после занятия.

И обернулся к Иниссе.

— Жители Илла никогда не имели никакой письменности, — сказала она.

— Неправда! — возразил Элодин. — Они пользовались узелковым письмом.

Он сделал в воздухе несколько замысловатых движений, как будто что-то плел.

— И они использовали его задолго до того, как мы начали рисовать на овечьих шкурах свои пиктограммы.

— Но я не говорила, что у них не было способов хранения и передачи информации, — буркнула Инисса. — Я сказала, что у них не было письменности!

Элодин ухитрился продемонстрировать, насколько это скучно, одним пожатием плеча.

Инисса хмуро посмотрела на него.

— Ну, хорошо. В Скерии есть разновидность собак, которая рождает щенков через зачаточный пенис.

— Ух ты! — сказал Элодин. — Здорово. Пойдет!

И указал на Фелу.

— Восемьдесят лет назад в медике научились убирать с глаз катаракту, — сказала Фела.

— Это я уже знаю! — пренебрежительно махнул рукой Элодин.

— Погодите, дайте договорить, — сказала Фела. — Когда они сделали это открытие, они тем самым смогли восстанавливать зрение людей, которые до того никогда не видели. Не ослепли, а родились слепыми.

Элодин с любопытством вытянул шею.

— Когда они получали возможность видеть, — продолжала Фела, — им показывали предметы. Шар, куб и пирамиду, лежащие на столе.

Говоря, Фела одновременно показывала эти предметы руками.

— И медики спрашивали их, какой из этих предметов круглый.

Фела сделала паузу для пущего эффекта, обвела нас взглядом.

— Так вот, они не могли это определить, глядя на них! Им нужно было сначала потрогать. И только прикоснувшись к шару, они понимали, что он круглый.

Элодин радостно рассмеялся, запрокинув голову.

— Что, правда? — спросил он у Фелы.

Она кивнула.

— Фела получает приз! — вскричал Элодин, вскинув руки. Он полез в карман, достал что-то бурое и продолговатое и сунул ей в руку.

Фела с любопытством посмотрела на предмет. Это оказался стручок молочая.

— Квоут же еще не рассказывал! — напомнила Бреан.

— А, неважно! — бросил Элодин. — Что интересного может рассказать Квоут?

Я насупился — так выразительно, как только мог.

— Ну ладно, — сказал Элодин, — выкладывайте, что там у вас!

— Наемники-адемы владеют тайным искусством, которое называется «летани», — сказал я. — Именно это искусство делает их столь могучими воинами.

Элодин склонил голову набок.

— В самом деле? — спросил он. — И что же это за искусство?

— А я откуда знаю? — непочтительно сказал я, надеясь его разозлить. — Говорю же, оно тайное!

Элодин вроде бы ненадолго призадумался, потом покачал головой.

— Нет. Интересно, но на факт не тянет. Это все равно, что сказать: сильдийские ростовщики владеют тайным искусством, которое называется «бухгалтерия», и именно оно делает их столь могущественными финансистами. Тут недостает сути!

И он снова выжидательно уставился на меня.

Я попытался придумать что-то еще, но не мог. Голова у меня была забита сказками о фейри и поисками чандриан, зашедшими в тупик.

— Вот видите? — сказал Элодин Бреан. — Он безнадежен!

— Я просто не понимаю, зачем мы тратим на это время! — буркнул я.

— А вы можете предложить что-нибудь лучше? — осведомился Элодин.

— Да! — взорвался я. — У меня есть тысяча куда более важных дел! Например, узнать имя ветра!

Элодин торжественно воздел палец, пытаясь изобразить мудреца, но удалось ему это плохо: мешала листва в волосах.

— Малые факты приводят к великому знанию! — провозгласил он. — Точно так же, как малые имена приводят к великим!

Он хлопнул в ладоши и нетерпеливо потер руки.

— Ладно! Фела! Откройте свой приз, дадим Квоуту урок, которого он так жаждет!

Фела переломила сухой стручок молочая. Белый пух летучих семян вывалился ей на ладонь.

Магистр имен знаками показал ей, чтобы она подбросила семена в воздух. Фела взмахнула рукой, и кипа белого пуха взмыла под потолок аудитории, а потом плюхнулась обратно на пол. Мы проводили ее взглядом.

— А, черт! — сказал Элодин. Он подошел к клубку семян, подобрал их и принялся размахивать руками, пока комната не наполнилась парящими в воздухе пушистыми облачками.

Тогда Элодин принялся гоняться за семенами по всей комнате, пытаясь поймать их руками. Он вскакивал на стулья, бегал по кафедре, запрыгнул на стол.

Все это время он хватал семена. Поначалу он делал это одной рукой, как будто ловил мячик. Но это ему не удалось, и тогда он принялся хлопать в ладоши, словно ловя муху. Когда и это не сработало, он попытался ловить семена, сложив обе ладони горсточкой, так, как ребенок ловит светлячка.

Но так ни одного и не поймал. Тем больше он суетился, тем лихорадочней носился, тем стремительней хватал. Это длилось минуту. Две. Пять. Десять.

Наверно, это могло бы продолжаться до конца занятия, но в конце концов Элодин споткнулся о стул и тяжело рухнул на каменный пол, порвав штанину и разбив в кровь колено.

Он схватился за ногу, сел и принялся яростно браниться. Я за всю свою жизнь не слышивал подобной брани. Он орал, рычал, плевался. Он ругался как минимум на восьми языках, и, даже когда я не понимал слов, у меня подводило живот и волосы на руках вставали дыбом от одного только тона. Он говорил такое, что меня пот прошиб. Он говорил такое, что меня затошнило. Он говорил такое — я даже не знал, что такое можно сказать.

Думаю, он бранился бы куда дольше, но, набирая воздух для очередного залпа брани, он нечаянно вдохнул одно из парящих в воздухе семян молочая, принялся отчаянно откашливаться и отплеиваться.

В конце концов он выплюнул семя, перевел дух, встал на ноги и захромал прочь из аудитории, не сказав больше ни слова.

Для магистра Элодина это было довольно тривиальное занятие.

* * *

После занятий Элодина я перекусил у Анкера и отправился на дежурство в медику, смотреть, как более опытные эл'те ставят диагнозы и лечат поступающих пациентов. Потом отправился за реку, в надежде отыскать Денну. Это была уже третья вылазка за три дня, но погода стояла славная, солнечная и бодрящая, и после того, как я столько времени провел в архивах, мне хотелось чуть-чуть размять ноги.

Сначала я завернул в «Эолиан», хотя было еще слишком рано и Денны тут быть не могло. Я поболтал со Станчионом и Деочем и отправился дальше, по трактирам, которые она имела обыкновение посещать: «Краны», «Мешок и бочонок», «Собака в стене». Там ее тоже не оказалось.

Я обошел несколько городских садов. Деревья там почти облетели. Навестил все лавки, торгующие инструментами, какие смог найти, осматривая лютни и расспрашивая, не видели ли они красивую молодую женщину, которая присматривала себе арфу. Нет, не видели.

К тому времени уже совсем стемнело. Так что я снова зашел в «Эолиан» и принялся неторопливо бродить в толпе. Денны по-прежнему видно не было, зато я встретил графа Трепе. Мы выпили вместе, послушали несколько песен, и я ушел.

Я поплотнее закутался в плащ и направился назад в Университет. Улицы Имре теперь сделались куда более оживленными, чем днем, и, хотя было довольно холодно, город приобрел праздничный вид. Из трактиров и театров лилась музыка десяти разных видов. У ресторанов и выставочных залов толпился народ.

И тут, среди низкого гула толпы, послышался звонкий смех. Я узнал бы его где угодно. Это смеялась Денна. Я знал ее смех как свои пять пальцев.

Я обернулся, чувствуя, как мое лицо само собой расплывается в улыбке. Ну да, вот так всегда. Мне удастся ее найти только после того, как я отчаялся и оставил поиски.

Я окинул взглядом толпу и без труда ее нашел. Денна стояла у входа в небольшое кафе, на ней было длинное платье из синего бархата.

Я шагнул было в ее сторону, но остановился. Я увидел, что Денна

разговаривает с кем-то, кто стоит за распахнутой дверцей кареты. Ее спутника было не видно, видна была только его макушка. Он носил шляпу с высоким белым пером.

Секунду спустя Амброз захлопнул дверцу кареты. Он улыбнулся Денне широкой чарующей улыбкой и снова сказал что-то, что заставило ее рассмеяться. Его парчовая куртка сверкала в свете фонарей, его перчатки были того же темного, царственно-пурпурного цвета, что его сапоги. Это должно было бы выглядеть безвкусным, но нет, ничего подобного.

Пока я глазел на них, проезжавшая мимо двуколка едва не снесла меня — и поделом бы мне было, поскольку я торчал посреди дороги. Кучер выругался и махнул на меня кнутом. Кнут огрел меня по затылку, но я этого даже не почувствовал.

Я вновь обрел равновесие и посмотрел в их сторону как раз вовремя, чтобы увидеть, как Амброз целует Денне руку. Потом он изящно подставил ей локоть, она взяла его под руку, и они вместе вошли в кафе.

ГЛАВА 16

НЕВЫСКАЗАННЫЙ СТРАХ

Увидев Амброза с Денной, я впал в мрачное настроение. Я возвращался в Университет, и голова у меня шла кругом от мыслей о них. Зачем Амброз это делает, неужели только из мести? Как это вышло? О чем думает Денна?

Проведя ночь почти без сна, я попытался заставить себя не думать об этом. Вместо этого я с головой зарылся в архивы. Книги — плохая замена женскому обществу, зато добыть их куда проще. Я утешался тем, что разыскивал чандриан в укромных уголках архивов. Я читал и читал, пока глаза не начинали гореть и голова не наливалась свинцом.

Прошел почти целый оборот, а я по-прежнему ничего не делал, только посещал занятия и копался в архивах. Я надыхался пылью и обзавелся непроходящей головной болью от многочасового чтения при свете симпатической лампы, а также болью в спине от того, что сидел, согнувшись в три погибели над низеньким столиком, листая выцветшие останки Гилеевых каталогов.

Помимо этого я нашел одно-единственное упоминание о чандрианах в рукописном томике ин-октаво, озаглавленном «Пречудный Альманах Простонародных Суеверований». Насколько я мог судить, книжке было лет двести.

Книжка представляла собой сборник верований и легенд, составленный историком-любителем из Винтаса. В отличие от «Особенностей брачных игр драккусов обыкновенных», здесь не было попыток доказать либо опровергнуть эти легенды. Автор просто собрал и свел воедино народные предания и местами снабдил их краткими комментариями касательно того, как эти верования меняются в зависимости от местности.

Это был впечатляющий труд, явно потребовавший многолетних изысканий. Там было четыре главы о демонах. Три главы о фейри, причем одна из них целиком была посвящена историям о Фелуриан. Там были страницы, посвященные шаркунам, грызням и тровам. Автор записал песни про серых дам и белых всадников. Пространный раздел про курганных жителей. Шесть глав о народной магии: восемь способов сводить бородавки, двенадцать способов говорить с мертвецами, двадцать

два приворота...

Вся статья о чандрианах занимала менее страницы.

«О Чендрианах мало что можно поведать. О них ведомо всякому. Любое дитя знает песню о них. Однако же историй про них в народе не рассказывают.

Поставьте любому Фермеру кружку пива, и он часами будет повествовать о Даннерлингах. Но стоит лишь помянуть Чендрианов, и уста его замкнутся, подобно гузну Пряхи, он коснется железа и отодвинется подальше.

Многие полагают, что разговоры о Фэеи накликают беду, однако же в народе все равно о них говорят. Чем столь отличны Чендрианы — воистину, того не ведаю. Один весьма нетрезвый Кожевник в городе Хиллесборроу сказал мне вполголоса: „Будешь о них разглагольствовать — они за тобой явятся!“ Сдается мне, что таков невысказанный страх неученого народа.

Итак, изложу то, что сумел проведать, хотя все сие весьма обыденно и расплывчато. Чендрианов несколько, и число их различно. (Вероятней всего, семь, на что указывает их имя.) Они являются и вершат различные злочины, а по какой причине — то неведомо.

Есть знаки, кои указуют на их Появление, однако на сей счет мнения расходятся. Чаще всего поминают синий огонь, однако слышал я также о скисшем вине, слепоте, урожае, сохнущем на корню, неодолимым бурям, выкидышах у женщин и солнце, темнеющем в небе.

В целом же Тема сия представляется мне Бесплодною и Утомительною».

Я закрыл книгу. «Бесплодною и Утомительною»... Как это знакомо.

Но хуже всего было даже не это. Все, что тут написано, я уже и так знал. Хуже всего было то, что это был лучший источник информации, который мне удалось откопать более чем за сотню часов долгих поисков.

ГЛАВА 17

ИНТЕРЛЮДИЯ

ИГРА ПО РОЛЯМ

Квоут поднял руку, и Хронист оторвал перо от бумаги.

— Давайте на этом пока остановимся, — сказал Квоут, кивая в сторону окна. — А то вон Коб сюда идет.

Квоут встал и отряхнул фартук.

— Могу ли я посоветовать вам немного привести себя в порядок?

Он кивнул в сторону Хрониста.

— А то у вас такой вид, словно вы занимались чем-то недозволенным.

Квоут спокойно удалился за стойку.

— Само собой разумеется, что ничего подобного вы не делали. Ты, Хронист, скучаешь в ожидании работы. Потому ты и разложил свои письменные принадлежности. Тебя огорчает, что ты застрял без лошади в этом забытом Богом городишке. Но ничего не поделаешь, приходится исходить из того, что есть.

— Ого! — ухмыльнулся Баст. — Тогда дай роль и мне тоже!

— Используй свои сильные стороны, Баст, — сказал Квоут. — Ты пьешь с нашим единственным постояльцем, потому что ты лодырь и бездельник, которого никому даже в голову не придет нанять для работы в поле.

Баст довольно ухмыльнулся.

— И что, я тоже скучаю?

— Ну а как же, Баст? Что тебе еще остается?

Он свернул полотняную салфетку и положил ее на стойку.

— Ну а мне скучать некогда. Я суечусь по хозяйству, у меня сотня мелких дел, которые необходимо делать для того, чтобы в трактире все было как надо.

Он окинул их взглядом.

— Хронист, развались повольготнее! Баст, если не можешь перестать ухмыляться, начни, по крайней мере, рассказывать нашему приятелю историю про трех попов и Мельникову дочку!

Баст ухмыльнулся еще шире.

— Да-а, славная история!

— Ну что, роли все получили?

Квоут взял салфетку со стойки и направился к двери на кухню, сказав по пути:

— Явление второе. Входит Старый Коб.

На деревянном крыльце послышался топот, и в «Путеводный камень» раздраженно ввалился Старый Коб. Он скользнул взглядом по столу, за которым ухмыляющийся Баст оживленно жестикулировал, рассказывая какую-то побасенку, и направился к стойке.

— Эй, Коут! Ты тут?

Секунду спустя трактирщик выбежал из кухни, вытирая мокрые руки фартуком.

— А, Коб, привет! Чем могу служить?

— Грейм прислал за мной мальчонку Оуэнсов, — раздраженно сказал Коб. — Ты не знаешь, зачем я сюда приперся, когда надо овсы возить?

Коут покачал головой.

— Я думал, что он сегодня возит пшеницу у Маррионов.

— Дурость какая! — буркнул Коб. — Ночью дождь собирается, а я тут торчу, а овсы в поле стоят не вывезены!

— Ну, раз уж ты зашел, может, хлебнешь сидру? — предложил расторопный трактирщик. — Только утром отжал!

Обветренное лицо старика немного прояснилось.

— Ну, раз уж все равно ждать... — проворчал он. — Кружечка сидра не помешает.

Коут ушел в кладовку и вернулся с кувшином. На крыльце снова послышались шаги, и в дверь вошли Грейм, Джейк, Картер и ученик кузнеца.

Коб гневно уставился на них.

— Ну и что за такие важные дела, ради которых стоило вытаскивать меня в город в разгар дня? — осведомился он. — Солнышко так и жарит...

Из-за стола, за которым сидели Хронист и Баст, раздался взрыв хохота. Обернувшись, все увидели побагровевшего Хрониста, который хохотал, прикрывая рот ладонью. Баст тоже ржал, стуча кулаком по столу.

Грейм подвел остальных к стойке.

— Я тут узнал, что Картер с мальчиком взялись помочь Оррисонам отогнать овец на рынок, — сказал он. — В Бэдн, да ведь?

Картер и ученик кузнеца кивнули.

— Понятно... — старый Коб посмотрел на свои руки. — На похоронах вас, стало быть, не будет.

Картер сурово кивнул, но Аарон выглядел ошеломленным. Он обводил взглядом всех присутствующих, но они стояли неподвижно, глядя на

старого крестьянина у стойки.

— Ладно, — сказал наконец Коб, подняв глаза на Грейма. — Это хорошо, что ты нас собрал.

Он увидел лицо мальчика и фыркнул.

— У тебя такой вид, парень, как будто ты свою кошку задавил. Овец продать надо. Шеп это знал. И он не стал бы думать о тебе хоть на йоту хуже из-за того, что ты делаешь то, что надо.

Он похлопал ученика кузнеца по спине.

— Сейчас сядем, выпьем, проводим его, как полагается. Вот что важно. А уж то, что будет нынче в церкви, — это так, поповская болтовня. Мы умеем прощаться лучше их.

Он взглянул за стойку.

— Коут, принеси нам его любимого.

Трактирщик уже суетился, доставая деревянные кружки и наполняя их густо-коричневым пивом из небольшого бочонка за стойкой.

Старый Коб поднял кружку, остальные последовали его примеру.

— За нашего Шепа!

Грейм заговорил первым.

— Когда мы были мальчишками, мы как-то раз пошли на охоту, и я сломал ногу, — начал он. — Я ему говорю: беги, мол, за помощью, а он нет, не бросил меня. Соорудил небольшую волокушу буквально из ничего, на одном упрямстве. И притащил-таки меня в город.

Все выпили.

— А меня он с моей женушкой познакомил, — сказал Джейк. — Даже не помню, поблагодарил ли я его как следует...

Все выпили.

— А я когда свалился с крупом, он меня каждый день навещать приходил, — сказал Картер. — Мало кто приходил, а он вот — да. И суп мне носил, что его жена варила.

Все выпили.

— Он был добр ко мне, когда мы сюда переехали, — сказал ученик кузнеца. — Шутил со мной. А как-то раз я загубил тележную пару, которую он принес починять, так он ни слова не сказал мастеру Калебу...

Он судорожно сглотнул и нервно огляделся.

— Я его любил, правда...

Все выпили.

— Он был храбрее всех нас, — сказал Коб. — Первым бросился с ножом на того мужика вчерашнего. Был бы этот ублюдок нормальный, на том бы все и кончилось.

Голос у Коба слегка дрожал, и на миг он сделался маленьким, усталым и старым, таким старым, каким и был на самом деле.

— Однако вышло все не так. Дурные нынче времена для того, чтобы быть храбрым человеком. Однако же он все-таки был храбрым. А лучше бы я был храбрым и погиб вместо него, а он бы сейчас сидел дома и целовал свою молодуху...

Остальные загомонили и осушили кружки до дна. Грейм кашлянул, прежде чем поставить кружку на стойку.

— Я не знал, чего говорить... — негромко произнес ученик кузнеца.

Грейм хлопнул его по спине и улыбнулся.

— Ты хорошо сказал, мальчик.

Трактирщик кашлянул, и все обернулись к нему.

— Надеюсь, вы не сочтете за дерзость... — сказал он. — Я-то не знал его так хорошо, как вы все. Недостаточно хорошо для первого круга, но, может быть, достаточно для второго.

Он теребил завязки своего фартука, словно стеснялся, что вообще вылез говорить.

— Я понимаю, еще рановато, но мне хотелось бы опрокинуть с вами по рюмочке виски в память Шепа.

Мужики одобрительно загудели. Трактирщик достал из-под стойки стаканчики и принялся их наполнять. И не из бутылки: рыжий наливал из одного из массивных бочонков, которые стояли на полке за стойкой. Бочковое виски стоило по пенни за глоток, так что атмосфера сделалась куда душевнее, чем могла бы быть в ином случае.

— За что пить-то будем? — спросил Грейм.

— За то, чтобы кончился уже, наконец, этот паскудный год, — предложил Джейк.

— Ну, это же разве тост! — укорил его Старый Коб.

— За короля? — предложил Аарон.

— Нет, — возразил трактирщик. Голос его звучал на удивление твердо. Он поднял свой стаканчик. — За старых друзей, которые заслуживали лучшей участи!

Люди по ту сторону стойки торжественно кивнули и осушили стаканчики.

— Ох, Господь и владычица, ну и доброе виски, — почтительно сказал Старый Коб, слегка прослезившись. — Щедрый ты мужик, Коут. Я рад знакомству с тобой.

Ученик кузнеца поставил было свой стаканчик, но стаканчик тут же опрокинулся набок и покатился по стойке. Мальчик подхватил его прежде,

чем он свалился на пол, и с подозрением уставился на круглое доньшко.

Джейк разразился зычным крестьянским гоготом, а Картер аккуратно поставил свой стаканчик на стойку кверху дном.

— Я уж не знаю, как это делают в Рэннише, — сказал мальчику Картер, — но в наших краях именно поэтому и говорят — «опрокинуть рюмочку».

Ученик кузнеца смутился и поставил свою рюмку на стойку кверху дном, вслед за остальными. Трактирщик ободряюще улыбнулся ему, собрал рюмки и скрылся на кухне.

— Ну чего, — бодро сказал Старый Коб, потирая руки, — успеем еще насидеться, когда вы вернетесь из Бэдна! А погода ждать не станет, да и Оррисонам, наверно, не терпится отправиться в путь.

После того как гости один за другим удалились из «Путеводного камня», Квоут вернулся с кухни и подошел к столу, за которым сидели Баст и Хронист.

— Шеп мне нравился, — тихо сказал Баст. — Коб, конечно, наглец и старый зануда, однако он обычно понимает то, о чем говорит.

— Коб понимает вдвое меньше, чем ему кажется, — возразил Квоут. — Это ты всех спас вчера вечером. Если бы не ты, эта тварь прошла бы по залу, как крестьянин, молотящий пшеницу.

— Ну Реши, это же неправда! — воскликнул Баст оскорбленным тоном. — Ты бы ее остановил! Ты же это можешь.

Трактирщик только плечами пожал. Ему явно не хотелось спорить. Баст сурово поджал губы и прищурил глаза.

— И все же, — негромко сказал Хронист, нарушив молчание прежде, чем оно сделалось слишком напряженным, — Коб был прав. Шеп поступил храбро. Это следует чтить.

— Не буду я этого чтить, — сказал Квоут. — На этот счет Коб был прав. Сейчас плохие времена для того, чтобы быть храбрым.

Он сделал знак Хронисту, чтобы тот снова взялся за перо.

— И все-таки мне тоже хочется, чтобы я был похрабрее и Шеп сейчас сидел дома и целовал свою молодуху...

ГЛАВА 18

ВИНО И КРОВЬ

В конце концов Вил с Симом вырвали меня из теплых объятий архивов. Я упирался и проклинал их, но они были тверды как скала, и вскоре все мы втроем бросали вызов ледяному ветру, шагая по дороге в Имре.

Мы пришли в «Эолиан», заняли столик у восточного очага, чтобы можно было смотреть на сцену и греть спину. После пары кружек моя ненасытная тяга к книгам поутихла, превратившись в тупую боль. Мы болтали, играли в карты, и мало-помалу я даже начал получать от этого удовольствие, невзирая на тот факт, что где-то поблизости, несомненно, бродит Денна, держа под руку Амброза.

Несколько часов спустя я сидел за столом, размякший, сонный, угревшийся у очага, а Вил с Симом яростно спорили о том, является ли верховный король Модега настоящим правящим монархом или всего лишь номинальным главой. Я уже почти засыпал, когда на наш столик брякнулась тяжелая бутылка, а вслед за этим раздался тоненький перезвон винных бокалов.

У нашего столика стояла Денна.

— Подыгрывайте! — вполголоса сказала она. — Вы меня ждали. Я опоздала, и вы рассержены.

Я сонно завозился на стуле, пытаюсь проморгаться.

Сим отважно ответил на вызов.

— Мы тебя уже час ждем! — сердито насупился он и решительно постучал по столу двумя пальцами. — И не думай, будто достаточно будет угостить нас выпивкой, и это все уладит! Я требую извинений!

— Ну, вообще-то это не совсем моя вина, — сказала Денна, исходя смущением. Она обернулась и указала в сторону бара.

Я посмотрел туда, опасаясь увидеть Амброза в его треклятой шляпе, самодовольно пялившегося на меня. Но то был всего лишь лысеющий сильдиец. Он отвесил нам короткий неуклюжий поклон, нечто среднее между приветствием и извинением.

Сим мрачно зыркнул на него, потом обернулся к Денне и нехотя указал на свободный стул напротив меня.

— Ну ладно. Так что, в уголки-то играть будем или как?

Денна опустилась на стул, спиной к залу. Наклонилась и чмокнула Симмона в лоб.

— Молодчина! — сказала она.

— Я, между прочим, тоже сердился! — заметил Вил.

Денна подвинула ему бутылку.

— За это можешь разливать!

Она расставила перед нами бокалы.

— Дар от моего навязчивого ухажера.

Она раздраженно фыркнула.

— И почему им непременно надо что-нибудь тебе всучить?

Она задумчиво посмотрела на меня.

— Ты чего такой молчаливый?

Я потер лицо.

— Просто не рассчитывал увидеть тебя сегодня, — сказал я. — Так что ты застала меня в тот момент, когда я почти задремал.

Вилем разлил бледно-розовое вино и раздал всем бокалы. Денна изучала надпись на горлышке.

— Сербеор... — протянула она. — Я даже не знаю, хорошего ли оно урожая.

— Да нет на самом деле, — небрежно заметил Симмон, беря свой бокал. — Сербеор ведь атуранское. А по году урожая различаются только вина из Винтаса.

Он пригубил вино.

— Что, в самом деле? — спросил я, глядя в свой бокал.

Сим кивнул.

— В применении к дешевым винам это понятие просто не имеет смысла.

Денна отхлебнула и кивнула.

— Но все равно вино недурное, — сказала она. — Что, он все еще там стоит?

— Стоит, — ответил я, не глядя.

— Ну что ж, — улыбнулась Денна, — похоже, придется вам потерпеть мое присутствие.

— А ты в уголки вообще играла когда-нибудь? — спросил Сим.

— Боюсь, что нет, — ответила Денна. — Но ничего, я быстро учусь!

Сим объяснил ей правила с помощью Вила и меня. Денна задала несколько толковых вопросов — очевидно, общую идею она уловила. Я остался доволен. Поскольку она сидела напротив, она должна была быть моей партнершей.

— А как вы обычно играете? — спросила она.
— Когда как, — ответил Вил. — Иногда за сдачу. Иногда партиями.
— Что ж, тогда будем играть партиями, — сказала Денна. — И на что?
— Ну, можем для начала сыграть партию без денег, для тренировки, — сказал Сим, отбрасывая упавшую на глаза челку. — Раз ты пока только учишься...

Денна лукаво глянула на собравшихся.

— Мне особого обращения не требуется!

Она сунула руку в карман и бросила на стол монету.

— По йоте для вас не слишком дорого, а, мальчики?

Для меня это было слишком дорого, особенно при партнерше, которая только-только выучилась играть.

— Ты поосторожнее с этими двумя, — сказал я. — Они тебя живьем съедят.

— Ну, это мне ни к чему, — заметил Вилем. — Я бы предпочел взять деньгами.

Он порылся в кошельке, достал йоту и положил ее на стол.

— Я мог бы сыграть и без денег, но, раз уж она находит подобную мысль оскорбительной, я разобью ее в пух и прах и заберу все, что она согласна выложить на стол.

Денна усмехнулась.

— Да, Вил, такие парни, как ты, мне по душе!

Первая сдача была сыграна неплохо. Денна, правда, проиграла взятку, но мы бы все равно не выиграли: карты легли не в нашу пользу. А вот на второй сдаче она ошиблась при торговле. Сим ее поправил, она расстроилась и принялась торговаться наугад. Потом случайно зашла не в очередь, не такая уж страшная ошибка, но она зашла валетом червей, так что все догадались, какие карты у нее на руках. Она и сама это поняла, и я услышал, как она пробормотала сквозь зубы что-то явно неженственное.

Вил и Сим, верные своему слову, безжалостно воспользовались случаем. У меня на руках карты были слабые, так что я мог лишь сидеть и наблюдать, как они выиграли следующие две взятки и принялись смыкаться вокруг нее, точно голодные волки.

Только у них ничего не вышло. Она ловко прорезала, потом выложила короля червей, что было совершенно непонятно, поскольку раньше она пыталась сыграть валетом. Но следом она выложила и туза.

Я догадался о том, что все ее ошибки были сплошной мистификацией, чуточку раньше, чем Вил с Симом. Мне удалось ничем себя не выдать, пока я не увидел, что до них мало-помалу начинает доходить. Тут я

расхохотался.

— Не задирай носа! — сказала мне Денна. — Я ведь и тебя одурачила. Когда я зашла с валета, у тебя был такой вид, словно тебя вот-вот стошнит.

Она прикрыла рот ладошкой и сделала большие глаза.

— Ой, нет, я никогда в уголки не играла! Может, вы меня научите? А правда, что иногда играют даже на деньги?

Денна бросила на стол еще одну карту и забрала взятку.

— Вот, пожалуйста! Скажите спасибо, что я всего лишь дала вам по рукам, а не обдирала как липку весь вечер напролет, хотя вы этого вполне заслуживаете.

Она неумолимо прибрала к рукам остальные карты, и это дало нам с ней такую солидную фору, что остальная партия оказалась у нас в руках. После этого Денна не пропустила ни единой взятки и играла так ловко и уверенно, что Манет по сравнению с ней выглядел ломовой лошадкой.

— Это было весьма поучительно, — сказал Вил, подвигая к Денне свою йоту. — Возможно, мне потребуется время, чтобы зализать свои раны.

Денна подняла свой бокал.

— За доверчивость образованных господ!

Мы чокнулись и выпили.

— А что это вас давно не было видно? — спросила Денна. — Я вас уже почти два оборота высматриваю.

— Зачем бы это? — спросил Сим.

Денна окинула Вила и Сима расчетливым взглядом.

— Вы ведь тоже в Университете учитесь, да? В том самом, где учат магии?

— Ну да, — любезно ответил Сим. — Мы до ушей переполнены великими тайнами!

— Мы ежедневно играем с темными силами, которые лучше было бы оставить в покое, — небрежно заметил Вил.

— Кстати, это называется арканум, — сообщил я.

Денна с серьезным видом кивнула и подалась вперед.

— И, я так понимаю, вы трое в целом знаете о магии почти все, что следует знать.

Она обвела нас взглядом.

— Так вот, расскажите мне: как это работает?

— Это? — переспросил я.

— Магия, — сказала она. — Настоящая магия.

Мы с Вилом и Симом переглянулись.

— Ну, это сложно... — сказал я.

Денна пожала плечами и откинулась на спинку стула.

— Времени у меня полно, — сказала она. — А мне надо знать, как это работает. Покажите мне! Сделайте что-нибудь волшебное.

Мы неловко заерзали на стульях. Денна расхохоталась.

— Нам не положено... — объяснил я.

— Почему? — спросила Денна. — Это потревожит какое-нибудь космическое равновесие?

— Это потревожит констеблей, — ответил я. — Тут на такие дела смотрят косо.

— Да и университетским магистрам это не по душе, — добавил Вил. — Они очень заботятся о репутации Университета.

— Да ладно вам, — сказала Денна. — Я же слышала историю о том, как вот этот самый Квоут вызвал нечто вроде демонского ветра.

Она ткнула большим пальцем себе за плечо.

— Прямо тут, во дворе.

Неужели ей про это Амброз рассказывал?

— Это был просто ветер, — сказал я. — Демоны тут ни при чем.

— И его, кстати, за это высекли, — сказал Вил.

Денна посмотрела на него так, словно не могла понять, шутит он или нет, потом пожала плечами.

— Ну нет, я, конечно, не хотела бы никого втравить в неприятности, — сказала она не совсем искренне. — Просто я ужасно любопытна. И знаю немало тайн, которыми могла бы поделиться взамен!

— Каких тайн? — оживился Сим.

— О, множество разнообразных дамских секретов, — улыбнулась Денна. — Я случайно знаю кое-что, что могло бы вам помочь улучшить свои ненадежные отношения с прекрасным полом.

Сим перегнулся через стол к Вилу и театральным шепотом осведомился:

— Как она сказала: «ненадежные» или «безнадежные»?

Вил указал сперва на себя, потом на Сима.

— У меня — ненадежные. А у тебя — безнадежные.

Денна вскинула бровь и склонила голову набок, выжидательно глядя на нас.

Я нервно кашлянул.

— Понимаешь, нам настоятельно не рекомендуют делиться тайнами арканума. Не то чтобы это противоречит университетскому уставу...

— Вообще-то противоречит, — перебил Симмон, посмотрев на меня виновато. — Сразу несколькими пунктам.

Денна театрально вздохнула и возвела глаза к высокому потолку.

— Так я и думала, — сказала она. — Это все сплошная болтовня. Признайтесь, на самом деле вы не способны даже превратить сливки в масло!

— Я как раз точно знаю, что Сим способен превратить сливки в масло, — возразил я. — Он это просто не делает, потому что ленивый.

— Я же не прошу учить меня магии! — воскликнула Денна. — Мне просто надо знать, как она работает.

Сим посмотрел на Вила.

— Это же не подпадает под «несанкционированное разглашение», а?

— Это «противозаконная демонстрация», — мрачно ответил Вил.

Денна с заговорщицким видом подалась вперед, положив локти на стол.

— В таком случае, — сказала она, — я готова также выставить роскошную выпивку на весь вечер — куда лучше этого простенького винца, которое вы сейчас пьете.

Она взглянула на Вила.

— Один из здешних барменов недавно обнаружил в подвале запыленную каменную бутылку. Мало того что это старый добрый скаттен, какой пьют сильдийские короли, это еще и «Меровани»!

Выражение лица Вилема не изменилось, но темные глаза загорелись.

Я окинул взглядом полупустой зал.

— Ну, сегодня оден, вечер спокойный... Думаю, если мы будем вести себя тихо, проблем не будет.

Я посмотрел на своих товарищей.

Сим ухмылялся своей мальчишеской усмешкой.

— А что, все честно! Тайна за тайну!

— Ну, если это и впрямь «Меровани», — сказал Вилем, — то я, пожалуй, готов рискнуть тем, что слегка задену чувства магистров.

— Что ж, значит, договорились! — широко улыбнулась Денна. — Чур, вы первые!

Сим подался вперед.

— Наверное, проще всего начать с симпатии... — начал он и запнулся, не зная, что говорить дальше.

Тут вмешался я:

— Ты знаешь, как с помощью блока или лебедки можно поднять что-то слишком тяжелое, что руками не поднимешь?

Денна кивнула.

— Вот и симпатия позволяет делать нечто подобное, — сказал я. —

Только без всех этих блоков и канатов.

Вилем бросил на стол пару железных драбов и пробормотал связывание. Потом подвинул правый драб пальцем, и левый тут же подвинулся вместе с ним.

Глаза у Денны слегка расширились. Она не ахнула, но шумно втянула воздух носом. Я только тут сообразил, что она, по всей вероятности, никогда прежде не видела ничего подобного. С моим воспитанием нетрудно было забыть, что человек может жить всего в нескольких километрах от Университета и при этом никогда не сталкиваться даже с самой примитивной симпатией.

Надо отдать ей должное: Денна быстро оправилась от изумления. Она, почти не колеблясь, протянула руку и дотронулась до одного из драбов.

— Так вот как работал колокольчик у меня в комнате! — задумчиво произнесла она.

Я кивнул.

Вил подвинул драб через стол, и Денна взяла его в руку. Второй драб тоже оторвался от стола и повис в воздухе.

— Тяжелый какой! — сказала Денна и тут же кивнула: — Ну да, конечно, он же действует как ворот. Я поднимаю сразу два...

— Тепло, свет, движение — все это различные виды энергии, — сказал я. — Мы не можем создать энергию или заставить ее исчезнуть. Однако симпатия позволяет манипулировать ею или переводить один вид энергии в другой.

Она положила драб на стол, второй последовал за ним.

— А какая с того польза?

Вил хмыкнул.

— А с водяного колеса какая польза? А с ветряной мельницы?

Я сунул руку в карман плаща.

— Симпатическую лампу видела когда-нибудь?

Денна кивнула.

Я поставил свою лампу на стол и подвинул ее к ней.

— Их работа основана на том же принципе. Они берут немного тепла и превращают его в свет. Один вид энергии превращается в другой.

— Как деньги у менялы, — пояснил Вил.

Денна с любопытством повертела лампу в руках.

— А тепло она откуда берет?

— Металл сам по себе содержит тепло, — объяснил я. — Если оставить лампу включенной, со временем ее корпус станет ледяным. А если она остынет слишком сильно, то перестанет работать.

Я указал на лампу.

— Эту сделал я, так что она довольно эффективная. Чтобы она работала, достаточно тепла руки.

Денна сдвинула рычажок, и из лампы ударила узкая дуга тусклого красного света.

— Я понимаю, как связаны между собой тепло и свет, — задумчиво сказала она. — Солнце, например, и светит, и греет. И свеча то же самое.

Она нахмурилась.

— Но при чем тут движение? Огонь ничего двигать не может!

— А ты вспомни о трении, — тут же возразил Сим. — Если что-нибудь потереть, оно нагреется!

И он в доказательство энергично потер ткань своих штанов.

— Вот так!

Он с энтузиазмом тер свое бедро, не сознавая, что, поскольку все это происходит под столом, со стороны это выглядит более чем непристойно.

— Все это — энергия. Если продолжать это делать достаточно долго, то станет даже жарко!

Денна каким-то чудом ухитрилась сохранить серьезное выражение лица. Но Вилем заржал, прикрываясь ладонью, как будто ему было стыдно сидеть за одним столом с Симом.

Симмон застыл и побагровел от стыда.

Я пришел ему на выручку:

— Хороший пример, да. Ступица тележного колеса — теплая на ощупь. Это тепло возникает в результате движения колеса. Симпатист может направить энергию в противоположном направлении, превратив тепло в движение. Или тепло в свет, — добавил я, указав на лампу.

— Отлично, — сказала Денна. — Стало быть, вы размениваете одну энергию на другую. Но как именно вы это делаете?

— Есть такой особый образ мыслей, он называется «алар», — ответил Вилем, — когда ты так сильно во что-то веришь, что оно случается на самом деле.

Он поднял один драб, второй последовал за ним.

— Я верю в то, что эти два драба связаны, и поэтому они связаны.

Внезапно второй драб со звоном упал на стол.

— Если перестать верить, они перестанут быть связаны.

Денна взяла в руки драб.

— Так это что-то вроде религии? — скептически спросила она.

— Да нет, скорее сила воли, — сказал Сим.

Она склонила голову набок.

— Тогда почему бы так и не сказать — «сила воли»?

— «Алар» звучит лучше, — ответил Вилем.

Я кивнул.

— Если мы не будем называть все впечатляющими и загадочными словами, нас никто не станет принимать всерьез.

Денна одобрительно кивнула, уголки ее очаровательного рта растянулись в улыбке.

— И это все? Энергия и сила воли?

— Еще симпатическая связь, — сказал я. — Сравнение Вилема с водяным колесом — очень удачное. Связь подобна желобу, ведущему к колесу. Плохая связь подобна желобу со множеством щелей.

— А что создает хорошую связь? — спросила Денна.

— Чем ближе сродство двух предметов, тем надежней связь. Вот, к примеру...

Я плеснул себе в бокал немного бледного вина и окунул туда палец.

— Вот идеальная связь с вином, — сказал я. — Капля того самого вина.

Я встал и отошел к очагу. Пробормотал связывание и уронил с пальца каплю вина на раскаленную железную решетку, на которой лежали дрова.

Не успел я сесть на место, как вино у меня в бокале пошло пузырьками, а вскоре и закипело.

— Вот почему, — угрюмо сказал Вилем, — не стоит допускать, чтобы в руки симпатисту попала хотя бы одна капля твоей крови.

Денна посмотрела на Вилема, потом на бокал и побледнела.

— Обожженные руки, Вил! Ну что ты несешь! — с ужасом воскликнул Симмон. Он посмотрел на Денну. — Ни один симпатист ни за что не сделает ничего подобного, — серьезно сказал он. — Это называется «наведение порчи», и мы такого не делаем. Никогда.

Денна заставила себя улыбнуться, хотя улыбка вышла несколько натянутая.

— Если никто и никогда так не делает, отчего же это имеет специальное название?

— Раньше делали, — объяснил я. — Но теперь — нет. Уже больше ста лет такого не было.

Я разорвал связь, и вино прекратило кипеть. Денна потрогала стоящую рядом бутылку.

— А это вино почему не закипело? — озадаченно спросила она. — Ведь это то же самое вино!

Я постучал себя по виску.

— Дело в аларе. Фокус и направление — все у меня в голове.

— Ну, хорошо, — сказала Денна, — это хорошая связь, а какая же тогда плохая?

— Давай покажу.

Я достал из кармана кошелек, рассудив, что после замечания Вилема на примере монет это будет выглядеть не так страшно.

— Сим, у тебя есть большой пенни?

Большой пенни нашелся, и я разложил монетки перед Денной в два ряда. Указал на пару железных драбов и пробормотал связывание.

— Подними, — сказал я.

Денна взяла один драб, второй последовал за ним.

Я указал на вторую пару: драб и единственный оставшийся у меня серебряный талант.

— А теперь этот!

Денна взяла второй драб, и талант поднялся в воздух следом за ним. Она прикинула на вес обе монеты.

— Второй тяжелее!

Я кивнул.

— Потому что металлы разные. Между ними меньше сродства, поэтому тебе приходится вкладывать больше энергии.

Я указал на драб и серебряный пенни и пробормотал третье связывание.

Денна переложила первые два драба в левую руку и взяла третий драб правой. Серебряный пенни поднялся в воздух. Она кивнула.

— А этот еще тяжелее, оттого что он другой формы и из другого металла.

— Именно! — сказал я. И указал на четвертую и последнюю пару: драб и кусочек мела.

Денна с трудом оторвала драб от стола.

— Да он тяжелее, чем все остальные, вместе взятые! — сказала она. — В нем, наверно, полтора кило, не меньше!

— Потому что между железом и мелом связь хреновая, — сказал Вил. — Плохая передача.

— Но ведь вы же говорили, что энергию нельзя ни создать, ни уничтожить, — возразила Денна. — Если я потратила столько сил на то, чтобы поднять этот жалкий кусочек мела, куда же девалась лишняя энергия?

— Умный вопрос! — хмыкнул Вилем. — Очень умный. Мне только через год пришлось в голову об этом спросить.

Он смотрел на нее с восхищением.

— Часть энергии рассеивается в воздухе, — он помахал рукой. — Часть поглощается самими предметами, а часть переходит в тело симпатиста, который контролирует связь. И это может стать опасливым, — добавил он, нахмурившись.

— Опасным, — мягко поправил Симмон.

Денна посмотрела на меня.

— Так, значит, сейчас ты веришь в то, что каждый из этих драбов соединен с каждым из этих предметов?

Я кивнул.

Она развела руками. Монетки и мел разлетелись в разные стороны.

— А это не... не трудно?

— Трудно, — кивнул Вилем. — Но наш Квоут — изрядный пижон.

— Я потому и молчу, — добавил Сим. — Я даже не знал, что ты можешь поддерживать четыре связывания одновременно. Чертовски впечатляет!

— Могу и пять, если надо, — сказал я. — Но это практически мой предел.

Сим улыбнулся Денне.

— И еще одно. Смотри!

Он указал на парящий в воздухе кусочек мела.

Ничего не произошло.

— Ну ладно тебе! — жалобно сказал Сим. — Я ей одну штуку показать хочу!

— Показывай! — самодовольно ухмыльнулся я, развалившись на стуле.

Сим перевел дух и пристально уставился на кусочек мела. Мел дрогнул.

Вил наклонился к Денне и пояснил:

— Один симпатист может противостоять алару другого. Вся штука в том, чтобы твердо поверить, что драб — не то же самое, что серебряный пенни.

Вил указал на пенни, и тот со звоном упал на стол.

— Эй, это подло! — со смехом возмутился я. — Двое на одного — нечестно!

— В данном случае — честно, — возразил Симмон, и мел снова задрожал в воздухе.

— Ну ладно! — сказал я, набирая воздуху в грудь. — Валяйте, не стесняйтесь!

Мел быстро упал на стол, а следом и драб. Однако серебряный талант остался висеть в воздухе.

Сим откинулся на спинку стула.

— Ты жуткий человек, Квоут, — сказал он, покачав головой. — Ладно, твоя взяла.

Вилем кивнул и тоже расслабился.

Денна посмотрела на меня.

— Так, значит, твой алар сильнее, чем их алары, вместе взятые?

— Наверное, нет, — снисходительно ответил я. — Если они потренируются работать в паре, они, вероятно, сумеют меня одолеть.

Она обвела взглядом разбросанные монеты.

— Так, значит, это и все? — спросила она слегка разочарованно. — Все сводится к размену энергий?

— Но есть и другие искусства, — ответил я. — Вон, Сим, например, алхимией занимается.

— Ну а я посвятил себя тому, чтобы стать обаятельным, — сказал Вилем.

Денна обвела нас взглядом. Взгляд у нее был серьезный.

— А нет ли такой магии, которая... — она неопределенно пошевелила пальцами. — Которая сводится к каким-то надписям?

— Это сигалдри, — сказал я. — Вроде того колокольчика у тебя в номере. Это как бы постоянная симпатия.

— Но ведь и это все равно обмен энергией, да? — уточнила она. — Просто энергия?

Я кивнул.

Денна со смущенным видом спросила:

— А если бы кто-нибудь вам сказал, что владеет такой магией, которая способна на большее? Такой магией, где достаточно что-то написать, и это сбудется?

Она нервно отвела взгляд, чертя что-то пальцем на столе.

— И тогда, если кто-то увидит эту надпись, даже если прочесть ее он не сумеет, для него все это сбудется. Он будет думать то, что ему прикажут, или делать то, что ему прикажут, в зависимости от того, что сказано в надписи...

Она снова взглянула на нас. На ее лице отражались одновременно любопытство, надежда и неуверенность.

Мы переглянулись. Вилем пожал плечами.

— Звучит гораздо проще, чем алхимия, — сказал Симмон. — Уж конечно, я бы предпочел заниматься такой магией, чем целыми днями

возиться, сплетая и расплетая начала!

— Это похоже на сказку, — сказал я. — Сказочная магия, которой в действительности не существует. По крайней мере, в Университете я ни о чем подобном не слышал.

Денна опустила глаза, не прекращая что-то рисовать пальцем на столе. Она слегка поджала губы, взгляд у нее сделался рассеянным.

Я не мог понять, то ли она разочарована, то ли просто задумалась.

— А почему ты спрашиваешь?

Денна подняла голову, и ее выражение быстро сменилось деланой улыбкой. В ответ на вопрос она только плечами пожалала.

— Да так, слышала от кого-то, — небрежно ответила она. — Я так и подумала, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой...

Она оглянулась через плечо.

— Ну что, своего навязчивого ухажера я, похоже, пересидела... — сказала она.

Вил поднял руку.

— Мы же вроде договаривались, — сказал он. — Нам была обещана выпивка и женская тайна.

— Я поговорю с барменом, прежде чем уйти, — ответила Денна. В глазах у нее играла усмешка. — А что касается тайны — вот что я вам скажу: позади вас сидят две дамы. Они почти весь вечер строят вам глазки. Той, что в зеленом, приглянулся Сим, а стриженной и белокурой, похоже, нравятся сильдийцы, которые посвятили себя тому, чтобы стать обаятельными.

— Их мы уже заметили, — ответил Вилем, не оборачиваясь. — Увы, с ними их спутник, молодой и знатный модеганец.

— О, этот знатный модеганец совсем не с ними, если вы имеете в виду романтические отношения, — возразила Денна. — Пока дамы глазели на вас, этот господин всячески давал понять, что предпочитает рыженьких.

Она властно положила ладонь на мою руку.

— Но, на его несчастье, это место уже забито за мной!

Я с трудом подавил порыв оглянуться.

— Ты не шутишь? — спросил я.

— Не беспокойтесь, — сказала она Вилу и Симу. — Я подошлю Деоча, он отвлечет модеганца. Так что у вас руки будут развязаны.

— Ну а что Деоч-то сделает? — рассмеялся Симмон. — Глазки ему строить будет?

Денна посмотрела ему в глаза.

— Как? — удивился Симмон. — Но... Не может быть, чтобы Деоч

был... это самое...

Денна подмигнула ему.

— Они со Станчионом вместе владеют «Эолианом», — сказала она. — А ты не знал?

— Ну да, они совладельцы, — согласился Сим, — но это же не значит, что они того... ну, вместе...

Денна расхохоталась.

— А ты как думал?

— Но Деоч же вечно за дамами увивается! — возразил Симмон. — Не может же он...

Денна посмотрела на него как на слабоумного, потом обернулась к нам с Вилом.

— Но вы-то хоть знали?

Вилем пожал плечами.

— Нет, я не знал. Но что он баша — это неудивительно. Он достаточно привлекателен.

Вил запнулся, нахмурился.

— Баша... как это тут у вас называется? Человек, который склонен к близости и с женщинами, и с мужчинами?

— Счастливчик? — предположила Денна. — Измотанный? Разносторонний?

— Равносторонний! — предложил я.

— Нет, это не пойдет! — возразила Денна. — Если мы не будем называть все впечатляющими и загадочными словами, нас никто не станет принимать всерьез.

Сим растерянно заморгал, явно не зная, как относиться к услышанному.

— Понимаешь, — сказала Денна медленно, с расстановкой, словно объясняя ребенку, — это всего лишь энергия. Все зависит от того, куда мы ее направляем.

И она расплылась в великолепной улыбке, словно найдя способ объяснить, что к чему.

— Это все равно что когда ты делаешь вот так, — и она принялась энергично тереть обеими руками свои бедра, совсем как он давеча. — Просто энергия!

К этому времени Вилем давно уже спрятал лицо в ладонях, и плечи у него тряслись от беззвучного хохота. У Симмона лицо было по-прежнему недоверчивым и смущенным, но сейчас он еще вдобавок отчаянно побагровел.

Я встал и взял Денну под руку.

— Оставь бедного мальчика в покое, — сказал я, мягко направляя ее к выходу. — Он же из Атура. Они там все довольно туго зашнурованы.

ГЛАВА 19

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ И ВОРЫ

Когда мы с Денной вышли из «Эолиана», было уже довольно поздно и улицы сделались пустынными. В отдалении слышалась скрипка, цокали по брусчатке копыта.

— Под какой же скалой ты прятался? — спросила она.

— Да все под той же, что и обычно, — сказал я, и тут меня осенило: — А не ты ли приходишь искать меня в Университет? В такое большое квадратное здание, где воняет угольным дымом?

Денна покачала головой.

— Я вообще понятия не имею, где тебя там разыскивать. Ваш Университет просто лабиринт какой-то. Если мне не удастся застать тебя у Анкера, значит, не повезло...

Она с любопытством взглянула на меня.

— А что?

— Да так, женщина какая-то меня спрашивала, — небрежно отмахнулся я. — Говорила, будто я продал ей амулет. Я и подумал, вдруг это была ты.

— Я тебя действительно искала некоторое время назад, — сказала Денна. — Но об амулетах речи не шло.

Разговор сошел на нет, нас окутало молчание. Я невольно все думал о том, как видел ее рука об руку с Амброзом. Мне не хотелось ее об этом расспрашивать, но в то же время ни о чем другом я думать не мог.

— Я заходил к тебе в «Седого человека», — сказал я, просто чтобы что-нибудь сказать, — но ты уже съехала.

Она кивнула.

— Мы с Келлином вроде как разошлись.

— Надеюсь, вы не рассорились, — заметил я, указывая на ее шею. — Я смотрю, подвеска-то по-прежнему при тебе.

Денна рассеянно потрогала изумрудную капельку.

— Да нет, ничего страшного. Одно можно сказать в пользу Келлина: он старомоден. Если уж он что-то дарит, то обратно подарков не берет. Он сказал, что этот цвет мне к лицу и сережки я тоже могу оставить себе.

Она вздохнула.

— Не будь он столь щедр, мне было бы как-то проще. Но все равно я

рада, что они у меня есть. Своего рода страховочная сетка. Они сделают мою жизнь проще, если мой покровитель не даст о себе знать в ближайшее время.

— А ты все еще надеешься, что он объявится? — спросил я. — После того, что произошло в Требоне? После того, как о нем больше месяца не было ни слуху ни духу?

Денна пожала плечами.

— Это для него нормально. Говорю же тебе, он довольно скрытен. Меня вовсе не удивляет, что он исчезает на долгое время.

— У меня есть друг, который пытается подыскать мне покровителя, — сказал я. — Может, попросить его поискать и для тебя тоже?

Она посмотрела на меня. Ее взгляд был непроницаем.

— Мне очень приятно, что ты считаешь, будто я заслуживаю большего, но на самом деле это не так. У меня хороший голос, только и всего. Кто наймет полуобученного музыканта, у которого даже собственного инструмента нет?

— Да любой, у кого есть уши, чтобы услышать тебя, — сказал я. — И любой, у кого есть глаза, чтобы тебя увидеть.

Денна потупилась, волосы завесой упали ей на лицо.

— Ты славный... — тихо сказала она, как-то своеобразно перебирая пальцами.

— А из-за чего ты, собственно, разошлась с Келлином? — спросил я, переводя разговор на менее опасную почву.

— О, я чересчур много времени проводила с благородными господами, которые меня навещали, — сухо ответила она.

— Ну, так объяснила бы ему, что я на «благородного господина» никак не тяну, — сказал я. — Может, это бы его утешило.

Но я понимал, что дело не во мне. Я побывал у нее всего один раз. Может, у нее бывал Амброз? Я без труда представлял себе его в этой роскошной гостиной. И эту его чертову шляпу, которая небрежно висит на спинке стула, пока он пьет шоколад и отпускает шуточки...

Денна ухмыльнулась.

— Вообще-то он имел в виду в первую очередь Джеффри, — сказала она. — Очевидно, мне полагалось тихо сидеть одной в своей коробочке, пока он сам не соизволит меня навестить.

— А как там Джеффри? — из вежливости спросил я. — Удалось ему вбить себе в голову две мысли сразу или нет пока?

Я рассчитывал, что Денна рассмеется, но она только вздохнула.

— Удалось-то удалось, только мысли эти не самые толковые...

Она покачала головой.

— Он приехал в Имре, чтобы прославиться своей поэзией, а вместо этого проигрался до последней рубашки!

— Ну, бывает, — сказал я. — В Университете такое случается сплошь и рядом.

— Да, но это было только начало, — сказала Денна. — Он, разумеется, вообразил, будто сумеет отыгаться. Начал он с ломбарда. Он занял денег и профукал и их тоже. Хотя, надо отдать ему должное, эти деньги он не проиграл. У него их вытянула какая-то шлюха. Надо ж ему было попасться на «безутешную вдовушку»!

Я непонимающе посмотрел на нее.

— На что?

Денна искоса взглянула на меня, потом пожала плечами.

— Разводка такая, самая простая, — объяснила она. — Молодая женщина стоит возле ломбарда, расстроенная, вся в слезах. Когда мимо проходит какой-нибудь богачей, она принимается рассказывать, что вот, мол, приехала в город, чтобы продать свое обручальное кольцо, а то нужны деньги на уплату налогов или на выплату процентов ростовщику...

Она раздраженно махнула рукой.

— Короче, подробности значения не имеют. Главное, она приехала в город и попросила какого-то человека сдать кольцо в ломбард. Она же такая неопытная, торговаться не умеет, и все такое.

Денна остановилась напротив витрины ломбарда со скорбным выражением.

— Я-то думала, что могу ему довериться! — всхлипнула она. — А он заложил кольцо и сбежал с деньгами! А кольцо-то вот оно!

Она трагическим жестом указала на витрину.

— Но! — продолжала Денна, многозначительно подняв палец. — По счастью, он заложил кольцо за малую долю его истинной стоимости. Это фамильное кольцо, оно стоит сорок талантов, а ломбардщик хочет за него всего четыре.

Денна подступила вплотную, положила мне руку на грудь и заглянула мне в лицо широко распахнутыми умоляющими глазами.

— Ах, вот если бы вы выкупили кольцо, мы могли бы его продать хотя бы за двадцать! Разумеется, ваши четыре таланта я вам сразу верну!

Она отступила назад и пожала плечами.

— Ну и все такое.

Я нахмурился.

— А в чем подвох-то? Я бы сразу все понял, как только мы пришли бы

к оценщику...

Денна закатила глаза.

— Да нет, это все работает совсем не так! Мы договариваемся встретиться на следующий день, в полдень. Но к тому времени, как я прихожу в ломбард, оказывается, что ты уже выкупил кольцо и сбежал.

Я все понял.

— А денежки вы делите поровну с ломбардщиком?

Денна похлопала меня по плечу.

— Я так и знала, что рано или поздно ты поймешь, что к чему!

Идея выглядела вполне надежной, если не считать одного «но».

— Но ведь для такого дела требуется найти достаточно надежного ломбардщика, при этом нечистого на руку!

— Это верно, — кивнула она. — Но их лавки обычно помечены.

Денна указала на дверной косяк ближайшего ломбарда. На краске виднелись еле заметные знаки, которые легко было принять за случайные царапины.

— Ага...

Я колебался полсекунды и добавил:

— В Тарбеане такие метки означали, что тут можно безопасно скинуть... — я замялся в поисках подходящего эвфемизма, — товары сомнительного происхождения.

Если Денну и шокировало мое признание, виду она не подала. Просто покачала головой и подалась ближе к косяку, ведя пальцем вдоль знаков.

— Тут написано: «Надежный хозяин. Не против простых разводов. Прибыль пополам».

Она окинула взглядом косяк и вывеску.

— Про то, что тут можно скинуть наследство от дядюшки, нигде ничего не сказано.

— А я так и не узнал, что именно они означают, — признался я. Потом искоса взглянул на нее и спросил, стараясь, чтобы в моем тоне не слышалось ни излишнего любопытства, ни осуждения: — А ты откуда про такие вещи знаешь?

— В книжке вычитала, чё ли! — ехидно ответила она. — Сам-то как думаешь?

Она пошла дальше. Я догнал ее и пошел рядом.

— Я обычно не вдовушку изображаю, — сказала Денна как бы между прочим. — Молода я для вдовушки. Я говорю, что это кольцо моей матери. Или бабушки.

Она пожала плечами.

— Каждый раз говоришь то, что в данный момент будет звучать убедительнее.

— Ну а если мужик честный попадется? — спросил я. — Что, если он честно явится в полдень, собираясь помочь?

— Ой, такое нечасто случается! — усмехнулась она. — Со мной это только раз было. Ситуация совершенно застала меня врасплох. Теперь-то я всегда заранее с ломбардщиком договариваюсь, просто на всякий случай. Развести какого-нибудь жадного ублюдка, который пытается воспользоваться несчастьем девушки, — милое дело. Но я не собираюсь брать деньги у человека, который честно хочет помочь.

Ее лицо сделалось жестким.

— В отличие от той сучки, которая повстречалась Джеффри!

— Он-то, конечно, явился в полдень?

— Ну еще бы! — сказала Денна. — Пришел и отдал ей деньги. «Нет-нет, сударыня, не надо мне их возвращать! Вам же надо спасти вашу родовую ферму!»

Денна провела руками по волосам, посмотрела на небо.

— Ферму! Чушь какая! Ну откуда у крестьянки бриллиантовое ожерелье?

Она взглянула на меня.

— Почему самые славные парни всегда ведут себя с женщинами как придурки?

— Он благородный человек... — ответил я. — А просто взять и написать домой он не может?

— Да у него всегда были не лучшие отношения с семьей, — сказала Денна. — Тем более теперь. С последним письмом ему денег вообще не прислали, только сообщили, что его мать больна.

Какая-то нотка в ее голосе заставила меня насторожиться.

— И тяжело больна? — уточнил я.

— Ну да, — ответила Денна, не поднимая глаз. — Очень. А лошадь он, разумеется, уже продал, и на проезд на корабле у него денег тоже не осталось...

Она снова вздохнула.

— Прямо как в одной из этих кошмарных тейлинских драм. «Неверный путь» или что-то в этом духе.

— Ну, если так, все, что ему оставалось, это явиться в церковь в конце четвертого акта, — заметил я. — Он бы помолился, намотал на ус полученный урок и прожил остаток своих дней непорочным и добродетельным юношей.

— Посоветуйся он со мной, все могло бы быть иначе!

Она безнадежно махнула рукой.

— Но нет же, он приперся, когда все уже закончилось, и рассказал мне обо всем, что он натворил. Гильдейский ростовщик отказал ему в кредите, и что он, по-твоему, сделал?

Сердце у меня упало.

— Пошел к гелету...

— А главное, он был так доволен, когда мне об этом рассказывал! — Денна посмотрела на меня с отчаянием. — Можно было подумать, будто он нашел выход!

Ее передернуло.

— Давай зайдем сюда, — она указала на небольшой садик. — Что-то сегодня более ветрено, чем я думала.

Я поставил футляр с лютней и скинул с себя плащ.

— На, держи. Мне и так неплохо.

Денна, похоже, хотела было возразить, но потом все же закуталась в плащ.

— А еще говоришь, что не благородный! — поддела она меня.

— А я не из благородства, — возразил я. — Я просто знаю, что плащ будет лучше пахнуть после того, как ты его поносишь.

— Ага! — догадалась Денна. — А потом ты продашь его парфюмеру и сделаешь на этом состояние!

— С самого начала так и собирался, — признался я. — Это был тонкий и хитрый план. Я, видишь ли, скорее вор, чем благородный господин.

Мы сели на лавочку, укрытую от ветра.

— Ты, по-моему, пряжку потерял, — сказала она.

Я посмотрел на свой футляр. Действительно, узкий конец раскрылся, и железная пряжка исчезла.

Я вздохнул и рассеянно полез в один из внутренних карманов своего плаща.

Денна тихонечко пискнула. Негромко — скорее испуганно — втянула воздух и уставилась на меня большими глазами, темными в свете луны.

Я отдернул руку, словно обжегшись, и торопливо принялся извиняться.

Денна негромко рассмеялась.

— Как неловко получилось... — промолвила она себе под нос.

— Извини! — поспешно сказал я. — Я просто не подумал... У меня там, в кармане, проволочка, я хотел пока замотать...

— Ах да! — сказала она. — Ну конечно...

Она сунула руку за пазуху и достала кусочек проволоки.

— Прости, пожалуйста, — сказал я.

— Я просто от неожиданности, — объяснила Денна. — Мне всегда казалось, что ты не из тех мужчин, которые лезут хватать даму руками без предупреждения.

Я смущенно отвернулся к лютне и занялся делом: просунул проволочку в дырку, оставшуюся от пряжки, и стал крепко заматывать футляр.

— Хорошая у тебя лютня, — сказала Денна после продолжительной паузы. — Но футляр просто кошмарный.

— Все мои деньги ушли на лютню, — ответил я, потом поднял голову, словно меня внезапно осенило. — О, знаю! Надо спросить у Джеффри, как найти его гелета! Тогда я смогу купить целых два футляра!

Денна шутливо шлепнула меня по затылку, и я снова уселся на лавочку рядом с ней.

Сначала мы сидели тихо, а потом Денна посмотрела на свои руки и снова повторила это странное движение, которое я замечал уже несколько раз во время нашего разговора. Только теперь я сообразил, что она делает.

— Кольцо! — воскликнул я. — А куда твоё кольцо девалось?

Денна посмотрела на меня странно.

— Но ты женосила кольцо все то время, что мы знакомы, — пояснил я. — Серебряное такое, с голубым камушком.

Она нахмурилась.

— Я-то знаю, как оно выглядело. А вот ты это откуда знаешь?

— Ну, ты же все время его носишь, — ответил я небрежно, стараясь сделать вид, как будто я не знаю наизусть каждую ее черточку. Как будто я не знаю ее привычки вертеть кольцо на пальце, когда она встревожена или задумалась. — Так куда оно делось-то?

Денна опустила взгляд.

— Оно у одного господина.

— А-а... — сказал я, а затем, помимо своей воли, спросил: — У кого?

— Да ты его, наверно... — она запнулась, потом посмотрела на меня. — Хотя нет, может, и знаешь. Он же тоже в Университет ходит. Амброз Джакис.

Мое нутро внезапно заledenело и одновременно наполнилось кислотой.

Денна отвернулась.

— Он не лишен своеобразного грубоватого обаяния, — объяснила она. — Хотя грубости в нем больше, чем обаяния. Но...

Она умолкла и пожала плечами.

— Понятно, — сказал я. Потом добавил: — Должно быть, у вас все серьезно...

Денна вопросительно уставилась на меня, потом сообразила, в чем дело, и расхохоталась. Она затрясла головой и замахала руками.

— Да нет, что ты! Господи, никогда в жизни! Он всего несколько раз ко мне заходил! Мы ходили в театр. Он водил меня на танцы. Он на удивление легок на ногу.

Она набрала воздуха и шумно выдохнула.

— В первый вечер он был весьма любезен. Даже остроумен. Во второй вечер уже несколько менее любезен.

Она опустила глаза.

— На третий вечер он сделался бесцеремонен. Ну, и дальше все пошло вразнос. Мне пришлось съехать из «Кабаньей головы», потому что он принялся таскаться туда с безделушками и стишками.

Я испытал глубочайшее облегчение. Впервые за много дней я наконец вздохнул свободно. Я почувствовал, что расплываюсь в улыбке, и мысленно одернул себя, опасаясь, что с улыбкой во весь рот буду выглядеть полным психом.

Денна искоса посмотрела на меня.

— Даже удивительно, как похожи на первый взгляд надменность и уверенность в себе! К тому же он был щедр и богат, приятное сочетание.

Она показала мне свою пустую руку.

— У моего кольца оправа разболталась, и он его забрал, сказал, что отдаст в починку.

— А после того, как все пошло вразнос, он был уже далеко не так щедр, насколько я понимаю?

Ее алые губы изогнулись в усмешке.

— Отнюдь.

— Может, я чем-то смогу помочь? — сказал я. — Если кольцо тебе так дорого.

— Оно было мне дорого, — ответила Денна, посмотрев мне в глаза. — Но что ты-то можешь сделать? Напомнить ему, как благородный человек благородному человеку, что с дамами следует обращаться учтиво?

Она закатила глаза.

— Ну, удачи тебе!

В ответ я только улыбнулся своей самой обаятельной улыбкой. Я ведь уже сказал ей, и сказал правду: я был не благородный человек. Я был вор.

ГЛАВА 20

ПЕРЕМЕНЧИВЫЙ ВЕТЕР

Следующий вечер застал меня в «Золотом пони» — пожалуй, одном из лучших трактиров на университетском берегу реки. Он славился изысканной кухней, отличной конюшней и опытной ненавязчивой прислугой. Короче, одно из тех заведений высшей марки, которые могли себе позволить только самые богатые студенты.

Я, разумеется, был не внутри. Я притаился в тени на крыше трактира, стараясь не вспоминать о том, что задуманное мною выходит далеко за пределы «подобающего поведения». Если меня застукают в номере Амброза, то наверняка вышибут из Университета.

Была ясная осенняя ночь, дул сильный ветер. Это было и хорошо, и плохо. Шорох листвы прикроет любой шум, который я могу произвести, однако я опасался, что развевающиеся полы моего плаща привлекут чье-нибудь внимание.

Наш план был проще простого. Я сунул Амброзу под дверь запечатанную записку. Это было игривое предложение встретиться в Имре, без подписи. Записку писал Вил: мы с Симом решили, что у него самый женственный почерк.

Конечно, мы действовали наугад, но я предполагал, что Амброз заглотит наживку. Я предпочел бы, чтобы кто-нибудь отвлекал его лично, но чем меньше народу вовлечено в это дело, тем лучше. Можно было бы попросить о помощи Денну, но я хотел сделать ей сюрприз.

Вил и Сим стояли на стреме: Вил — в общем зале, Сим — в переулке у черного хода. Их делом было дать мне знать, когда Амброз выйдет из здания. А главное, они должны были предупредить меня, если он вернется прежде, чем я закончу обыскивать его комнаты.

Дубовый прутик в правом кармане отчетливо дернулся дважды. Через некоторое время сигнал повторился. Вилем давал знать, что Амброз вышел из трактира.

В левом кармане у меня лежала березовая веточка. У Симмона, караулившего у черного хода, была такая же. Простая и эффективная сигнальная система — если, конечно, ты достаточно владеешь симпатией, чтобы заставить ее работать.

Я пополз по крыше, осторожно двигаясь по тяжелым плиткам

черепицы. По своему тарбеанскому опыту я знал, что они склонны трескаться, разъезжаться и заставлять тебя терять равновесие.

Я добрался до края крыши. До земли было метров пять. Не то чтобы головокружительная высота, но вполне достаточная, чтобы сломать ногу или шею. Под окнами второго этажа шел узкий карниз, выложенный черепицей. Всего окон было десять, и средние четыре окна вели в комнаты Амброза.

Я размял пальцы и принялся пробираться по узкому карнизу.

Весь секрет в том, чтобы сосредоточиться на своем деле. Не смотреть вниз. Не оглядываться через плечо. Забыть обо всем мире и положиться на то, что он тоже о тебе забудет. Собственно, потому я и надел плащ. Если меня заметят, я буду всего лишь темной фигурой в ночи, совершенно неузнаваемой. По крайней мере, я на это надеялся.

В первом окне света не было, во втором были задернуты занавески, а вот третье оказалось тускло освещено. Я замялся. Если у вас белая кожа, как у меня, никогда не заглядывайте в окна по ночам. Ваше лицо будет бросаться в глаза в темноте, как полная луна. Поэтому я не рискнул заглянуть в окно, а порылся в карманах и достал кусок бросовой жести из артной, который я отполировал, изготовив импровизированное зеркальце. Я осторожно выставил его за косяк окна и принялся изучать, что происходит внутри.

Внутри горело несколько тусклых ламп и стояла кровать под балдахин, просторная, как вся моя каморка у Анкера. Кровать была занята. Очень занята. Более того, там, похоже, мелькало больше конечностей, чем может принадлежать двоим людям. Увы, мое зеркальце было чересчур маленькое, и я не мог рассмотреть эту сцену во всех подробностях, а то бы, пожалуй, узнал много интересного.

Я подумал, не вернуться ли назад, чтобы подойти к окнам Амброза с другой стороны, но тут налетел порыв ветра, поднявший вихрь палой листвы и попытавшийся сорвать меня с узкого карниза. С колотящимся сердцем я решил все же рискнуть и миновать это окно. Пожалуй, у тех, кто внутри, есть более интересные занятия, чем пялиться на звезды...

Я натянул поглубже капюшон плаща и зажал края зубами, прикрыв лицо и освободив руки, и принялся вслепую, сантиметр за сантиметром, пробираться мимо окна, прислушиваясь, чтобы вовремя заметить, что меня обнаружили. Я услышал несколько изумленных возгласов, но они, судя во всему, не имели ко мне никакого отношения.

Первое из окон Амброза представляло собой изысканный витраж. Очень красивый, но закрытый наглухо. А вот следующее окно было просто

идеальным: большое, двустворчатое. Я достал из кармана плаща тоненькую медную проволочку и открыл простой шпингалет, на который оно запиралось.

Обнаружив, что окно не открывается, я догадался, что Амброз запер его еще и на щеколду. На то, чтобы с ней справиться, ушло несколько долгих минут опасного труда, одной рукой, в почти кромешной тьме. По счастью, ветер улегся, по крайней мере, на время.

Наконец щеколда отодвинулась, однако окно по-прежнему не желало открываться! Проклиная паранойю Амброза, я принялся искать третий запор и убил на это минут десять, прежде чем сообразил, что раму попросту заело.

Я дернул ее пару раз. Это было не так просто, как сказать. Снаружи-то ручек нет, сами понимаете. В конце концов я разошелся и дернул изо всех сил. Окно распахнулось, и я потерял равновесие. Я откинулся назад, борясь со всеми рефлексам, которые побуждали меня отвести ногу назад, помня, что за спиной нет ничего, кроме пяти метров пустоты.

Знаете это ощущение, когда качаешься на стуле, откинешься назад слишком сильно и начинаешь падать? Вот я испытывал примерно то же самое, с примесью раскаяния и страха смерти. Я отчаянно замахал руками, понимая, что это не поможет, и чуть не отключился от ужаса.

Меня спас ветер. Пока я балансировал на карнизе, налетел порыв ветра и подтолкнул меня в спину, позволив восстановить равновесие. Я уцепился за распахнутую створку окна и ввалился внутрь, не заботясь о том, сколько шума я произвожу.

Очутившись в комнате, я присел на пол, тяжело дыша. Сердцебиение только-только начало успокаиваться, когда ветер подхватил оконную раму и захлопнул ее у меня над головой, снова напугав меня.

Я достал симпатическую лампу, включил ее на самый малый свет и принялся водить лучом по комнате. Килвин был прав, когда называл эту лампу «воровской». Для подобных предприятий она подходила идеально.

До Имре и обратно было несколько километров, и я положился на то, что любопытство заставит Амброза прождать свою тайную поклонницу по меньшей мере полчаса. Обычно на поиски такой мелочи, как колечко, может уйти целый день. Но я подозревал, что Амброзу и в голову не пришло его спрятать. С его точки зрения, колечко даже не краденое. Для него это либо безделушка, либо трофей.

Я принялся методично обшаривать комнаты Амброза. В комоде кольца не нашлось, на прикроватном столике тоже. В ящиках стола кольца тоже не было, не было его и на подносе для украшений в гардеробной. Можете себе

представить, у него не было даже запирающейся шкатулки для драгоценностей, просто поднос с небрежно раскиданными булавками, кольцами и цепочками.

Я ничего не брал. Это не значит, что мне не приходило в голову обчистить этого ублюдка. Несколько таких безделушек было бы достаточно, чтобы оплатить мое обучение на год вперед. Но это шло вразрез с моим планом: проникнуть внутрь, забрать кольцо и уйти. Если я не оставлю следов своего посещения, Амброз, скорее всего, решит, что кольцо он просто потерял, если вообще заметит его исчезновение. Идеальное преступление: ни подозреваемых, ни преследования, ни последствий.

А кроме того, сбыть драгоценности в таком маленьком городке, как Имре, на редкость непросто. Меня будет слишком легко выследить.

При всем при этом я отнюдь не святой, и мне представлялась уйма возможностей напасть на Амброза. Так что я резвился как мог. Проверяя карманы одежды, я ослабил несколько швов в надежде, что его штаны порвутся на заднице в тот момент, как он будет садиться на стул или на лошадь. Еще я немного развинтил задвижку дымохода, так чтобы она рано или поздно отвалилась и комната наполнилась дымом, пока Амброз будет пытаться вставить ее на место.

Я как раз подумывал, что бы такого сделать с его ненавистной шляпой с пером, как вдруг дубовый прутик в моем кармане сильно дернулся, заставив меня вздрогнуть. Прутик дернулся снова и с треском переломился. Я злобно выругался сквозь зубы. Амброз ведь ушел не более двадцати минут назад! Что же заставило его вернуться так быстро?

Я выключил симпатическую лампу и сунул ее под плащ. И бросился в соседнюю комнату, чтобы выбраться наружу через окно. Страшно обидно было после стольких хлопот уходить ни с чем, но, если Амброз не пронюхает, что у него кто-то побывал, я всегда могу вернуться в другой раз.

Однако окно не открывалось. Я толкнул сильнее — неужели его так прочно заклинило, когда его захлопнул ветер?

Но тут я обнаружил, что вдоль внутренней стороны подоконника тянется узкая латунная полоска. В темноте я не мог разобрать знаков, но уж охранный оберег-то я узнаю, когда увижу. Это объясняло, отчего Амброз вернулся так быстро. Он знает, что кто-то к нему вломился. Но мало этого: лучшие охранные обереги не просто предупреждают о вторжении, но еще и могут помешать вору открыть окно или дверь, чтобы выбраться обратно.

Я метнулся к двери, лихорадочно шаря по карманам в поисках чего-нибудь достаточно длинного и тонкого, чем можно было бы испортить

замок. Не найдя ничего подходящего, я схватил со стола стальное перо, сунул его в замочную скважину и резко дернул вбок, оставив кончик в замке. Мгновением позже я услышал снаружи скрежет: Амброз пытался отпереть дверь и бранился оттого, что ключ не идет в замок.

Я к тому времени уже снова был у окна, водя лучом лампы вдоль латунной полосы и бормоча себе под нос руны. Заклятие было простенькое. Можно обезвредить его, соскребя несколько связующих рун, потом открыть окно и сбежать.

Я бросился обратно в гостиную и схватил со стола нож для бумаг, второпях опрокинув чернильницу с крышкой. Я уже собирался было взяться за руны, как сообразил, что это будет глупо. Забраться в номер Амброза мог бы любой воришка, но людей, которые достаточно разбираются в сигалдри, чтобы испортить оберег, на всем свете много не сыщешь. С тем же успехом можно было взять и расписаться на подоконнике.

Я замер, чтобы собраться с мыслями, потом вернул нож для бумаг на место и аккуратно поднял чернильницу. Вернувшись, я более пристально осмотрел латунную полосу. Сломать что-то — дело нехитрое, понять, как оно работает, — куда сложнее.

Тем более когда из-за спины у вас доносится приглушенная брань и возня человека, пытающегося отпереть замок.

Потом шум в коридоре стих, что нервировало еще сильнее. Я едва успел разобрать последовательность заклятий, как услышал в коридоре шаги нескольких человек. Я разделил свой разум на трое и сосредоточил свой алар на том, чтобы открыть окно. Руки и ноги у меня похолодели — я вытягивал тепло из своего тела, чтобы одолеть оберег, и старался не запаниковать, слыша, как в дверь ударили чем-то тяжелым.

Окно распахнулось. Я перемахнул через подоконник и очутился на карнизе в тот самый момент, как раздался новый удар и дверь затрещала. Я бы еще мог благополучно уйти, но в тот момент, как я ступил правой ногой на карниз, черепичная плитка у меня под ногой раскололась. Нога поехала вниз, и я обеими руками ухватился за подоконник, чтобы не упасть.

И тут снова налетел ветер. Он подхватил открытую створку окна, и она полетела прямо мне в голову. Я вскинул руку, защищая лицо, и рама ударила меня по локтю. Одно из стекол разлетелось вдребезги. Меня швырнуло в сторону, и правая нога окончательно соскользнула.

Поскольку других вариантов не оставалось, я решил, что лучше будет упасть с крыши.

Мои руки чисто инстинктивно хватались за что ни попадя. Я смахнул

еще несколько черепиц, потом ухватился за край карниза. Удержаться мне не удалось, но это замедлило падение и помогло мне развернуться, так что я не упал ни вниз головой, ни спиной. Вместо этого я приземлился лицом вниз, как кошка.

Вот только у кошки все четыре лапы одинаковой длины. А я рухнул на четвереньки. Ладони я просто ободрал, а вот удариться коленями о булыжную мостовую было так больно, что ничего подобного я в своей молодой жизни еще не испытывал. В глазах у меня потемнело, и я невольно взвизгнул, точно собака, которую пнули.

Секунду спустя на меня градом посыпалась тяжелая красная черепица. Большинство плиток разбилось о мостовую, но одна шарахнула меня по затылку, а вторая угодила точно в локоть, отчего все предплечье онемело.

Но я не стал тратить время на размышления об этом. Сломанная рука заживет, а вот если меня исключат из Университета — это навсегда. Я накинул капюшон и заставил себя подняться на ноги. Придерживая капюшон одной рукой, я, пошатываясь, отошел на несколько шагов, под стену «Золотого пони», чтобы меня не было видно из окон второго этажа.

И рванул оттуда что было мочи.

* * *

В конце концов я осторожно, прихрамывая, пробрался домой по крышам и залез к себе через окно. На это ушло немало времени, но выбора не было. Не мог же я у всех на виду пройти через зал трактира, растрепанный, хромающий и вообще в таком виде, как будто я только что свалился с крыши.

Переведя дух и потратив некоторое время на то, чтобы хорошенько выбрать себя за дурость, я занялся своими ранами. Хорошо было то, что ног я не переломал, просто на коленях набухали великолепные синячищи. Черепица, упавшая мне на голову, оставила шишку, но не поранила меня. В локте пульсировала тупая боль, но чувствительность к руке вернулась.

Тут в дверь постучали. Я на миг застыл, потом достал из кармана березовую веточку, быстро пробормотал связывание и дернул ею взад-вперед.

Из коридора раздался изумленный возглас, а потом глухой хохот Вилема.

— Ничего смешного! — услышал я голос Сима. — Впусти, что ли?

Я впустил их. Симмон сел на кровать, Вилем — на стул у стола. Я

закрыл дверь и сел на другой конец кровати. Даже теперь, когда все сели, в крошечной комнатенке было тесновато.

Мы мрачно переглянулись, потом Симмон сказал:

— Похоже, Амброз застукал у себя в комнатах вора. Парень выпрыгнул в окно, лишь бы не попасться.

Я невесело хохотнул.

— Ну, почти. Я совсем было выбрался, но тут ветер захлопнул окно, и меня сбило рамой.

Я неловко взмахнул рукой.

— Я упал с карниза.

Вилем вздохнул с облегчением.

— А я-то думал, что связь не сработала!

Я покачал головой.

— Да нет. Ты меня предупредил заранее. Просто я был не столь осторожен, как следовало бы.

— Но почему он так быстро вернулся? — спросил Симмон, глядя на Вилема. — Ты что-нибудь слышал, когда он вошел?

— Видимо, ему пришло в голову, что мой почерк недостаточно женственный, — сказал Вилем.

— У него обереги на окнах, — сказал я. — Вероятно, они связаны с кольцом или чем-нибудь еще, что он носит. Очевидно, они предупредили его, как только я открыл окно.

— Кольцо-то нашел? — спросил Вилем.

Я покачал головой.

Симмон вытянул шею, приглядываясь к моей руке.

— Ты в порядке?

Я посмотрел туда же, куда и он, но ничего не увидел. Потом дернул рубашку и обнаружил, что она прилипла к локтю. А я этого и не заметил за всеми прочими травмами.

Я неуклюже стянул рубашку через голову. Рукав был порван и испачкан кровью. Я злобно выругался. У меня было всего четыре рубашки, а теперь эта была испорчена.

Я попытался разглядеть рану, но быстро понял, что разглядеть как следует собственный локоть невозможно, как бы тебе этого ни хотелось. В конце концов я предоставил это Симу.

— Рана небольшая, — сказал он, показав на пальцах примерно сантиметров пять. — Порез только один, кровь почти не идет. Остальное — просто ссадины. Похоже, ты сильно обо что-то ушибся.

— На меня черепица свалилась, — объяснил я.

— Везучий ты! — хмыкнул Вилем. — Кто бы еще мог свалиться с крыши и отделаться всего несколькими ссадинами?

— Да у меня на коленках синяки размером с яблоко! — возразил я. — Везучий я буду, если завтра ходить смогу.

Но в глубине души я понимал, что Вил прав. Черепичная плитка, свалившаяся мне на локоть, вполне могла сломать мне руку. Осколки черепицы иногда бывают острыми, как ножи, так что, упави она под другим углом, она могла бы прорезать мясо до кости. Ненавижу черепичные крыши!

— Ну, могло быть и хуже! — решительно заключил Симмон, вставая на ноги. — Пошли в медику, пусть тебя заштопают!

— Краэм, нет! — воскликнул Вилем. — В медику ему никак нельзя. Там же будут узнавать, не приходил ли кто раненый.

Симмон плюхнулся на кровать.

— Да, конечно... — сказал он с легким отвращением к самому себе. — Я должен был сообразить!

Он окинул меня взглядом.

— Ну, по крайней мере, заметных со стороны травм на тебе нет...

Я посмотрел на Вилема.

— Ты что, крови боишься?

Тот изобразил оскорбленную невинность.

— Ну, я бы не сказал...

Тут взгляд Вилема упал на мой локоть, и он побелел, несмотря на свою смуглую сильдийскую кожу. Он сжал губы что есть силы.

— Ну да.

— Ладно.

Я принялся резать свою погибшую рубашку на полоски.

— Поздравляю, Сим! Ты возводишься в ранг военного хирурга.

Я открыл ящик стола, достал оттуда кривую иголку, жилы, йод и горшочек с гусиным салом.

Сим расширенными глазами посмотрел на иголку, потом на меня.

Я улыбнулся ему как можно душевнее.

— Да это просто! Я тебе объясню, что к чему.

* * *

Я сел на пол, задрал руку выше головы, и Симмон принялся промывать, зашивать и перевязывать мою рану. Против моих ожиданий, он

оказался вовсе не таким слабонервным, как я думал. И руки у него были куда бережней и уверенней, чем у многих студентов из медицины, которые этим занимаются постоянно.

— В общем, мы трое весь вечер сидели здесь и играли в воздуха? — спросил Вил, старательно не глядя в мою сторону.

— Это мне нравится! — сказал Сим. — Если спросят, кто выиграл, скажем, что я!

— Нет, — возразил я. — Вила могли заметить в «Пони». Если мы сойдем, меня точно раскусят.

— У-у... — протянул Сим. — И что же нам тогда говорить?

— Правду!

Я указал на Вилу.

— Ты все это время сидел в «Пони», а когда поднялась суматоха, зашел ко мне, чтобы об этом рассказать.

Я кивнул на столик, по которому были раскиданы шестеренки, пружинки и винтики.

— Я показал тебе гармонические часы, которые нашел на улице, и вы оба принялись обсуждать, как их лучше починить.

Сим, похоже, был разочарован.

— Ну, так неинтересно...

— Чем проще ложь, тем она лучше, — ответил я, вставая на ноги. — Еще раз большое спасибо вам обоим! Если бы не вы, все это могло бы очень плохо кончиться.

Симмон тоже встал и открыл дверь. Вил тоже встал, но уходить не торопился.

— Знаешь, вчера до меня дошли странные слухи, — сказал он.

— Что-нибудь интересное? — спросил я.

— Очень! — кивнул он. — Мне говорили, будто ты решил прекратить вражду с неким весьма могущественным аристократом. Я даже удивился, что ты наконец-то бросил дразнить спящую собаку.

— Да ладно тебе, Вил, — сказал Симмон. — Амброз-то ведь не спит и не дремлет. Он не просто собака — он бешеный пес, которого не помешает пристрелить.

— Он больше похож на разъяренного медведя, — ответил Вилем. — А ты так и норовишь потыкать его горячей палкой.

— Ну как ты можешь так говорить? — с жаром возразил Сим. — Вот ты уже два года в хранистах, он за это время хоть раз назвал тебя иначе, чем «грязным шимом»? А как насчет того раза, когда я едва не ослеп из-за того, что он нарочно перепутал мои соли? А коринковый боб Квоута?

Знаешь, сколько он теперь будет выводиться из организма?..

Вил вскинул руку и закивал, давая понять, что признает правоту Симмона.

— Все это правда, я знаю, оттого-то я и дал втянуть себя в это безумное предприятие. Я просто хотел поставить на вид.

Он посмотрел на меня.

— Ты же понимаешь, что ради этой Денны ты зашел чересчур далеко, да?

ГЛАВА 21

МЕЛОЧЕВКА

Разбитые колени так и не дали мне толком уснуть этой ночью. Так что, когда на небе за окном проступили первые бледные проблески грядущего рассвета, я сдался, встал, оделся и медленно побрел за город, чтобы нарезать и пожевать ивовой коры. По пути я обнаружил на себе еще несколько значительных синяков и ушибов, которых не заметил накануне.

Идти было на редкость мучительно. Я радовался, что вышел ранним утром, в темноте, когда на улицах еще никого нет. А то, уж конечно, в городе только и разговору будет, что о вчерашней заварушке в «Золотом пони». И если кто-то увидит, как я хромаю, сделать правильные выводы будет совсем нетрудно.

По счастью, от ходьбы я немного разошелся, а ивовая кора помогла притупить боль. И к тому времени, как встало солнце, я чувствовал себя достаточно прилично, чтобы появиться на публике. Поэтому я пошел в артную, чтобы несколько часов поработать над мелочовкой, прежде чем пойти на симпатию для продолжающих. Пора было начинать зарабатывать деньги на оплату следующей четверти и возврат Деви долга с процентами. Не говоря о том, что мне нужны были бинты и новая рубашка.

* * *

Когда я пришел, Джаксима в хранении не было, но я узнал студента, который там сидел. Мы одновременно поступили в Университет и некоторое время спали на соседних койках в гнездах. Он мне нравился. Он был не из тех знатных сынков, что в Университете беспечно резвятся, пользуясь влиянием и деньгами своей семьи. Его родители были торговцы шерстью, и он сам зарабатывал себе на оплату учебы.

— Бэзил, — удивился я, — тебя же вроде в прошлой четверти э'лиром сделали! Что ты делаешь в хранении?

Он немного покраснел и смутился.

— Килвин застукал меня за тем, как я подливал воду в кислоту.

Я покачал головой и сурово сдвинул брови.

— Э'лир Бэзил, подобные действия идут вразрез с техникой

безопасности! — пророкотал я октавой ниже обычного. — Артефактору надлежит постоянно соблюдать осторожность!

Бэзил ухмыльнулся.

— У тебя даже выговор точь-в-точь как у него!

Он открыл конторскую книгу.

— Ну, что тебе выдать?

— Да мне сейчас неохота заниматься чем-нибудь серьезным, — сказал я. — Возьмусь за мелочовку. Как у нас с...

— Постой-ка! — перебил меня Бэзил и нахмурился, глядя в книгу.

— Что такое?

Он развернул книгу ко мне и ткнул пальцем.

— Тут пометка напротив твоего имени.

Я посмотрел. Станным, каким-то детским почерком Килвина там было накорябано следующее: «Ре'лару Квоуту никаких инструментов и материалов не выдавать. Прислать ко мне. Клвн».

Бэзил взглянул на меня сочувственно.

— Надо лить кислоту в воду! — мягко пошутил он. — Что, тоже забыл?

— Хорошо бы так! — буркнул я. — Тогда я хотя бы знал, в чем дело.

Бэзил с опаской оглянулся по сторонам, потом подался ко мне и шепнул:

— Слушай, я опять видел ту девушку!

Я тупо уставился на него.

— Чего-чего?

— Ну, девушку, которая приходила тебя разыскивать! — напомнил он. — Помнишь, ту, которая искала рыжего волшебника, продавшего ей амулет?

Я зажмурился и потер лицо.

— Она опять приходила? Только этого мне и не хватало!

Бэзил покачал головой.

— Сюда она не заходила, — сказал он. — По крайней мере, насколько я знаю. Но я пару раз видел ее снаружи. Она ошивается во дворе.

Он кивнул в сторону южного выхода из артной.

— А ты кому-нибудь говорил? — спросил я.

Бэзил был оскорблен до глубины души.

— Я бы не стал так с тобой поступать! — сказал он. — Но, возможно, она разговаривала с кем-то еще... Избавился бы ты от нее. Если Килвин решит, что ты приторговываешь амулетами, он будет плевать гвоздями!

— Да ничем я не приторговываю! — ответил я. — Понятия не имею,

кто она такая! Как она хоть выглядит-то?

Бэзил пожал плечами.

— Молоденькая. Не сильдийка. Кажется, светленькая. Но она ходит в синем плаще с накинутым капюшоном. Я пытался подойти и поговорить с ней, но она просто убежала.

Я потер лоб.

— Замечательно!

Бэзил снова пожал плечами, на этот раз сочувственно.

— Я просто решил, дай-ка я тебя предупрежу. А то, если она все-таки зайвится сюда и станет спрашивать тебя, мне придется сказать Килвину!

Он виновато поморщился.

— Извини, конечно, но у меня и без того неприятностей хватает.

— Да я понимаю, — сказал я. — Спасибо, что предупредил.

* * *

Когда я вошел в мастерскую, первое, что бросилось мне в глаза, — это какое-то странное, непривычное освещение. Я задрал голову, проверяя, не добавил ли Килвин новую лампу к россыпи стеклянных шаров, висящих между балок. Я надеялся, что свет изменился из-за новой лампы. А то, когда одна из ламп неожиданно гасла, у Килвина неизменно портилось настроение.

Я осмотрел балки, но потухшей лампы так и не нашел. Далеко не сразу я сообразил, что освещение такое необычное из-за того, что в низкие окна на восточной стене бьют солнечные лучи. Обычно я никогда не приходил в мастерскую в это время дня.

В такую рань в мастерской было неестественно тихо. Огромное помещение казалось пустынным и безжизненным. Несколько студентов трудились над своими проектами. От этого, да еще от странного освещения и неожиданного вызова Килвина, мне сделалось очень не по себе. Я прошел через мастерскую к кабинету Килвина.

Невзирая на ранний час, маленький горн в углу кабинета был уже разожжен. Когда я отворил дверь и встал на пороге, в лицо мне пахнуло жаром. После зимнего утреннего холода это было приятно. Килвин стоял ко мне спиной, ритмично и неумоимо работая мехами.

Я громко постучал по косяку, чтобы привлечь его внимание.

— Магистр Килвин! Я пытался получить материалы из хранения. Что-то случилось?

Килвин оглянулся в мою сторону.

— А, ре'лар Квоут! Минутку. Входите.

Я вошел и захлопнул за собой массивную дверь. Если у меня неприятности, пусть лучше об этом никто не услышит.

Килвин еще некоторое время поработал мехами. Только когда он достал длинную трубку, я сообразил, что он раздувал не горн, а маленькую стеклоплавильную печурку. Он проворно набрал на кончик трубки каплю расплавленного стекла и принялся выдувать большой стеклянный шар.

Минуту спустя стекло перестало светиться оранжевым.

— Поддувай! — коротко сказал Килвин, не взглянув в мою сторону, и снова опустил трубку в жерло печурки.

Я поспешно повиновался и заработал мехами. Наконец стекло снова засветилось оранжевым. Килвин сделал мне знак остановиться, вынул изделие и продолжил выдувать, вращая трубку, пока шар не сделался размером с маленькую дыньку.

Он снова опустил шар в печурку, и я заработал мехами, не дожидаясь приказа. К тому времени, как мы повторили это трижды, я был весь мокрый от пота. Теперь я пожалел, что закрыл дверь, но не решался оставить меха, пойти и открыть ее.

А Килвину жара была как будто нипочем. Стеклянный шар стал величиной с мою голову, потом с тыкву. Но когда Килвин вынул его из печурки в пятый раз, шар стек с трубки, сдулся и упал на пол.

— Кист, крайле, эн коте! — яростно выругался Килвин. Он шваркнул трубку о каменный пол. — Краэмет бреветан Аэрин!

Я с трудом сдержал смех. Я не то чтобы очень хорошо владел сиару, но, по-моему, Килвин сказал что-то насчет «дерьма Богу в бороду».

Похожий на медведя магистр постоял, глядя на испорченное стекло на полу. Потом шумно и рассерженно выдохнул через нос, снял защитные очки и обернулся ко мне.

— Три пары синхронизированных колокольчиков, латунь, — начал он без предупреждения. — Один кран с вентилем, железо. Четыре жаропровода, железо. Шесть сифонов, жечь. Двадцать два листа стекла удвоенной прочности и прочая мелочевка.

Это был список всего, что я изготовил в артной за эту четверть. Все самые простые вещи, которые можно было сделать в два счета и продать в хранение, быстро получив деньги.

Килвин смотрел на меня исподлобья.

— Что, ре'лар Квоут, вам нравится такая работа?

— Это достаточно простые проекты, магистр Килвин, — ответил я.

— Вы же теперь ре'лар! — сказал он с упреком. — И что, вас устраивает возиться с мелочовкой, делая игрушки для богатых бездельников? Это все, чего вы хотите, приходя в артную? Простая и непыльная работенка?

Я чувствовал, как капли пота собираются у меня в волосах и сползают по затылку.

— Я несколько опасаясь начинать свои собственные проекты, — заметил я. — Вы не особенно одобрили те изменения, которые я внес в конструкцию ручной лампы.

— Что за трусливые речи? — воскликнул Килвин. — Если вас один раз одернули, что ж теперь, и из дому не выходить?

Он пристально взглянул на меня.

— Еще раз спрашиваю. Вот это все: колокольчики, отливочки... Нравится вам такая работа, ре'лар Квоут?

— Мне нравится мысль о том, что я смогу оплатить обучение в следующей четверти, магистр Килвин!

Пот струился у меня по лицу. Я попытался было утереться рукавом, но рубашка уже промокла насквозь. Я покосился на дверь кабинета.

— Ну а сама работа? — повторил Килвин. На его смуглом лбу тоже выступил пот, но в остальном, похоже, жара ему никак не досаждала.

— Хотите честно, магистр Килвин? — переспросил я, ощущая легкое головокружение.

Он, похоже, слегка оскорбился.

— Я превыше всего ценю честность, ре'лар Квоут!

— Ну так вот, если честно, то за этот год я изготовил восемь трюмных ламп. И если я сделаю еще хоть одну, я, наверное, сдохну к черту от скуки!

Килвин глухо ухнул — должно быть, это был смех — и расплылся в улыбке.

— Молодец! Наконец-то я слышу речи нормального ре'лара!

Он ткнул в меня толстым пальцем.

— У вас золотая голова и золотые руки. Я жду от вас великих свершений. А не всякого барахла. Сделайте что-нибудь оригинальное, вы на этом заработаете куда больше, чем на лампах. И уж точно больше, чем на мелочовке. Предоставьте это э'лирам, — и он пренебрежительно махнул рукой в сторону окна, которое смотрело на мастерскую.

— Я буду стараться изо всех сил, магистр Килвин, — пообещал я. Голос мой звучал как-то странно, словно издали, с новыми для меня металлическими нотками. — Извините, можно, я дверь открою, а то тут очень душно?

Килвин хмыкнул в знак согласия, и я шагнул к двери. Но ноги у меня подгибались, и голова шла кругом. Я пошатнулся, едва не рухнул ничком на пол, однако сумел ухватиться за край стола и всего лишь упал на колени.

Когда мои разбитые колени ударились о каменный пол, боль была мучительная. Но я не вскрикнул и не застонал. По правде говоря, мне показалось, что боль пришла откуда-то со стороны.

* * *

Я очнулся, не понимая, где я и что со мной. Во рту пересохло, как опилок наелся. Глаза слипались, и мысли были такие вязкие, что я далеко не сразу узнал отчетливый антисептический запах, витающий в воздухе. Но этот запах, да еще тот факт, что я лежал нагишом под простыней, помогли мне сообразить, что я в медике.

Я повернул голову и увидел стриженные светлые волосы и темную одежду целителя. Я успокоился и откинулся на подушку.

— Привет, Мола! — прохрипел я.

Она обернулась и серьезно посмотрела на меня.

— Квоут, — произнесла она официальным тоном, — как ты себя чувствуешь?

Мне пришлось поразмыслить над этим.

— Соображаю с трудом, — ответил я. Потом добавил: — Пить хочется.

Мола принесла стакан и помогла мне напиться. Жидкость была сладковатая, с каким-то осадком на дне. У меня ушло немало времени на то, чтобы ее допить, но к тому времени, как стакан опустел, я уже почти снова чувствовал себя человеком.

— А что случилось? — спросил я.

— Ты упал в обморок в артефактной, — сказала она. — Килвин тебя лично сюда принес. Это смотрелось довольно трогательно. Мне пришлось его выпроваживать.

Я покраснел с головы до пят при мысли о том, как огромный магистр тащил меня на руках по всем улицам Университета. Должно быть, я выглядел как тряпичная кукла...

— В обморок?

— Килвин объяснил, что ты перегрелся в жарком помещении, — сказала Мола. — И ты пропотел насквозь. С тебя просто текло.

Она указала на стол, где лежали мои штаны и рубашка, скатанные в

КОМОК.

— Тепловой удар? — предположил я.

Мола дала мне знак умолкнуть.

— Поначалу я тоже так решила, — сказала она. — Но, обследовав тебя более тщательно, я пришла к выводу, что ты страдаешь от острого приступа сигания из окон накануне вечером.

И она смерила меня пронизательным взглядом.

Я внезапно пришел в ужас. Не оттого, что лежу тут почти голый, а оттого, что на мне места живого нет и все эти травмы я явно получил, свалившись с карниза «Золотого пони». Я бросил взгляд на дверь и с облегчением увидел, что она закрыта. Мола стояла, глядя на меня, лицо ее было нарочито непроницаемым.

— А еще кто-нибудь это видел? — спросил я.

Мола покачала головой.

— У нас сегодня много работы.

Я вздохнул с облегчением.

— Ну, и то хлеб!

Ее лицо по-прежнему оставалось мрачным.

— Утром Арвил велел докладывать ему о любых подозрительных травмах. И ни для кого не секрет почему. Амброз лично обещал внушительное вознаграждение тому, кто поможет поймать вора, проникшего в его номер и похитившего несколько ценных вещей, в том числе кольцо, которое его матушка вручила ему, лежа на смертном одре.

— Вот ублюдок! — с жаром воскликнул я. — Я ничего не взял!

Мола вскинула бровь.

— Вот так прямо? Ты даже не пытаешься ничего отрицать?

Я выдохнул через нос, стараясь взять себя в руки.

— Я не собираюсь оскорблять тебя, недооценивая твой ум. Совершенно очевидно, что я не с лестницы свалился.

Я перевел дух.

— Слушай, Мола! Если ты кому-нибудь скажешь, меня исключат. Я ничего не крал. Мог, но не крал.

— Тогда зачем...

Она запнулась, ей явно было неловко.

— Зачем ты туда вообще полез?

Я вздохнул.

— Ты согласишься, если я скажу, что хотел оказать услугу кое-кому?

Мола пристально взглянула на меня, ее зеленые глаза заглянули мне прямо в душу.

— Хм, похоже, ты у нас нынче заделался специалистом по услугам!

— Чего-чего? — переспросил я. Я слишком туго соображал, чтобы понять, что она имеет в виду.

— Ну, в последний раз, когда ты был здесь, я лечила тебя от ожогов и отравления дымом после того, как ты вытащил из огня Фелу.

— А-а! — сказал я. — Ну, какая же это услуга? Это бы кто угодно сделал на моем месте!

Мола воззрилась на меня.

— Ты что, в самом деле так думаешь?

Она покачала головой, взяла блокнот и принялась что-то строчить — очевидно, отчет о ходе лечения.

— А по мне, так это услуга. Мы с Фелой спали на соседних койках, когда были здесь новенькими. И, что бы ты ни думал, далеко не всякий так бы поступил.

В дверь постучали.

— Можно войти? — спросил из коридора Сим. И, не дожидаясь ответа, отворил дверь и втащил в комнату Вилема, которому явно было не по себе.

— А мы слышали, что...

Сим запнулся и обернулся к Моле.

— С ним же все будет в порядке, да?

— Будет, будет, — ответила Мола. — Если только температура выровняется.

Она сунула мне в рот градусник.

— Я понимаю, для тебя это крайне тяжело, но все-таки постарайся не открывать рот хотя бы минутку!

— Ага! — ухмыльнулся Сим. — Ну что же, в таком случае мы слышали, что Килвин увел тебя куда-то в укромное место и показал тебе нечто такое, от чего ты грохнулся в обморок как девчонка!

Я злобно насупился, но рта все-таки не раскрыл.

Мола обернулась к Вилу и Симу.

— Ноги у него еще некоторое время поболят, но ничего серьезного. Локоть тоже заживет, хотя шов кошмарный. Какого черта вы вообще делали в номере у Амброза, а?

Вилем только молча посмотрел на нее, как всегда суровый и мрачный.

Увы, Сим молчать не собирался.

— Квоуту надо было забрать кольцо своей возлюбленной! — весело сболтнул он.

Мола гневно уставилась на меня.

— И хватило же наглости врать мне прямо в лицо! — бросила она. Глаза у нее сделались узкие и злые, как у кошки. — Твое счастье, что ты не пытаешься недооценивать мой разум!

Я перевел дух, поднял руку и вытащил градусник изо рта.

— Сим, черт бы тебя побрал! — буркнул я. — Когда-нибудь мне все же надо будет научить тебя врать!

Сим обвел нас взглядом и побагровел от ужаса и смущения.

— Ну, Квоут влюблен в одну девушку, что живет за рекой, — виновато затараторил он, — а Амброз забрал у нее кольцо и не отдает. И мы просто...

Мола махнула рукой, заставив его заткнуться.

— Так чего же ты сразу-то не сказал? — сердито упрекнула она. — Все же знают, каков Амброз с женщинами!

— Так потому и не сказал, — возразил я. — Это выглядело бы как чересчур удобная отмазка. Не говоря уж о том, что это не твое собачье дело.

Лицо Молы окаменело.

— Ну, знаешь ли! Довольно странно с твоей стороны...

— Прекратите! Прекратите, слышите? — вмешался Вилем, застигнув врасплох нас обоих. Он обернулся к Моле. — Что ты сделала первым делом, когда Квоута принесли сюда без сознания?

— Проверила зрачки, чтобы убедиться, что речь идет не о травме головы, — машинально ответила Мола. — А это здесь при чем?

Вилем указал на меня.

— А посмотри-ка, какие глаза у него сейчас!

Мола взглянула на меня.

— Темные... — растерянно сказала она. — Темно-зеленые. Как сосновая хвоя.

— Так вот, — продолжал Вил, — не пытайся с ним спорить, когда глаза у него так темнеют. Толку не будет.

— Это все равно как шум, издаваемый гремучей змеей, — добавил Сим.

— Нет, скорее как взъерошенный загрызок у собаки, — поправил его Вилем. — Это говорит о том, что он вот-вот укусит.

— Идите вы все в задницу! — буркнул я. — Или уж зеркало дайте, я хоть посмотрю, о чем речь. Выбирайте сами, что вам больше нравится.

Вил пропустил мои слова мимо ушей.

— У нашего маленького Квоута нрав бешеный, но, если дать ему минутку поостыть, он сам сообразит, что к чему, — тут Вилем пристально

взглянул на меня. — Он злится не оттого, что ты ему не веришь, и не оттого, что ты разговорила Сима. Он злится оттого, что ты теперь знаешь, до какого ослинейшего идиотизма он способен дойти ради того, чтобы произвести впечатление на женщину.

Он снова взглянул на меня.

— Я ведь верно сказал — «ослинейшего»? Есть такое слово?

Я втянул в себя воздух и с шумом выдохнул.

— Ну, не то чтобы...

— Я использовал его потому, что хотел подчеркнуть, что ты вел себя как осел, — пояснил Вил.

— Я так и знала, что без вас двоих не обошлось, — сказала Мола. В ее тоне слышался намек на извинение. — Вы же все трое не разлей вода.

Она подошла к кровати и критически осмотрела мой раненый локоть.

— Кто из вас его зашивал?

— Я, — поморщился Сим. — Вышло не очень хорошо, я понимаю.

— «Не очень хорошо» — это мягко сказано, — ответила Мола, внимательно изучая рану. — Выглядит так, словно ты пытался вышить на нем свое имя, но несколько раз написал его с ошибкой и переделывал заново.

— А по-моему, он неплохо справился, — возразил Вил, глядя ей в глаза. — Учитывая, что он никогда этому не учился и взялся помочь другу в далеко не идеальных обстоятельствах.

Мола покраснела.

— Да нет, я вовсе не это хотела сказать! — поспешно ответила она. — Когда тут работаешь, нетрудно забыть, что далеко не все...

Она обернулась к Симу.

— Извини, пожалуйста!

Сим взъерошил свои рыжеватые волосы.

— Ну, ты можешь искупить свою вину! — он мальчишески улыбнулся. — Давай завтра? Можно, мы пообедаем вместе?

И уставился на нее с надеждой.

Мола закатила глаза и вздохнула то ли со смехом, то ли с раздражением.

— Ну ладно!

— Все, я свое дело сделал, я ухожу, — с серьезным видом сообщил Вил. — Мне тут ужасно не нравится.

— Спасибо, Вил! — сказал я.

Он, не оборачиваясь, небрежно махнул рукой и закрыл за собой дверь.

Мола согласилась не упоминать в своем отчете о моих подозрительных травмах и придерживаться своего первоначального диагноза — тепловой удар. Кроме того, она сняла швы, которые накладывал Сим, заново расчистила, зашила и перебинтовала мою рану. Не сказать, чтобы это было особенно приятно, но я понимал, что рана, обработанная ее опытными руками, заживет быстрее.

Напоследок Мола посоветовала мне побольше пить, попытаться уснуть и в будущем воздерживаться от серьезных физических усилий в жарком помещении на следующий день после падения с крыши.

ГЛАВА 22

ПЛЮХА

До сих пор в этой четверти на симпатии для продолжающих Элкса Дал давал нам исключительно теорию. Сколько света можно извлечь из десяти таумов теплоты, если использовать железо? А если базальт? А человеческое тело? Мы заучивали наизусть таблицы цифр и учились рассчитывать экспоненты, вращательный момент и убывание смещения.

Короче говоря, скука смертная.

Не поймите меня неправильно. Я знал, что это чрезвычайно важные сведения. Те связывания, что мы демонстрировали Денне, были очень просты. Но, когда ситуация усложняется, симпатисту приходится делать довольно хитроумные расчеты.

С точки зрения энергозатрат нет большой разницы между тем, зажжешь ты свечу или растопишь ее, превратив в лужицу воска. Вся разница в фокусе и контроле. Когда свечка стоит напротив, все просто. Ты сосредоточиваешься на фитиле и направляешь на него теплоту, пока не появится огонек. Но если свечка в километре от тебя или в другой комнате, поддерживать фокус и контроль становится на порядок сложнее.

Между тем опрометчивого симпатиста подстерегают куда более неприятные вещи, чем растаявшая свечка. Тогда, в «Эолиане», Денна задала чрезвычайно важный вопрос: куда же девается лишняя энергия?

Как и объяснял тогда Вил, часть ее рассеивается в воздухе, часть поглощается связанными между собой предметами, а остальное уходит в тело симпатиста. Официально это именуется «тауматическое переполнение», но даже сам Элкса Дал чаще всего называл это просто «плюхой».

Не проходило и года, чтобы какой-нибудь небрежный симпатист с сильным аларом не вогнал в плохую связь достаточно много тепла, чтобы у него подскочила температура и началась горячка. Дал рассказывал нам об из ряда вон выходящем случае, когда один студент ухитрился испечь себя заживо.

Я упомянул об этом при Манете на следующий день после того, как Дал поделился страшной историей с нашей группой. Я рассчитывал вместе похихикать над этой байкой, но оказалось, что Манет сам уже учился в Университете, когда это произошло.

— Жареной свининой воняло, — угрюмо сказал Манет. — Просто ужас! Все его, конечно, жалели, но сколько можно жалеть недоумка? Небольшая плюха всякому может прилететь, на такое никто особо и внимания не обращает, но он же небось ухитрился в течение пары секунд вогнать в связь не меньше двухсот тысяч таумов!

Манет покачал головой, не отрывая взгляда от полоски жести, на которой он выгравировывал руны.

— Целое крыло главного здания провоняло. Туда год потом никто зайти не мог.

Я только и мог, что молча пялиться на него.

— Но термическая плюха — вещь довольно обыденная, — продолжал Манет. — А вот кинетическая...

Он многозначительно вскинул брови.

— Лет двадцать назад какой-то придурочный эл'те по пьяни взялся на спор закинуть на крышу Зала магистров тачку с навозом. Так ему руку оторвало по самое плечо.

И Манет еще ниже склонился над столом, выводя особенно замысловатую руну.

— Все-таки нужно быть уникальным идиотом, чтобы выкинуть нечто подобное!

На следующий день я особенно внимательно слушал все, что говорил Дал.

Дрючил он нас беспощадно — расчеты энтаупии, графики, демонстрирующие расстояние затухания, уравнения, описывающие энтропические кривые, которые хороший симпатист должен понимать практически на инстинктивном уровне.

Однако Дал был не дурак. Поэтому, прежде чем мы окончательно заскучали и сделались рассеянны, он превратил все это в состязание.

Он заставлял нас вытягивать теплоту из самых неожиданных источников: из каленого железа, из кусков льда, из собственной крови. Зажечь свечу через три комнаты — это были еще цветочки. Вот зажечь одну из дюжины одинаковых свечей — это будет посложней. Ну а зажечь свечу, которую ты никогда не видел, в неизвестном тебе помещении... это было все равно что жонглировать в темноте.

Он устраивал состязания на точность. На тонкость. На фокус и контроль. Два оборота спустя я считался самым сильным в своей группе из двадцати трех ре'ларов. Фентон дышал мне в затылок.

На мое несчастье, как раз на следующий день после моего визита к Амброзу у нас на симпатии для продолжающихся начались дуэли. Дуэли

требовали той же ловкости и сосредоточенности, что и предыдущие состязания, да еще вдобавок приходилось иметь дело с другим студентом, активно противостоящим твоему алару.

Так что я, несмотря на то что только что побывал в медике, сумел проплавить дыру в куске льда за несколько комнат оттуда. Несмотря на то что недосыпал две ночи подряд, поднял температуру литра ртути ровно на десять градусов. Несмотря на пульсирующую боль от ушибов и зудящий локоть, разорвал пополам короля пик, оставив прочие карты в колоде нетронутыми.

И все это я проделал менее чем за две минуты, несмотря на то что Фентон пытался мне противостоять всем своим аларом. Да, меня недаром звали Квоутом Могущественным! Мой алар был прочен, как клинок рамстонской стали.

* * *

— Довольно впечатляюще, — сказал мне Дал после занятия. — Я уже много лет не видел, чтобы кто-то из студентов так долго оставался непобежденным. Кто же теперь захочет биться об заклад против вас?

Я покачал головой.

— А-а, этот источник доходов давно уже иссяк!

— Цена славы! — усмехнулся Дал, потом сделался более серьезен. — Я хотел вас предупредить, прежде чем объявлю это всей группе. В следующий оборот я, пожалуй, начну выставлять студентов против вас парами.

— Это что же, мне придется противостоять Фентону и Брею одновременно? — спросил я.

Дал покачал головой.

— Начнем с двух наиболее слабых дуэлистов. Это будет хорошая подготовка к групповым упражнениям, которыми мы займемся ближе к концу четверти.

Он улыбнулся.

— А вам это поможет не зазнаваться!

Дал пристально взглянул на меня, и улыбка сбежала с его лица.

— Вы в порядке?

— Ну да, просто простыл... — не очень убедительно соврал я, стуча зубами. — Можно, я подойду поближе к жаровне?

Я подошел к ней так, что едва не касался раскаленного металла, и

принялся греть руки над чашей с тлеющими углями. Вскоре озноб прошел, и я обнаружил, что Дал с любопытством наблюдает за мной.

— Я сегодня побывал в медике, у меня небольшой тепловой удар был, — сознался я. — Так что мое тело все никак не может прийти в себя. Теперь уже все в порядке.

Элкса Дал нахмурился.

— Если вы себя плохо чувствуете, вам не стоит посещать занятия, — сказал он. — И уж тем более участвовать в дуэлях! Подобная симпатия является тяжким испытанием и для тела, и для разума. Не следует усугублять это еще и болезнью.

— Да я нормально себя чувствовал, когда шел на занятия! — соврал я. — Просто мое тело напоминает мне, что недурно бы выспаться.

— Ну так смотрите, не забудьте выспаться! — сурово сказал Дал и тоже протянул руки к огню. — Если вы сейчас загоняете себя, вам придется за это расплачиваться позднее. Вы и так в последнее время выглядите каким-то растерзанным. Хотя нет, «растерзанным» — не самое подходящее слово...

— Утомленным? — предположил я.

— Да-да. Утомленным...

Он задумчиво смотрел на меня, поглаживая бороду.

— У вас дар подбирать нужные слова. Я думаю, это одна из причин, по которым вы в конце концов сделались учеником Элодина.

На это я промолчал. Должно быть, промолчал я достаточно громко, потому что Дал взглянул на меня с любопытством.

— Кстати, как продвигаются ваши занятия у Элодина? — небрежно поинтересовался он.

— Да ничего, — уклончиво ответил я.

Дал по-прежнему смотрел на меня.

— Не так хорошо, как я надеялся, — честно признался я. — Обучение у магистра Элодина выглядит совсем не так, как я ожидал.

Дал кивнул.

— Да, с ним бывает сложно.

— Магистр Дал, — спросил я неожиданно для самого себя, — а вы знаете какие-нибудь имена?

Он торжественно кивнул.

— А какие? — немедленно поинтересовался я.

Он слегка напрягся, но тут же расслабился и принялся водить руками над огнем.

— Вообще-то спрашивать о таких вещах не очень-то вежливо, —

мягко упрекнул он. — Ну, не то чтобы это было невежливо, просто о таких вещах не спрашивают. Это все равно что спросить у человека, как часто он занимается любовью со своей женой.

— Извините...

— Да нет, ничего, — сказал он. — Вы об этом знать и не могли. Я так думаю, это просто пережиток былых времен. Когда нам приходилось куда больше опасаться своих собратьев-арканистов. Если знаешь, какими именами владеет твой враг, ты можешь угадать его сильные стороны и его слабости.

Мы оба помолчали, греясь возле жаровни.

— Огонь, — сказал он после долгой паузы. — Я знаю имя огня. И еще одно.

— Всего два? — выпалил я, не подумав.

— Ну а вы сколько знаете? — отпарировал он с мягкой насмешкой. — Да, всего два. Однако в наше время целых два имени — это очень много. Элодин говорит, будто в былые времена все было иначе.

— А Элодин их сколько знает?

— Ну, даже если бы я это и знал, с моей стороны было бы дурным тоном сообщать это вам, — ответил Дал с легким намеком на неодобрение. — Могу сказать одно: он знает их довольно много.

— А вы могли бы мне показать, как действует имя огня? — попросил я. — Если это, конечно, не считается неприличным...

Дал немного поколебался, потом улыбнулся. Он устремил пристальный взгляд на стоящую перед нами жаровню, зажмурился и указал на незажженную жаровню в другом углу комнаты.

— Огонь! — это слово прозвучало как приказ, и над дальней жаровней взметнулся столб пламени.

— Огонь? — озадаченно переспросил я. — Просто «огонь», и все? Это и есть имя огня?

Элкса Дал улыбнулся и покачал головой.

— На самом деле я сказал не это. Просто какая-то часть вашего разума заменила его знакомым словом.

— Мой спящий разум как бы перевел его?

— Спящий разум? — удивился Дал.

— Так Элодин называет ту часть нас, которая знает имена, — объяснил я.

Дал пожал плечами и огладил свою черную бородку.

— Называйте это как хотите. Но то, что вы вообще что-то слышали, наверное, хороший знак.

— Временами я вообще не понимаю, зачем я связался с этим именованием! — пробурчал я. — Жаровню можно было бы разжечь и с помощью симпатии.

— Но не так, как это сделал я, — возразил Дал. — Без связи, без связывания, без источника энергии...

— И все равно, не вижу в этом особого смысла, — продолжал я. — Вот у вас на занятиях я каждый день чему-нибудь да учусь. Чему-нибудь полезному. А за все время, что я посвятил именованию, я не узнал ровным счетом ничего! Вот знаете, о чем рассказывал Элодин на вчерашнем занятии?

Элкса Дал покачал головой.

— О том, какая разница между голым и обнаженным! — выпалил я. Дал расхохотался. — Нет, серьезно! Я боролся за то, чтобы попасть в число его учеников, но теперь я только и делаю, что думаю о том, сколько времени я трачу на эти занятия — времени, которое я мог бы посвятить куда более практичным вещам!

— Да, — согласился Дал, — есть много куда более практичных вещей, чем имена. Но взгляните!

Он снова обернулся к стоящей перед нами жаровне, потом его взгляд устремился куда-то вдаль. Он снова произнес что-то, на этот раз шепотом, и медленно опустил руку, так что она оказалась в нескольких сантиметрах от раскаленных углей.

А потом с сосредоточенным выражением Дал погрузил руку в самую жаровню, зачерпнув оранжево-красные уголья, словно то были не более чем простые камушки.

Я поймал себя на том, что затаил дыхание, и осторожно выдохнул, опасаясь нарушить его концентрацию.

— Но как?!

— Это имена, — твердо ответил Дал и вынул руку из огня. Рука была измазана белой золой, но при этом цела и невредима. — Имена отображают истинное понимание сути предмета, а когда ты постигаешь суть, ты обретаешь власть над тем, что постиг.

— Но огонь же не предмет! — возразил я. — Это просто химическая реакция с выделением избыточного тепла. Это же...

Я запнулся и умолк.

Элкса Дал вздохнул, и мне показалось, будто он вот-вот все объяснит. Но вместо этого он только рассмеялся и беспомощно пожал плечами.

— Ну не могу я этого объяснить, мозгов не хватит. Спросите у Элодина. Это он утверждает, будто понимает такие вещи. А я так, я просто

тут работаю.

* * *

После занятий у Дала я отправился за реку, в Имре. В трактире, где остановилась Денна, я ее не нашел, а потому побрел в «Эолиан», хотя и знал, что ее там быть не может, потому что еще рано.

В зале было не больше десятка человек, однако у дальнего конца стойки я увидел знакомое лицо. Граф Трепе беседовал со Станчионом. Он помахал мне, и я подошел к ним.

— Квоут, мальчик мой! — восторженно воскликнул Трепе. — Тыщу лет тебя не видел!

— Ну, у нас, по ту сторону реки, был жуткий кавардак, — ответил я, ставя на пол футляр с лютней.

Станчион смерил меня взглядом.

— По тебе заметно, — откровенно сказал он. — Бледный ты какой-то. Тебе надо побольше мяса кушать. Или высыпаться получше.

Он указал на ближайший табурет.

— А пока присаживайся, налью тебе кружечку медеглина.

— Буду очень признателен! — сказал я, забираясь на табурет. Очень было приятно присесть — ноги все еще сильно болели.

— Если тебе надо отъесться и отоспаться, — вкрадчиво предложил Трепе, — приезжай ко мне в поместье на ужин! Обещаю великолепную трапезу и такую скучную беседу, что ты можешь спокойно проспать ее с начала до конца, и ничего при этом не потеряешь!

Он умоляюще взглянул на меня.

— Ну же, Квоут! Как еще тебя уговаривать? Народу будет немного, никак не больше десяти человек. Я так давно мечтаю представить тебя своим гостям!

Я взял кружку с медеглином и посмотрел на Трепе. Его бархатная куртка была ярко-синей, и замшевые сапожки были выкрашены в тот же цвет. Я никак не мог явиться к нему на званый ужин в поношенной дорожной одежде, а другой у меня не было.

Трепе был совершенно не склонен кичиться роскошью и богатством, и все-таки он был аристократ до мозга костей. Ему, вероятно, в голову не приходило, что у меня просто нет приличной одежды. И я его в этом не винил. Большинство студентов в Университете были более или менее богатыми людьми. Как бы они иначе оплачивали обучение?

Правду сказать, я бы очень даже не отказался от вкусного ужина и возможности завязать знакомство с местной знатью. Поболтать за бокалом вина, хотя бы отчасти исправить урон, который нанес моей репутации Амброз, может быть, привлечь внимание потенциального покровителя...

Но, увы, плата за вход была мне не по карману. Более или менее приличный костюм обошелся бы мне по меньшей мере в полтора таланта, даже если купить его у старьевщика. Провожают, конечно, по уму, а не по одежке, но, чтобы тебя встретили как следует, одежка должна быть достойной.

Станцион, сидевший за спиной у Трепе, энергично закивал — соглашаясь, мол!

— Я бы с удовольствием поужинал у вас, — сказал я Трепе. — И когда-нибудь непременно приму ваше приглашение, честное слово. Дайте вот только с университетскими делами разберусь малость.

— Великолепно! — просиял Трепе. — Что ж, ловлю тебя на слове. И чур, не увиливать! Я отыщу тебе покровителя, мальчик мой. Хорошего покровителя. Клянусь честью!

Станцион одобрительно кивнул у него за спиной.

Я улыбнулся им обоим и отхлебнул еще медеглина и мельком взглянул на лестницу, ведущую на второй ярус.

Станцион перехватил мой взгляд.

— Нету ее, — виновато сказал он. — Уже пару дней не появлялась.

Несколько человек вошли в «Эолиан» и крикнули что-то на ильском. Станцион помахал им и встал.

— Долг зовет! — сказал он и пошел встречать гостей.

— Кстати, насчет покровителей, — сказал я Трепе. — Я хотел бы узнать, что вы думаете об одной истории. Но только, — я понизил голос, — хотелось бы, чтобы это осталось между нами.

Глаза Трепе сверкнули любопытством, он подвинулся ближе ко мне.

Я отхлебнул еще медеглина, собираясь с мыслями. Напиток подействовал на меня быстрее, чем я рассчитывал. Но оно и к лучшему: это притупило боль от многочисленных ушибов.

— Я так понимаю, что вы знаете всех возможных покровителей на сто километров в округе.

Трепе пожал плечами, не пытаясь изображать ложную скромность.

— Если не всех, то многих. Всех, кто относится к этому всерьез. И как минимум всех, у кого водятся деньги.

— У меня есть знакомая, — сказал я. — Начинающий музыкант. Природный дар, но почти необученная. И некий человек обратился к ней,

предлагая помощь и со временем постоянное покровительство...

Я замялся, не зная, как объяснить остальное.

Трепе кивнул.

— И ты хочешь знать, можно ли на него положиться, — сказал он. — Разумный вопрос. Некоторым людям кажется, будто покровитель имеет право не только на музыку. Если нужны примеры, спроси у него, — он указал на Сганчиона, — про те времена, когда сюда приезжала отдыхать герцогиня Самиста.

Он издал смешок, похожий на стон, и протер глаза.

— Кошмарная была баба, клянусь малыми богами!

— Это-то меня и тревожит, — сказал я. — Я не знаю, насколько ему можно доверять.

— Ну, хочешь, я разузнаю, — сказал Трепе. — Как его имя?

— В том-то и дело, — объяснил я. — Я не знаю его имени. Думаю, что и она тоже.

Услышав это, Трепе нахмурился.

— Как это так — имени не знает?

— Он ей назвался, — ответил я, — но она не уверена, что это настоящее имя. По всей видимости, он дорожит своим инкогнито и строго-настрого велел ей никому о нем не рассказывать. Они каждый раз встречаются в разных местах. И никогда на публике. Иногда он не появляется месяцами.

Я взглянул на Трепе.

— Что вы на это скажете?

— Ну-у, я бы сказал, что ситуация далеко не идеальная, — сказал Трепе. В его тоне отчетливо звучало неодобрение. — Все говорит за то, что этот господин, возможно, никакой не покровитель. Больше похоже, что он рассчитывает воспользоваться твоей подружкой.

Я угрюмо кивнул.

— Вот и мне так кажется.

— Но, с другой стороны, — продолжал Трепе, — действительно, бывает, что покровители предпочитают действовать втайне. Найдут талантливого новичка и потихоньку от всех взращивают его, а потом — раз! — он взмахнул рукой, — как по волшебству, откуда ни возмись, представляют публике блестящего музыканта.

Трепе тепло улыбнулся мне.

— Я же думал, что ты как раз один из таких сюрпризов, — признался он. — Ты явился из ниоткуда и сразу заработал себе дудочки. Я так и предположил, что кто-то прятал тебя в дальнем поместье до тех пор, пока

ты не был готов предстать перед публикой во всем великолепии.

— Мне такое и в голову не приходило, — сказал я.

— Бывает, бывает, — сказал Трепе. — Однако странные места встреч и то, что она не знает его имени...

Он хмуро покачал головой.

— Это как минимум некрасиво. Либо этот господин забавляется, изображая из себя благородного разбойника, либо с ним и впрямь не все чисто.

Трепе призадумался, барабанил пальцами по стойке.

— Скажи своей знакомой, пусть поостережется и не теряет головы. Когда покровитель пытается воспользоваться своей властью над женщиной, это всегда ужасно. Это подлость! Но я знал людей, которые лишь притворялись покровителями, чтобы завоевать доверие дамы.

Он нахмурился.

— Тогда дело плохо...

* * *

Я был на полпути к Университету, впереди как раз показался Каменный мост, как вдруг ощутил в руке неприятный покалывающий жар. Поначалу я решил, что это болит дважды зашитая рана — она весь день чесалась и саднила.

Но жар не утихал — напротив, он распространился по руке и на левую сторону грудной клетки. Меня прошиб пот, как будто от лихорадки.

Я скинул плащ, подставив грудь холодному воздуху и принялся расстегивать рубашку. Осенний ветерок освежил меня, я стал обмахиваться плащом. Однако жар становился все сильнее. Мне сделалось больно, как будто грудь обварили кипятком.

По счастью, этот участок дороги шел параллельно ручью, текущему к реке Омети. Поскольку ничего лучшего в голову не пришло, я скинул сапоги, снял с плеча лютню и сиганул в воду.

От ледяной воды перехватило дыхание, однако же она остудила мою пылающую кожу. Я сидел в воде, стараясь не выглядеть круглым идиотом, когда мимо, держась за руки, прошла молодая парочка — они изо всех сил старались не обращать на меня внимания.

Станный жар бродил по всему телу, как будто в меня вселился огонь, норовящий вырваться наружу. Началось с левого бока, потом перекинулось на ноги, потом снова вернулось в левую руку. Когда жар охватил голову, я

нырнул.

Несколько минут спустя все закончилось, и я выбрался на берег. Дрожа с головы до ног, я закутался в плащ, радуясь, что на дороге теперь никого нет. Потом, поскольку больше ничего не оставалось, я вскинул на плечо футляр с лютней и побрел домой, в Университет. С меня ручьями лила вода. Мне было очень страшно.

ГЛАВА 23

НАЧАЛА

— Я говорил с Молой, — сказал я, тасуя карты. — Она ответила, что это все воображение, и выставила меня за дверь.

— Ну да, могу себе представить, каково тебе! — заметил Сим.

Я поднял голову, удивленный несвойственной ему горечью, но не успел я спросить, в чем дело, как Вилем перехватил мой взгляд и помотал головой, предупреждая, чтобы я ни о чем не спрашивал. Зная Сима, я предположил, что речь идет об очередном быстром и мучительном разрыве после очередного скоротечного и мучительного романа.

Так что я промолчал и снова раздал карты для воздухов. Мы убивали время в ожидании, пока трактир заполнится — был вечер поверженья, и я собирался играть у Анкера.

— А ты как думаешь, в чем дело? — спросил Вилем.

Я колебался, опасаясь, что, если высказать свои страхи вслух, это каким-то образом заставит их осуществиться.

— Ну, может, я подвергся воздействию какого-то вещества в артной...

Вил взглянул на меня.

— Например?

— Ну, мы работаем с разными опасными соединениями, — сказал я. — Они проникают в организм через кожу и медленно убивают тебя восемнадцатью разными способами.

Я вспомнил тот день, когда у меня лопнуло тентеново стекло. О той единственной капельке транспортирующего средства, которое попало мне на рубашку. Капелька была крохотная, чуть больше шляпки гвоздя. Я был абсолютно уверен, что кожи она не коснулась...

— Надеюсь, что дело не в этом. Но что это еще может быть — просто не представляю.

— Это могут быть отдаленные последствия коринкового боба, — угрюмо заметил Сим. — Амброз не такой уж хороший алхимик. А, насколько я понимаю, один из основных ингредиентов там свинец. Если он изготовил его самостоятельно, возможно, какие-то латентные начала до сих пор оказывают воздействие на твой организм. Ты сегодня не ел или не пил чего-нибудь необычного?

Я поразмыслил.

— Ну, медеглина выпил в «Эолиане», довольно много, — признался я.

— Да от этой дряни кого хочешь скрутит! — мрачно сказал Вилем.

— Мне медеглин нравится, — сказал Сим. — Но он сам по себе практически панацея. В нем множество сложных компонентов. Никакой алхимии, однако же в нем есть и мускатный орех, и тимьян, и гвоздика — десятки различных специй. Быть может, одна из них и привела в действие какие-то свободные начала, блуждающие в твоём организме.

— Ну, замечательно! — буркнул я. — И как же мне теперь от этого избавиться?

Сим беспомощно развел руками.

— Так я и думал, — сказал я. — Но все-таки это звучит лучше, чем отравление металлами!

Симмону удалось взять четыре взятки подряд — ему выпал удачный расклад, и он умело им воспользовался, — и к концу партии он уже опять улыбался. Сим не умел подолгу оставаться мрачным.

Вилем собрал карты, и я встал из-за стола.

— Спой про то, как пьяная корова сбила масло! — попросил Сим.

Я невольно улыбнулся.

— Ну, может, потом, — сказал я, взял свой футляр с лютней, который с каждым днем выглядел все более жалким, и прошел поближе к камину под разрозненные аплодисменты завсегдатаев. Мне потребовалось немало времени, чтобы открыть футляр, — пришлось откручивать медную проволочку, которой я до сих пор пользовался вместо пряжки.

Следующие два часа я играл. Я спел «Горшок с медным дном», «Ветку сирени», «Лоханку тети Эмме». Слушатели гоготали, хлопали, свистели. Я играл песню за песней и чувствовал, как заботы мало-помалу оставляют меня. Музыка всегда была для меня лучшим лекарством от мрачного настроения. Я пел, и мне казалось, что даже мои ушибы болят все меньше.

А потом я ощутил озноб, как будто из каминной трубы у меня за спиной внезапно потянуло сквозняком. Я преодолел дрожь и допел последний куплет «Яблочной наливки», которую сыграл под конец, поддавшись уговорам Симы. Прозвучал последний аккорд, мне похлопали, и трактир мало-помалу снова заполнился шумом бесед.

Я оглянулся на камин, но нет: огонь пылал как ни в чем не бывало и сквозняком ниоткуда не тянуло. Я встал и отошел от камина, думая, что небольшая прогулка разгонит кровь и согреет меня. Но, сделав несколько шагов, я понял, что дело не в этом. Холод пробирал меня до костей. Я бросился обратно к камину и протянул руки к огню.

Рядом со мной появились Вил и Сим.

— Что случилось? — спросил Сим. — У тебя такой вид, словно ты болен!

— Да, похоже на то, — ответил я, стискивая зубы, чтобы не стучать ими. — Скажи Анкеру, что я приболел и больше сегодня петь не буду. Потом зажги свечу от этого огня и отнеси ее ко мне в комнату.

Я поднял голову, увидел их озабоченные лица.

— Вил, не мог бы ты помочь мне уйти отсюда? Не хотелось бы устраивать тут спектакль.

Вилем кивнул и подал мне руку. Я оперся на нее и сосредоточился на том, чтобы не трястись, пока мы пробирались к лестнице. Особого внимания на нас никто не обращал. Я, видимо, выглядел просто пьяным. Руки у меня онемели и отяжелели. Губы заledenели.

Поднявшись до первой лестничной площадки, я больше не мог сдерживать дрожь. Идти я все еще мог, однако крупные мышцы ног сводило на каждом шагу.

Вил остановился.

— Нет, тебе надо медику.

Голос его звучал как обычно, но сильдийский акцент сделался заметнее, и он принялся пропускать слова. Верный признак того, что он всерьез встревожен.

Я решительно мотнул головой и подался вперед, давая понять, что ему придется либо помочь мне подняться наверх, либо позволить мне упасть. Вилем обхватил меня за талию и наполовину довел, наполовину донес меня до моей комнаты.

Оказавшись в своей каморке, я плюхнулся на кровать. Вил закутал меня одеялом.

В коридоре слышались шаги, в дверь осторожно заглянул Сим. В руке у него был огарок свечи, второй рукой он прикрывал пламя, чтобы оно не потухло.

— Вот, принес. А зачем она тебе?

— Поставь сюда, — я указал на столик у кровати. — От камина зажег?

Глаза у Сима сделались испуганные.

— Ой, твои губы! — сказал он. — Что-то мне не нравится, какого они цвета!

Я оторвал тонкую щепку от плохо остружанной ножки столика и вонзил ее в тыльную сторону кисти. Из ранки выползла капля крови, и я как следует вымочил в ней щепку.

— Дверь закрой! — сказал я.

— Ты этого не сделаешь, если это то, что я думаю! — твердо сказал

Сим.

Я воткнул щепку в размякший воск свечи рядом с горящим фитилем. Сперва она зашипела, потом ее окутало пламенем. Я пробормотал два связывания, одно за другим, медленно и размеренно, чтобы мои онемевшие губы выговаривали слова достаточно четко.

— Ты что делаешь?! — осведомился Сим. — Зажариться решил?!

Я не ответил, и он шагнул вперед, собираясь опрокинуть свечу.

Вил перехватил его руку.

— У него руки как лед, — тихо сказал он. — Ему холодно. Очень холодно.

Глаза Сима испуганно забегали. Он отступил назад.

— Ну, ты это... осторожнее...

Но я уже не слушал его. Я зажмурился и связал пламя свечи с пламенем камина внизу. Потом аккуратно установил вторую связь, между кровью на щепке и кровью в моем теле. Это было почти то же самое, что я сделал тогда с каплей вина в «Эолиане». Ну, с той очевидной разницей, что мне совсем не хотелось, чтобы моя кровь закипела.

Поначалу я ощутил лишь легкое дуновение тепла, чего было совершенно недостаточно. Я сосредоточился сильнее и почувствовал, как все тело расслабилось от прилива теплоты. Я сидел с закрытыми глазами, полностью сконцентрировавшись на связываниях, пока не смог несколько раз как следует глубоко вздохнуть, без дрожи и судорог.

Я открыл глаза и увидел, что друзья выжидающе смотрят на меня. Я улыбнулся им.

— Все в порядке.

Однако не успел я это сказать, как меня прошиб пот. Мне вдруг сделалось слишком тепло, прямо до тошноты. Я разорвал обе связи с той поспешностью, с какой отдергиваешь руку от раскаленной печки.

Я еще несколько раз глубоко вздохнул, потом встал на ноги и подошел к окну. Распахнув его, я навалился на подоконник, наслаждаясь прохладным осенним воздухом, который пах палой листвой и надвигающимся дождем.

Надолго воцарилось молчание.

— Это выглядело как заклинательский озноб, — сказал Симмон. — Причем очень сильный.

— Это и был озноб, — сказал я.

— Может, твое тело просто утратило способность к терморегуляции? — спросил Вилем.

— Терморегуляции, — машинально поправил его Сим.

— Ага, и ожог через всю грудь — тоже от терморегуляции, — сказал я.

— Ожог? — переспросил Сим, склонив голову набок.

Я уже был мокрым от пота, так что был только рад случаю расстегнуть рубашку и стащить ее через голову. Рука от локтя до плеча и большая часть груди были багрового цвета, на моей бледной коже это особенно бросалось в глаза.

— Мола сказала, что это просто раздражение, а я нервничаю по пустякам, как бабка старая. Но до того, как я прыгнул в реку, этого не было.

Симмон наклонился, чтобы разглядеть ожог поближе.

— Я все-таки думаю, что это освобожденные начала, — сказал он. — Они иногда странные вещи с человеком творят. Вон у нас в прошлой четверти один э'лир напортачил с разделением. Так он почти два оборота не мог ни уснуть, ни взгляд сфокусировать.

Вилем плюхнулся на стул.

— Отчего человеку может сделаться холодно, потом жарко, потом опять холодно?

Сим натянуто улыбнулся.

— Звучит как загадка.

— Терпеть не могу загадок! — сказал я и протянул руку за рубашкой. Потом вскрикнул и схватился за обнаженный бицепс своей левой руки. Из-под пальцев выступила кровь.

Сим вскочил на ноги и принялся лихорадочно озираться, явно не зная, что делать.

Меня как будто пырнули невидимым ножом.

— Господь! Почернелый! Проклятье! — выдавил я сквозь стиснутые зубы. Потом оторвал руку от плеча и увидел, что на нем непонятно откуда появилась маленькая круглая ранка.

Симмон был в ужасе, глаза у него расширились, он зажимал рот обеими руками. Он сказал что-то, но я был слишком занят тем, чтобы сосредоточиться, и не слушал. К тому же я и так знал, что он говорит: «Злоупотребление магией». Ну конечно. Это было именно оно. Злоупотребление магией. Малефиций. По-простому — наведение порчи. Кто-то стремился меня погубить.

Я укрылся в «каменном сердце» и призвал на помощь весь свой алар.

Однако мой неведомый противник даром времени не терял. Я ощутил острую боль в груди, рядом с плечом. Кожа на этот раз осталась неповрежденной, но я увидел, как под ней расплывается темный синяк.

Я усилил свой алар, и следующий укол показался мне не болезненней щипка. Тогда я поспешно разделил свой разум на трое и две части

полностью занял поддержанием оберегающего меня алара.

И только тогда осмелился перевести дух.

— Все в порядке.

Симмон издал смешок, переросший в рыдание. Он так и стоял, прикрывая рот ладонями.

— Ну как ты можешь так говорить? — с ужасом спросил он.

Я посмотрел на себя. Сквозь пальцы по-прежнему сочилась кровь, стекающая по руке.

— Да нет, правда, — сказал я ему. — Честное слово, Сим.

— Но это же малефиций! — сказал он. — Так просто не делают!

Я присел на кровать, зажимая рану.

— Думаю, мы видим перед собой вполне убедительное доказательство противного.

Вилем тоже сел.

— Я согласен с Симмоном. Я бы в это ни за что не поверил.

Он сердито взмахнул рукой.

— В наше время арканисты так не делают! Это же безумие!

Он посмотрел на меня.

— Ты чего скалишься?

— От облегчения, — честно ответил я. — А то я боялся, что кадмием отравился или подхватил какую-то заразу. А меня, значит, просто кто-то пытается убить!

— Но как такое может быть? — спросил Симмон. — Я не с точки зрения морали, но как кто-то мог завладеть твоей кровью или волосами?

Вилем посмотрел на Симмона.

— А что ты сделал с бинтами после того, как зашил его рану?

— Сжег, конечно! — обиделся Сим. — Что я, дурак, что ли?

Вил сделал успокаивающий жест.

— Я просто рассматриваю все возможные варианты. Медику, вероятно, тоже стоит исключить. Они очень внимательны к таким вещам.

Симмон встал.

— Надо кому-то рассказать!

Он посмотрел на Вилема.

— Как ты думаешь, Джеймисон в это время еще у себя?

— Сим, — сказал я, — давай обождем, а?

— Обождем? — спросил Симмон. — Зачем?

— У меня же нет никаких доказательств, кроме этих повреждений, — сказал я. — А это значит, что кому-то в медике придется меня осмотреть. А тогда...

Я, не переставая зажимать рану на руке, подвигал перевязанным локтем.

— Я подозрительно похож на человека, который третьего дня свалился с крыши!

Сим плюхнулся обратно на кровать.

— А что, только три дня прошло, да?

Я кивнул.

— Меня же вышибут. И еще у Молы будут неприятности из-за того, что она не упомянула о моих травмах. Магистр Арвил такого не прощает. Еще, чего доброго, и вы двое окажетесь замешаны. Только этого мне не хватало!

Мы помолчали. Единственным звуком был доносившийся снизу гам из общего зала.

— Имеет ли смысл обсуждать, чьих рук это дело? — спросил Сим.

— Амбровых, — сказал я. — Снова Амброз! Думаю, он нашел следы моей крови на куске черепицы. Мне давно следовало об этом подумать.

— А откуда он может знать, что это твоя кровь? — спросил Симмон.

— Да потому, что я его ненавижу! — с горечью бросил я. — Конечно, он знает, что это был я!

Вил покачал головой.

— Нет. Это на него не похоже.

— Не похоже?! — переспросил Симмон. — Да ведь он же заставил ту женщину подсунуть Квоуту коринковый боб! Это ничем не лучше яда! И он же в прошлой четверти нанял тех головорезов, что напали на Квоута в переулке.

— Я о чем и говорю, — сказал Вилем. — Амброз сам ничего Квоуту не делает. Он устраивает так, чтобы с ним что-то сделали другие. Он нашел женщину, которая подсунула боб. Он заплатил громилам, чтобы тебя пырнули ножом. И я не думаю, что хотя бы это он сделал самолично. Бьюсь об заклад, он заставил это сделать кого-то другого.

— Без разницы! — сказал я. — Мы же знаем, что за этим стоит он.

Вилем нахмурился.

— Ты мыслишь нелогично. Дело не в том, что Амброз не гад. Он, конечно, гад. Но он умный гад. Он тщательно дистанцируется от всего, что творит.

Сим задумался.

— А знаешь, Вил в чем-то прав. Вон, когда тебя наняли музыкантом в «Лошадь и четверку», он не стал сам покупать этот трактир, чтобы выгнать

тебя. Он заставил это сделать зятя барона Петре. А он тут как бы и ни при чем.

— Так ведь и тут он как бы ни при чем, — возразил я. — В этом весь смысл симпатии. Это не прямое воздействие.

Вил снова покачал головой.

— Если тебя прирежут в глухом проулке, все будут шокированы. Но такое случается сплошь и рядом. А если ты прилюдно рухнешь на пол и начнешь истекать кровью из-за малефиция? Все придут в ужас. Магистры отменят занятия. Богатые купцы и аристократы прослышат об этом и заберут из Университета своих детей. Сюда явятся констебли из Имре...

Симмон потер лоб и задумчиво уставился в потолок. Потом кивнул, отвечая своим мыслям, сначала медленно, потом решительно.

— Да, это разумно, — сказал он. — Если бы Амброз обнаружил следы крови, он скорее передал бы их Джеймисону и потребовал установить личность вора. Ему ни к чему было бы обращаться в медику, чтобы оттуда сообщали о подозрительных травмах, и так далее.

— Амброзу нравится мстить, — угрюмо заметил я. — Он вполне мог и спрятать кровь от Джеймисона. Оставить ее себе.

Вилем замотал головой.

Сим вздохнул.

— Вил прав. Симпатистов на свете не так много, и все знают, что у Амброза на тебя зуб. Он слишком осторожен, чтобы так поступить. Это сразу навело бы на его след.

— А кроме того, — добавил Вилем, — сколько дней уже прошло с тех пор? Неужто ты и впрямь думаешь, что Амброз стал бы выжидать так долго, чтобы ткнуть тебя носом?

— Ну да, вы в чем-то правы, — нехотя признал я. — На него это не похоже.

Но я-то знал, что это наверняка Амброз. Нутром чуял. Как ни странно, мне почти хотелось, чтобы это был он. Это бы настолько упростило дело!

Но если тебе чего-то хочется, это еще не значит, что так оно и есть. Я вздохнул и заставил себя обдумать ситуацию логически.

— Да, с его стороны это было бы безрассудством, — признал я наконец. — А он не из тех, кто любит мारать ручки.

Я вздохнул.

— Ну ладно. Замечательно. Мало мне одного человека, который пытается сломать мне жизнь!

— Но кто же это может быть? — спросил Симмон. — Ведь с волосами обычный человек такое проверить не сможет, верно?

— Элкса Дал, наверно, мог бы, — сказал я. — Или Килвин.

— Думаю, разумно будет предположить, — сухо возразил Вилем, — что никто из магистров тебя извести не пытается.

— Значит, это должен быть кто-то, у кого есть его кровь, — сказал Сим.

— Я знаю человека, у которого есть моя кровь, — сказал я, стараясь не обращать внимание на сосущую пустоту в животе. — Но не думаю, что это может быть ее рук дело.

Вил с Симом обернулись ко мне, и я сразу пожалел, что не промолчал.

— Откуда у нее может быть твоя кровь? — спросил Сим.

Я заколебался, но сообразил, что теперь уже что-то скрывать бесполезно.

— В начале этой четверти я занял денег у Деви.

Они отреагировали совсем не так, как я ожидал. То есть никак не отреагировали.

— А кто такая Деви? — спросил Симмон.

Я немного расслабился. Может, они о ней и не слышали. Это бы многое упростило.

— Она гелет, живет за рекой, — объяснил я.

— Ну хорошо, — сказал Симмон, — а кто такая гелет?

— Помнишь, мы ходили смотреть «Призрака и гусятницу»? — спросил я. — Ну вот, Кетлер был гелет.

— А-а, медный ястреб! — протянул Сим. Его лицо просветлело от радости, что он понял, потом снова помрачнело, когда он сообразил, что это означает. — А я и не знал, что тут водятся подобные люди.

— Подобные люди водятся везде, — ответил я. — Без них жизнь бы остановилась.

— Постой-ка! — внезапно сказал Вилем, вскинув руку. — Так ты сказал, твою...

Он запнулся, припоминая подходящее слово на атуранском.

— Твою заимодавицу... твоего гатессора... ее зовут Деви?!

Он произнес ее имя с сильным сильдийским акцентом, так что оно прозвучало почти как «Дэвид».

Я кивнул. Примерно такой реакции я и ожидал.

— Господи! — ахнул Симмон. — Ты ведь имеешь в виду Деви-Демоницу, да?

Я вздохнул.

— Значит, вы о ней все-таки слышали.

— Слышали? — чуть ли не взвизгнул Сим. — Да ее вышибли во время

моей первой четверти! Очень впечатляющая была история.

Вилем же просто закрыл глаза и покачал головой, словно не мог смотреть на такого идиота, как я.

Сим воздел руки к небесам.

— Ее выгнали за малефиций! Чем ты думал?!

— Да нет, — возразил Вилем. — Выгнали ее за «неподобающее поведение». Малефиций остался недоказанным.

— Вообще-то я не думаю, что это она, — сказал я. — На самом деле она довольно славная. Доброжелательная. А кроме того, я брал всего шесть талантов, и срок уплаты еще не наступил. У нее нет никаких причин так поступать.

Вилем пристально посмотрел на меня в упор.

— Просто чтобы рассмотреть все возможные варианты, — медленно произнес он. — Не мог бы ты оказать мне любезность?

Я кивнул.

— Вспомни ваши последние несколько разговоров с ней, — сказал Вилем. — Не спеша перебери их слово за словом и проверь, не могло ли быть так, что ты сделал или сказал нечто, что ее оскорбило или расстроило.

Я принялся вспоминать наш последний разговор, мысленно прокручивая его в голове.

— Ее интересовали некие сведения, которые я отказался ей предоставить.

— Насколько они ее интересовали? — спросил Вилем медленно и терпеливо, словно разговаривал со слабоумным ребенком.

— Более или менее, — ответил я.

— «Более или менее» не указывает на степень заинтересованности.

Я вздохнул.

— Ну хорошо. Они ее очень сильно интересовали. До того интересовали, что...

Я осекся.

Вилем многозначительно вскинул бровь.

— Ну? И что ты вот только что вспомнил?

Я замялся.

— Ну, кажется, она еще предлагала переспать с ней...

Вилем спокойно кивнул, как будто ожидал чего-то в этом духе.

— И как же ты ответил на это щедрое предложение молодой особы?

Я почувствовал, как щеки у меня вспыхнули.

— Ну, я... я вроде как проигнорировал его.

Вилем закрыл глаза. На лице у него отразились глубокая усталость и

смятение.

— Это же куда хуже Амброза! — воскликнул Сим, хватаясь за голову. — Деви не приходится опасаться магистров, она вообще ничего не боится! А говорят, она способна поддерживать восьмичастное связывание. Восьмичастное!

— Я был в безвыходном положении! — сварливо возразил я. — У меня не было ничего, что можно было бы отдать в залог. Ну да, признаю, это была не лучшая идея. Когда все это закончится, можем устроить симпозиум по вопросу о том, какой я дурак. А теперь можно мы просто пойдем дальше, а?

И я умоляюще посмотрел на них.

Вилем протер глаза и устало кивнул.

Симмон попытался скрыть испуг, но ему это плохо удалось. Он судорожно сглотнул.

— Ну, хорошо, ладно. И что же нам делать?

— В данный момент не имеет особого значения, кто именно это устроил, — сказал я, осторожно проверяя, перестала ли идти кровь из руки. Кровь остановилась, и я отлепил окровавленную ладонь от раны. — Я собираюсь принять некоторые меры предосторожности.

Я махнул рукой.

— А вы двое убирайтесь спать!

Сим потер лоб и хмыкнул.

— Тело Господне, ну и противный же ты иногда бываешь! А вдруг тебя снова атакуют?

— Ну, это ведь уже случалось дважды за то время, пока мы тут сидим! — беспечно ответил я. — Вот, немножко щиплется.

Я улыбнулся, глядя на него.

— Да все со мной в порядке, Сим. Честное слово. Я ведь не случайно стал лучшим дуэлистом в группе Элксы Дала. Мне ничто не угрожает.

— Пока ты не уснешь! — вмешался Вилем. Его темные глаза смотрели очень серьезно.

Улыбка так и застыла на моем лице.

— Пока я не усну... — повторил я. — Да, конечно...

Вилем встал и демонстративно отряхнулся.

— Короче. Ты пока умойся и прими свои меры предосторожности.

Он пристально взглянул на меня.

— Я так понимаю, нам с юным Симмоном следует ждать лучшего дуэлиста Элксы Дала у меня в комнате?

Я смущенно покраснел.

— Ну... ну да. Я был бы вам очень признателен...

Вил отвесил мне преувеличенно любезный поклон, отворил дверь и вышел в коридор.

Сим к этому времени уже широко улыбался.

— Значит, договорились! Только рубашку надеть не забудь. Я готов сидеть с тобой всю ночь, как с младенцем в коликах, но я отказываюсь это делать, если ты собираешься спать голым!

* * *

Когда Вил с Симом ушли, я выбрался в окно и отправился в путь по крышам. Рубашку я оставил дома: я был весь в крови и не хотел ее испортить. Я доверился темной ночи и позднему часу, надеясь, что никто не заметит, как я бегаю по крышам Университета полуголый и окровавленный.

Защититься от симпатии довольно просто, если знаешь, что делаешь. Когда кто-то пытался сжечь меня, ранить или вытянуть все тепло из моего тела, пока я не умру от переохлаждения, все это было простое, примитивное приложение сил, так что и противостоять ему было несложно. Теперь, когда я понимал, что происходит, и держался настороже, я мог считать себя в безопасности.

Меня больше тревожило то, что противник, который меня атакует, может разочароваться и предпринять что-нибудь еще. Например, определить мое местонахождение и организовать нападение без применения магии, которое одним усилием воли уже не отразишь.

Наведение порчи — это, конечно, ужасно, однако громила с острым ножом убьет вас вдесятеро быстрее малефиция, если поймает в темном проулке. А если ты имеешь возможность отслеживать каждое движение человека, имея в распоряжении его кровь, застать его врасплох проще простого.

Поэтому я и шагал сейчас по крышам. Я намеревался набрать горсть палых листьев, пометить их своей кровью и выпустить в Чертоге Ветра. Я уже использовал эту уловку прежде.

Но, перемахнув через узкую улочку, я увидел, как в тучах сверкнула молния, и почувствовал в воздухе запах дождя. Надвигалась гроза. Мало того что ливень прибьет палую листву, не давая ей разлетаться, он еще и кровь с нее смое...

Я стоял на крыше, чувствуя себя так, словно из меня вышибли все

двенадцать цветов ада. Это вызвало неприятные воспоминания о годах, проведенных в Тарбеане. Я постоял, глядя на отдаленные молнии и борясь с этим чувством. Я заставил себя вспомнить, что я уже не беспомощный голодный мальчишка, которым был когда-то.

За спиной у меня раздался слабый звук, похожий на барабанную дробь, — кто-то шагнул по железной крыше. Я напрягся, потом успокоился, услышав голос Аури:

— Квоут!

Я посмотрел направо и увидел метрах в трех от себя ее легкую фигурку. Луна скрылась за облаками, но я по голосу понял, что она улыбается, когда она сказала:

— А я увидела, как ты бежишь поверх всего!

Я развернулся к ней, радуясь, что сейчас так темно. Мне не хотелось думать, как может отреагировать Аури, увидев меня полуобнаженным и перемазанным кровью.

— Привет, Аури, — сказал я. — Смотри, гроза собирается. Не стоит тебе бегать поверх всего нынче ночью.

Она склонила головку набок.

— Ты же бегаешь! — возразила она.

Я вздохнул.

— Я-то да. Но я...

По небу огромным пауком расплзлась молния, осветив все кругом на целую секунду. Слепила меня своей вспышкой и угасла.

— Аури! — окликнул я, боясь, что мой вид ее спугнул.

Сверкнула другая молния, и я увидел, что Аури подступила ближе. Она указала на меня пальцем и расплылась в улыбке.

— Ты как один из амир! — сказала она. — Квоут — один из киридов!

Я посмотрел на себя и, когда сверкнула следующая молния, понял, что она имеет в виду. Мои кисти и предплечья были разрисованы засохшими струйками крови оттого, что я пытался зажимать свою рану. Эти ручейки крови действительно были похожи на татуировки, которыми некогда амир украшали членов ордена, принадлежащих к высшему рангу.

Это упоминание так меня поразило, что я забыл главное, что знал об Аури. Я забыл об осторожности и задал ей вопрос:

— Аури, откуда ты знаешь о киридах?

Ответа не было. Когда сверкнула новая молния, я увидел, что стою один на опустевшей крыше, под неумолимым небом.

ГЛАВА 24

ПЕРЕЗВОНЫ

Я стоял на крыше, над головой сверкала гроза, на душе у меня было тяжело. Мне хотелось догнать Аури и извиниться, но я знал, что это бесполезно. Если задать лишний вопрос, она всегда убегала, а уж когда Аури убегала, она исчезала стремительно, как кролик в норе. В Подовсе была тысяча мест, куда она могла спрятаться. Найти ее было невозможно.

К тому же у меня было важное дело. Возможно, мой враг прямо сейчас пытается меня выследить. Мне было попросту некогда.

Путь по крышам занял у меня почти час. Вспышки молний, то и дело озарявшие крыши, скорее мешали, чем помогали: после каждой вспышки я надолго терял способность видеть в темноте. И тем не менее в конце концов я кое-как дохромал до крыши главного здания, где обычно встречался с Аури.

Я с трудом спустился по яблоне в закрытый дворик и уже собирался окликнуть ее через тяжелую металлическую решетку, ведущую в Подовсе, но тут заметил, что в тени ближайших кустов кто-то шевельнулся.

Я вгляделся в темноту, не различая ничего, кроме смутного силуэта.

— Аури? — осторожно спросил я.

— Я не люблю рассказывать, — тихо ответила она. В голосе у нее звучали слезы. Из всех ужасов, что я пережил за последние пару дней, это, бесспорно, было хуже всего.

— Аури, прости меня, пожалуйста! — сказал я. — Я больше не буду расспрашивать! Честное слово.

Из кустов раздался всхлип. Сердце у меня застыло, и от него откололся кусочек.

— А что ты делала поверх всего нынче ночью? — спросил я. Я знал, что об этом спрашивать можно. Я уже много раз спрашивал.

— На молнии смотрела, — ответила она и шмыгнула носом. — Я видела молнию, похожую на дерево!

— И что было в молнии? — мягко спросил я.

— Термическая ионизация, — ответила Аури. И, помолчав, добавила: — А еще — речной лед. И взмах кошачьего хвоста.

— Жалко, что я ее не видел, — сказал я.

— А ты что делал поверх всего? — она помолчала, и я услышал

негромкий, икающий смешок: — Такой сумасшедший и почти голый?

Мое сердце мало-помалу начало оттаивать.

— Я ищу, куда спрятать свою кровь, — сказал я.

— Обычно люди носят ее внутри, — сказала она. — Так проще.

— Я и хочу, чтобы ее большая часть осталась внутри, — объяснил я. — Но я боюсь, что меня ищут.

— А-а! — сказала Аури, как будто сразу все поняла. Я увидел, как ее фигурка, чуть более темная, шевельнулась и встала на фоне тени. — Тогда пошли со мной, в Перезвоны.

— По-моему, Перезвонов я еще не видел, — сказал я. — Ты меня туда уже водила?

Она шевельнулась — возможно, покачала головой.

— Это мои личные покои.

Я услышал металлический лязг, шорох, и за открытой решеткой вспыхнул голубовато-зеленый огонек. Я спустился вниз и очутился в подземном ходе рядом с ней.

При свете сделалось видно, что лицо у нее в разводах — вероятно, оттого, что она размазывала слезы руками. Я впервые видел Аури грязной. Глаза у нее сделались темнее обычного, и нос покраснел.

Аури шмыгнула носом и потерла чумазое личико.

— В каком ты ужасном виде, — очень серьезно сказала она.

Я посмотрел на свои окровавленные руки и грудь.

— Ну да, — согласился я.

Тут она улыбнулась нежной, но смелой улыбкой.

— На этот раз я не так уж далеко убежала! — сказала она, гордо выпятив подбородок.

— Я так рад! — сказал я. — Ты извини, пожалуйста.

— Нет! — она коротко и твердо тряхнула головой. — Ты мой кирид, это выше любых упреков.

Она коснулась пальцем центра моей окровавленной груди.

— Иваре эним эуге.

* * *

Аури повела меня через лабиринт подземных ходов, который представляло собой Подовсе. Мы спускались все ниже — через Скачки, мимо Сверченья. Потом миновали несколько извилистых коридоров и снова начали спускаться, по каменной винтовой лестнице, которой я

никогда прежде не видел.

Вскоре я почувствовал запах сырого камня и услышал низкий гул текущей воды. Время от времени до меня доносилось то бряканье стекла о камень, то более мелодичный звон стекла о стекло.

Ступенек через пятьдесят широкая винтовая лестница исчезла в широком бурлящем водоеме. «Интересно, — подумал я, — глубоко ли под воду уходят эти ступеньки?»

Тут не пахло ни гнилью, ни затхлостью. Вода была свежая, чистая, и я видел мелкие волны, расходящиеся от лестницы в темноту, туда, куда не достигал свет наших светильников. Я снова услышал стеклянный звон и увидел две бутылки, которые крутились и подпрыгивали в водовороте, отплывая то в одну сторону, то в другую. Потом одна ушла под воду и больше не всплыла.

На латунной подставке для факела, вделанной в стену, висел джутовый мешок. Аури сунула в него руку и достала тяжелую бутылку, заткнутую пробкой, — в такой бутылке, должно быть, когда-то хранилось бредонское пиво.

Она протянула бутылку мне.

— Они исчезают на час. Или на минуту. Иногда на несколько дней. Иногда они вообще не всплывают.

Она достала из мешка еще одну бутылку.

— Лучше запускать не меньше четырех сразу. Тогда, с точки зрения статистической вероятности, как минимум две все время будут оставаться на поверхности.

Я кивнул, вытянул нитку из растрепанного мешка и вымочил ее в крови, которая покрывала мою руку. Откупорил бутылку и бросил нитку внутрь.

— И волосы тоже, — сказала Аури.

Я вырвал у себя несколько волосков и просунул их в горлышко бутылки. Потом загнал поглубже пробку и пустил бутылку в плавание. Она глубоко погрузилась в воду и поплыла, беспорядочно кружа.

Аури протянула мне вторую бутылку, и мы повторили все сначала. Когда в водовороте заколыхалась четвертая бутылка, Аури кивнула и деловито отряхнула ладошки друг об друга.

— Ну во-от, — протянула она с несказанным удовлетворением. — Все хорошо. Теперь нам ничто не угрожает.

Несколько часов спустя отмытый, перевязанный и куда менее голый, чем прежде, я явился в комнату Вилема в гнездах. В ту ночь, и в течение многих следующих ночей, Вил с Симом по очереди дежурили надо мной, пока я спал, храня меня своим аларом. Это были друзья, лучшие из друзей, такие, о каких мечтает любой, но каких не достоин никто, уж тем более я.

ГЛАВА 25

ПРОТИВОЗАКОННОЕ ПОЗНАНИЕ

Что бы там ни думали Вил с Симом, а я все же не верил, что это Деви наводит на меня порчу. Я, конечно, болезненно сознавал, что ничего не понимаю в женщинах, и все же она всегда относилась ко мне дружелюбно. Временами даже бывала добра ко мне.

Конечно, репутация у нее была мрачная. Но кому, как не мне, было знать, как стремительно горстка пустых слухов может разрастись до нелепых сказок!

Мне представлялось куда более вероятным, что мой неведомый враг — просто какой-то обиженный студент, которого злит мое стремительное продвижение в аркануме. У большинства студентов уходили годы на то, чтобы достичь звания ре'лара, а я получил его, не успев проучиться три четверти. А может быть, это человек, который ненавидит всех эдема руэ. Мне не раз доставалось только за принадлежность к этому сословию.

В определенном смысле то, кто именно является источником нападений, было даже не важно. Важнее было найти способ с ними покончить. Не могу же я требовать, чтобы Вил с Симом оберегали меня по гроб жизни!

Нужен был более надежный выход. Мне требовалось добыть грэм.

Грэм — это чрезвычайно остроумный артефакт, изобретенный специально на случай подобных неприятностей. Это своеобразный симпатический доспех, который мешает другим людям создать связывание с вашим телом. Я не знал, как он работает, но знал, что он существует. И знал, где узнать, как его сделать.

* * *

Килвин поднял голову, видя, что я приближаюсь к его кабинету. Я с облегчением увидел, что его стеклодувная печурка погашена.

— Я так понимаю, с вами все в порядке, ре'лар Квоут? — осведомился он, не вставая из-за рабочего стола. В одной руке у него было большое полушарие из стекла, в другой — алмазный резец.

— Все в порядке, магистр Килвин, — соврал я.

— Ну что, обдумали вы свой следующий проект? — спросил он. — Не приснилось ли вам что-нибудь интересное?

— На самом деле, магистр Килвин, я искал схему грэма. Но почему-то я не нашел ее нигде — ни в библиотеке, ни в справочниках.

Килвин посмотрел на меня с любопытством.

— А для чего вам, собственно, понадобился грэм, а, ре'лар Квоут? Или вы не доверяете своим товарищам по аркануму?

Не понимая, шутит он или говорит серьезно, я решил обойтись без лишних объяснений.

— Нам на симпатии для продолжающих рассказывали про плюхи. И я подумал, что, если грэм позволяет обезвреживать связи, основанные на сродстве...

Килвин хмыкнул себе в бороду.

— А, нагнал-таки Дал на вас страху! Это хорошо. И да, вы правы, грэм может защитить от последствий плюхи...

Его темные сильдийские глаза сделались серьезными.

— До некоторой степени. Однако мне кажется, что разумный студент скорее предпочел бы намотать на ус полученные сведения и избегать плюх благодаря должной осмотрительности и вниманию.

— Я так и собираюсь сделать, магистр Килвин, — ответил я. — И все же мне кажется, что иметь грэм было бы полезно.

— Отчасти это правда, — признался Килвин, оглаживая лохматую бороду. — Однако со всем этим ремонтом и выполнением осенних заказов у нас недостает рабочих рук.

Он указал на окно, выходящее в мастерскую.

— Я не могу отрывать людей от работы ради такого заказа. А даже если бы и мог, остается вопрос цены. Тут требуется тонкая работа и золото для отделки...

— Магистр Килвин, я предпочел бы сделать его сам.

Килвин покачал головой.

— Схемы грэма не случайно нет в справочниках. Вы недостаточно опытны, чтобы изготовить его самостоятельно. Когда работаешь с сигалдри и собственной кровью, нужно быть чрезвычайно осмотрительным.

Я открыл было рот, но Килвин перебил меня:

— А главное, сигалдри, необходимая для подобного устройства, может быть доверена только студенту, достигшему уровня эл'те. Руны крови и кости обладают слишком мощным потенциалом, использовать их неправильно чересчур опасно.

Его тон дал мне понять, что спорить тут бесполезно, поэтому я только

пожал плечами, как будто мне было все равно.

— Ну и ладно, магистр Килвин. У меня есть и другие проекты, будет чем заняться!

Килвин широко улыбнулся мне.

— Я в этом не сомневался, ре'лар Квоут! Жду не дождусь, что же вы мне такое изготовите.

Тут меня осенило:

— Магистр Килвин, а можно мне для этого воспользоваться одной из отдельных мастерских? Я предпочел бы, чтобы мне не заглядывали через плечо во время работы.

Услышав это, Килвин вскинул брови.

— Теперь мне вдвойне любопытно!

Он положил на стол стеклянную половинку шара, поднялся на ноги и выдвинул ящик стола.

— Одна из тех мастерских, что на первом этаже, вас устроит? Или у вас что-нибудь может взорваться? Тогда я дам вам мастерскую на третьем. Там холоднее, но крыша лучше приспособлена для таких дел.

Я внимательно посмотрел на него — может, он издевается?

— Да нет, магистр Килвин, вполне подойдет мастерская на первом. Только мне понадобится небольшая плавильная печь и свободное пространство, чтобы было чем дышать.

Килвин что-то пробормотал себе под нос и достал ключ.

— И глубоко вы дышать собираетесь? В двадцать седьмой мастерской сто семьдесят квадратных метров.

— Ну, этого точно хватит, — сказал я. — И, возможно, мне потребуется разрешение на использование драгоценных металлов из хранения.

Килвин хмыкнул и кивнул, протягивая мне ключ.

— Я позабочусь об этом, ре'лар Квоут. С нетерпением буду ждать, чтобы увидеть, что же вы такое придумали.

* * *

То, что нужная мне схема оказалась секретной, было крайне неприятно. Но всегда ведь есть другой способ раздобыть информацию, и всегда есть люди, которые знают больше, чем им положено.

Вот, например, Манет. Я не сомневался, что он-то знает, как изготовить грэм. Э'лиром он был только по названию, это было известно всем. Но вряд

ли Манет согласится поделиться этой информацией со мной вопреки воле Килвина. Университет был домом Манета в течение тридцати лет, и он, вероятно, был единственным студентом, который страшился исключения больше, чем я.

Значит, выбор у меня был ограничен. Я никак не мог придумать способ добыть схему самостоятельно, разве что до посинения рыться в архивах. Так что, тщетно поломав голову в поисках лучшего решения, я отправился в «Сноп и ячмень».

«Сноп» был одним из самых сомнительных кабаков на этом берегу реки. Трактир «У Анкера», например, вовсе не был убогим, просто непритязательным. Там было чисто, но цветами не благоухало, и он был недорогим, не будучи дешевой. К Анкеру ходили поесть, выпить, послушать музыку, временами завязать дружескую потасовку...

«Сноп» был несколькими ступеньками ниже. Там было грязновато, музыкой там особо не интересовались, а потасовки оказывались забавными только для одного из участников.

Не поймите меня неправильно: «Сноп» был куда лучше многих тарбеанских кабаков. Но это был худший кабак, который можно было найти так близко к Университету. Поэтому, как ни убог он был, там все же имелись деревянные полы и стекла в окнах. А если вы напивались до потери сознания и, очнувшись, обнаруживали пропажу кошелька, вы могли утешиться тем, что вас хотя бы не прирезали и даже сапоги не сперли.

Поскольку было еще довольно рано, в общем зале народу было наперечет. Я обрадовался, увидев сидящего в глубине Слита. Вообще-то я не был с ним знаком, но кто он такой — я знал. Был наслышан.

Слит был один из тех редкостных, незаменимых людей, которые умеют устраивать дела. Судя по тому, что я о нем слышал, он с перерывами учился в Университете последние десять лет.

Он разговаривал с человеком, который явно нервничал, и мне хватило ума не вмешиваться. Так что я взял два полпива и принялся ждать, делая вид, что просто зашел выпить.

Слит был хорош собой, темноволос и темноглаз. Бородки он не носил, но я сразу решил, что он как минимум наполовину сильдиец. Каждый его жест был исполнен властности. Он двигался так, словно управлял всем вокруг.

На самом деле меня бы это не удивило. Вполне возможно, что «Сноп» и впрямь принадлежал ему. Такие люди, как Слит, без денег не сидят.

Наконец Слит и встревоженный молодой человек явно о чем-то договорились. Слит дружески улыбнулся, когда они обменивались

рукопожатиями, и на прощание похлопал молодого человека по плечу.

Я немного выждал, потом подошел к его столику. Подойдя ближе, я обратил внимание, что столик стоит немного в стороне от прочих. Не так чтобы очень далеко, но так, чтобы подслушать его было затруднительно.

Когда я подошел, Слит посмотрел на меня.

— Я хотел узнать, нельзя ли с вами поговорить, — сказал я.

Он широким жестом указал на свободный стул.

— Вот это сюрприз! — сказал он.

— Отчего же?

— Умные люди меня нечасто навещают. Я имею дело с неудачниками.

Он посмотрел на кружки.

— Это обе ваши?

— Хотите, берите одну себе, хотите, обе. Но из этой я уже пил, — я кивнул на ту, что держал в правой руке.

Он с опаской глянул на кружки, потом расплылся в широкой белозубой улыбке и отхлебнул из левой.

— Судя по тому, что я о вас знаю, вы не из тех, кто способен отравить собеседника.

— Я смотрю, вам обо мне немало известно, — заметил я.

Он пожал плечами — так небрежно, что я заподозрил, что он нарочно практиковался.

— Я обо всех немало знаю, — сказал он. — Но о вас — больше, чем о прочих.

— Отчего же?

Слит подался вперед, облокотился о стол и заговорил доверительным тоном:

— Вы представляете себе, насколько скучен средний студент? Половина из них — просто богатенькие туристы, которым в целом плевать на учебу.

Он закатил глаза и сделал такой жест, словно отбрасывал что-то через плечо.

— Вторая половина — унылые книжные черви, которые так долго мечтали попасть сюда, что теперь дышать не могут от счастья. Они ходят на цыпочках, смиренные как священники. И приходят в ужас, если кто-нибудь из магистров неодобрительно глянет в их сторону.

Он пренебрежительно фыркнул и откинулся на спинку стула.

— Достаточно будет сказать, что вы — как глоток свежего воздуха. Все говорят...

Он запнулся и снова отработанным жестом пожал плечами.

— Ну, впрочем, вы и сами знаете.

— Вообще-то нет, — признался я. — Так что же обо мне говорят?

Слит одарил меня ослепительной улыбкой.

— Ах да, в этом-то и проблема, верно? Решительно все знают репутацию человека, кроме него самого. Большинство людей это нимало не волнует. Но кое-кто из нас работает над собственной репутацией. Я свою строил буквально по кирпичику. Это очень полезный инструмент.

Он лукаво взглянул на меня.

— Я думаю, вы понимаете, что я имею в виду.

Я позволил себе улыбнуться.

— Быть может.

— Ну так что же говорят обо мне? Расскажите, и я отвечу вам тем же!

— Ну, — сказал я, — вы можете достать что угодно.

Потом добавил:

— Не болтливы, но берете дорого.

Он рассерженно замахал руками.

— Это все пустые слова! Подробности — вот скелет любой истории! Давайте подробности!

Я поразмыслил.

— Мне рассказывали, что в прошлой четверти вы сумели продать несколько бутылок «режим игнаул нератум». Уже после пожара в мастерской Килвина, когда, казалось бы, все запасы были уничтожены.

Слит кивнул. Лицо его было непроницаемым.

— Рассказывают, что вы сумели передать послание в Эмлин, отцу Вейане, хотя город был в осаде.

Он снова кивнул.

— Вы добыли молоденькой проститутке, работающей в «Пуговках», комплект документов, удостоверяющих, что она дальняя родственница баронета Гамре, что позволило ей без лишних хлопот выйти замуж за некоего молодого аристократа.

Слит улыбнулся.

— Этим делом я горжусь!

— Когда вы были э'лиром, — продолжал я, — вас отстранили от обучения на две четверти по обвинению в «противозаконном познании». Два года спустя вас оштрафовали и временно отстранили от обучения за «неправильное использование университетского оборудования в тигельной». Еще я слышал, что Джеймисону известно, чем вы занимаетесь, но ему хорошо платят за то, чтобы он смотрел на это сквозь пальцы. Кстати, последнему я не верю.

— Разумно, — небрежно сказал Слит. — Я тоже.

— Несмотря на всю вашу бурную деятельность, у вас всего однажды были неприятности с железным законом, — продолжал я. — Из-за контрабандной доставки запретных веществ, верно?

Слит закатил глаза.

— А знаете, что самое обидное? Вот уж тут-то я был как раз ни при чем! Ребята Хеффрона заплатили констеблю, чтобы сфабриковать хоть какие-то доказательства. И всего через два дня обвинения были с меня сняты.

Он насупился.

— Хотя магистрам на это было плевать. Их больше всего тревожило то, что я, видите ли, мараю доброе имя Университета! — с горечью сказал он. — После этого мне втрое повысили плату за обучение!

Я решил зайти немного дальше.

— Несколько месяцев назад вы отравили венитазинем юную графскую дочку и дали ей противоядие только после того, как она отписала вам самое большое из владений, которое ей предстоит унаследовать. А потом обставили все таким образом, как будто она продула его вам, играя в фаро по-крупному.

На это он приподнял бровь.

— А почему я так сделал, не говорят?

— Да нет, — ответил я. — Я так понимаю, она попыталась вас надуть, не выплатив вам какой-то долг.

— Отчасти это правда, — сказал он. — Хотя на самом деле все было несколько сложнее. И это не был венитазин. Это было бы крайне неблагоразумно!

Он сделал обиженное лицо и раздраженно отряхнул рукав.

— Что-нибудь еще?

Я призадумался, пытаюсь решить, хочу ли я получить подтверждение каких-нибудь своих давних подозрений.

— Ну, разве что то, что в прошлой четверти вы свели Амброза Джакиса с двумя людьми, которые известны тем, что убивают за деньги.

Лицо у Слита осталось бесстрастным, поза спокойной и расслабленной. Однако же я заметил, что плечи у него чуть заметно напряглись. Когда я смотрю достаточно пристально, от меня ускользает очень и очень многое.

— Вот как, значит? И такое говорят?

Я пожал плечами в ответ куда искуснее самого Слита. Я умел пожимать плечами настолько непринужденно, что даже кошка бы

обзавидовалась.

— Я же музыкант. Я три вечера в неделю играю в многолюдном трактире. Там и не такого наслушаешься.

Я взял свою кружку.

— А обо мне вам что рассказывали?

— Ну, разумеется, то же самое, что знают все. Вы убедили магистров принять вас в Университет, хотя вы еще щенок, извините за откровенность. Потом, два дня спустя, вы опозорили магистра Хемме прямо у него на занятии, и это сошло вам с рук.

— Не считая порки.

— Не считая порки, — согласился он. — Во время которой вы даже ни разу не вскрикнули и крови считай что не было. Ни за что бы не поверил, если бы не несколько сотен свидетелей.

— Да, мы собрали аншлаг, — согласился я. — Погода была самая подходящая для порки.

— Я слышал, что за это некоторые особо впечатлительные господа называют вас Квоутом Бескровным, — сказал он. — Хотя, подозреваю, этим прозвищем вы обязаны еще и тому, что вы из эдема руэ, а это означает, что вы как нельзя более далеки от чистокровного аристократа.

Я улыбнулся.

— Думаю, верно и то и другое.

Вид у него сделался задумчивый.

— Еще я слышал, будто вы с магистром Элодином подрались в Гавани. На волю вырвались свирепые и ужасные магические силы, и в конце концов он одолел вас, сперва швырнув вас сквозь каменную стену, а потом сбросив с крыши здания.

— А из-за чего мы подрались, не рассказывают? — поинтересовался я. Он только рукой махнул.

— Ну, про это говорят всякое! Из-за оскорбления. Из-за недопонимания. Из-за того, что вы якобы пытались отобрать у него магию. Из-за того, что он якобы пытался отобрать у вас женщину. Обычная чушь.

Слит потер лоб.

— Что там еще? Вы сносно играете на лютне и надменны, как кошка, которую ушибли дверью. Вы хамоваты, остры на язык, не уважаете старших и более знатных, то есть практически всех окружающих, учитывая ваше низкое плутовское происхождение.

Я ощутил, как гневный жар бросился мне в лицо и волной разлился по всему телу.

— Я лучший музыкант, какого вам когда-нибудь доводилось видеть

или доведется видеть впредь, хотя бы издали, — сказал я с деланным спокойствием. — И я эдема руэ до мозга костей. А это означает, что кровь у меня алая, а не голубая. Что я дышу свободно и хожу везде, куда несут меня ноги. Что я не припадаю к земле и не виляю хвостом, точно пес, при виде любых титулов. Да, с точки зрения людей, которые всю жизнь отрабатывали гибкость позвоночника, это и впрямь может показаться надменностью!

Слит лениво улыбнулся в ответ, и я понял, что он нарочно меня поддел.

— Еще вы вспыльчивы, об этом я тоже слышал. Ну, и уйму прочей подобной разнообразной ерунды. Про то, что вы спите не больше часа в день. Про то, что в жилах у вас течет демонская кровь. Про то, что вы умеете разговаривать с мертвыми...

Я с любопытством подался вперед. Последнего слуха я про себя не распускал.

— В самом деле? То есть как? Я беседую с духами или же про меня рассказывают, будто я выкапываю трупы?

— С духами, я так понимаю, — ответил Слит. — Такого, чтобы вас обвиняли в ограблении могил, я еще не слышал.

Я кивнул.

— Что-нибудь еще?

— Ну, разве что то, что в прошлой четверти вас подстерегли в переулке двое людей, которые убивают за деньги. И, хотя у них были ножи и они застали вас врасплох, одного вы ослепили, а второго избили до бесчувствия, призвав огонь и молнию, как Таборлин Великий.

Мы долго смотрели друг на друга. Молчание было неловким.

— Так это вы свели с ними Амброза? — спросил я, наконец.

— Это нехороший вопрос, — напрямик ответил Слит. — Он предполагает, что я соглашаюсь обсуждать частные дела после того, как заключил сделку.

Он посмотрел на меня в упор, ни на губах, ни в глазах у него не было ни следа улыбки.

— И к тому же неужели вы предполагаете, будто я отвечу вам честно?

Я нахмурился.

— Однако же могу вам сказать, что из-за всех этих историй на подобную работу охотников теперь мало, — непринужденно сообщил Слит. — Хотя, надо сказать, на такую работу и спрос-то в здешних краях невелик. Мы тут все такие цивилизованные...

— Хотя, конечно, не факт, что вы бы знали об этом, если бы даже

нечто подобное и имело место.

Слит снова улыбнулся.

— Именно!

Он подался вперед.

— Ну все, довольно болтовни. Что именно вы ищете?

— Мне нужна схема некоего артефакта.

Он поставил локти на стол.

— И?..

— И она содержит руны, которые Килвин сообщает только тем, кто достиг ранга эл'те.

Слит деловито кивнул.

— И как скоро она вам нужна? Через несколько часов? Через несколько дней?

Я подумал о Виле и Симе, которые ради меня не спят ночами.

— Чем скорей, тем лучше.

Слит сделался задумчив и долго смотрел вдаль.

— Ну, это будет стоить немалых денег, и к тому же не могу гарантировать, что добуду ее точно в срок.

Он снова посмотрел на меня.

— Но, если вы попадетесь, самое меньшее, что вам грозит, — это «противозаконное познание».

Я кивнул.

— А вы знаете, что вам за это светит?

— «За противозаконное познание арканума, не причинившее ущерба другим людям, — процитировал я, — виновный студент подвергается штрафу в размере не более двадцати талантов, либо порке кнутом, не более десяти ударов, либо отстранению от арканума, либо исключению из Университета».

— Меня лично оштрафовали на целых двадцать талантов и отстранили от обучения на две четверти, — угрюмо сказал Слит. — И это — всего лишь за алхимию ре'ларского уровня. За сведения уровня эл'те наказание будет более суровым.

— Сколько? — спросил я.

— При условии, что я добуду ее в течение нескольких дней...

Он задумчиво посмотрел на потолок.

— Тридцать талантов.

Сердце у меня упало, но я не подал виду.

— Торг уместен?

Он снова сверкнул своей белозубой улыбкой.

— Я беру еще и услугами, — сказал он. — Но за тридцать талантов это должна быть очень серьезная услуга.

Он задумчиво взглянул на меня.

— Быть может, мы и сумеем договориться на этот счет. Но должен предупредить: когда я потребую с вас услугу, она должна быть выполнена. Здесь уже никакой торг не уместен.

Я спокойно кивнул, давая ему понять, что я все понял. Однако почувствовал, как нутро у меня скрутилось в холодный узел. Это была плохая идея. Я это задницей чуял.

— У вас есть другие кредиторы? — спросил Слит. — И не вздумайте лгать, я об этом узнаю.

— Я должен шесть талантов, — небрежно ответил я. — Их нужно вернуть до конца четверти.

Он кивнул.

— Насколько я понимаю, вряд ли вам удалось взять в долг у кого-нибудь из ростовщиков. Вы обращались к Хеффрону?

Я покачал головой.

— К Деви.

Слит впервые за все время нашей беседы утратил самообладание, его обаятельная улыбка мгновенно испарилась.

— Деви?

Он подобрался, выпрямился, тело его внезапно напряглось.

— Нет. Боюсь, мы не договоримся. Если бы у вас были наличные, тогда дело другое.

Он покачал головой.

— Нет, нет. Если Деви уже частично вами владеет...

От его реакции я похолодел, но потом сообразил, что он просто набивает цену.

— А что, если я позаимствую денег у вас, с тем чтобы рассчитаться с ней?

Слит покачал головой, былая непринужденность отчасти вернулась к нему.

— Это фактически браконьерство, — сказал он. — В настоящий момент Деви в вас заинтересована. Она в вас вложилась.

Он отхлебнул пива и многозначительно кашлянул.

— И она будет не в восторге, если кто-то попытается перехватить то, на что претендует она.

Я приподнял бровь.

— Боюсь, я напрасно доверился вашей репутации, — сказал я. —

Разумеется, это было глупо с моей стороны.

Его лицо нахмурилось.

— Что вы имеете в виду?

Я махнул рукой.

— Прошу вас, будьте так добры, признайте, что я хотя бы вполовину настолько умен, как обо мне рассказывают! — сказал я. — Если вы не можете раздобыть то, что мне надо, просто так и скажите. И не будем тратить мое время, обсуждая цену того, что невозможно достать, или отделяваясь надуманными предложениями!

Слит, похоже, не знал, обидеться ему или нет.

— И что же именно представляется вам надуманным?

— Смотрите сами, — сказал я. — Вы готовы нарушить университетский устав, навлечь на свою голову гнев магистров, констеблей и железный закон Атура. И при этом у вас дрожат коленки из-за какой-то девчонки?

Я фыркнул и повторил жест, который он сделал незадолго до этого: как будто смял что-то и выбросил через плечо.

Он пристально посмотрел на меня, а потом расхохотался.

— Да-да, именно так, — сказал он, утирая слезы, выступившие у него на глазах от смеха. — Очевидно, я тоже был обманут вашей репутацией. Если вам кажется, будто Деви — просто девчонка, вы далеко не столь умны, как я о вас думал.

Слит посмотрел мне за спину, кивнул кому-то, кого я видеть не мог, и махнул рукой.

— Ступайте, — сказал он. — Я веду дела с разумными людьми, которые соображают, как устроен мир. А на вас я только даром время трачу.

Я весь оцетинился от злости, но заставил себя не показывать этого.

— Еще мне нужен арбалет, — сказал я.

Он покачал головой.

— Нет, я же уже сказал. В займы не дам, услуг не приму.

— Я могу предложить что-нибудь взамен.

Он посмотрел на меня скептически.

— И какой арбалет вам нужен?

— Любой, — ответил я. — Не обязательно красивый. Главное, чтоб стрелял.

— Восемь талантов, — сказал он.

Я взглянул на него исподлобья.

— Не оскорбляйте меня. Это же банальная контрабанда. Ставлю десять талантов против пенни, что арбалет вы можете раздобыть за пару

часов. Если вы будете пытаться содрать с меня лишку, я просто пойду за реку и куплю арбалет у Хеффрона.

— Ступайте, купите у Хеффрона, — сказал он, — и тогда вам придется тащить его сюда из Имре. Констебль будет в восторге.

Я пожал плечами и отодвинул стул от стола, собираясь встать.

— Три таланта пять йот, — сказал Слит. — Имейте в виду, он будет подержанный. И со стремянем, а не с воротом.

Я мысленно подсчитал.

— Возьмете унцию серебра и катушку тонкой золотой проволоки? — спросил я, доставая их из кармана плаща.

Темные глаза Слита слегка затуманились — он делал свои подсчеты.

— Себе в убыток работаю!

Он взял катушку блестящей проволоки и маленький слиток серебра.

— За кожевенной мастерской Гримсома стоит дождевая кадка. Через пятнадцать минут арбалет будет за ней.

Он смерил меня оскорбленным взглядом.

— За пару часов? Нет, вы-таки меня не знаете!

* * *

Несколько часов спустя Фела вынырнула из-за архивных шкафов и застала меня у двери с четырьмя табличками. Не то чтобы я ее толкал. Так, слегка надавил. Просто проверял, правда ли она заперта. Да, она была заперта.

— Я так понимаю, хранистам не рассказывают, что там за ней? — спросил я без особой надежды.

— Ну, если даже и рассказывают, мне пока не говорили, — сказала Фела, подойдя к двери и проведя пальцами по буквам, выбитым в камне: «ВАЛАРИТАС».

— Один раз я видела эту дверь во сне, — сказала Фела. — Как будто «Валаритас» — это древний, давно умерший король. И что за дверью — его гробница.

— Ух ты! — сказал я. — Да, это лучше, чем мои сны про эту дверь.

— А тебе что снилось? — спросила она.

— Один раз мне приснилось, как будто сквозь замочные скважины пробивается свет, — сказал я. — Но в основном мне снится, что я просто стою, гляжу на нее и пытаюсь попасть внутрь.

Я нахмурился, глядя на дверь.

— Как будто меня недостаточно разочаровывает то, что я не могу туда попасть наяву! Мне еще и во сне приходится делать то же самое!

Фела негромко рассмеялась в ответ, потом обернулась лицом ко мне.

— Я получила твою записку, — сказала она. — Что это за исследовательский проект, на который ты так туманно намекаешь?

— Давай-ка уйдем куда-нибудь, где можно поговорить наедине, — сказал я. — Это долгая история.

Мы ушли в одну из читальных норок, я закрыл дверь и рассказал ей все с начала до конца, со всеми неприятными подробностями. Кто-то наводит на меня порчу. К магистрам я обратиться не могу, иначе может открыться, что именно я вломился в комнаты Амброза. Мне нужен грэм, чтобы защитить себя, но я не знаю нужных рун.

— Порча... — вполголоса сказала она, испуганно качая головой. — Ты уверен?

Я расстегнул рубашку, спустил ее с плеча и показал Феле темный синяк на плече, оставшийся после атаки, которую я сумел отразить лишь частично.

Фела наклонилась, чтобы разглядеть его поближе.

— И ты действительно не знаешь, кто это может быть?

— Вообще-то нет, — ответил я, стараясь не думать о Деви. Об этой своей оплошности я предпочел пока умолчать. — Ты извини, что я тебя в это втягиваю, но ты единственная, кто...

Фела замахала руками.

— Да брось ты! Я же тебе говорила: если тебе что-то понадобится, тебе достаточно только сказать. Я рада, что ты ко мне обратился.

— Я рад, что ты рада, — сказал я. — Если сможешь мне разобраться с этим, считай, что теперь я твой должник. Я теперь уже лучше научился разыскивать здесь то, что мне нужно, но все-таки я еще новичок.

Фела кивнула.

— На то, чтобы научиться ориентироваться в хранилище, нужны годы. Архивы все равно что город.

Я улыбнулся.

— Я тоже думаю о них как о городе. И я здесь живу еще недостаточно давно, чтобы выучить все ходы и выходы.

— Боюсь, они-то тебе и понадобятся, — поморщилась Фела. — Если Килвин и в самом деле считает, что эти руны опасны, значит, большинство тех книг, что тебе нужны, находится в его личной библиотеке.

Сердце у меня упало.

— В личной библиотеке?

— У каждого магистра имеется своя личная библиотека, — сказала Фела так, словно это само собой разумелось. — Я немного разбираюсь в алхимии и потому помогала отбирать книжки с формулами, которые, по мнению Мандрага, нельзя доверять кому попало. А хранисты, которые разбираются в сигалдри, делают то же самое для Килвина.

— Так, значит, все бесполезно? — сказал я. — Если все эти книги хранятся под замком у Килвина, значит, я не смогу найти то, что мне нужно!

Фела улыбнулась и покачала головой.

— Видишь ли, система несовершенна. Из всех архивов должным образом каталогизировано не больше трети. То, что ты ищешь, наверняка еще находится где-нибудь в хранилище. Главное — его найти.

— Мне даже всей схемы-то не надо, — сказал я. — Если бы я знал несколько нужных рун, остальное я бы уж как-нибудь сообразил, наверное.

Фела озабоченно взглянула на меня.

— Послушай, разумно ли это?

— Благоразумие — это роскошь, которой я себе позволить не могу, — сказал я. — Вил с Симом и так уже две ночи меня караулят. Не могут же они все ближайшие десять лет спать посменно?

Фела глубоко вздохнула и медленно выпустила воздух.

— Ну, ладно. Начнем с тех книг, что есть в каталогах. Может быть, то, что тебе нужно, ускользнуло от внимания хранистов.

Мы набрали несколько десятков книг по сигалдри, закрылись в одной из самых уединенных читальных норок на четвертом этаже и принялись проглядывать их одну за другой.

Поначалу мы надеялись обнаружить полную схему грэма, но по прошествии нескольких часов умили свои аппетиты. Если не целую схему, то хотя бы ее описание! Или, может быть, упоминание о последовательности используемых рун... Или название одной-единственной руны... Намек. Подсказку. Обрывок. Кусочек головоломки.

Наконец я закрыл последнюю из книг, которые мы притащили в читальную норку. Книга гулко бухнула.

— Ничего не нашел? — устало спросила Фела.

— Ничего.

Я потер лицо обеими руками.

— Удача нам не улыбнулась.

Фела пожала плечами, поморщилась, подвигала головой, чтобы размять затекшую шею.

— Все равно, начать с наиболее очевидного было разумно. Но это,

вероятно, те самые полки, которые хранисты прочесали по просьбе Килвина. Нам просто надо зарыться поглубже.

Издалека донесся бой часового колокола. Я удивился, как уже много времени. На наши изыскания ушло больше четырех часов.

— Ой, ты занятие пропустила! — сказал я.

— Да ладно, это всего лишь геометрия, — ответила Фела.

— Какая же ты замечательная! — сказал я. — Ну а что разумнее всего делать теперь?

— Долго и нудно копаться в хранилище, — сказала она. — Но это будет все равно что мыть золото. Десятки часов, и то при условии, что мы станем работать вместе, чтобы не дублировать уже сделанную работу.

— Можно попросить помочь Вила и Сима, — предложил я.

— Вилем здесь работает, — сказала Фела. — Но Симмон никогда не работал хранистом, он, скорее всего, только под ногами путаться будет.

Я взглянул на нее странно.

— А ты хорошо знаешь Сима?

— Да нет, не очень, — призналась она. — Так, изредка пересекались.

— Ты его недооцениваешь, — сказал я. — Его многие недооценивают. Сим умный.

— Да у нас тут все не дураки, — сказала Фела. — Сим, конечно, славный, но...

— В этом-то все и дело, — сказал я. — Он славный. Он добрый, людям это кажется слабостью. И радостный, людям это кажется глупостью.

— Да нет, я вовсе не это имела в виду! — возразила Фела.

— Я понимаю, — сказал я, растирая лицо. — Ты извини. Последние два дня выдались очень тяжелыми. Я думал, в Университете все не так, как в остальном мире, а тут как везде: все заискивают перед напыщенными мерзавцами вроде Амброза, а добрые души вроде Симмона отметаю как простачков.

— Ну а ты кто такой? — с улыбкой спросила Фела, принимаясь собирать книги. — Напыщенный мерзавец или добрая душа?

— Потом выясню, — сказал я. — А пока что у меня есть более неотложные дела.

ГЛАВА 26

ДОВЕРИЕ

Хотя я был практически уверен, что за наведением порчи стоит не Деви, глупо было бы игнорировать тот факт, что у нее есть моя кровь. Так что, когда стало очевидно, что на изготовление грэма потребуется немало времени и сил, я понял, что пора навестить ее и убедиться, что она тут ни при чем.

День был мерзкий: холодный, сырой ветер пробирал до костей. У меня не было ни перчаток, ни шляпы. Пришлось накинуть на голову капюшон и спрятать руки под плащ, закутавшись в него поплотнее.

Когда я переходил Каменный мост, меня осенила новая мысль: может быть, мою кровь у Деви кто-то украл? Это выглядело логичнее, чем все остальное. Да, надо убедиться, что бутылочка с моей кровью хранится в надежном месте. Если бутылочка по-прежнему у Деви и с ней ничего не случилось, значит, Деви точно ни в чем не замешана.

Я дошел до западной окраины Имре. Там я зашел в трактир, выпить слабенького пивка и погреться у огня. Потом я пересек знакомый переулок и поднялся по узкой лестнице за лавкой мясника. Несмотря на холод и недавний дождь, в воздухе по-прежнему висел запах тухлого сала.

Я перевел дух и постучался.

Дверь открылась примерно минуту спустя, в узкой щелке показалось личико Деви.

— О, привет! — сказала она. — Ты как, по делу или просто в гости?

— В основном по делу, — признался я.

— Жаль, жаль!

Она отворила дверь.

Входя в комнату, я запнулся за порог, неуклюже натолкнулся на нее и на миг ухватился за ее плечо, чтобы не упасть.

— Извини... — смутился я.

— Ну и видок у тебя! — сказала она, запирая дверь. — Надеюсь, ты не за деньгами? Я не ссужаю денег людям, которые выглядят так, словно только что пришли в себя после трехдневного запоя.

Я устало плюхнулся на стул.

— Да нет, я тебе книжку принес, — сказал я, достав ее из-под плаща и положив на стол.

Она кивнула и слегка улыбнулась.

— Ну и как тебе старый добрый Малкаф?

— Сухой. Многословный. Нудный.

— Ага, и картинок маловато, — кивнула Деви. — Но это все не имеет отношения к делу.

— Ну, его теория восприятия как активной силы довольно интересна, — признал я. — Но он пишет так, словно боится, как бы его кто-нибудь не понял!

Деви кивнула, поджав губы.

— Ну да, и я подумала примерно то же самое.

Она протянула руку и подвинула книгу поближе к себе.

— А как тебе глава о проприоцепции?

— Такое ощущение, что его аргументация основана на глубочайшем невежестве, — сказал я. — В медике я встречал людей с ампутированными конечностями. По-моему, Малкафу таких видеть не приходилось.

Я наблюдал за нею, ища малейшие признаки вины, хоть какие-то намеки на то, что она наводит на меня порчу. Ничего подобного я не обнаружил. Она выглядела совершенно такой же, как обычно, бойкой и острой на язык. Но я вырос среди актеров. Я знаю, как много есть способов скрыть свои подлинные чувства.

Деви преувеличенно нахмурилась.

— Ты чего такой серьезный? О чем задумался?

— У меня к тебе пара вопросов, — уклончиво ответил я. Мне не хотелось начинать этот разговор. — И не о Малкафе.

— Ох, я так устала оттого, что меня ценят исключительно за интеллект! — она развалилась на стуле и закинула руки за голову. — Когда же я, наконец, сумею найти парня, которого будет интересовать только мое тело?

Она принялась было сладострастно потягиваться, но остановилась и удивленно уставилась на меня.

— Ну а как же пошутить? Обычно ты куда острей на язык!

Я вяло улыбнулся в ответ.

— Ты знаешь, у меня голова сейчас другим занята. Боюсь, мне сегодня не по силам состязаться с тобой в остроумии.

— Да я никогда и не думала, будто ты способен потягаться со мной в остроумии! — сказала Деви. — Просто, знаешь, хочется иногда поболтать о том о сем.

Она подалась вперед и сложила руки на столе.

— Ну, какие у тебя вопросы?

— Ты в Университете много занималась сигалдри?

— О, так это личное! — она вскинула бровь. — Да нет. Она меня не интересует. Слишком кропотливая работа, на мой вкус.

— Ты никогда не казалась мне женщиной, которая чурается кропотливой работы, — заметил я, снова заставив себя улыбнуться.

— О, уже лучше! — одобрительно кивнула Деви. — Я так и знала, что для тебя не все потеряно.

— Я так понимаю, у тебя нет никаких книг по высшей сигалдри? — спросил я. — Ну, из тех, которые ре'ларам читать не положено?

Деви покачала головой.

— Да нет. Зато у меня есть отличные работы по алхимии. Такое, чего и в ваших ненаглядных архивах не сыщешь!

Последнюю фразу она произнесла с горечью.

И тут головоломка у меня в голове сложилась вместе. Нет, Деви не настолько небрежна, чтобы позволить кому-то похитить мою кровь. И продать она ее не продаст. В деньгах она не нуждается. Против меня лично она тоже ничего не имеет.

Но Деви продаст даже свой глазной зуб ради того, чтобы попасть в архивы!

— Забавно, что ты упомянула алхимию, — сказал я как можно более ровным тоном. — Ты не слышала о такой штуке — «коринковый боб» называется?

— Слышала, конечно, — беспечно ответила она. — Редкостная пакость. У меня, кажется, и формула есть...

Она развернулась к полкам с книгами.

— Хочешь взглянуть?

Лицо ее не выдало, нет, но при некотором навыке лицо сможет контролировать кто угодно. Не выдало ее и тело. Так, плечи чуть-чуть напряглись, движение чуть замедлилось...

Ее подвели глаза. Когда я упомянул коринковый боб, они как-то по-особому блеснули. И не просто понимающе, нет — виновато. Ну да, конечно. Это она продала формулу Амброзу.

А зачем? Потому что Амброз — хранист высокого ранга. Он может тайком провести ее в архивы. Черт возьми, да при его возможностях ему даже не обязательно это делать! Все знают, что Лоррен иногда пускает в архивы ученых, не принадлежащих к аркануму, особенно если их покровители готовы вымостить путь щедрым жертвованием. Амброз когда-то купил целый трактир только ради того, чтобы насолить мне! На что же он готов пойти ради того, чтобы завладеть моей кровью?

Нет. Вил с Симом были правы на этот счет. Амброз не станет марать руки, если этого можно избежать. Ему куда проще нанять Деву, чтобы она сделала за него всю грязную работу. Ее уже исключили. Ей терять нечего, а приобрести она может все тайны архивов.

— Да нет, спасибо, — сказал я. — Я алхимией особо не интересуюсь.

Я перевел дух и решил взять быка за рога:

— Мне нужно посмотреть на мою кровь.

Жизнерадостная улыбка Девы застыла у нее на лице. Губы по-прежнему улыбались, но глаза сделались ледяные.

— Прошу прощения?

На самом деле это был не вопрос.

— Мне нужно посмотреть на кровь, которую я оставил здесь, у тебя, — сказал я. — Убедиться, что с ней все в порядке.

— Боюсь, ничего не получится, — улыбка исчезла с ее лица, губы сомкнулись в тонкую ниточку. — Так дела не делаются. Кроме того, не думаешь же ты, что я настолько глупа, чтобы хранить такое дома?

Сердце у меня упало, но я все еще не хотел поверить в случившееся.

— Ну, мы можем сходить туда, где она хранится, — спокойно ответил я. — А то кто-то наводит на меня порчу. Мне нужно убедиться, что кровь осталась нетронутой. Только и всего.

— Ага, так я тебе и показала, где все это хранится! — ответила Дева с убийственным сарказмом. — Ты что, башкой приложился или как?

— Боюсь, я вынужден буду настоять на своем.

— Валяй, бойся! — бросила Дева, злобно зыркнув на меня. — Настаивай сколько хочешь! Меня это не кольшет!

Это она. У нее не могло быть других причин отказывать мне в этой просьбе.

— Раз ты отказываешься мне ее показать, — продолжал я, стараясь говорить ровным и уверенным тоном, — я вынужден сделать вывод, что ты кому-то продала мою кровь или же по какой-то причине изготовила мою восковую куклу для себя.

Дева откинулась на спинку стула и нарочито небрежно скрестила руки на груди.

— Можешь делать свои дурацкие выводы, сколько душе угодно! Расквитаешься с долгом — тогда и кровь свою увидишь, и ни секундой раньше.

Я достал из-под плаща восковую куклу и положил руку на стол так, чтобы Дева ее видела.

— Это что, я, что ли? — сказала она. — С такой-то задницей?

Но эти слова были лишь пустой шелухой от неудачной шутки.

Тон у нее был резкий и гневный. Взгляд жесткий.

Второй рукой я достал короткий рыжеватый волосок и прилепил его к голове куклы. Рука Девы невольно дернулась к прическе, на лице отразился ужас.

— Кто-то меня атакует, — сказал я. — Мне необходимо убедиться, что моя кровь...

На этот раз, когда я упомянул свою кровь, я заметил, как ее глаза метнулись к одному из ящичков стола, а пальцы слегка дернулись.

Я встретился с ней взглядом.

— Не надо! — мрачно сказал я.

Рука Девы устремилась к ящичку и резко выдвинула его.

Я ни на миг не усомнился, что в ящичке лежит мое восковое изображение. Нельзя было допустить, чтобы оно очутилось у нее в руках. Я сосредоточился и пробормотал связывание.

Рука Девы дрогнула и замерла на полпути к открытому ящичку.

Я не сделал ей ничего плохого. Не жег ее огнем, не причинял ей боли, ничего из того, что она делала со мной на протяжении нескольких предыдущих дней. Это связывание должно было лишь обездвижить ее. Зайдя по пути в трактир, чтобы согреться, я взял из тамошнего очага щепотку золы. Источник был не самый удачный, и он находился дальше, чем хотелось бы, но все же лучше, чем ничего.

И все же я смогу продержаться таким образом не дольше нескольких минут, прежде чем вытяну из очага столько тепла, что он угаснет. Однако этого времени мне должно хватить на то, чтобы вытянуть из нее правду и забрать куклу, которую она сделала.

Глаза у Девы сделались безумными. Она изо всех сил пыталась освободиться.

— Да как ты смеешь! — заорала она. — Как ты смеешь!

— А ты как смеешь, а? — гневно бросил я в ответ. — А ведь я тебе доверял! Самому теперь не верится! Я тебя оправдывал перед своими друзьями...

Я осекся: произошло немыслимое. Невзирая на мое связывание, Дева сумела пошевелиться. Ее рука поползла к открытому ящичку.

Я сосредоточился сильнее, и рука Девы остановилась. А потом все-таки медленно-медленно поползла вперед и дотянулась до ящичка. Я не верил своим глазам.

— Думаешь, ты можешь вот так вот заявиться сюда и угрожать мне? — прошипела Дева. Ее лицо превратилось в гневную маску. —

Думаешь, я за себя постоять не сумею? Я успела стать ре'ларом до того, как меня вышибли, ты, недоделок! И я это заслужила! Мой алар — как океан в бурю!

Ее рука полностью исчезла в ящике.

Я почувствовал, как на лбу у меня выступил липкий холодный пот, и еще раз разделил свой разум натрое. Я снова пробормотал нужные слова, и каждая из частей моего разума создала отдельное связывание. Все они были заняты тем, чтобы остановить ее. Я извлекал тепло из своего тела, чувствуя, как холодеют руки, пока я приближался к ней. Всего пять связываний. Это был мой предел.

Девушка сделалась неподвижна как камень, гортанно хохотнула и расплылась в ухмылке.

— Молодец, молодец, детка! Теперь я даже верю всему, что про тебя болтают. Но с чего ты взял, будто ты способен на то, чего не сумел даже сам Элкса Дал? Как ты думаешь, за что меня исключили? Они испугались женщины, которая на втором году обучения одолела магистра!

Ее светлые волосы намокли от пота и прилипли ко лбу. Она стиснула зубы, ее эльфячье личико исполнилось звериной решимости. Рука ее снова задвигалась.

А потом она внезапным рывком выхватила руку из ящика, как будто вырвала ее из густой глины. И шваркнула на стол что-то круглое и металлическое. Огонек лампы дернулся и зашипел. Это была не кукла. И не бутылочка с моей кровью.

— Су-ука! — почти ласково пропела она. — Что ж ты думал, я на такое не рассчитывала? Что же ты думал, ты первый, что ли, кто вздумал явиться и попробовать взять надо мной верх?

Она отвернула крышечку серого металлического шарика. Крышечка щелкнула, и Девушка медленно отвела руку. Невзирая на все свои усилия, остановить ее я не мог.

Я только теперь узнал устройство, которое она достала из ящика. Я проходил такие с Манетом в прошлой четверти. Килвин называл их «портативными экзотермическими усилителями», но все остальные звали их карманными грелками или «сиротками».

Внутри был керосин, нефть или сахар. Будучи активирован, сиротка выжигал топливо, в течение пяти минут распространяя вокруг себя такой же жар, как от горна. Потом его надо было разобрать, почистить и перезарядить. Эти штуки были грязные, довольно опасные и часто ломались от стремительного нагрева и остывания. Однако на короткое время они могли дать симпатисту столько же энергии, сколько целый

костер.

Я ушел в «каменное сердце» и отделил еще одну часть своего разума, пробормотав шестое связывание. Потом попытался создать седьмое, но не смог. Я устал, мне было плохо. Руки у меня заledenели, а я столько всего перенес в последние несколько дней... Но я стиснул зубы и заставил себя вполголоса пробормотать нужные слова.

Шестого связывания Деви как будто и не заметила. Двигаясь медленно, точно стрелка часов, она вытянула из своего рукава нитку. Сиротка издал стонающий металлический скрежет, и от него волнами повалил жар.

— Прямо сейчас у меня нет настоящей связи с тобой, — сказала Деви, пока рука с ниткой медленно ползла к сиротке. — Но если ты не убережешь свои связи, я использую эту нитку, чтобы спалить на тебе всю одежду, и буду улыбаться, слушая, как ты вопишь!

Странно, какие мысли приходят в голову в такие моменты. Первое, о чем я подумал, — это не о страшных ожогах, а о том, что плащ, который подарила мне Фела, пропадет и останусь я всего с двумя рубашками.

Мои глаза метнулись в сторону стола, на котором лак уже пошел пузырями вокруг сиротки. Я чувствовал бьющий в лицо жар.

Я знаю, когда нужно признать поражение и сдаться. Я разорвал связи, и мысли мои смешались оттого, что все части разума слились воедино.

Деви повела плечами.

— Ну-ка, брось ее! — приказала она.

Я разжал руку, и восковая кукла, скособочившись, упала на стол. Я положил руки на колени и замер, не желая ее напугать или сделать жест, который покажется ей угрожающим.

Деви встала и перегнулась через стол. Она провела рукой по моим волосам, потом сжала кулак и вырвала несколько волосков. Я невольно ойкнул.

Деви снова села, взяла куклу и заменила свой волосок моими. И пробормотала связывание.

— Деви, ты не понимаешь, — сказал я. — Мне просто надо было...

Связывая Деви, я сосредоточился на ее руках и ногах. Это самый эффективный способ остановить человека. У меня был очень слабый источник тепла, и я не мог тратить энергию на что-то другое.

Но у Деви сейчас тепла было завалилось, и ее связывание было как железные тиски. Я не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, ни челюстью, ни языком. Я даже дышал с трудом, неглубокими вдохами, не требующими движения грудной клетки. Это было жутко. Казалось, чья-то рука сдавила

мне сердце.

— А я тебе доверяла.

Голос Деви был стальным и резким, как хирургическая пила с мелкими зубьями, врезающаяся в ампутруемую ногу.

— Я тебе доверяла!

Она смерила меня взглядом, исполненным ярости и отвращения.

— Да, действительно, сюда приходил человек, который хотел купить твою кровь. Пятьдесят пять талантов давал. Я ему отказала. Отказала, потому что у нас с тобой были деловые отношения. Я всегда выполняю условия сделки.

«Кто?!» — хотел было крикнуть я. Но сумел выдать только невнятное «гу-гу».

Деви взглянула на восковую куклу, которую держала в руке, потом на сиротку, который уже выжег обугленный круг на столе.

— Теперь с нашими деловыми отношениями покончено, — сухо сказала она. — За тобой остается долг. До конца четверти вернешь мне деньги. Девять талантов. Если опоздаешь хоть на полсекунды, я продам твою кровь, чтобы вернуть вложенные деньги, и умою руки на твой счет.

Она смерила меня ледяным взглядом.

— Это куда больше, чем ты заслуживаешь. Твоя кровь по-прежнему у меня. Если вздумаешь пойти к магистрам в Университете или к констеблю в Имре, для тебя это плохо кончится.

Стол уже дымился, и Деви поднесла восковую куклу к потрескивающему металлу сиротки. Она пробормотала что-то себе под нос, и я почувствовал, как меня накрыло волной жара. Это было точь-в-точь как те внезапные приступы горячки, которые посещали меня в течение последних дней.

— Когда я разорву связь, ты скажешь: «Я все понял, Деви». И уйдешь прочь. В конце четверти пришлешь кого-нибудь с деньгами, которые ты мне должен. Сам приходить не смей. Я тебя больше видеть не желаю.

Деви взглянула на меня с таким презрением, что я до сих пор ежусь, вспоминая об этом. А потом плюнула в меня. Мелкие капельки слюны упали на сиротинку и зашипели.

— Если я тебя еще хоть раз увижу, хотя бы краем глаза, для тебя это плохо кончится.

Она подняла восковую куколку над головой и с размаху раздавила ее об стол. Если бы я мог дернуться или завопить от ужаса, непременно бы так и сделал.

Куколка разлетелась на куски, руки и ноги у нее оторвались, голова

покатилась по столу и упала на пол. Я ощутил резкий удар, как будто рухнул навзничь на каменный пол с высоты полутора метров. Меня это напугало, но особого вреда не причинило. Невзирая на весь свой ужас, в глубине души я невольно восхитился ее точным расчетом и безупречным контролем.

Удерживавшая меня связь распалась, и я наконец перевел дыхание.

— Я все понял, Деви, — сказал я. — Но я...

— Пшел вон!!! — заорала она.

И я ушел. Мне хотелось бы сказать, что я удалился с достоинством, но это была бы неправда.

ГЛАВА 27

ДАВЛЕНИЕ

Вил с Симом ждали меня в дальнем углу общего зала «У Анкера». Я принес две кружки пива и поднос, нагруженный свежим хлебом, маслом, сыром, фруктами и мисками с густой горячей похлебкой из мяса и репы.

Вилем потер глаз ладонью. Его смуглая сильдийская физиономия слегка осунулась, но в остальном он, похоже, не особо страдал от трехдневного недосыпа.

— С чего это ты расщедрился?

— Хочу подкрепить ваши силы, — сказал я.

— Да ладно тебе, — сказал Сим. — Я вот неплохо отоспался на лекции по возгонке.

У него появились небольшие синяки под глазами, но в целом и он, похоже, был еще ничего.

Вилем принялся накладывать еду себе в тарелку.

— Ты говорил, у тебя новости. Какие новости?

— Разные, — ответил я. — Вам сначала какую, плохую или хорошую?

— Начни с плохой, — сказал Симмон.

— Килвин не дает мне чертежи, которые нужны для изготовления грэма. Там требуется сигалдри. Руны крови и кости и все такое. Он считает, что это слишком опасные сведения, чтобы доверить их ре'лару.

— А он не сказал почему? — с любопытством спросил Симмон.

— Не сказал, — признался я. — Но я догадываюсь. Их можно использовать для самых разных неприятных вещей. Например, сделать небольшой металлический диск с дырочкой. Если капнуть на него каплю чьей-нибудь крови, можно сжечь этого человека заживо.

— Господи, ужас какой! — Сим положил ложку на стол. — Слушай, почему тебе вечно всякая дрянь на ум приходит?

— Ну, это любой член арканума может сделать с помощью простейшей симпатии, — заметил Вилем.

— Это очень разные вещи, — возразил я. — Если сделать такое устройство, им сможет воспользоваться кто угодно. Столько раз, сколько потребуется.

— Это же безумие! — воскликнул Симмон. — Зачем вообще такое делать?

— Ради денег, — мрачно ответил Вилем. — Ради денег люди вечно творят всякие глупости.

Он многозначительно взглянул на меня.

— Например, берут в долг у кровожадных гатессоров.

— Кстати, насчет второй новости, — смущенно сказал я. — Я ходил к Деви.

— Что, один?! — сказал Симмон. — Ты что, дурак?

— Да, — кивнул я. — Но не потому, что ты думаешь. Разговор вышел довольно неприятный, но теперь я точно знаю, что порчу наводит не она.

Вилем нахмурился.

— Но если не она, тогда кто же?

— Остается только один разумный вариант, — сказал я. — Это Амброз.

Вил покачал головой.

— Это мы уже проходили. Амброз на такое никогда не пойдет. Он...

Я поднял руку, прерывая его.

— Он не рискнул бы наводить порчу на меня, — согласился я. — Но мне кажется, он не знает, кого атакует.

Вилем умолк и призадумался.

— Подумай сам, — продолжал я. — Если бы Амброз заподозрил, что это был я, он бы пошел к магистрам и выдвинул обвинение против меня. Он уже так делал.

Я потер пострадавшую руку.

— Они бы обнаружили мои травмы, и тогда я бы попался.

Вил опустил глаза.

— Краэм! — выругался он. — Логично. Он может подозревать, что это ты нанял вора, но не думает, что ты залез к нему сам. Он бы на твоём месте никогда так не сделал.

Я кивнул.

— Вероятно, он пытается найти того человека, который залез к нему в номер. Или просто хочет отомстить, тем более что это нетрудно. Это объясняет, отчего атаки становятся все сильнее. Он, наверно, думает, что вор сбежал в Имре или в Тарбеан.

— Надо сообщить об этом магистрам! — сказал Симмон. — Пусть обыщут его номер сегодня же вечером. За такое его исключат, да еще и высекут вдобавок!

Он расплылся в кровожадной ухмылке.

— Господи, я бы заплатил десять талантов только за то, чтобы мне позволили самому взяться за кнут!

Я хихикнул. Надо же, какая свирепость! Разгневать Сима было нелегко, но уж если тебе это удалось, пути назад не было.

— Нельзя, Сим.

Сим изумленно уставился на меня.

— Ты, должно быть, шутишь! Нельзя же допустить, чтобы это сошло ему с рук!

— Первым делом исключат меня, за то, что я вломился к нему в комнаты. «Неподобающее поведение».

— Ну, за это тебя исключить не могут! — сказал Сим, но голос его звучал неуверенно.

— Рисковать я не стану, — ответил я. — Хемме меня не выносит. Брандье всегда на его стороне. У Лоррена я до сих пор в дурном каталоге.

— Ага, и он еще находит в себе силы шутить! — буркнул Вилем.

— Короче, трое однозначно будут голосовать против меня.

— По-моему, к Лоррену ты несправедлив, — сказал Вилем. — Но ты прав. Тебя исключат. Хотя бы затем, чтобы задобрить барона Джакиса.

Сим посмотрел на Вилема.

— Ты правда так думаешь?

Вил кивнул.

— Возможно, они даже не станут исключать Амброза, — угрюмо сказал он. — Амброз — любимчик Хемме, и магистры понимают, сколько хлопот способен доставить Университету его папаша.

Вил фыркнул.

— А представляете, сколько хлопот доставит сам Амброз, когда унаследует его титул и состояние!

Он опустил глаза и покачал головой.

— Нет, Сим, тут я согласен с Квоутом.

Симмон устало вздохнул.

— Замечательно! — сказал он. И посмотрел на меня пристальным взглядом. — Говорили же тебе! Я тебе с самого начала говорил, чтобы ты оставил Амброза в покое. С ним связываться — это все равно что наступать в медвежий капкан!

— Медвежий капкан? — задумчиво переспросил я.

Сим твердо кивнул.

— Ногу туда сунуть проще простого, а вот обратно ее уже не вытащишь!

— Медвежий капкан! — повторил я. — Это-то мне и надо!

Вилем мрачно хмыкнул.

— Нет, серьезно! — сказал я. — Где можно достать медвежий капкан?

Вил с Симом как-то нехорошо на меня посмотрели, и я решил не искушать судьбу.

— Шучу, шучу, — соврал я, не желая усложнять ситуацию. Ничего, сам добуду.

— Нужно убедиться, что это именно Амброз, — сказал Вилем.

Я кивнул.

— Если он запрется у себя в номере следующие несколько раз, когда я подвергнусь атаке, можно будет считать, что это доказано.

Разговор на время иссяк. Пару минут мы ели молча, погружившись каждый в свои мысли.

— Ладно, — сказал Симмон, очевидно сделав какие-то выводы. — На самом деле все остается по-прежнему. Тебе нужен грэм. Верно?

Он посмотрел на Вила — тот кивнул, — потом снова на меня.

— Ладно, выкладывай теперь хорошие новости, пока я не убился об стену.

Я улыбнулся.

— Фела согласилась помочь мне отыскать в архивах схему грэма. И если вы двое, — я указал на них, — согласитесь присоединиться к нам, вам предстоит провести немало долгих, утомительных часов в обществе самой красивой женщины по эту сторону реки Омети!

— Ну, возможно, у меня найдется немного свободного времени... — небрежно сказал Вилем.

Симмон улыбнулся.

* * *

Так начались наши поиски в архивах.

Как ни странно, поначалу это было довольно весело, почти как игра. Мы разбегались по разным уголкам архивов, а потом возвращались и все вместе прочесывали найденные книги. Мы часами шутили и болтали, получая удовольствие от поисков и общества друг друга.

Но часы превращались в дни бесплодных поисков, и мало-помалу возбуждение выгорело, оставив лишь угрюмую решимость. Вил и Сим продолжали стеречь меня по ночам, защищая меня своим аларом. День за днем они не высыпались, становясь все мрачнее и раздражительней. Я сократил свой сон до пяти часов, чтобы им было полегче.

В обычных обстоятельствах пяти часов сна мне бы хватало с запасом, но я все еще не оправился от своих травм. И к тому же мне нужно было

постоянно поддерживать хранящий меня алар. Это выматывало.

На третий день поисков я начал клевать носом на металлургии. Я и задремал-то всего на полминуты, прежде чем уронил голову и от этого проснулся. Но ледяной ужас преследовал меня до конца дня. Если бы Амброз атаковал меня в этот момент, мне бы пришел конец.

Так что я принялся тратить свои иссякающие деньги на кофе, хотя и не мог себе этого позволить. Вокруг Университета было множество трактиров и кафе, рассчитанных на аристократические вкусы, так что купить кофе было проще простого, но он всегда был недешев. Налрут обошелся бы дешевле, но у него куда более неприятные побочные эффекты, и я не хотел рисковать.

В перерывах между поисками мы пытались проверить мои подозрения насчет того, что в атаках повинен именно Амброз. И в этом мы преуспели. Вил видел, как Амброз вернулся к себе после лекции по риторике, и как раз в это время мне пришлось бороться с приступом заклинательского озноба. Фела видела, как он управился с поздним обедом и поднялся к себе, и четверть часа спустя я ощутил в спине и руках потное покалывание жара.

В тот же вечер я видел, как он возвращается к себе в «Золотой пони» после дежурства в архивах. Вскоре я почувствовал слабое давление на плечи, которое дало мне знать, что он пытается меня уколоть. После плеч последовало несколько тычков в более интимные места.

Вил и Сим согласились, что это не может быть случайным совпадением: это действительно был Амброз. А главное, это позволило убедиться в том, что, что бы ни использовал против меня Амброз, он держал это у себя в номере.

ГЛАВА 28

ВСПЫШКА

Атаки происходили не особенно часто, но всегда внезапно.

На пятый день после начала поисков, когда Амброз, вероятно, был особенно упорен или просто скучал, их было восемь: первая — пока я просыпался в комнате Вилема, еще две — за обедом, еще две — на физиогномике в медике и еще три, одна за другой, когда я работал в артной, обрабатывая железо холодной ковкой.

А на следующий день атак не было вообще. По-своему это было еще хуже. Часы и часы непрерывного ожидания, когда прилетит второй сапог.

Я приучился поддерживать стальной алар, пока ел и мылся, на занятиях и во время разговоров с наставниками и друзьями. Я поддерживал его даже во время дуэлей на симпатии для продолжающих. На седьмой день наших поисков эта постоянная раздвоенность и общее переутомление привели к тому, что я впервые потерпел поражение от двоих своих соучеников, прервав тем самым цепь моих побед.

Я мог бы сказать, что настолько устал, что мне было уже наплевать, но это была бы неправда.

* * *

На девятый день поисков мы с Вилемом и Симмоном пролистывали книгу за книгой в своей читальной норке, когда дверь отворилась и в норку проскользнула Фела. В руках у нее, вместо привычной охапки книг, был один-единственный том. Фела тяжело дышала.

— Нашла! — выдохнула она, сверкая глазами. Она была так возбуждена, что едва не перешла на крик. — Вот он!

Она протянула нам книгу, так чтобы все мы могли прочесть надпись золотом на широком кожаном корешке: «Фацци-Моэн ве Скривани».

Про «Скривани» мы знали давно, с самого начала поисков. Это было обширное собрание схем, созданное давно покойным артефактором по имени Сурт. Двенадцать толстых томов подробных чертежей и описаний. Найдя указатель, мы решили было, что наши поиски уже окончены: там значились «Чертежи, надлежащая до изготовления Бесподобная Пяти-

Граммы, каковая показала себя зело действенною во Предотвращении Злокозненных Симпатии». Том девятый, страница восемьдесят вторая.

Мы обнаружили в архивах восемь изданий «Скривани», но полного собрания так и не нашли. Тома седьмой, девятый и одиннадцатый неизменно отсутствовали, очевидно запрятанные в личной библиотеке Килвина.

Мы убили на поиски целых два дня, прежде чем махнули рукой на «Скривани». Но вот Фела наконец его нашла: не просто кусочек головоломки, а все целиком!

— Что, тот самый том? — переспросил Симмон. В голосе его звучало возбуждение, смешанное с недоверием.

Фела медленно отвела руку от нижней части корешка. На корешке сияла золотая девятка.

Я выскочил из-за стола, второпях едва не опрокинув стул. Но она улыбнулась и подняла книгу над головой.

— Сначала обещай, что угостишь меня ужином!

Я рассмеялся и потянулся за книгой.

— Всех, всех угощу, дайте только управиться с этим делом!

Она вздохнула.

— И скажи, что я лучший хранист на свете!

— Ты самый лучший хранист, какой только был, есть и будет! — сказал я. — Ты вдвое круче Вила, даже если он будет стараться изо всех сил и у него будет дюжина рук и сотня лишних глаз!

— Ой, фу! — Фела вручила мне книгу. — Ладно, держи.

Я бросился к столу и с хрустом раскрыл том.

— Там наверняка страницы вырваны или еще что-нибудь, — вполголоса сказал Симмон Вилу. — Не может быть, чтобы все закончилось так просто. Непременно окажется еще какая-нибудь палка в колесе, я знаю.

Я прекратил листать страницы, протер глаза и, сощурившись, снова уставился на строчки.

— Я так и знал! — сказал Сим, откинувшись назад вместе со стулом и прикрывая ладонями усталые глаза. — Дайте я угадаю. Это серая гниль. Или книжные черви. Или то и другое сразу.

Фела шагнула ко мне и заглянула через плечо.

— Ох, нет! — скорбно воскликнула она. — А я так обрадовалась, что даже не посмотрела...

Она обвела нас взглядом.

— Кто-нибудь из вас понимает на древневинтийском?

— Я понимаю всю эту тарабарщину, что у вас зовется

«атуранским», — кисло ответил Вилем. — Так что я себя считаю достаточно многоязычным.

— Так, чуть-чуть, — сказал я. — Может, пару десятков слов знаю...

— Ну, я понимаю, — сказал Сим.

— Что, правда? — во мне снова пробудилась надежда. — Когда это ты успел его выучить?

Сим подвинулся ко мне вместе со стулом и заглянул в книгу.

— Я ходил на лекции по древневинтийской поэзии, когда первую четверть был э'лиром. И потом еще три четверти занимался ею у ректора.

— А я вот никогда не интересовался поэзией, — сказал я.

— Ну и зря, — с отсутствующим видом сказал Сим, переворачивая страницы. — Древневинтийская поэзия — мощная штука. Она похожа на раскаты грома.

— А какой там размер? — спросил я, поневоле заинтригованный.

— В размерах я не разбираюсь, — рассеянно ответил Симмон, водя пальцем по строчкам, — но звучит это примерно так:

Искали мы «Скривани», Суртово слово,
Затерянное в дебрях, теряя надежду,
Но вот обрела его бравая книжница,
Рыская в хранении; раздумываясь восторженно,
Принеслась, запыхавшись, пылая радостью,
Свежестью спелой красы несказанной.

— В таком вот духе, — отрешенно сказал Симмон, не отрывая взгляда от страницы.

Я увидел, как Фела обернулась и уставилась на Симмона так удивленно, словно никак не ожидала увидеть его здесь.

Или нет: как будто до сих пор он просто занимал место в пространстве рядом с ней, словно какой-нибудь предмет мебели. А тут, посмотрев на него, она восприняла его таким, какой он есть. Его рыжеватые волосы, линию подбородка, широкие плечи под рубашкой. Она не просто посмотрела на него — она его по-настоящему увидела.

И вот что я вам скажу. Все эти жуткие, изматывающие поиски в архивах — все это стоило пережить ради того единственного мгновения. Стоило проливать кровь, пережить страх смерти ради того, чтобы увидеть, как она влюбилась в него. Хотя бы чуть-чуть. То было первое слабое дыхание любви, такое легкое, что она, пожалуй, и сама того не заметила.

Ничего особенно впечатляющего, совсем не похоже на удар молнии с раскатами грома. Скорее — как когда кремень ударяет о сталь и вылетевшая искра исчезает так стремительно, что ее и не заметишь. И все равно ты знаешь, что она никуда не делась, что она вот-вот вспыхнет пламенем.

— А кто вам читал древневинтийскую поэзию? — спросил Вил. Фела моргнула и снова заглянула в книгу.

— Кукла, — сказал Сим. — Я его тогда первый раз и увидел.

— Кукла! — У Вила был такой вид, словно он вот-вот примется рвать на себе волосы. — Убей меня бог, что ж мы к нему-то не обратились? Если уж существует перевод этой книги на атуранский, он должен знать, где ее искать!

— Да я уж и сам сто раз об этом думал, — сказал Симмон. — Но он что-то плоховат последнее время. Толку от него будет мало.

— А потом, Кукла знает, что она в списке запрещенных книг, — добавила Фела. — Вряд ли он бы вам отдал нечто подобное.

— Слушайте, я так понимаю, этого Куклу знают все, кроме меня? — спросил я.

— Ну, хранисты знают, — ответил Вил.

— По-моему, большую часть я разобрать сумею, — сказал Симмон, обращаясь ко мне. — А чертеж тебе понятен? Потому что для меня это темный лес.

— Ну, вот это руны, — показал я. — Это все ясно как день. Это — металлургические обозначения.

Я пригляделся внимательней.

— А остальное... Даже и не знаю. Может, сокращения? Ладно, авось разберемся по ходу дела.

Я улыбнулся и обернулся к Феле.

— Поздравляю! Ты действительно лучший хранист на свете.

* * *

У меня ушло два дня на то, чтобы с помощью Симмона расшифровать чертежи из «Скривани». Точнее, один день ушел на то, чтобы их расшифровать, а еще один — на то, чтобы все проверить и перепроверить.

Поняв, что к чему, я затеял с Амброзом странную игру в кошки-мышки. Потому что во время работы над сигалдри грэма мне нужна была полная сосредоточенность. А это означало — убрать защиту от атак.

Поэтому работать над грэмом я мог лишь тогда, когда был уверен, что Амброз занят чем-то другим.

Грэм был чрезвычайно тонкой работой: мелкая гравировка без права на ошибку. И то, что я был вынужден работать урывками, дела отнюдь не упрощало. Полчаса, пока Амброз пьет кофе с дамой в уличном кафе. Сорок минут, пока он сидит на лекции по логике символов. Целых полтора часа, пока он дежурит в архивах...

А когда я не мог работать над грэмом, я трудился над своим официальным проектом. В определенном смысле мне повезло, что Килвин поручил мне изготовить что-нибудь достойное ре'лара. Это давало мне возможность сколько угодно торчать в артной, не вызывая ничьих подозрений.

Остальное время я ошивался в общем зале «Золотого пони». Мне нужно было сделаться здесь постоянным посетителем. Чтобы все последующее выглядело менее подозрительно.

ГЛАВА 29

ПОХИЩЕНИЕ

И каждый вечер я возвращался к Анкеру, в свою каморку на верхотуре. Там я запирали дверь, вылезал в окно и отправлялся либо к Вилу, либо к Симу, смотря чья очередь сегодня была дежурить надо мной первым.

Как ни плохи были мои дела, я понимал, что, если Амброз сообразит, что это именно я залез к нему в номер, все станет несравнимо хуже. Травмы мои мало-помалу заживали, и все же их было бы вполне достаточно, чтобы доказать мою виновность. И я изо всех сил старался делать вид, что все нормально.

И вот однажды, поздно вечером, я припелся к Анкеру, передвигаясь с непринужденным изяществом шаркуна. Вяло попытался поболтать с новой служанкой Анкера, потом взял с собой полкаравая и отправился наверх.

Минуту спустя я вприпрыжку сбежал вниз. Меня прошиб холодный пот, в ушах слышались гулкие удары сердца.

Девушка подняла голову.

— Что, передумал-таки? Выпить решил? — улыбнулась она.

Я мотнул головой так стремительно, что волосы хлестнули меня по лицу.

— Слушай, я тут лютню не оставлял вчера, после того как закончил играть, а?

Она покачала головой.

— Да нет, ты с ней ушел, как всегда. Помнишь, я тебя еще спрашивала, не надо ли тебе веревочку, футляр подвязать?

Я рыбкой метнулся обратно наверх. Не прошло и минуты, как я снова спустился.

— Точно? Ты уверена? — задыхаясь, спросил я. — Может, поглядишь за стойкой, просто на всякий случай?

Она поглядела за стойкой. Лютни не было. Ни за стойкой. Ни в кладовке. Ни на кухне.

Я снова поднялся наверх и распахнул дверь в свою каморку. Тут было не так уж много мест, где могла бы затеряться лютня. Ее не было ни под кроватью, ни у стены рядом с моим столиком, ни за дверью.

Футляр был слишком велик, чтобы втиснуться в старый сундук в ногах кровати. Однако я все же посмотрел и в сундуке. Там ее тоже не было. Я

еще раз поискал под кроватью, на всякий случай. Не было ее под кроватью.

Тогда я посмотрел на окно. На простой шпингалет, который я нарочно смазывал почаще, чтобы без труда открывать его, стоя снаружи, на крыше.

Я еще раз пошарил за дверью. Нет, за дверью лютни не было. Я опустился на кровать. Я и прежде чувствовал себя усталым, но теперь мне стало гораздо хуже. Я чувствовал себя так, словно сделан из мокрой бумаги. Я с трудом мог дышать, как будто кто-то вырвал сердце у меня из груди.

ГЛАВА 30

ВАЖНЕЕ СОЛИ

— Сегодня, — жизнерадостно сказал Элодин, — мы поговорим о том, о чем нельзя говорить. Точнее, мы обсудим, почему некоторые вещи обсуждать не стоит.

Я вздохнул и положил карандаш. Каждый раз я надеялся, что именно на сегодняшнем занятии Элодин нас наконец-то чему-нибудь научит. Каждый раз я приносил подложку и один из своих драгоценных листков бумаги, готовясь уловить момент истины. Каждый раз я в глубине души ожидал, что Элодин вот-вот рассмеется и признается, что всей этой чушью он просто испытывал нашу решимость.

И каждый раз я разочаровывался.

— О самом главном, по большей части, невозможно говорить напрямую, — продолжал Элодин. — Главное нельзя выразить словами. Можно только намекнуть.

Он окинул взглядом горстку своих студентов, сидящих в пустынной аудитории.

— Назовите мне что-нибудь, что невозможно объяснить словами.

Он указал на Юреша.

— Прошу!

Юреш поразмыслил.

— Юмор. Если шутку приходится объяснять, это уже не шутка.

Элодин кивнул, потом указал на Фентона.

— Именование? — предположил Фентон.

— Э-э, ре'лар, так нечестно! — с легким укором сказал ему Элодин. — Но вы верно угадали тему моей сегодняшней лекции, так что, так уж и быть, я вас прощаю.

Он указал на меня.

— Объяснить можно все! — твердо сказал я. — Все, что можно понять, можно изложить словами. Возможно, человек просто не способен толком объяснить то, что нужно. Но это означает всего лишь, что это сложно. Но не невозможно.

Элодин поднял палец.

— Не сложно. Не невозможно. Просто бессмысленно. О некоторых вещах можно только догадываться.

Он улыбнулся мерзкой улыбочкой.

— Кстати, ваш ответ должен был быть «музыка».

— Музыка сама себя объясняет, — возразил я. — Она дорога, она же и карта, на которой изображена эта дорога. И то и другое одновременно.

— Но можете ли вы объяснить, как действует музыка? — спросил Элодин.

— Ну конечно! — сказал я. Хотя сам был вовсе в этом не уверен.

— А можете ли вы объяснить, как действует музыка, не прибегая к музыке?

Это заставило меня замолчать. Пока я придумывал достойный ответ, Элодин обернулся к Феле.

— Любовь? — предположила она.

Элодин приподнял бровь, словно был слегка шокирован, потом одобрительно кивнул.

— Пойдите! — сказал я. — Мы ведь еще не договорили. Не знаю, могу ли я объяснить музыку, не прибегая к ней, но это к делу не относится. Это ведь не объяснение, это перевод.

Элодин просиял.

— Именно! — вскричал он. — Именно перевод! Все знания, сформулированные словесно, — это переводные знания, а любой перевод несовершенен!

— То есть все сформулированные знания несовершенны? — уточнил я. — Скажите-ка магистру Брандье, что геометрия субъективна. Мне бы очень хотелось послушать эту дискуссию!

— Ну ладно, не все, — уступил Элодин. — Но большинство из них.

— Докажите! — потребовал я.

— Несуществование недоказуемо, — раздраженно вмешался Юреш, указывая на очевидный факт. — Это логическая ошибка.

Я скрипнул зубами. Ну да, логическая ошибка. Я бы ни за что не совершил такого промаха, если бы имел возможность выпасться!

— Тогда продемонстрируйте, — сказал я.

— Ладно-ладно!

Элодин подошел к Феле.

— Воспользуемся примером Фелы.

Он взял ее за руку и поднял на ноги, жестом подозвав меня.

Я нехотя поднялся на ноги, и Элодин поставил нас друг напротив друга, боком к группе.

— Вот двое привлекательных молодых людей, — сказал он. — Они встречаются взглядом.

Элодин толкнул меня в плечо, и я сделал полшага вперед.

— Он говорит: «Привет!» Она отвечает: «Привет!» Она улыбается. Он неуклюже переминается с ноги на ногу.

Я тут же перестал это делать. По классу прокатился смешок.

— В воздухе витает нечто эфемерное, — сказал Элодин, подходя к Феле сзади. Он положил руки ей на плечи и наклонился к ее уху.

— Ей нравятся его черты, — вполголоса сказал он. — Ее занимает линия его губ. Она думает — быть может, это и есть он, единственный, быть может, она сумеет раскрыть ему все тайные глубины своей души?

Фела потупилась, щеки у нее сделались пунцовыми.

Элодин обошел ее и встал позади меня.

— Квоут смотрит на нее и впервые в жизни понимает, что заставляет людей писать картины. Ваять статуи. Слагать песни.

Он еще раз обошел нас и, наконец, остановился между нами, точно священник, приступающий к свадебному обряду.

— Между ними существует некая тонкая, неясная связь. Оба они чувствуют это. Словно статическое электричество в воздухе. Словно нежный иней.

Он посмотрел мне в лицо. Его темные глаза были серьезными.

— Ну вот. Что вы делаете теперь?

Я смотрел на него, совершенно растерявшись. Если я в чем-то и разбирался хуже, чем в именовании, то это в том, как ухаживать за женщинами.

— Дальше есть три пути, — сказал Элодин, обращаясь к группе. Он поднял палец. — Во-первых, наши юные влюбленные могут попытаться выразить то, что чувствуют. Попытаться сыграть ту еле слышную песню, что звучит сейчас в их сердцах.

Элодин сделал паузу для пущего эффекта.

— Это путь честного глупца, и кончится это плохо. Возникшая между вами связь чересчур хрупка для того, чтобы о ней говорить. Эта искорка так слаба, что даже самое бережное дуновение ее угасит.

Магистр имен покачал головой.

— Даже если вы умны и язык у вас хорошо подвешен, в этом деле вы обречены. Потому что даже если ваши уста и говорят на одном языке, сердца говорят на разных.

Он пристально посмотрел на меня.

— Это вопрос перевода.

Элодин поднял два пальца.

— Второй путь более осторожен. Вы говорите о пустяках. О погоде. О

знакомой пьесе. Проводите время вместе. Держитесь за руки. И тем временем мало-помалу изучаете тайный смысл слов друг друга. Таким образом, когда придет время, вы сможете высказаться, придав своим словам тонкий тайный смысл, так чтобы обе стороны поняли их правильно.

Элодин взмахнул рукой в мою сторону.

— И есть третий путь. Путь Квоута!

Он подошел и встал плечом к плечу со мной, лицом к Феле.

— Вы чувствуете, что между вами возникло нечто. Нечто дивное и хрупкое.

Он издал влюбленный романтический вздох.

— Ну и, поскольку вы стремитесь к определенности во всех вопросах, вы решаете форсировать события. Вы избираете наиболее короткий путь. «Чем проще, тем лучше!» — думаете вы.

Элодин вытянул руки и принялся совершать беспорядочные хватательные движения в сторону Фелы.

— И вот вы берете и хватаете даму за грудь!

Все присутствующие расхохотались от неожиданности, кроме нас с Фелой. Я насупился. Она скрестила руки на груди, и смущенный румянец сбежал с ее лица на шею и растекся под рубашкой.

Элодин развернулся к ней спиной и посмотрел мне в глаза.

— Ре'лар Квоут, — серьезно сказал он. — Я пытаюсь пробудить ваш спящий разум, чтобы он научился внимать еле слышному языку, на котором шепчет мир. Я пытаюсь соблазнить вас пониманием. Я пытаюсь вас научить, — он наклонился ко мне почти вплотную. — Прекратите хватать меня за сиськи!

* * *

С занятий Элодина я ушел в самом дурном настроении.

Хотя, откровенно говоря, в последние несколько дней настроение у меня постоянно было более или менее дурным. Я пытался скрывать это от друзей, но тем не менее начал шататься под грузом бед.

Добила меня утрата лютни. Все остальное я еще способен был пережить: и болезненный ожог на всю грудь, и постоянно ноющие колени, и недосып. И постоянный страх, что я вот-вот упущу алар в самый неподходящий момент и меня внезапно начнет тошнить кровью.

Я мог справиться со всем: и с отчаянной бедностью, и с разочарованием по поводу занятий у Элодина. И даже с новой

дополнительной тревогой по поводу Деви, которая ждет на том берегу с сердцем, полным гнева, тремя каплями моей крови и аларом, который подобен океану в бурю.

Но лишиться еще и лютни — это было уже слишком. Не в том дело, что она была мне нужна, чтобы оплачивать стол и ночлег у Анкера. Не в том дело, что лютня была для меня единственным средством заработать на жизнь на тот случай, если меня выставят из Университета.

Нет. Просто пока при мне была моя музыка, все остальное я художнически пережить мог. Музыка была для меня клеем, на котором я держался. Всего пара дней без музыки, и я начал разваливаться.

После занятия у Элодина я не мог вынести мысли о том, чтобы провести еще несколько часов, ссутулившись над рабочим столом в артной. У меня сразу заныли руки, и в глаза как песок насыпали с недосыпу.

Поэтому я не пошел в артную, а пошел к Анкеру, перекусить. Видимо, я выглядел довольно жалко, потому что он положил мне в похлебку двойную порцию бекона и вдобавок налил полпива.

— Ну что, как прошел твой ужин? Ты извини, что я спрашиваю, — сказал Анкер, облокотившись на стойку.

Я поднял голову.

— Прошу прощения?

— Ну, с той барышней, — сказал он. — Я человек не любопытный, но посыльный просто оставил записку и ушел. Мне пришлось ее прочесть, чтобы выяснить, для кого она.

Я тупо смотрел на Анкера.

Анкер озадаченно взглянул на меня, потом нахмурился.

— Лорел тебе что, записку не отдавала?

Я покачал головой, и Анкер выругался.

— Ну что за девка! В одно ухо посвети, в другое видно будет.

Он принялся рыться за стойкой.

— Посыльный принес для тебя записку, позавчера еще. Я велел ей передать тебе, когда ты придешь. Вот она!

Он достал промокший и изрядно обтрепавшийся клочок бумаги и протянул его мне.

Там было написано:

«Квоут!

Я вернулась в город и была бы очень рада отужинать сегодня вечером в обществе обаятельного молодого господина. Увы, обаятельных господ у меня под рукой не оказалось. Может, ты

со согласишься составить мне компанию в „Расколоте посохе“?

В нетерпеливом ожидании,

Твоя Д.».

Я немного повеселел. Записки от Денны были редким даром судьбы, и поужинать она меня никогда прежде не приглашала. Я, конечно, разозлился, что пропустил эту встречу, но сам факт, что она вернулась в город и хочет меня видеть, изрядно меня подбодрил.

Я стремительно умял свой обед и решил пропустить лекцию по сиару, а вместо этого прогуляться в Имре. Денну я не видел больше оборота, и ее общество было единственным, что могло сейчас хоть немного улучшить мое настроение.

Правда, когда я отправился за реку, мой энтузиазм несколько поугас. Путь был неблизкий, и колени у меня заныли задолго до того, как я добрался до Каменного моста. Солнце светило ослепительно ярко, но почти не грело, а зимний ветер пробирал до костей. Дорожная пыль летела в глаза и забивала горло.

Ни в одном из трактиров, где обычно бывала Денна, ее не оказалось. Она не слушала музыку в «Пробках» или в «Козле-привратнике». Ни Деоч, ни Станчион ее не видели. Я боялся, что она вообще уехала из города, пока я был занят. Может быть, на несколько месяцев. Может, даже навсегда!

А потом я свернул за угол и увидел ее под деревом в маленьком городском саду. В одной руке она держала письмо, в другой — недоеденную грушу. Где она взяла грушу в это время года?

Я был уже на полпути к ней, когда сообразил, что Денна плачет. Я остановился как вкопанный, не зная, что делать. Мне хотелось чем-нибудь помочь, но я не хотел нарушать ее уединение. Может, мне лучше...

— Квоут!

Денна отбросила огрызок груши, вскочила и бросилась ко мне через лужайку. Она улыбалась, но глаза у нее были покрасневшие. Она на бегу вытерла щеки ладонью.

— У тебя все в порядке? — спросил я.

Глаза у нее снова наполнились слезами, но прежде, чем они успели пролиться, Денна крепко зажмурилась и замотала головой.

— Нет, — ответила она. — Не совсем.

— Я могу помочь? — спросил я.

Денна утерла глаза рукавом рубашки.

— Ты уже помогаешь — просто тем, что ты здесь.

Она сложила письмо в маленький квадратик и запихнула его в карман. И снова улыбнулась. Это не была натянутая улыбка, из тех, которые надевают, как маску. Денна улыбнулась по-настоящему, и улыбка вышла очаровательная, хоть и сквозь слезы.

Потом она склонила голову набок, пригляделась ко мне, и улыбка сменилась озабоченным видом.

— А ты сам-то как? — спросила она. — Что-то ты осунулся.

Я слабо улыбнулся. Моя улыбка вышла натянутой, я и сам это понимал.

— Да так себе. Нелегко мне приходится в последнее время.

— Надеюсь, все не так плохо, как можно подумать по твоему виду, — заботливо сказала она. — Ты что, не высыпаешься?

— Ага, — признался я.

Денна набрала было воздуха, чтобы что-то сказать, потом замолчала и прикусила губу.

— Ты ни о чем не хочешь поговорить? — спросила она. — Не знаю, смогу ли я чем помочь, но...

Она пожала плечами и переступила с ноги на ногу.

— Мне и самой плохо спится. Я понимаю, каково тебе. Предложение помочь застало меня врасплох. Я почувствовал, как будто... Нет, не могу сказать, как именно я себя почувствовал. Это непросто выразить словами.

Дело было не в самом предложении. Друзья мне и так уже неутомимо помогали на протяжении многих дней. Сим всегда был готов помочь, но его помощь была другая. Надежная, словно хлеб. А мысль о том, что обо мне заботится Денна, что ей не все равно, была как глоток подогретого вина зимним вечером. И от этого в груди у меня разлилось сладостное тепло.

Я улыбнулся ей. Улыбнулся по-настоящему. Ощущение было странное, и я подумал: сколько же времени я проходил хмурым, сам того не сознавая.

— Ты уже помогаешь — просто тем, что ты здесь, — искренне ответил я. — Мне достаточно увидеть тебя, и настроение улучшается, как по волшебству.

Денна закатила глаза.

— Ну да, конечно! Лицезрение моей зареванной физиономии — истинная панацея!

— А говорить-то особо и не о чем, — сказал я. — Мне просто не повезло, вдобавок я сделал несколько глупостей, вот теперь и расплачиваюсь за это.

Денна ответила смешком, подозрительно похожим на всхлипывание.

— Ну да, со мной такого, конечно, никогда не случилось! — ответила она, скривив губы. — Что, когда ты дурак и сам во всем виноват, это еще хуже?

Поневоле и я усмехнулся ей под стать.

— Угу, — согласился я. — По правде говоря, я бы предпочел скорее где-нибудь отвлечься, чем рассказывать о своих бедах.

— Ну, это я могу устроить, — сказала Денна, беря меня за руку. — Видит бог, ты не раз делал для меня то же самое!

Мы зашагали рядом.

— Что, правда?

— То и дело! — сказала она. — Так легко обо всем забыть, когда ты рядом!

Денна остановилась, и мне тоже пришлось встать рядом. Она взяла меня под руку.

— Нет, я не то хотела сказать. Я имею в виду, что, когда ты рядом, легко забывать.

— О чем забывать?

— Обо всем, — сказала она, и стало ясно, что она совсем не шутит. — Обо всем плохом, что есть в моей жизни. О том, кто я такая. Хорошо иметь возможность время от времени отдыхать от себя самой. И ты мне в этом помогаешь. Ты — моя надежная гавань в бескрайнем бурном море.

— Что, правда? — хмыкнул я.

— Ага, — беспечно кивнула она. — Ты мой тенистый клен в солнечный день.

— А ты, — сказал я, — нежная музыка за стеной.

— Неплохо! — сказала она. — А ты — неожиданно подаренный торт в непогожий день.

— А ты — примочка, которая вытягивает яд из моего сердца, — сказал я.

— Хм... — неуверенно ответила Денна. — Не уверена, что мне это нравится. Сердце, полное яда...

— Ну да, — согласился я. — Это звучало куда лучше, пока я не сказал это вслух.

— Вот что бывает от смешения метафор! — сказала она и, помолчав, спросила: — Ты записку мою получил?

— Только сегодня, — сказал я, вложив в эти слова все свое огорчение. — Всего пару часов назад.

— А-а! — сказала Денна. — Жалко. Ужин был вкусный. Я съела и

твою порцию тоже.

Я попытался придумать, что бы такое ответить, но она просто улыбнулась и покачала головой.

— Шучу, шучу. По правде говоря, ужин был просто предлогом. Я хотела тебе кое-что показать. А отыскать тебя непросто. Я уж думала, что придется ждать до завтра, когда ты будешь петь у Анкера.

Я ощутил укол боли в груди, такой сильный, что даже присутствие Денны не могло его пересилить.

— Да, удачно вышло, что мы встретились сегодня, — сказал я. — А то я не уверен, что буду играть завтра.

Денна склонила голову набок.

— Но ты же всегда поешь по вечерам в повержение! Смотри не вздумай менять расписание. Мне и так непросто тебя найти!

— Кто бы говорил! — возразил я. — Мне никогда не удастся поймать тебя дважды в одном и том же месте.

— Ну да, конечно, можно подумать, ты меня все время разыскиваешь! — отмахнулась она, а потом широко улыбнулась. — Ладно, это все не о том. Идем со мной. Я знаю, чем тебя отвлечь!

И она прибавила шагу, таща меня за руку.

Ее энтузиазм был заразителен, и я поневоле заулыбался, шагая следом за ней по извилистым улочкам Имре.

Наконец мы остановились у небольшой витрины. Денна преградила мне путь, едва не подпрыгивая от возбуждения. На ее лице не осталось и следа слез, глаза горели. Она закрыла мне лицо своими прохладными ладонями.

— Закрой глаза! — велела она. — Это сюрприз!

Я зажмурился, она взяла меня за руку, и мы сделали несколько шагов. Внутри магазинчика было сумрачно, пахло кожей. Я услышал, как мужской голос спросил: «Это он, да?» — и потом раздался шум передвигаемых предметов.

— Ну что, готов? — спросила меня на ухо Денна. По голосу я понял, что она улыбается. Ее дыхание щекотало мелкие волоски у меня на затылке.

— Понятия не имею, — честно ответил я.

Она фыркнула мне в ухо.

— Ну ладно. Открой глаза!

Я открыл глаза и увидел худощавого пожилого человека, стоящего за длинным деревянным прилавком. А перед ним лежал пустой футляр для лютни, раскрытый, как книга. Денна купила мне подарок. Футляр для

лютни. Для моей украденной лютни.

Я сделал шаг вперед. Пустой футляр был длинный и узкий, обтянутый гладкой черной кожей. Петель на нем не было. Семь блестящих стальных пряжек опоясывали футляр, и верх снимался целиком, как крышка с коробки.

Внутри футляр был обтянут мягким бархатом. Я потрогал его и обнаружил, что подложка мягкая, но упругая, как губка. Ворс бархата был чуть ли не в сантиметр длиной, темно-вишневого цвета.

Мужчина за стойкой слегка улыбнулся.

— У вашей дамы прекрасный вкус, — сказал он. — И она ничего не делает наполовину.

Он приподнял крышку.

— Кожа промаслена и провощена. Она двуслойная, между слоями проложены планки из каменного клена.

Он провел пальцем по кромке нижней половинки футляра, потом по соответствующей ей бороздке на крышке.

— Подогнано все очень плотно, так что воздух не проникает ни снаружи внутрь, ни изнутри наружу. Так что вам не придется беспокоиться, выходя из теплого и душного помещения в морозную ночь.

Он принялся застегивать пряжки.

— Дама была против латуни. Так что это светлая сталь. А когда пряжки застегнуты, крышка садится на уплотнение. Хоть в воду бросай, бархат внутри останется сухим.

Он пожал плечами.

— Разумеется, со временем вода все равно просочится сквозь кожу. Но возможности человека ограничены...

Перевернув футляр, он постучал костяшками пальцев по округлому дну.

— Кленовые планки я поставил потоньше, чтобы он вышел не очень массивным и тяжелым, поэтому я усилил корпус полосами гланской стали.

Он указал на ухмыляющуюся Денну.

— Дама просила поставить рамстонскую, но я объяснил, что рамстонская сталь прочная, но довольно хрупкая. А гланская сталь полегче и форму держит.

Он смерил меня взглядом.

— Молодой господин может, если пожелает, встать на него ногами — футляру ничего не делается.

Потом он слегка поджал губы и посмотрел на мои ноги.

— Хотя я предпочел бы, чтобы вы этого не делали.

Он снова перевернул футляр.

— Надо сказать, это, пожалуй, лучший футляр, какой я сделал за последние двадцать лет.

Он подвинул его ко мне.

— Надеюсь, вы останетесь им довольны.

Я лишился дара речи. Со мной такое случается редко. Я протянул руку, погладил кожу. Кожа была теплая и гладкая. Потрогал стальное кольцо, к которому крепится наплечный ремень. Посмотрел на Денну — та буквально приплясывала от возбуждения.

Денна нетерпеливо шагнула вперед.

— Это еще не все! — сказала она, расстегивая пряжки так уверенно, что я сразу понял: она это делает не впервые. Денна сняла крышку и потыкала пальцем бархатное нутро. — Подложка изготовлена таким образом, чтобы ее можно было вынуть и переделать. Так что, какую бы лютню ты ни завел себе в будущем, этот футляр все равно для нее подойдет. И смотри еще!

Она нажала на бархат в том месте, где должен был находиться гриф, что-то провернула, и крышка распахнулась, открыв потайное место внутри. Денна снова ухмыльнулась.

— Тоже моя идея! Нечто вроде потайного кармана.

— Тело Господне, Денна! — вымолвил я. — Он же, наверно, обошелся тебе в целое состояние!

— Ой, ну, знаешь, — сказала она с наигранной скромностью, — у меня кой-чего было отложено...

Я провел рукой по мягкому бархату.

— Да нет, Денна, я серьезно. Этот же футляр, наверно, стоит не меньше моей лютни...

Я осекся, внутри у меня что-то тошнотворно дернулось. Лютни, которой у меня больше нет.

— Прошу прощения, сударь, — вмешался человек за стойкой, — но, полагаю, этот футляр стоит намного дороже вашей лютни, разве что она у вас из чистого серебра.

Я еще раз погладил крышку, ощущая нарастающую тошноту. Я не знал, что сказать. Как я ей скажу, что лютню у меня украли, после всех ее трудов, потраченных на этот прекрасный подарок?

Денна возбужденно сияла.

— Давай-ка поглядим, как туда ляжет твоя лютня!

Она махнула рукой, и мастер достал из-под стойки мою лютню и уложил ее в футляр. Она вошла в него, как рука в перчатку.

Я разрыдался.

* * *

— Господи, как неловко-то! — сказал я и высморкался.

Денна осторожно коснулась моей руки.

— Прости меня, пожалуйста! — повторила она уже в третий раз.

Мы сидели на тротуаре у магазинчика. С меня хватило и того, что я разревелся при Денне. Недоставало еще, чтобы на меня пялился владелец лавки.

— Я просто хотела, чтобы она подошла как следует... — говорила Денна. Лицо у нее было ошеломленное. — Я тебе записку оставила... Я думала, ты придешь на ужин, тут-то я тебя и удивлю. Ты даже не должен был заметить, что она исчезла.

— Да нет, все нормально, — сказал я.

— Ну как же нормально! — сказала Денна, и глаза у нее налились слезами. — Ты не пришел тогда, я не знала, что делать. Вчера вечером я тебя везде искала. В дверь к тебе стучалась, но ты не открыл...

Она потупилась.

— Я никогда тебя не могу найти, когда ищущу...

— Денна, — сказал я, — все в порядке, правда.

Она замотала головой, не глядя на меня. По щекам у нее покатались слезы.

— Не в порядке! Я должна была сообразить! Ты ее так держишь, как будто это твой ребенок. Если бы на меня хоть кто-нибудь когда-нибудь посмотрел так, как ты смотришь на свою лютню, я бы тогда...

Денна запнулась, сглотнула, и слова снова хлынули неудержимым потоком:

— Я же знала, что она для тебя главное в жизни! Я потому и хотела, чтобы у тебя был надежный футляр! Я просто не подумала, что это выйдет так...

Она опять сглотнула, стиснула кулачки. Тело ее так напряглось, что она почти дрожала.

— Господи, какая же я дура! Ничего не соображаю. Вот всегда у меня так. Я все порчу!

Ее волосы растрепались, и я не видел, какое у нее сейчас лицо.

— Что же со мной не так? — сказала она глухим, рассерженным голосом. — Почему я такая идиотка? Могу я хоть раз в жизни сделать все

как следует, а?

— Денна! — мне пришлось ее перебить, она говорила без перерыва, останавливаясь только, чтобы набрать воздуха. Я взял ее за локоть, она застыла. — Денна, ты никак не могла этого знать, — перебил я. — Ну, сколько времени ты сама играешь? Месяц? У тебя когда-нибудь был свой собственный инструмент?

Она покачала головой. Ее лица по-прежнему не было видно за волосами.

— Лира у меня была, — тихо ответила она. — Но всего несколько дней, потом случился тот пожар.

Она наконец подняла голову. Лицо у нее было абсолютно несчастное. Глаза и нос опухли и покраснели.

— Так все время получается. Я пытаюсь сделать что-нибудь хорошее, а все выходит наперекосяк!

Она горестно взглянула на меня.

— Ты просто не представляешь, каково это.

Я расхохотался. Как же здорово было снова получить возможность смеяться! Смех забурлил у меня в животе и вырвался наружу нотами золотого рожка. Этот смех сам по себе стоил трех горячих обедов и двадцати часов сна.

— Еще как представляю! — сказал я, заново ощутив синяки на коленях и полузажившие шрамы на спине. Рассказать ей, что ли, каких глупостей я наворотил, пытаюсь вернуть ее кольцо? Но потом я решил, что, если расскажу, как Амброз пытается меня убить, ее настроения это не улучшит. — Денна, я просто король по части замечательных идей, которые идут наперекосяк!

Она улыбнулась, шмыгнула носом и вытерла глаза рукавом.

— И разревелись еще, как два придурка. Хороша парочка, а?

— Угу, — хмыкнул я.

— Прости меня, — повторила она, переставая улыбаться. — Я просто хотела сделать для тебя что-нибудь хорошее. Но у меня это плохо выходит.

Я поцеловал руку Денны, взяв ее в ладони.

— Денна, — сказал я от всей души, — это лучшее, что для меня вообще когда-нибудь делали!

Она фыркнула, неделикатно усомнившись в моих словах.

— Честно-честно, — сказал я. — Ты — моя блестящая монетка у дороги. Ты важнее соли, прекраснее луны в долгую ночь, проведенную в дороге. Ты сладкое вино на губах, песня на языке, смех в моем сердце.

Щеки у нее вспыхнули, но я продолжал, забыв обо всем.

— Ты слишком хороша для меня, — говорил я. — Ты роскошь, которой я не могу себе позволить. И все-таки идем со мной! Я угощу тебя ужином и буду часами распинаться о том, какое ты чудо.

Я встал и поднял ее на ноги.

— Я буду играть тебе. Я буду петь тебе песни. И до конца этого дня никто на свете нам не помешает!

Я склонил голову набок, давая понять, что это вопрос.

Губы Денны дрогнули в улыбке.

— Звучит неплохо, — сказала она. — Я не прочь хотя бы на один день избавиться от всего мира!

* * *

Много часов спустя я возвращался в Университет упругим, энергичным шагом. Я насвистывал. Я напевал. Лютя у меня на плече была легка, как поцелуй. Грело ласковое солнышко. Дул прохладный ветерок.

Удача снова начала поворачиваться ко мне лицом.

ГЛАВА 31

ТИГЕЛЬ

Теперь, когда моя лютня снова была при мне, жизнь сама собой начала налаживаться. Работать в артной сделалось проще. Занятия давались легко. И даже Элодин сделался как-то вразумительнее.

Поэтому я с легким сердцем навестил Симмона в алхимическом корпусе. Он отворил на мой стук и жестом пригласил заходить.

— Работает! — возбужденно воскликнул он.

Я прикрыл за собой дверь, и он подвел меня к столу, на котором стояли ряды колб, пробирок и горелок на угольном газу. Сим гордо улыбнулся и продемонстрировал мне низенькую плоскую баночку, в каких обычно держат грим или румяна.

— Покажешь? — спросил я.

Симмон разжег горелку, и пламя веером ударило в дно плоской железной сковородки. Мы немного постояли, слушая, как оно шипит.

— А у меня башмаки новые! — между делом сказал Сим, задирая ногу повыше.

— Отличные башмаки, — машинально сказал я, потом спохватился и наклонился поближе. — Они что, подкованные? — удивился я.

Он кровожадно усмехнулся. Я расхохотался.

Сковородка нагрелась, Сим открыл баночку и обмакнул кончик пальца в прозрачное вещество внутри. А потом величественным жестом поднял руку и уперся пальцем в раскаленное дно сковородки.

Меня передернуло. Сим самодовольно улыбнулся и еще немного постоял так, прежде чем отвести палец.

— Невероятно, — сказал я. — Вы, ребята, творите безумные вещи. Тепловой щит!

— Нет, — серьезно возразил Сим. — Это совершенно неверный образ мыслей. Это не щит. И не изоляция. Это все равно что лишний слой кожи, который выгорает прежде, чем твоей настоящей коже станет горячо.

— Ну да, как будто у тебя руки мокрые, — сказал я.

Сим снова покачал головой.

— Да нет, вода проводит тепло. А это вещество — нет.

— Значит, это изоляция.

— Короче! — вышел из себя Сим. — Заткнись и слушай! Это алхимия.

Ты в ней ничего не смыслишь.

Я примирительно помахал рукой.

— Да знаю, знаю!

— Нет уж, скажи это вслух! Говори: «Я ничего не смыслю в алхимии».

Я насупился.

— Алхимия — это не просто химия с кое-какими дополнительными особенностями, — сказал он. — А это значит, что, если ты не выслушаешь меня, ты сделаешь собственные выводы, и это будет смертельная ошибка. В самом деле смертельная.

Я набрал воздуха в грудь и с шумом выдохнул.

— Ну ладно. Объясняй.

— Наносить ее надо быстро, — сказал Сим. — У тебя будет примерно десять секунд на то, чтобы равномерно размазать ее по рукам и предплечьям. Стереться она не может, но, если слишком сильно чесать руки, слой может истончиться. К лицу вообще не прикасайся. Глаза не три. В носу не ковыряйся. Ногти не грызи. Она вроде как ядовитая.

— Вроде как? — переспросил я.

Он не ответил и поднял палец, которым тыкал в раскаленную сковороду.

— И это не латные перчатки. Как только она подвергается воздействию жара, она начинает выгорать.

— А вони не будет? — спросил я. — Чего-то такого, что может выдать ее присутствие.

— Нет. На самом деле она не выгорает. Просто разлагается.

— Разлагается? На что?

— На компоненты, — буркнул Симмон. — Она разлагается на сложные компоненты, но тебе этого не понять, потому что ты ничего не смыслишь в алхимии.

— А дышать этим не опасно? — спросил я.

— Не опасно. Иначе бы я ее тебе не дал. Это старинная формула. Испытанная и проверенная. Так вот: поскольку тепла она не проводит, твоим рукам сначала будет нормально, а потом сразу очень горячо.

Он многозначительно взглянул на меня.

— Так что очень рекомендую перестать хвататься за горячее до того, как вся она выгорит.

— А как определить, когда она выгорит?

— Никак, — коротко ответил Сим. — Потому я и советую воспользоваться чем-нибудь другим, а не голыми руками.

— Чудесно!

— При контакте с алкоголем она превращается в кислоту. Но довольно слабую. Ты вполне успеешь ее смыть. А вот если смешать ее с большим количеством воды — скажем, сто к одному, — она становится горючей.

— А если туда нассать, она превратится в сладкую конфетку? — расхохотался я. — Ты что, побился об заклад с Вилемом, сколько чуши я способен скушать? Ни одно вещество не становится горючим, если смешать его с водой!

Глаза Сима упрямо прищурились. Он протянул мне пустой тигель.

— Ладно! Набери сюда воды.

По-прежнему улыбаясь, я подошел к баку с водой в углу комнаты. Бак был такой же, какие стояли у нас в артной. Для артефакции тоже необходима чистая вода, особенно когда смешиваешь глины или закаливаешь металлы, которые нельзя подвергнуть загрязнению.

Я плеснул в тигель воды и принес его Симу. Он окунул туда палец, поболтал и выплеснул воду на раскаленную сковородку.

Столб оранжевого пламени взметнулся фута на три, потом пламя выгорело и угасло. Сим с легким звоном поставил тигель на стол и пристально посмотрел на меня.

— Скажи это вслух!

Я потупился.

— Я ничего не смыслю в алхимии.

Сим с довольным видом кивнул и снова повернулся к столу.

— Вот так-то! — сказал он. — А теперь повторим все сначала.

ГЛАВА 32

КРОВЬ И ПЕПЕЛ

Под ногами шуршали листья. Я шагал по лесу к северу от Университета. Бледного лунного света, пробивающегося сквозь голые ветви, было недостаточно, чтобы видеть как следует, но я за последний оборот ходил этим путем уже несколько раз и выучил дорогу наизусть. Запах костра я почуял задолго до того, как услышал голоса и увидел пламя сквозь стволы.

Это была даже не поляна, так, незаметный пятачок, притулившийся за выступом скалы. Несколько валунов и ствол поваленного дерева служили импровизированными скамейками. Яму для костра я выкопал сам несколько дней тому назад. Она была в полметра глубиной и два в поперечнике. Костерок, пылавший на ее дне, казался совсем крохотным.

Все были уже на месте. Мола с Фелой сидели на бревне. Вилем пристроился на валуне. Сим сидел прямо на земле, скрестив ноги и вороша костер палкой.

Когда я появился из леса, Вилем поднял голову. В пляшущем свете костра его глаза выглядели черными и запавшими. Они с Симом бдели надолго уже почти два оборота.

— Опаздываешь! — сказал он.

Сим задрал голову, чтобы посмотреть на меня. Он жизнерадостно улыбался, как всегда, но и на его лице тоже были заметны признаки утомления.

— Доделал? — возбужденно спросил он.

Я кивнул. Расстегнув манжет рубашки, я закатал рукав и показал железный диск величиной чуть больше пенни Содружества. Диск был исписан крохотными рунами и покрыт золотом. Мой новенький грэм. Он был привязан к внутренней стороне предплечья парой кожаных шнурков.

Мои друзья разразились радостными возгласами.

— Интересный способ его носить, — сказала Мола. — Стильно смотрится, все равно как на разбойнике из варваров.

— Он лучше всего действует при непосредственном контакте с телом, — объяснил я. — И при этом мне нужно, чтобы его было незаметно, мне же не полагается знать, как его делать.

— Стильно и практично, — уточнила Мола.

Симмон подошел ко мне, посмотрел на грэм, протянул руку, чтобы его потрогать.

— Надо же, какой маленький... ой-ей-ей! — вскричал Сим, отскочил назад и затряс рукой. — Черное проклятье! — смущенно выпалил он. — Извини. Я просто от неожиданности.

— Кист и крайле! — выругался я. У меня и у самого сердце запрыгало. — В чем дело?

— Ты когда-нибудь дотрагивался до гильдера? — спросил Сим. — Ну, тех, которые выдают в знак того, что ты полноправный арканист?

Я кивнул.

— Да, он вроде как зудит. У меня сразу рука онемела, как будто я ее отлежал.

Сим кивнул на мой грэм и еще раз тряхнул рукой.

— Ну вот, и он на ощупь такой же. Я этого не ожидал.

— А я и не знал, что гильдеры действуют и как грэмы тоже, — сказал я. — Хотя это логично.

— А ты его проверял? — спросил Вилем.

Я покачал головой.

— Мне показалось странным проверять его самому, — признался я.

— Ты хочешь, чтобы это сделал кто-то из нас? — рассмеялся Симмон. — Да, ты прав, это вполне нормально.

— Я еще подумал, что разумно будет иметь под рукой медика, — я кивнул в сторону Молы. — На всякий случай.

— Но я же не знала, что меня хотят видеть в качестве профессионала! — запротестовала Мола. — Я и чемоданчика своего не взяла.

— Да это и не потребуется, — сказал я, достал из кармана кубик симпатического воска и помахал им. — Ну, кто желает удостоиться этой чести?

Воцарилась тишина. Потом Фела протянула руку.

— Куклу сделать я берусь, но булавкой в нее тыкать не буду!

— Вхената! — сказал Вилем.

Симмон пожал плечами.

— Ну, ладно, наверно, придется мне...

Я протянул воск Феле, и она принялась разминать его в руках.

— Ты что, хочешь использовать волосы или кровь? — негромко спросила она.

— И то и другое, — ответил я, стараясь не выказывать нарастающей тревоги. — Мне нужно быть абсолютно уверенным в нем, иначе я не смогу

спать по ночам.

Я достал шляпную булавку, кольнул себя в тыльную сторону кисти и стал смотреть, как растет яркая бусинка крови.

— Не выйдет, — сказала Фела, по-прежнему разминая воск пальцами. — Кровь в воск не впитывается. Она просто выдавится наружу, и все.

— А ты откуда знаешь, а? — спросил Симмон насмешливо, но не без опаски.

Фела вспыхнула, слегка опустила голову, длинные волосы водопадом упали у нее с плеча.

— Я свечи делала. Когда делаешь цветные свечи, нельзя брать краску на водной основе. Либо порошковый пигмент, либо масляную. Тут вся проблема в растворимости. Полярное и неполярное выравнивание.

— Вот за что люблю Университет! — сказал Сим Вилему, сидящему по ту сторону костра. — Образованные женщины намного привлекательнее.

— Была бы рада сказать то же самое, — сухо заметила Мола. — Но, к сожалению, никогда не встречала образованных мужчин.

Я наклонился, взял из костровой ямы щепотку пепла и посыпал им тыльную сторону кисти. Пепел впитал кровь.

— Да, так должно получиться.

— «Эта плоть кончается, в пепел возвращается!» — торжественно процитировал Вилем, потом обернулся к Симмону. — Так ведь сказано в твоей священной книге?

— Вообще-то она не моя, — возразил Симмон. — Ну да, примерно так. «Все в пепел возвращается, и эта плоть кончается».

— Чего это вы такие веселые? — сухо поинтересовалась Мола.

— У меня голова идет кругом, как подумаю, что сегодня ночью я выплюсь, — сказал Вилем. — Все остальное — просто кофе с пирожным.

Фела протянула мне лепешку размятого воска, и я вдавил в него влажный пепел. Она снова скатала воск и принялась лепить. Ее ловкие пальцы в несколько движений вылепили человекоподобную куклу. Фела показала ее всем присутствующим.

— У Квоута голова гораздо больше! — заметил Симмон со своей мальчишеской ухмылкой.

— У меня еще и гениталии имеются, — сказал я, взяв у Фелы куклу и прилепив ей на голову свой волосок. — Но начиная с определенного момента реализм становится непродуктивен.

Я подошел к Симу и вручил ему фигурку и длинную шляпную

булавку.

Он взял их в руки, нервно переводя взгляд с одной на другую.

— Ты уверен?

Я кивнул.

— Ну ладно...

Сим перевел дух, расправил плечи и сосредоточенно нахмурился, уставившись на куклу.

Я завизжал и скорчился, схватившись за ногу.

Фела ахнула. Вилем вскочил на ноги. Симмон испуганно вытаращил глаза и развел руки с куклой и булавкой как можно дальше. Он испуганно озирался.

— Я... я даже не...

Я выпрямился, одернул рубашку.

— Я просто тренировался, — объяснил я. — Визг вышел не слишком девчачий?

Симмон облегченно обмяк.

— Пропади ты пропадом! — сказал он с облегчением и рассмеялся. — Сволочь ты! Какого черта! Это не смешно!

И, все еще нервно хихикая, принялся вытирать пот со лба.

Вилем что-то пробормотал на сиару и вернулся на прежнее место.

— Вы трое — все равно что бродячий цирк! — заметила Мола.

Симмон перевел дух. Он снова расправил плечи и поднял руки с куклой и булавкой. Рука у него дрожала.

— Тейлу на тебя! — сказал он. — Ты меня перепугал. Я теперь не смогу этого сделать.

— Ох, ради любви Господней! — Мола встала, обошла костер и подошла к Симмону. — Давай сюда.

Она взяла фигурку и булавку, обернулась и посмотрела мне в глаза.

— Ты готов?

— Секундочку...

После двух оборотов непрерывного бдения убрать алар, защищавший меня все это время, было все равно что разжать руку, которой ты слишком долго за что-то держался.

Через некоторое время я потряс головой. Без алара я чувствовал себя странно. Почти голым.

— Ладно, не тяни. Только коли лучше в ногу, на всякий случай.

Мола помедлила, пробормотала связывание и воткнула булавку в ногу куклы.

Тишина. Все неподвижно уставились на меня.

Я ничего не почувствовал.

— Все нормально, — сказал я. Все перевели дух. Я с любопытством взглянул на Молу. — Это правда было все, на что ты способна?

— Нет, — честно ответила Мола, вытащила булавку из куклы, опустилась на колени и сунула булавку в огонь. — Это была проба вполсилы. Мне не хотелось снова слышать твой девчачий визг.

Она вынула булавку из огня и поднялась на ноги.

— На этот раз попробую всерьез.

Она занесла булавку над куклой и взглянула на меня.

— Готов?

Я кивнул. Она на миг зажмурилась, потом пробормотала связывание и вонзила раскаленную булавку в ногу куклы. Грэм, прилегающий к моей руке, похолодел, и я ощутил слабое давление на икру, как будто пальцем ткнули. Я посмотрел вниз, чтобы убедиться, что Симмону не вздумалось мне отомстить и он не тычет в меня палкой.

Поскольку я отвел взгляд, я не видел, что Мола сделала потом, но я почувствовал еще три тупых толчка, по одному в обе руки, и еще один — в толстую мышцу над коленом. Грэм похолодел еще сильнее.

Потом я слышал, как ахнула Фела, и как раз успел поднять голову, чтобы увидеть, как Мола, с мрачным и решительным лицом, пробормотав еще одно связывание, бросает фигурку в самый огонь.

Когда восковая куколка взлетела в воздух, Симмон испуганно вскрикнул. Вилем снова вскочил на ноги и едва не бросился на Молу, но остановить ее он бы все равно не успел.

Куколка упала в раскаленные уголья, взметнув фонтан искр. Грэм у меня на руке сделался обжигающе-холодным. Я рассмеялся как безумный. Все обернулись и уставились на меня. На лицах отразилась разная степень ужаса и изумления.

— Да все в порядке, — сказал я. — Просто ощущение странное. Как будто на тебя дует сильный теплый ветер.

Грэм стал совсем ледяным, потом странное ощущение исчезло: кукла расплавилась, уничтожив симпатическую связь. Воск начал гореть, пламя вспыхнуло ярче.

— Не больно было? — с тревогой спросил Симмон.

— Ни капельки, — сказал я.

— Ну, на большее я не способна, — сказала Мола. — Точнее, я бы могла, но для этого мне потребовалось бы пламя как в горне.

— А ведь она эл'те! — удовлетворенно сказал Симмон. — Могу поручиться, что как симпатист она втрое сильнее Амброза.

— По меньшей мере втрое, — сказал я. — Однако если кто-то и способен вылезти из кожи вон, чтобы отыскать горящий горн, так это Амброз. И грэм тоже можно пересилить, если подвергнуть его слишком мощному воздействию.

— Так, значит, завтра делаем все как договорились? — спросила Мола. Я кивнул.

— Лучше перестраховаться, чем потом пожалеть.

Симмон потыкал палкой в костер, в то место, куда упала кукла.

— Если Мола сделала все, на что способна, а тебе как с гуся вода, значит, ты, наверно, и Деви сможешь противостоять. Это дает тебе возможность для маневра.

Повисла короткая пауза. Я затаил дыхание, надеясь, что Фела с Молой не обратят внимания на его замечание.

Мола посмотрела на меня, приподняв бровь.

— Деви?

Я злобно уставился на Симмона. Тот ответил мне жалостным взглядом собаки, которая ждет пинка.

— Ну да, я занял денег у некой гелет по имени Деви, — ответил я, надеясь, что ее это удовлетворит.

Но Мола не отвела взгляда.

— И?

Я вздохнул. В другое время я предпочел бы увильнуть от ответа, но Мола была очень упорная в таких вопросах, а мне очень нужна была ее помощь завтра.

— Деви раньше была членом арканума, — сказал я. — И я в начале четверти дал ей немного своей крови в качестве залога. Когда Амброз принялся меня атаковать, я сделал ошибочные выводы и обвинил ее в том, что она наводит на меня порчу. После этого наши отношения испортились.

Мола с Фелой переглянулись.

— А ты, я смотрю, делаешь все, чтобы твоя жизнь была нескучной, а? — заметила Мола.

— Ну я же уже признал, что это была ошибка! — раздраженно ответил я. — Чего вам еще от меня надо?

— Расплатиться-то ты с ней сумеешь? — вмешалась Фела, пока мы с Молой не перегрызлись.

— Честно говоря, не знаю, — признался я. — Если мне повезет и я подольше просижу ночами в артной, то, возможно, к концу четверти и наскребу нужную сумму.

Я не сказал им всей правды. С Деви я, может быть, еще и расплачусь,

но вот на плату за обучение мне точно не заработать. Мне не хотелось портить им настроение известием о том, что Амброз все-таки победил. Заставив меня потратить столько времени на изготовление грэма, он фактически выжил меня из Университета.

Фела склонила голову набок.

— А что будет, если ты не сумеешь с ней расплатиться?

— Ничего хорошего, — мрачно ответил Вилем. — Ее не зря прозвали Деви-Демоница.

— Даже не знаю, — сказал я. — Она может продать мою кровь. Она говорила, что знает человека, который хотел бы ее купить.

— Этого она не сделает, я уверена, — сказала Фела.

— Ну, я бы ее понял, — сказал я. — Я знал, во что ввязываюсь, когда заключал эту сделку.

— Но она...

— Так уж устроен мир, — твердо сказал я, не желая задерживаться на этой теме дольше необходимого. Я хотел, чтобы вечер завершился на радостной ноте. — Лично я сейчас больше всего хочу как следует выспаться в своей собственной постели.

Я огляделся. Вил с Симом устало кивнули.

— Короче, всем до завтра. Смотрите не опаздывайте!

* * *

В ту ночь я наслаждался роскошью своей узкой постели в тесной каморке. В какой-то момент меня разбудило прикосновение холодного металла к коже. Я улыбнулся, повернулся на другой бок и снова провалился в блаженный сон.

ГЛАВА 33

ОГОНЬ

На следующий вечер я старательно собрал свой дорожный мешок, опасаясь забыть что-нибудь нужное. Я в третий раз все перепроверял, когда в дверь постучали.

Открыв, я увидел запыхавшегося мальчишку лет десяти. Увидев мою шевелюру, он вздохнул с облегчением.

— Вы Коат, да?

— Квоут, — поправил я. — Да, он самый.

— Вам письмо.

Он сунул руку в карман и добыл обтрепанный клочок бумаги.

Я протянул было руку, но мальчишка попятился и мотнул головой.

— Дама обещала, что вы мне дадите йоту за труды!

— Это вряд ли, — сказал я, протягивая руку. — Покажи сперва записку. Если она действительно для меня, я тебе дам полпенни.

Мальчишка насупил и нехотя отдал письмо.

Оно даже не было запечатано, просто сложено вчетверо и слегка отсырело вдобавок. Глядя на вспотевшего мальчишку я догадывался почему.

Письмо гласило:

«Квоут,

Не будешь ли ты столь любезен пожаловать сегодня на ужин? Мне тебя не хватало. У меня замечательные новости! Жду тебя в „Быке и бочонке“ после пятого колокола.

Искренне твоя,

Денна.

Пстскр. Я обещала мальчику полпенни».

— После пятого колокола? — переспросил я. — Обугленные руки Господни! Где ж тебя носило? Уже давно шестой пробил!

— А я чо, виноват, что ли? — огрызнулся он, глядя на меня исподлобья. — Я уж искал-искал! Она говорит, отнеси, мол, к Якерю.

Коуту у Якеря на том берегу. А оно вовсе даже и не на пристани. И никаких якерей на вывеске нету. Как я его, спрашивается, найду?

— Спросить надо было! — рявкнул я. — Черное проклятье, малый, ты что, совсем тупой, что ли?

Я с трудом подавил искреннее желание его придушить и перевел дух.

Я посмотрел в окно. На улице темнело. Меньше чем через полчаса мои друзья соберутся в лесу, у костровой ямы. Тащиться в Имре было совершенно некогда.

— Ладно, — сказал я настолько спокойно, насколько мог. Добыл огрызок карандаша и нацарапал на оборотной стороне записки:

«Денна,

Я ужасно извиняюсь. Твой гонец отыскал меня уже после шестого колокола. Парень туп, как бревно.

Мне тебя тоже очень не хватало, и я готов встретиться с тобой завтра в любое время дня или ночи. Пришли обратно мальчишку с ответом, когда и как.

Твой всей душой,

Квоут.

Пстскр. Если малый попытается вытянуть из тебя еще денег, дай ему по уху. Деньги он получит, когда принесет твой ответ к Анкеру — если, конечно, не напутает и не съест письмо по дороге».

Я снова сложил записку и запечатал ее размякшим свечным воском.

Потом ощупал свой кошелек. За последний месяц я мало-помалу спалил два лишних таланта, занятых у Деви. Я расшвыривал деньги на такие роскошества, как бинты, кофе и материалы для сегодняшнего предприятия.

В результате все, что у меня осталось, — это четыре пенни и одинокий шим. Я вскинул мешок на плечо и махнул мальчишке, чтобы он шел за мной вниз.

Я кивнул Анкеру, стоящему за стойкой, потом обернулся к мальчишке.

— Значит, так, — сказал я. — Ты все напутал и пришел сюда слишком поздно, но я даю тебе возможность все исправить.

Я достал три пенни и показал их ему.

— Ступай обратно в «Быка и бочонок», отыщи женщину, которая тебя прислала, и отдай это ей.

Я протянул ему записку.

— Она пришлет ответ. Принесешь его сюда и отдашь ему, — я указал на Анкера. — И он отдаст тебе деньги.

— Чо я, дурак, что ли? — сказал парень. — Отдайте сперва мои полпенни!

— Я тоже не дурак, знаешь ли, — сказал я. — Принесешь сюда ее ответ — получишь целых три пенни.

Он зыркнул на меня исподлобья, потом угрюмо кивнул. Я отдал ему записку, и он выбежал за дверь.

— Малый, похоже, не очень-то хорошо соображает, — заметил Анкер.

— Да он бестолковый как баран, — сказал я. — Я бы не стал ему это поручать, но он хотя бы знает ее в лицо.

Я вздохнул и положил на стойку три пенни.

— Окажите мне услугу: прочитайте сначала записку, чтобы убедиться, что мальчишка не пытается меня надуть.

Анкер взглянул на меня несколько смущенно.

— А что, если письмо окажется... э-э... чересчур личное?

— Тогда я спляшу веселую джигу, — сказал я. — Но, между нами говоря, мне в это не очень-то верится.

* * *

К тому времени, когда я вошел в лес, солнце село. Вилем был уже на месте. Он разводил в большой яме костер. Мы минут пятнадцать трудились вместе, собирая дрова для большого костра, который должен был гореть несколько часов.

Несколько минут спустя появился Симмон, волоча большой сухой сук. Мы втроем разломали его на мелкие части и нервно болтали о том о сем, пока из леса не появилась Фела.

Ее длинные волосы были собраны в прическу,ставляющую напоказ ее стройную шею и плечи. Глаза у нее были подведены темным, губы чуть ярче, чем обычно. Длинное черное платье обтягивало тонкую талию и округлые бедра. Кроме того, оноставляло напоказ самые потрясающие груди, какие мне приходилось видеть за свою недолгую жизнь.

Мы все уставились на нее, но только Симмон осмелился взглянуть на нее открыто.

— Ух ты-ы! — сказал он. — Ну, в смысле я всегда знал, что ты самая красивая женщина, какую я когда-либо видел. Но я не думал, что ты можешь быть еще красивее.

Он расхохотался своим мальчишеским смехом и указал на нее обеими руками.

— Подумать только! Ты невероятно прекрасна!

Фела вспыхнула и потупилась. Она явно была польщена.

— У тебя сегодня самая трудная роль, — сказал я ей. — Мне очень не хочется тебя об этом просить, но...

— Но ты единственная действительно неотразимая женщина, которую мы знаем, — перебил меня Симмон. — Наш запасной план был нарядить женщиной Вилема. Но этого никому не хотелось.

Вилем кивнул.

— Согласен.

— Только ради тебя! — насмешливо улыбнулась Фела. — Но когда я говорила, что обязана тебе услугой, я никак не думала, что ты попросишь меня назначить свидание другому мужчине!

Ее улыбка получилась не очень веселой.

— Тем более Амброзу.

— Ну, тебе надо его отвлечь всего на пару часов. Попробуй заманить его в Имре, если получится, но, в принципе, сойдет любой вариант не ближе ста метров от «Пони».

Фела вздохнула.

— Ну, хоть поужинаю!

Она взглянула на Симмона.

— Хорошие у тебя башмаки!

— Новенькие! — ухмыльнулся Симмон.

Я услышал приближающиеся шаги и обернулся. Пока что из всех нас не было только Мола, но вместе с шагами слышались голоса. Я заскрежетал зубами. Наверняка парочка молодых любовников решила воспользоваться теплой не по сезону погодой...

Нельзя, чтобы нас видели вместе, по крайней мере сегодня. Это вызовет слишком много вопросов. Я как раз собирался броситься навстречу, чтобы их перехватить, когда узнал голос Мола.

— Ты уж постой, подожди тут, пока я все объясню, — говорила она. — Пожалуйста. Постой и подожди. Так будет гораздо проще.

— Да пусть он устроит скандал на двенадцать цветов! — донесся из темноты знакомый женский голос. — Пусть хоть печенку свою выхаркает, мне плевать!

Это меня остановило. Второй голос был мне знаком, только я никак не мог вспомнить, кому он принадлежит.

Из-за деревьев появилась Мола. Рядом с ней шагала хрупкая девушка с короткими рыжеватыми волосами. Деви.

Я застыл, ошеломленный. Мола подошла ближе, успокаивающе вытянула руки и поспешно заговорила:

— Квоут, мы с Деви уже давно знакомы. Она мне объясняла, что к чему, давным-давно, когда я была тут новенькой. Еще до того, как ее... как она ушла.

— До того, как меня исключили! — гордо поправила Деви. — Я этого не стыжусь!

Мола торопливо продолжала:

— После того, что ты вчера говорил... Мне показалось, вы друг друга просто не поняли. И когда я зашла к ней и обо всем расспросила... — Мола пожала плечами. — В общем, мало-помалу все стало ясно. Она вызвалась помочь.

— Я хочу себе кусочек Амброза, — сказала Деви. Когда она произнесла его имя, в ее голосе послышалась холодная ярость. — Так что я тут, можно сказать, случайно.

Вилем откашлялся.

— Правильно ли будет предположить, что...

— Он бьет своих шлюх, — резко перебила его Деви. — Если бы я могла убить этого надменного ублюдка так, чтобы это сошло мне с рук, я бы это сделала много лет назад.

Она посмотрела на Вилема в упор.

— Да, мы были знакомы. Нет, это не твое дело. Этого тебе достаточно? Повисла напряженная тишина. Вилем сделал каменное лицо и кивнул. Деви повернулась и уставилась на меня. Я коротко поклонился.

— Деви, — сказал я, — прошу прощения.

Она удивленно заморгала.

— Ну надо же! Разрази меня гром! — сказала она ехидно. — Возможно, у тебя в башке даже имеются кое-какие мозги?

— Я думал, что тебе нельзя доверять, — сказал я. — Я был не прав. Я сожалею. Это был не самый разумный поступок в моей жизни.

Некоторое время она пристально смотрела на меня.

— Мы не друзья, — отрывисто сказала она. Ее тон по-прежнему оставался ледяным. — Но если ты останешься жив, мы с тобой побеседуем.

Потом Деви отвела от меня глаза, и ее лицо смягчилось.

— Фела, малышка!

Она обошла меня и крепко обняла Фелу.

— Как же ты выросла-то!

Она отступила на шаг и, держа Фелу на расстоянии вытянутой руки, восхищенно окинула ее взглядом.

— Бог мой, ты выглядишь совершенно как модеганская шлюха с десятью нашивками! Он будет в восторге.

Фела улыбнулась и повернулась на месте, взмахнув подолом юбки.

— Приятно все-таки иметь повод время от времени наряжаться!

— Ну, ты могла бы наряжаться и без повода, — возразила Деви. — И для мужиков получше Амброза.

— Да мне все как-то не до того. Я уже разучилась прихорашиваться. У меня ушло не меньше часа на то, чтобы вспомнить, как делать прическу. Замечания будут?

Она вытянула руки по швам и принялась медленно поворачиваться на месте.

Деви смерила ее оценивающим взглядом.

— Да ты и так выглядишь лучше, чем он того заслуживает. Но на тебе же ничего нет. Хоть бы какую-нибудь блестяшку надела!

Фела взглянула на свои руки.

— Кольца с перчатками не смотрятся, — сказала она. — А больше у меня нет ничего, что бы подходило к этому платью.

— Ладно, держи.

Деви склонила голову и сунула руки в волосы, сначала с одной стороны, потом с другой. И подступила вплотную к Феле.

— Господи, ну ты и вымахала! Наклонись-ка.

Когда Фела снова выпрямилась, в ушах у нее блеснули сережки, раскачиваясь и вспыхивая в свете костра.

Деви отступила на шаг и возмущенно фыркнула.

— Ну конечно, на тебе они выглядят лучше!

Она раздраженно покачала головой.

— Боже милосердный, женщина! Будь у меня такие сиськи, как у тебя, я бы давно уже завоевала полмира!

— Я бы тоже не отказался! — восторженно выпалил Сим.

Вилем заржал, потом закрыл лицо руками и отступил подальше от Сима, трясая головой и изо всех сил делая вид, будто знать не знает этого типа.

Деви взглянула на беззастенчивую мальчишескую улыбку Сима и снова перевела взгляд на Фелу.

— Это что за идиот?

Я перехватил взгляд Мола и поманил ее в сторону, чтобы поговорить с ней наедине.

— Тебе не обязательно было это делать, но все равно спасибо тебе. Для меня большое облегчение — знать, что она ничего против меня не затевает.

— Ты на это особо не рассчитывай, — мрачно возразила Мола. — Я еще никогда не видела, чтобы она была так зла. Мне просто обидно было, что вы с ней поссорились. Вы ведь ужасно похожи.

Я бросил взгляд на ту сторону костровой ямы, где Вил с Симом с опаской приближались к Деви и Феле.

— Я о тебе много слышал, — говорил Вилем, глядя на Деви. — Но я думал, ты должна быть выше ростом.

— Интересно, как это у тебя получается? — сухо осведомилась Деви. — Думать в смысле?

Я помахал руками, чтобы привлечь всеобщее внимание.

— Поздно уже, — напомнил я. — Пора по местам!

Фела кивнула.

— Я хочу прийти туда пораньше, просто на всякий случай.

Она нервно поправила перчатки.

— Ну, пожелайте мне удачи!

Мола подошла к ней и быстро обняла.

— Все будет хорошо. Только смотри, все время оставайся на людях, пока будешь с ним. Когда на него смотрят, он ведет себя приличнее.

— И побольше расспрашивай про его стишки! — посоветовала Деви. — Он будет болтать, не закрывая рта.

— Если вдруг разозлится, похвали вино, — добавила Мола. — Скажи что-нибудь вроде: «О, мне бы так хотелось выпить еще бокальчик, но, боюсь, оно бросится мне в голову!» Он купит сразу целую бутылку и попытается влить ее в тебя.

Деви кивнула.

— Это тебе поможет держать его на расстоянии как минимум лишних полчаса.

Она протянула руку и поддержала повыше декольте Фелы.

— Сначала держись паинькой, а под конец ужина постарайся немного выставить их напоказ. Наклонись в его сторону. Поиграй плечиками. Если он будет видеть все больше и больше, ему будет казаться, будто его дела идут на лад. Это помешает ему распустить руки.

— Самое кошмарное зрелище, какое я когда-нибудь видел! —

негромко заметил Вилем.

— Неужели все женщины на свете втайне знакомы друг с другом? — спросил Сим. — Это бы многое объяснило!

— Да нас во всем аркануме больше сотни не наберется! — уничтожающе заметила Деви. — Нас всех держат в одном крыле гнезд независимо от того, хотим мы там жить или нет. И как мы, спрашивается, можем не быть знакомы?

Я подошел к Феле и протянул ей дубовую веточку.

— Когда мы управимся, я подам тебе сигнал. А ты подай сигнал мне, если он вдруг тебя бросит.

Фела приподняла бровь.

— Между прочим, я могу и обидеться! — сказала она, потом улыбнулась и сунула веточку в одну из своих длинных черных перчаток. Серьги у нее в ушах качнулись и снова вспыхнули в свете костра. Это были изумруды. Гладкие изумрудные капельки.

— Какие славные сережки, — заметил я, обращаясь к Деви. — Где ты их раздобыла?

Она прищурила глаза, словно решала, обидеться или нет.

— Один хорошенький мальчик отдал их в уплату долга, — сказала она. — Хотя вообще-то это не твое дело.

Я пожал плечами.

— Просто интересно.

Фела помахала нам и пошла прочь, но не успела она отойти на несколько метров, как ее догнал Симмон. Он неловко улыбнулся, что-то сказал, энергично жестикулируя, и что-то ей отдал. Фела улыбнулась и тоже сунула это в перчатку.

Я обернулся к Деви.

— Я так понимаю, наш план тебе известен?

Она кивнула.

— Далеко отсюда до его жилища?

— Чуть меньше километра, — виновато ответил я. — И плюха...

Деви жестом оборвала меня.

— Расчеты я уж как-нибудь сама проведу, — резко сказала она.

— Хорошо.

Я указал на свой мешок, лежащий на краю ямы.

— Там воск и глина.

Я протянул ей березовый прут.

— Я подам сигнал, когда мы будем на месте. Начни с воска. Полчаса работай с воском, потом подай сигнал и переходи к глине. На глину уйдет

не меньше часа.

Девы фыркнула.

— С таким-то костром? У меня уйдет максимум минут пятнадцать.

— Но ты же понимаешь, что он не обязательно держит ее в ящике с носками. Может быть, она заперта где-то, где мало воздуха.

Девы только рукой махнула.

— Я свое дело знаю!

Я отвесил ей поклон.

— В таком случае оставляю все в твоих опытных руках.

— Как, и все?! — возмутилась Мола. — Меня ты целый час инструктировал! Ты надо мной издевался!

— Времени нет, — лаконично пояснил я. — И ты останешься тут, при ней, в случае чего объяснишь ей, как и что. К тому же Девы как раз одна из тех немногих, которые, возможно, более могущественные симпатисты, чем я.

Девы зыркнула на меня исподлобья.

— Возможно?! Да я тебя сделала, как рыжего пасынка! Я управляла тобой с помощью симпатии как марионеткой!

— Это было два оборота тому назад, — возразил я. — С тех пор я многому научился!

— Марионеткой? — переспросил Сим у Вилема. Вил сделал поясняющий жест, и оба расхохотались.

Я махнул Вилему.

— Пошли!

Прежде чем мы двинулись в путь, Сим протянул мне баночку.

Я с удивлением посмотрел на нее. Его алхимическое снадобье уже лежало у меня в кармане плаща.

— Что это?

— Просто мазь. На случай, если ты обожжешься, — объяснил Сим. — Но если смешать ее с мочой, она превратится в конфетку! Сладкую конфетку, — добавил он с непроницаемым лицом.

Я серьезно кивнул.

— Как скажете, сударь.

Мола растерянно уставилась на нас. Девы, подчеркнуто нас игнорируя, принялась подбрасывать дрова в огонь.

Через час мы с Вилемом играли в карты в «Золотом пони». Общий зал был почти полон, арфист довольно сносно играл «Нежную зимнюю рожь». Слышался приглушенный гул голосов, респектабельные посетители играли, пили, беседовали — о чем уж там беседуют богатые люди. Наверно, о том, как правильно лупить конюха или как гоняться за горничными по усадьбе.

«Золотой пони» был мне не по вкусу. Гости чересчур благовоспитанные, выпивка чересчур дорогая, музыканты приятнее глазу, чем уху. Однако, невзирая на все это, я бывал тут уже почти два оборота, делая вид, будто пытаюсь вскарабкаться повыше по социальной лестнице. Все затем, чтобы мое сегодняшнее присутствие никому не показалось странным.

Вилем выпил и принялся тасовать карты. Моя собственная выпивка стояла почти нетронутой и уже успела согреться. Это был всего лишь эль, но при здешних ценах я остался без гроша в буквальном смысле слова.

Вил раздал карты, и мы начали очередную партию в воздуха. Я брал карты очень осторожно: от Симмонова алхимического снадобья пальцы у меня сделались довольно скользкими. С тем же успехом мы могли бы играть пустыми листами. Я вытягивал и метал наугад, делая вид, будто поглощен игрой, хотя на самом деле я выжидал и прислушивался.

У меня зачесался уголок глаза, и я потянулся его протереть, спохватившись в последний момент, когда уже занес руку. Вилем встревоженно уставился на меня через стол и почти незаметно, но строго покачал головой. Я на миг застыл, потом медленно опустил руку.

Я так старался выглядеть беззаботно, что, когда сверху послышались крики, это и в самом деле застигло меня врасплох. Крики пронзили ровный гул голосов, как может пронзить его лишь панический вопль:

— Пожар! Горим!

Все присутствующие на миг застыли. Так всегда бывает, когда люди пугаются и не знают, что делать. В первую секунду все озираются, принимают и думают что-то вроде: «Что там кричат? „Пожар“?» или «Пожар? Где? Тут пожар?»

Я же не колебался, вскочил на ноги и принялся очумело озиаться по сторонам, словно искал, где горит. К тому времени, как все прочие в общем зале наконец зашевелились, я уже рванул к лестнице.

— Пожар! — надрывались наверху. — Господи боже, пожар!

Я слегка улыбнулся, слушая Бэзила. Он честно играл свою небольшую роль, даже несколько переигрывал. Я знал его не настолько хорошо, чтобы посвятить его во весь план целиком, однако для меня было важно, чтобы

кто-то вовремя заметил пожар и тем самым дал мне возможность начать действовать. Мне совершенно не улыбалась перспектива и в самом деле спалить полтрактира.

Я взбежал наверх и окинул взглядом второй этаж «Золотого пони». За спиной у меня уже слышались шаги. Несколько богатых постояльцев отворили двери номеров и выглядывали в коридор.

Из-под двери, ведущей в комнаты Амброза, тянулись струйки дыма. Великолепно!

— По-моему, это тут! — заорал я и бросился к двери, сунув руку в один из карманов плаща.

За те долгие дни, что мы провели в поисках в архивах, я нашел упоминания о многих любопытнейших артефактах. Один из них был весьма остроумным приспособлением, именуемым «осадным камнем».

Его действие основывалось на самых простых симпатических принципах. Арбалет запасает энергию и использует ее для того, чтобы послать стрелу с большой скоростью на большое расстояние. А осадный камень представляет собой кусок свинца, исписанный рунами, который запасает энергию и использует ее для того, чтобы продвинуться на пятнадцать сантиметров с силой боевого тарана.

Добежав до середины коридора, я собрал все силы и ударил в дверь Амброза плечом. Одновременно с этим я ударил по ней осадным камнем, который прятал в ладони.

Прочная дверь разлетелась как бочонок, который огрели кувалдой. Присутствующие заохали и заахали. Я ворвался внутрь, старательно скрывая улыбку безумца, что играла у меня на губах.

В гостиной у Амброза было темно, а висящий в воздухе дым делал комнату еще темнее. Я увидел в глубине комнаты, слева, марцающий отсвет пламени. По своему предыдущему визиту я знал, что там находится дверь спальни.

— Эй! — крикнул я. — Есть тут кто живой?

Я старательно выбрал верный тон: отважный, но озабоченный. Разумеется, никакой паники. Я же все-таки герой, а не кто-нибудь!

Спальня была заполнена густым дымом. Пламя подсвечивало дым оранжевым. У меня защипало глаза. У стены стоял массивный деревянный комод, здоровенный, как рабочий стол у нас в артной. Язычки огня выбивались из ящичков и лизали углы комода. Очевидно, Амброс в самом деле хранил восковую фигурку в ящичке с носками!

Я схватил ближайший стул и выбил им окно, через которое забрался сюда несколько ночей тому назад.

— Поберегись! — крикнул я вниз.

Левый нижний ящик комода полыхал жарче всего, и когда я выдвинул его, тлеющая одежда внутри тут же разгорелась от притока свежего воздуха. Запахло паленым волосом. Я понадеялся, что не спалил себе брови. Не хотелось провести ближайший месяц, имея вечно удивленный вид.

После первой вспышки я перевел дух, шагнул вперед и голыми руками выдернул из комода тяжелый деревянный ящик. Ящик был набит горящими, обугленными тряпками, но когда я бросился с ним к окну, то услышал, как на дне гремит что-то твердое. Оно вывалилось наружу, когда я выкинул ящик в окно. Ветер подхватил горящую одежду, и она запылала еще ярче.

Следующим я выдернул верхний правый ящик. Как только я его выдвинул, дым и пламя рванулись к потолку плотным столбом. С пустым пространством на месте двух ящиков комод превратился в грубое подобие трубы, обеспечив огню свободный приток воздуха. Выбрасывая в окно второй ящик, я слышал у себя за спиной глухое гудение пламени, пожиравшего лакированное дерево и одежду внутри.

Внизу, на улице, сбежавшиеся люди из всех сил старались погасить пылающее тряпье. В самой гуще небольшой толпы трудился Симмон в своих новых подкованных башмаках: он топтал тряпки и щепки с усердием мальчугана, шлепающего по лужам после первого весеннего дождика. Даже если кукла и пережила падение, после этого от нее уж точно ничего не останется.

Дело было не в простой вредности. Двадцать минут назад Деви подала мне сигнал, давая знать, что восковую фигурку она уже пробовала. Поскольку результата не было, это означало, что Амброз использовал мою кровь, чтобы изготовить глиняную куклу. Так что одного пожара было недостаточно, чтобы ее уничтожить.

Я один за другим выдвигал остальные ящики и выбрасывал их на улицу, сделав перерыв только затем, чтобы сорвать с кровати Амброза толстый бархатный балдахин — защитить руки от жара. Опять же, может показаться, будто я сделал это из вредности, но это не так. Я очень боялся обжечь руки. Каждый талант, который я зарабатывал, я зарабатывал ими.

А вот ночной горшок по пути к комоду я опрокинул именно из вредности. Горшок был дорогой, из глазированного фарфора. Он покатился по полу, наткнулся на камин и разбился. Достаточно будет сказать, что то, что пролилось на Амбрововы ковры, не было вкусной конфеткой.

Там, где прежде были ящики, теперь всюду полыхало пламя, озаряя

комнату, а через разбитое окно в комнату проникал свежий воздух. Наконец кто-то еще набрался храбрости и тоже вбежал в комнату. Он сорвал с кровати одно из одеял, обмотал им руки и помог мне выбросить в окно последние горящие ящики. Работа была жаркая и грязная, и, несмотря на помощь, к тому времени, когда последний ящик грохнулся на мостовую, я задыхался и кашлял.

Не прошло и трех минут, как все было кончено. Несколько самых сообразительных завсегдатаев притащили кувшины с водой и залили останки полыхающего комода. Я выкинул в окно тлеющий бархатный балдахин, крикнув «Осторожней там, внизу!», давая Симмону знак вытащить из груды тряпья мой осадный камень.

Зажгли лампы. Дым постепенно развеивался, уступая место свежему ночному воздуху, который лился в разбитое окно. В комнату набился народ, чтобы помочь, или поглазеть, или посплетничать о событии. Вокруг разбитой в щепки двери столпилась кучка любопытных, и я мимоходом подумал о том, какие слухи будут ходить о сегодняшнем представлении.

Когда комната была как следует освещена, я огляделся, изучая урон, причиненный пожаром. От комода осталась груда обугленных досок, оштукатуренная стена за комодом растрескалась и пошла пузырями от жара. Беленый потолок украсился широким веером черной копоти.

Я увидел свое отражение в зеркале на стене гардеробной и с удовлетворением обнаружил, что брови у меня более или менее целы. Зато я был сильно растрепан, и физиономия моя была покрыта пятнами сажи, смешанной с потом. На чумазом лице особенно ярко блестели белки глаз.

Вилем присоединился ко мне и стал помогать перевязывать левую руку. На самом деле я почти не обжегся, но понимал, что если бы я остался совершенно невредим, это выглядело бы странно. По правде говоря, помимо нескольких опаленных прядей волос, самым серьезным уроном, который я понес, были дыры, прожженные в моих длинных рукавах. Еще одна рубашка пропала... Если так и дальше пойдет, к концу четверти я останусь вообще голым!

Я сидел на краю кровати и смотрел, как люди носят воду и заливают останки комода. Я указал им на обугленную балку на потолке. Полили водой и ее тоже — дерево зашипело, от него повалил дым и пар. Люди то приходили, то уходили, глядя на пожарище, перешептываясь и качая головами.

Как раз когда Вил заканчивал меня перевязывать, через разбитое окно донесся drobный стук копыт, на время заглушивший топот кованых башмаков.

Не прошло и минуты, как в коридоре раздался голос Амброза:

— Во имя Господа, что тут творится?! Пошли все прочь! Прочь!!!

И, бранясь и расталкивая людей, в комнату ввалился сам Амброз. Увидев меня на своей кровати, он остановился как вкопанный.

— Ты что делаешь у меня в номере?! — вскричал он.

— Как?! — воскликнул я и огляделся по сторонам. — Так это твой номер?!

Я старался выразить подобающее изумление, что было непросто: голос у меня охрип от дыма.

— То есть я едва не сгорел, спасая твое барахло?!

Амброз с подозрением прищурил глаза, потом перевел взгляд на обугленные обломки комода. Затем его взгляд снова упал на меня, и внезапно выражение его глаз изменилось: он все понял. Я с трудом подавил желание ухмыльнуться.

— Проваливай отсюда, грязный вороватый руэ! — злобно бросил он. — Если хоть что-нибудь пропало — клянусь, я натравлю на тебя констебля! Тебя будут судить по железному закону, и я позабочусь о том, чтобы тебя повесили!

Я набрал было воздуха, чтобы ответить, но зашелся неудержимым кашлем, и мне осталось только зыркнуть на него исподлобья.

— Молодец, Амброз! — ехидно заметил Вилем. — Ты его разоблачил. Он и впрямь украл твой пожар!

— Да уж, так не годится, пусть подожжет все заново! — вставил один из зевак.

— Пошли вон! — побагровев, заорал разъяренный Амброз. — И этого чумазого шима с собой забирайте, а то я всех вздую так, как вы того заслуживаете!

Я видел, как присутствующие уставились на Амброза, изумленные и возмущенные его поведением.

Я устремил на него пристальный гордый взгляд, стремясь разыграть эту сцену максимально выгодным образом.

— Что ж, вот она, твоя благодарность! — произнес я тоном оскорбленного достоинства и протиснулся мимо Амброза, грубо отпихнув того с дороги.

Когда я уходил, в выбитую дверь Амбровых покоев ввалился тучный багроволицый мужчина. Я признал в нем хозяина «Золотого пони».

— Что за чертовщина! Что тут творится? — осведомился он.

— Опасно оставлять непотушенные свечи, — ответил я, обернулся и посмотрел в глаза Амброзу. — Честно говоря, парень, — сказал я ему, — не

знаю, чем ты думал. А ведь, казалось бы, член арканума, мог бы вести себя поумнее!

* * *

Мы с Вилом, Молой и Деви сидели у того, что осталось от нашего большого костра, когда за деревьями послышались шаги. Фела была одета все так же элегантно, но вынула шпильки из волос, и прическа у нее рассыпалась. Сим осторожно пробирался через лес рядом с ней, машинально убирая ветки с ее пути.

— Где это вас носило? — поинтересовалась Деви.

— Мне пришлось возвращаться из Имре пешком, — объяснила Фела. — А Сим встретил меня на полпути. Не волнуйтесь, матушка, он вел себя вполне благородно.

— Надеюсь, тебе пришлось не слишком тяжело... — сказал я.

— Обед прошел примерно так, как и следовало ожидать, — призналась Фела. — Но вторая половина вечера того стоила!

— Вторая половина? — переспросила Мола.

— На обратном пути Сим сводил меня посмотреть на пожарище в «Пони». И я задержалась, чтобы перекинуться парой слов с Амброзом.

Фела злобно ухмыльнулась.

— Я вела себя как настоящая стерва!

— Ага, — подтвердил Симмон. — Это было блестяще!

Фела, подбоченясь, уставилась на Сима.

— Значит, бросил меня и сбежал, вот как?!

Сим скорчил кислую рожу и взмахнул рукой.

— Слушай, ты, тупая овца! — вскричал он, великолепно подражая винтийскому акценту Амброза. — У меня номер загорелся!

Фела отвернулась и воздела руки.

— Вот только врать мне не надо! Ты смылся с какой-нибудь девкой! Меня еще никогда в жизни так не оскорбляли! Видеть тебя больше не желаю!

Мы разразились аплодисментами. Фела с Симом взяли за руки и раскланялись.

— Только разрешите уточнить, — небрежно заметила Фела, — Амброз все же не использовал выражения «тупая овца».

Руки Сима она, однако, не выпустила.

Симмон слегка смутился.

— А, ну да, конечно. Есть вещи, которых дамам не говорят, даже в шутку.

Он нехотя отпустил руку Фелы и уселся на ствол поваленного дерева. Фела села с ним рядом.

Она наклонилась к нему и что-то шепнула. Сим расхохотался и замотал головой.

— Ну пожалуйста! — сказала Фела, взяв его за локоть. — У Квоута нет при себе лютни. Кто-то же должен нас развлекать!

— Ну ладно, ладно, — сказал Симмон, явно несколько смущенный. Он на миг прикрыл глаза, а потом заговорил звучным голосом:

Устремилась Фела, сверкая очами,
Широко шагая, шурша одеяньем,
Нагрянула к Амброзу, гарью осыпанному,
Мрачно взирал он, хмурился грозно,
Но, страха не ведая, встретила гру...

Дойдя до слова «грудью», Симмон внезапно запнулся и побагровел как свекла. Деви, сидевшая по ту сторону костра, хихикнула.

Вилем, как и подобает верному другу, пришел на выручку с отвлекающим вопросом.

— Слушай, а что за остановки ты делаешь в середине каждой строчки? — спросил он. — Как будто тебе дыхания не хватает.

— Я об этом тоже спрашивала, — улыбнулась Фела.

— Это такая особенность древневинтийской поэзии, — объяснил Сим. — Специальная пауза, «цезура» называется.

— Знаешь, Сим, ты что-то слишком хорошо разбираешься в поэзии, — заметил я. — Я близок к тому, чтобы потерять к тебе уважение.

— Цыц! — сказала Фела. — Мне лично нравится. А тебе просто завидно, что он может сочинять такие стихи на ходу.

— Поэзия — это песня без музыки, — надменно возразил я. — А песня без музыки — как тело без души.

Прежде чем Симмон успел ответить, Вилем поднял руку.

— Пока мы не погрязли в философских спорах, я вынужден сделать одно признание, — торжественно произнес он. — Я обронил в коридоре напротив комнат Амброза стихотворение. Это акrostих, повествующий о его неутолимой страсти к магистру Хемме.

Все мы расхохотались, но Симмон отчего-то нашел это особенно

забавным. Прошло немало времени, прежде чем он сумел перевести дух.

— Ох, это не могло выйти лучше, даже если бы мы сговорились заранее! — проговорил он. — А я купил несколько предметов дамского туалета и подкинул их к тем, что валяются на улице. Розовые атласные ленточки. Кружавчики. Корсет на китовом усе.

Все снова разразились хохотом. А потом уставились на меня.

— А что сделал ты? — поинтересовалась Деви.

— Только то, что собирался, — скромно ответил я. — Я сделал все, чтобы уничтожить куклу, чтобы я снова мог спокойно спать по ночам.

— Ну, ты опрокинул его ночной горшок, — заметил Вилем.

— Это верно, — признался я. — И еще нашел вот это.

И я показал всем листок бумаги.

— Если это одно из его стихотворений, — сказала Деви, — я тебе советую поскорей его сжечь и вымыть руки.

Я развернул листок бумаги и прочел вслух:

— «Номер 4535: кольцо. Белое золото. Голубой дымный камень. Ремонт оправы и полировка».

Я бережно сложил бумажку и сунул ее в карман.

— Как по мне, — сказал я, — это куда лучше стихотворения.

Сим вытянул шею.

— Это что, закладная на кольцо твоей подружки?

— Если не ошибаюсь, это расписка от ювелира. Но да, это ее кольцо, — сказал я. — И, кстати, она мне не подружка.

— Ничего не понимаю, — сказала Деви.

— Да это то, с чего все началось, — объяснил Вилем. — Квоут пытался вернуть кое-какое имущество, принадлежащее девушке, которая ему нравится.

— А ну-ка, объясните, что к чему, — потребовала Деви. — А то я, похоже, пропустила начало.

Я привалился к валуну, предоставив друзьям рассказывать, как все было.

Этот клочок бумаги Амброз хранил не в комоде. И не на камине, и не на прикроватном столике. Не на подносе с драгоценностями и не на письменном столе.

По правде говоря, он лежал у него в кошельке. Я спер у Амброза кошелек от обиды, через полминуты после того, как он обозвал меня «грязным вороватым руэ». Я сделал это почти машинально, протискиваясь мимо него, когда уходил из его номера в «Пони».

Как ни странно, в кошельке были еще и деньги. Почти шесть талантов.

Не такая уж большая сумма для Амброза. Так, весело провести вечер с дамой. Ну а для меня это были огромные деньги. Так что я чувствовал себя почти виноватым оттого, что их спер. Почти.

ГЛАВА 34

БЕЗДЕЛУШКИ

Вечером, когда я вернулся к Анкеру, записки от Денны там не оказалось. И поутру тоже. Я гадал, отнес ли ей мальчишка мое послание, или он на все плюнул, или уронил письмо в воду, или съел его.

На следующее утро я решил, что настроение у меня слишком хорошее, чтобы портить его, присутствуя при неизбежном безумии занятий Элодина. Поэтому я вскинул на плечо лютню и отправился за реку, искать Денну. Мне потребовалось больше времени, чем я рассчитывал, но все равно не терпелось увидеть ее лицо, когда я верну ей колечко.

* * *

Я вошел в ювелирную лавку и улыбнулся человечку, стоявшему за стеклянным прилавком.

— Ну что, кольцо готово?

Он нахмурил лоб.

— Я... я... прошу прощения, сударь?

Я вздохнул, порылся в кармане и наконец вытащил клочок бумаги.

Ювелир взглянул на него, и лицо его озарилось пониманием.

— Ах да! Конечно, конечно. Минуточку.

И шмыгнул в дверь в глубине лавки.

Я немного расслабился. Это была уже третья лавка, куда я зашел. В двух других разговор вышел куда менее приятный.

Человечек выбежал из задней комнаты.

— Прошу вас, сударь!

Он протянул мне кольцо.

— Снова целехонько, как яблочко! И камушек славный, если можно так выразиться.

Я поднял кольцо к свету. Да, это было колечко Денны.

— Отличная работа, — сказал я.

Он улыбнулся в ответ.

— Благодарю вас, сударь. За всю работу — сорок пять пенни.

Я украдкой вздохнул про себя. Ну да, если бы Амброз еще и оплатил

работу авансом — это было бы слишком большой удачей... Я посчитал в уме и выложил на стеклянную поверхность прилавка талант и шесть йот. При этом я обратил внимание, что прилавок, служивший одновременно витриной, имеет маслянистую поверхность — это было стекло удвоенной прочности. Я провел по нему рукой, мимоходом подумав, не я ли изготовил его в артной.

Когда ювелир забрал монеты, на глаза мне попало кое-что еще. Вещица на витрине.

— Вам приглянулась какая-нибудь безделушка? — вкрадчиво спросил ювелир.

Я указал на ожерелье в центре витрины.

— У вас отменный вкус, — заметил ювелир, доставая ключ и отпирая панель в задней части прилавка. — Совершенно исключительная вещь. Мало того что оправка весьма элегантна, так еще и сам камень на редкость хорош. Нечасто встретишь изумруд такого качества и при этом каплевидной огранки.

— Ваша работа? — спросил я.

Ювелир испустил тяжкий вздох.

— Увы, не могу похвастаться таким успехом. Его принесла молодая дама несколько оборотов тому назад. Похоже, деньги ей были нужнее украшения, и мы с ней договорились.

— А сколько бы вы за него хотели? — спросил я так небрежно, как только мог.

Он назвал сумму. Это были безумные деньги. Больше, чем я когда-либо видел одновременно. На такую сумму женщина спокойно могла бы прожить в Имре в течение нескольких лет. Достаточно, чтобы купить хорошую новую арфу. Достаточно, чтобы купить лютню из чистого серебра. Или, скажем, футляр для такой лютни.

Ювелир снова вздохнул и покачал головой, скорбя о несовершенстве мира.

— Жаль, жаль, — сказал он. — Кто знает, что побуждает юных дам идти на такие жертвы?

Потом он поднял голову, улыбнулся, вытащил каплевидный изумруд на свет и посмотрел на меня выжидающе.

— И тем не менее ее убыток — ваша прибыль!

Поскольку Денна упоминала в записке «Быка и бочонок», я решил начать поиски именно оттуда. Футляр с лютней казался мне куда тяжелее теперь, когда я знал, чем она пожертвовала, чтобы за него заплатить. И тем не менее за добро платят добром, и я надеялся, что, вернув кольцо, хотя бы отчасти с ней расквитаюсь.

Но «Бык и бочонок» оказался не трактиром, а рестораном. Ни на что особо не надеясь, я все же спросил у хозяина, не оставляли ли мне записку. Нет, записки никто не оставлял. Я спросил, не припоминает ли он женщину, которая была тут накануне. Такую темноволосую, очень красивую.

Он кивнул.

— Да, она долго сидела, ждала, — сказал он. — Я, помнится, еще подумал: кого может ждать такая женщина?

Вы себе просто не представляете, как много в городе трактиров и постоянных дворов, даже в таком небольшом городе, как Имре.

ГЛАВА 35

ТАЙНЫ

Два дня спустя я направлялся в артную, надеясь, что немного честной работы поможет мне прочистить мозги и выдержать еще два часа бреда Элодина. Не дойдя трех шагов до дверей, я вдруг увидел девушку в синем плаще, бегущую через двор мне навстречу. Лицо ее, полускрытое капюшоном, являло собой странную смесь возбуждения и тревоги.

Наши глаза встретились, и девушка остановилась. А потом, не сводя с меня глаз, она сделала жест, такой незаметный, но настойчивый, что я не мог понять, чего она хочет, пока она не повторила жест. Девушка звала меня за собой.

Я был озадачен, однако кивнул. Она повернулась и пошла прочь с неуклюжей напряженностью человека, который изо всех сил старается держаться непринужденно.

Я пошел следом. В других обстоятельствах я бы подумал, что это подсадная девка, которая заманит меня в темный проулок, где громилы вышибут мне зубы и вытащат у меня кошелек. Однако в окрестностях Университета не было ни единого по-настоящему опасного закоулка, и к тому же стоял ясный солнечный день.

Наконец девушка остановилась на пустынной улочке между стеклодувной мастерской и лавкой часовщика. Она нервно огляделась по сторонам, потом обернулась и расплылась в улыбке.

— Наконец-то я вас нашла! — выпалила она, запыхавшись.

Она была моложе, чем я подумал сначала, никак не старше четырнадцати. Локоны мышино-русых волос обрамляли бледное личико и норовили выбиться из-под капюшона. Но все равно я никак не мог вспомнить, где ее видел...

— Сколько же я времени вас разыскивала-то! — сказала она. — Я тут уже так давно торчу, мамка небось думает, у меня в Университете друг сердечный завелся.

Последние слова она произнесла несколько застенчиво, и ее губы растянулись в робкой улыбке.

Я открыл было рот, чтобы признаться, что понятия не имею, кто она такая. Но я не успел сказать ни слова, потому что она заговорила снова.

— Вы не бойтесь, — сказала она, — я уж никому не сказала, что

пошла вас повидать.

Ее блестящие глаза потемнели от тревоги, как озеро, которое накрыла тень тучи.

— Так безопаснее, я ж понимаю.

И только теперь, когда ее лицо тревожно помрачнело, я ее узнал. Это была та девочка, с которой я разговаривал в Требоне, когда ездил расследовать слухи о чандрианах.

— Нина! — воскликнул я. — Что ты тут делаешь?

— Вас ищу! — она гордо выпятила подбородок. — Я же знала, что вы тутошний, потому как вы во всякой магии смыслите!

Она огляделась по сторонам.

— Но тут все такое большое, я даже и не думала, что тут все так. Я знаю, что в Требоне вы никому своего имени не называли, потому что тогда бы они обрели над вами власть, но, по правде говоря, из-за этого отыскать вас было ужасно трудно.

Что, я действительно никому в Требоне не назвал своего имени? Воспоминания о тамошних событиях остались довольно смутными, как будто я перенес легкое сотрясение мозга. Наверно, оно и к лучшему, что я сохранил инкогнито, учитывая, что по моей вине сгорела изрядная часть города.

— Ты извини, что я доставил тебе столько хлопот, — сказал я, по-прежнему не понимая, к чему все это.

Нина подступила ко мне ближе.

— Когда вы уехали, мне начали сниться сны, — сказала она тихо и доверительно. — Дурные сны. Мне казалось, будто они вот-вот явятся за мной из-за того, что я вам рассказала.

Она многозначительно взглянула на меня.

— Но потом я стала ложиться спать с амулетом, что вы мне дали. И молиться каждый вечер. И сны прошли.

Ее рука рассеянно играла кусочком блестящего металла, который висел у нее на шее на кожаном шнурке.

Я внезапно почувствовал раскаяние, осознав, что непреднамеренно солгал магистру Килвину. Конечно, никаких амулетов я никому не продавал и никогда не делал ничего похожего на амулеты. Но я действительно дал Нине кусочек металла, исчерченного рунами, и убедил ее, что это амулет, чтобы ей было спокойнее. До того она была на грани нервного срыва, потому что боялась, что демоны явятся и убьют ее.

— Так, значит, он помогает? — спросил я, стараясь, чтобы мой голос не звучал виновато.

Она кивнула.

— Стоило мне сунуть его под подушку и помолиться, я тут же засыпала, как младенец у титьки. А потом мне начал сниться совсем другой, особенный сон, — сказала она и улыбнулась мне. — Мне снился тот большой горшок, который Джимми мне показывал перед тем, как их всех убили на Маутеновой ферме.

В душе у меня зашевелилась надежда. Нина была единственным оставшимся в живых человеком, который видел ту древнюю вазу. На вазе были изображены чандрианы, а чандрианы очень ревниво хранят свои тайны.

— Так ты что-то помнишь о горшке, на котором были изображены семь человек? — с возбуждением спросил я.

Нина поколебалась, нахмурилась.

— Их было восемь, — сказала она. — Восемь, а не семь.

— Восемь? — переспросил я. — Ты уверена?

Она кивнула с серьезным видом.

— Я думала, я вам уже говорила.

Надежда, разраставшаяся у меня в груди, внезапно обрушилась куда-то в живот и осталась там лежать тяжелой кислой грудой. Чандриан семеро. Это была одна из немногих вещей, которые я знал о них совершенно точно. Если на вазе, которую видела Нина, нарисовано восемь человек, то...

А Нина тем временем продолжала болтать, не замечая моего разочарования.

— Этот горшок снился мне три ночи подряд, — говорила она. — И этот сон был совсем не дурной. Я каждое утро просыпалась счастливой и отдохнувшей. И тогда я поняла, что это веление Господне.

Она порылась в карманах и добыла кусочек полированного рога, длиной больше пяди и толщиной в мой большой палец.

— Я помнила, как вы хотели все разузнать об этом горшке. Но я вам ничего толком рассказать не могла, потому что и видела-то его всего лишь одну секундочку.

Она с гордостью вручила мне кусок рога.

Я уставился на роговую палочку, которую держал в руках, не зная, что мне положено с ней делать. Потом растерянно посмотрел на девочку.

Нина недовольно фыркнула, отобрала у меня роговую палочку и отвернула ее кончик, сняв его, как крышку.

— Это мне брат сделал, — сказала она, бережно вытаскивая из роговой трубочки свернутый лист. — Вы не бойтесь. Он не знает, для чего это надо.

Она протянула листок мне.

— Тут не очень хорошо нарисовано, — нервно сказала она. — Мама мне разрешает помогать расписывать горшки, но это совсем другое дело. Людей рисовать труднее, чем цветы или узорчики. И к тому же не так-то просто нарисовать правильно то, что ты видишь только мысленно.

Я сам удивился, как у меня не дрожат руки.

— Это то, что было нарисовано на вазе? — спросил я.

— Это один бок, — сказала она. — Когда смотришь на нее с одной стороны, видно только это, примерно треть.

— Так тебе каждую ночь снилась ваза с разных сторон? — спросил я.

Она покачала головой.

— Нет, только с этой. Три ночи подряд.

Я медленно развернул свиток и тут же узнал человека, которого она нарисовала. Глаза у него были непроглядно-черными. На заднем плане было нарисовано голое дерево, и он стоял на синем круге с несколькими волнистыми линиями на нем.

— Это должна быть вода, — объяснила Нина, указывая на круг. — Но воду рисовать трудно. А он как бы стоит на ней. Вокруг него были еще сугробы, и волосы у него были белые. Только у меня не нашлось белой краски. Смешивать краски для бумаги оказалось труднее, чем глазури для горшков.

Я кивнул, не решаясь открыть рот. Это был он, Пепел. Тот самый, кто убил моих родителей. Я мог безо всяких усилий вспомнить его лицо. Даже не закрывая глаз.

Я развернул листок дальше. Там был второй человек — или, скорее, человеческая фигура в длинной мантии с капюшоном. И под капюшоном не было ничего, одна чернота. Над головой у него висели три луны: полная луна, полумесяц и узенький серпик. Рядом с ним горели две свечи. Одна — желтая, с ярко-оранжевым пламенем. Вторая стояла под его простертой рукой: она была серая, а пламя ее — черным, и пространство вокруг нее было мутным и темным.

— Это, наверное, тень, — сказала Нина, указывая на пространство под его рукой. — На горшке это выглядело нагляднее. Мне пришлось взять уголь, чтобы это нарисовать, краской никак не получалось.

Я снова кивнул. То был Хелиакс. Предводитель чандриан. Когда я его видел, его окутывала неестественная тень. Свет пламени рядом с ним почему-то тускнел, и тень его капюшона была черна, как дно колодца.

Я развернул лист до конца и открыл третью фигуру. Она была больше прочих. На этом человеке был доспех и шлем без забрала. На груди

красовался яркий герб, выглядевший как осенний лист, красный по краям, оранжевый в середине, с прямым черным черешком.

Лицо его было смуглым, но вскинутая вверх рука — ярко-красной. Второй руки было не видно за большим круглым предметом, которому Нина как-то ухитрилась придать металлический, бронзовый оттенок. Я понял, что это щит.

— Этот хуже всех, — вполголоса сказала Нина.

Я взглянул на нее. Лицо ее помрачнело, и я заподозрил, что она неправильно истолковала мое молчание.

— Не говори так, — сказал я. — Ты очень здорово все нарисовала.

Нина слабо улыбнулась.

— Да я не это имела в виду, — сказала она. — Его было очень трудно рисовать. Вот медь я еще неплохо изобразила, — она коснулась его щита. — А вот это, красное, — ее палец уперся во вскинутую руку, — это должна была быть кровь. У него вся рука в крови. А вот это, — она потыкала его в грудь, — было гораздо ярче, как будто горящее.

И тут я его узнал. На груди у него был не лист. Это была башня, объятая пламенем. И его окровавленная рука ни на что не указывала. Это был жест укора в адрес Хелиакса и прочих. Он вскинул руку, чтобы их остановить. Это был один из амир. Один из киридов.

Девочку передернуло, она плотнее закуталась в плащ.

— Мне даже теперь не нравится подолгу на него смотреть, — сказала она. — Они все жуткие. Но этот — хуже всех. Лица у меня получились плохо, но он был ужасно мрачным. Он выглядел таким грозным! Как будто собирается спалить дотла весь мир.

— А если это только одна сторона, — спросил я, — можешь ли ты вспомнить остальных?

— Не так отчетливо. Я помню, там была женщина без одежды, и сломанный меч, и огонь...

Она призадумалась, потом снова покачала головой.

— Я же вам говорила, Джимми мне ее показал всего на секундочку. Я так думаю, это ангел мне помог вспомнить ее во сне, чтобы я могла ее зарисовать и принести вам.

— Нина, — сказал я, — ты просто чудо. Ты себе не представляешь, насколько невероятно то, что ты совершила!

Ее лицо снова озарилось улыбкой.

— Ой, я так рада! А то я уж так с ними намучилась...

— А где ты пергамент взяла? — спросил я, впервые обратив внимание на материал. Это был настоящий пергамент отличной выделки. Куда более

качественный, чем все, что мог себе позволить я.

— Я сперва попробовала рисовать на досках, — сказала она. — Но поняла, что на доске не получится. А потом, я знала, что мне придется как-то его спрятать. Поэтому я пробралась в церковь и вырезала несколько страниц из ихней книги, — сказала она, ничуть не смущаясь.

— Ты вырезала это из «Книги о Пути»?! — слегка ужаснулся я. Не то чтобы я особо религиозен, но кое-какие представления о приличиях у меня все же имеются. А после часов, проведенных в архивах, сама мысль о том, чтобы вырезать страницы из книги, представлялась мне кощунственной.

Нина беспечно кивнула.

— Я решила, что так и надо, раз это ангел послал мне сон. А церковь все равно как следует не запирается по ночам, с тех пор как вы снесли весь перед здания и убили того демона.

Она погладила пергамент пальцем.

— Это не так уж и трудно. Надо просто взять ножик, поскрести, и все слова счистятся. Но имя Тейлу я не тронула, — добавила она, указав на него. — Так же, как и Андана, и прочих ангелов, — благочестиво добавила она.

Я пригляделся и увидел, что это правда. Амир был нарисован так, что слова «Андан» и «Ордадь» оказались у него на плечах, по одному с каждой стороны. Как будто Нина надеялась, что имена пригнут его к земле или удержат на месте.

— А потом, вы ведь говорили, чтобы я никому не рассказывала о том, что видела, — сказала Нина. — А нарисовать — это все равно что рассказать, только не словами, а рисунками. Вот я и подумала, что безопасней будет использовать страницы из книги Тейлу, потому как ни один демон не осмелится взглянуть на страницу из этой книги. Тем более на ту, на которой всюду написано имя Тейлу!

Она взглянула на меня с гордостью.

— Да, это умно придумано, — одобрил я.

Тут на часовой башне пробило час, и Нина внезапно пришла в ужас.

— Ох, нет! — жалостно воскликнула она. — Мне уже давно пора быть на пристани! Маменька меня выпорет!

Я рассмеялся. Отчасти потому, что был крайне удивлен этой неожиданной удаче. Отчасти же — от мысли о том, что эта девочка достаточно отважна, чтобы бросить вызов чандрианам, но при этом боится рассердить маменьку. Так уж устроен мир!

— Нина, ты мне оказала неоценимую услугу. Если тебе вдруг что-то будет нужно или тебе снова приснится сон, ты можешь найти меня в

трактире, который называется «У Анкера». Я там играю музыку.

Глаза у нее расширились.

— Музыку? Волшебную?

Я снова рассмеялся.

— Ну, некоторые верят, что да.

Она нервно оглянулась.

— Ой, мне правда пора! — сказала она, махнула мне рукой и бросилась бежать в сторону реки. Ветер на бегу сдул с нее капюшон.

Я бережно свернул кусок пергамента и спрятал его обратно в роговую трубочку. Голова у меня шла кругом при мысли обо всем, что мне только что сделалось известно. Я вспомнил то, что сказал Хелиакс Пеплу тогда, много лет назад: «Кто защищает тебя от амир? От певцов? От ситхе?»

После многомесячных поисков я был практически уверен, что в архивах о чандрианах нет никаких сведений, кроме детских сказок. Для всех они были такой же выдумкой, как шаркуны или фейри.

Но про амир знали все. Они были светлые рыцари Атуранской империи. Они на протяжении двух веков были могучей дланью церкви. О них были сложены сотни историй и песен.

Историю я знал достаточно хорошо. Орден амир был основан тейлинской церковью в ранние дни Атуранской империи.

Однако горшок, который видела Нина, был намного старше.

Историю я знал достаточно хорошо. Орден амир был осужден церковью и распущен еще до падения империи.

Но я знал, что чандрианы боятся их и поныне.

Было очевидно, что история куда сложнее, чем кажется.

ГЛАВА 36

НЕСМОТЯ НА ВСЕ ЭТО

Прошло несколько дней, и я пригласил Вила с Симом за реку, отпраздновать успех нашей кампании против Амброза.

Учитывая мое пристрастие к саунтену, винопийца из меня был так себе, однако Вил и Сим были столь любезны, что продемонстрировали мне все тонкости этого дела. Мы побывали в нескольких кабаках, просто для разнообразия, но под конец вернулись в «Эолиан». Мне там больше нравилось из-за музыки, Симмону — оттого, что там было много женщин, а Вилему — оттого, что там подавали скаттен.

Когда меня вызвали на сцену, я был уже слегка навеселе, но для того, чтобы я перестал попадать по струнам, нужно нечто большее, чем немного вина. Чисто чтобы показать, что я вовсе не пьян, я спел «Брели бреднем мимо броду», которую и на трезвую-то голову не выговоришь.

Слушателям понравилось, и они проявили свое одобрение подобающим образом. И, поскольку я в тот вечер не пил саунтена, большая его часть стерлась у меня из памяти.

* * *

Мы втроем неторопливо возвращались из «Эолиана». Воздух пах морозом, предвещая близкую зиму, но мы трое были молоды, и выпитое грело нас изнутри. Ветер откинул мой плащ, и я радостно вдохнул полной грудью.

Внезапно меня охватила паника.

— А где моя лютня?! — воскликнул я несколько громче, чем собирался.

— Ты ее оставил у Станчиона в «Эолиане», — сказал Вилем. — Он боялся, что ты споткнешься об нее и сломаешь себе шею.

Симмон остановился посреди дороги. Я налетел на него, потерял равновесие и плюхнулся на землю. Он как будто и не заметил.

— Знаете, — сказал он очень серьезно, — похоже, сейчас мне это не по плечу.

Впереди возвышался Каменный мост: шириной в семьдесят метров, с

высокой аркой, вздымающейся над рекой на высоту пятиэтажного дома. Он был частью Большого Каменного тракта, прямой как гвоздь, ровный как стол, древнее, чем сам Господь. Я знал, что он весит как гора. Я знал, что он с обеих сторон огражден парапетом метровой высоты.

И, несмотря на все это, мне сделалось ужасно не по себе при мысли о том, чтобы через него перейти. Я, пошатываясь, поднялся на ноги.

Пока мы трое изучали мост, Вилема медленно повело в сторону. Я протянул руку, чтобы его подхватить, и в то же время за меня ухватился Симмон — то ли затем, чтобы мне помочь, то ли затем, чтобы самому удержаться на ногах.

— Нет, — повторил Симмон, — сейчас мне это точно не по плечу.

— Тут есть место, где можно посидеть, — сказал Вилем. — Келла трелле турен навор ка!

Мы с Симмоном сдержанно фыркнули, и Вилем повел нас через рощу к небольшой полянке метрах в пятнадцати от подножия моста. К моему изумлению, в центре полянки возвышался, указывая в небо, высокий серовик.

Вил вышел на полянку спокойно и уверенно, словно она давно была ему знакома. Я шел медленнее, с любопытством озираясь по сторонам. Для бродячих актеров серовики имеют особое значение, и встреча с ним вызвала во мне смешанные чувства.

Симмон плюхнулся навзничь в густую траву, Вилем прислонился к стволу кривой березы. Я подошел к серовику и коснулся его кончиками пальцем. Камень был теплым и родным.

— Не толкай ты эту штуку! — нервно сказал Симмон. — Упадет еще! Я расхохотался.

— Сим, этот камень тут уже тыщу лет стоит! Не думаю, что если я на него дыхну, это ему повредит.

— В общем, отойди от него подальше! Это нехорошая штука.

— Это же серовик, — сказал я, дружески похлопав камень. — Они отмечают древние дороги. Если уж на то пошло, рядом с ним безопаснее всего. Серовики отмечают безопасные места. Это все знают.

Симмон упрямо потряс головой.

— Это языческие святыни!

— Спорим на йоту, что я прав! — поддел я.

— Ха! — Симмон, не вставая, поднял руку. Я подошел и хлопнул его ладонью по ладони, таким образом официально побившись об заклад.

— Завтра же пойдем в архивы и проверим, — сказал Сим.

Я сел на землю рядом с серовиком и только-только начал было

расслабляться, как вдруг меня охватила паника.

— Тело Господне! — воскликнул я. — Моя лютня!

Я попытался было вскочить на ноги, но вместо этого едва не вышиб себе мозги о серовик.

Симмон попытался сесть, чтобы успокоить меня, но это движение оказалось для него слишком резким, он неуклюже завалился набок и зашелся хохотом.

— Не смешно! — вскричал я.

— Она в «Эолиане», — сказал Вилем. — Ты уже четырежды спрашивал про нее с тех пор, как мы оттуда ушли.

— Ничего подобного! — уверенно ответил я, хотя на самом деле чувствовал себя далеко не столь уверенно. Я потер затылок в том месте, которым ударился о камень.

— Да ладно, тут стыдиться нечего, — великодушно махнул рукой Вилем. — Человеку свойственно не переставая думать о том, что дорого его сердцу.

— Я слышал, как Килвин пару месяцев назад нагрузился в «Кранах» и не умолкая болтал о своей новой холодной сернистой лампе, — заметил Симмон.

Вил фыркнул.

— А Лоррен распространяется о правильном обращении с книгами. «За корешок берите, за корешок!» — проворчал он, делая хватательные движения обеими руками. — Если я это еще раз услышу, я его самого за корешок возьму, ей-богу!

Тут меня посетило воспоминание.

— Тейлу милосердный! — внезапно ужаснулся я. — Я что, в самом деле пел сегодня в «Эолиане» «Лудильщика да дубильщика»?

— Ага, — сказал Симмон. — А я и не знал, что в этой песне так много куплетов.

Я наморщил лоб, судорожно пытаюсь вспомнить, как все было.

— И про попа и овцу тоже пел?

Не самый подходящий куплет для приличной компании.

— Ниа, — ответил Вилем.

— Слава тебе, Господи!

— Там было про козу, — уточнил Вилем с самым серьезным видом, а потом разразился хохотом.

— «В тейлинской сутане!» — пропел Симмон и тоже расхохотался.

— О нет... — простонал я, закрыв лицо руками. — Когда мой отец это пел на публике, мать отправляла его ночевать под фургоном! Станчион

отлупит меня дубинкой и отберет у меня дудочки в следующий раз, как увидит!

— Всем понравилось! — утешил меня Симмон.

— Станчион тоже подпевал, — добавил Вилем. — Надо сказать, что к тому времени у него самого нос был довольно красный.

На некоторое время воцарилась уютная тишина.

— Квоут! — окликнул меня Симмон.

— Чего?

— А ты что, правда эдема руэ?

Вопрос застал меня врасплох. В другое время я бы разозлился, но прямо сейчас я не знал, что об этом думаю.

— А это важно?

— Да нет. Мне просто стало интересно.

— А-а.

Я еще некоторое время посидел, глядя на звезды.

— А что тебе стало интересно?

— Да так, ничего, — сказал он. — Амброз пару раз обзывал тебя «этот руэ», но он тебя и другими оскорбительными словами обзывал...

— Это не оскорбление, — возразил я.

— Я хотел сказать, он говорил о тебе много такого, что не соответствует действительности, — поспешно поправился Симмон. — О своей семье ты ничего не рассказывал, но иногда ты говоришь вещи, которые заставляют задуматься.

Он пожал плечами, по-прежнему лежа навзничь и глядя на звезды.

— Я никогда не был знаком ни с кем из эдема руэ. Ну, в смысле не так чтобы близко.

— Все, что тебе рассказывали, — вранье, — сказал я. — Мы не крадем детей, не поклоняемся темным богам и вообще ничего такого не делаем.

— Да я ни во что такое и не верил, — отмахнулся Симмон, потом добавил: — И все же, наверное, кое-что из того, что о вас рассказывают, должно быть правдой. Я никогда не слышал, чтобы кто-то играл так, как ты.

— Ну, мое происхождение тут ни при чем, — возразил я, потом, поразмыслив, уточнил: — Разве что отчасти.

— А плясать ты умеешь? — ни с того ни с сего поинтересовался Вилем.

Спроси об этом кто другой или в другое время, я бы, наверно, полез в драку.

— Ну да, это то, как нас обычно представляют! Мы играем на дудках и

на скрипках. Мы пляшем вокруг костров. А в оставшееся время крадем все, что не прибито гвоздями.

Последнее я произнес с некоторой горечью.

— Эдема руэ — это совсем не то!

— А что же тогда? — спросил Симмон.

Я задумался, но мой нетрезвый разум отказывался мне повиноваться.

— Мы, ну... люди как люди на самом деле, — сказал я наконец. — Просто не засиживаемся подолгу на одном месте, и нас никто не любит.

И мы все трое стали молча смотреть на звезды.

— И что, она правда отправляла его ночевать под фургоном? — спросил Симмон.

— Чего-чего?

— Ну, ты сказал, что твоя мама отправляла отца ночевать под фургоном за то, что он пел куплет про овцу. Это правда?

— Скорее, фигура речи, — сказал я. — Но однажды она в самом деле так и сделала.

Я нечасто вспоминал свое детство в труппе, те времена, когда мои родители были еще живы. Я избегал этой темы, как калека избегает переносить вес на увечную ногу. Но в ответ на вопрос Сима воспоминания сами собой вырвались на поверхность.

— И не за «Лудильщика да дубильщика», — невольно сказал я. — А за песню, которую он написал про нее...

Я надолго умолк. Потом произнес:

— Лориана...

За много лет я впервые произнес вслух имя моей матери. Впервые с тех пор, как ее убили. Оно было странным на вкус.

И, сам того не желая, вдруг запел:

Лориана, Арлиденова жена,
Голоском под стать напильнику нежна,
Схожа личиком с зубилом небольшим,
Как меняла, караулит каждый шим.
Ни стирать она, ни стряпать не сильна,
Только денежку считать обучена,
И скажу я вам, что мне всегда охота
Зарабатывать побольше ей для счёта,
Ибо мне в жене моей прекрасной ближе
Не лицо, не талия, а то, что ниже.

*(Стихи в переводе Вадима Ингвалла Барановского и
Анны Хромовой)*

Я чувствовал себя странно онемевшим, как будто оторванным от собственного тела. И, как ни странно, воспоминание, хоть и острое, не было болезненным.

— Ну да, за такое человека и впрямь могут загнать под фургон, — серьезно заметил Вилем.

— Да не в этом дело, — услышал я себя словно со стороны. — Она была красавица, и они оба знали это. Они все время друг друга дразнили. Дело было в размере. Ей не понравился этот ужасный размер.

Я никогда не рассказывал о своих родителях, и говорить о них сейчас в прошедшем времени было как-то неловко. Это казалось предательством. Вила с Симом мое откровение не удивило. Всякий, кто меня знал, мог видеть, что семьи у меня нет. Я никогда ничего не говорил, но они были хорошие друзья. Они и так все понимали.

— А у нас в Атуре, когда жены злятся, мужья обычно уходят спать в конуру, — сказал Симмон, переводя разговор на менее опасную почву.

— Мелоси реху эда стити, — буркнул Вилем.

— А ну, говори на атуранском! — со смехом бросил Симмон. — Чтоб я больше не слышал этого ослиного наречия!

— Эда стити? — переспросил я. — Спите у огня?

Вилем кивнул.

— Я заявляю официальный протест! — воскликнул Сим, воздевая перст. — Ты не имел права так быстро выучить сиару! Я вот целый год занимался, прежде чем начал хоть что-то понимать. Год! А ты нахватался всего за четверть.

— Так я же еще в детстве его учил, — возразил я. — А за эту четверть только отполировал имеющиеся познания.

— Выговор у тебя лучше, — сказал Вил Симу. — Квоут разговаривает, как какой-нибудь купец с юга. Очень простецкий говор. Твоя речь звучит куда более изысканно.

Это, похоже, заставило Сима смягчиться.

— У огня... — повторил он. — Не странно ли, что уходят всегда именно мужчины?

— Ну разумеется, в постели хозяйка — женщина, — сказал я.

— Это не так уж плохо, — сказал Сим.

— Смотря какая женщина, — заметил Вил.

— Вот Дистрель хорошенькая... — сказал Сим.

— Кех! — возразил Вил. — Чересчур уж бледная. А вот Фела...

Симмон печально покачал головой.

— Не нашего полета птица.

— Она же модеганка, — сказал Вил, расплываясь в широкой, почти демонической ухмылке.

— Что, правда? — спросил Сим. Вил кивнул. Я еще никогда не видел, чтобы он так лыбился. Сим горестно вздохнул.

— Ну, все сходится. Мало того, что самая красивая девушка в Содружестве, так еще и модеганка. Я не знал.

— Ну, положим, если и самая красивая, то разве что на своем берегу реки, — возразил я. — А на этом берегу...

— Про свою Денну ты уже распространялся, — перебил Вилем. — Раз пять, не меньше.

— Послушай, — сказал Симмон, внезапно сделавшись серьезным, — тебе нужно просто вести себя чуть посмелее. Эта Денна, она к тебе явно равнодушна.

— Она на этот счет ничего не говорила.

— Да они о таком никогда не говорят! — сказал Симмон и расхохотался от мысли о такой глупости. — Но есть же всякие игры. Это нечто вроде танца.

Он поднял руки, делая вид, будто они беседуют между собой.

— «Ой, как здорово, что я тебя встретил!» — «Привет, а я как раз собиралась пообедать». — «Надо же, как удачно, и я тоже! Давай помогу тебе нести сумку?»

Я вскинул руку, чтобы остановить его.

— Можно сразу перейти к концу этого спектакля, где ты на протяжении оборота изливаешь свое горе над кружкой с пивом?

Симмон надулся и обиженно уставился на меня. Вилем расхохотался.

— За ней увивается достаточно мужчин, — сказал я. — Они появляются и исчезают, как...

Я попытался придумать сравнение, но у меня ничего не вышло.

— Я предпочту остаться ее другом.

— Ты предпочел бы прикинуться к ее сердцу, — сказал Вилем без особого нажима. — Ты предпочел бы, чтобы она радостно обвила тебя руками. Но ты боишься, что она отвергнет тебя. Ты боишься, что она посмеется над тобой, и тебе неохота остаться в дураках.

Вилем непринужденно пожал плечами.

— Ну, ты не первый, кто испытывает подобные чувства. Ничего постыдного в этом нет.

Он практически попал в цель, так что я долго не мог найтись, что ответить.

— Надеюсь, — тихо признал я. — Но мне не хочется делать чересчур смелые предположения. Видел я, что бывает с мужчинами, которые слишком много возомнили и попытались подгрести ее под себя.

Вилем торжественно кивнул.

— Она же тебе футляр для лютни купила, — подсказал Сим. — Это что-нибудь да значит!

— Но что именно это значит? — спросил я. — Да, похоже, как будто она ко мне равнодушна, но что, если мне просто хочется так думать? Все те мужчины наверняка тоже думали, что они ей небезразличны. Но они, очевидно, ошибались. А вдруг и я тоже ошибаюсь?

— Ну, так ведь не попробуешь — не узнаешь, — с горечью сказал Сим. — По крайней мере, так я всегда думал. Но знаете что? Ни фига это не работает. Я за ними бегая, а они меня пинают, как собаку, которая лезет на стол. Я уже устал все время пробовать...

Он тяжело вздохнул, по-прежнему лежа на спине.

— Я ведь немного хочу — просто встретить девушку, которой бы я понравился.

— А я хочу просто знать наверняка, — сказал я.

— А я хочу волшебного коня, которого можно спрятать в карман, — сказал Вил. — И кольцо красного янтаря, которое дало бы мне власть над демонами. И бесконечный запас пирожных.

Мы снова погрузились в уютное молчание. В вершинах негромко вздыхал ветер.

— А говорят, что руэ знают все истории на свете, — сказал, помолчав, Симмон.

— Может быть, и так, — согласился я.

— Расскажи что-нибудь! — попросил он.

Я нехорошо сощурился.

— Да не смотри ты так! — возмутился он. — Просто хочется послушать что-нибудь интересное.

— Да, а то развлечений как-то недостает, — поддакнул Вилем.

— Ладно, ладно. Дайте подумать.

Я закрыл глаза, и в памяти тотчас всплыла история об амир. Неудивительно. Я думал о них не переставая с тех самых пор, как повстречался с Ниной.

Я сел прямо.

— Ну хорошо...

Я набрал было воздуха, потом остановился.

— Если кому надо отойти в кусты, сделайте это сейчас. Не люблю, когда меня перебивают на середине.

Тишина.

— Ладно.

Я прочистил горло.

— Есть на свете место, которое видели немногие. Удивительное место, что зовется Фаэриниэль. Если верить преданиям, у него есть две особенности. Во-первых, это место, где сходятся все дороги в мире. А во-вторых, это не то место, которое можно отыскать нарочно. Туда нельзя прийти, но там можно очутиться по пути в какое-нибудь другое место.

Говорят, будто всякий, кто путешествует достаточно много, рано или поздно попадет туда. И вот вам история об этом месте, о старике, который отправился в долгий путь, и о долгой и одинокой безлунной ночи...

ГЛАВА 37

ТЕПЛО КОСТРА

Фаэриниэль был великим скрещеньем путей, однако же в том месте, где сходились пути, не стояло никакого трактира. Вместо этого там были поляны в лесу, где путники разбивали лагерь и останавливались на ночлег.

Как-то раз, много лет назад, за много километров отсюда, в Фаэриниэль пришли сразу пять групп путешественников. Они выбрали себе поляны и, когда солнце начало садиться, развели костры, остановившись по пути отсюда туда.

Позднее, когда солнце уже село и на небе надежно воцарилась ночь, пришел по дороге старый бродяга в залатанном платье. Двигался он медленно и осторожно, опираясь на дорожный посох.

Старик шел из ниоткуда в никуда. Не было у него ни шляпы на голове, ни мешка за плечами. Не было у него ни единого пенни и кошелька, куда он мог бы положить деньги, тоже не было. Он и собственному имени-то своему был почти не хозяин, даже имя его поизносилось и истерлось за многие годы.

Спроси вы у него, кто он такой, он ответил бы: «Никто». Но это была бы неправда.

Старик вошел в Фаэриниэль. Он был голоден, как жаркое пламя, и смертельно устал. Идти вперед его заставляла лишь надежда на то, что кто-нибудь поделится с ним своим ужином и местечком у костра.

И вот, когда старик увидел впереди свет костра, он свернул с дороги и принялся устало пробираться в ту сторону. Вскоре он увидел сквозь деревья четырех высоконогих коней. Сбруя их была изукрашена серебром, и в железо подков было подмешано серебро. Неподалеку от коней нищий увидел десяток мулов, нагруженных всяким добром: шерстяными тканями, украшениями искусной работы, великолепными клинками.

Однако внимание нищего привлекло не это, а мясо, что жарилось над огнем, дымясь и капая жиром на угли. Он едва не упал в обморок от сладкого мясного духа: ведь он брел целый день напролет и за все это время не ел ничего, кроме горсточки желудей и битого яблока, которое нашел у дороги.

Старый бродяга вышел на поляну и окликнул троих чернобородых мужчин, что сидели у костра.

— Привет вам! — сказал он. — Не поделитесь ли кусочком мяса да местечком у костра?

Они обернулись. В свете костра сверкнули золотые цепочки.

— Ну конечно! — сказал предводитель. — А что у тебя есть? Биты или пенни? Кольца или стрелаумы? А может быть, у тебя есть звонкая сильдийская монета — ее мы ценим выше всего?

— Ничего такого у меня нет, — отвечал нищий, разводя руками, чтобы показать, что они пусты.

— Что ж, тогда здесь тебе приюта не найти, — ответили они и у него на глазах принялись отрезать толстые куски от окорока, висевшего над огнем.

* * *

— Ты уж не обижайся, Вилем, — вставил я. — Такая уж это история.

— А я разве что говорю?

— У тебя вид был такой, словно ты что-то хочешь сказать.

— Хочу. Но это может и подождать.

* * *

— Старик побрел дальше, на свет другого костра, который виднелся сквозь лес.

— Привет вам! — окликнул сидящих старый бродяга, выйдя на вторую поляну. Он старался, чтобы это прозвучало приветливо и бодро, хотя и был изможден. — Не поделитесь ли кусочком мяса да местечком у костра?

На поляне сидело четверо путников, двое мужчин и две женщины. Услышав его голос, все четверо вскочили на ноги, но никто не ответил ни слова. Старик вежливо ждал, стараясь выглядеть любезным и безобидным. Но молчание затягивалось, и никто из них не отвечал ни слова.

Неудивительно, что старик рассердился. Он привык, что его чураются или отмахиваются от него, однако эти четверо просто стояли. Они стояли молча и беспокойно, переминаясь с ноги на ногу, и руки их нервно подергивались.

Старик уже хотел было угрюмо уйти прочь, но тут пламя вспыхнуло ярче, и нищий разглядел, что все четверо облачены в кроваво-алые одеяния

наемников-адемов. Тут старик все понял. Адемы считаются молчаливым народом и голос подают редко.

Старик знал немало историй об адемах. Он слышал, будто они владеют тайным искусством, что зовется «летани». Благодаря ему они носят свое безмолвие как доспех, что может отразить клинок или остановить стрелу в полете. Вот почему они редко нарушают молчание. Они берегут слова, храня их в себе, точно угли в горниле печи.

И эти бережно хранимые слова переполняют их такой неудержимой силой, что они не могут оставаться спокойными. Вот отчего они все время подергиваются и машут руками. Когда же они кидаются в бой, то используют свое тайное искусство, чтобы сжигать эти слова в себе, точно топливо. Благодаря этому они становятся сильны как медведи и стремительны как змеи.

Когда нищий услышал такие разговоры впервые, он подумал было, что все это глупые байки, какие рассказывают в пути у костра. Однако много лет назад, в Модеге, ему случилось видеть, как женщина из адемов сражалась с городской стражей. Стражники были при оружии и в доспехах, плечистые и мясистые. Они потребовали именем короля, чтобы женщина показала им свой меч, и та, поколебавшись, протянула его им. Но, едва завладев мечом, они принялись насмешничать и лапать ее, отпуская грязные шуточки насчет того, что ей придется сделать, чтобы получить меч обратно.

То были высокие мужчины в блестящих доспехах, с острыми мечами. Они полегли пред ней, точно осенние колосья. Она убила троих, переломав им кости голыми руками.

Сама же при этом, считай, не пострадала: на скуле у нее остался темный синяк, она слегка прихрамывала и еще небольшой порез на руке. Прошло уже много лет, но старик до сих пор помнил, как она, точно кошка, слизывала кровь с тыльной стороны кисти.

Вот о чем подумал старый бродяга, увидев стоящих перед ним адемов. Все мысли о костре и ужине оставили его, и он медленно отступил в тень деревьев вокруг поляны.

И побрел к следующему костру, надеясь, что хоть третий раз принесет удачу.

На поляне большая толпа атуранцев стояла вокруг дохлого осла, лежащего подле телеги. Один из них заметил старика.

— Глядите! — завопил он. — Хватай его! Запряжем его в телегу вместо осла!

Старик опрометью кинулся обратно в лес и, пометавшись туда-сюда,

спрятался наконец от атуранцев в куче палой листвы.

Когда топот атуранцев затих, старик стряхнул с себя листья, отыскал свой посох и с мужеством человека, который нищ и голоден, направился к четвертому костру, что виднелся вдалеке.

Там бы он, наверное, обрел то, что искал, потому что вокруг костра сидели торговцы из Винтаса. И в других обстоятельствах они бы пригласили его к ужину, сказав, что где едят шестеро, там и семеро наедятся.

Но к тому времени старик представлял собой жалкое зрелище. Волосы у него на голове торчали жуткой копной. Одежда, и прежде ветхая и обтрепанная, порвалась и испачкалась. Лицо его было бледно от страха, и дыхание вырывалось из груди с хрипом и свистом.

Увидев такое, винтийцы ахнули и замахали руками. Понимаете, они его приняли за курганного жителя, одного из тех неупокоенных мертвецов, которые, по их поверьям, бродят по ночам.

У каждого из винтийцев было свое мнение насчет того, как его остановить. Одни думали, что его может отпугнуть огонь, другие — что его остановит соль, рассыпанная по траве, некоторые решили, что только железо способно рассечь узы, приковывающие его душу к мертвому телу.

Услышав их споры, старый бродяга сообразил, что, о чем бы они ни договорились, ему это добра не сулит. И он снова поспешно шмыгнул в лес.

Старик нашел валун, на который можно присесть, кое-как смахнул с него палую листву и землю. Немного отдохнув, он решился все же попытать счастья на еще одной, последней поляне, зная, что достаточно лишь одного щедрого путника, чтобы набить живот.

Он с радостью обнаружил, что у последнего костра сидит всего один человек. Подойдя ближе, он увидел то, отчего душа его исполнилась восторга и страха одновременно, ибо, хотя нищий прожил на свете немало лет, ему никогда прежде не доводилось беседовать с одним из амир.

Однако же он знал, что амир принадлежат к тейлинской церкви, и...

* * *

— Они не принадлежали к церкви, — возразил Вилем.

— То есть как? Принадлежали, конечно!

— Да нет. Они были частью атуранского чиновничества. Они обладали... «векарумом» — правом суда.

— Но они же назывались «священный орден амир». Они были могучей правой рукой церкви.

— Спорим на йоту?

— Идет! При условии, что ты будешь молчать до конца истории.

* * *

— Старый бродяга пришел в восторг, потому что знал, что амир принадлежит к тейлинской церкви, а церковь временами бывает щедра к обездоленным.

При приближении старика амир поднялся на ноги.

— Кто идет? — воскликнул он. Голос у него был гордый и мощный, но усталый. — Знай, что я принадлежу к ордену амир! Никто не смеет вставать между мной и моим делом. Я буду действовать во имя общего блага, даже если боги и люди попытаются преградить мне путь.

— Сударь, — начал нищий, — я всего лишь надеялся на тепло костра и вашу щедрость в долгом пути...

Амир жестом велел старику приблизиться. Он был облачен в блестящую стальную кольчугу, и меч его был длиной в человеческий рост. На нем была ослепительно-белая накидка, но рукава от локтей делались багряны, точно омочены в крови. И на груди у него красовался герб амир: черная башня, обьятая багровым пламенем.

Старик сел к костру и блаженно вздохнул оттого, что тепло согрело его кости.

В следующее мгновение амир нарушил молчание:

— Боюсь, мне нечего предложить тебе поесть. Мой конь нынче вечером ест лучше меня, однако это не значит, что он ест хорошо.

— Да мне бы любая малость сгодилась, — сказал старик. — У меня-то и объедков не найдется. Я человек не гордый.

Амир вздохнул.

— Завтра мне предстоит проехать семьдесят километров, дабы остановить суд. Если я не приеду или промедлю в пути, погибнет невинная женщина. Это все, что у меня есть.

Амир указал на тряпицу. На ней лежали корка хлеба и ломтик сыру. Их обоим едва хватило бы для того, чтобы утолить голод старика. А уж для такого крупного воина, как этот амир, то был воистину жалкий ужин.

— Завтра мне предстоит скакать верхом и сражаться, — продолжал рыцарь. — Мне понадобятся силы. Итак, мне надлежит взвесить, что хуже:

тебе лечь спать голодным или ей умереть.

Говоря так, амир поднял руки и развернул их ладонями вверх, подобно чашам весов.

Когда рыцарь поднял руки, старый бродяга увидел его запястья и на миг подумал было, будто амир порезался и теперь кровь бежит у него между пальцев и стекает к локтям. Но тут пламя разгорелось ярче, и нищий понял, что это всего лишь татуировка, хотя его по-прежнему пробирала дрожь от кровавых следов на руках амира.

Знай он, что означает эта татуировка, он бы не просто содрогнулся. Ибо знаки эти говорили о том, что орден так доверяет этому амиру, что не станет оспаривать никакое из его действий. А поскольку за ним стоял орден, ни церковь, ни суд, ни король не имели над ним власти. Ибо то был один из киридов, высших амир.

Убей он безоружного, в глазах ордена это не было бы убийством. Придуши он беременную женщину посреди улицы, никто бы ему и слова не сказал. Спали он церковь, разрушь старый каменный мост — империя не признала бы за ним вины, полагая, что все, что он ни делает, служит благой цели.

Однако же нищий этого не знал и потому попытался еще раз:

— Ну, если у вас еды лишней нету, может, хоть пара пенни найдется?

Он думал о лагере сильдийцев и о том, чтобы купить у них ломоть мяса или хлеба.

Но амир покачал головой.

— Если бы они у меня были, я бы с радостью отдал их тебе. Но третьего дня я отдал все свои деньги молодой вдове с голодным ребенком. И с тех пор у меня нет ни гроша, как и у тебя.

Он покачал головой, устало и печально.

— Мне жаль, что все так обернулось. Но мне нужно спать, так что тебе придется уйти.

Старику это, конечно, не понравилось, но в тоне амира было нечто, что заставило его насторожиться. Так что он со скрипом поднялся на ноги и побрел прочь от костра.

Старик затянул потуже пояс, пока тепло костра амира еще держалось в его теле, и решил попросту идти вперед, пока не наступит утро. Авось конец пути принесет ему удачу или хотя бы встречу с кем-нибудь пощедрее.

И вот он потащился через центр Фаэриниэля и по пути увидел круг высоких серых камней. В кругу играл слабый отсвет костра, спрятанного в глубокой яме. Старик обратил внимание, что дымом совсем не пахнет, и

понял, что эти люди жгут в костре реннеловое дерево, что дает сильное жаркое пламя, не дымит и не чадит.

Потом старик увидел, что два высоких силуэта — вовсе не камни. То были фургоны. Горстка людей сбилась вокруг котелка в тусклом свете костра.

Но у старика уже не оставалось ни капли надежды, и он прошел мимо. Он уже было миновал камни, как вдруг его окликнули:

— Эй, там! Кто ты такой и отчего так тихо бродишь по ночам?

— Я никто, — отвечал старик. — Просто старый бродяга, иду своей дорогой, пока она не кончится.

— Так отчего же ты бродишь вместо того, чтобы лечь спать? — спросили у него. — Эти дороги по ночам отнюдь не безопасны!

— Негде мне спать, — отвечал старик. — Нынче ночью я искал себе приюта, но так и не сумел его вымолить.

— Ну, так заночуй у нас, коли хочешь! Мы тебя и ужином накормим, если не побрезгуешь. Нехорошо идти весь день и всю ночь напролет.

Красивый бородатый мужчина выступил из-за серых камней, взял старика под локоть и повел к костру.

— У нас нынче гости! — провозгласил он.

Впереди зашевелились, однако ночь была безлунна, а пламя пряталось в глубокой костровой яме, так что нищему мало что было видно.

— Для чего вы так прячете свой костер? — с любопытством спросил он.

Хозяин вздохнул.

— Далеко не все нас любят. Безопаснее не попадаться на глаза. И к тому же костер у нас нынче ночью не так велик.

— Отчего же? — полюбопытствовал нищий. — Деревьев вокруг немало, дров добыть нетрудно.

— Да мы уж пробовали набрать хворосту, — объяснил бородатый. — Однако нас обозвали ворьем и осыпали стрелами.

Он пожал плечами.

— Ничего, сегодня обойдемся, а завтра видно будет.

Он покачал головой.

— Однако же я слишком много болтаю! Пить хочешь, отец?

— Водички бы не помешало, коли найдется.

— Брось, у нас и вино найдется!

Нищий давно уже не пробовал вина, и от одной мысли о вине у него потекли слюнки. Однако же он знал, что пить вино на пустой желудок, когда ты весь день провел на ногах, не годится, и потому ответил:

— Вы очень добры, благослови вас боги. Однако же с меня довольно будет и воды.

Человек, что держал его под руку, улыбнулся.

— Что ж, тогда ты получишь и воды, и вина, чего захочешь.

И, сказавши так, подвел нищего к бочонку с водой.

Старый бродяга наклонился и зачерпнул ковш воды. Когда он пригубил воду, она оказалась прохладной и свежей, однако он ненароком заметил, что бочонок почти пуст.

Однако, невзирая на это, хозяин сказал ему:

— Зачерпни еще воды, смой пыль с рук и лица. Сразу видно, что ты немало времени провел в дороге.

И нищий зачерпнул второй ковш, омыл лицо и руки, и ему сразу полегчало.

Потом хозяин вновь взял его под руку и повел к костру.

— Как тебя звать-то, отец?

Нищий вновь изумился. Уже немало лет никто не интересовался его именем. Прошло столько времени, что он не сразу его и вспомнил.

— Сцеоп, — ответил он наконец. — Меня зовут Сцеоп, а тебя?

— А меня — Террис, — ответил хозяин, усаживая старика поближе к костру. — А это Силла, моя жена, и Уинт, наш сын. А это Шари и Бентум, Лил, Питер и Фент.

Потом Террис поднес Сцеопу вина. Силла налила ему большую миску картофельной похлебки, отрезала ломоть теплого хлеба и половинку золотой летней тыквы с положенным внутрь куском сладкого масла. Самая простая еда, и не так много ее было, но для Сцеопа это был настоящий пир. А пока он ел, юный Уинт все подливал ему вина. Он улыбнулся ему, сел у его колен и назвал его дедушкой.

Это было уж слишком для старого бродяги, и он беззвучно заплакал. Возможно, дело в том, что он был стар, а день выдался нелегкий. Возможно, он не привык к людской доброте. Возможно, он размяк от вина. Но, как бы то ни было, слезы покатались по его щекам и затерялись в густой белой бороде.

Террис увидел это и поспешно спросил:

— Что случилось, отец?

— Глупый я старик! — сказал Сцеоп, скорее самому себе, чем остальным. — Вы обошли со мною куда добрей, чем кто бы то ни было за последние несколько лет, и мне горько, что я не могу вам отплатить.

Террис улыбнулся и погладил старика по спине.

— А ты и впрямь хочешь отплатить?

— Да мне же нечем! Нечего мне вам дать.

Террис улыбнулся еще шире.

— Сцеоп! Мы же эдема руэ. И больше всего ценим то, что есть у каждого.

Сцеоп увидел, как сидящие у костра один за другим воззрились на него в ожидании. И Террис сказал:

— Ты можешь рассказать нам свою историю!

И Сцеоп, не зная, что делать, принялся рассказывать. Он рассказал, как пришел в Фаэриниэль. Как ходил от костра к костру, надеясь на щедрость путников. Поначалу он запинаясь и голос у него срывался, ибо он долго пробыл один и отвык разговаривать. Однако вскоре его голос окреп, слова потекли смелее, и, пока пламя, мерцая, отражалось в его ярко-голубых глазах, руки его выразительно жестикулировали, поддерживая надтреснутый старческий голос. И даже эдема руэ, что знают все истории на свете, невольно внимали и дивились.

Когда история закончилась, труппа зашевелилась, словно приходя в себя после глубокого сна. Поначалу они лишь переглядывались, потом посмотрели на Сцеопа.

Террис знал, о чем они думают.

— Сцеоп, — осторожно спросил он, — а куда ты направлялся нынче ночью, когда я остановил тебя?

— Я шел в Тинуэ, — ответил Сцеоп, несколько смущенный тем, как увлекла его собственная история. Лицо старика покраснелось, щеки горели, и он чувствовал себя глупо.

— А мы в Беленэ едем, — сказал Террис. — Не согласишься ли ты отправиться с нами?

На миг взгляд Сцеопа озарился надеждой, но тут же погас.

— Я буду всего лишь бесполезным грузом. Нет, даже у нищего есть своя гордость!

Террис расхохотался.

— Кому ты говоришь о гордости, эдема руэ? Мы ведь не из жалости тебя зовем. Мы зовем тебя потому, что ты один из нас, и нам хочется, чтобы в грядущие годы ты поведал нам еще дюжину дюжин историй!

Нищий покачал головой.

— Да нет, я не вашей крови. Не из ваших я.

— А как это влияет на цены на масло? — возразил Террис. — Мы, руэ, сами решаем, кто из наших, а кто нет. Ты — точно из нашей семьи. Оглядишься и увидишь, лгу я или нет.

Сцеоп окинул взглядом круг лиц и увидел, что Террис говорит правду.

И старик остался при них и прожил с ними много лет, прежде чем пути их разошлись. Много он повидал, много историй поведал, и всем это пошло на пользу.

Это все было на самом деле, хотя и много лет назад, далеко отсюда. Я слышал об этом из уст эдема руэ и потому знаю, что это правда.

ГЛАВА 38

ЗЕРНА ИСТИНЫ

— Что, и все? — спросил Симмон, вежливо выждав. Он лежал на спине, глядя на звезды.

— Да.

— Я и не думал, что все так кончится, — сказал он.

— А ты чего ждал?

— Ну, я думал, в конце концов выяснится, кто такой этот нищий на самом деле. Я думал, что как только кто-то отнесется к нему по-доброму, он окажется Таборлином Великим и отдаст ему свой посох, и мешок денег, и... не знаю. Сделает что-нибудь волшебное.

— И скажет: «Если тебе будет грозить опасность, стукни посохом о землю и скажи „Палка-палка, бей — не жалко!“», и палка оживет и защитит его от любого, кто вздумает напасть на него, — добавил Вилем. Он тоже лежал на спине в высокой траве. — Я не думал, что это на самом деле просто старый бродяга.

— В историях нищие никогда не бывают просто нищими! — заметил Симмон слегка обвиняющим тоном. — Это всегда либо колдунья, либо принц, либо ангел, либо еще что-нибудь этакое.

— Зато в жизни нищие — почти всегда просто нищие, — возразил я. — Но я понимаю, о каких историях вы думаете. Это те истории, что мы рассказываем чужим, чтобы их потешить. А это совсем другая история. Такие мы рассказываем друг другу.

— Зачем же рассказывать историю, в которой нет ничего потешного?

— Чтобы не забыть. И чтобы научиться... — я сделал неопределенный жест, — важным вещам.

— Например, преувеличенным стереотипам? — спросил Симмон.

— Ты о чем? — спросил я, уязвленный.

— «Запряжем его в телегу вместо осла!» — с отвращением фыркнул Симмон. — Не знай я тебя, я бы обиделся!

— Не знай я тебя, — с жаром ответил я, — я бы сам обиделся! Знаешь ли ты, что атуранцы прежде убивали людей, которые живут в дороге? Один из ваших императоров провозгласил, что они, дескать, чинят вред империи! А ведь большинство из них были всего лишь нищими, что лишились дома из-за войн и налогов! Многих просто силой загнали на военную службу.

Я оттянул ворот рубахи.

— Но за эдема руэ давали двойную цену! На нас охотились, точно на лис. В течение сотни лет охота на руэ была излюбленной забавой сливок атуранской знати!

Воцарилось глубокое молчание. Горло у меня ныло, и я сообразил, что перешел на крик.

— Я не знал... — приглушенно ответил Симмон.

Я мысленно отвесил себе пинка и вздохнул.

— Извини, Симмон. Это уже... это было давным-давно. И ты тут ни при чем. Это старая история.

— Ну еще бы, раз в ней упоминаются амир, — сказал Вилем, явно желая переменить тему. — Когда их распустили-то? Триста лет тому назад?

— И все равно, — сказал я. — За большинством стереотипов стоит некая истина. Зерно, из которого они растут.

— Вот Бэзил из Винтаса, — сказал Вилем. — И он действительно странный в некоторых отношениях. Когда спать ложится, кладет монету под подушку, и все такое.

— По пути в Университет мне довелось путешествовать с парой адемских наемников, — сказал Симмон. — Они действительно не разговаривали ни с кем, только друг с другом. И действительно ни секунды не сидели спокойно, все время дергались.

— Должен признать, — поколебавшись, сказал Вилем, — что знаю немало сильдийцев, которые в самом деле стараются набивать свои башмаки серебром.

— Кошельки, — поправил его Симмон. — Башмаки — это то, что на ноги надевают.

И он пошевелил ногой в качестве иллюстрации.

— Да знаю я, что такое башмаки! — возмутился Вилем. — Я на вашем вульгарном языке лучше твоего говорю. Это просто так говорится, пату! Деньги в кошельке — это на расходы. А то, что ты рассчитываешь сберечь, надо носить в башмаках.

— А-а! — задумчиво кивнул Симмон. — Тогда понятно. Вроде как на черный день.

— Черный день — это как? — переспросил озадаченный Вилем.

— И эта история — куда важнее, чем вам кажется, — поспешно перебил я, пока они не ушли слишком далеко в сторону. — В ней тоже содержится зерно истины. И если вы обещаете никому об этом не говорить, я открою вам, в чем тут тайна.

Я тут же почувствовал, как их внимание сосредоточилось на мне.

— Если вам доведется принять гостеприимство странствующей труппы и они прежде всего предложат вам вина, это наверняка эдема руэ. Эта часть истории — чистая правда, — я предупреждающе поднял палец. — Но пить этого вина ни в коем случае не следует.

— Но я же люблю вино! — жалобно сказал Симмон.

— Неважно, — сказал я. — Хозяин предложит вам вина, но вы требуйте непременно налить вам воды. Может даже выйти нечто вроде спора, потому что хозяин будет предлагать все щедрей и щедрей, а гость станет отказываться все вежливей и вежливей. Тогда они поймут, что ты — друг эдема, что ты сведущ в наших обычаях. И с тобой будут обращаться как со своим, а не как с обычным гостем.

Разговор сошел на нет — мои друзья переваривали полученную информацию. Я смотрел на звезды, мысленно выделяя знакомые созвездия. Ивен-охотник, Тигель, Вновь Юная Мать, Огнелазыкая Лисица, Разрушенная Башня...

— А куда бы ты пошел, если бы мог отправиться куда хочешь? — вдруг ни с того ни с сего спросил Симмон.

— За реку, — ответил я. — Спать.

— Да нет! — сказал он. — Я имею в виду — если бы ты мог отправиться вообще куда угодно, в любой конец земли.

— Все равно, — ответил я. — Я много где побывал. Но мне всегда хотелось именно сюда.

— Но это же не навсегда, — возразил Вилем. — Ты ведь не хочешь остаться здесь навсегда, верно?

— Ну да, я это и имел в виду, — добавил Симмон. — Мы все хотим быть здесь. Но никто из нас не хочет остаться тут навсегда.

— Ну, кроме Манета, — вставил Вил.

— Вот ты бы куда отправился? — упорно продолжал Симмон. — На поиски приключений?

Я молча поразмыслил.

— Я, наверно, отправился бы в Таленвальд, — сказал я.

— К талям? — переспросил Вилем. — Но ведь это первобытный кочевой народ, насколько я знаю.

— Ну, с формальной точки зрения эдема руэ тоже кочевой народ, — сухо возразил я. — Я когда-то слышал, что вожди их племен — не великие воины, а певцы. И от песен их исцеляются больные и деревья пускаются в пляс.

Я пожал плечами.

— Я бы отправился туда, чтобы узнать, правда это или нет.

— А я бы отправился к королю Фейен, — сказал Вилем.

Симмон расхохотался.

— Ну нет, это не считается!

— А почему? — вдруг разозлился Вилем. — Если Квоут может отправиться к поющим деревьям, то я могу отправиться в Фейен, чтобы танцевать с эмбрулами... с женщинами феей.

— Но тали-то существуют на самом деле, — возразил Симмон. — А истории про феей — это байки для пьяных, полоумных и детей.

— Ну а ты бы куда отправился? — спросил я Симмона, чтобы развести их с Вилемом.

Он долго молчал.

— Не знаю, — ответил он наконец на удивление бесцветным тоном. — Я ведь нигде не бывал на самом-то деле. Я и в Университет-то приехал только потому, что после того, как мои братья получают наследство, а сестре выделяют приданое, мне мало что останется, кроме родового имени.

— Так ты что, не хотел учиться в Университете? — недоверчиво переспросил я.

Сим уклончиво пожал плечами, и я собирался было спросить его о чем-то еще, но тут Вилем шумно поднялся на ноги.

— Ну чего, может, мы уже в состоянии перейти через мост?

Голова у меня была на диво ясная. Я встал, лишь слегка покачнувшись.

— Я так вполне.

— Секундочку!

Симмон удалился в лес, на ходу расстегивая штаны.

Как только он скрылся из виду, Вилем наклонился ко мне.

— Не надо спрашивать его о семье, — вполголоса сказал он. — Ему тяжело об этом говорить. Особенно когда он пьян.

— А что...

Он резко махнул рукой, мотнул головой.

— Потом!

Симмон выбрался обратно на поляну, и мы молча побрели обратно к дороге, перешли Каменный мост и вернулись в Университет.

ГЛАВА 39

ПРОТИВОРЕЧИЯ

На следующее утро, ближе к полудню, мы с Вилом шли в архивы, чтобы встретиться там с Симом и разрешить наш вчерашний спор.

— Все дело в его отце, — вполголоса рассказывал Вилем, пока мы шагали между серых зданий. — Отец Сима владеет герцогством в Атуре. Хорошие земли, но...

— погоди! — перебил я. — Так что же получается, у нашего маленького Сима отец — герцог?

— Наш маленький Сим, — сухо заметил Вилем, — на три года старше тебя и на пять сантиметров выше.

— А каким герцогством? — спросил я. — И не настолько он меня выше!

— Далонир, — сказал Вилем. — Но ты же знаешь, как оно бывает. Атуранская знать... Неудивительно, что он об этом не распространяется.

— Да ладно тебе! — поддел я его, указывая на кишевших вокруг студентов. — Тут, в Университете, самое непредвзятое общество, какое существовало с тех пор, как церковь спалила дотла Калуптену!

— Ну, я заметил, что ты тоже не стремишься упоминать о том, что ты из эдема руэ.

Я ощетинился.

— Ты что хочешь сказать, что я этого стыжусь?

— Я говорю, что вслух ты об этом не упоминаешь, — спокойно ответил Вил, твердо глядя мне в глаза. — Вот и Симмон тоже. И, полагаю, у вас обоих есть на то свои причины.

Я подавил раздражение и кивнул.

Вилем продолжал:

— Далонир на севере Атура, так что они достаточно богаты. Однако у него трое старших братьев и две сестры. Старший сын наследует владения. Второму отец купил воинский чин. Третий пошел по церковной части. Ну а Симмон...

Вилем не договорил.

— Да, мне как-то сложно представить Сима священником, — согласился я. — Или военным, если уж на то пошло.

— Так Сим и оказался в Университете, — закончил Вилем. — Его отец

надеялся, что он станет дипломатом. Но тут Сим обнаружил, что ему нравится алхимия и поэзия, и сделался членом арканума. Его отец от этого не в восторге.

Вилем многозначительно взглянул на меня, давая понять, что это еще очень мягко сказано.

— Но быть арканистом — это же весьма почетно! — возразил я. — Куда лучше, чем быть расфуфыренным лизоблюдом при каком-нибудь дворе!

Вилем пожал плечами.

— Семья платит за его обучение. И дает ему денег на жизнь.

Он сделал паузу, чтобы помахать кому-то на том конце двора.

— Но домой Симмон больше не ездит. Даже ненадолго. Его папаша любит охоту, драки, попойки и девиц. Подозреваю, нашему мягкосердечному книжнику Симу дома доставалось куда меньше любви, чем того заслуживает умный сын.

* * *

Мы с Вилом встретились с Симом в своей обычной читальной норке, уточнили подробности заключенного по пьяни пари и разошлись в разные стороны.

Через час я вернулся с небольшой стопкой книжек. Поиски мне облегчило то, что я занимался изысканиями касательно амир с тех самых пор, как Нина принесла мне свой свиток.

Я негромко постучался в дверь читальной норки и вошел. Вил с Симом уже сидели за столом.

— Чур, я первый! — радостно воскликнул Сим. Он заглянул в свой список и вытянул книгу из стопки. — Страница сто пятьдесят вторая!

Он раскрыл книгу на нужной странице и принялся проглядывать ее.

— Ага! «И тут девушка поведала обо всем...» тра-ля-ля... «...и отвела их в то место, где наткнулась на языческие игрища»!

Он посмотрел на меня, уперев палец в страницу.

— Видал? Тут написано — «языческие»!

Я сел.

— Давай посмотрим остальное.

Во второй книге Сима говорилось примерно то же самое. А вот третья таила в себе сюрприз.

— «Изобилие в окрестностях путевых камней, указующее на то, что

некогда, в незапамятные времена, здесь пересекалось несколько торговых путей...»

Он осекся, потом пожал плечами и протянул книгу мне.

— Да, эта, похоже, поддерживает твою точку зрения.

Я не удержался от смеха.

— Так ты их что, вообще, что ли, не читал перед тем, как принести сюда?

— Это за час-то? — Симмон тоже фыркнул. — Нет, конечно. Я просто обратился к хранисту.

Вилем зыркнул на него исподлобья.

— Не к хранисту. Ты у Куклы спросил, верно?

Симмон напустил на себя вид чистой невинности. Учитывая, что его лицо от природы выглядело невинным, это лишь придало ему глубоко виноватый вид.

— Ну, может, я к нему и заглянул, — уклончиво ответил он. — И он действительно посоветовал мне пару книг, где имеются сведения о серовиках.

Видя, как изменилось лицо Вилема, он вскинул руку.

— Не смотри на меня свысока! И так это уже обернулось против меня!

— Снова Кукла, — буркнул я. — Когда вы, наконец, меня с ним познакомите? А то вы оба молчите о нем как рыбы.

Вилем пожал плечами.

— Встретишься с ним — поймешь.

Книги Сима делились на три категории. Одни поддерживали его точку зрения, в них говорилось о языческих обрядах и жертвенных животных. Другие рассуждали о древней цивилизации, которой они служили путевыми камнями, невзирая на то, что некоторые из них стояли на отвесных склонах или на дне рек, где никаких дорог быть не могло.

Последняя же книга оказалась весьма любопытной по другим причинам.

— «...Пара стоячих монолитов, на которых сверху лежит третий, — читал Симмон. — Местные жители называют это место „двери“. Весенние и летние празднества всегда включают в себя украшение этих камней и танцы вокруг них, однако родители запрещают детям играть поблизости от этих камней во дни полнолуния. Один достопочтенный и во всем прочем вполне разумный старец утверждал, будто...»

— Ну, и так далее, — сказал Сим, оборвав чтение на полуслове, и уже хотел было с отвращением захлопнуть книгу.

— Так что же он утверждал? — спросил Вилем. У него разгорелось

любопытство.

Симмон закатил глаза и продолжал читать:

— «Утверждал, будто в определенные дни и часы люди могут миновать эти каменные двери и очутиться в прекрасной стране, где обитает сама Фелуриан, что любит мужчин и убивает их своими объятиями».

— Интересно... — пробормотал Вилем.

— Да что тут интересного? Вздор это все, ребяческие суеверия! — сердито сказал Симмон. — И все это ничуть не поможет нам понять, кто же из нас прав.

— А тебе как кажется, а, Вилем? — спросил я. — Ты ведь у нас беспристрастный судия!

Вилем подвинулся к столу и взглядом пересчитал книги.

— Семь за Симмона. Шесть за Квоута. Три противоречивы.

Мы быстро проглядели те четыре книги, что принес я. Одну из них Вилем отмел. Счет сделался семь в пользу Симмона и девять в мою.

— Не то чтобы решающее преимущество... — задумчиво произнес Вилем.

— Можем объявить ничью, — великодушно предложил я.

Симмон насупился. Как добродушен он ни был, а проигрывать пари терпеть не мог.

— Ну ладно, идет, — сказал он.

Я обернулся к Вилему и указал глазами на пару книг на столе, оставшихся нетронутыми.

— Похоже, наш с тобой спор разрешится куда быстрее, ниа?

Вилем хищно ухмыльнулся.

— Как нельзя быстрее!

Он показал мне книгу.

— Здесь имеется текст указа о роспуске ордена амир.

Он открыл заложенную страницу и принялся читать вслух:

— «Их деяния отныне подлежат суду согласно законам империи. Никому из членов ордена впредь не дозволяется разбирать дела либо выносить решения в суде».

Он самодовольно взглянул на меня.

— Видал? Раз их лишают права суда, значит, изначально у них было такое право. Логично будет предположить, что они были частью атуранского чиновничества.

— Вообще-то говоря, — извиняющимся тоном возразил я, — в Атуре церковь всегда обладала правом суда.

Я показал одну из своих двух книг.

— Забавно, что ты нашел именно «Альпура пролиция амир». Потому что я ее тоже принес. Указ-то этот был издан именно церковью.

Вилем помрачнел.

— Ничего подобного! Здесь написано, что это был шестьдесят третий указ императора Нальто.

Мы были озадачены. Сравнив книги, мы обнаружили, что они прямо противоречат друг другу.

— Ладно, я так понимаю, что эти две книги друг друга отменяют, — сказал Сим. — Что у вас есть еще?

— Вот «Свет истории» Фелтеми Рейса, — буркнул Вилем. — Там все однозначно. Я не думал, что мне потребуются другие доказательства.

— А это вас не смущает? — спросил я, постучав костяшками пальцев по двум противоречащим друг другу книгам. — Они не могут утверждать противоположные вещи!

— Да мы только что пролистали двадцать книг, утверждающих противоположные вещи! — заметил Симмон. — Что удивительного в том, что их стало на две больше?

— Предназначение серовиков наверняка никому не известно. Так что по этому вопросу и должно быть несколько разных мнений. Но «Альпура пролиция амир» — это официальный указ. Он в одночасье превратил в изгоев тысячи самых могущественных людей Атуранской империи. Он стал одной из первопричин падения империи. Противоречиям тут взяться неоткуда.

— Но ведь орден распущен более трехсот лет тому назад, — сказал Симмон. — За это время могли возникнуть некоторые разночтения.

Я покачал головой, листая обе книги.

— Одно дело — противоречивые мнения. А другое дело — противоречивые факты.

Я показал свою книгу.

— Это «Падение Империи» Грегора Меньшего. Он пустослов и ханжа, но при этом лучший историк своей эпохи.

Я взял в руки книгу Вилема.

— Фелтеми Рейс — далеко не столь прославленный историк, но куда более серьезный ученый, чем Грегор, и крайне тщательно относится к фактам.

Я обвел взглядом обе книги, нахмурился.

— Ерунда какая-то выходит...

— Ну и что теперь? — спросил Сим. — Снова ничья? Так неинтересно!

— Нам нужен третейский судья, — сказал Вилем. — Кто-нибудь более сведущий, чем мы.

— Более сведущий, чем Фелтеми Рейс? — переспросил я. — Не думаю, что нам стоит обращаться с подобными пустяками к Лоррену.

Вил покачал головой, встал и разгладил складочки на своей рубашке.

— Похоже, тебе пора познакомиться с Куклой.

ГЛАВА 40

КУКЛА

— Главное — быть повежливее, — вполголоса говорил Симмон, пока мы пробирались по узкому проходу, заставленному книгами. Наши симпатические лампы бросали широкие полосы света на полки, тени нервно плясали и дергались. — Но не вздумай разговаривать с ним свысока. Он немного... немного странный, но он далеко не глуп. Обращайся с ним точно так же, как с любым другим человеком.

— Только вежливо, — ехидно заметил я, устав от непрерывной череды советов.

— Именно, — серьезно кивнул Симмон.

— А куда мы идем-то? — спросил я, в основном затем, чтобы прекратить нотации Сима.

— На третий нижний, — сказал Вилем и повернул к длинной лестнице, ведущей вниз. За века каменные ступеньки истерлись и теперь выглядели прогнутыми, точно полки, нагруженные книгами. Когда мы принялись спускаться, игра теней сделала ступени гладкими, темными и бесконечными, точно опустевшее речное устье, прорытое водой в скале.

— А вы уверены, что он там?

Вил кивнул.

— По-моему, он почти не выходит из своих комнат.

— Из своих комнат? — переспросил я. — Так он там живет, что ли?

Они ничего не ответили — Вилем свернул на другую лестницу, потом провел нас длинным и широким коридором с низким потолком. И наконец мы дошли до неприметной двери где-то в углу. Если бы я не знал, что это не так, я бы принял ее за одну из бесчисленных читальных норок, разбросанных по хранилищу.

— Только смотри не делай ничего, что может вывести его из себя! — нервно предупредил Симмон.

Я придал лицу самое наипочтеннейшее выражение. Вилем постучал в дверь. Ручка повернулась почти что в тот же миг. Дверь чуточку приоткрылась, потом распахнулась. На пороге стоял Кукла. Он был выше любого из нас. Рукава его черной мантии живописно развевались на сквозняке, дующем из открытой двери.

Он надменно посмотрел на нас сверху вниз, потом лицо его сделалось

озадаченным, и он схватился за голову.

— Ой, погодите, капюшон забыл! — сказал он и пинком захлопнул дверь.

Как ни кратко было это странное явление, я успел заметить кое-что, что меня шокировало.

— Обугленное тело Господне! — шепнул я. — У него же там свечи! А Лоррен об этом знает?

Симмон открыл было рот, чтобы ответить, но тут дверь распахнулась снова. Фигура Куклы заполняла весь дверной проем, черная мантия четко вырисовывалась на фоне теплого свечного света у него за спиной. Теперь он был в капюшоне, руки его были воздеты к потолку. Длинные рукава одеяния развевались в потоке воздуха. Но этот же самый сквозняк подхватил его капюшон и наполовину стащил с головы.

— А, черт! — рассеянно сказал Кукла. Капюшон наполовину сполз ему на спину, закрыв один глаз. Кукла снова пнул дверь.

Вилем с Симмоном стояли с непроницаемыми лицами. Я воздержался от комментариев.

На секунду воцарилась тишина. Наконец из-за двери послышался приглушенный голос:

— Не могли бы вы постучать еще раз? А то без этого как-то не то.

Вилем послушно подступил к двери и постучал снова. После второго удара дверь распахнулась, и мы увидели перед собой внушительную фигуру в черном одеянии. Лица не было видно под капюшоном, длинные рукава трепетали на ветру.

— Кто взывает к Таборлину Великому? — провозгласил Кукла. Голос у него был звучный, но слегка приглушенный капюшоном. Он сделал театральный жест. — Не ты ли, Симмон?

Кукла сделал паузу, и его голос утратил театральную звучность:

— Мы ведь сегодня уже виделись, да?

Симмон кивнул. Я чувствовал, как он пытается сдержать смех, норовящий вырваться на свободу.

— Давно ли?

— Да где-то час назад.

— Хм... — капюшон кивнул. — Ну что, на этот раз лучше вышло?

Он поднял руку, чтобы снять капюшон, и я обратил внимание, что мантия ему великовата и рукава свисают до самых кончиков пальцев. Когда из-под капюшона показалось его лицо, он ухмылялся как ребенок, переодевшийся в папину одежду.

— Таборлина ты раньше не изображал, — заметил Симмон.

— А! — Кукла, похоже, был несколько обескуражен. — Ну а как у меня получилось на этот раз? В последний раз, я имею в виду. Хороший у меня Таборлин вышел?

— По-моему, неплохо, — сказал Симмон.

Кукла взглянул на Вилема.

— Мантия мне понравилась, — сказал Вил. — Но мне всегда казалось, что Таборлин говорил негромко.

— Угу...

Кукла наконец взглянул на меня.

— Привет.

— Привет, — ответил я самым вежливым тоном.

— Я тебя не знаю. Он помолчал. — Ты кто?

— Я Квоут.

— Ты так уверенно об этом говоришь... — сказал он, пристально глядя на меня. И снова помолчал. — Меня зовут Куклой.

— Кто тебя так зовет?

— Все.

— Что за «все»?

— Кто такие «все»! — поправил он, подняв палец.

Я улыбнулся.

— Ну ладно: кто такие «все»?

— «Все» значит «все те, о ком идет речь».

— И о ком же идет речь в данном случае? — уточнил я, улыбнувшись еще шире.

Кукла рассеянно улыбнулся мне в ответ и сделал неопределенный жест.

— Ну, знаешь, все они. Люди.

И продолжал смотреть на меня все так же, как я бы разглядывал любопытный камушек или листок, какого прежде никогда не видел.

— А ты себя как зовешь? — спросил я.

Его это, похоже, несколько удивило, и он взглянул на меня по-иному, более обыденно.

— Ну, это уж слишком! — сказал он с легкой укоризной. Потом взглянул на стоявших молча Вилема и Симмона. — Ну что, вам пора войти.

Он повернулся и вошел в комнату.

Комната была не особенно просторна. Но тут, во чреве архивов, она выглядела на диво неуместно. Удобное мягкое кресло, большой деревянный стол и пара дверей, ведущих в соседние комнаты.

Повсюду были книги, книжные полки и шкафы, забитые до отказа.

Книги лежали стопками на полу, валялись вокруг столов, громоздились на стульях. На одной стене я с удивлением увидел пару задернутых штор. Я с трудом отделался от впечатления, что за ними должно быть окно, хотя и знал, что мы глубоко под землей.

Комнату озаряли лампы и свечи, длинные тонкие церковные свечки и толстые столпы, покрытые наплывами воска. Каждый язычок пламени вселял в меня смутную тревогу — я не мог отделаться от мысли об опасности открытого огня в здании, наполненном сотнями тысяч драгоценных книг.

А еще тут были куклы. Марионетки, свисающие с полок и колышков, вбитых в стены. Сваленные грудой в углах и под стульями. Некоторые, в процессе изготовления или починки, валялись на столе вместе с инструментами. Некоторые полки вместо книг были забиты фигурками, искусно вырезанными и раскрашенными фигурками людей.

По пути к столу Кукла стащил с себя черную мантию и оставил ее валяться на полу. Под мантией оказалась самая простая одежда: жеваная белая рубашка, жеванные черные штаны и разные носки со штопаными пятками. Я обнаружил, что он старше, чем показалось мне сначала. Лицо у него было гладкое, без морщин, но волосы — белые как снег и редющие на макушке.

Кукла освободил для меня стул, бережно сняв с сиденья маленькую марионетку и пристроив ее на ближайшей полке. Сам он уселся на стол, а Вилем с Симмоном остались стоять. К их чести, их это не особо смутило.

Порывшись в грудe вещей на столе, Кукла достал бесформенный кусок дерева и ножичек. Еще раз пристально, изучающе взглянул на мое лицо и методично заработал ножичком. На стол посыпались мелкие кудрявые стружки.

Как ни странно, мне не хотелось никого расспрашивать о том, что происходит. Когда задаешь так много вопросов, как я, мало-помалу учишься соображать, когда это уместно, а когда нет.

А кроме того, я и так уже знал, что мне ответят. Кукла был одним из тех немного безумных гениев, что сумели найти себе место в Университете.

Обучение в аркануме оказывает на головы студентов ряд противоестественных воздействий. Самая примечательная из всех этих противоестественных вещей — способность творить то, что большинство людей именует магией, а мы — симпатией, сигалдри, алхимией, именованиeм и всем прочим.

Некоторым все это дается легко, у других начинаются проблемы. Самые тяжелые сходят с ума и попадают в Гавань. Однако большинство

голов не разбивается вдребезги, столкнувшись с арканумом, — так только, чуть-чуть трескается. Порой эти трещинки проявляются в мелочах: тиками или заиканием. Другие студенты слышат голоса, делаются забывчивы, слепнут, немеют... Иногда только на час или на день. Иногда навсегда.

По-видимому, Кукла был студентом, который тронулся умом много лет назад. Он, как и Аури, сумел найти себе место, хотя меня удивляло, как это Лоррен позволил ему поселиться здесь, внизу.

— Он всегда так выглядит? — спросил Кукла у Вилема и Симмона. Вокруг его рук уже громоздился небольшой сугроб светлых стружек.

— Обычно да, — сказал Вилем.

— Как именно? — уточнил Симмон.

— Как будто вы с ним играете в тирани, он обдумал игру на три хода вперед и уже решил, как именно он тебя обставит.

Кукла еще раз окинул взглядом мое лицо и срезал с дерева еще одну тонкую стружку.

— Это изрядно бесит, по правде говоря.

Вилем хохотнул.

— Кукла, это его думательное лицо. Он так выглядит очень часто, но не всегда.

— А что такое тирани? — спросил Симмон.

— Думатель... — задумчиво произнес Кукла. — И о чем же ты сейчас думаешь, а?

— Я думаю о том, что ты, Кукла, должно быть, очень тщательно наблюдаешь за людьми, — вежливо ответил я.

Кукла фыркнул, не поднимая глаз.

— При чем тут тщательность? И какой смысл наблюдать за людьми? Люди только и делают, что наблюдают. Не наблюдать, видеть надо, видеть! Лично я вижу то, на что смотрю. Я не наблюдатель, я — видящий!

Он еще раз взглянул на деревяшку у себя в руке, потом на мое лицо. И, явно удовлетворенный, сложил руки поверх своего изделия. Но я все же успел мельком увидеть свой собственный профиль, искусно вырезанный из дерева.

— Знаешь ли, чем ты был, чем ты не являешься и чем ты еще будешь? — спросил Кукла.

Это звучало как загадка.

— Нет.

— Видящим, — уверенно сказал он. — Ведь э'лир как раз и значит «видящий».

— Сейчас Квоут уже ре'лар, — почтительно сказал Симмон.

Кукла пренебрежительно фыркнул.

— Да нет, — сказал он, внимательно вглядываясь в меня. — Со временем ты, может, еще и станешь видящим, но не сейчас. А пока ты только смотрящий. Со временем ты станешь настоящим э'лиром. Если научишься расслабляться.

Он показал мне резную деревянную головку.

— Вот что ты тут видишь?

Это уже не был бесформенный кусок дерева. В слоях древесины проступили мои черты, исполненные напряженного размышления. Я наклонился поближе, чтобы рассмотреть получше...

Кукла расхохотался и вскинул руки.

— Все, поздно! — воскликнул он, на миг вновь сделавшись похож на мальчишку. — Ты смотрел слишком пристально и увидел слишком мало. Видишь ли, когда слишком долго смотришь, это может помешать увидеть!

Кукла поставил деревянную головку на стол, так что она как будто уставилась на одну из разбросанных марионетов.

— Видишь этого маленького деревянного Квоута? Видишь, как смотрит? Такой внимательный! Такой сосредоточенный! Он может смотреть хоть сто лет, но увидит ли он то, что прямо у него перед носом, а?

И Кукла вновь уселся. Его взгляд удовлетворенно блуждал по комнате.

— Так э'лир значит «видящий»? — спросил Симмон. — А прочие ранги тоже что-то означают?

— Поскольку ты — студент, имеющий полный доступ к архивам, думаю, ты и сам способен это выяснить, — ответил Кукла. Его внимание сосредоточилось на марионетке, лежавшей перед ним на столе. Он бережно опустил ее на пол, чтобы веревочки не запутались. Это было великолепное миниатюрное изображение тейлинского священника в серой рясе.

— Может, подскажешь, с чего начать поиски? — спросил я по наитию.

— «Речение» Ренфалька.

Повинуясь движениям пальцев Куклы, священник-марионетка поднялся с пола и раскинул свои конечности, как будто потягивался после долгого сна.

— Эта книга мне незнакома.

— На втором этаже, в юго-восточном углу, — рассеянно ответил Кукла. — Второй ряд, вторая стойка, третья полка, в правом конце, красный кожаный переплет.

Миниатюрный тейлинский священник медленно бродил у ног Куклы. В одной руке он крепко сжимал миниатюрный экземпляр «Книги о Пути», скопированный тщательно, до мельчайших подробностей, вплоть до

крохотного колеса со спицами, нарисованного на обложке.

Мы втроем наблюдали, как Кукла управляет маленьким священником, заставляя его расхаживать взад-вперед. Наконец он усадил его на свою ногу в носке.

Вилем почтительно кашлянул.

— Кукла!

— Да? — отозвался Кукла, не отрывая взгляда от своих ног. — У тебя есть вопрос. Точнее, вопрос есть у Квоута, а ты собираешься задать его вместо него. Он сидит, слегка подавшись вперед. Складка между бровями и стиснутые губы говорят о том же. Пусть спросит сам. Это, возможно, пойдет ему на пользу.

Я застыл, поймав себя на том, что и впрямь выгляжу именно так, как он сказал. Кукла по-прежнему управлял маленьким священником. Тейлинец старательно, с опаской оглядел все вокруг его ног, размахивая перед собой книгой, потом обошел ножки стола и заглянул в сброшенные туфли Куклы. Движения его выглядели жутковато, и это отвлекло меня до такой степени, что я забыл о своей неловкости и поневоле расслабился.

— На самом деле я хотел узнать про амир.

Я не отрывал глаз от сцены, разворачивающейся у ног Куклы. На сцене появилась вторая марионетка, девушка в крестьянском платье. Она подошла к тейлинцу и протянула руку, словно хотела дать ему что-то. Или нет, она о чем-то его спросила. Тейлинец повернулся к ней спиной. Она робко коснулась его локтя. Он надменно шагнул прочь.

— Я хотел знать, кто же все-таки их распустил. Император Нальто или церковь.

— А ты все смотришь, — укорил он меня, но уже мягче, чем прежде. — Тебе бы стоило погоняться за ветром, а то ты слишком серьезен. Это не доведет до добра.

Тейлинец внезапно обернулся к девушке и, дрожа от ярости, погрозил ей книгой. Девушка испуганно отступила назад и рухнула на колени.

— Церковь, конечно. Они бы подчинились только указу самого понтифика.

Тейлинец ударил девушку книгой. Раз, два, повалил ее на землю, и она осталась лежать пугающе неподвижно.

— Нальто не мог бы приказать им даже перейти через улицу.

Тут внимание Куклы привлекло чуть заметное движение.

— О господи! — воскликнул он, кивая в сторону Вилема. — Увидьте, что я вижу! Голова слегка склонена. Зубы стиснуты, но взгляд блуждает, раздражение направлено на себя. Будь я из тех, кто судит по внешнему

виду, я бы сказал, что Вилем только что проиграл пари! Разве ты не знаешь, что церковь косо смотрит на азартные игры?

Священник, стоявший у ног Куклы, взмахнул книгой и погрозил ею Вилему.

Тейлинец сложил руки и отвернулся от поверженной женщины. Он величественно сделал пару шагов в сторону и склонил голову как бы в молитве.

Я наконец заставил себя оторвать взгляд от этой сцены и посмотрел на хозяина комнаты.

— Кукла, — спросил я, — а ты читал «Свет истории» Фелтеми Рейса?

Я заметил, что Симмон встревоженно покосился на Вилема, но Кукла не нашел в этом вопросе ничего странного. Тейлинец у его ног выпрямился и принялся подпрыгивать и приплясывать.

— Читал.

— А почему у Рейса сказано, что «Альпура пролиция амир» — шестьдесят третий указ императора Нальто?

— Не мог Рейс такого сказать, — ответил Кукла, не отрывая взгляда от марионетки у своих ног. — Это полная ерунда.

— Но мы нашли экземпляр «Света», в котором сказано именно это!

Кукла пожал плечами, глядя на тейлинца, пляшущего у него под ногами.

— Возможно, это ошибка переписчика, — предположил Вилем. — А потом, смотря какое это было издание — возможно, это изменение внесла сама церковь. Император Нальто — излюбленный мальчик для битья у всех историков. Быть может, церковь пыталась дистанцироваться от амир. Под конец своего существования они творили ужасные дела.

— Неглупо, неглупо, — сказал Кукла. Тейлинец у его ног отвесил Вилему торжественный поклон.

Меня внезапно осенило.

— Кукла, — спросил я, — а ты знаешь, что находится за запертой дверью этажом выше? Такой большой каменной дверью?

Тейлинец прекратил приплясывать, Кукла поднял глаза. Он устремил на меня долгий суровый взгляд. Глаза у него были ясные и серьезные.

— Думаю, что дверь с четырьмя пластинками студентов не касается. А ты как думаешь?

Я почувствовал, что краснею.

— Да, сударь...

И я потупился.

Напряженный момент нарушил далекий звон часового колокола.

Симмон выругался сквозь зубы.

— Ой, я опаздываю! — сказал он. — Извини, Кукла, мне пора!

Кукла встал и повесил священника на стену.

— Да и мне все равно пора браться за чтение, — сказал он, подошел к мягкому креслу, сел и открыл книгу. — Приводите этого как-нибудь еще, — он, не поднимая глаз, указал в мою сторону. — Мне еще надо будет над ним поработать.

ГЛАВА 41

БЛАГАЯ ЦЕЛЬ

Я взглянул на Симмона и шепнул:

— Иваре эн им эуге!

Сим тяжело вздохнул.

— Тебе же вроде полагается заниматься физиогномикой!

Миновал уже целый оборот с тех пор, как мы подпалили номер Амброза, и зима наконец показала зубы. Университет замело сугробами глубиной по колено. И как всегда, когда погода портилась, архивы под завязку были наполнены прилежными студентами.

Поскольку все читальные норки оказались заняты, нам с Симом пришлось пойти читать в «книги». Высокий сводчатый зал без окон был заполнен наполовину, но тут все равно царила тишина, точно в склепе. Черные каменные стены и беззвучный шепот студентов наводили легкую жуть: сразу делалось ясно, отчего студенты зовут это место «могилой».

— А я и занимаюсь физиогномикой! — вполголоса возразил я. — Я смотрел схемы Гибей. Смотри, чего я нашел!

Я показал ему книгу.

— Схемы Гибей? — переспросил Симмон испуганным шепотом. — Клянусь, ты только затем и занимаешься вместе со мной, чтобы мне мешать!

Он отвернулся от книги, которую я ему показывал.

— Да там нет ничего такого ужасного! — возразил я. — Просто... вот! Смотри, чего тут написано!

Симмон отпихнул книгу. Я вскипел.

— Осторожней! — прошипел я. — Это оригинальная рукопись! Я ее нашел за другими книгами, в мертвых каталогах! Лоррен мне пальцы отрубят, если с ней что случится!

Сим шарахнулся от книжки, как от каленого железа.

— Оригинальная рукопись?! Тейлу милосердный, да она небось на человеческой коже написана! Убери эту пакость!

Я уже хотел было пошутить, что на человеческой коже чернила не держатся, но увидел глаза Сима и передумал. Однако, должно быть, мое лицо меня выдавало.

— Извращенец! — бросил он почти в полный голос. — Матерь Божия,

неужто ты не знаешь, что он резал людей живьем, чтобы посмотреть, как работают их внутренние органы? Не желаю смотреть ни на что, имеющее отношение к этому чудовищу!

Я положил книгу на стол.

— Тогда тебе лучше вообще бросить медицину, — сказал я как можно сдержаннее. — Герцог Гибей провел наиболее полное исследование человеческого тела, какое когда-либо делалось. Его рабочие журналы — скелет современной физиологии.

Лицо Симмона осталось каменным. Он подался вперед, чтобы иметь возможность говорить шепотом.

— Когда амир выступили против герцога, они обнаружили кости двадцати тысяч человек! Огромные ямы с костями и пеплом. Женщины, дети. Двадцать тысяч!

Симмон захлебнулся гневом и был вынужден остановиться, прежде чем сумел закончить:

— И это только те, кого нашли!

Я дал ему немного успокоиться, потом возразил со всей возможной мягкостью:

— Герцог Гибей написал двадцать три тома исследований того, как устроено человеческое тело. Когда амир выступили против него, часть его поместья сгорела, четыре из этих томов и все его заметки погибли. Спроси магистра Арвила, чего бы он ни отдал, лишь бы заполучить те четыре тома.

Симмон стукнул рукой по столу. Несколько студентов обернулись в нашу сторону.

— Да, черт побери! — прошипел он. — Я вырос в сорока километрах от Гибей! С холмов, принадлежащих моему отцу, в ясный день видны развалины замка!

Это заставило меня заткнуться. Раз фамильные владения Сима так близко от Гибей, значит, его предки были вассалами герцога. Это означает, что они, возможно, вынуждены были помогать ему собирать своих крестьян для его экспериментов. А возможно, и кто-то из его семьи окончил жизнь в тех ямах с костями и пеплом.

Я долго молчал, потом шепнул:

— Я не знал...

Сим уже взял себя в руки.

— Мы просто не любим об этом рассказывать, — напряженно ответил он, отводя челку с глаз.

Мы снова склонились над книгами. Миновало не меньше часа, прежде чем Симмон опять нарушил молчание.

— Так что ты там нашел? — спросил он чересчур небрежно, словно не желая признаваться, что ему интересно.

— Вот, гляди, на титульном листе! — возбужденно прошептал я. Я открыл обложку, и лицо у Сима непроизвольно дернулось, как будто от книги несло мертвечиной.

— ...И все разлил, — услышал я. В зал вошли двое студентов постарше. Судя по их богатым нарядам, оба они были из знати, и, хотя они и не орали в голос, говорить потише они тоже не старались. — Анисат его заставил все прибрать, прежде чем разрешил помыться самому. Теперь от него целый оборот будет нести мочевиной!

— Ну и что тут интересного? — осведомился Симмон, глядя на страницу. — Тут только его имя и даты.

— Да нет, не в середине, посмотри наверх. Вот, на полях!

Я показал на орнамент, обрамляющий лист.

— Гляди!

— Ставлю драб, что эта мартышка отравится еще до конца четверти, — сказал второй. — Неужто и мы были такими же идиотами?

— Ничего особенного не вижу, — негромко сказал Симмон и развел руками, не отрывая локтей от стола. — Миленько, конечно, если тебе нравятся такие штуки, но я никогда не был большим поклонником иллюминированных манускриптов.

— А пошли в «Два гроша»? — беседа продолжалась за несколько столов от нас, привлекая раздраженные взгляды соседей. — У них там есть девчонка, что играет на свирели, клянусь, ты отродясь не видал ничего подобного! И Линтен говорит, что, если у тебя найдется пара серебряных монет, она...

Он перешел на заговорщицкий шепот.

— И что же она? — поинтересовался я, самым хамским образом вклиниваясь в разговор. Кричать нужды не было. В «книгах» все, что сказано обычным голосом, слышно на весь зал. — А то я чего-то не расслышал!

Оба студента оскорбленно оглянулись на меня, но ничего не ответили.

— Ты чего?! — зашипел на меня смущенный Сим.

— Пытаюсь заставить их заткнуться, — ответил я.

— Просто не обращай на них внимания, — сказал он. — Ну вот, я смотрю в твою проклятую книжку. Покажи, чего ты хотел, чтобы я увидел.

— Все свои журналы герцог вел лично, — сказал я. — Это оригинальная рукопись, значит, и виньетки он рисовал сам, логично?

Сим кивнул и отвел челку, упавшую ему на глаза.

— Ну и вот, видишь? — я медленно провел пальцем по орнаменту на полях. — Видишь?

Сим покачал головой.

Я снова ткнул пальцем в страницу.

— Вот! — сказал я. — И вот тут, в уголке.

Глаза у него расширились.

— Это же буквы! И... в... — Он умолк, разбирая буквы. — «Иваре эним эуге». Так вот про что ты твердил!

Он отодвинул книгу.

— Ну и что, если не считать того, что он плохо знал темийский?

— Это не темийский, — возразил я. — Это темья. Только архаический вариант.

— Ну и что это значит? — он поднял голову, нахмурил лоб. — «Для хорошего дела»?

Я покачал головой.

— «Ради благой цели», — уточнил я. — Ничего не напоминает?

— Я не знаю, сколько она там еще пробудет, — продолжал один из шумной парочки. — Но если ты ее упустишь, то пожалеешь!

— Говорю же тебе, не могу я сегодня! Может, в повержение схожу. В повержение-то я свободен.

— Не, сходи пораньше! — посоветовал я. — В повержение в «Двух грошах» народу — не продохнуть!

Болтуны гневно воззрились на меня.

— Не суйся не в свое дело, ты, штангенциркуль! — бросил тот, что повыше.

Это раззадорило меня еще сильнее.

— Извините, а вы что, разве не со мной разговаривали?

— Да с чего ты взял, что я разговаривал с тобой? — уничтожающе процедил студент.

— Ну, мне так показалось, — ответил я. — Раз я вас слышу за три стола, значит, вы уж наверно хотели, чтобы я тоже поучаствовал в разговоре!

Я кашлянул.

— Или вы просто настолько тупы, что не способны разговаривать в «книгах» вполголоса?

Студент побагровел и явно хотел уже что-то ответить, но тут его приятель что-то прошептал ему на ухо, оба собрали книжки и ушли. Когда дверь за ними затворилась, по залу прошелестели негромкие аплодисменты. Я улыбнулся и помахал рукой своим слушателям.

— Не мог подождать, пока с ними разберутся хранисты? — вполголоса упрекнул меня Сим, когда мы снова склонились над книгой.

— Что-то хранисты не спешили с ними разбираться, — заметил я. — Зато теперь здесь снова тихо, а это главное. Ну так о чем же тебе говорят слова «Ради благой цели»?

— Об амир, естественно, — ответил Сим. — В последнее время ты только и твердишь, что об амир. К чему ты клонишь?

— А к тому, — возбужденно шепнул я, — что герцог Гибей был тайным членом ордена амир!

Сим бросил на меня скептический взгляд.

— Несколько притянута за уши, но, возможно, все действительно сходится. Это было лет за пятьдесят до того, как церковь распустила орден. К тому времени амир уже изрядно разложились.

Я хотел было возразить, что герцог Гибей вовсе не обязательно разложился. Он просто преследовал цели амир, «ради благой цели». Как ни кошмарны были его эксперименты, его труды позволили медицине достичь небывалых прежде высот. Вероятно, за прошедшие сотни лет его деяния спасли вдесятеро больше жизней, чем он успел погубить.

Однако я сомневался, что Симмон способен будет понять мою точку зрения.

— Как бы то ни было, он был тайным членом ордена амир. Иначе для чего бы ему втайне помещать их кредо на заглавной странице своего журнала?

Симмон пожал плечами.

— Ну ладно, предположим, он был одним из амир. И как это влияет на цены на масло?

Я раздраженно всплеснул руками и с трудом заставил себя говорить вполголоса.

— Но ведь это означает, что в ордене были тайные члены еще до того, как церковь отреклась от него! А это означает, что, когда понтифик их распустил, у амир остались тайные союзники. Союзники, которые могли укрывать их. А это означает, что амир, возможно, существуют и по сей день и втайне продолжают свои труды!

Я вдруг увидел, что Симмон переменился в лице. Я подумал было, что он готов согласиться со мной. Но тут я ощутил, как волосы у меня на затылке встали дыбом, и сообразил, в чем дело.

— Добрый день, магистр Лоррен, — почтительно поздоровался я, не оборачиваясь.

— Разговаривать со студентами, сидящими за соседними столами,

запрещено, — сказал Лоррен у меня за спиной. — Вы отстраняетесь от работы в архивах на пять дней.

Я кивнул, мы с Симом встали и собрали вещи. Магистр Лоррен с каменным лицом протянул ко мне свою длинную руку.

Я молча отдал ему журнал герцога Гибей, и минуту спустя мы уже щурились на холодном зимнем солнышке у входа в архивы. Я плотней закутался в свой плащ и затопал ногами, отрясая снег с обуви.

— Отстранен на пять дней! — сказал Симмон. — Недурно!

Я пожал плечами. Я был смущен куда сильнее, чем готов был признать. Я-то надеялся, что кто-нибудь из студентов объяснит, что на самом деле я пытался заставить болтунов заткнуться.

— Я просто хотел как лучше.

Симмон расхохотался. Мы медленно побрели в сторону трактира Анкера. Сим, играючи, пнул небольшой сугроб.

— Миру необходимы такие люди, как ты, — сказал он таким тоном, что я понял: Сима потянуло пофилософствовать. — Ты просто берешь и делаешь. Не всегда самым лучшим способом, не всегда самым разумным, но все-таки делаешь. Ты редкая птица!

— Что ты имеешь в виду? — спросил я. Он разжег мое любопытство.

Сим пожал плечами.

— Ну вот как сегодня. Тебя что-то раздражает, тебя кто-то задел — и ты немедленно принимаешься действовать.

Он резко махнул рукой.

— Ты точно знаешь, что надо делать. Ты никогда не колеблешься, видишь — и тут же реагируешь.

Он на миг призадумался.

— Наверное, амир были такими же. Неудивительно, что люди их боялись.

— Ну, вообще-то, я далеко не всегда настолько уверен в себе, — сознался я.

Симмон улыбнулся.

— По правде говоря, меня это, как ни странно, успокаивает.

ГЛАВА 42

ПОКАЯНИЕ

Поскольку заниматься я не мог, а все вокруг замело снегом, я решил, что сейчас самое время заняться теми делами, которые я подзабросил.

Я попытался навестить Аури, но крыши обледенели, и во двореке, где мы обычно встречались, лежали сугробы. Не увидев никаких следов, я обрадовался: я не был уверен, что у Аури есть обувь, не говоря уж о пальто или шапке. Я бы спустился в Подовсе, чтобы ее разыскать, но железная решетка во двореке была заперта и примерзла.

Я отработал несколько двойных смен в медике и отыграл лишний вечер у Анкера, в счет того раза, когда мне пришлось уйти раньше времени. Я подолгу трудился в артной, проводил расчеты, ставил эксперименты, делал сплавы для своего проекта. Кроме того, постарался отоспаться за весь предыдущий месяц.

Однако же, как бы тебе ни хотелось спать, рано или поздно придется проснуться, и на четвертый день отстранения от работы в архивах отмазки у меня кончились. Пора было поговорить с Деви, хотя мне этого ужасно не хотелось.

К тому времени, как я наконец решился пойти к ней, на улице потеплело ровно настолько, чтобы метель превратилась в ледяной дождь со снегом.

Дорога до Имре была ужасно противной. У меня не было ни шляпы, ни перчаток, а плащ мой от ветра и мокрого снега промок в пять минут. Через десять минут я промок до нитки и страшно жалел, что не обождal или не потратился на повозку. Выпавший снег растаял, и на дороге лежала слякотная каша глубиной по щиколотку.

Я зашел в «Эолиан», чтобы немного погреться, прежде чем идти дальше. Но трактир был заперт, и свет в нем не горел — впервые за все время, что я тут бывал. Ну, и неудивительно. Какой знатный господин потащится на улицу в такую погоду? Какой музыкант решится выйти на улицу с инструментом в такую сырость и холод?

Я почапал дальше по пустынным улицам и в конце концов добрал до проулка за лавкой мясника. За все время, что я тут бывал, на лестнице впервые не воняло тухлятиной.

Я постучался к Деви. Рука совсем онемела, это меня встревожило. Я

почти не чувствовал костяшек, которыми стучал. Выждав, я постучал еще раз. Было опасение, что ее не окажется дома, и тогда получается, что весь этот путь я проделал зря.

Наконец дверь приоткрылась. В щели мелькнул теплый свет лампы и льдисто-голубой глаз. Дверь распахнулась.

— Тейловы сиськи, Тейловы зубы! — воскликнула Деви. — Ты куда приперся в такую погоду?

— Я думал...

— Да чем ты думал! — уничижающе бросила она. — Входи давай!

Я вошел в комнату. С меня текло, капюшон облепил голову. Она закрыла за мной дверь, заперла ее на замок, задвинула засов. Оглядевшись, я обратил внимание, что она обзавелась вторым книжным шкафом, хотя шкаф этот был еще почти пуст. Я переступил с ноги на ногу, и огромный сырой сугроб сполз с моего плаща и плюхнулся на пол.

Деви смерила меня долгим бесстрастным взглядом. Я видел, что на решетке в противоположном конце комнаты, возле ее стола, потрескивает огонь, однако она ничем не показала, что я могу подойти поближе. Поэтому я остался стоять у порога, мокрый и дрожащий.

— Ты не ищешь легких путей, а? — заметила Деви.

— А что, есть путь полегче? — спросил я.

Она даже не улыбнулась.

— Если ты воображаешь, будто, явившись сюда замерзшим и несчастным, как побитая собака, ты сумеешь завоевать мое расположение, то ты очень...

Тут она осеклась и еще раз задумчиво смерила меня взглядом.

— Черт меня побери, — с удивлением сказала она, — а ведь мне и впрямь нравится видеть тебя таким! Это настолько улучшило мое настроение, что аж противно!

— Ну, вообще-то я не нарочно, — сказал я. — Но так и быть. А если я простужусь и заболēju, это поможет?

Деви поразмыслила.

— Возможно, — призналась она. — Покаяние должно включать в себя некоторую толику страданий.

Я кивнул. Мне не приходилось стараться, чтобы выглядеть жалким. Я неуклюже порылся в кошельке заledenевшими пальцами и достал бронзовую монетку, которую несколько дней тому назад выиграл у Сима, играя в воздуха по маленькой.

Деви взяла ее.

— Покаянная монетка, — равнодушно констатировала она. — Это, я

так понимаю, чисто символическая плата?

Я пожал плечами. На пол плюхнулось еще несколько комьев снега.

— Ну, вроде того, — сказал я. — Я думал было сходить к меняле и вернуть весь свой долг покаянными монетами...

— И за чем же дело стало? — осведомилась она.

— Ну, я сообразил, что это только еще сильнее тебя разозлит, — сказал я. — И к тому же мне не хотелось платить меняле.

Я с трудом сдерживался, чтобы не смотреть с вождением в сторону очага.

— Я долго пытался придумать подходящий способ извиниться перед тобой...

— И не придумал ничего лучше, чем явиться сюда в самую скверную погоду в году?

— Я решил, что нам надо поговорить, — сказал я. — А погода просто удачно подвернулась.

Деву насупилась и отвернулась к очагу.

— Ну ладно, проходи.

Она подошла к комоду, стоявшему у кровати, и достала толстый синий хлопчатобумажный халат. Сунула его мне и указала на закрытую дверь.

— Ступай переодейся, сними с себя все мокрое. И отожми одежду над тазиком, а то она до завтра не высохнет.

Я послушался, принес мокрые тряпки и развесил их на крючках перед огнем. Стоять так близко к огню было чудесно. В свете пламени стало видно, что кожа у меня под ногтями немного посинела.

Как мне ни хотелось погреться подольше, я все же присоединился к Деву, сидевшей за столом. Я обратил внимание, что столешница заново ошкурена и покрыта лаком, но угольно-черный круг на том месте, где стоял сиротка, все равно остался.

Я чувствовал себя довольно беззащитным, сидя тут в одном халате, но с этим ничего поделать было нельзя.

— После нашей предыдущей... встречи, — я старался не смотреть на обугленное пятно на столе, — ты уведомила меня, что мне следует вернуть долг к концу четверти. Не согласишься ли ты пересмотреть свои условия?

— Вряд ли, — решительно ответила Деву. — Но можешь быть уверен, что, если ты не сумеешь расплатиться деньгами, я по-прежнему готова принять в уплату определенную информацию.

И улыбнулась хищной, алчной улыбкой.

Я кивнул. Она по-прежнему хотела попасть в архивы.

— Я надеялся, что ты, возможно, передумаешь теперь, когда тебе

известно, что произошло на самом деле, — сказал я. — Кто-то наводил на меня порчу. Мне необходимо было знать, что с моей кровью все в порядке.

Я вопросительно посмотрел на нее. Девы пожала плечами, не снимая локтей со стола, всем своим видом демонстрируя полнейшее безразличие.

— Кроме того, — сказал я, поймав ее взгляд, — возможно, мое нерациональное поведение отчасти было связано с отдаленными последствиями отравления алхимическим ядом, которому я подвергся в начале четверти.

Лицо Девы окаменело.

— Что?!

Ага, значит, она ничего не знала. Я испытал некоторое облегчение.

— Амброз ухитрился подсунуть мне коринковый боб, примерно за час до того, как я должен был идти на экзамен, — сказал я. — А рецепт ему продала ты.

— Ну и наглая же ты тварь!

На эльфийской мордочке Девы отразилось безмерное негодование, но вышло неубедительно. Она была выбита из колеи и оттого переигрывала.

— Наглость тут ни при чем, — спокойно ответил я. — Просто временами я ощущаю во рту вкус коринки и мускатного ореха и испытываю иррациональное желание придушить человека, который всего-навсего толкнул меня на улице.

Ее фальшивое негодование улеглось.

— Ты ничего не докажешь, — сказала она.

— А мне и не нужно ничего доказывать, — ответил я. — Я не собираюсь устраивать тебе неприятности с магистрами или с железным законом.

Я посмотрел на нее.

— Я просто полагал, будто тебя может заинтересовать тот факт, что меня отравили.

Девы сидела прямо и неподвижно. Она пыталась сохранять невозмутимый вид, но видно было, что она чувствует себя виноватой.

— Очень хреново было? — спросила она.

— Очень, — негромко ответил я.

Девы отвернулась и скрестила руки на груди.

— Я не знала, что это для Амброза, — сказала она. — Пришел какой-то богатенький чмырь. Дал на удивление хорошую цену...

Она снова взглянула на меня. Теперь, когда ледяной гнев оставил ее, она выглядела на удивление маленькой.

— С Амброзом я дел не веду, — сказала она. — И я не знала, что это

для тебя. Клянусь.

— Но ты же знала, что для кого-то он предназначен, — возразил я. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь треском пламени.

— Короче, на мой взгляд, дело обстоит так, — сказал я. — В последнее время оба мы наделали глупостей, поступков, о которых мы оба сожалеем.

Я плотнее завернулся в халат.

— И хотя наши поступки, несомненно, один другого не отменяют, мне представляется, что они некоторым образом уравниваются.

Я протянул ладони как чаши весов.

Девы слабо, смущенно улыбнулись.

— Ну, может, я и поторопилась, потребовав полной выплаты долга...

Я улыбнулся в ответ и расслабился.

— Так как насчет того, чтобы вернуться к первоначальным условиям договора?

— По-моему, это только справедливо!

Девы протянула руку через стол, и я ее пожал. Царившее в комнате напряжение развеялось окончательно, и я почувствовал, как ком тревоги, давно стоявший у меня в груди, наконец рассосался.

— У тебя рука ледяная, — заметила Девы. — Пошли к огню.

Мы пересели и несколько минут молчали.

— Боги подземные, — шумно выдохнула Девы, — как же я была на тебя зла!

Она покачала головой.

— По-моему, я никогда в жизни так ни на кого не злилась!

Я кивнул.

— По правде говоря, я никогда не верил, что ты опустишься до наведения порчи, — сказал я. — Я был абсолютно уверен, что это не ты. Но все твердили, как ты опасна. Рассказывали ужасы всякие. И когда ты отказалась показать мне мою кровь...

Я не договорил и пожал плечами.

— А что, ты до сих пор ощущаешь последствия отравления коринковым бобом? — спросила она.

— Так, временами, по мелочи, — сказал я. — И такое ощущение, что меня стало легче вывести из себя. Но, возможно, это просто от стресса. Симмон говорит, что, возможно, у меня в организме до сих пор блуждают освобожденные начала. Что бы это ни значило.

Девы помрачнела.

— Ну, у меня тут далеко не идеальное оборудование, — сказала она, указывая на запертую дверь. — Я ужасно извиняюсь. Но тот парень

предложил мне полное собрание «Ваутиум тегносте», — она махнула рукой в сторону книжных полок. — Конечно, в других обстоятельствах я бы ни за что за это не взялась, но ведь полного, неурезанного издания нигде же не найдешь...

Я удивленно уставился на нее.

— Так ты что, сама его изготовила?

— Ну, это же лучше, чем сообщать рецепт кому попало! — возразила Деви.

В глубине души я понимал, что следует рассердиться, но большая часть меня попросту радовалась, что мне тепло и сухо и смерть мне больше не грозит. Так что я только пожал плечами и небрежно заметил:

— Симмон говорит, что алхимик ты так себе.

Деви потупилась, глядя на свои руки.

— Ну да, гордиться тут нечем, — призналась она. Потом вскинула голову и ухмыльнулась: — Зато в «Тегносте» такие роскошные иллюстрации!

Я расхохотался.

— Ладно, покажи, что ли?

* * *

Прошло несколько часов, одежда моя просохла, вместо снега с дождем пошел славный мягкий снежок. Правда, Каменный мост, наверно, превратился в сплошной каток, но, если не считать этого, возвращение домой должно было быть куда приятнее, чем путь сюда.

Выйдя из умывальной, я увидел, что Деви снова сидит за столом. Я подошел и протянул ей халат.

— Не задену ли я твою честь, поинтересовавшись, откуда у такой миниатюрной юной дамы такой просторный и длинный халат?

Деви неизящно фыркнула и закатила глаза.

Я сел и натянул башмаки. Башмаки сделались теплыми оттого, что сохли у огня, это было очень приятно. Потом я достал кошелек, выложил на стол три тяжелых серебряных таланта и подвинул их к ней. Деви уставилась на них с любопытством.

— Я не так давно сумел раздобыть немного денег, — сказал я. — Не столько, чтобы уплатить весь долг сразу. Но проценты за эту четверть я могу уплатить заранее.

Я указал на монеты.

— Знак доброй воли!

Деву улыбнулась и подвинула монеты обратно.

— До конца четверти еще целых два оборота, — сказала она. — Давай уж придерживаться первоначальных условий, как договаривались. Мне неудобно брать с тебя деньги заранее.

* * *

Несмотря на то что я готов был отдать деньги Деву в знак искреннего примирения, я был очень рад, что пока что мои три таланта остались при мне. Все-таки иметь деньги и не иметь их — это большая разница. Когда кошелек у тебя пуст, чувствуешь себя каким-то беспомощным.

Это все равно что семенное зерно. Если в конце долгой зимы у тебя все же осталось зерно, ты можешь использовать его для посева. Ты хозяин своей жизни. Ты можешь засеять поля и строить планы на будущее. А если по весне зерна не осталось и сеять тебе нечего, ты беспомощен. Никакие труды, никакие благие намерения не помогут вырастить урожай, если тебе нечего сеять.

И я купил себе одежду: три рубашки, новые штаны и толстые шерстяные носки. Купил шляпу, перчатки и шарф, чтобы защититься от зимнего холода. Купил для Аури пакетик морской соли, мешочек сушеного гороха, две банки консервированных персиков и теплые тапочки. Купил комплект струн для лютни, чернил и полдюжины листов бумаги.

А еще я купил прочную латунную задвижку и приделал ее к оконной раме в своей крошечной мансарде. Самому мне ее открыть труда не составляло, зато она должна была помочь сберечь мое скромное имущество от любых воров, даже самых благонамеренных.

ГЛАВА 43

НИЧЕГО НЕ СКАЗАВ И НЕ ПРЕДУПРЕДИВ

Я стоял у окна Анкерова трактира, смотрел на падающий снег и рассеянно крутил в пальцах колечко Денны. В Университет пришла зима, Денны не было видно уже больше месяца. До занятий у Элодина оставалось три часа, и я никак не мог решить, стоит ли призрачный шанс отыскать Денну долгой прогулки по морозу до Имре.

В это время в трактир вошел сильдиец, сбил с башмаков пушистый снег и с любопытством огляделся по сторонам. Было раннее утро, в общем зале, кроме меня, никого не было.

Он подошел ко мне. Снежинки таяли у него в бороде, превращаясь в блестящие капельки воды.

— Извини за беспокойство. Я тут ищу одного парня, — сказал он, удивив меня полным отсутствием какого бы то ни было сильдийского акцента. Он сунул руку под длинное пальто и вытащил толстый конверт с кроваво-алой печатью.

— Ка-во-у-ту, — прочел он по слогам, потом развернул конверт ко мне, и я прочел:

«Квоуту, в трактир „У Анкера“
Университет (в трех километрах к западу от Имре)
Пустоши Беленэ
Центральное Содружество».

Это был почерк Денны.

— Не «Кавоут», а «Квоут», — рассеянно поправил я.

Он пожал плечами.

— Ты и есть он самый?

— Ну да, — ответил я.

Он удовлетворенно кивнул.

— Так вот, я его получил в Тарбеане, около оборота тому назад. Выкупил у одного парня за твердый пенни. Он говорит, что выкупил его у моряка в Джанпуе за винтийский серебряный бит. Он не помнил названия города, где получил его моряк, но это было где-то вдали от моря.

Сильдиец посмотрел мне в глаза.

— Я тебе это затем рассказываю, чтобы ты не думал, будто я пытаюсь тебя надуть. Я за него заплатил целый пенни, а потом пришел сюда из самого Имре, хотя мне это было не по пути.

Он окинул взглядом зал трактира.

— Хотя я так понимаю, что парень, владеющий таким хорошим трактиром, не станет скупиться и заплатит мне, сколько положено.

Я расхохотался.

— Это не мой трактир, — объяснил я. — Я просто живу здесь.

— А-а! — сказал он, явно разочарованный. — А то ты тут стоял прямо как хозяин. Ну все равно, сам понимаешь, я рассчитывал на этом заработать.

— Понимаю, — сказал я. — И как по-твоему, сколько я тебе должен?

Он смерил меня взглядом, оценил мою одежду.

— Ну, меня устроит, если я получу назад свой твердый пенни и еще малый пенни сверху.

Я достал кошелек, порылся в нем. По счастью, несколько дней назад я играл в карты, и у меня были при себе атуранские деньги.

— Да, это справедливая цена, — сказал я, отдавая деньги.

Он совсем было собрался уйти, но на пороге обернулся.

— Чисто из интереса, — сказал он, — а если бы я запросил за него два твердых пенни, ты бы заплатил?

— Ну, может, и заплатил бы, — признался я.

— Кист! — выругался он, вышел за порог, и дверь за ним захлопнулась.

Конверт был из плотной бумаги, помятой и запачканной после долгих блужданий. На печати был изображен вздыбленный олень над бочонком и арфой. Садясь, я раздавил печать в пальцах.

В письме говорилось:

«Квоут,

извини, что уехала из Имре, ничего не сказав и не предупредив. Я тебе отправила письмо в вечер перед отъездом, но ты, наверно, так его и не получил.

Я уехала за границу в поисках тучных пастбищ и новых Возможностей. Я очень люблю Имре, и наши Краткие, хотя и Редкие встречи приносили мне немало радости, но жизнь там дорогая, а шансов у меня в последнее время становилось все меньше.

Илл — приятная страна, сплошные пологие холмы. Климат здешний мне очень нравится, тут теплее и воздух пахнет морем. Кажется, я сумею пережить эту зиму и ни разу не слечь в постель с легочным приступом. Впервые за много лет.

Я провела некоторое время в Малых королевствах, присутствовала при стычке двух конных отрядов. Вот было треску, вот Конского Ржанья, ты ничего подобного в жизни не слышал! Еще я некоторое время провела на корабле, научилась вязать разные морские узлы и правильно плевать. И узнала много новых бранных слов.

Если ты вдруг вежливо спросишь, когда же мы встретимся снова, я, возможно, продемонстрирую то, чему научилась.

Еще я встретила своего первого Наемника из Адемов (тут их зовут „кровавые рубахи“). Это женщина, она ненамного выше меня ростом, и у нее удивительные серые глаза. Она хорошенькая, но странная и молчаливая и дергается все время. Никогда не видела, как она сражается, и, кажется, и не хочу этого видеть. Хотя интересно, конечно.

Я по-прежнему без ума от арфы. Сейчас живу у одного искусного господина (имени его я называть не стану), продолжаю обучение.

Я тут хлебнула немного вина, пока это все писала. Я это говорю в оправдание, чтобы ты понял, почему я написала „искусного“ с двумя „с“. То есть с тремя... Кист! Ну, ты понял, да?

Ты извини, что раньше не написала, но я так много странствовала, и до сих пор у меня просто не было Возможности написать Письмо. Вот наконец написала, но, боюсь, мне потребуется еще некоторое время, чтобы отыскать путешественника, которому я могла бы его доверить на обратном пути к тебе.

Я часто и тепло думаю о тебе.

Искренне твоя,

Д.

Постскр. Надеюсь, футляр для лютни служит тебе верой и правдой!»

Занятия у Элодина в тот день начались странно.

Для начала Элодин пришел вовремя. Это застало нас врасплох: мы, шестеро оставшихся студентов, уже привыкли первые минут двадцать-тридцать сидеть в аудитории, болтать, резаться в карты и ворчать по поводу того, как мало нам дают эти занятия. Мы даже не заметили магистра имен, пока он не миновал половину лестницы, ведущей вниз, к кафедре, и не хлопнул в ладоши, чтобы привлечь наше внимание.

Вторая странность состояла в том, что Элодин был облачен в официальную магистерскую мантию. Я и прежде видел его в этом наряде, когда того требовали обстоятельства, но он всегда носил его нехотя. Даже во время экзаменов мантия на нем обычно была мятая и несвежая.

Сегодня же она сидела на нем так, словно Элодин относился к ней всерьез. Она была свежевыстирана и отутюжена. И волосы у него не были растрепанные, как всегда. Они выглядели так, словно Элодин только что постригся и причесался.

Он вышел вперед, поднялся на возвышение, встал за кафедру. Это более, чем что бы то ни было, заставило всех выпрямиться и насторожить уши. Элодин никогда не пользовался кафедрой.

— Давным-давно, — сказал он без какого-либо вступления, — Университет был местом, куда люди приходили, чтобы узнавать тайны. Юноши и девушки съезжались сюда, чтобы узнать, как устроен мир.

Элодин окинул нас взглядом.

— Там, в древнем Университете, не было искусства более желанного, нежели именование. Все прочее считалось дешевкой. Именователи шествовали по здешним улицам, точно мелкие боги. Они творили ужасные и удивительные вещи, и все прочие завидовали им. Студенты могли добиться нового ранга, лишь продемонстрировав свое искусство именователя. Алхимик, не владеющий именами, считался жалким созданием, не более уважаемым, нежели повар. Симпатию изобрели в этих стенах, однако же симпатист, не владеющий именами, с тем же успехом мог бы быть кучером. Артефактор, за чьей работой не стояли имена, был немногим лучше простого сапожника или кузнеца. Все они приходили, чтобы узнать имена вещей, — говорил Элодин. Взгляд его темных глаз был пронзителен, голос сделался звучным и берущим за душу. — Однако именованию нельзя учить зубрежкой и долбежкой. Учить человека именованию — это все равно что учить влюбляться. Безнадежное дело. Это

просто невозможно.

Тут магистр имен слегка улыбнулся и впервые стал похож на самого себя.

— И все-таки студенты пытались учиться. А наставники пытались учить. Иногда у них даже что-то получалось.

Элодин указал пальцем на Фелу и махнул ей, чтобы она подошла.

— Фела! Подите сюда.

Фела встала. Ей явно было не по себе. Она поднялась на возвышение и стала рядом с Элодином.

— Вы все выбрали имя, которому надеетесь научиться, — сказал Элодин, окинув нас взглядом. — И все вы старались учиться, более или менее прилежно, более или менее успешно.

Я с трудом удержался от того, чтобы стыдливо не отвернуться: я-то знал, что старался куда меньше, чем мог бы.

— Все вы потерпели неудачу, а вот у Фелы получилось, — сказал Элодин. — Она обрела имя камня... — он обернулся и искоса взглянул на нее, — сколько раз?

— Восемь, — ответила она, потупившись и нервно ломая руки.

Все мы ахнули с неподдельным благоговением. В то время, как все мы сидели и ворчали, она об этом ни разу не упомянула.

Элодин кивнул, как бы одобряя нашу реакцию.

— В те времена, когда именованию еще обучали, мы, именователи, гордились своими достижениями. Студент, овладевший именем, носил особое кольцо в знак своего умения.

Элодин протянул Феле руку и раскрыл ладонь — на ней лежал речной камушек, гладкий и темный.

— Теперь и Фела будет носить такое кольцо в доказательство своего умения.

Фела ошеломленно уставилась на Элодина. Ее глаза перебегали с него на камушек и обратно, лицо у нее побледнело и вытянулось.

Элодин ободряюще улыбнулся ей.

— Ну же, — мягко сказал он. — Ведь в глубине души вы знаете, что способны на это. И не только на это.

Фела закусила губы и взяла камушек. В ее руках он казался крупнее, чем на ладони у Элодина. Она на миг зажмурилась, перевела дух. Медленно выпустила воздух, подняла камень и открыла глаза так, чтобы он был первым, что она увидит.

Фела уставилась на камень, и в аудитории воцарилась гробовая тишина. Напряжение нарастало, пока не сделалось тугим, как натянутая

струна арфы. Воздух буквально вибрировал.

Миновала минута. Две минуты. Три долгих, ужасно долгих минуты.

Элодин шумно вздохнул, разрядив напряжение.

— Нет-нет-нет! — воскликнул он, щелкнув пальцами перед носом у Фелы, чтобы привлечь ее внимание. И закрыл ей глаза ладонью. — Вы на него смотрите. А вы не смотрите! Вы на него посмотрите!

И отвел руку.

Фела подняла камень, открыла глаза. И в тот же миг Элодин отвесил ей звонкую затрещину.

Девушка с негодованием уставилась на него. Но Элодин только указал на камень, который она по-прежнему держала в руке.

— Смотрите! — возбужденно воскликнул он.

Фела перевела взгляд на камушек и улыбнулась, точно увидев старого друга. Она накрыла его ладонью, поднесла к губам. Губы ее шевельнулись.

Внезапно раздался резкий шипящий щелчок, как будто капля воды упала на сковородку с раскаленным маслом. За этим щелчком последовали десятки других — резких и коротких, как будто какой-то старик хрустел пальцами или град стучал по шиферной крыше.

Фела раскрыла ладонь. На пол просыпалось немного песка и мелких камушков. Она двумя пальцами порылась в каменной крошке и извлекла из нее кольцо из абсолютно черного камня. Оно было круглое, как чаша, и гладкое, как полированное стекло.

Элодин торжествующе расхохотался и восторженно обнял Фелу. Фела самозабвенно обняла его в ответ. Они сделали вместе несколько шагов по возвышению: то ли потеряли равновесие, то ли закружились в танце.

По-прежнему улыбаясь, Элодин протянул руку. Фела отдала ему кольцо, он тщательно оглядел его и кивнул.

— Фела, — серьезно произнес он, — сим я возвожу вас в ранг ре'лара!

Он протянул кольцо.

— Давайте руку!

Фела довольно робко подала ему руку. Но Элодин покачал головой.

— Левую! — твердо сказал он. — Правая рука означает нечто совсем иное. До этого вам всем еще очень далеко!

Фела протянула другую руку, и Элодин ловко надел каменное кольцо ей на палец. Остальные соученики разразились аплодисментами и сбежались поближе, чтобы посмотреть, что же она сделала.

Фела ослепительно улыбнулась и показала нам всем свою руку. Кольцо не было гладким, как подумалось мне поначалу. Оно было покрыто тысячью мелких плоских граней. Грани слагались в замысловатый

вьющийся узор, подобного которому я никогда прежде не видел.

ГЛАВА 44

ЛОВУШКА

Невзирая на неприятности с Амброзом, мою одержимость архивами и бесконечные бесплодные прогулки в Имре в поисках Денны, я все же сумел завершить свой проект в артной.

Я предпочел бы потратить еще один оборот, чтобы получше испытать его и подольше повозиться с ним. Но время вышло. Надвигалась экзаменационная лотерея, вскоре после этого надо будет платить за обучение. А прежде чем выставить мой проект на продажу, надо было, чтобы Килвин одобрил мой замысел.

Так что я не без трепета постучался в дверь его кабинета.

Магистр артефактов склонился над своим рабочим столом, аккуратно откручивая винты с бронзового кожуха компрессора.

— Да, ре'лар Квоут? — сказал он, не поднимая глаз.

— У меня все готово, магистр Килвин, — коротко сообщил я.

Он взглянул на меня, поморгал.

— В самом деле?

— Да. Я надеялся договориться, когда можно будет показать его вам.

Килвин сложил винты на тарелочку и отряхнул руки.

— Ради такого дела — прямо сейчас.

Я кивнул и повел его через шумную мастерскую, мимо хранения, в отдельное помещение, которое Килвин предоставил мне. Я достал ключ и отпер тяжелую деревянную дверь.

Для отдельной мастерской эта была довольно просторная: тут был свой горн, наковальня, вытяжка, кран с водой и прочие необходимые атрибуты ремесла артефактора. Стол я сдвинул в сторону, так что половина комнаты осталась пустой, если не считать нескольких тюков соломы, сложенных у стены.

С потолка, напротив тюков, свисало грубое пугало. Я нарядил его в свою обгоревшую рубаху и штаны из мешковины. В глубине души я жалел, что не потратил время на несколько лишних испытаний, вместо того чтобы шить эти штаны и набивать чучело. Но все-таки я прежде всего актер, а потом уже все остальное. И, как таковой, я не мог упустить случая лишний раз устроить представление.

Пока Килвин с любопытством озирался, я закрыл за нами дверь. И,

решив, что пусть моя работа говорит сама за себя, достал арбалет и вручил его магистру.

Огромный магистр помрачнел.

— Ре'лар Квоут, — неодобрительно пробасил он, — только не говорите, что вы потратили столько труда на то, чтобы улучшить это дьявольское изобретение!

— Положитесь на меня, магистр Килвин, — ответил я, вручая ему арбалет.

Он пристально поглядел на меня, взял арбалет и принялся осматривать его с тщательностью человека, которому целыми днями приходится работать с опасным оборудованием. Он потрогал тугую тетиву, оглядел выгнутый металлический лучок.

Спустя несколько долгих минут Килвин кивнул, уперся ногой в стремя и без особых усилий взвел арбалет. Я от нечего делать задумался о том, насколько же он силен. У меня лично ныли плечи и руки были в волдырях после возни с этой неуклюжей штуковиной в течение последних нескольких дней.

Я дал ему увесистый болт. Килвин осмотрел и его тоже. Я видел, что его все сильнее охватывает недоумение. Я знал отчего. В арбалете не было заметно никаких изменений или использования сигалдри. И в болте тоже.

Килвин вложил болт в арбалет и вопросительно приподнял бровь.

Я сделал широкий жест в направлении чучела, пытаюсь выглядеть уверенней, чем чувствовал себя на самом деле. Руки у меня вспотели, в животе порхали голуби. Во время испытаний все было отлично. Испытания — это важно. Испытания — это все равно что репетиции. Но по-настоящему важно только то, что произойдет на глазах у зрителей. Это известно любому актеру.

Килвин пожал плечами и вскинул арбалет. Рядом с его могучим плечом арбалет выглядел совсем небольшим, и Килвин помедлил, тщательно целясь. Я с удивлением увидел, как он спокойно набрал воздуху в грудь и на медленном, ровном выдохе спустил курок.

Арбалет дернулся, звякнула тетива, болт размазался в воздухе.

Раздался резкий металлический лязг, и болт остановился в воздухе, точно наткнувшись на невидимую стену. И брякнулся на каменный пол посреди комнаты, в пяти метрах от чучела.

Я расхохотался и торжествующе вскинул руки, не в силах сдержаться.

Килвин поднял брови и посмотрел на меня. Я расплылся в безумной ухмылке.

Магистр поднял с пола болт, еще раз осмотрел его. Снова взвел

арбалет, прицелился и спустил курок.

«Бздям!» Болт во второй раз оказался на полу и отлетел немного в сторону.

На этот раз Килвин обнаружил источник лязга. Под потолком в дальнем углу мастерской висел металлический предмет размером с большой фонарь. Он раскачивался взад-вперед и слегка кружился, как будто его только что ударили вскользь.

Я снял его с крюка и принес магистру Килвину, который ждал у рабочего стола.

— Что это за предмет, ре'лар Квоут? — с любопытством спросил он.

Предмет опустился на стол с тяжелым лязгом.

— С научной точки зрения, это автоматически срабатывающее устройство для предотвращения нанесения кинетического урона, — ответил я, сияя гордой улыбкой. — Короче говоря, он останавливает стрелы.

Килвин наклонился, чтобы посмотреть на него поближе, но смотреть там было не на что: просто гладкие пластины из черного железа. Мое творение выглядело точь-в-точь как большой восьмиугольный фонарь, целиком сделанный из металла.

— А сами вы его как называете?

Вот как раз на это мне времени не хватило. Мне в голову приходили десятки названий, но все они казались неподходящими. «Ловушка для стрел» — банально. «Друг путника» — прозаично. «Разбойничья погибель» — чересчур театрально. Если бы я попытался назвать его так, я бы потом не смог смотреть в глаза Килвину.

— С названием у меня пока проблемы, — признался я. — Пока что я его называю просто «стрелохват».

— Хм! — крикнул Килвин. — Но, строго говоря, он же не захватывает стрелы.

— Да знаю я, знаю! — в отчаянии воскликнул я. — Но как еще его называть, не «бздямкалкой» же?

Килвин взглянул на меня искоса, его глаза слегка улыбались.

— А ведь, казалось бы, у ученика Элодина не должно быть проблем с именованием, ре'лар Квоут!

— Знаете, магистр Килвин, Делевари поступил проще простого, — сказал я. — Он придумал новый вид оси и дал ему свое имя. Могу назвать эту штуку просто «квоутом».

Килвин хохотнул.

— И то верно!

Он снова обернулся к стрелохвату и принялся с любопытством его разглядывать.

— Как же он работает?

Я ухмыльнулся и достал большой свиток бумаги, исписанный схемами, сложными рунами, металлургическими символами и тщательно выведенными формулами кинетической конверсии.

— Он состоит из двух основных частей, — начал я. — Во-первых, это сигалдри, которая автоматически создает симпатическую связь с любым тонким, быстро движущимся куском металла на расстоянии до семи метров. Не могу не отметить, что у меня ушло целых два дня на то, чтобы ее разработать.

Я потыкал пальцем в соответствующие руны на листе бумаги.

— Поначалу я думал, будто одного этого должно хватить. Я надеялся, что, если связать приближающийся наконечник стрелы с неподвижным куском железа, это поглотит инерцию стрелы и сделает ее безопасной.

Килвин покачал головой.

— Это уже пробовали.

— Ну да, мне следовало догадаться об этом еще до того, как я попробовал, — сказал я. — Это поглощает в лучшем случае третью часть инерции, а тому, в кого попадет стрела, даже ослабевшая на треть, все равно не поздоровится.

Я указал на другую схему.

— На самом деле мне нужно было что-то, что толкнет стрелу в обратном направлении. Причем очень сильно и очень быстро. В конце концов я использовал стальную пружину из медвежьего капкана. Модифицированную, разумеется.

Я взял со стола запасной наконечник стрелы и сделал вид, будто он движется в сторону стрелохвата.

— Вначале стрела подлетает вплотную, и это устанавливает связывание. Потом инерция летящей стрелы приводит в действие ловушку, как если бы кто-то наступил на капкан.

Я резко щелкнул пальцами.

— И запасенная энергия пружины толкает стрелу в обратном направлении, останавливая ее или даже отбрасывая назад!

Килвин слушал и кивал.

— Но если его надо заново заводить после каждого использования, каким образом он сумел остановить второй болт?

Я указал на центральную схему.

— Если бы он мог перехватывать всего одну стрелу, толку от него

было бы мало. То же самое, если бы он мог перехватывать только стрелы, летящие с одной стороны. В нем восемь пружин, расположенных по кругу. Чтобы он мог останавливать стрелы, летящие сразу с нескольких сторон.

Я виновато пожал плечами.

— Ну, теоретически. Я пока не сумел проверить, как это работает.

Килвин оглянулся на чучело.

— Однако оба моих выстрела были сделаны с одного направления, — сказал он. — Как же был остановлен второй, если пружина уже спущена?

Я поднял стрелохват за кольцо, вделанное сверху, и показал, что он может свободно вращаться.

— Он подвешен на оси, — сказал я. — От удара первой стрелы он слегка развернулся, что вывело на позицию новую пружину. Но даже если бы этого и не произошло, энергия подлетающей стрелы обычно слегка разворачивает ее к ближайшей взведенной пружине, подобно тому, как флюгер разворачивается к ветру.

На последнее я, вообще-то, не рассчитывал. Это была счастливая случайность, однако я не видел смысла говорить об этом Килвину.

Я коснулся красных точек, проступивших на двух из восьми железных граней стрелохвата.

— Вот, они показывают, какие пружины сработали.

Килвин взял у меня стрелохват и принялся вертеть его в руках.

— А как взвести их снова?

Я достал из-под стола металлический инструмент, обычную железяку с приделанным к ней длинным рычагом, и показал Килвину восьмиугольное отверстие в дне стрелохвата. Я надел стрелохват на инструмент и давил ногой на рычаг, пока не услышал резкий щелчок. Потом развернул стрелохват и повторил это еще раз.

Килвин взял стрелохват и снова принялся вертеть его своими могучими руками.

— Тяжелый! — заметил он.

— Он должен быть прочным, — объяснил я. — Арбалетный болт пробивает пятисантиметровую дубовую доску. Отдача пружины должна быть как минимум втрое мощнее, чтобы останавливать стрелу.

Килвин небрежно потряс стрелохват, держа его возле уха. Внутри ничего не брякало.

— А что, если наконечники стрел будут не металлические? — спросил он. — Говорят, разбойники из ви-семби делают стрелы из кремня или обсидиана.

Я опустил глаза и вздохнул.

— Ну... — медленно ответил я, — если наконечники не из железа или чего-то подобного, то стрелохват не сработает, когда они подлетят на расстояние семи метров...

Килвин неопределенно хмыкнул и со стуком поставил стрелохват обратно на стол.

— Но зато, — радостно закончил я, — любой остроконечный кусок камня или стекла, оказавшийся в пределах пяти метров, приведет в действие другие связи!

Я потыкал пальцем в свои чертежи. Я очень гордился тем, что мне тоже хватило предусмотрительности включить в устройство куски обсидиана, исписанные рунами, предназначенными для стекла удвоенной прочности, чтобы оно не рассыпалось на осколки от удара.

Килвин посмотрел на чертежи, гордо ухмыльнулся и гулко хохотнул.

— Молодец! Молодец! Ну а если у стрелы будет костяной наконечник?

— А руны для кости не доверяют скромным ре'ларам вроде меня! — отпарировал я.

— А если бы доверяли? — спросил Килвин.

— Все равно я бы не стал их использовать, — ответил я. — Иначе какой-нибудь ребенок, катающий обруч, мог бы привести стрелохват в действие прикосновением своего нежного черепа.

Килвин одобрительно кивнул.

— Я-то думал о скачущей лошади, — сказал он. — Но это демонстрирует ваше благоразумие. Вы проявляете предусмотрительность, необходимую артефактору.

Я обернулся к чертежам и указал на них.

— Несмотря на это, магистр Килвин, быстро движущийся цилиндрический кусок дерева на расстоянии трех метров активирует стрелохват.

Я вздохнул.

— Связь так себе, однако этого будет достаточно, чтобы остановить стрелу или как минимум отвести ее в сторону.

Килвин наклонился и принялся более пристально изучать чертежи. Его глаза добрых две минуты блуждали по плотно исписанному листу.

— Все из железа? — спросил он.

— Скорее из стали, магистр Килвин. Я опасался, что железо со временем сделается слишком хрупким.

— И каждое из этих восемнадцати связываний написано на каждой из пружин? — уточнил он.

Я кивнул.

— Ненужное умножение усилий, — заметил Килвин, скорее в порядке беседы, чем осуждающе. — Кое-кто мог бы сказать, что в эту вещь вложено больше труда, чем нужно.

— Мне, в общем-то, плевать, что подумают другие, магистр Килвин, — ответил я. — Меня интересует, что думаете вы.

Он хмыкнул, потом поднял голову от чертежей и посмотрел на меня.

— У меня к вам четыре вопроса.

Я кивнул в ожидании.

— Прежде всего, зачем это нужно? — спросил он.

— Нельзя, чтобы люди гибли от засад на дороге, — твердо ответил я.

Килвин ждал продолжения, но мне больше нечего было сказать по этому поводу. Через некоторое время он пожал плечами и указал на другой конец мастерской.

— Во-вторых, где вы взяли этот... — он слегка нахмурился, — теветем... самострел?

У меня засосало под ложечкой. Я питал тщетную надежду, что Килвин, будучи сильдийцем, не знает, что подобные штуки у нас, в Содружестве запрещены. А потом, я надеялся, что он просто предпочтет не спрашивать.

— Ну... добыл, магистр Килвин, — уклончиво ответил я. — Он был мне нужен для испытаний стрелохвата.

— Но почему было не взять обычный охотничий лук? — сурово осведомился Килвин. — И избежать таким образом владения запрещенным оружием?

— Охотничий лук слишком слабый, магистр Килвин. Мне необходимо было убедиться, что мое устройство способно перехватывать любые стрелы, а у арбалета выстрел куда более мощный, чем у любого другого оружия.

— Модеганский длинный лук ничем не уступает самострелу, — заметил Килвин.

— Из него надо еще уметь стрелять, — возразил я. — К тому же модеганский лук мне не по карману.

Килвин тяжело вздохнул.

— В прошлый раз, когда вы изготовили свою воровскую лампу, вы хорошо сделали плохую вещь. Это мне не нравится.

Он посмотрел на чертеж.

— На этот раз вы плохо сделали хорошую вещь. Это лучше, но тоже не очень-то хорошо. Лучше все-таки хорошо делать хорошие вещи. Согласны?

Я кивнул.

Он положил массивную лапу на мой арбалет.

— Вас кто-нибудь видел с этой вещью?

Я покачал головой.

— Тогда мы скажем, что она моя и что вы получили ее по моему совету. Она присоединится к прочему оборудованию, что находится в хранении.

Он сурово взглянул на меня.

— И в будущем, если вам понадобится нечто подобное, обращайтесь ко мне.

Это был весьма ощутимый удар: я-то рассчитывал продать арбалет обратно Слиту. Однако могло быть и хуже. Мне не хватало только неприятностей с железным законом.

— В-третьих, в ваших чертежах нигде не говорится ни о золотой проволоке, ни о серебре, — сказал он. — Более того, не могу представить, для чего они могли бы понадобиться в подобном устройстве. Объясните, для чего вы брали в хранении эти материалы.

Я внезапно остро ощутил прохладный металлический грэм у себя на предплечье. Золото было необходимо для изготовления грэма, но этого, конечно, говорить было нельзя.

— У меня деньги кончились, магистр Килвин. А мне нужны были материалы, которые нельзя взять в хранении.

— Например, ваш самострел.

Я кивнул.

— А потом, еще солома, медвежьи капканы...

— Так один проступок влечет за собой другой, — неодобрительно сказал Килвин. — Хранение — не лоток ростовщика и не может использоваться в качестве такового. Я отменяю ваш допуск к пользованию драгоценными металлами.

Я повесил голову, надеясь, что выгляжу достаточно пристыженным.

— Кроме того, в наказание вы отработаете двадцать часов в хранении. Если кто-нибудь спросит, вы расскажете, что вы натворили. И объясните, что в наказание вас заставили вернуть стоимость металлов плюс двадцать процентов сверху. Раз уж вы используете хранение как ростовщика, с вас возьмут проценты, как то делают ростовщики.

Я скривил кислую мину.

— Хорошо, магистр Килвин.

— Ну, и последнее, — сказал Килвин, развернувшись и положив массивную руку на стрелохват. — Как вы считаете, ре'лар Квоут, сколько может стоять такая вещь?

Сердце у меня подпрыгнуло.

— Значит ли это, что вы разрешаете выставить ее на продажу, магистр Килвин?

Огромный артефактор, похожий на медведя, воззрился на меня с удивлением.

— Разумеется, разрешаю, ре'лар Квоут. Это замечательная вещь. Она поможет сделать этот мир лучше. Каждый раз, как человек видит подобную вещь, он понимает, что артефакция помогает защищать людей от беды. Благодаря этой вещи люди станут думать лучше обо всех артефакторах.

Он посмотрел на стрелохват, задумчиво нахмурился.

— Но если мы собираемся ее продать, она должна иметь цену. Так что вы скажете?

Я размышлял над этим вопросом в течение шести оборотов. По правде говоря, я рассчитывал, что стрелохват принесет мне достаточно денег, чтобы оплатить обучение и вернуть Деви проценты за долг. Достаточно, чтобы протянуть в Университете еще одну четверть.

— Честно говоря, не знаю, магистр Килвин, — сказал я. — Вот сколько бы вы заплатили, чтобы в ваши легкие не вонзилась метровая ясеновая палка?

Он хмыкнул.

— Ну, своими легкими я дорожу, — сказал он. — Но давайте начнем с другого конца. Материалы обошлись в...

Он взглянул на чертежи.

— Примерно в девять йот, верно?

Сверхъестественная точность. Я кивнул.

— Сколько часов у вас ушло на то, чтобы его изготовить?

— Часов сто, — сказал я. — Может, сто двадцать. Но большая часть этого времени была потрачена на испытания и эксперименты. Второй такой я бы мог изготовить, наверно, часов за пятьдесят-шестьдесят. А если изготовить формы для штамповки, то можно и быстрее.

Килвин кивнул.

— Я предлагаю двадцать пять талантов. Как по-вашему, это разумно?

От такой суммы у меня захватило дух. Даже после того, как я расплачусь с хранением за материалы и мастерская возьмет свои сорок процентов комиссии, это все равно будет вшестеро больше, чем я мог бы заработать изготовлением трюмных ламп! Безумная сумма денег.

Я уже готов был согласиться, но тут мне в голову пришла одна мысль. И я нехотя покачал головой.

— Честно говоря, магистр Килвин, я предпочел бы продавать их

подешевле.

Килвин поднял бровь.

— Люди согласятся платить столько, — заверил он меня. — Я видел, как они отдавали куда большие суммы за куда менее полезные вещи.

Я пожал плечами.

— Двадцать пять талантов — это бешеные деньги, — сказал я. — Получится, что безопасность и душевный покой будут доступны только толстосумам. По-моему, восьми талантов вполне достаточно.

Килвин долго смотрел на меня, потом кивнул.

— Как скажете. Восемь талантов.

Он провел рукой по крышке стрелохвата, словно поглаживая его.

— Однако, поскольку это первая и пока что единственная такая вещь, я заплачу вам за нее двадцать пять. Она отправится в мою личную коллекцию.

Он вопросительно склонил голову.

— Лхинсатва?

— Лхин! — с благодарностью ответил я, чувствуя, как с моих плеч свалился тяжкий груз тревоги.

Килвин улыбнулся и кивнул в сторону стола.

— Кроме того, я бы хотел не спеша изучить ваши чертежи. Не могли бы вы сделать мне копию?

— За двадцать пять талантов, — сказал я, с улыбкой подвинув к нему чертежи, — можете забирать оригинал!

* * *

Килвин написал мне расписку и ушел, прижимая к себе стрелохват, точно ребенок с новой игрушкой.

Я рванул в хранение, сжимая свой клочок бумаги. Нужно было уплатить долг за материалы, включая золотую проволоку и серебряные слитки. Но даже после того, как мастерская возьмет свои комиссионные, у меня останется почти одиннадцать талантов!

Остаток дня я ходил, насвистывая и ухмыляясь, как придурок. Да уж, верно говорят: чем тяжелей кошелек, тем легче на сердце!

ГЛАВА 45

СОТРУДНИЧЕСТВО С ДЕМОНИЧЕСКИМИ СИЛАМИ

Я сидел у очага в трактире Анкера, держа на коленях лютню. В зале было тепло и тихо, вокруг было множество людей, пришедших меня послушать.

В повержение я всегда выступал у Анкера, и народу всегда бывало много. Даже в самую скверную погоду стульев не доставало, и опоздавшие вынуждены бывали тесниться у стойки или подпирать стены. В последнее время Анкеру приходилось нанимать на вечер повержения еще одну девушку, чтобы разносить выпивку.

За стенами трактира зима все еще стискивала Университет в своих объятьях, но внутри было тепло, приятно пахло пивом, хлебом и похлебкой. За прошедшие месяцы я мало-помалу приучил слушателей помалкивать, когда я играю, так что сейчас, когда я играл второй куплет «Верной Виолетты», в комнате было тихо-тихо.

В тот вечер я был в отличной форме. Мне поднесли уже полдюжины кружек, а подвыпивший хранист в приступе щедрости бросил в мой футляр для лютни твердый пенни, и тот ярко блестел среди тусклых россыпей железа и меди. Симмон дважды прослезился, а новая подавальщица Анкера краснела и улыбалась мне так часто, что даже я обратил на это внимание. У нее были красивые глазки.

Я впервые в жизни чувствовал, что моя жизнь теперь по-настоящему в моих руках. В кошельке у меня водились деньги. Учеба шла на лад. Я получил доступ в архивы, и, несмотря на то, что мне приходилось работать в хранении, все знали, что Килвин ужасно мною доволен.

Для полного счастья не доставало только Денны.

Я дошел до последнего припева «Верной Виолетты» и теперь тщательно следил за своими руками. Я выпил чуточку больше, чем привык, и мне не хотелось сбиться. Не отрывая взгляда от струн, я услышал, как дверь трактира распахнулась и по залу пошел гулять пронизывающий зимний холод. Пламя подле меня заплясало и заметалось, по деревянному полу протопали тяжелые сапоги.

В зале царила тишина. Я пел:

Она сидит у окна
В простом домашнем уборе
И ждет, пока милый ее
Вернется с моря.
Кавалеры стучатся в двери,
Но она все ждет и все верит,
Верная Виолетта!

Отзвучал последний аккорд, но вместо ожидаемых громовых аплодисментов мне откликнулась лишь гулкая тишина. Я поднял голову — и увидел, что напротив очага стоят четверо высоких людей. Плечи их толстых плащей промокли от снега. Лица были мрачные.

Трое из них были в темных круглых шапках, какие носили констебли. А на случай, если этого было недостаточно, чтобы понять, кто они такие, у каждого из них имелась при себе длинная дубовая дубинка, окованная железом. Они смотрели на меня стальным взглядом коршунов.

Четвертый держался несколько особняком. На нем не было шапки констебля, и он был далеко не так высок и широк в плечах. Но, несмотря на это, он явно был исполнен несокрушимой властности. Лицо его было худощавым и угрюмым. Он достал свиток плотной бумаги, снабженный несколькими черными, официального вида печатями.

— Квоут, сын Арлидена, — прочел он на весь зал — голос у него был сильный и отчетливый, — перед всеми этими свидетелями я повелеваю тебе предстать пред судом железного закона. Ты обвиняешься в сотрудничестве с демоническими силами, злонамеренном применении темных наук, необоснованном нападении и maleficium.

Нетрудно догадаться, что я был застигнут врасплох.

— Чего-чего? — тупо переспросил я. Как я уже говорил, я крепко подвыпил в тот вечер.

Угрюмый человек не обратил внимания на мое блеянье и обернулся к одному из констеблей.

— Связать его!

Один из констеблей достал кусок лязгающей железной цепи. До сих пор я был слишком растерян, чтобы бояться по-настоящему, но вид этого мрачного дядьки, вытаскивающего из мешка пару черных железных наручников, наполнил меня таким ужасом, что кости мои обратились в воду.

Рядом с очагом появился Симмон. Он растолкал констеблей и встал

перед четвертым пришельцем.

— Что здесь происходит? — осведомился Сим. Голос его звучал сурово и гневно. Это был единственный раз, когда я видел, чтобы он вел себя как настоящий сын герцога. — Извольте объясниться!

Человек со свитком спокойно смерил Симмона взглядом, потом сунул руку под плащ и достал прочный железный жезл с золотыми ободками с обоих концов. Сим слегка побледнел. Угрюмый человек вскинул жезл, продемонстрировав его всем присутствующим. Помимо того, что жезл был не менее увесистым, чем дубинки констеблей, он был еще и неоспоримым символом его власти. Этот человек был судебным вызывателем Содружества. И не просто рядовым вызывателем — золотые ободки говорили о том, что он имеет право потребовать призвать на суд железного закона любого: священника, государственного чиновника — даже аристократа до барона включительно.

В это время сквозь толпу пробрался сам Анкер. Они с Симмоном просмотрели бумагу вызывателя и убедились, что бумага выправлена по всей форме. Под нею стояли подписи и печати самых влиятельных людей в Имре. Делать было нечего. Мне придется предстать перед судом железного закона.

Все посетители Анкера смотрели, как меня сковали по рукам и ногам. Некоторые, похоже, были шокированы, иные растеряны, но большинство выглядели просто напуганными. Когда констебли поволокли меня через толпу к дверям, немногим из моих слушателей хватило решимости встретиться со мной взглядом.

Меня повели в Имре. Путь был неблизкий: через Каменный мост, по открытой мощеной дороге. И все это время зимний ветер студил кандалы у меня на руках и ногах, мерзлое железо жгло и морозило мне кожу.

* * *

На следующее утро меня навестили Сим с Элкса Далом, и дело малопомалу начало проясняться. Миновало несколько месяцев с тех пор, как я призвал имя ветра в Имре, после того как Амброз разбил мою лютню. Тогда магистры обвинили меня в злоупотреблении магией, то есть малефиции, и принародно высекли на площади. Это случилось так давно, что следы от кнута у меня на спине превратились в бледные серебристые шрамы. И я думал, что на этом дело и кончено.

А оказалось, что нет. Поскольку инцидент имел место в Имре, он

подпадал под юрисдикцию судов Содружества.

Мы живем в цивилизованную эпоху, и мало на свете мест более цивилизованных, чем Университет и его окрестности. Однако отдельные статьи железного закона остаются пережитками куда более мрачных времен. Сотня лет миновала с тех пор, как кого-нибудь сжигали за сотрудничество с демонами или темные науки, однако законы-то никуда не делись. Чернила выцвели, но слова остались недвусмысленными.

И, разумеется, Амброз во всем этом напрямую замешан не был. Он для этого был чересчур хитер. Подобное судилище могло сильно испортить его репутацию в Университете. Если бы Амброз лично подал на меня в суд, магистры были бы в ярости. Они делали все, чтобы защитить доброе имя Университета вообще и арканума в особенности.

Так что Амброз к обвинению никакого отношения не имел. В суд Имре обратилась горстка влиятельных аристократов из Имре. Да, конечно, они были знакомы с Амброзом, но тут ничего предосудительного не было. В конце концов, Амброз был знаком со всеми, кто обладал властью, знатностью или деньгами по ту и по эту сторону реки.

Итак, мне предстояло подвергнуться суду по железному закону. Это отравило мне целых шесть дней. Учеба пошла псу под хвост, работа в артной встала, и вдобавок эта история окончательно похоронила мои надежды найти когда-нибудь покровителя среди местной знати.

То, что сначала казалось грозной опасностью, при ближайшем рассмотрении превратилось в нудное и помпезное мероприятие. Более сорока письменных показаний свидетелей было зачитано вслух, подтверждено и внесено в судебные протоколы. Целые дни уходили на произнесение долгих речей. На цитаты из железного закона. На всякие формальности. На официальные обращения. На старых крючкотворов, ссылающихся на старые книги.

Я защищался как мог в суде Содружества, потом в церковном суде. Арвил и Элкса Дал выступали в мою пользу. Точнее, писали письма, а потом зачитывали их вслух перед судом.

В конце концов меня оправдали. Мне казалось, будто я реабилитирован. Мне казалось, что я выиграл...

Но я все еще был чудовищно наивен во многих отношениях.

ГЛАВА 46

ИНТЕРЛЮДИЯ

НЕМНОЖКО МУЗЫКИ

Квоут медленно поднялся на ноги и быстро потянулся.

— Давайте пока на этом остановимся, — сказал он. — Сдается мне, что сегодня обедать придет больше народу, чем обычно. Пойду-ка посмотрю, как там суп, и приготовлю кое-что еще.

Он кивнул Хронисту.

— Возможно, вам тоже стоит подготовиться.

Хронист остался сидеть.

— Погодите, погодите! — сказал он. — Это же был ваш суд в Имре?

Он растерянно уставился на страницу.

— И это все?

— И это все, — сказал Квоут. — Ничего особенно интересного там не было.

— Но это же самая первая история, которую я вообще услышал о вас, когда приехал в Университет! — запротестовал Хронист. — Про то, как вы за день выучили тему! Про то, что вся ваша защитная речь была составлена в стихах и, когда вы умолкли, вам заплотировали! Про то, как...

— Ой, да ерунда все это, — небрежно сказал Квоут, возвращаясь за стойку. — Основное вы уже знаете.

Хронист снова посмотрел на страницу.

— В вашем изложении это выглядит чересчур коротко.

— Ну, если вам так уж нужно подробное изложение, можете получить его из других источников, — сказал Квоут. — На суде присутствовали десятки людей. Существуют целых два полных письменных отчета. Не вижу нужды добавлять к ним третий.

Хронист был неприятно удивлен.

— Так вы уже рассказывали об этом какому-то историку?

Квоут гоготнул.

— Вы говорите как обманутый любовник!

Он принялся доставать из-под стойки стопки мисок и тарелок.

— Не тревожьтесь, вы первый, кто узнает мою историю.

— Вы сказали, что существуют письменные отчеты, — начал Хронист.

Затем он удивленно уставился на Квоута. — Вы хотите сказать, что написали воспоминания?

В голосе писца послышались странные нотки, что-то близкое к алчности.

Квоут нахмурился.

— Да нет вообще-то.

Он шумно вздохнул.

— Я затеял было писать нечто в этом духе, но потом бросил, решил, что это плохая идея.

— И вы дошли до самого суда в Имре? — спросил Хронист, глядя на лежащую перед ним страницу. Он только теперь обнаружил, что по-прежнему держит перо на весу над бумагой. Он отвернул латунный наконечник пера и принялся раздраженно протирать его тряпочкой. — Если у вас все это было записано, могли бы и избавить меня от того, чтобы я целых полтора дня трудил руку!

Квоут растерянно наморщил лоб.

— Что-что?

Хронист резкими движениями протирал перо, каждый его жест вопиял об оскорбленном достоинстве.

— Я мог бы и догадаться! — сказал он. — Все шло слишком гладко!

Он гневно зыркнул глазами.

— Да вы знаете, сколько мне стоила эта бумага?

Он сердито указал на портфель, где лежали исписанные листы.

Квоут сначала тупо смотрел на него, потом расхохотался — он сообразил, в чем дело.

— Да нет, вы не поняли! Я бросил писать через пару дней. И исписал всего несколько страниц. И того не будет.

Гнев Хрониста остыл, он выглядел сконфуженным.

— А-а!

— Нет, вы и в самом деле ведете себя как уязвленный любовник! — усмехнулся Квоут. — Боже милостивый, да успокойтесь вы! Моя история вполне девственна. Ваши руки коснутся ее первыми.

Он покачал головой.

— Записывать историю — это совсем не то, что ее рассказывать. Похоже, мне это не дается. Все выходило наперекосяк.

— Я бы с удовольствием взглянул на то, что вы написали, — сказал Хронист, откидываясь на спинку стула. — Даже если там всего несколько страниц.

— Да, это давно было, — сказал Квоут. — Я даже и не знаю, куда они

делись-то, страницы эти.

— Они у тебя в комнате, Реши! — радостно напомнил Баст. — На столе лежат.

Квоут тяжело вздохнул.

— Баст, я просто пытался быть вежливым. По правде говоря, в них нет ничего такого, что бы стоило показывать людям. Если бы я написал что-нибудь, что стоило читать, я бы писать не бросил.

Он ушел на кухню, и из кладовки послышалась приглушенная деловитая возня.

— Неплохая попытка, — вполголоса сказал Баст. — Но этодохлый номер. Я уже пробовал.

— Не учи ученого! — буркнул Хронист. — Уж я-то знаю, как вытянуть из человека его историю.

С кухни донесся грохот, плеск воды, звук захлопнувшейся двери.

Хронист взглянул на Баста.

— Быть может, тебе следует ему помочь?

Баст пожал плечами и поудобнее устроился на стуле.

Через некоторое время Квоут вернулся с кухни с разделочной доской и миской свежесмытых овощей.

— Боюсь, я все-таки не понимаю, — сказал Хронист. — Откуда взялись два письменных отчета, если вы не писали ничего сами и не беседовали с историками?

— А я смотрю, вы никогда не судились, верно? — усмехнулся Квоут. — Суды Содружества всегда ведут очень подробные записи, а церковь — тем более. Так что если вам так уж нужны подробности, можете порыться в их протоколах и книгах записей, соответственно.

— Может, и так, — сказал Хронист. — Однако же ваш рассказ о суде...

— Выйдет ужасно нудно, — сказал Квоут. Он закончил чистить морковь и принялся ее резать. — Бесконечные официозные речи да цитаты из «Книги о Пути». Там было скучно, и рассказывать об этом скучно.

Он смахнул нарезанную морковь с доски в миску.

— К тому же мы, пожалуй, и так слишком надолго застряли в Университете, — сказал он. — Нам потребуется время на остальное. На то, чего никто не видел и не слышал.

— Реши, нет! — возопил Баст, вскинувшись на стуле. Он, скривившись, указал пальцем на стойку. — Это свекла?!

Квоут взглянул на темно-красный корнеплод на доске, как будто никак не ожидал увидеть его здесь.

— Реши, не клади в суп свеклу! — взмолился Баст. — Такая гадость!

— Многие любят свеклу, Баст, — возразил Квоут. — К тому же она очень полезная. Способствует кроветворению.

— Ненавижу свеклу! — жалобно сказал Баст.

— Ну, — спокойно возразил Квоут, — раз уж суп варю я, мне и решать, что в него класть!

Баст встал на ноги и угрюмо подошел к стойке.

— Ладно, давай я сам! — сердито сказал он, жестом прогоняя Квоута от стойки. — А ты сходи принеси колбасы и один из тех сыров с прожилками.

Он подтолкнул Квоута к лестнице, ведущей в погреб, и, бурча, ворвался на кухню. Вскоре оттуда послышались лязг и грохот.

Квоут взглянул на Хрониста и широко, лениво улыбнулся.

* * *

В «Путеводный камень» потянулись посетители. Они приходили по двое, по трое. От них несло потом, лошаадьми и свежескошенной пшеницей. Они хохотали, болтали и сорили мякиной на чистые деревянные полы.

Хронист взялся за работу. Люди садились рядом с ним, подавшись вперед, иногда бурно жестикулируя, иногда беседуя не спеша, с расстановкой. Лицо писца оставалось бесстрастным, перо бегало по бумаге, временами ныряя в чернильницу.

Баст и человек, называвший себя Коутом, трудились вместе, дружно и слаженно. Они подавали суп с хлебом. Яблоки, сыр и колбасу. Пиво, эль, свежую воду из колодца в саду. Для желающих имелась жареная баранина и теплые пирожки с яблоками.

Мужчины и женщины улыбались и отдыхали, радуясь возможности вытянуть ноги и посидеть в холодке. Трактир наполнился негромким гулом разговоров. Люди судачили с соседями, которых знали всю жизнь. Обменивались привычными колкостями, мягкими и безобидными, как масло, друзья препирались из-за того, чья теперь очередь угощать пивом.

Однако, несмотря на все это, в трактире присутствовало напряжение. Чужак этого бы даже не заметил, но оно присутствовало, темное и молчаливое, как подземная жила. Никто не говорил о налогах, об армии, о том, что в городке стали запира́ть двери по ночам. Никто не говорил о том, что случилось в трактире накануне вечером. Никто не смотрел на пятно

свежевыскобленного пола, где не осталось никаких следов крови.

Звучали лишь шутки да байки. Молодуха чмокнула своего муженька, прочие присутствующие одобрительно засвистели и заулюлюкали. Старина Бентон ухитрился приподнять своей клюкой подол вдовы Криль, та отвесила ему оплеуху, старик захихикал. Две девчушки, визжа и хохоча, играли в салочки между столов, взрослые смотрели на них и тепло улыбались. Это отчасти помогало. Это было все, что можно было сделать.

* * *

Трактирная дверь с грохотом распахнулась. Вошли Старый Коб, Грейм и Джейк, заслонив спинами яркий полуденный свет.

— Привет, Коут! — поздоровался Старый Коб, окинув взглядом кучку людей, рассеянных по залу. — Ну и народищу у тебя сегодня!

— Это ты еще самую толпу не застал, — ответил Баст. — Народу было — только успевай поворачиваться!

— А для нас, опоздавших, что-нибудь найдется? — спросил Грейм, опускаясь на табурет.

Не успел он получить ответ, как мужик с массивными бычьими плечами брякнул на стойку пустую тарелку и аккуратно положил рядом вилку.

— Пирожок, сука, хорош! — пробасил он.

— Не бранись, Элиас! — пронзительным голосом сказала стоявшая рядом тощая остролицая тетка. — Опять ты ругаешься без повода!

— Да ладно, лапушка, не переживай, — сказал здоровяк. — Суко — это ж сорт яблок такой, не?

Он ухмыльнулся соседям, сидящим вокруг стойки.

— Иноземные яблоки такие в Атуре растут. Называются в честь барона Суко, если я правильно помню.

Грейм ухмыльнулся в ответ.

— Да, как же, помню, слышал про такие яблоки!

Тетка обвела их гневным взором.

— Эти яблоки я у Бентонов купил, — скромно заметил трактирщик.

— А-а! Ну что ж, значит, ошибочка вышла, — с улыбкой сказал здоровяк. Он взял с тарелки кусочек прилипшей к ней корочки и принялся задумчиво жевать. — И все же могу поклясться, что это был пирожок суко. Может, у Бентонов растут яблоки суко, а они и не знают?

Его жена фыркнула, потом увидела, что Хронист сидит у себя за

столом без дела, и утащила мужа прочь.

Старый Коб проводил их взглядом и покачал головой.

— Даже и не знаю, чего этой бабе не хватает для счастья, — заметил он. — Надеюсь, она это выяснит прежде, чем заключает старину Эли насмерть.

Джейк и Грейм неопределенно хмыкнули в знак согласия.

— Приятно видеть, когда в трактире полно народу.

Старый Коб взглянул на рыжеволосого человека за стойкой.

— Ты вкусно готовишь, Коут. И пиво у тебя самое лучшее на тридцать километров в округе. Людям нужен только повод, чтобы к тебе заглянуть.

Старый Коб задумчиво постучал себя по крылу носа.

— Знаешь что, — сказал он трактирщику, — а заведи-ка ты себе певца или вроде того, чтобы пел по вечерам. Черт, да даже вон парнишка Оррисонов умеет немножко играть на батькиной скрипке. Могу поручиться, он с удовольствием будет играть тут у тебя за пару кружек пива!

Он окинул трактир взглядом.

— Да, если тут чего и не хватает, так это немножко музыки!

Трактирщик кивнул. Выражение его лица было таким непринужденным и дружелюбным, как будто его, выражения, не было вовсе.

— Да, пожалуй, ты прав, — ответил Коут. Его голос был абсолютно спокоен. Абсолютно нормальный голос, бесцветный и прозрачный, как оконное стекло.

Старый Коб открыл было рот, но прежде, чем он успел сказать что-нибудь еще, Баст резко стукнул костяшками пальцев по стойке.

— Ну что, пива? — спросил он у мужчин, сидящих у стойки. — Я так понимаю, все вы не откажетесь немного выпить, прежде чем мы принесем вам поесть!

Они не отказались, и Баст засуетился за стойкой, разливая пиво в кружки и раздавая их в протянутые руки. Через некоторое время трактирщик тоже молча присоединился к своему помощнику и принялся сновать на кухню и обратно: за супом. За бутербродами. За сыром. За яблоками.

ГЛАВА 47

ИНТЕРЛЮДИЯ

ПЕНЬКОВЫЕ СТИХИ

Хронист, улыбаясь, подошел к стойке.

— Целый час трудился не покладая рук! — с гордостью сказал он, садясь. — Там для меня на кухне ничего не осталось?

— А не осталось ли тех пирожков, про которые говорил Эли? — с надеждой спросил Джейк.

— Я тоже хочу пирожка! — заявил Баст и сел рядом с Джейком, налив и себе кружку пива.

Трактирщик улыбнулся, вытер руки фартуком.

— Ну, я, кажется, отложил несколько штук, как раз на случай, если вы трое припозднитесь.

Старый Коб потер руки.

— Я уж и не помню, когда последний раз ел свежие пирожки с яблоками! — сказал он.

Трактирщик вернулся на кухню, достал из плиты противень и аккуратно разложил пирожки на тарелки. К тому времени, как он собрался нести их в зал, оттуда уже доносились взбудораженные голоса.

— Нет, Джейк, это тоже был демон! — сердито говорил Старый Коб. — Я тебе это уже говорил вчера вечером и еще сто раз повторю. Я не из тех, кто меняет свои взгляды, как прочие люди меняют носки!

Он вскинул палец.

— Он призвал демона, демон укусил этого мужика и высосал его, точно сливу. Я о таких делах слышал от мужика, который знал одну бабу, которая такое своими глазами видела. Вот почему констебль с помощниками пришел и увел его прочь. Потому что в Амари считается противозаконным водиться с темными силами.

— А я говорю, люди просто подумали, будто это был демон! — настаивал Джейк. — Знаешь же, как оно бывает.

— Да уж знаю! — насупился Старый Коб. — Чай, подольше твоего, Джейкоб, на свете живу! И историю эту я тоже хорошо знаю.

За стойкой воцарилось напряженное молчание. Наконец Джейк отвел глаза.

— Да я чего, я просто так сказал, — пробубнил он.

Трактирщик придвинул к Хронисту тарелку с супом.

— В чем дело, что случилось?

Писец лукаво взглянул на трактирщика.

— Коб нам тут рассказывает про суд над Квоутом в Имре, — сказал он с ноткой самодовольства в голосе. — Помните? Он вчера вечером принялся было рассказывать эту историю, но дошел только до середины.

— Так вот, — Коб обвел слушателей грозным взглядом, как бы говоря: только попробуйте перебить! — Дело было плохо. Квоут понимал, что, если его признают виновным, его вздернут повыше, да так и оставят болтаться.

Коб провел рукой поперек шеи, как будто держа петлю, и свесил голову набок.

— Но Квоут начитался в Университете разных умных книжек и знал немало хитрых уловок.

Старый Коб прервался, отломил кусочек пирога и, зажмурившись, принялся жевать.

— Ох, господь и владычица! — сказал он себе под нос. — Вот это пирог так пирог! Лучше, чем моя маманя, бывало, пекла, честное слово! Она-то вечно сахару недокладывала.

Он откусил еще кусочек, и по его обветренной физиономии расплылось блаженное выражение.

— Так вы говорите, Квоут знал немало хитрых уловок? — напомнил Хронист.

— Чего? Ах да! — опомнился Коб. — Ну да, конечно. Понимаете, в «Книге о Пути» есть две особые строчки, и если ты сможешь прочитать их вслух на древней темье, которую знают только священники, тогда, по железному закону, положено обходиться с тобой как со священником. А значит, суд Содружества с тобой ничегошеньки поделать не может. Так что, если прочтешь эти строчки, тебя будет судить церковный суд.

Старый Коб отломил еще кусок пирога и неторопливо прожевал его.

— Эти две строчки называются «пеньковыми стихами», потому как, если ты их знаешь, пеньковая веревка тебе уже не грозит. Церковный-то суд человека повесить не может, понимаете?

— И что же это за строчки? — спросил Баст.

— Да кабы я знал! — скорбно вздохнул Старый Коб. — Но я-то темью не учил. Да Квоут и сам ее не знал. Однако стихи эти заранее выучил наизусть. Потом сделал вид, что читает их, и пришлось суду Содружества его отпустить.

Квоут знал, что у него остается два дня до тех пор, пока тейлинский

трибунал доберется до Амари. И принялся он учить темью. Он читал книги и упражнялся весь день и всю ночь напролет. И он был такой способный, что под конец мог говорить на темье лучше, чем большинство людей, которые учили ее всю жизнь.

А потом, на второй день, перед тем как прибыл трибунал, Квоут сготовил себе зелье. Он сварил его из меда, и особого камня, который находят в голове змеи, и травы, которая растет лишь на дне моря. И когда он выпил тот напиток, голос его сделался столь сладок, что всякий, кто его слушал, только и мог, что соглашаться со всем, что он ни скажет.

И потому, — Старый Коб хихикнул, — когда трибунал наконец прибыл, весь суд занял никак не больше четверти часа. Квоут произнес великолепную речь на безупречной темье, все с ним согласилось и разошлись восвояси.

— Ага, и жил он счастливо до конца своих дней, — негромко добавил рыжеволосый человек за стойкой.

* * *

Сидящие у стойки как-то притихли. На улице было жарко и сухо, дорога пылила, пахло мякиной. Солнечный свет был ярок и жёсток, как золотой слиток.

А в «Путеводном камне» было сумрачно и прохладно. Гости не торопясь доели пироги, в кружках у них оставалось еще по паре глотков пива. И они не спешили расходиться, тянули время с виноватым видом людей, слишком гордых, чтобы быть по-настоящему ленивыми.

— Мне лично истории про Квоута никогда особо не нравились, — заметил трактирщик между делом, собирая пустые тарелки.

Старый Коб оторвался от своей кружки.

— Чегой-то?

Трактирщик пожал плечами.

— Ну, если уж речь идет о магии, мне подавай настоящего волшебника. Таборлина Великого, к примеру, или там Серафу, или Хрониста.

Писец, сидевший в конце стойки, не вздрогнул и не поперхнулся. Однако помедлил долю секунды, прежде чем снова зачерпнуть супа из своей второй миски.

В трактире снова воцарилась уютная тишина. Трактирщик собрал пустую посуду и направился было на кухню. Но прежде, чем он переступил

порог, молчание нарушил Грейм.

— Хронист? — переспросил он. — А я про такого даже и не слышал.

Трактирщик изумленно обернулся.

— В самом деле?!

Грейм покачал головой.

— Да не может быть! — сказал трактирщик. — Ну, тот, что носит при себе огромную книгу, и что он в ту книгу ни запишет, все непременно сбывается.

Он выжидающе обвел взглядом всех присутствующих. Джейк тоже покачал головой.

Трактирщик обернулся к писцу в конце стойки — тот деловито хлебал свой суп.

— Ну уж вы-то про него наверняка слыхали, — сказал Коут. — Его зовут Владыкой Историй, и если он узнает одну из твоих тайн, то может написать про тебя в своей книге все, что захочет.

Он взглянул на писца.

— Неужто не слышали?

Хронист опустил глаза и покачал головой. Он обмакнул в суп корку хлеба и молча ее сжевал.

Трактирщик выглядел удивленным.

— Когда я был мальчишкой, мне истории про Хрониста нравились даже больше, чем про Таборлина и остальных. У него в жилах течет примесь крови фее, и оттого он проницательнее обычных людей. Он способен видеть на сто километров в непогожий день и расслышать шепот за толстой дубовой дверью. Он способен выследить мышь в лесу в безлунную ночь.

— Я, я про него слышал! — возбужденно сказал Баст. — Меч его зовется Сноп, и сделан он из листа бумаги. Он легок как перышко, но так остер, что, если он тебя рассечет, ты увидишь кровь прежде, чем почувствуешь боль!

Трактирщик кивнул.

— А если он узнает твоё имя, он может написать его на клинке своего меча и убить тебя за тысячу километров.

— Однако для этого ему придется написать его своей собственной кровью, — добавил Баст. — И места на мече не так уж много. Он уже написал на нем семнадцать имен, и теперь места осталось еще меньше.

— Он служил при дворе верховного короля в Модеге, — сказал Коут. — Но влюбился в дочку верховного короля.

Грейм и Старый Коб дружно кивали. Это все уже были знакомые им

места.

Коут продолжал:

— И когда Хронист попросил ее руки, верховный король разгневался и дал Хронисту поручение, дабы тот доказал, что достоин ее руки...

Трактирщик выдержал театральную паузу.

— Хронисту будет дозволено жениться на ней, только если он найдет что-то драгоценнее принцессы и принесет это верховному королю!

Грейм одобрительно крикнул:

— Да уж, вот это задал задачу! Что же ему было делать? Нельзя же принести человеку какое-то сокровище и сказать: смотри, мол, вот это стоит дороже твоей дочурки!

Трактирщик кивнул с серьезным видом.

— И вот с тех пор Хронист и скитается по свету, разыскивая древние сокровища и старинные заветы, надеясь отыскать что-то, что можно было бы принести королю.

— А отчего же он просто не напишет о короле в своей волшебной книге? — осведомился Джейк. — Взял бы да написал: «И тогда король бросил дурить и разрешил нам пожениться!»

— Да потому, что он не знает никаких тайн короля, — объяснил трактирщик. — К тому же верховный король Модега владеет магией и способен себя защитить. А главное, ему известно слабое место Хрониста. Он знает, что, если обманом заставить Хрониста выпить чернил, он вынужден будет выполнить три твоих желания. И еще важнее то, что он знает: Хронист не имеет над тобой власти, если ты сумеешь спрятать свое имя в надежном месте. Имя верховного короля записано в стеклянной книге и спрятано в медной шкатулке, а шкатулка эта заперта в большом железном сундуке, где до нее никто добраться не может.

На время воцарилась тишина — все обдумывали это. Потом Старый Коб задумчиво закивал.

— Да, вот теперь вроде как припоминаю, — медленно произнес он. — Я, кажется, помню историю про то, как этот самый Хронист отправился искать волшебное яблоко. Кто съест это яблоко, тот узнает имена всех вещей и обретет могущество, как у Таборлина Великого.

Трактирщик потер подбородок и медленно кивнул.

— Кажется, эту историю я тоже слышал, — сказал он. — Но это было давным-давно, и не могу сказать, что помню ее во всех подробностях...

— Ну, — сказал Старый Коб, допив свое пиво и со стуком поставив кружку на стойку, — тут, Коут, стыдиться нечего. У некоторых людей память хорошая, а у некоторых похуже. Пирог ты печешь на славу, но все

мы знаем, кто тут хороший рассказчик.

Старый Коб неуклюже сполз с табурета и махнул Грейму и Джейку.

— Пошли, до двора Байрсов вместе дойдем. Я как раз успею рассказать эту историю. Этот Хронист, он ростом высок, лицом бледен и тощ, как жердина, а волосы у него черные, как чернила...

Дверь «Путеводного камня» с грохотом захлопнулась.

— Боже великий, к чему все это было? — осведомился Хронист.

Квоут искоса взглянул на Хрониста и улыбнулся ехидной улыбкой.

— Ну что, — осведомился он, — каково это — знать, что о тебе рассказывают байки?

— Обо мне не рассказывают баек! — воскликнул Хронист. — Это все чушь!

— Ну почему же чушь? — возразил Квоут, явно несколько обиженный. — Может, оно и неправда, но это не обязательно чушь!

Он взглянул на Баста.

— Про бумажный меч мне очень понравилось.

Баст просиял.

— И про королевское задание здорово вышло, Реши! А вот про кровь феие — я даже и не знаю...

— Ну, с демонской кровью вышло бы слишком мрачно, — сказал Квоут. — Тут нужно было что-то этакое.

— По крайней мере, мне не придется слушать, как он это рассказывает, — угрюмо сказал Хронист, ковыряя ложкой картофелину.

Квоут посмотрел на него и мрачно хохотнул.

— А ты так ничего и не понял, да? Свежая история вроде этой, да еще в день уборки урожая! Они ухватятся за нее, как ребенок за новую игрушку. Пока они кладут скирды и пьют воду в теньке, Старый Коб успеет рассказать про Хрониста как минимум десятку слушателей. Сегодня вечером, на поминках по Шепу, про Владыку Историй услышат люди из десяти соседних городков. Байка разлетится, как пожар по полю!

Хронист обвел их взглядом, на лице его отразился легкий ужас.

— Но зачем?

— Это подарок, — сказал Квоут.

— Вы думаете, мне этого хочется? — недоверчиво переспросил Хронист. — Вы думаете, я хочу славы?

— Это не слава, — угрюмо ответил Квоут. — Это новая точка зрения. Вы роетесь в чужих жизнях. Вы ловите слухи и являетесь раскапывать неприятную правду, лежащую в основе занятных баек. И полагаете, будто у вас есть на это право. А у вас нету такого права.

Он посмотрел писцу в глаза.

— Когда кто-то рассказывает вам кусок собственной жизни, он отдает вам ее в дар, а вы это принимаете как должное.

Квоут вытер руки чистой полотняной тряпицей.

— Я вам рассказываю свою историю как есть, со всеми неприглядными подробностями. Выкладываю на свет божий все свои ошибки и глупости. И раз уж я решил обойти какую-то мелочь оттого, что мне она представляется скучной, я тут в своем праве. И вам не удастся заставить меня передумать с помощью побасенок какого-то крестьянина. Я не дурак.

Хронист потупился, глядя в свою миску с супом.

— Это вышло неловко, да?

— Да, весьма неловко, — кивнул Квоут.

Хронист со вздохом поднял глаза и смущенно улыбнулся.

— Ну что же, вы ведь не станете винить меня в том, что я хотя бы попробовал?

— Стану, — возразил Квоут. — Но, полагаю, я сумел донести до вас свою мысль. И заранее извиняюсь за все неприятности, которые это вам причинит. Хотя вам от моих извинений ни холодно, ни жарко.

Он указал на дверь, вслед ушедшим крестьянам.

— Возможно, я слегка перегнул палку. Я всегда нервно реагировал на манипуляции.

Квоут вышел из-за стойки и направился к столу возле очага.

— Ладно, идите сюда, продолжим. Так вот, сам по себе суд был довольно скучным. Но он имел серьезные последствия.

ГЛАВА 48

МОЛЧАНИЕ НЕ ПРОСТО ТАК

Я участвовал в экзаменационной лотерее и, на свое счастье, вытянул один из поздних жребиев. Я был рад, что у меня есть лишнее время: из-за суда мне некогда было готовиться к экзамену.

Однако я все равно не особенно тревожился. У меня было время на занятия и доступ в архивы. А главное, я впервые за все время с тех пор, как пришел в Университет, не чувствовал себя нищим. В кошельке у меня лежало тринадцать талантов. И даже после того, как я выплачу Деви проценты с долга, у меня все равно хватит денег на уплату за обучение.

А главное, за долгие часы, проведенные в поисках схемы грэма, я многое узнал об архивах. Быть может, я знал их хуже опытного храниста, и тем не менее я познакомился со множеством потайных уголков и безмолвных секретов. И потому во время подготовки к экзамену я даже позволял себе роскошь читать постороннюю литературу.

* * *

Я закрыл книгу, над которой корпел. Подробную, тщательно составленную историю атуранской церкви. Она оказалась такой же бесполезной, как и все прочие.

Вилем услышал, как захлопнулась обложка, и поднял голову.

— Опять ничего? — спросил он.

— Даже хуже, — ответил я.

Мы вдвоем занимались в одной из читальных норок четвертого этажа, куда более тесной, чем наше обычное место на третьем этаже, но, учитывая, что экзамены были на носу, нам вообще повезло, что удалось найти отдельную норку.

— Слушай, отчего бы тебе не бросить это дело? — поинтересовался Вилем. — Ты пинаешь эту историю амир, точно павшую лошадь, уже... Сколько, два оборота?

Я кивнул, не желая признаваться, что мои исследования амир на самом деле начались задолго до того, как пари привело нас к Кукле.

— Ну и что тебе удалось отыскать?

— Целые полки книг, — сказал я. — Десятки повествований. Упоминания о них в сотнях исторических трудов.

Он пристально взглянул на меня.

— И это изобилие информации тебя бесит.

— Нет, — ответил я. — Меня беспокоит отсутствие информации. Ни в одной из этих книг нет надежных сведений об амир.

— Так-таки ни в одной? — скептически переспросил Вилем.

— О, любой историк за последние триста лет считал своим долгом поболтать о них! — сказал я. — Они рассуждают о том, как амир повлияли на упадок империи. Философы говорят об отдаленных этических последствиях их деяний.

Я указал на книги.

— Это многое говорит о том, что люди думают об амир. Но совершенно ничего не говорит о самих амир.

Вилем нахмурился, глядя на мою стопку книг.

— Не может быть, чтобы все это были историки и философы!

— Да нет, есть еще и рассказы, — сказал я. — Поначалу это рассказы о том, как они исправили ту или иную великую несправедливость. Позднее — рассказы о том, какие злодеяния они творили. Один амир убивает продажного судью в Ренере. Другой подавляет крестьянское восстание в Джанпуе. Третий отравляет половину городской знати в Мелити.

— А это все надежные сведения? — поинтересовался Вилем.

— Серединка на половинку, — сказал я. — Из вторых, из третьих рук. Три четверти всего этого вообще слухи. Никаких серьезных доказательств нигде нет. Почему об этом продажном судье ничего не говорится в церковных книгах? Его имя должно присутствовать в каждом деле, которое он разбирал. Где дата этого крестьянского восстания и почему о нем не упоминается ни в одном другом историческом источнике?

— Ну, это же было триста лет тому назад! — укоризненно возразил Вилем. — Нельзя же рассчитывать, что все эти мелкие подробности должны были уцелеть!

— Я рассчитываю, что хотя бы какие-то мелкие подробности не могли не уцелеть. Ты же знаешь, как тщательно тейлинцы ведут все свои записи, — сказал я. — У нас на втором нижнем уровне хранятся судебные протоколы за тысячу лет из сотни разных городов. Целые комнаты, битком набитые...

Я умолк и махнул рукой.

— Ладно, забудем даже о мелких подробностях. Есть крупные вопросы, на которые я не могу найти ответа. Когда основан орден амир?

Сколько их было всего? Кто им платил и сколько именно? Откуда брались эти деньги? Где их обучали? Как они сделались частью тейлинской церкви?

— Ну, об этом-то написано у Фелтеми Рейса, — сказал Вилем. — Они произошли от нищенствующих судей.

Я наугад взял одну книгу и брякнул ее перед ним на стол.

— Найди мне тут хоть одно доказательство этой теории. Найди хоть одну запись, в которой говорится о том, что нищенствующий судья был принят в ряды амир. Покажи хоть одну запись о том, что кто-то из амир служил в суде. Хоть один церковный документ, в котором сказано, что амир вел дело в суде!

Я воинственно скрестил руки на груди.

— Давай, я подожду!

Вилем не дотронулся до книги.

— Ну, возможно, амир было не так много, как предполагают люди. Быть может, их было всего ничего, а репутацией своей они обязаны своей огромной власти.

Он многозначительно взглянул на меня.

— Знаешь же, как оно бывает.

— Нет, — сказал я. — Это замалчивание не случайно. Иногда ничего не найти как раз и означает найти нечто.

— Ну, ты говоришь прямо как Элодин! — сказал Вилем.

Я насупился, но решил не поддаваться на подначку.

— Да нет, ты послушай. Почему об амир так мало фактической информации? Этому могут быть только три объяснения.

И я поднял три пальца:

— Раз: ничего не записывалось. Думаю, эту возможность можно отмести сразу. Амир были слишком важные птицы, чтобы ни историки, ни чиновники, ни церковь, одержимая своими записями, не упомянули о них ни словом.

И я загнул первый палец.

— Два: по какой-то странной случайности экземпляры книг, в которых имелись такие сведения, в архивы попросту не попали. Но это просто смешно. Немыслимо, чтобы за все эти годы ничто из написанного об амир не попало в величайшую библиотеку на свете.

И я загнул второй палец.

— И три! — я ткнул в Вилема оставшимся пальцем. — Кто-то изъяс эти сведения, подменил или уничтожил их.

Вилем нахмурился.

— Кто же это мог сделать?

— Ну как кто? — сказал я. — Кому может быть выгодно уничтожить все сведения об амир?

Я сделал паузу, нагнетая напряжение.

— Кто, как не сами амир?

Я ожидал, что он с ходу отметет эту идею, но Вилем этого не сделал.

— Мысль интересная, — сказал он. — Но отчего ты предполагаешь, что за этим стоят именно амир? Не логичнее ли предположить, что за это ответственна сама церковь? Уж конечно, тейлинцы предпочли бы втихомолку подчистить все свидетельства жестокостей амир.

— Это верно, — признал я. — Но тут, в Содружестве, церковь не особенно сильна. А книги эти прибыли со всех концов мира. Сильдийский историк не постеснялся бы написать историю амир.

— Для чего бы сильдийскому историку писать историю какого-то еретического течения какой-то языческой церкви? — заметил Вилем. — А кроме того, каким образом дискредитированная горстка амир могла бы сделать нечто, что не под силу самой церкви?

Я подался вперед.

— Я думаю, что амир куда древнее тейлинской церкви! — сказал я. — Во времена Атуранской империи значительная часть их открытого влияния была связана с церковью, но они были не просто группкой странствующих судей.

— А что заставило тебя прийти к подобным выводам? — спросил Вил. По его лицу я видел, что скорее теряю его поддержку, чем приобретаю ее.

«Древняя ваза, — подумал я. — История, услышанная от старика в Тарбеане. Я это знаю потому, что чандрианы ненароком обмолвились об этом после того, как убили всех, кого я знал».

Я вздохнул и покачал головой, понимая, что если скажу правду, то меня примут за сумасшедшего. Потому, собственно, я и рылся в архивах. Мне нужны были осязаемые доказательства, которые подкрепили бы мою теорию, что-то, что не позволило бы окружающим поднять меня на смех.

— Я нашел копии судебных документов, относящихся ко временам, когда амир были объявлены вне закона, — сказал я. — Знаешь ли, сколько амир предстало перед судом тогда в Тарбеане?

Вил пожал плечами.

Я показал ему один палец.

— Один! Один-единственный амир во всем Тарбеане. И писарь, который вел протоколы суда, ясно дает понять, что человек, которого тогда судили, был простофилей, который вообще не понимал, что происходит.

Я видел, что Вилем по-прежнему сомневается.

— Нет, ну ты сам подумай! — взмолился я. — Судя по тем обрывкам, которые мне удалось обнаружить, до того, как орден был распущен, в империи было по меньшей мере три тысячи амир. Три тысячи хорошо обученных, тяжеловооруженных, богатых людей, мужчин и женщин, абсолют-но преданных «благой цели»! И тут в один прекрасный день церковь объявляет их вне закона, распускает весь их орден и конфискует их собственность.

Я щелкнул пальцами.

— И что, три тысячи грозных, одержимых идеей справедливости фанатиков просто взяли и исчезли? Задрали лапки и решили предоставить позаботиться о благой цели кому-нибудь еще? Без возражений? Без сопротивления? Вот так запросто?

Я взглянул на него в упор и твердо покачал головой.

— Нет! Это идет вразрез с человеческой природой. И к тому же я не нашел ни одного отчета о том, как член ордена амир предстал перед церковным судом. Ни единого. Неужели так немыслимо представить, что они могли решить уйти в подполье и продолжать свои труды втайне? — А если это логично, — продолжал я прежде, чем Вилем мог успеть меня перебить, — не разумно ли так же предположить, что они могли попытаться сохранить свою тайну, тщательно подправляя историю на протяжении последних трехсот лет?

Повисло долгое молчание.

Вилем не стал отмечать мои рассуждения с ходу.

— Интересная теория, — медленно произнес он. — Но это вынуждает меня задать еще один, последний вопрос.

Он с серьезным видом взглянул на меня.

— Сколько ты выпил?

Я сник на стуле.

— Нисколько.

Он поднялся на ноги.

— Тогда поди напейся. А то ты слишком засиделся за этими книжками. Тебе не мешает смыть пыль с мозгов.

И мы пошли и напились. Но мои подозрения остались со мной. Я еще испытал эту идею на Симмоне, как только представился случай. Он принял ее легче, чем Вилем. Нет, это не значит, что он мне поверил, — он просто принял такую возможность. И сказал, что мне стоит поговорить об этом с Лорреном.

Я не стал этого делать. Каменнолицый магистр архивов по-прежнему пугал меня, и я старался избегать его при любой возможности, страшась,

что подам ему повод изгнать меня из архивов. И уж меньше всего мне хотелось намекать ему, что его драгоценные архивы кто-то систематически подчищает на протяжении последних трехсот лет.

ГЛАВА 49

НЕВЕЖЕСТВЕННЫЙ ЭДЕМА РУЭ

Я увидел на противоположном конце двора Элксу Дала, который помахал мне рукой.

— Квоут! — он дружески улыбнулся. — Вас-то мне и надо! Нельзя ли вас на минуточку?

— Ну конечно! — ответил я. Магистр Дал мне нравился, однако мы мало общались за пределами аудитории. — Можно, я угощу вас пивом или обедом? Я все хотел как следует поблагодарить за то, что вы высказались в мою пользу на суде, но я был так занят...

— Да и я тоже, — сказал Дал. — На самом деле я уже давно собирался с вами поговорить, но время все бежит, бежит и убегает.

Он огляделся по сторонам.

— Пообедать я бы не отказался, а вот пить мне, пожалуй, не стоит. Мне меньше чем через час предстоит принимать экзамены.

Мы зашли в «Белого оленя». Я никогда не бывал внутри, для таких, как я, это заведение было дороговато.

Элкса Дал в своей черной магистерской мантии бросался в глаза, и хозяин несколько заискивал перед ним, провожая нас обоих к особому столику. Дал как ни в чем не бывало уселся за стол, а вот я нервничал все сильнее. Я никак не мог понять, для чего магистру симпатической магии понадобилось со мною беседовать.

— Что вам угодно? — осведомился высокий тощий трактирщик, когда мы расселись. — Что-нибудь выпить? Блюдо сыров? У нас сегодня превосходная форель с лимоном!

— Форель и сыр меня вполне устроят, — сказал Дал.

Хозяин обернулся ко мне.

— А вам?

— И мне, пожалуй, форель, — сказал я.

— Великолепно! — сказал трактирщик, потирая руки. — А пить что будете?

— Сидр, — сказал я.

— Феллоуское красное у вас есть? — нерешительно спросил Дал.

— А как же! — ответил трактирщик. — И, надо сказать, отличного урожая, можете мне поверить.

— Ну, тогда налейте мне чашечку, — попросил Дал, покосившись на меня. — Уж наверно, от одной-то чашечки голова мне не откажет?

Хозяин убежал, оставив меня наедине с Элксой Далом. Странно было сидеть с ним за одним столом. Я нервно поерзал на стуле.

— Ну что, как у вас дела? — непринужденно поинтересовался Дал.

— Более или менее, — ответил я. — Удачная выдалась четверть, если не считать... — я указал в сторону Имре.

Дал невесело хмыкнул.

— Прямо как в старые недобрые времена, а? — он покачал головой. — Сотрудничество с демоническими силами! Господи помилуй!

Трактирщик принес нам заказанные напитки и молча удалился.

Магистр Дал поднял широкую керамическую чашу.

— Ну, за то, чтобы суеверы не сожгли нас заживо! — сказал он.

Я невольно улыбнулся, невзирая на свое замешательство, и поднял свою деревянную кружку.

— Недурная традиция!

Мы оба выпили. Дал одобрительно крякнул.

И посмотрел на меня через стол.

— Тогда скажите, вы когда-нибудь задумывались о том, что станете делать со своей жизнью, когда покончите со здешними делами? Ну, когда получите гильдер.

— Об этом я пока что особо не задумывался, — честно признался я. — Мне кажется, до этого еще так далеко...

— При той скорости, с какой вы продвигаетесь, возможно, не так уж и далеко. Вы уже ре'лар, а ведь вам всего... сколько вам лет?

— Семнадцать, — уверенно соврал я. Я был очень чувствителен к упоминаниям о своем возрасте. Большинству студентов было уже лет по двадцать, когда они поступили в Университет, не говоря уже о том, когда они присоединились к аркануму.

— Семнадцать... — задумчиво произнес Дал. — Об этом легко забыть. Вы так уверенно держитесь...

Его взгляд слегка затуманился.

— Господь и владычица, я в семнадцать лет был в таком раздрае! Учился, пытался отыскать свое место в мире... А женщины...

Он медленно покачал головой.

— Знаете, потом станет лучше. Пройдет года три-четыре, и все понемногу устаканится.

Он приподнял свою чашку навстречу мне и отпил еще.

— Хотя у вас, похоже, все более или менее в порядке. В семнадцать

лет уже ре'лар! Значительное достижение.

Я немного покраснел, не зная, что ответить.

Вернулся трактирщик, принялся расставлять по столу блюда. Дощечку с разложенными на ней ломтиками разнообразных сыров. Мисочку с поджаренными ломтиками хлеба. Мисочку с клубничным вареньем. Мисочку с черничным повидлом. Блюдечко с лущеными грецкими орехами.

Дал взял ломтик хлеба и ломтик крошащегося белого сыра.

— Вы весьма недурной симпатист, — сказал он. — Перед таким мастером, как вы, открывается немало возможностей.

Я намазал клубничным вареньем бутерброд из хлеба с сыром и сунул его в рот, чтобы оттянуть время и подумать. Что Дал имеет в виду? Он хочет, чтобы я сосредоточился на изучении симпатии? Быть может, он хочет выдвинуть меня в эл'те?

Ре'ларом меня сделал Элодин, но я знал, что это можно переменить. Магистры временами оспаривали друг у друга особенно многообещающих студентов. Мола, к примеру, была хранистом, прежде чем Арвил переманил ее в медику.

— Ну да, мне нравится заниматься симпатией, — осторожно ответил я.

— Это и так очевидно, — усмехнулся Дал. — Могу вас заверить, некоторые из ваших соучеников предпочли бы, чтобы она нравилась вам поменьше.

Он съел еще ломтик сыра и продолжал:

— При всем при том так недолго и перетрудиться. Не сказал ли Теккам: «Избыток учения портит студента»?

— Это Эртрам Мудрейший сказал, — заметил я. Книга Эртрама была одной из тех, которые магистр Лоррен выбрал для ре'ларов в этой четверти.

— Как бы то ни было, это правда, — сказал Дал. — Быть может, вам не помешает отдохнуть хотя бы одну четверть. Попутешествовать, погреться на солнышке...

Он отхлебнул еще вина.

— А то мне как-то не по себе, когда я вижу эдема руэ незагорелым.

Я не знал, что и сказать на это. Мысль о том, чтобы сделать перерыв в учебе и отдохнуть от Университета, никогда не приходила мне в голову. И потом, куда я поеду?

Трактирщик принес блюда с рыбой, исходящей паром и благоухающей лимоном и маслом. На некоторое время оба мы занялись едой. Я был рад поводу помолчать подольше. С чего бы Далу хвалить мои успехи и тут же советовать мне бросить учебу?

Через некоторое время Элкса Дал удовлетворенно вздохнул и отодвинул тарелку.

— Позвольте, я расскажу вам одну историю, — сказал он. — История эта называется «Невежественный эдема руэ».

Услышав это, я поднял глаза, медленно пережевывая рыбу, что была у меня во рту. Я очень старался ничем не выказать своих чувств.

Он приподнял бровь, как бы ожидая возражений.

Видя, что я молчу, он продолжал:

— Жил-был однажды ученый-арканист. Он знал все о симпатии, и о сигалдри, и об алхимии. В голове у него надежно хранилось десять дюжин разных имен, он владел восемью языками, и почерк его был безупречен. По правде говоря, единственное, чего ему не хватало, чтобы сделаться магистром, — это умения выбрать нужный момент, да еще любезности и общительности.

Дал отхлебнул вина.

— И вот этот человек некоторое время странствовал по свету, надеясь отыскать свое счастье. И как-то раз, по пути в Тинуэ, ему попалось озеро, которое надобно было пересечь.

Дал широко улыбнулся.

— По счастью, на берегу был лодочник из эдема руэ, который вызвался перевезти его на ту сторону. Арканист, видя, что поездка займет несколько часов, попытался завязать беседу.

«Что вы думаете о теории Теккама касательно того, что энергия является не столько свойством материи, сколько одной из изначальных субстанций?» — спросил он у лодочника.

Лодочник отвечал, что отродясь о таком не думал, да и впредь не собирается.

«Но ведь ваше образование, несомненно, включало в себя „Теофанию“ Теккама?»^[2] — осведомился арканист.

«Да у меня и образования-то нету, ваша честь, — отвечал ему лодочник. — Я бы этого вашего Теккама и не признал, даже если бы он самолично явился продавать иголки моей женушке».

Арканисту сделалось любопытно. Он задал эдема руэ еще несколько вопросов, и тот признался, что понятия не имеет, кто такой Фелтеми Рейс и для чего надобен жар-винт. Арканист расспрашивал его добрый час, сначала с интересом, потом в смятении. Последней каплей стало, когда он обнаружил, что лодочник вообще не умеет ни читать, ни писать.

— Как же вы это, сударь! — ужаснулся арканист. — Ведь каждый человек обязан работать над собой, постигать новое. А человек, лишенный

преимуществ образования, немногим лучше животного!

Дал ухмыльнулся.

— Ну, как вы можете догадаться, после этого разговор как-то увял. Еще около часа они плыли в напряженном молчании, но как раз когда вдали показался дальний берег, внезапно налетела буря. Утлую лодчонку начало заливать волнами, борта скрипели и стонали.

Эдема пристально взглянул на тучи и промолвил: «Минут через пять станет совсем худо, потом еще хуже, а потом расчистится. Но моя лодчонка этого не выдержит. Надоть нам с вами пуститься вплавь». И, сказавши так, лодочник снимает с себя рубаху и принимается опоясываться ею.

«Но я же не умею плавать!» — восклицает арканист.

Дал допил вино, перевернул чашку вверх дном и твердо поставил ее на стол. И молча, выжидаяще уставился на меня. Лицо у него сделалось несколько самодовольное.

— История недурна, — признал я. — Только вот эдема руэ у вас разговаривает чересчур уж простецки. Тут вы перегнули.

Дал склонился передо мной в коротком насмешливом поклоне.

— Учту на будущее, — сказал он, потом поднял палец и заговорщицки взглянул на меня. — Надо сказать, что история моя предназначена не только для развлечения: в ней сокрыто зерно истины, которое способен отыскать лишь умнейший из студентов.

Он сделал загадочное лицо.

— Ведь в сказках и историях содержатся все истины на свете, знаете ли.

* * *

В тот же вечер я рассказал об этой встрече друзьям, сидя с ними за картами у Анкера.

— Да он же тебе намекал, тупица! — раздраженно сказал Манет. Нам с ним не везло нынче вечером, мы отставали уже на пять сдач. — Ты просто ничего не желаешь слушать!

— Он намекал, чтобы я на четверть забросил симпатию? — спросил я.

— Нет! — отрезал Манет. — Он тебе пытался сказать то, о чем я тебе уже два раза говорил. Если ты в этой четверти попрешься сдавать экзамены, это будет просто-таки царственная глупость.

— Чего? — спросил я. — Почему это?

Манет с подчеркнутым спокойствием положил карты на стол.

— Квоут. Ты неглупый малый, но ты решительно отказываешься слушать то, чего тебе не хочется слышать.

Он посмотрел налево, на Вилема, потом направо, на Симмона.

— Может, вы ему попробуете втолковать?

— Отдохни одну четверть, — сказал Вилем, не поднимая глаз от карт. И добавил: — Тупица.

— Тебе действительно стоит сделать перерыв, — серьезно сказал Сим. — В Университете до сих пор только и разговоров, что о суде. Об этом говорят все.

— О суде? — расхохотался я. — Но суд же кончился больше оборота тому назад! И разговоры идут о том, что меня признали совершенно невиновным. Я чист пред железным законом и пред самим Тейлу милосердным!

Манет громко фыркнул и снова опустил карты.

— Да лучше бы тебя по-тихому признали виновным, чем оправдать с таким шумом!

Он взглянул на меня.

— Знаешь ли ты, сколько времени прошло с тех пор, как кого-то из арканистов привлекали к суду по обвинению в сотрудничестве с демонами?

— Нет, — признался я.

— И я не знаю, — сказал Манет. — А это значит, что такого не бывало давным-давно. Ты невиновен. Это замечательно. Но сам этот суд бросил на Университет огромную черную тень. Он напомнил народу о том, что если ты, возможно, и не заслуживаешь костра, то некоторые арканисты его, возможно, заслуживают.

Он покачал головой.

— Можешь быть уверен, магистры злы на тебя, как облитая помоями кошка. Все как один.

— Да и студенты многие не в восторге, — мрачно добавил Вил.

— Но я же не виноват, что меня судили! — возмутился я, потом пошел на попятный: — Ну, может, отчасти и виноват. Но это же все Амброз затеял! Это он стоял за всей этой историей и хихикал себе в рукав.

— И тем не менее, — сказал Вил, — Амбросу хватило ума не ходить на экзамены в этой четверти.

— То есть как? — изумился я. — Он не пойдет на экзамены?

— Не пойдет, — сказал Вилем. — Он уехал к себе домой еще позавчера.

— Но ведь он не имеет никакого отношения к суду, — сказал я. — Зачем же ему уезжать?

— Да затем, что магистры не дураки, — сказал Манет. — Вы с ним грызлись, как бешеные псы, с первой же встречи.

Он задумчиво пошлепал губами и скроил преувеличенно невинную мину.

— Кстати, скажи, пожалуйста: что ты делал в «Золотом пони» в тот вечер, как загорелся номер Амброза?

— В карты играл, — ответил я.

— Ну да, конечно! — сказал Манет тоном, полным сарказма. — Короче, вы с ним целый год швырялись друг в друга камнями, и вот наконец один из камней угодил в осиное гнездо. Самое разумное сейчас — это смыться куда подальше и переждать, пока жужжание не затихнет.

Симмон застенчиво откашлялся.

— Мне неприятно присоединяться к общему хору, — виновато сказал он, — но ходят слухи, что видели, как ты обедаешь со Слитом. А Фела мне рассказывала, что ей говорили, будто ты... э-э... приударяешь за Деви.

— Но вы же знаете, что это неправда, насчет Деви, — сказал я. — Я ходил к ней просто затем, чтобы помириться. Ведь еще не так давно она почти мечтала сожрать меня с потрохами. А со Слитом я всего один раз и поговорил. И разговор этот длился никак не дольше четверти часа.

— Деви?! — с ужасом переспросил Манет. — Деви и Слит?! Одна — исключенная, второй — все равно что исключенный?

Он швырнул карты на стол.

— Зачем, спрашивается, тебя видели в их обществе? И, кстати, зачем меня видели в твоём обществе?

— Да ладно тебе! — я обвел взглядом Вила и Сима. — Что, все настолько плохо?

Вилем положил карты.

— Предрекаю, — спокойно произнес он, — что, если ты явишься на экзамены, тебе назначат плату никак не менее тридцати пяти талантов.

Он обвел взглядом Сима и Манета.

— Ставлю на это целую золотую марку. Кто готов побиться со мной об заклад?

Желающих не нашлось.

Я ощутил сосущую пустоту в животе.

— Но это же... — сказал я. — Это же...

Сим тоже положил карты. Мрачное выражение на его дружелюбном лице смотрелось совершенно неуместно.

— Квоут, — торжественно произнес он, — трижды тебе говорю: отдохни одну четверть.

В конце концов я осознал, что мои друзья правы. К несчастью, это означало, что я остался не у дел. К экзаменам готовиться было не надо, а затевать новый проект в артной было бы глупо. Даже мысль о том, чтобы продолжать в архивах поиски сведений о чандрианах или амир, более меня не привлекала. Я и так искал слишком долго, а узнал слишком мало.

Я задумался о том, чтобы поискать где-нибудь еще. Конечно, на свете есть и другие библиотеки. В каждом знатном доме имеется хотя бы скромное собрание семейных преданий и историй, касающихся земель и рода. В большинстве церквей хранятся обширные записи, восходящие на сотни лет назад: протоколы судов, записи о браках, постановления... То же самое касается любого города, заслуживающего этого названия. Не могли амир уничтожить все следы своего существования.

Сами поиски не представляли бы трудности. Трудно будет получить доступ к этим библиотекам. Вряд ли я могу явиться в Ренере в лохмотьях, в дорожной пыли и попросить разрешения порыться в дворцовых архивах.

Вот еще один случай, где неоценимую помощь мог бы оказать покровитель. Покровитель написал бы мне рекомендательное письмо, перед которым откроются все двери. А главное, с помощью покровителя я мог бы обеспечить себе достойное существование во время путешествия. Во многих маленьких городках тебе даже в трактире выступить не дадут без рекомендаций от знатного покровителя.

Университет целый год был средоточием моей жизни. И теперь, столкнувшись с необходимостью уехать, я совершенно растерялся, понятия не имея, что мне с собой делать.

ГЛАВА 50

В ПОГОНЮ ЗА ВЕТРОМ

Свой экзаменационный жребий я отдал Феле, пожелав, чтобы он принес ей удачу. На том и закончилась зимняя четверть.

Три четверти того, из чего состояла моя жизнь, внезапно испарилось. Не нужно было больше посещать занятия, не нужно дежурить в медике. Я теперь не имел права получать материалы в хранении, пользоваться инструментами в артной, посещать архивы.

Поначалу было не так уж плохо. Наступили зимние празднества, мне было чем отвлечься, и теперь, когда мне не было нужды тревожиться о работе и учебе, я мог свободно резвиться в компании друзей.

Но потом началась весенняя четверть. Друзья мои никуда не делись, но они были заняты учебой. И я стал все чаще и чаще наведываться за реку. Денна по-прежнему не показывалась, однако Деоч и Станчион были всегда рады выпить за компанию и поболтать о том о сем.

Трепе тоже был здесь, и, хотя он время от времени принимался уговаривать меня отобедать у него в доме, я чувствовал, что предлагает он это не от души. Здешнему народу суд тоже пришелся не по нраву, и слухи о нем ходили до сих пор. Я видел, что мне еще долго не будут рады ни в одном респектабельном обществе — если меня там теперь вообще когда-нибудь примут.

Я подумывал о том, чтобы уехать из Университета. Я понимал, что люди скорее забудут о суде, если я не буду ошиваться на виду. Но куда же мне деваться? Единственное, что приходило мне в голову, — это отправиться в Илл в тщетной надежде отыскать Денну. Но я понимал, что это глупо.

Поскольку мне не было нужды сберегать деньги для того, чтобы уплатить за обучение, я отправился расплатиться с Деви. Но ее не оказалось дома — впервые за все то время, что я был с ней знаком. В следующие несколько дней я беспокоился все сильнее. Я даже сунул ей под дверь несколько записок с извинениями, пока не узнал от Мола, что Деви уехала отдохнуть и скоро должна вернуться.

Дни шли за днями. Пока я бездельничал, зима потихоньку отступала от Университета. Оттаивали оконные стекла, затянутые инеем, оседали сугробы, на деревьях проклевывались первые почки. Наконец Симмон впервые углядел под развевающейся юбкой голые ноги и официально объявил о приходе весны.

Однажды, когда я сидел и пил медеглин в компании Станчиона, в «Эолиан» ворвался Трепе. Его буквально распирало от возбуждения. Он утащил меня за столик в укромном уголке на втором ярусе, готовый лопнуть от новостей, которые он принес.

Трепе облокотился на стол.

— Поскольку нам не удалось найти тебе покровителя в здешних краях, я раскинул сети пошире. Конечно, иметь покровителя по соседству удобно. Но, если ты пользуешься поддержкой влиятельного аристократа, не так уж важно, где именно он живет.

Я кивнул. Моя труппа, пользуясь покровительством лорда Грейффеллоу, странствовала по всему свету.

Трепе ухмыльнулся.

— Ты бывал когда-нибудь в Винтасе?

— Может, и бывал, — сказал я. Видя его изумленное лицо, я пояснил: — Я много путешествовал в детстве. И не помню, забирались ли мы так далеко на восток.

Он кивнул.

— Знаешь, кто такой маэр Алверон?

Я это знал, но видел, что Трепе не терпится самому рассказать мне об этом.

— Вроде бы припоминаю... — туманно ответил я.

Трепе ухмыльнулся.

— Знаешь такое выражение «Богат, как винтийский король»?

Я кивнул.

— Так вот, это про него. Его пращуры и впрямь были королями Винтаса до того, как империя вломила туда и навязала им железный закон и «Книгу о пути». И если бы не неудачное стечение обстоятельств десятков поколений тому назад, именно Алвероны, а не Калантисы были бы нынче правящим домом Винтаса и мой приятель маэр был бы теперь королем.

— Ваш приятель? — почтительно переспросил я. — Вы в дружбе с маэром Алвероном?

Трепе сделал неопределенный жест.

— Ну, насчет «приятеля» я, пожалуй, загнул, — признался он. — Мы

несколько лет состояли в переписке, обменивались новостями с разных концов света, оказали друг другу пару услуг. Вернее будет сказать, что мы просто знакомые.

— Впечатляющее знакомство, однако. Что он за человек?

— Письма его выглядят вполне любезными. Ничуть не надменные, хотя он — куда более высокопоставленная особа, чем я, — скромно ответил Трепе. — Видишь ли, он ведь практически король, ему только титула да короны недостает. Во время возникновения Винтаса его семья отказалась уступить хотя бы малую толику своих полномочий. А это означает, что маэр имеет власть делать почти все то же, что и сам король Родерик: даровать титулы, собирать войско, чеканить монету, взимать налоги...

Трепе тряхнул головой.

— Ах, что же это я! Забыл, к чему все это, — сказал он и принялся рыться по карманам. — Вчера я получил от него письмо.

Он достал листок бумаги, откашлялся и прочел:

— «Я знаю, что у вас там по колено поэтов и музыкантов, а мне как раз нужен молодой человек, хорошо владеющий словом. Тут, в Северене, я никак не могу найти никого, кто бы меня устроил. И, разумеется, мне нужен лучший из лучших.

Главное, чтобы этот человек владел словом, неплохо также, чтобы он играл на каком-нибудь инструменте. Помимо этого, мне требуется, чтобы он был неглуп, имел хорошо подвешенный язык, был учтив, образован и умел молчать. Думаю, прочтя этот список, вы поняли, отчего я не сумел отыскать такого человека. Так что, если вам знаком юноша столь редкостных качеств, порекомендуйте ему обратиться ко мне.

Я бы вам объяснил, для чего он мне потребовался, но это дело приватного свойства...»

Трепе пробежал письмо глазами.

— Ну, там еще много всего. Затем он пишет: «Что же до вышеупомянутого дела, такой человек требуется мне срочно. Если в Имре такого не найдется, прошу вас сообщить мне почтой. Если же вы отправите ко мне того, кто мне нужен, скажите ему, чтобы поторапливался».

Трепе пробежал письмо до конца, беззвучно шевеля губами.

— Ну и все, собственно, — сказал он наконец и сунул письмо в карман. — Что ты на это скажешь?

— Я вам чрезвычайно...

— Знаю, знаю! — нетерпеливо отмахнулся он. — Ты крайне польщен и так далее. Все это можно опустить.

Он с серьезным видом подался ко мне.

— Ну как, поедешь? Позволит ли твоя учеба, — он небрежно махнул рукой на запад, в сторону Университета, — отлучиться на несколько месяцев?

Я прокашлялся.

— По правде говоря, я подумывал о том, чтобы съездить поучиться где-нибудь за границей...

Граф расплылся в улыбке и хлопнул ладонью по подлокотнику кресла.

— Чудесно! — расхохотался он. — Я-то думал, мне придется выковыривать тебя из Университета, как пенни из кулака мертвого шима! Это замечательный шанс, ты же понимаешь. Такой шанс выпадает раз в жизни!

Он лукаво подмигнул мне.

— К тому же такому юноше, как ты, трудновато будет отыскать лучшего покровителя, чем человек, который богаче самого винтийского короля!

— Ну да, пожалуй, это правда, — признал я вслух. А про себя подумал: «Кто лучше его поможет мне отыскать сведения об амир?»

— Это не просто правда, это истина! — хмыкнул Трепе. — Так когда ты сможешь выехать?

Я пожал плечами.

— Завтра?

Трепе вскинул бровь.

— Я смотрю, ты времени даром не теряешь!

— Ну, он же пишет, что это срочно. Лучше уж приехать раньше, чем опоздать.

— Верно, верно.

Он достал из кармана серебряные пружинные часы, взглянул на них и со вздохом защелкнул.

— Что ж, придется нынче ночью вместо сна потратить время на составление рекомендательного письма для тебя!

Я посмотрел в окно.

— Так ведь еще даже не стемнело, — сказал я. — Сколько же времени вы собираетесь его писать?

— Цыц! — сердито сказал он. — Я пишу медленно, тем более когда письмо предназначается такой важной персоне, как маэр. К тому же мне придется рассказать о тебе, а это само по себе дело непростое.

— Так давайте я вам помогу! — предложил я. — Стоит ли недосыпать из-за меня?

Я улыбнулся.

— К тому же если я в чем-нибудь и разбираюсь, так это в своих неисчислимых достоинствах!

* * *

На следующий день я поспешно простился со всеми, кого знал в Университете. Вилем и Симмон от души пожали мне руки, Аури весело помахала мне вслед.

Килвин что-то буркнул, не прекращая выводить руны, и велел мне, пока я буду в отъезде, записывать любые идеи касательно вечно горящей лампы, какие могут прийти мне в голову. Арвил смерил меня долгим пронзительным взглядом сквозь очки и сказал, что, когда я вернусь, место в медике будет меня ждать.

После сдержанной реакции прочих магистров Элкса Дал внес приятное разнообразие. Он рассмеялся и признался, что немного завидует моей свободе. Посоветовал мне пользоваться на всю катушку любой головокружительной возможностью, какие мне представятся. И сказал, что если уж тысячи километров будет недостаточно для того, чтобы сохранить в тайне мои выходки, тогда тут ничто не поможет.

Отыскать Элодина мне так и не удалось. Я ограничился тем, что сунул записку под дверь его кабинета. Хотя, поскольку он, кажется, никогда им не пользовался, могло миновать несколько месяцев, прежде чем он ее обнаружит.

Я купил себе новый дорожный мешок и еще кое-что из тех вещей, которые всегда должны быть под рукой у симпатиста: воск, веревку и проволоку, крючковую иглу и жилы. Одежду укладывать долго не пришлось, у меня ее было немного.

Собирая мешок, я мало-помалу осознал, что всего с собой забрать не смогу. Это стало наибольшим потрясением. Я за много лет привык, что все свое могу унести с собой, причем еще одна рука останется свободной.

Но с тех пор, как я поселился в этой комнатенке в мансарде, у меня начали скапливаться всякие мелочи и недоделанные проекты. У меня теперь было аж целых два одеяла. Несколько страниц конспектов, круглый кусок жести, наполовину исписанный рунами, из артной, сломанные пружинные часы, которые я разобрал, чтобы проверить, сумею ли их собрать.

Я собрал мешок, все остальное сложил в сундучок, стоявший в ногах кровати. Несколько подержанных инструментов, кусок разбитой

грифельной доски, который я использовал для вычислений, деревянная шкатулочка с пригоршней мелких сокровищ, что дарила мне Аури...

Потом я спустился вниз и спросил у Анкера, не согласится ли он поддержать мое имущество в подвале до моего возвращения. Анкер стыдливо признался, что до тех пор, как я поселился в мансарде, эта крохотная комнатка со скошенным потолком годами пустовала и использовалась вместо кладовки. Так что он готов был оставить ее за мной, при условии, что я обещаю после возвращения снова поселиться в ней и играть у него в трактире. Я с радостью согласился и, вскинув на плечо футляр с лютней, направился к двери.

* * *

Я не особенно удивился, повстречав на Каменном мосту Элодина. В те дни меня мало что могло удивить в магистре имен. Он сидел на каменном парапете моста, высотой по пояс, и болтал босыми ногами над тридцатиметровой пропастью вниз.

— Привет, Квоут! — сказал он, не отводя глаз от бурлящей воды.

— Здравствуйте, магистр Элодин, — сказал я. — Боюсь, мне придется на пару четвертей уехать из Университета.

— Что, неужто вы и вправду боитесь?

Я заметил в его спокойном звучном голосе легкий призывок насмешки.

Не сразу я сообразил, о чем он.

— Это просто фигура речи.

— Такие фигуры в нашем языке подобны портретам имен. Расплывчатых, слабых — но все-таки имен. Будьте с ними поаккуратнее.

Он поднял на меня глаза.

— Присаживайтесь, посидите со мной.

Я начал было отнекиваться, потом остановился. Все-таки это он сделал меня ре'ларом... Я положил на плоские каменные плиты свою лютню и дорожный мешок. Мальчишеское лицо Элодина озарилось улыбкой, и он гостеприимно похлопал по каменному парапету, предлагая мне сесть рядом.

Я с легкой тревогой посмотрел вниз.

— Знаете, магистр Элодин, я лучше не буду...

Он посмотрел на меня укоризненно.

— Осторожность приличествует арканисту. Именователю подобает уверенность в себе. Трусость не к лицу ни тому ни другому. И вам она не к

лицу.

Он снова похлопал по камню, уже решительнее.

Я осторожно влез на парапет и свесил ноги за край моста. Вид отсюда был впечатляющий, сердце у меня радостно забилося.

— Ветер видите?

Я пригляделся. На миг мне показалось, как будто... Нет, ничего. Я покачал головой.

Элодин как ни в чем не бывало пожал плечами, хотя я уловил легкое разочарование.

— Это хорошее место для именователя. Объясните почему.

Я огляделся.

— Вольный ветер, могучая вода, древний камень...

— Хороший ответ, — я услышал в его голосе неподдельное удовольствие. — Но есть и еще одна причина. Камень, вода, ветер — все это есть и в других местах. А чем это место отличается от прочих?

Я поразмыслил, огляделся и покачал головой.

— Не знаю.

— Тоже хороший ответ. Запомните его.

Я ожидал продолжения. Видя, что Элодин молчит, я спросил:

— Так почему же это хорошее место?

Он долго-долго смотрел на воду и наконец ответил:

— Это край. Грань. Высокое место, откуда можно упасть. На грани все видно куда отчетливей. Опасность пробуждает спящий разум. Многое становится ясно. Видеть — это неотъемлемая часть того, чтобы быть именователем.

— А если я упаду? — спросил я.

— Упадете так упадете, — пожал плечами Элодин. — Иногда падение тоже позволяет многому научиться. Во сне ведь часто падаешь перед тем, как проснуться.

Некоторое время мы оба молчали, погружившись в свои мысли. Я зажмурился, пытаюсь расслышать имя ветра. Я слышал шум воды внизу, чувствовал шершавый камень под своими ладонями. Нет, ничего...

— Знаете, как прежде говорили, когда студент на четверть уезжал из Университета? — спросил Элодин.

Я покачал головой.

— Это называлось «отправиться в погоню за ветром», — хихикнул он.

— Да, я слышал это выражение.

— Да? И как вы его понимаете?

Я задумался, подбирая слова.

— Ну, это что-то такое легкомысленное. Идти куда глаза глядят, не зная зачем.

Элодин кивнул.

— Да, большинство студентов уезжают из легкомыслия, с легкомысленными намерениями.

Он наклонился вперед, чтобы посмотреть прямо вниз, в бушующую внизу реку.

— Но прежде оно означало другое.

— Правда?

— Правда.

Он снова выпрямился.

— Когда-то, давным-давно, когда все студенты стремились сделаться именователями, все было иначе.

Он облизнул палец и подставил его ветру.

— Имя, которое прежде всего советовали отыскать начинающим именователям, было имя ветра. Когда они его находили, их спящий разум пробуждался, и отыскивать прочие имена было уже проще. Однако некоторым студентам имя ветра все никак не давалось. Тут было слишком мало граней, слишком мало риска. И они уезжали прочь, в дикие, невежественные края. Искали удачи, приключений, охотились за тайнами и сокровищами...

Он взглянул на меня.

— Однако на самом деле они искали имя ветра.

Разговор на время прервался: на мосту появился посторонний. Это был остролицый темноволосый человек. Он смотрел на нас краем глаза, не поворачивая головы, и, когда он проходил мимо, я старался не думать о том, как легко ему было бы столкнуть меня с моста.

Потом посторонний миновал нас. Элодин устало вздохнул и продолжал:

— С тех пор все переменялось. Теперь граней вокруг даже меньше, чем прежде. Мир сделался не столь дик. Вокруг меньше магии, меньше тайн, и лишь малая горстка людей знает имя ветра.

— А вы его знаете, да? — спросил я.

Элодин кивнул.

— Оно разное в разных местах, но я умею слушать и улавливать его изменчивую природу.

Он расхохотался и хлопнул меня по плечу.

— Ступайте, ступайте в погоню за ветром! И не бойтесь рисковать.

Он улыбнулся.

— В разумных пределах.

Я перекинул ноги через толстый парапет, прыгнул на мост, снова вскинул на плечо лютню и дорожный мешок. Но, когда я направился в сторону Имре, Элодин окликнул меня:

— Квоут!

Я обернулся и увидел, что Элодин снова наклонился вниз с моста. Он ухмыльнулся, как мальчишка-школьник.

— Сплюнь на удачу!

* * *

Девушка отворила мне дверь и изумленно раскрыла глаза.

— Боже милостивый! — воскликнула она, театрально прижимая к груди листок бумаги. Я узнал в нем одну из тех записок, что совал ей под дверь. — Да это же мой тайный обожатель!

— Я просто хотел вернуть долг, — сказал я. — Я к тебе четыре раза заходил.

— Ничего, прогулки тебе полезны! — сказала она весело, без тени сочувствия, жестом пригласила меня внутрь и заперла за мной дверь. В комнате чем-то воняло.

Я принялся.

— Это что?

— Должна была быть груша, — ответила она с грустным видом.

Я положил футляр с лютней и дорожный мешок и сел за стол. Невзирая на то, что я явился сюда с наилучшими намерениями, мои глаза поневоле притягивал обугленный кружок на столе.

Девушка тряхнула своими рыжеватыми волосами и перехватила мой взгляд.

— Хочешь заново помериться силами? — слегка улыбнулась она. — Я тебя все равно одолею, даже с грэмом. Да что там, я тебя одолею, даже не просыпаясь!

— Это, конечно, было бы любопытно, — сказал я. — Но сейчас я по делу.

— Ладно, — сказала она. — Ты в самом деле хочешь расплатиться полностью? Ты наконец-то нашел себе покровителя?

Я покачал головой.

— Но мне представилась замечательная возможность. Шанс найти действительно прекрасного покровителя.

Я помолчал.

— В Винтасе.

Девушки вскинула бровь.

— Винтас — это далеко, — многозначительно заметила она. — Хорошо, что ты зашел ко мне вернуть долг, прежде чем удрать на край света. Кто тебя знает, когда ты вернешься.

— Это верно, — сказал я. — Но, как бы то ни было, у меня странная ситуация с финансами...

Я не успел договорить, как Девушки решительно замотала головой.

— Нет, нет и нет! Ты уже и так должен мне девять талантов. И я не собираюсь одалживать тебе еще больше денег в тот день, когда ты уезжаешь из города.

Я вскинул руки.

— Да нет, ты не поняла! — возразил я. Я открыл кошелек и вытряхнул на стол таланты и йоты. Вместе с ними на стол выпало колечко Денны, и я поймал его прежде, чем оно скатилось на пол.

Я указал на горку монет. Там было чуть больше тринадцати талантов.

— Это все деньги, что у меня есть вообще, — сказал я. — На них мне надо добраться до Северена, причем как можно быстрее. Полторы тысячи километров с лишним. Это значит как минимум одна поездка на корабле. Еда. Ночлег. Проезд в почтовой карете или на почтовых лошадях.

Перечисляя все это, я сдвигал соответствующую сумму денег с одного края стола на другой.

— Когда я наконец доберусь до Северена, мне потребуется купить себе одежду, в которой можно было бы показаться при дворе, не выглядя оборванным музыкантом, как сейчас.

Я отодвинул еще несколько монет.

И указал на оставшиеся жалкие монетки.

— В общем и целом мне не хватает денег, чтобы с тобой рассчитаться!

Девушки смотрела на меня, сложив пальцы домиком.

— Понятно, — серьезно сказала она. — Значит, нам придется найти для тебя какой-то другой способ рассчитаться с долгом.

— Я вот что думаю, — сказал я. — Я могу оставить тебе залог до моего возвращения.

Она бросила взгляд на узкий темный силуэт моего футляра с лютней.

— Нет, не лютню, — поспешно сказал я. — Лютня мне понадобится.

— А что же тогда? — спросила Девушки. — Ты же всегда говорил, что тебе нечего дать в залог.

— Кое-что у меня все-таки есть, — сказал я, порылся в мешке и достал

книгу.

Глаза у Деви вспыхнули. Потом она прочла заглавие на корешке.

— «Риторика и логика»?

Она скривилась.

— Я и сам так думаю, — сказал я. — Но кое-чего она все же стоит. Особенно для меня. И еще...

Я полез в карман плаща и достал свою ручную лампу.

— У меня есть вот это. Симпатическая лампа моей собственной конструкции. Фокусирующийся луч и выключатель с регулировкой яркости.

Деви взяла лампу со стола и кивнула, отвечая собственным мыслям.

— Это я помню, — сказала она. — Но ты же раньше говорил, что не можешь с нею расстаться, потому что обещал это Килвину. Что-то изменилось?

Я улыбнулся широкой улыбкой, на две трети лживой.

— Собственно, из-за этого обещания лампа и представляет собой идеальный залог, — сказал я. — Если ты придешь с этой лампой к Килвину, я уверен, что он щедро заплатит, лишь бы она не попала в... — я кашлянул, — в сомнительные руки.

Деви небрежно щелкнула выключателем, прибавила свет от минимума до максимума, потом снова убавила его до минимума.

— Я так понимаю, это и есть твое условие? Чтобы я вернула ее Килвину?

— Как хорошо ты меня знаешь! — сказал я. — Это даже как-то смущает.

Деви поставила лампу на стол рядом с книгой и медленно выдохнула через нос.

— Книга, которая представляет ценность только для тебя, — сказала она. — И лампа, которая представляет ценность только для Килвина...

Она покачала головой.

— Не особо привлекательное предложение.

Я скрепя сердце отстегнул с плеча свои талантовые дудочки и подвинул их к ней.

— Они серебряные, — сказал я. — И добыть их не так просто. Кроме того, благодаря им ты сможешь бесплатно ходить в «Эолиан».

— Да знаю я, что это такое.

Деви взяла дудочки в руки и пристально оглядела их. Потом указала на меня.

— У тебя еще кольцо было.

Я застыл.

— Оно не мое, я не могу его отдать.

Деву расхохоталась.

— Ну, лежит-то оно у тебя в кармане, верно?

Она щелкнула пальцами.

— Ладно тебе! Покажи.

Я достал кольцо из кармана, но в руки ей не дал.

— Я многое пережил ради него, — сказал я. — Это кольцо, которое Амброз отобрал у моей подруги. И я жду только случая вернуть его ей.

Деву молча сидела с протянутой рукой. Наконец я положил кольцо ей на ладонь.

Она поднесла его к лампе и наклонилась поближе. Один глаз на ее эльфячьем личике сощурился.

— Камушек хороший, — одобрительно заметила она.

— Оправу недавно меняли, — упавшим голосом сказал я.

Деву аккуратно положила кольцо на книгу рядом с моими дудочками и лампой.

— Вот мои условия, — сказала она. — Я оставлю все это у себя в качестве залога за твой нынешний долг в девять талантов. Залог будет храниться у меня в течение года.

— Год и один день! — уточнил я.

Она улыбнулась краешком губ.

— Сказки любишь? Ну, хорошо. Таким образом, уплата долга откладывается на год и один день. Если к этому времени ты со мной не рассчитаешься, эти вещи переходят ко мне, и мы в расчете.

Тут она хитро улыбнулась мне.

— Хотя, возможно, я соглашусь возвратить их в обмен на определенные сведения.

Я услышал вдали звон колокола на часовой башне и тяжело вздохнул. У меня не было времени торговаться. Я уже опаздывал на встречу с Трепе.

— Ладно, идет, — раздраженно сказал я. — Но смотри, храни это кольцо в надежном месте. И не смей его носить, пока не минует срок!

Деву нахмурилась.

— Да ты...

— Это обсуждению не подлежит, — серьезно сказал я. — Это кольцо моей подруги. Оно ей дорого. Я не хочу, чтобы она видела его на чужой руке. Тем более после всего, через что мне пришлось пройти, чтобы отобрать его у Амброза.

Деву ничего не сказала. Ее эльфячье личико сделалось угрюмым. Я

состроил не менее угрюмую мину и посмотрел ей в глаза. Когда надо, я могу выглядеть очень суровым.

Пауза все тянулась и тянулась.

— Ладно, идет! — сказала она наконец.

Мы ударили по рукам.

— Год и один день! — сказал я.

ГЛАВА 51

ЧЕГО БОИТСЯ МУДРЫЙ

Я зашел в «Эолиан». Там ждал меня Трепе. Он буквально подпрыгивал от нетерпения. Он сказал, что нашел баржу, которая отправляется вниз по реке менее чем через час. Более того: он уже оплатил мой проезд до Тарбеана, откуда мне будет нетрудно отправиться на восток.

Мы бросились на пристань и явились туда, когда на судне уже заканчивались последние приготовления. Трепе, побагровевший и запыхавшийся от быстрой ходьбы, за три минуты успел надавать мне столько советов, что хватило бы до конца жизни.

— Маэр — древнего, очень древнего рода, — говорил он. — Не то что большинство здешних аристократишек, которые не знают, как звали их прапрадедушку. Смотри, обращайся с ним почтительно!

Я закатил глаза. Ну почему все считают, что я буду плохо себя вести?

— И не забывай, — продолжал он, — если покажется, что ты гоняешься за деньгами, к тебе станут относиться как к провинциалу. И после этого никто уже не будет принимать тебя всерьез. Ты там затем, чтобы добиться расположения. В этой игре ставки высокие. К тому же, как говорится, деньги ходят за почетом. Добьешься уважения — будут и деньги. Как писал Теккам, «Цена хлеба проста, и потому большинство желает лишь хлеба...».

— «Однако некоторые вещи неоценимы: смех, землю и любовь не купишь», — закончил я. На самом деле это была цитата из Грегана Меньшего, но я не стал его поправлять.

— Эй, там! — окликнул нас загорелый бородатый человек, стоявший на палубе. — Мы все ждем одного опоздавшего, и капитан зол, как уродливая шлюха! Клянется, что, если через две минуты его не будет на борту, мы уйдем без него. Подымались бы вы лучше на борт!

И ушел, не дожидаясь ответа.

— Обращайся к нему «ваша светлость», — как ни в чем не бывало продолжал Трепе. — И запомни: говори как можно меньше, если хочешь, чтобы тебя слушали как можно чаще. Ох да!

Он вытащил из нагрудного кармана запечатанный конверт.

— Вот твое рекомендательное письмо. Может быть, я отправлю такое же письмо почтой, чтобы он знал, когда тебя ждать.

Я от души улыбнулся ему и стиснул его руку.

— Спасибо вам, Денн! — сказал я. — Спасибо за все. Вы даже представить не можете, как я ценю все, что вы для меня делаете.

Трепе только рукой махнул.

— У тебя все получится, я знаю. Ты же умный мальчик. Когда приедешь, не забудь найти себе хорошего портного. Там у них другие моды. Знаешь ведь, как говорят: даму узнают по манерам, а мужчину — по платью.

Я опустился на колени и открыл свой футляр с лютней. Отодвинув лютню, я нажал на крышку потайного отделения, повернул и открыл ее. Там уже хранились роговая трубочка с рисунком Нины и мешочек сушеных яблок, я положил туда же письмо Трепе. В принципе, сушеные яблоки туда можно было бы и не класть, но, по-моему, если у вас в футляре есть потайное отделение и вы ничего туда не прячете, значит, с вами что-то сильно не в порядке.

Я застегнул пряжки, удерживающие крышку, выпрямился и подобрал свои пожитки, готовясь подняться на борт.

Трепе внезапно ухватил меня за плечо.

— Едва не забыл! В одном из своих писем Алверон упоминает, что молодые люди у него при дворе много играют в карты. Он считает эту привычку пагубной, так что смотри, держись от карт подальше. И не забывай: небольшая оттепель чревата большим наводнением, так что медленно меняющейся погоды берегись вдвойне!

Я увидел, как кто-то мчится по пристани в нашу сторону. Это был тот самый остролицый человек, что недавно прошел мимо нас с Элодином, когда мы сидели на Каменном мосту. Под мышкой у него был замотанный в тряпицу сверток.

— А вон, похоже, и их пропавший матрос, — поспешно сказал я. — Пойду-ка я на корабль!

Я торопливо обнялся с Трепе и устремился прочь, пока он снова не начал давать мне советы.

Но не успел я повернуться, как он поймал меня за рукав.

— Будь осторожен в дороге! — сказал он с тревогой на лице. — Не забывай, мудрый человек боится трех вещей: бури на море, ночи безлунной и гнева благородного человека!

Матрос миновал нас и взбежал на трап, не обращая внимания на то, как раскачиваются и подпрыгивают доски у него под ногами. Я ободряюще улыбнулся Трепе и взбежал на корабль следом за матросом. Двое жилистых мужиков подняли трап, и я помахал Трепе на прощанье.

Капитан принялся выкрикивать приказы, матросы засуетились, корабль пришел в движение. Я стоял и смотрел вниз по течению, в сторону Тарбеана, в сторону моря.

ГЛАВА 52

КОРОТКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Маршрут мой был прост. Вниз по реке до Тарбеана, через Бурунный пролив, вдоль побережья до Джанпуя, а оттуда — вверх по реке Арранд. Более длинный путь, чем посуху, но в конечном счете более быстрый. Даже если бы я оплатил почтовых лошадей и менял их при любой возможности, все равно на то, чтобы попасть в Северен, ушло бы не меньше трех оборотов. К тому же большая часть этого пути пролежала через южный Атур и Малые королевства. Только священники да глупцы могут рассчитывать, что пути в этой части мира будут безопасны.

Путь по воде был на несколько сотен километров длиннее, однако корабли в море не петляют вместе с дорогой. И, хотя добрый конь скачет быстрее, чем плывет корабль, на коне не будешь скакать день и ночь напролет, придется останавливаться, чтобы отдохнуть. Путь по воде должен был занять дней десять-двенадцать, в зависимости от погоды.

К тому же мне было любопытно побывать на море. Мне до сих пор доводилось плавать только по реке. Единственное, чего я опасался, — это соскучиться в обществе ветра, волн и матросов.

* * *

Во время путешествия возникло несколько непредвиденных осложнений.

Во-первых, нам пришлось иметь дело с бурей, пиратами, предательством и кораблекрушением, хотя и не в таком порядке. Само собой разумеется, что я совершил несколько подвигов, наворотил несколько глупостей и не раз проявил находчивость и отвагу.

За время путешествия меня успели ограбить, я едва не утонул и оказался без гроша на улицах Джанпуя. Чтобы выжить, я кланчил сухие корки, украл чьи-то башмаки и читал стихи наизусть. Последнее лучше всего дает понять, в каком отчаянном положении я находился.

Однако, поскольку все эти события имеют мало отношения к сути моей истории, мне придется обойти их молчанием и вернуться к более важным вещам. Буду краток: на то, чтобы добраться до Северена, мне

потребовалось шестнадцать дней. Несколько больше, чем я рассчитывал, но скучать по пути мне не пришлось.

ГЛАВА 53

КРУТЬ

Я, хромая, вошел в ворота Северена, оборванный, безденежный и голодный. Голод мне хорошо знаком. Я знаю, сколь бесчисленные обличья он принимает в твоём пустом брюхе. Тот голод не был особо ужасен. Накануне я съел пару яблок и немного свиной солонины, так что этот голод был просто мучителен. Это не был кошмарный голод, от которого подкашиваются ноги и мутится в голове. До такого голода мне оставалось еще часов восемь.

За последние два оборота все, чем я владел, было потеряно, уничтожено, украдено либо брошено. За исключением лютни. Великолепный футляр, подарок Денны, за время путешествия окупился десятикратно. Мало того, что один раз он спас мне жизнь, он сберег мою лютню, рекомендательное письмо Трепе и бесценный рисунок Нины с изображением чандриан.

Возможно, вы обратили внимание, что я не включил в список своего имущества одежду. Тому есть две серьезные причины. Во-первых, называть те замызганные тряпки, что были на мне, одеждой означало бы грубо погрешить против истины. А во-вторых, я их украл, так что нельзя сказать, чтобы они были мои.

Сильнее всего меня расстраивало то, что я лишился плаща Фелы. Пришлось порвать его на повязки в Джанпуе. Не менее неприятен был тот факт, что столь дорого доставшийся мне грэм теперь покоился где-то в холодных темных водах Сентийского моря.

* * *

Город Северен делил на две неравные части высокий белый утес. Большая часть городской жизни происходила в более обширной части города, у подножия утеса, остроумно названного Крутью.

А на вершине Крути находилась вторая часть города, поменьше. Она состояла в основном из усадеб и дворцов, принадлежащих аристократам и богатым купцам. Кроме них, там гнезилось множество портных, лакеев, театров и борделей, необходимых для того, чтобы обеспечивать нужды

сильных мира сего.

Могучий белокаменный утес выглядел так, словно его нарочно вознесли к небу, чтобы обеспечить знать лучшим видом на город и окрестности. К северо-востоку и к югу утес сходил на нет, теряя высоту и величие, но в том месте, где он рассекал собой Северен, он был метров семидесяти высотой и крутой, как садовая стена.

В центре города от Крути мысом отходил широкий выступ. И на этом-то выступе и высился дворец маэра Алверона. Его бледные каменные стены были хорошо видны из любой точки раскинувшегося внизу города. Эффект был устрашающий: казалось, будто родовое поместье маэра пялится на тебя в упор.

Видеть это, не имея ни гроша в кармане, ни приличной одежды на плечах, было довольно жутко. Я-то планировал отправиться с письмом Трепе напрямик к маэру, невзирая на свой жалкий вид, но, взглянув на эти стены, сообразил, что меня, пожалуй, и на порог-то не пустят. Я выглядел как нищий оборванец.

Возможностей у меня было немного, и выбирать было особо не из чего. Не считая Амброза, живущего в нескольких километрах к югу, в баронстве своего отца, я не знал ни единой души во всем Винтасе.

Мне уже доводилось и попрошайничать, и воровать, но когда ничего другого не оставалось. Это опасные занятия, и только круглый дурак попытается заниматься этим в незнакомом городе, а уж тем более в совершенно чужой стране. Тут, в Винтасе, я даже не знал, какие именно законы я нарушу.

А потому я стиснул зубы и прибег к единственному оставшемуся у меня выходу. Я бродил босиком по булыжным мостовым Северена-Нижнего, пока не нашел на одной из улиц почище ломбард.

Я почти час простоял на улице напротив него, глядя на прохожих и пытаюсь придумать другой выход. Но другого выхода просто не было. Так что я вытащил из потайного отделения в футляре письмо Трепе и рисунок Нины, перешел через улицу и заложил лютню вместе с футляром за восемь серебряных ноблей под запись на один оборот.

Если вам всю жизнь жилось легко и вы никогда не обращались в ломбард, мне придется объяснить вам, что это значит. Эта запись — своего рода расписка, и с ней я мог выкупить свою лютню обратно за те же деньги, при условии, что сделаю это не позже, чем через одиннадцать дней. На двенадцатый день она становилась собственностью ломбардщика, который наверняка не станет зевать и перепродаст ее вдесятеро дороже.

Выйдя на улицу, я взвесил на руке монеты. Они казались тонкими и

невесомыми по сравнению с сильдейскими деньгами или тяжелыми пенни Содружества, к которым я привык. Тем не менее деньги есть деньги, где бы ты ни очутился. На семь ноблей я купил себе приличный костюм, достойный аристократа, и пару мягких кожаных башмаков. Остальное ушло на стрижку, бритье, баню и первый плотный обед за три дня. После этого у меня снова не осталось денег, зато я почувствовал себя куда увереннее, чем прежде.

Но я понимал, что мне все равно будет непросто попасть к маэру. Люди, облеченные такой властью, как он, живут, окруженные несколькими уровнями защиты. Существуют общепринятые, приличные пути миновать все эти уровни: знакомства, аудиенции, записки, кольца, визитные карточки и целование задниц.

Но у меня было всего одиннадцать дней на то, чтобы выкупить свою лютню из заклада. Время было дорого. Мне нужно было связаться с Алвероном немедленно.

Поэтому я направился к подножию Крути и нашел небольшое кафе, обслуживавшее благородных господ. Я истратил одну из своих драгоценных монет на кружку шоколаду и место у окна с видом на галантерейную лавку напротив.

В течение нескольких часов я прислушивался к сплетням и слухам, которые щедро льются в подобных заведениях. Более того: я втерся в доверие к толковому парнишке, который прислуживал в кафе и готов был в любой момент подать еще шоколаду, если мне будет угодно. С помощью этого парнишки и умелого подслушивания я за короткое время сумел немало узнать о дворе маэра.

В конце концов тени на улице удлиннились, и я решил, что пора двигаться в путь. Я подозвал парнишку и указал через улицу.

— Видишь вон того господина в красном камзоле?

— Да, сэр.

— Знаешь, кто это?

— Сквайр Бергон, с вашего дозволения.

«Да нет, мне нужен кто-то поважнее...»

— А как насчет вон того сердитого дядьки в кошмарной желтой шляпе?

— Это баронет Петтур, — отвечал парнишка, пряча улыбку.

«Отлично!» Я встал и похлопал Джима по спине.

— С такой памятью, как у тебя, ты далеко пойдешь! Счастливо оставаться.

Я дал ему полпенни и направился туда, где стоял баронет, щупая рулон

темно-зеленого бархата.

Само собой разумеется, с точки зрения социальной лестницы ниже эдема руэ никого нет и быть не может. Но даже если забыть о моем происхождении, я был безземельный простолюдин. А это означало, что по общественному положению баронет был настолько от меня далек, что, будь он звездой, я не разглядел бы его невооруженным глазом. Такому, как я, надлежит обращаться к нему «милорд», в глаза не смотреть и кланяться пониже и почаще.

По правде говоря, такому, как я, вообще не стоит с ним заговаривать.

Разумеется, в Содружестве все было несколько иначе. Ну а уж Университет и подавно славился своей демократичностью. Однако даже там знатные люди все равно оставались богатыми, влиятельными людьми, обладающими хорошими связями. Такие, как Амброз, всегда могли ходить ногами по таким, как я. Ну а если возникали проблемы, их можно было замять, подкупить судью и выкрутиться из неприятностей.

Однако теперь я находился в Винтасе. Здесь Амброзу не было бы нужды подкупать судью. Если бы я нечаянно толкнул баронета Петтура на улице, будучи еще чумазым и босоногим, он бы взял хлыст и отстегал меня до крови, а потом позвал констебля и велел арестовать меня за нарушение общественного порядка. И констебль бы только улыбнулся и кивнул.

В общем и целом, в двух словах: в Содружестве знать — это люди, у которых есть власть и деньги. В Винтасе у знати есть власть, деньги — и привилегии. Многие правила их попросту не касаются.

А это означает, что в Винтасе общественное положение особенно важно.

А это означает, что, если бы баронет знал, что я ниже его по положению, он бы стал смотреть на меня свысока в буквальном смысле слова.

Но с другой стороны...

Шагая через улицу в сторону баронета, я расправил плечи и слегка выпятил подбородок. Задрал голову и немного сузил глаза. Я смотрел по сторонам так, словно вся эта улица принадлежит мне и в данный момент я ею несколько разочарован.

— Баронет Петтур? — сухо окликнул я.

Он поднял голову и неуверенно улыбнулся, словно не мог решить, знакомы мы или нет.

— Да?

Я коротко указал в сторону Крути.

— Вы окажете большую услугу маэру, если проводите меня к нему во

дворец как можно быстрее.

Говоря это, я смотрел на него сурово, почти гневно.

— Да, разумеется...

Однако сказал он это так, словно был вовсе не уверен в том, что говорит. Я чувствовал, как у него в голове вертятся вопросы и отговорки.

— Но...

Я пригвоздил баронета к месту самым надменным взглядом, каким мог. Возможно, эдема руэ и находятся в самом низу социальной лестницы, зато на свете нет актеров лучших, чем они. Я вырос в театре, и мой отец умел сыграть короля таким царственным, что мне случалось видеть, как зрители скидывали шапки долой, когда он выходил на сцену.

Глаза у меня сделались жесткими, как агаты, и я смерил расфуфыренного аристократа таким взглядом, словно он был скаковой лошастью и я не мог решить, стоит ли на него ставить.

— Я ни за что не стал бы вам так навязываться, если бы мое дело не было столь срочным.

Я помедлил, потом напряженно и нехотя добавил:

— Сэр.

Баронет Петтур смотрел мне в глаза. Он был слегка выбит из колеи, но не настолько, как я надеялся. Как и большинство аристократов, он был сосредоточен на себе, как гироскоп, и единственное, что мешало ему фыркнуть и отвернуться, была растерянность. Он разглядывал меня, пытаюсь решить, можно ли рискнуть спросить, кто я такой и где мы встречались.

Однако у меня в запасе была еще одна уловка. Я улыбнулся — той самой тонкой, мерзкой улыбочкой, которой улыбался привратник в «Седом человеке», когда я навещал Денну несколько месяцев назад. Как я уже говорил, улыбка была превосходная: вежливая, любезная и при этом такая снисходительная, что я мог бы с тем же успехом погладить баронета по голове, как собачку.

Баронет Петтур выстоял под гнетом этой улыбки почти целую секунду. А потом раскололся, как яйцо. Плечи его слегка опустились, и он начал вести себя чуточку подобострастно.

— Что ж, — сказал он, — я всегда готов оказать услугу маэру, с превеликим моим удовольствием! Прошу вас, следуйте за мной!

И он направился вперед, к подножию утеса.

Я шел за ним и улыбался.

ГЛАВА 54

ПОСЛАНЕЦ

Мне удалось обвести вокруг пальца и заговорить зубы большинству тех, кто охранял подступы к маэру. Баронет Петтур помогал мне одним своим присутствием. Сопровождения известного представителя знати было достаточно, чтобы проникнуть довольно далеко во дворец Алверона. Но скоро пользы от него стало мало, и я его бросил.

Как только баронет исчез из виду, я изобразил на лице крайнее нетерпение, разузнал у озабоченного слуги, куда мне идти, и добрался до внешних дверей аудиенц-зала маэра прежде, чем меня остановил ненавязчивый господин средних лет. Он был дороден, круглолиц и, несмотря на нарядный костюм, походил на бакалейщика.

Если бы я не провел несколько часов в Северене-Нижнем, собирая сведения, я мог бы совершить ужасную ошибку и попытаться обманом миновать этого человека, приняв его за простого слугу в пышной ливрее.

Но на самом деле это был тот самый человек, которого я и искал: дворецкий маэра, Стейпс. Он и в самом деле походил на бакалейщика, однако его окружала аура подлинной власти. Держался он скромно и уверенно, совсем не так, как тот надменный и наглый аристократ, которого я разыграл, запудривая мозги баронету.

— Чем могу служить? — осведомился Стейпс. Он был чрезвычайно вежлив, но на дне его вопроса таились другие: «Кто вы такой? Что вы тут делаете?»

Я достал письмо графа Трепе и, отвесив легкий поклон, вручил его Стейпсу.

— Вы окажете мне большую услугу, если передадите это маэру, — сказал я. — Он меня ждет.

Стейпс смерил меня холодным взглядом, отчетливо дав понять, что, если бы маэр меня ждал, он, Стейпс, знал бы об этом еще дней десять назад. Разглядывая меня, он потер подбородок, и я увидел, что он носит тусклое железное кольцо, исписанное золотыми буквами.

Невзирая на то, что Стейпс явно мне не поверил, он все же взял письмо и скрылся за двустворчатыми дверьми. Я целую минуту стоял и нервничал в коридоре, прежде чем он вернулся и проводил меня внутрь, все еще демонстрируя легкое неодобрение.

Мы миновали еще один короткий коридор и очутились у вторых дверей, у которых стояли двое вооруженных стражников. И то не была почетная стража, что стоит навытяжку, держа в руках неуклюжие алебарды, у ворот иных дворцов. Они носили цвета маэра, но под мундирами цвета сапфира и слоновой кости виднелись вполне практичные панцири из стальных колец и кожи. У каждого был длинный меч и длинный кинжал. И, пока я приближался, они пристально разглядывали меня.

Дворецкий маэра кивнул в мою сторону, и один из стражников обыскал меня, проворно и умело, ощупав мои руки, ноги и тело в поисках спрятанного оружия. Я мимоходом порадовался своим злоключениям, особенно тому, в результате которого я лишился пары узких ножей, что в последнее время взял обыкновение носить под одеждой.

Стражник отступил на шаг и кивнул. Стейпс еще раз недовольно покосился на меня и распахнул двери.

Внутри, за столом, застеленным картами, сидели двое. Один был высок, лыс, с суровой внешностью закаленного солдата. Рядом с ним сидел маэр.

Алверон оказался старше, чем я ожидал. У него было серьезное лицо с гордым рисунком рта и пронзительным взглядом. В аккуратно подстриженной седеющей бороде оставалось не так уж много черных волос, однако волосы у него все еще были густые и пышные. И глаза у него тоже были слишком молодые для его лет. Ясные, серые, умные и проницательные. Совсем не старческие глаза.

Когда я вошел, эти глаза устремились на меня. В руке маэр держал письмо Трепе.

Я совершил стандартный поклон номер три. Мой отец называл его «Посланец». Низкий и официальный, как то и подобало при высоком положении маэра. Почтительный, но не угодливый. Если я не стеснялся наступать на ноги правилам приличия, это еще не значит, что я не был готов играть по этим правилам, когда это мне на пользу.

Маэр бросил взгляд на письмо, снова посмотрел на меня.

— Квоут, не так ли? Однако вы быстро путешествуете. Я не ждал так скоро даже ответа от графа.

— Я торопился как мог, чтобы быть к вашим услугам, ваша светлость.

— Вот как?

Он окинул меня внимательным взглядом.

— И, похоже, вы оправдываете высокое мнение графа о вашем уме: вам удалось добраться до моих дверей, не имея при себе ничего, кроме запечатанного письма.

— Я счел за лучшее представиться вам как можно быстрее, ваша светлость, — ответил я ровным тоном. — Из вашего письма я сделал вывод, что у вас нет времени ждать.

— И это вам удалось блестяще, — сказал Алверон, бросив взгляд на высокого человека, что сидел рядом с ним. — Как вы считаете, Дагон?

— Да, ваша светлость.

Дагон посмотрел на меня темными бесстрастными глазами. Его лицо с резкими чертами было жестким и неподвижным. Меня пробрала дрожь.

Алверон снова взглянул на письмо.

— Трепе тут пишет о вас немало лестного, — сказал он. — Красноречив. Обаятелен. Самый талантливый музыкант, какого он встречал за последние десять лет...

Маэр продолжал читать, потом поднял голову, пристально взглянул на меня.

— Но вы чересчур уж молоды, — в нерешительности заметил он. — Вам ведь едва сравнялось двадцать лет, не так ли?

Мне всего месяц как исполнилось шестнадцать. Но я позаботился о том, чтобы в письме об этом упомянуто не было.

— Да, ваша светлость, я еще молод, — признался я, избегая прямой лжи. — Однако я занимаюсь музыкой с четырех лет.

Я говорил спокойно и уверенно, вдвойне радуясь тому, что позаботился купить себе новую одежду. В лохмотьях я бы выглядел совсем как голодный уличный мальчишка. А так я был прилично одет, загорел за время, проведенное в море, а обострившиеся черты лица делали меня несколько старше на вид.

Алверон долго смотрел на меня, о чем-то размышляя, потом кивнул, очевидно удовлетворенный.

— Хорошо, — сказал он. — К несчастью, я сейчас весьма занят. Завтрашний день вам подойдет?

Это, конечно, был не вопрос.

— Вы нашли себе ночлег в городе?

— Я пока еще не успел устроиться, ваша светлость.

— Жить будете здесь, — распорядился он ровным тоном. — Стейпс! — произнес он чуть громче, чем говорил, и дородный дворецкий, похожий на бакалейщика, явился почти мгновенно. — Разместите нашего нового гостя где-нибудь в южном крыле, ближе к садам.

Он снова обернулся ко мне.

— Ваш багаж прибудет позднее?

— Боюсь, что весь мой багаж пропал по дороге, ваша светлость.

Кораблекрушение...

Алверон приподнял бровь.

— Что ж, Стейпс позаботится о том, чтобы вас снабдили всем необходимым.

Он сложил письмо Трепе и жестом дал понять, что я могу идти.

— Доброй ночи!

Я коротко поклонился и вышел из комнаты следом за Стейпсом.

* * *

Комната была самой роскошной, какую мне до сих пор доводилось видеть, не говоря уж о том, чтобы жить: кругом старый дуб и полированный мрамор. На кровати лежала перина в полметра толщиной. Когда я лег на кровать и задернул занавески, мне показалось, что эта кровать просторнее, чем вся моя комнатка у Анкера.

Там было так здорово, что прошли почти сутки, прежде чем я осознал, как мне там хреново.

Давайте я поясню на примере башмаков. Вам не нужны самые большие башмаки. Вам нужны башмаки, которые вам по ноге. Если башмаки чересчур просторные, вы только собьете и натрете себе ноги.

Вот и мне эти апартаменты были велики, как чересчур просторная обувь. Там был громадный пустой гардероб, пустой комод, пустой книжный шкаф. Моя комнатка у Анкера была крохотной и тесной, но тут я чувствовал себя горошиной, забытой в пустой шкатулке для драгоценностей.

Но, хотя эти комнаты были чересчур просторны для вещей, которых у меня не было, они в то же время были чересчур тесны для меня самого. Я был вынужден сидеть и ждать, пока маэр меня вызовет. Поскольку я понятия не имел, когда это случится, я чувствовал себя все равно как в ловушке.

Однако, чтобы вы не сочли маэра негостеприимным, не могу не упомянуть о нескольких положительных моментах. Кормили там превосходно, хотя еда и успевала остыть к тому времени, как ее приносили с кухни. Кроме того, там была превосходная медная ванна. Горячую воду слуги носили ведрами, но утекала она по специальным трубам. Я даже не ожидал увидеть подобные удобства так далеко от цивилизирующего влияния Университета.

Ко мне наведалься один из портных маэра, восторженный и

непоседливый коротышка, который снял с меня шестьдесят разных мерок, не переставая пересказывать мне придворные сплетни. На следующий день мальчишка-посыльный принес два элегантных костюма, цвет которых был мне весьма к лицу.

В каком-то смысле мне повезло с этим кораблекрушением. Одежда, которую пошили мне портные Алверона, была куда лучше, чем все, что я мог бы позволить себе сам, даже с помощью Трепе. В результате в Северене я выглядел превосходно.

А главное, проверяя, как сидит на мне новый костюм, болтливый портной мимоходом упомянул, что при дворе нынче в моде плащи. Я воспользовался случаем и принялся распространяться о том, какой великолепный плащ подарила мне Фела, и горевать о его утрате.

В результате мне достался роскошный плащ густо-вишневого цвета. От дождя он, конечно, не защищал ни черта, но нравился мне ужасно. Мало того что я в нем выглядел весьма впечатляюще, на нем еще оказалось множество хитрых кармашков.

Итак, я был сыт, одет и роскошно устроен. Но, несмотря на щедрость хозяина, к полудню следующего дня я метался по своим апартаментам, точно кошка в кошелке. Мне не терпелось вырваться на волю, выкупить из заклада свою лютню и выяснить, для чего маэру понадобился кто-то ловкий, красноречивый и, прежде всего, умеющий молчать.

ГЛАВА 55

ЛЮБЕЗНОСТЬ

Я наблюдал за маэром сквозь просвет в живой изгороди. Он сидел на каменной скамье под тенистым деревом и выглядел чрезвычайно аристократично в своей рубашке с просторными рукавами и жилете. Он был одет в фамильные цвета Алверонов: сапфировый и слоновая кость. Одежда была качественная, но отнюдь не броская. На маэре был золотой перстень с печаткой и более никаких украшений. По сравнению с большинством его придворных маэр был одет едва ли не бедно.

На первый взгляд казалось, будто Алверон таким образом демонстрирует пренебрежение к роскоши. Но, присмотревшись, я понял, что это не так. Скромная рубашка цвета слоновой кости была безупречна, сапфировый жилет — ослепителен. И я готов был поставить в залог оба своих больших пальца, что надевал он эту одежду никак не больше пяти раз.

Это была демонстрация богатства, тонкая, но сногшибательная. Одно дело — позволить себе хорошую одежду, но чего стоит иметь возможность обновлять гардероб достаточно часто, чтобы по нему не было заметно, что эти вещи носили! Я вспомнил, что сказал об Алвероне граф Трепе: «Богат, как винтийский король».

Сам же маэр выглядел примерно так же, как и прежде. Высокий, худощавый. Сидящий, с безупречно ухоженной бородкой. Я обратил внимание на усталые морщины на лице, легкую дрожь в руках, осанку... «Он выглядит старым, — сказал я себе, — но на самом деле он не стар».

Колокол на башне начал бить час. Я отступил от изгороди и свернул за угол. Мне предстояла беседа с маэром.

Алверон кивнул, окинул меня пристальным, холодным взглядом.

— А, Квоут! Я надеялся, что вы не заставите себя ждать.

Я отвесил полуофициальный поклон.

— Я рад был получить ваше приглашение, ваша светлость.

Алверон ничем не показал, что я могу сесть, поэтому я остался стоять. Я подозревал, что он проверяет мои манеры.

— Надеюсь, вы не против, что мы встречаемся под открытым небом. Вы уже осмотрели сады?

— Нет, ваша светлость, пока что не нашел времени.

Я ж сидел в этих чертовых комнатах как пришитый, пока он не прислал за мной.

— Что ж, позвольте, я вам их покажу.

Он взял отполированную трость, которая стояла прислоненной к дереву.

— Я лично всегда находил, что свежий воздух целителен для любых невзгод, которые терзают тело, хотя многие со мной не согласны.

Он подался вперед, как бы собираясь встать, но лицо его на миг болезненно исказилось, и он резко втянул воздух сквозь зубы. «Он болен! — понял я. — Не стар, а болен».

Я в мгновение ока очутился подле него и протянул ему руку.

— Позвольте, ваша светлость!

Маэр напряженно улыбнулся.

— Будь я помоложе, я бы обратил ваше предложение в шутку, — вздохнул он. — Однако гордость — привилегия сильных...

Он оперся сухой рукой на мою руку и с моей помощью поднялся на ноги.

— Мне же придется ограничиться тем, чтобы быть любезным.

— Любезность — привилегия мудрых, — нашелся я. — Стало быть, это ваша мудрость делает вас любезным.

Алверон усмехнулся и похлопал меня по руке.

— Что ж, небольшое, но все же утешение.

— Вам довольно трости, ваша светлость? — спросил я. — Или нам лучше пойти рядом?

Он снова усмехнулся, все той же сухой усмешкой.

— «Рядом»! Как вы деликатны, право.

Он переложил трость в правую руку, а левой на удивление крепко стиснул мой локоть.

— Господь и владычица! — проворчал он сквозь зубы. — Терпеть не могу демонстрировать свою слабость. Но все же лучше опираться на руку молодого человека, чем ковылять в одиночку. Ужасно, когда собственное тело тебя подводит. Пока ты молод, об этом не думаешь...

Мы не торопясь пошли вперед, и разговор пока сошел на нет. Мы прислушивались к плеску воды в фонтанах и пению птиц в листве живых изгородей. Время от времени маэр указывал мне на ту или иную статую и рассказывал, кто из его предков приобрел ее, заказал или — об этом он говорил несколько извиняющимся тоном — вывез из чужих земель в качестве боевого трофея.

Так мы разгуливали по садам почти час. Мало-помалу Алверон все

меньше опирался на мою руку, и вскоре он уже держался за меня больше для равновесия. Мы повстречали несколько аристократов, которые кланялись либо кивали маэру. Отойдя подальше, он рассказывал мне, кто они такие, какое место занимают при дворе и пару-тройку забавных сплетен с их участием.

— Все они гадают, кто вы такой, — сказал он после того, как одна такая парочка скрылась за изгородью. — К вечеру только и разговоров будет, что о вас. Быть может, посол из Ренере? Или молодой дворянин, ищущий себе богатое поместье и жену в придачу? А может, вы и вовсе мой потерянный и обретенный сын, плод моих юношеских бесчинств?

Он хихикнул и похлопал меня по руке. Должно быть, он собирался продолжать, но споткнулся о торчащую плитку на дорожке и чуть не упал. Я поспешно подхватил его и усадил на каменную скамью возле дорожки.

— Ад и проклятье! — выругался он, явно смущенный. — На что это было бы похоже: маэр, валяющийся на спине, точно опрокинутый жук?

Он сердито огляделся по сторонам, но мы, по всей видимости, были одни.

— Послушайте, сделайте милость старику, а?

— Я к вашим услугам, ваша светлость!

Алверон, сощурясь, взглянул на меня.

— В самом деле? Ну, впрочем, это сущий пустяк. Молчите о том, кто вы такой и зачем явились сюда. Это сотворит чудеса для вашей репутации. Чем меньше вы говорите людям, тем больше они жаждут из вас вытянуть.

— Я буду помалкивать, ваша светлость. Но мне, право, было бы проще молчать о том, зачем я здесь, если бы я это знал...

Алверон лукаво взглянул на меня.

— Это верно. Но тут чересчур людно. Пока что вы продемонстрировали великолепное терпение. Поупражняйтесь уж в нем еще немного.

Он взглянул на меня.

— Не будете ли вы столь добры проводить меня в мои покои?

Я протянул ему руку.

— Конечно, ваша светлость!

* * *

Вернувшись к себе, я снял свой расшитый камзол и повесил его в резной гардероб розового дерева. Изнутри огромный шкаф был обшит

кедром и сандалом, которые пропитывали одежду своим ароматом. На дверцах внутри шкафа висели высокие, безупречно ровные зеркала.

Я прошел по блестящему мраморному полу и сел на кушетку, обтянутую алым бархатом. Я рассеянно спросил себя, чем «кушетка» отличается от обычного дивана. Я лично особой разницы не видел. Поразмыслив, я пришел к выводу, что это то же самое, что обычный диван, но только для богатых.

Однако мне не сиделось. Я встал на ноги и принялся расхаживать по комнате. На стенах висели картины: портреты и пасторальные сценки, искусно написанные маслом. На одной стене висел огромный гобелен, изображающий большое морское сражение во всех подробностях. Этот гобелен занимал мое внимание почти полчаса.

Мне не хватало моей лютни.

Отдать ее в заклад было очень тяжело, все равно что руку себе отрубить. И я предвидел, что ближайшие десять дней я проведу, не находя себе места и тревожась, что не смогу вовремя ее выкупить.

Однако маэр, сам того не желая, совершенно меня успокоил. В гардеробе у меня висело теперь шесть костюмов, которые было бы не стыдно надеть любому знатному лорду. Как только их принесли ко мне в комнату, я тут же успокоился. Когда я их увидел, моя первая мысль была не о том, что теперь я могу спокойно показаться при дворе. Я подумал, что, если все обернется как нельзя хуже, всегда можно будет их спереть, продать старьевщику и получить достаточно денег, чтобы выкупить лютню.

Разумеется, если бы я выкинул нечто подобное, я бы спалил за собой все мосты, ведущие к маэру. Вся моя поездка в Северен оказалась бы пустой тратой времени, а граф Трепе был бы так сконфужен, что впредь отказался бы иметь со мной дело. И тем не менее мысль о том, что есть и такой выход, давала мне хоть какую-то возможность контролировать ситуацию. Этого было довольно, чтобы я не сходил с ума от тревоги.

Мне не хватало моей лютни, но, если я сумею добиться покровительства маэра, мой жизненный путь сделается гладким и прямым. У маэра достаточно денег, чтобы я мог продолжать обучение в Университете. А его связи помогут мне продолжать свои исследования, связанные с амир...

Но, пожалуй, важнее всего было могущество самого его имени. Если маэр сделается моим покровителем, я окажусь под его защитой. Отец Амброза, возможно самый влиятельный из баронов Винтаса, в дюжине шагов от престола. Но Алверон сам по себе практически король. Насколько же проще сделается моя жизнь, когда Амброз уже не сможет ставить мне

палки в колеса! У меня голова пошла кругом от одной мысли об этом.

Мне не хватало моей лютни, но все имеет свою цену. Ради шанса заполучить в покровители маэра я готов был стиснуть зубы и провести этот оборот в тоске и тревоге, в разлуке с музыкой.

Алверон оказался прав насчет любопытства своих придворных. После того как он в тот же вечер вызвал меня к себе в кабинет, слухи вокруг меня распространились как лесной пожар. Я понимал, отчего маэра это забавляет. Это было все равно что наблюдать за рождением легенды.

ГЛАВА 56

СИЛА

На следующий день Алверон снова послал за мной, и вскоре мы опять прогуливались вдвоем по дорожкам садов. Он слегка опирался на мою руку.

— Идемте в южный конец, — сказал маэр, указывая тростью в нужную сторону. — Говорят, скоро селас расцветет в полную силу.

Мы свернули налево, он перевел дух.

— Есть два вида силы: врожденная и заемная, — сказал Алверон, сообщая мне тему сегодняшнего разговора. — Врожденная сила — это то, чем ты владеешь сам по себе. А заемная — то, что ты получаешь в дар или займы от других людей.

Он искоса взглянул на меня. Я кивнул.

Видя, что я с ним согласен, маэр продолжал:

— Врожденная сила очевидна. Физическая сила, — он похлопал меня по руке. — Сила разума. Сила духа. Все это содержится в человеке. Оно определяет то, какими мы будем. Очерчивает границы, которые нам не дано переступить.

— Не совсем так, ваша светлость! — мягко возразил я. — Человек всегда способен добиться большего.

— Именно так, — твердо сказал маэр. — Однорукий человек никогда не станет хорошим борцом. Одноногий никогда не сможет бегать так же быстро, как человек с обеими ногами.

— Однако воин из адемов, даже однорукий, может быть опаснее обычного солдата с двумя руками, ваша светлость! — заметил я. — Невзирая на свое увечье.

— Ну да, конечно! — раздраженно сказал маэр. — Мы можем добиваться большего, упражнять свое тело, развивать свой ум, тщательно ухаживать за собой, — он пригладил свою аккуратную сидящую бородку. — Ведь и наш внешний вид — это тоже сила своего рода. И все же непреодолимые границы есть всегда. Быть может, однорукий человек может сделаться сносным бойцом, но играть на лютне он не сможет.

Я медленно кивнул.

— Да, ваша светлость, вы правы. Наша сила имеет определенные пределы, которых мы можем достичь, но преодолеть их мы не сможем.

Алверон поднял палец.

— Однако это — лишь первая разновидность силы. Наша сила имеет пределы лишь до тех пор, пока мы полагаемся лишь на себя самих. А ведь есть еще сила, полученная от других людей. Вы понимаете, что я имею в виду?

Я поразмыслил.

— Налоги?

— Хм... — удивленно сказал маэр. — Да, налоги — это неплохой пример. Вы, должно быть, много размышляли о таких вещах?

— Случалось, — признался я. — Хотя и не в таких терминах.

— Это не так-то просто, — сказал маэр. Мой ответ ему явно понравился. — Как вам кажется, какая сила важнее?

Я задумался не более чем на секунду.

— Врожденная, ваша светлость!

— Интересно. Отчего же вы так думаете?

— Потому что силу, которой владеешь ты сам, у тебя никто не отберет, ваша светлость.

— А-а! — он снова предостерегающе вскинул длинный палец. — Но ведь мы уже сошлись на том, что эта разновидность силы ограничена. Заемная же сила пределов не имеет.

— Разве не имеет, ваша светлость?

Алверон кивнул, признавая, что я отчасти прав.

— Скажем так: почти не имеет.

Но я все равно не был согласен с ним. Маэр, очевидно, понял это по моему лицу, потому что подался ко мне и принялся объяснять:

— Ну, предположим, у меня есть враг, молодой и сильный. Предположим, что он у меня что-нибудь украл, деньги, например. Вы следите за ходом моих мыслей?

Я кивнул.

— Так вот, сколько я ни тренируюсь, мне все равно никогда не сравняться по силе с воинственным двадцатилетним юнцом. И что же мне делать? Я позову кого-нибудь из своих друзей, помоложе и посильнее, чтобы он пошел и надавал по шее тому юнцу. Благодаря заемной силе я могу совершить то, что в противном случае для меня было бы невозможным.

— Да, но ведь и ваш враг может надавать по шее вашему другу, — заметил я, поворачивая за угол. Дорожка впереди уходила в тенистый коридор, образованный рядами шпалер с арками, обросших густой зеленой листвой.

— Предположим, у меня есть целых три друга, — уточнил маэр. — И вот уже в моем распоряжении — сила целых трех молодых людей! Мой враг, как он ни могуч, никогда не станет так силен. Полюбуйтесь на селас! Мне говорили, он весьма капризен и выращивать его непросто.

Мы вступили под сень шпалер, где, в тени зеленых сводов, разворачивались сотни темно-алых бутонов. В воздухе витал тонкий нежный аромат. Я погладил алые лепестки. Они были несказанно мягкие и шелковистые. Я подумал о Денне.

Маэр вернулся к нашему спору.

— Как бы то ни было, вы упускаете из виду главное. Физическая сила здесь — не самый удачный пример. Некоторые разновидности силы могут быть только заемными.

Он небрежно указал в дальний конец сада.

— Вон, видите графа Фарленда? Если вы спросите у него о его титуле, он скажет, что этот титул ему принадлежит. Для него титул — неотъемлемая часть его самого, подобно плоти и крови. Собственно, он и есть у него в крови. И почти каждый аристократ скажет вам то же самое. Они уверены, что их происхождение само по себе наделяет их правом на власть.

Маэр взглянул на меня, и глаза его насмешливо сверкнули.

— Но ведь они ошибаются. Это не врожденная их сила. Она заемная. Я мог бы отобрать его земли, и тогда он останется нищим бродягой.

Алверон поманил меня к себе, я подошел ближе.

— Вот в чем великий секрет! Даже мой титул, мои богатства, моя власть над людьми и землями, вся эта сила — заемная. Она принадлежит мне не более, чем сила вашей руки!

Он похлопал меня по руке и улыбнулся.

— Но я понимаю, в чем разница, и потому могу контролировать эту силу.

Он выпрямился и заговорил в полный голос:

— Добрый день, граф! Приятно прогуляться на солнышке, не правда ли?

— Разумеется, ваша светлость! А как хорош нынче селас, дух занимается!

Граф был плотный мужчина с брылями и пышными усами.

— Я в восхищении, поздравляю вас!

После того как мы разминулись с графом, Алверон продолжал:

— Вы обратили внимание, что он поздравил меня и похвалил мой селас? Хотя сам я никогда в жизни не держал в руках ни лопаты, ни

граблей.

Он искоса взглянул на меня не без некоторого самодовольства.

— Вам по-прежнему кажется, будто врожденная сила важнее?

— Ваши доводы весьма убедительны, ваша светлость, — сказал я. — Однако...

— А вы упрямы, как я погляжу. Ну хорошо, еще один, последний пример. Согласны ли вы, что я никогда, ни за что не смогу родить ребенка?

— Полагаю, что это мы можем утверждать с уверенностью, ваша светлость.

— Однако если какая-нибудь женщина согласится выйти за меня замуж, у меня может родиться сын. Благодаря заемной силе человек может быть стремителен как конь, могуч как вол. Способны ли вы добиться всего этого с помощью своей врожденной силы?

Тут уж я спорить не мог.

— Я склоняюсь перед вашими аргументами, ваша светлость.

— А я склоняюсь перед вашей мудростью, позволившей вам признать мою правоту.

Он хихикнул, и в это же время до нас донесся слабый звон часового колокола.

— Вот зараза, — сказал маэр, и лицо у него вытянулось. — Мне придется пойти принять это свое гнусное снадобье, а не то с Кавдикусом целый оборот сладу не будет.

Я взглянул на него недоумевающе, и он пояснил:

— Он уже каким-то образом обнаружил, что я выплеснул вчерашнюю порцию в ночной горшок.

— Вашей светлости следует больше заботиться о своем здоровье.

Алверон насупился.

— Вы забываетесь! — бросил он.

Я смутился и покраснел, но прежде, чем я успел извиниться, он махнул рукой.

— Да нет, вы правы, конечно. Я знаю, это мой долг. Но вы говорите точно таким же тоном, как он. Довольно с меня одного Кавдикуса!

Он умолк и кивнул приближающейся паре. Мужчина был высок и хорош собой, на несколько лет старше меня. Дама — лет под тридцать, темноглазая, с изящным и злым ротиком.

— Добрый вечер, леди Хешуа. Надеюсь, вашему батюшке лучше?

— О да! — ответила дама. — Лекарь обещает, что он встанет на ноги еще до конца оборота.

Она перехватила мой взгляд, и ее алые губки многозначительно

ухмыльнулись.

Потом мы разошлись. Я обнаружил, что несколько вспотел.

Если маэр что-то и заметил, он не обратил на это внимания.

— Ужасная женщина! Меняет кавалеров каждый оборот. Ее отец был ранен на дуэли со сквайром Хайтоном из-за «неподобающего» замечания. Вообще-то замечание было справедливым, но когда в дело идут шпаги, это уже не имеет значения.

— А что сквайр?

— А сквайр скончался на следующий день. Жаль, право. Хороший был человек, да язык за зубами держать не умел.

Он вздохнул и поднял глаза на часовую башню.

— Ладно, как я уже говорил, одного врача с меня довольно. Кавдикус хлопочет надо мной, точно насадка. А я терпеть не могу пить лекарства, когда я уже пошел на поправку.

Похоже, сегодня маэру и впрямь было лучше. По правде говоря, он не нуждался в том, чтобы опираться на мою руку. Я чувствовал, что он делает это лишь в качестве предлога, чтобы иметь возможность беседовать со мной вполголоса.

— Однако, мне кажется, улучшение вашего здоровья как раз доказывает, что его рекомендации вам помогают, — заметил я.

— Ну да, ну да. Его зелья прогоняют мою болезнь на целый оборот. А иногда даже на несколько месяцев...

Он с горечью вздохнул.

— Но она все равно возвращается. Неужто мне до конца своих дней придется пить лекарства?

— Быть может, со временем нужда в них минует, ваша светлость.

— Да я и сам на это надеялся. В своих недавних путешествиях Кавдикус собрал какие-то травы, которые произвели просто чудодейственный эффект. После последнего лечения я чувствовал себя здоровым почти целый год. Уже думал было, что наконец-то избавился от болезни...

Маэр, насупив брови, бросил взгляд на свою трость.

— И вот пожалуйста, опять!

— Если бы я мог вам чем-то помочь, ваша светлость, я был бы рад оказать вам услугу!

Алверон повернул голову и посмотрел мне в глаза. Через некоторое время он кивнул.

— Надо же, я вам верю, — сказал он. — Удивительное дело!

За этой встречей последовало еще несколько подобных бесед. Я видел, что маэр меня прощупывает. Со всем искусством, приобретенным за сорок лет придворных интриг, он тонко направлял разговор, выясняя мое мнение по разным поводам и решая, достоин ли я его доверия.

Я, конечно, был не столь опытен, как маэр, но вести беседы я тоже умел. Я был всегда осмотрителен в ответах, неизменно любезен. Через несколько дней мы мало-помалу начали проникаться уважением друг к другу. Это не была дружба, как с графом Трепе. Маэр никогда не предлагал мне забыть о его титуле или садиться в его присутствии, и тем не менее мы сделались довольно близки. Трепе был мне другом, маэр же был как малознакомый дедушка: добрый, но старый, строгий и сдержанный.

У меня сложилось впечатление, что маэр очень одинок и поневоле вынужден держаться в стороне от своих подданных и придворных. Я начинал подозревать, что он писал к Трепе, чтобы отыскать себе товарища. Кого-то достаточно умного, но при этом не имеющего отношения к придворным интригам, с кем можно было бы время от времени побеседовать по душам.

Поначалу я отмел эту мысль как невероятную, но дни шли за днями, а маэр по-прежнему ни словом не упоминал о том, для чего я ему понадобился.

Будь у меня моя лютня, я мог бы приятно проводить время, но лютня по-прежнему лежала в Северене-Нижнем, и у меня оставалось всего семь дней до того срока, когда она перейдет во владение ломбардщика. Так что музыки у меня не было — только пустые гулкие комнаты и опостылевшее безделье.

По мере того как вокруг меня распространялись слухи, ко мне начали являться с визитом разные придворные. Некоторые делали вид, будто рады со мной познакомиться. Другие притворялись, что хотят посплетничать. Я подозревал даже, что несколько раз меня пытались соблазнить, но я тогда так плохо разбирался в женщинах, что был неуязвим для подобных заигрываний. Один господин пытался даже занять у меня денег. Я с трудом удержался, чтобы не расхохотаться ему в лицо.

Все они говорили разное и вели себя по-разному, более или менее тонко, однако всем им нужно было одно: вытянуть сведения обо мне. Однако, поскольку маэр распорядился, чтобы я ничего о себе не сообщал, все эти разговоры были короткими и бестолковыми.

Все, кроме одного, надо сказать. Но исключение лишь доказывает правило.

ГЛАВА 57

ГОРСТЬ ЖЕЛЕЗА

С Бредоном я познакомился на четвертый день своего пребывания в Северене. Было довольно рано, но я уже бродил по своим комнатам, сходя с ума от скуки. Завтрак миновал, до обеда оставалось еще несколько часов.

За сегодняшний день я успел побеседовать с тремя придворными, явившимися выведать, кто я такой. Я ловко избежал от них, пользуясь любым случаем завести разговор в тупик. «Откуда же вы приехали, мой мальчик?» Ой, ну, знаете, как это бывает, я столько путешествую... «А ваши родители?» А что родители? Ну да, у меня были родители. Даже двое. «А как вы попали в Северен?» Ну, как-как. Приехал. В основном в почтовой карете. Хотя частично и пешком. Прогулки так полезны для легких... «А что вы делаете здесь?» Как что? Наслаждаюсь приятными беседами. Встречаюсь с интересными людьми. «Вот как? И с кем же?» Ой, да с кем только я не встречаюсь! Вот хотя бы и с вами, лорд Превек. Вы весьма занятная личность, не правда ли?

И так далее и тому подобное. Рано или поздно даже самый назойливый разносчик сплетен уставал и уходил восвояси.

Хуже всего было то, что эти недолгие беседы были моим единственным развлечением за день, если, конечно, меня не позовет маэр. Пока что мы встречались за легким обедом, трижды — на прогулках в саду и один раз — поздней ночью, когда все разумные люди давно спят. Дважды посыльный Алверона будил меня от крепкого сна еще до того, как небо принималось голубеть перед рассветом.

Я прекрасно вижу, когда меня испытывают. Алверон желал удостовериться, что я в самом деле готов быть в его распоряжении в любое время дня и ночи. Он следил и ждал, не рассержусь ли я на такое небрежное обращение.

И я старательно подыгрывал ему. Я был обаятелен и безукоризненно вежлив. Я приходил по первому зову и убирался, как только он давал понять, что я больше не нужен. Я не задавал неуместных вопросов, ничего не требовал, а остальное время суток проводил, скрежеща зубами, расхаживая по своим чересчур просторным апартаментам и пытаюсь не думать о том, сколько дней у меня осталось, прежде чем истечет оборот, отведенный мне на то, чтобы выкупить лютню.

Неудивительно, что на четвертый день, как только ко мне постучали, я опрометью бросился к двери. Я надеялся, что меня снова вызывают к маэру, но, в сущности, сейчас я был рад любому поводу отвлечься.

Я отворил дверь. На пороге стоял немолодой мужчина, аристократ до мозга костей. Это было видно и по костюму, но куда важнее был тот факт, что он носил свое богатство с привычным безразличием человека, который родился богатым и знатным. Новоиспеченные дворяне, самозванцы и богатые торговцы просто не способны себя так держать.

Вот, к примеру, дворецкий Алверона одевался богаче, чем половина здешних аристократов, но, невзирая на всю уверенность, с которой держался Стейпс, выглядел он все равно как пекарь, нарядившийся в свой лучший костюм.

Сам я, благодаря портным Алверона, был одет не хуже прочих. И цвета мне шли: черный, вишневый, цвет весенней листвы, с серебряным галуном по обшлагам и воротнику. Однако, в отличие от Стейпса, я носил богатую одежду с небрежностью аристократа. Да, конечно, парча колючая. Да, конечно, все эти пуговицы, пряжки и множество слоев ткани делают любой костюм жестким и неуклюжим, как кожаный доспех наемника. Но я носил все это так непринужденно, как если бы это была моя вторая кожа. Понимаете, это ведь был костюм, и я играл свою роль, как может ее играть только актер.

Итак, как я уже говорил, я отворил дверь и увидел на пороге пожилого аристократа.

— Вы и есть Квоут, не так ли? — спросил он.

Я кивнул, несколько застигнутый врасплох. В северном Винтасе принято было договариваться о встрече через слуг. Посыльный обычно приносил записку и кольцо с выгравированным на нем именем владельца. Прося о встрече с человеком более знатным, следовало отправить золотое кольцо, договариваясь с кем-то более или менее равным — серебряное, а с человеком более низкого ранга — железное.

У меня, разумеется, ранга не было вовсе. Ни титула, ни земель, ни семьи, ни благородной крови. Я был низшим из низших, но здесь этого никто не знал. Все предполагали, что таинственный рыжеволосый юноша, проводящий так много времени с Алвероном, непременно должен быть знатен, и о моем происхождении и положении ходило много слухов и разговоров.

А главное, я до сих пор не был официально представлен ко двору. И, как таковой, я не имел официального ранга. Это означает, что мне присылали только железные кольца. А от встречи, предложенной с

железным кольцом, обычно не отказываются, из опасения оскорбить вышестоящую особу.

Так что я был изрядно удивлен, обнаружив за дверью этого аристократа. Он был явно знатен, однако явился без предупреждения и приглашения.

— Можете звать меня Бредоном, — продолжал он, глядя мне в глаза. — В тэк играете?

Я покачал головой, не зная, как себя вести.

Он разочарованно вздохнул.

— Ну, ничего, я вас научу.

Он протянул мне черный бархатный мешочек, я принял его обеими руками. Мешочек на ощупь казался набитым мелкими гладкими камушками.

Бредон обернулся, махнул рукой, и ко мне в комнату ввалились двое молодых людей, несущих небольшой столик. Я отступил с дороги, и Бредон ворвался ко мне следом за ними.

— Поближе к окну поставьте! — распорядился он, указывая тростью. — И принесите пару стульев — да нет, с жесткой спинкой!

В мгновение ока все было устроено, как он хотел. Слуги удалились, и Бредон с виноватой улыбкой обернулся ко мне.

— Надеюсь, вы простите старику столь театральное вторжение?

— Разумеется! — любезно ответил я. — Не угодно ли вам присесть?

И указал на новый столик у окна.

— Экие церемонии! — усмехнулся он, приставив свою трость к подоконнику. Солнце сверкнуло на полированном серебряном набалдашнике в виде оскаленной волчьей головы.

Бредон был немолод. Не стар, нет, но для меня он был почти дедушкой. Цвета его костюма и цветами-то назвать было нельзя: пепельно-серый да угольно-черный. Его волосы и борода, ослепительно-белые, были подстрижены на одинаковую длину, образуя вокруг лица нечто вроде рамки. Когда Бредон сел и уставился на меня живыми карими глазами, я подумал, что он похож на сову.

Я сел напротив, рассеянно гадая, как именно он собирается вытягивать из меня информацию. Очевидно, он принес с собой какую-то игру. Возможно, он надеется выиграть сведения обо мне. Ну что ж, хоть что-то новенькое.

Он улыбнулся мне — открытой, искренней улыбкой, и я невольно улыбнулся в ответ, прежде чем сообразил, что делаю.

— Должно быть, вы уже собрали изрядную коллекцию колец, —

заметил он.

Я кивнул.

Он с любопытством подался вперед.

— Вы не будете особенно против, если я на них взгляну?

— Да нет, пожалуйста.

Я ушел в соседнюю комнату, вернулся с пригоршней колец и высыпал их на стол.

Он окинул их взглядом и кивнул про себя.

— Да у вас побывали все наши лучшие сплетники! И Вестон, и Превек, и Теменлови — ни один не удержался!

Он прочел имя на еще одном кольце и вскинул брови.

— Превек побывал у вас дважды?! И ни один из них не сумел вытянуть из вас ни капли сведений! Ничего, что сошло хотя бы за намек.

Брендон взглянул на меня.

— Это говорит о том, что вы крепко держите язык за зубами и хорошо умеете это делать. Не волнуйтесь, я явился сюда не в тщетной надежде выведать ваши секреты.

Не то чтобы я ему поверил, однако же слышать это было приятно.

— Должен признаться, что слышу это с облегчением.

— Кстати, небольшое замечание, — мимоходом сказал он. — Кольца принято держать в гостиной, поближе к входной двери. Это демонстрация вашего статуса.

Я этого не знал, но не желал признаваться в этом. Если я покажу, что незнаком с обычаями здешнего двора, это даст ему понять, что я либо чужестранец, либо не дворянин.

— Ну какой там статус в горсти железа! — небрежно ответил я. Про кольца граф Трепе мне объяснил до отъезда из Имре, но только самое основное. Граф не был родом из Винтаса и всех тонкостей, очевидно, и сам не знал.

— Отчасти это так, — легко согласился Брендон. — Однако не совсем так. Золотые кольца говорят о том, что те, кто ниже вас, стремятся заслужить ваше расположение. Серебряные указывают на то, что вы поддерживаете нормальные отношения с равными.

Он разложил кольца рядком на столе.

— Но железные — железные означают, что вы пользуетесь вниманием вышестоящих особ. Они говорят о том, что вас ценят.

Я медленно кивнул.

— Да, конечно, — сказал я. — Маэр рассылает только железные кольца.

— Именно! — кивнул Бредон. — Получить кольцо от маэра — знак большого расположения!

Он подвинул кольца в мою сторону по гладкой мраморной столешнице.

— Однако такого кольца здесь нет, и это само по себе достаточно многозначительно.

— Похоже, вы и сами не чужды придворным интригам, — заметил я.

Бредон прикрыл глаза и устало кивнул.

— Я всем этим изрядно увлекался, пока был молод. Даже обладал некой властью, как оно бывает. Но в данный момент я не преследую никаких тайных целей. А без них подобные маневры теряют всю соль и остроту.

Он снова посмотрел на меня, прямо в глаза.

— Нынче мои вкусы сделались проще. Я путешествую. Наслаждаюсь тонкими винами и беседами с интересными людьми. Я даже принялся учиться танцам!

Он снова радушно улыбнулся и постучал костяшками пальцев по доске.

— Однако более всего мне нравится играть в тэк. Но, увы, я знаю не так много людей, у которых достаточно и времени, и ума, чтобы играть в эту игру как следует.

Он посмотрел на меня и вопросительно приподнял бровь.

Я колебался.

— Можно предположить, что человек, искусный в тонком ремесле беседы, будет пользоваться праздной болтовней, чтобы вытянуть нужные сведения из опрометчивой жертвы...

Бредон улыбнулся.

— По именам на этих кольцах я вижу, что вы до сих пор знакомы лишь с самыми пустыми и алчными из нас. Неудивительно, что вы столь ревниво бережете свои тайны, в чем бы они ни состояли.

Он подался вперед.

— Но подумайте вот о чем! Те, кто являлся к вам, подобны сорокам. Они суеются и хлопают крыльями у вас над головой, норовя утащить к себе в гнездо что-нибудь блестящее.

Он пренебрежительно закатил глаза.

— Какая им с того польза? Так, какая-то пустячная известность. Возможность блеснуть среди себе подобных, таких же пустых и болтливых, как они.

Бредон пригладил свою белую бороду.

— Я не сорока. Мне не нужны блестящие побрякушки, мне все равно, что думают разносчики сплетен. Я играю в более тонкие игры, рассчитанные на долгий срок.

Он принялся развязывать шнурок, что стягивал горловину черного бархатного мешочка.

— Вы человек неглупый. Я это знаю, потому что маэр не тратит времени на глупцов. Я знаю, что вы либо завоевали расположение маэра, либо имеете возможность это сделать. И вот мой план...

Он снова улыбнулся своей радушной улыбкой.

— Желаете ли вы его выслушать?

Я вновь невольно улыбнулся в ответ, как и в прошлый раз.

— Я буду вам весьма признателен.

— Так вот, мой план состоит в том, чтобы завоевать ваше расположение уже сейчас. Я буду вам полезен и интересен. Я буду занимать вас разговорами и помогать убивать время.

Он высыпал на мраморную столешницу набор круглых фишек.

— И тогда, когда ваша звезда начнет свое восхождение на небосвод маэра, я, возможно, внезапно приобрету весьма полезное знакомство.

Он принялся сортировать фишки по цветам.

— Ну а если ваша звезда вдруг закатится, я, по крайней мере, сыграю несколько партий в тэк.

— Я полагаю также, что вашей репутации не повредит, если вы проведете несколько часов наедине со мной, — заметил я. — Учитывая, что со всеми предыдущими посетителями я беседовал никак не более четверти часа.

— И это тоже верно, — сказал он, принимаясь расставлять фишки. Его любопытные карие глаза снова улыбнулись мне. — Да, полагаю, играть с вами будет небы интересно!

* * *

Следующие несколько часов я провел, обучаясь игре в тэк. Игра мне понравилась — она понравилась бы мне, даже если бы я не сходил с ума от безделья. Тэк — одна из игр наилучшей разновидности: простые правила, сложная стратегия. Бредон обыграл меня во всех пяти партиях, что мы сыграли, но могу с гордостью сказать, что он ни разу не обыграл меня одним и тем же способом.

После пятой партии он откинулся на спинку стула и удовлетворенно

вздохнул.

— У вас уже начинает получаться! Вот тут, в углу, вы сделали весьма удачный ход. Он провел пальцем вдоль края доски.

— Недостаточно удачный.

— И тем не менее удачный. То, что вы пытались сделать, называется «падение ручейника». Это так, просто чтобы вы знали.

— А как называется тот ход, которым вы его избежали?

— Я его называю «защитой Бредона», — ответил он с гордой усмешкой. — Но так я называю любой случай, когда я выпутываюсь из затруднительного положения благодаря своей несравненной ловкости.

Я расхохотался и принялся вновь разбирать фишки.

— Еще одну?

Бредон вздохнул.

— Увы, меня ждет встреча, которую нельзя отменить. Не то чтобы мне нужно было бежать прямо сейчас, но времени на новую партию у меня точно нет. По крайней мере, на хорошую, вдумчивую партию.

Собирая фишки обратно в бархатный мешочек, он окинул меня взглядом.

— Не стану оскорблять вас вопросом, знакомы ли вы с нашими местными обычаями, — сказал Бредон. — Однако мне думается, что я мог бы дать вам несколько общих советов, вдруг да пригодятся.

Он улыбнулся мне.

— Разумеется, будет лучше, если вы их выслушаете. Однако, если вы откажетесь, я пойму, что вы и без меня во всем этом прекрасно разбираетесь...

— Ну конечно! — сказал я бесстрастно.

Бредон открыл ящик стола и вынул оттуда горсть железных колечек, которые мы убрали внутрь, расчищая стол для игры.

— Так вот, о многом говорит то, как хранятся кольца. Например, если они просто ссыпаны в вазочку, это означает, что вы равнодушны к общественной жизни двора.

Он разложил кольца так, что выгравированные на них имена были обращены в мою сторону.

— Если кольца тщательно разложены, это показывает, что вы гордитесь своими связями.

Он поднял глаза и улыбнулся.

— Так или иначе, гостя, который у вас впервые, обычно под тем или иным предлогом оставляют в гостиной одного. Это дает ему возможность порыться в вашей коллекции и удовлетворить свое любопытство.

Бредон пожал плечами и подвинул кольца в мою сторону.

— Вы, разумеется, неизменно предлагаете гостям вернуть их кольца.

Он старательно произнес это так, чтобы это не звучало как вопрос.

— Ну конечно! — честно ответил я. Это-то Трепе знал.

— Потому что этого требует вежливость.

Он поднял взгляд на меня, карие глаза по-совиному моргнули из-под ореола белых волос и бороды.

— Вы не носили их на людях?

Я показал ему свои пустые руки.

— Если вы носите кольцо, это может означать, что вы в долгу у этого человека или пытаетесь добиться его расположения.

Он снова взглянул на меня.

— Если маэр откажется забрать у вас свое кольцо, это будет знаком того, что он хочет сделать ваши отношения несколько более формальными.

— А если я не стану носить это кольцо, это будет рассматриваться как знак пренебрежения, — сказал я.

Бредон улыбнулся.

— Быть может. Одно дело — выложить кольцо у себя в гостиной, другое дело — носить его на руке. Кольцо вышестоящей особы на вашем пальце может рассматриваться как самонадеянность. Кроме того, если у вас на руке во время визита к маэру будет кольцо другого аристократа, он может это неправильно истолковать. Как если бы вы были дичью в его лесу, на которую охотится кто-то чужой.

Он откинулся на спинку стула.

— Но я обо всем этом говорю исключительно для поддержания разговора, — сказал он. — Подозреваю, что все это вам давным-давно известно, а вы слушаете старика исключительно из вежливости.

— Быть может, у меня просто до сих пор голова идет кругом от ряда сокрушительных поражений в тэк, — сказал я.

Он отмахнулся от моего замечания, и я обратил внимание, что сам он никаких колец не носит.

— Вы быстро ухватили самую суть, будто барон в борделе, как говорится. Надеюсь, через месяц-другой вы сделаетесь достойным противником.

— Поживем — увидим, — ответил я. — Я собираюсь обыграть вас при следующей встрече.

— Приятно слышать! — усмехнулся Бредон. Он сунул руку в карман и вытащил бархатный мешочек поменьше. — Я вам принес небольшой подарок.

— Боюсь, я не смогу его принять, — поспешил отказаться я. — Вы уже и так целый день меня развлекали...

— Прошу вас! — сказал он, подвинув ко мне мешочек. — Я вынужден буду настаивать. Они ваши, я вручаю вам их без умысла, без обязательств, без задних мыслей. Это дар от чистого сердца.

Я развязал мешочек, и на ладонь мне выкатились три кольца. Золотое, серебряное и железное. На каждом из них было вырезано мое имя: «Квоут».

— До меня дошли слухи, что вы лишились своего багажа, — сказал Бредон. — И я подумал, что они вам могут пригодиться.

Он улыбнулся.

— Особенно если вы хотите еще раз сыграть в тэк.

Я покатал кольца на ладони, мимоходом прикинув, действительно ли золотое кольцо золотое или так, золоченое.

— А какое кольцо следует отправить моему новому знакомому, если я захочу с ним встретиться?

— Ну... — медленно ответил Бредон. — Это сложный вопрос. Я так внезапно и неприлично вломился к вам, что даже не представился должным образом и не сообщил вам свой титул и ранг...

Он многозначительно посмотрел мне в глаза.

— А осведомиться об этом самому было бы чудовищно грубо, — медленно закончил я, еще не понимая, к чему он клонит.

Он кивнул.

— Так что пока вам придется предположить, что у меня нет ни титула, ни ранга. Мы оказываемся в любопытном положении: вы не представлены ко двору, а я не представлен вам. Исходя из этого, если вам в будущем вдруг захочется пообедать вместе со мной или любезно проиграть мне еще одну партию в тэк, будет уместно прислать мне серебряное кольцо.

Я повертел в пальцах серебряное кольцо. Если я отправлю его Бредону, тотчас разойдутся слухи, что я претендую на ранг, примерно равный его собственному, а я понятия не имел, какого он ранга...

— А что же скажут при дворе?

Его глаза весело сверкнули.

— А в самом деле, что скажут при дворе, а?

* * *

И снова дни потянулись за днями. Маэр вызывал меня для светской

болтовни. Аристократы-сороки снова посылали мне свои карточки и кольца, и мне приходилось вежливо уклоняться от их расспросов.

Один только Бредон не давал мне сойти с ума от скуки в моем заточении. На следующий день я послал ему свое новенькое серебряное кольцо с карточкой, на которой было написано: «Если вам угодно. У меня в комнатах». И пяти минут не прошло, как он явился со столиком для тэка и мешочком с фишками. Он вернул мне мое кольцо, и я принял его со всей возможной любезностью. Я был бы не против, чтобы он оставил его у себя. Однако оно у меня было одно, и он это знал.

На середине пятой партии нас прервали: меня вызывал маэр. Его железное кольцо чернело темным пятном на полированном серебряном подносике посыльного. Я извинился перед Бредоном и торопливо направился в сад.

В тот же вечер Бредон прислал мне свое серебряное кольцо с карточкой, в которой значилось: «После ужина. У вас в комнатах». Я написал на карточке «С удовольствием!» и отправил ее обратно.

Когда он пришел, я предложил ему вернуть кольцо. Он вежливо отклонил мое предложение, и кольцо очутилось в вазочке у моих дверей вместе с остальными. Оно лежало так, чтобы его видели все, сверкая серебром на фоне горсти железа.

ГЛАВА 58

СВАТОВСТВО

Маэр не вызывал меня целых два дня.

Я маялся у себя в комнатах, сходя с ума от скуки и раздражения. Хуже всего было то, что я не знал, отчего маэр меня не зовет. Может, он занят? Может, я его оскорбил? Я подумывал отправить ему карточку вместе с золотым кольцом, которое дал мне Бредон. Но если Алверон испытывает мое терпение, это будет грубой ошибкой...

Однако мое терпение и впрямь было на исходе. Я явился сюда, чтобы отыскать себе покровителя или хотя бы получить помощь в поисках амир. А пока что за все время, что я провел на службе у маэра, я не получил ничего, кроме отсиженной задницы. Если бы не Бредон, я бы вообще взбесился, честное слово!

А что хуже всего, моя лютня и прекрасный футляр, подарок Денны, через два дня должны были перейти в собственность чужого дяди. Я-то надеялся, что к этому времени успею достаточно зарекомендовать себя в глазах маэра, чтобы иметь возможность попросить у него денег и выкупить ее из заклада. Я хотел, чтобы это он был у меня в долгу, а не одалживаться самому. Ведь стоит одолжиться у знатного господина, оглянуться не успеешь, как увязнешь в долгах по уши.

Но, судя по тому, что Алверон меня к себе больше не звал, добиться его расположения мне не удалось. Я ломал голову, пытаюсь сообразить, что я такого сказал во время нашей последней встречи, что его так задело.

Я достал из ящика карточку и пытался придумать, как бы так поизящнее попросить у маэра денег, и тут в дверь постучали. Я подумал, что это раньше времени прибыл мой обед, и крикнул мальчику, чтобы оставил его на столе.

Ответом мне была многозначительная пауза. Тишина заставила меня очнуться от задумчивости. Я бросился к двери и с изумлением увидел на пороге дворцового маэра, Стейпса. Прежде Алверон всегда присылал за мной посыльного.

— Маэр желает вас видеть, — сказал он. Я обратил внимание, что дворецкий выглядит каким-то помятым. Глаза у него были усталые, как будто он не выспался.

— В саду?

— У себя в комнатах, — сказал Стейпс. — Я вас провожу.

Если верить придворным сплетникам, Алверон редко принимал гостей у себя в комнатах. Шагая следом за Стейпсом, я невольно испытывал облегчение. Все что угодно лучше, чем ожидание.

* * *

Алверон сидел на перинах, с подоткнутыми за спину подушками. Он выглядел более бледным и худым, чем тогда, когда я видел его в последний раз. Глаза у него были по-прежнему ясные и пронзительные, но сегодня в них появилось что-то новое, какое-то сильное чувство.

Он указал на ближайший стул.

— Квоут... Входите. Садитесь.

Голос его тоже ослабел, но все еще сохранял властную весомость. Я сел возле кровати, чувствуя, что сейчас не время благодарить за эту особую привилегию.

— Квоут, вы знаете, сколько мне лет? — спросил он без долгих предисловий.

— Нет, ваша светлость.

— Ну а сколько бы вы мне дали? На сколько я выгляжу?

В его глазах снова мелькнуло сильное чувство — это был гнев. Медленно тлеющий гнев, подобный раскаленным угольям под тонким слоем пепла.

Я лихорадочно соображал, что тут лучше ответить. Я опасался его оскорбить, но льстить маэру нужно было чрезвычайно ловко и искусно, иначе лесть его только злила.

Что ж, придется прибегнуть к крайнему средству: ответить честно.

— Пятьдесят один год, ваша светлость. Может быть, пятьдесят два.

Он медленно кивнул. Его гнев затих, как гром в отдалении.

— Не стоило спрашивать об этом молодого человека ваших лет. Мне сорок. В следующем обороте у меня как раз будет день рождения. Но вы, конечно, правы: я выгляжу на все пятьдесят и ни днем моложе.

Его руки машинально разглаживали одеяло.

— Это ужасно: состариться прежде времени!

Он застыл и скривился от боли. Секунду спустя приступ миновал, и он перевел дух. Его лицо блестело от пота.

— Не знаю, долго ли еще я смогу с вами беседовать. Я сегодня, кажется, не очень хорошо себя чувствую.

Я встал.

— Привести Кавдикуса, ваша светлость?

— Нет! — рявкнул он. — Сядьте!

Я сел.

— Эта треклятая болезнь скрутила меня в последний месяц. Я постарел на несколько лет и чувствую себя на столько, на сколько выгляжу. Я всю жизнь заботился о своих землях, но в одном отношении я своим долгом пренебрег. У меня нет семьи, нет наследника.

— Вы намерены жениться, ваша светлость?

Он осел на подушки.

— Так слухи об этом уже разошлись?

— Нет, ваша светлость. Я догадался об этом по тому, о чем вы обмолвились во время одного из наших разговоров.

Он устремил на меня пронзительный взгляд.

— Это правда? Вы догадались сами, а не узнали из слухов?

— Это правда, ваша светлость. Хотя слухи, конечно, ходят, полный двор слухов, если можно так выразиться.

— «Полный двор слухов» — это хорошо сказано!

На его лице появилась слабая тень улыбки.

— Но большая часть этих слухов касается таинственного гостя с запада, — я отвесил небольшой поклон, не вставая со стула. — О браке ничего не говорят. Все считают вас первым холостяком в мире.

— Ага! — воскликнул он, и на лице у него отразилось облегчение. — Прежде так оно и было. Отец пытался меня женить, когда я был помоложе. Но в те времена я упорно не желал жениться. Вот еще один недостаток власти. Если ты слишком могуществен, люди не смеют указывать тебе на твои ошибки. Власть может быть ужасной вещью!

— Могу себе представить, ваша светлость.

— Она лишает тебя выбора, — сказал он. — Она дает множество возможностей, но одновременно с этим лишает тебя других возможностей. Положение у меня сложное, мягко говоря.

Мне в своей жизни слишком часто доводилось голодать, чтобы я мог испытывать искреннее сострадание к аристократу. Но маэр выглядел таким бледным и слабым в своей постели, что я ощутил проблеск сочувствия.

— О чем идет речь, ваша светлость?

Алверон завозился, стараясь сесть поровнее.

— Если я собираюсь жениться, мне надо найти подходящую партию. Женщину из семьи не менее высокопоставленной, чем моя собственная. И мало того: это не должен быть формальный союз. Девушка должна быть

достаточно молода, чтобы...

Он откашлялся сухим, шуршащим кашлем.

— Чтобы произвести на свет наследника. А если получится, то и нескольких.

Он поднял взгляд на меня.

— Теперь вы начинаете понимать, в чем состоит проблема?

Я медленно кивнул.

— Только в общих чертах, ваша светлость. И много ли таких незамужних дочерей?

— По пальцам пересчитать, — сказал Алверон, и в голосе его снова послышался намек на прежний гнев. — Однако нельзя, чтобы это была женщина из одной из тех семей, что подчиняются королю. Козыри и связующие обеты. Моя семья со времен основания Винтаса боролась за то, чтобы сохранить свои неограниченные полномочия. И я не стану спорить с этим ублюдком Родериком из-за жены. Я не уступлю ему ни грана своей власти!

— Сколько же женщин в семьях, что неподвластны королю, ваша светлость?

— Одна.

Это слово упало тяжело, как свинцовая гиря.

— И это еще не самое худшее. Эта женщина идеальна во всех отношениях. Ее семья респектабельна. Она образованна. Молода. Красива, — похоже, последнее слово далось ему нелегко. — Вокруг нее вьется стая влюбленных кавалеров, сильных и крепких молодых людей с медовыми устами. У них есть все причины жаждать ее руки: ради ее имени, ради ее земель, ради ее ума.

Он надолго умолк.

— И что она ответит на предложение больного старика, который ходит с палочкой, когда вообще может ходить?

Губы его скривились, как будто эти слова были горьки на вкус.

— Но, однако, ваше положение... — начал я.

Он поднял руку и посмотрел мне в глаза.

— Вот вы бы женились на женщине, которую вы купили?

Я потупился.

— Нет, ваша светлость.

— Вот и я не стану. Мысль использовать свое положение, чтобы убедить эту девушку выйти за меня замуж, попросту... отвратительна.

Мы помолчали. Я смотрел, как за окном две белки гоняются друг за другом по высокому стволу ясеня.

— Ваша светлость, если мне предстоит помочь вам ухаживать за этой дамой...

Я ощутил жар маэрова гнева прежде, чем обернулся и увидел, что он разгневан.

— Прошу прощения, ваша светлость. Я забылся.

— Это еще одна догадка?

— Да, ваша светлость.

Он, казалось, какое-то время боролся с собой. Потом вздохнул, и царившее в комнате напряжение исчезло.

— Да нет, это мне следует просить прощения у вас. Эта неотступная боль истерла мое терпение до дыр, а я не имею привычки обсуждать свои личные дела с посторонними, и уж тем более я не привык, чтобы они заранее отгадывали мои намерения. Что ж, расскажите, о чем вы еще догадываетесь. Можете позволить себе дерзость, если это необходимо.

Я вздохнул немного свободнее.

— Я догадываюсь, что вы хотите жениться на этой женщине. В первую очередь затем, чтобы исполнить свой долг, но еще и потому, что вы ее любите.

Повисла новая пауза — не столь тяжелая, как предыдущая, но все же довольно напряженная.

— Любовь, — медленно произнес маэр, — это слово, которое глупцы употребляют чересчур часто. Да, она достойна любви, это несомненно. И я действительно испытываю к ней привязанность.

Ему, похоже, было неловко.

— Это все, что я готов сказать.

Он поднял голову и посмотрел на меня.

— Я могу рассчитывать на вашу осмотрительность?

— Разумеется, ваша светлость! Но отчего вы столь скрытны в таком деле?

— Потому что я предпочитаю действовать тогда, когда сам сочту нужным. А слухи зачастую вынуждают нас действовать прежде, чем мы к этому готовы, или портят все дело до того, как ситуация созреет.

— Понимаю. И как же имя этой дамы?

— Мелуан Лэклесс, — бережно произнес он. — Так вот, я уже убедился, что вы обаятельны и умеете себя вести. Более того, граф Трепе заверил меня, что вы — великий создатель и исполнитель песен. Это именно то, что мне требуется. Готовы ли вы служить мне в этом деле?

Я колебался.

— На какие именно услуги рассчитывает ваша светлость?

Он взглянул на меня скептически.

— Мне казалось, это должно быть довольно очевидно для такого догадливого человека, как вы.

— Ваша светлость, я понимаю, что вы надеетесь завоевать сердце этой дамы. Но я еще не знаю как. Вы хотите, чтобы я сочинил несколько писем? Сложил о ней песню? Или, может быть, мне придется взобраться на озаренный луной балкон и оставить цветы у нее на подоконнике? Потанцевать с ней на балу, в маске, назвавшись вашим именем?

Я невесело улыбнулся.

— По правде говоря, ваша светлость, танцор из меня неважный...

Алверон от души расхохотался, но я видел, что ему даже смеяться больно.

— Да нет, я, собственно, думал о первых двух пунктах, — признался он, вновь откидываясь на подушки. Его глаза потухли.

Я кивнул.

— Тогда мне нужно побольше узнать о ней, ваша светлость. Пытаться ухаживать за женщиной, не зная ничего, более чем глупо.

Алверон устало кивнул.

— Основное вам расскажет Кавдикус. Он весьма сведущ в истории знатных семей. А ведь семья — это основание, на котором стоит человек. Если вам предстоит ухаживать за ней, вам следует знать о ее происхождении.

Он жестом подозвал меня и протянул мне железное кольцо. Рука у него задрожала от этого небольшого усилия.

— Покажите это Кавдикусу, и он поймет, что вы присланы мною.

Я проворно взял кольцо.

— А он знает, что вы собираетесь жениться?

— Нет! — глаза Алверона тревожно вспыхнули. — И не говорите об этом никому! Выдумайте какой-нибудь повод для своих расспросов. Да, принесите мне лекарство!

Он откинулся на подушки и закрыл глаза. Уходя, я слышал, как он слабо бормочет:

— Иногда люди делятся ею, не ведая того, иногда они делятся ею помимо своей воли. И все равно... все это сила...

— Да, ваша светлость, — сказал я, но он уже забылся беспокойным сном, еще до того, как я вышел из комнаты.

ГЛАВА 59

ЦЕЛЬ

Выйдя из комнат маэра, я подумал было отправить к Кавдикусу посыльного со своей карточкой и кольцом. Но тут же отказался от этой мысли. Маэр дал мне поручение. Несомненно, это оправдывает небольшое нарушение этикета.

Благодаря придворным болтунам я знал, что арканист Алверона живет при дворе маэра уже более десятка лет. Но кроме того факта, что обитает он в одной из южных башен дворца, я о нем больше ничего не знал и не представлял, чего от него ждать.

Я постучался в массивную деревянную дверь.

— Погодите-ка! — донесся приглушенный голос. Послышался скрип отодвигаемого засова, дверь распахнулась, и я увидел перед собой тощего человека с длинным ястребиным носом и курчавыми черными волосами. На нем было длинное темное одеяние, отдаленно напоминающее мантию магистра. — Да?

— Простите, сударь, я хотел спросить, могу ли я отнять у вас немного вашего драгоценного времени? — сказал я. Смущение мое лишь отчасти было притворным.

Он смерил меня взглядом, оценил мой элегантный костюм.

— Я не варю приворотных зелий. За этим добром отправляйтесь в Северен-Нижний.

Тяжелая дверь начала затворяться.

— Хотя, если хотите знать мое мнение, лучше пригласите ее на танец и подарите букет роз.

— Нет, сударь, я по другому делу! — поспешно сказал я. — У меня к вам даже два дела. Одно по поручению маэра и второе мое личное.

Я поднял руку и показал ему железное кольцо с именем Алверона, выложенным золотом.

Дверь тут же приоткрылась.

— Ну так заходите! — сказал Кавдикус.

Комната выглядела как Университет в миниатюре, втиснутый в одно помещение. Кругом, озаренные привычным красным светом симпатических ламп, высились шкафы с книгами, стояли столы, заставленные стеклянной посудой самых причудливых форм, а в глубине,

полускрытое изгибом стены башни, виднелось нечто вроде небольшого горна или плавильной печи.

— Великий боже! — вскричал я, прикрыв рот ладонью. — Это что, дракон?!

Я указал на огромное чучело крокодила, подвешенное к одной из потолочных балок.

Поймите меня правильно: некоторые арканисты охраняют свою территорию ревниwie акул. Особенно те, кому удалось заполучить такую завидную должность при дворе. Я понятия не имел, что скажет Кавдикус по поводу юного будущего арканиста, явившегося в его владения, и счел, что безопаснее будет разыграть из себя славного, но глуповатого аристократика, совершенно безобидного.

Кавдикус затворил за мной дверь и хихикнул.

— Нет-нет. Это аллигатор. Он вполне безопасен, уверяю вас.

— Как он меня напугал! — сказал я. — На что вам эта штуковина?

— Честно? — Кавдикус задрал голову. — Я и сам не знаю. Она принадлежала арканисту, который жил тут до меня. Мне стало жаль ее выкидывать. Впечатляющий экземпляр, вы не находите?

Я нервно посмотрел наверх.

— Весьма.

— Так что же это за дело, о котором вы упомянули?

Он указал мне на просторное мягкое кресло и сам сел напротив, в другое такое же.

— Боюсь, я смогу уделить вам всего несколько минут, потом меня ждут другие дела. Но до тех пор я в вашем распоряжении, господин...

И он многозначительно умолк.

Я видел, что он прекрасно понимает, кто я такой: тот самый таинственный молодой человек, с которым в последнее время так часто встречался маэр. И я подозревал, что он не меньше прочих жаждет выяснить, зачем я явился в Северен.

— Квоут, — сказал я. — На самом деле я отчасти по поводу лекарства для маэра.

Я увидел, как он чуть заметно нахмурил брови, и поспешно уточнил, а то мало ли что он подумал:

— Я нынче уже виделся с маэром.

Я выдержал короткую паузу, как если бы чрезвычайно этим гордился.

— И он просил меня принести ему лекарство после того, как я поговорю с вами.

Его лоб разгладился.

— Ну да, разумеется! — кивнул Кавдикус. — Мне тогда не придется лишний раз к нему ходить. Но о чем же вы хотели со мной поговорить?

— Видите ли, — я возбужденно подался вперед, — я исследую историю знатных семейств Винтаса. Понимаете, я подумываю написать книгу...

— Генеалогии? — я заметил, что он сразу же заскучал.

— Да нет! Генеалогий кругом пруд пруди. Я хотел бы опубликовать собрание историй и анекдотов, имеющих отношение к знатым семействам.

Я изрядно гордился этой выдумкой. Она объясняла не только мой интерес к семье Мелуан, но и то, отчего я так много времени провожу с маэром.

— История сама по себе — штука довольно сухая, а вот истории любят все!

Кавдикус задумчиво кивнул.

— Недурная идея. Книга и впрямь может выйти интересная.

— Я напишу краткую историческую справку о каждой из семей, в качестве введения к нижеследующим анекдотам. Маэр упоминал, что вы большой авторитет в том, что касается истории старых семейств, и он сказал, что был бы рад, если бы я заглянул к вам.

Комплимент произвел желаемый эффект: Кавдикус слегка напыжился.

— Ну, не могу сказать, что я прямо уж настолько авторитет, — сказал он с напускной скромностью, — но я отчасти историк...

Он поднял бровь, глядя на меня.

— Но вам следует понимать, что наилучшим источником сведений о знатных семействах могут быть только сами эти семейства...

— Так-то оно так, — сказал я, искоса взглянув на него. — Но эти семейства не очень-то стремятся делиться самыми интересными анекдотами...

Кавдикус ухмыльнулся.

— Ну еще бы!

Его улыбка исчезла так же стремительно, как появилась.

— Однако насчет семьи маэра я никаких особенно занимательных историй не знаю, — с серьезным видом сообщил он.

— О нет, нет-нет! — я замахал на него руками. — Маэр — это случай особый. Мне бы и в голову не пришло... — я замялся и заметно сглотнул. — Я, собственно, надеялся, что вы сможете просветить меня касательно семьи Лэклессов. Мне о них так мало известно...

— В самом деле? — изумился Кавдикус. — Они, конечно, лишились

былого влияния, но и по сей день являются подлинным кладезем историй и анекдотов!

Кавдикус задумался, он рассеянно побарабанил пальцами по губам.

— Давайте сделаем так: я вам сейчас кратко изложу историю их семьи, а завтра вы зайдете ко мне и мы побеседуем об этом поподробнее. А то маэру уже вот-вот пора принимать лекарство, и запаздывать с этим нельзя.

Он встал и принялся закатывать рукава.

— Вот, например, история, которую я могу припомнить навскидку, если вы, конечно, не против, что я буду болтать и одновременно готовить лекарство для маэра.

— Ой, я еще никогда не видел, как варят зелья! — с энтузиазмом воскликнул я. — Если вас это не будет отвлекать...

— Нет, нисколько! Я мог бы приготовить его с закрытыми глазами.

Он подошел к рабочему столу и зажег пару свечей с голубым пламенем. Я старательно изобразил изумление, хотя и знал, что это чистая показуха.

Кавдикус отсыпал немного сушеной травы на чашку маленьких ручных весов и взвесил ее.

— Вы не против, если я стану потчевать вас слухами, или им не место в вашем исследовании?

— Вовсе не против, если они заняты!

Он помолчал, старательно отмеряя небольшую порцию прозрачной жидкости из бутылки со стеклянной пробкой.

— Насколько я понимаю, семейство Лэклесс владеет фамильным сокровищем. Ну, не то чтобы сокровищем — просто старинной вещью, которая восходит к самому началу их рода.

— Ну, тут нет ничего особенно странного. У всех древних семейств уйма фамильных сокровищ.

— Цыц! — сердито буркнул он. — Тут все не так просто.

Он вылил жидкость в свинцовую плошку, на которой снаружи были грубо нацарапаны руны. Жидкость вспенилась и зашипела, распространяя слабый едкий запах.

Кавдикус опорожнил плошку в сковородку, пристроенную над свечами. Затем высыпал в нее траву, щепотку еще какого-то вещества и мерку белого порошка. Плеснул какой-то жидкости — судя по всему, обычной воды, — перемешал, слил получившееся через фильтр в прозрачный стеклянный пузырек и заткнул пузырек пробкой.

Потом продемонстрировал пузырек мне: прозрачную янтарную жидкость с легким зеленоватым отливом.

— Ну вот, готово! Напомните ему, что выпить нужно все до дна.

Я взял теплый пузырек.

— Так что же это за сокровище?

Кавдикус ополоснул руки в фарфоровой миске и отряхнул их.

— Я слышал, что в самой старой части владений Лэклессов, в самой старинной части их наследственного поместья есть где-то потайная дверь. Дверь без ручки и без петель.

Он взглянул на меня, проверяя, внимательно ли я его слушаю.

— И дверь эта не открывается. Она заперта, но замка на ней нет. И что там, за этой дверью, — не знает никто.

Он кивнул на пузырек у меня в руке.

— Ну все, отнесите это маэру. Пусть лучше выпьет его, пока теплое.

Он проводил меня к двери.

— Приходите завтра, — он чуть заметно ухмыльнулся. — Я знаю историю о Менебрасах, от которой ваши рыжие волосы поседеют!

— Ой, вы знаете, я всегда занимаюсь только одной семьей зараз, — сказал я, не желая, чтобы меня завалили бесконечными придворными сплетнями. — Максимум — двумя. В данный момент меня интересуют только Алвероны и Лэклессы. За третью я взяться никак не смогу.

Я вяло улыбнулся.

— А не то я совсем запутаюсь!

— Жаль, жаль, — сказал Кавдикус. — Видите ли, я много путешествую. Многие знатные семьи рады приютить у себя маэрова арканиста.

Он лукаво взглянул на меня.

— Благодаря этому мне известны некоторые весьма занятные факты!

Он отворил дверь.

— Вы подумайте над этим. И заходите завтра. О Лэклессах мне в любом случае есть что порассказать.

Я очутился у дверей комнат маэра прежде, чем пузырек успел остыть. Стейпс отворил мне на стук и проводил меня в спальню маэра.

Маэр Алверон спал в той же позе, как я его оставил. Когда Стейпс затворил за мной дверь, маэр приоткрыл один глаз и слабо поманил меня пальцем.

— Вы, однако, заставили себя ждать!

— Ваша светлость, я...

Он еще раз поманил меня к себе, несколько энергичнее.

— Давайте сюда лекарство, — хрипло произнес он. — И ступайте. Я устал.

— Боюсь, это довольно важно, ваша светлость!

Он открыл оба глаза, в них снова вспыхнул подспудный гнев.

— Ну, что такое? — бросил он.

Я подошел к его постели и наклонился поближе. Прежде чем он успел возмутиться подобной дерзостью, я шепнул:

— Ваша светлость, Кавдикус вас травит!

ГЛАВА 60

ОРУДИЕ МУДРОСТИ

Когда маэр это услышал, глаза у него расширились от изумления, но он тут же взял себя в руки. Невзирая на немощь, разум Алверона был по-прежнему остер и ясен.

— Вы правильно поступили, что не стали говорить такого вслух, — сказал он. — Вы вступаете на опасную почву! Но говорите, я вас слушаю.

— Ваша светлость, я так понимаю, Трепе не упомянул в своем письме, что я не только музыкант, но еще и студент Университета.

Я не заметил в глазах маэра проблеска понимания.

— Университета? Какого? — переспросил он.

— Того самого Университета, ваша светлость, — ответил я. — Я — член арканума.

Алверон нахмурился.

— Вы чересчур молоды, чтобы это могло быть правдой! И отчего, собственно, Трепе об этом не упомянул?

— Вам же не был нужен арканист, ваша светлость. А тут, на востоке, люди питают определенное предубеждение к подобным занятиям.

Это был вежливый намек на то, что я думал на самом деле, что винтильцы суеверны до идиотизма.

Маэр медленно прикрыл глаза, лицо его сделалось жестким.

— Хорошо, — сказал он. — Сделайте же что-нибудь магическое, если вы тот, за кого себя выдаете.

— Я еще не арканист, я еще только учусь, ваша светлость. Но, если вам хочется увидеть пример использования магии...

Я окинул взглядом три лампы, висящие на стенах, смочил пальцы слюной, сосредоточился и затушил фитилек свечи, стоящей на столике у кровати.

В комнате сделалось темно, я услышал, как ахнул от неожиданности маэр. Я достал свое серебряное кольцо, и через некоторое время оно засветилось серебристо-голубым светом. Мои руки похолодели — у меня ведь не было других источников тепла, кроме моего собственного тела.

— Хорошо, меня это устраивает, — сказал маэр. Если он и был напуган, по голосу это не чувствовалось.

Я пересек комнату и отворил ставни на окнах. В комнату хлынул

солнечный свет. До нас долетел аромат цветов селаса, донеслись птичьи трели.

— Я лично всегда находил, что свежий воздух целителен для любых невзгод, что терзают тело, хотя многие со мной не согласны, — улыбнулся я.

Он не улыбнулся в ответ.

— Да-да. Вы очень умны. Ступайте сюда, сядьте.

Я вернулся к кровати и сел на стул рядом с ней.

— А теперь объяснитесь.

— Я сказал Кавдикусу, что составляю собрание историй о знатных семействах, — начал я. — Это удобный предлог: это заодно объясняет, отчего я столько времени провожу в вашем обществе.

Лицо маэра осталось угрюмым. Я заметил, как боль затмила его взгляд, подобно облаку, набежавшему на солнце.

— Лишнее доказательство того, что вы искусный лжец, вряд ли поможет вам завоевать мое доверие.

Внутри у меня все похолодело. Я рассчитывал, что маэр охотнее выслушает мое разоблачение...

— И тем не менее, ваша светлость: ему я солгал, а вам говорю правду. Поскольку он счел меня всего лишь праздным молодым аристократом, он позволил мне присутствовать при том, как он готовил ваше лекарство.

Я протянул ему пузырек с янтарной жидкостью. Солнце радугой заиграло на стеклянных гранях.

Алверон остался неподвижен. Его взгляд, обычно ясный, туманился от боли и смятения.

— Я требую доказательств, а вы потчуете меня сказками! Кавдикус верно служил мне целых десять лет. И тем не менее я поразмыслю над тем, что вы сказали.

Судя по его тону, размышлять он собирался недолго и немилостиво. Он протянул руку за пузырьком.

Я ощутил, как во мне вспыхнул огонек гнева. Это помогло растопить ледяной страх, скрутивший меня изнутри.

— Ваша светлость желает доказательств?

— Я желаю выпить лекарство! — рявкнул он. — И уснуть, наконец. Будьте любезны...

— Ваша светлость, я могу...

— Да как вы смеете меня перебивать?! — гневно вскричал Алверон и попытался сесть в кровати. — Вы заходите чересчур далеко! Убирайтесь немедленно, и тогда я, возможно, еще подумаю о том, чтобы

воспользоваться вашими услугами!

Его трясло от ярости, рука по-прежнему тянулась за пузырьком.

Повисла пауза. Я протянул ему пузырек, но, прежде чем он успел его схватить, я сказал:

— Вас недавно рвало. Чем-то молочно-белым.

Напряжение в спальне нарастало, но услышав то, что я сказал, маэр застыл.

— Вам кажется, что язык у вас опух и сделался тяжелым. Вы чувствуете сухость во рту и какой-то странный, резкий вкус. Вас тянет на сладкое, на сахар. Вы просыпаетесь по ночам и обнаруживаете, что не можете двигаться, не можете произнести ни звука. У вас бывают приступы слабости, вас мучают колики и приливы паники.

По мере того, как я говорил, рука маэра мало-помалу отодвигалась все дальше от пузырька. Лицо его уже не было яростным и гневным. Взгляд сделался растерянным, почти напуганным, но зато вновь стал ясным, как если бы страх пробудил некую внутреннюю осторожность.

— Это сказал вам Кавдикус, — предположил маэр, но голос его звучал неуверенно.

— Неужто Кавдикус стал бы обсуждать подробности вашей болезни с посторонним? — осведомился я. — Я опасаюсь за вашу жизнь, ваша светлость. И если мне придется нарушить приличия ради того, чтобы вас спасти, я это сделаю. Дайте мне две минуты на то, чтобы высказаться, и вы получите доказательства!

Алверон медленно кивнул.

— Я не стану утверждать, будто знаю, что именно входит в него, — я указал на пузырек. — Но основное, что вас отравляет, — это свинец. Это объясняет и слабость, и боль в мышцах и внутренностях. И рвоту, и паралич.

— Паралича у меня нет.

— Хм... — я окинул его критическим взглядом. — Это хорошо. Но тут ведь не только свинец. Я так понимаю, что там еще изрядная доза офалума, который сам по себе не яд.

— А что же это тогда?

— Ну, скорее лекарство, точнее, наркотик.

— Так что же это тогда? — бросил он. — Отрава или лекарство?

— Вы, ваша светлость, когда-нибудь принимали лауданум?

— Да, как-то раз, когда был моложе, чтобы уснуть со сломанной ногой.

— Так вот, офалум обладает похожим действием, но его обычно избегают применять, потому что он вызывает очень сильное привыкание.

Я помолчал.

— Его добывают из смолы деннера.

Услышав это, маэр побледнел, и глаза его сделались совершенно ясными. Про сладкоедов знали все.

— Я подозреваю, что он стал добавлять его, потому что вы нерегулярно принимали лекарство, — сказал я. — Офалум должен был заставить вас с нетерпением ждать новой дозы и в то же время облегчать ваши страдания. Это также объясняет, отчего вас тянет на сладкое, приступы потливости и странные сны, которые вам снятся. Что же он туда еще положил? — задумался я вслух. — Вероятно, шовный корень или маниум, чтобы вас пореже тошнило. Умно. Жестоко и умно.

— Не так уж умно, — маэр улыбнулся одними губами. — Он все же не сумел меня убить.

Я поколебался, но наконец решился сказать ему правду:

— Убить вас, ваша светлость, было бы несложно. Он мог бы без труда растворить в этом пузырьке, — я поднял пузырек повыше, — достаточно свинца, чтобы вас убить. А вот сделать так, чтобы вы заболели, не убив и не парализовав вас, — это действительно трудно.

— Но для чего? Зачем ему травить меня, если не затем, чтобы убить?

— Ну, эту загадку вашей светлости разрешить будет проще, чем мне. Вы лучше меня знаете, какие интриги тут могут быть замешаны.

— Но для чего ему вообще меня травить? — маэр был искренне озадачен. — Я щедро ему плачу. Он живет при дворе, в почете. Он может свободно заниматься своими проектами и путешествовать, когда захочет. Он прожил тут уже десять лет. С чего бы вдруг?

Он покачал головой.

— Говорю вам, это совершенно бессмысленно!

— Ради денег? — предположил я. — Говорят, всякий человек имеет свою цену.

Маэр все качал головой с недоумением, потом вдруг остановился и посмотрел на меня.

— Нет. Только что вспомнил. Я заболел задолго до того, как Кавдикус принялся меня пользоваться.

Он умолк, задумался.

— Да, верно. Я обратился к нему, желая узнать, сможет ли он исцелить мою болезнь. А симптомы, о которых вы говорите, появились лишь через несколько месяцев после того, как он принялся меня лечить. Это не мог быть он.

— Ваша светлость, свинец в малых дозах действует медленно. Если он

намеревался вас отравить, вряд ли он хотел бы, чтобы вас стошнило кровью через десять минут после того, как вы примете его снадобье.

Я внезапно вспомнил, с кем говорю.

— Ох, простите, ваша светлость! Я неудачно выразился.

Он сухо кивнул в знак того, что извинения приняты.

— Слишком многое из того, что вы говорите, похоже на правду, и я не могу этим пренебречь. И тем не менее я все еще не верю, что Кавдикус мог так поступить.

— Мы можем это проверить, ваша светлость.

Он взглянул на меня.

— Каким образом?

— Велите принести к вам в комнаты полдюжины птиц. Лучше всего подойдут капелюшки.

— Капелюшки?

— Такие крохотные, яркие, красно-желтые пташки, — я развел пальцы сантиметров на пять. — Они просто кишат у вас в садах. И пьют нектар из цветков селаса.

— А-а! У нас их зовут «мимолетками».

— Так вот, мы подмешаем ваше лекарство в их нектар и посмотрим, что будет.

Он помрачнел.

— Если, как вы говорите, свинец действует медленно, на это уйдет несколько месяцев. А я не собираюсь в течение нескольких месяцев обходиться без лекарства на основании ваших необоснованных фантазий.

По его тону я понял, что он снова готов взорваться.

— Птички весят куда меньше вас, ваша светлость, и обмен веществ у них куда быстрее. Мы увидим последствия в течение одного-двух дней.

«Ну, я надеюсь».

Он поразмыслил над этим.

— Хорошо, — сказал он и взял со столика колокольчик.

Я поспешно заговорил, прежде чем он успел позвонить:

— Нельзя ли попросить вашу светлость выдумать какой-нибудь предлог, для чего вам потребовались эти птички? Осторожность не помешает...

— Стейпса я знаю всю жизнь, — твердо ответил маэр. Взгляд его был ясным и пронзительным, как никогда. — Я доверяю ему свои земли, свой сейф и свою жизнь. И я не желаю слышать предположений, будто на него нельзя положиться!

В его голосе звучала несокрушимая уверенность.

Я потупился.

— Хорошо, ваша светлость.

Он позвонил в колокольчик. Не прошло и пары секунд, как на пороге показался дородный дворецкий.

— Да, сэр?

— Стейпс, мне недостает прогулок в саду. Не могли бы вы добыть мне полдюжины мимолеток?

— Мимолеток, сэр?

— Да, — сказал маэр таким тоном, словно заказывал обед. — Славные пташки. Мне кажется, их пение поможет мне уснуть.

— Я попробую что-нибудь сделать, сэр.

Прежде чем закрыть дверь, Стейпс мрачно зыркнул на меня.

После того как дверь закрылась, я взглянул на маэра.

— Нельзя ли спросить у вашей светлости зачем?

— Чтобы ему не пришлось лгать. Он не склонен к этому. А то, что вы сказали, разумно. Осторожность есть орудие мудрости.

Я увидел, что его лицо блестит от пота.

— Если не ошибаюсь, ваша светлость, вам предстоит нелегкая ночь.

— В последнее время у меня все ночи нелегкие, — с горечью ответил он. — Чем эта будет хуже предыдущей?

— Офалум, ваша светлость. Ваше тело жаждет его. Через пару дней худшее останется позади, но до тех пор вас ждут... значительные неудобства.

— Говорите яснее!

— У вас будут болеть зубы и голова, вы будете обливаться потом, вас будет тошнить, вас будут мучить судороги и спазмы, особенно в ногах и спине. Вы можете потерять контроль над своим кишечником, вас будут попеременно терзать приступы сильной жажды и рвоты.

Я сидел, глядя в пол.

— Извините, ваша светлость.

Под конец описания лицо маэра изрядно вытянулось, однако он сдержанно кивнул.

— Я предпочитаю знать об этом заранее.

— Есть кое-что, что способно облегчить ваши страдания, ваша светлость.

Он немного оживился.

— Например?

— Например, лауданум. Буквально чуть-чуть лауданума, чтобы успокоить тягу вашего тела к офалуму. Есть и еще средства. Неважно, как

они называются. Я мог бы заварить вам настой. Еще одна проблема состоит в том, что в вашем теле скопилось большое количество свинца и само по себе это не пройдет.

Это встревожило его куда больше, чем все, что я говорил до сих пор.

— Разве он не выйдет естественным путем?

Я покачал головой.

— Отравление металлами — коварная штука. Металлы накапливаются в теле. Потребуется специальные усилия, чтобы высосать свинец наружу.

Маэр насупился.

— Дьявольщина! Терпеть не могу пиявок!

— Да нет, ваша светлость, это просто фигура речи. В наше время пиявки ставят только неучи и шарлатаны. Свинец из тела требуется вытянуть.

Я подумал, не сказать ли ему правду — что он, по всей вероятности, так и не сумеет окончательно избавиться от него по гроб жизни, — но решил оставить эти сведения при себе.

— А вы это сделать можете?

Я надолго задумался.

— Пожалуй, никого лучше меня вам не найти, ваша светлость. Университет далеко. Бьюсь об заклад, из десяти здешних врачей едва ли один обучен толком, к тому же я не знаю, кто из них водит дружбу с Кавдикусом.

Я поразмыслил еще и покачал головой.

— Я знаю как минимум полсотни людей, которые управились бы с этим лучше меня, но все они за полторы тысячи километров отсюда.

— Я ценю вашу честность.

— Большую часть необходимых припасов я могу отыскать внизу, в Северене-Нижнем. Однако...

Я умолк, надеясь, что маэр поймет, к чему я клоню, и избавит меня от неприятной необходимости просить денег.

Он непонимающе смотрел на меня.

— Однако?

— Мне потребуются деньги, ваша светлость. То, что вам необходимо, добыть не так-то просто.

— О да, конечно!

Он достал кошелек и протянул его мне. Я был несколько изумлен, увидев, что у маэра под рукой имеется как минимум один туго набитый кошелек. Я невольно вспомнил напыщенную фразу, которую сказал портному в Тарбеане много лет тому назад. Что я тогда изрек? «Рука

джентльмена никогда не бывает далеко от кошелька»? Я с трудом удержался от неуместного смеха.

Вскоре вернулся Стейпс. Расторопный дворецкий добыл целую дюжину капелюшек и посадил их в клетку на колесиках размером с добрый шкаф.

— Право же, Стейпс! — воскликнул маэр, когда слуга вкатил в дверь клетку, обтянутую мелкой сеткой. — Вы превзошли себя!

— Где вам угодно ее поставить, сэр?

— Оставьте пока прямо здесь. Я потом велю Квоуту ее подвинуть, куда нужно.

Стейпс был несколько уязвлен.

— Да мне, право, несложно...

— Я знаю, что вы это сделаете с удовольствием, Стейпс. Но я хотел, чтобы вы принесли мне кувшин свежей яблочницы. Я надеюсь, что она поможет мне успокоить желудок.

— Да, конечно! — и дворецкий бросился прочь, затворив за собой дверь.

Как только он удалился, я подошел к клетке. Крохотные птички, похожие на самоцветы, перепархивали с жердочки на жердочку со стремительностью, неуловимой для глаз. Я услышал, как Маэр произнес:

— Славные пташки. В детстве они меня буквально завораживали. Я еще, помню, думал, как чудесно было бы целыми днями питаться одним только сахаром...

Снаружи к клетке было прикручено три кормушки: стеклянные трубочки, наполненные сладкой водой. Носики двух кормушек были сделаны в виде маленьких цветков селаса, третий выглядел как стилизованный ирис. Идеальные питомцы для аристократов. Кто еще может себе позволить каждый день кормить птичек сахаром?

Я открыл крышечки кормушек и влил в каждую из них треть маэрова лекарства. Пустой пузырек я протянул маэру.

— Куда вы их обычно деваете?

Он поставил пузырек на столик у кровати.

Я следил за клеткой, пока не увидел, как одна из пташек подлетела к кормушке и стала пить.

— Если вы скажете Стейпсу, что желаете кормить их сами, можно ли рассчитывать, что он не будет трогать их пищу?

— Да. Он всегда делает то, что я велю.

— Хорошо. Пусть же они опустошат кормушки, прежде чем вы наполните их снова. Таким образом они получают заранее известную дозу, и

мы быстрее увидим результат. Куда вам поставить эту клетку?

Он окинул комнату взглядом, вяло двигая глазами.

— Возле комода в гостиной, — сказал он наконец. — Клетка будет мне видна отсюда.

Я аккуратно укатил клетку в соседнюю комнату. Когда я вернулся, то увидел Стейпса, наливающего маэру стакан яблочницы.

Я поклонился Алверону.

— Я могу идти, ваша светлость?

Он жестом отпустил меня.

— Стейпс, Квоут еще вернется сегодня. Впустите его, даже если я буду спать.

Стейпс напряженно кивнул и снова взглянул на меня неодобрительно.

— Возможно, он кое-что мне принесет. Прошу вас, никому об этом не говорите.

— Милорд, если вам что-нибудь нужно...

Алверон устало улыбнулся.

— Я знаю, что вы это добудете, Стейпс. Но пусть мальчик тоже пользу приносит. Вас я предпочитаю иметь при себе.

Алверон похлопал дворецкого по руке, и Стейпс, похоже, смягчился. Я вышел из комнаты.

* * *

Поход в Северен-Нижний отнял у меня на несколько часов больше, чем это требовалось. Заминка меня бесила, но без этого было никак нельзя. Идя по улицам, я обнаружил, что за мной следят.

Это меня не удивило. Судя по тому, что я успел повидать при дворе маэра, наполненном слухами и сплетнями, я предполагал, что вслед за мной отправят пару слуг, проследить, что я делаю в Северене-Нижнем. Как я уже говорил, к тому времени придворные маэра сгорали от любопытства, желая знать, кто я такой, а вы представить себе не можете, на что способны скучающие аристократы ради того, чтобы сунуть нос в чужие дела.

То, что обо мне будут сплетничать, меня не особо тревожило, но вот последствия сплетен могли быть катастрофическими. Если Кавдикус прослышит, что после визита к маэру я отправился по аптекам, что он может предпринять? Человек, готовый отравить самого маэра, не задумываясь затушит меня, как свечку.

А потому, чтобы избежать подозрений, я, спустившись в Северен,

первым делом отправился обедать. Я заказал славную горячую похлебку и дешевого ячменного хлеба. Мне до смерти надоели изысканные блюда, успевавшие к тому времени, как мне их приносили, остыть до температуры парного молочка.

Потом я купил пару фляжек, из тех, в которые обычно наливают бренди. Потом с полчаса глазел на углу на представление небольшой бродячей труппы: я застал конец «Призрака и гусятницы». То были не эдема руэ, но они неплохо выступали. И кошелек маэра был достаточно щедр к ним, когда они пустили шляпу по кругу.

Под конец я зашел в приличную аптеку. Я купил несколько разных снадобий, нервно, как бы наугад. После того как я приобрел все, что мне требовалось, и кое-что из того, что мне вовсе не требовалось, я наконец неловко осведомился у аптекаря, что бы такого попринять, если у человека... ну... проблемы... в общем, это... в постели.

Аптекарь кивнул с серьезным видом и с непроницаемым лицом порекомендовал мне несколько препаратов. Я купил понемножку каждого из них, потом грубо и бестолково попытался сначала запугать его, а потом дать ему денег, чтобы он молчал. К тому времени, как я наконец убрался, аптекарь был разобижен и всерьез раздражен. Если бы его спросили обо мне, он бы рассказал всем желающим о хамоватом джентльмене, который интересовался средствами от постельной немочи. Не то чтобы я стремился увенчать этим свою репутацию, но, по крайней мере, так до Кавдикуса точно не дойдет, что я покупал лауданум, яснотку, некусай и прочие не менее подозрительные снадобья.

Наконец я выкупил из заклада свою лютню. У меня в запасе оставался еще целый день. В результате деньги в маэровом кошельке практически иссякли, но это было мое последнее дело. К тому времени, когда я вернулся к подножию Крути, солнце уже садилось.

Если вы хотели попасть из Северена-Нижнего в Северен-Верхний, вариантов у вас было не так уж много. Чаще всего пользовались двумя узкими лестницами, которые вились по склону Крути. Лестницы были старые, осыпающиеся, местами чересчур узкие, зато бесплатные, а потому простые люди, живущие в Северене-Нижнем, обычно ходили там.

Для тех, кому не нравилось карабкаться на семьдесят метров вверх по тесным лестницам, были и другие возможности. Грузовыми подъемниками управляли двое бывших студентов Университета — не полные арканисты, но толковые мужики, достаточно разбирающиеся в симпатии и механике, чтобы выполнять простую задачу по подъему и спуску повозок и лошадей на просторной деревянной платформе.

Для пассажиров проезд на подъемнике стоил пенни за подъем и полпенни за спуск, но частенько приходилось дожидаться, пока какой-нибудь купец загрузит или разгрузит свои товары, прежде чем подъемник пускался в путь.

Аристократы на подъемниках не ездили. Традиционная винтийская подозрительность по отношению ко всему, что хоть отдаленно связано с магией, заставляла их пользоваться конными лифтами. Лифты тянули двадцать лошадей, впряженных в сложную систему блоков. Это означало, что конные лифты поднимали несколько быстрее, и подъем на них стоил целый полновесный серебряный бит. А главное, примерно раз в месяц какой-нибудь аристократишка по пьянке падал с них и разбивался насмерть, что только добавляло им популярности, поскольку демонстрировало избранность клиентуры.

Поскольку деньги у меня в кошельке были не мои, я решил воспользоваться конным лифтом.

Я присоединился к четырем джентльменам и одной даме, которые уже ждали своей очереди, дождался, пока лифт опустится, отдал в уплату тонкий серебряный бит и вступил на лифт.

Лифт представлял собой открытую коробку, обнесенную по краю латунными перилами. К углам были присоединены толстые пеньковые канаты, что обеспечивало платформе некоторое равновесие, однако при любом резком движении она принималась раскачиваться самым неприятным образом. С каждой группой пассажиров ездил вверх-вниз хорошо одетый мальчик, он открывал и закрывал дверцу и подавал сигнал погонщикам наверху, когда начинать тянуть.

Среди знати принято было во время подъема поворачиваться к Северену спиной. Глазеть по сторонам — дело черни. Но я, не особенно заботясь о том, что подумают обо мне эти аристократы, стоял у передних перил. По мере того как мы поднимались все выше, мое нутро слегка выворачивало.

Я смотрел на раскинувшийся внизу Северен. Это был древний город, гордый город. Высокая каменная стена, что его опоясывала, свидетельствовала о давно минувших тревожных временах. И то, что даже в нынешние спокойные времена укрепления поддерживали в идеальном состоянии, многое говорило о маэре. На всех трех воротах стояла стража, и по вечерам, после заката, ворота запирали.

По мере того как лифт поднимался все выше, разные районы Северена представляли передо мной так отчетливо, как будто внизу раскинулась карта города. Вот богатый район, с садами и парками, дома — сплошь кирпич и

тесаный камень. Вот бедные кварталы, с узкими извилистыми улочками, с крышами, крытыми дранкой и промазанными варом. У подножия скалы виднелся черный шрам — здесь по городу когда-то прошелся пожар, оставивший после себя лишь черные остовы зданий.

Увы, поездка окончилась слишком быстро. Прочие господа заторопились к выходу, а я пока облокотился на перила, глядя на город далеко внизу.

— Сэр! — устало окликнул меня мальчик, управлявший лифтом. — Все уже сошли.

Я повернулся, ступил с платформы на землю и увидел Денну. Она стояла первой в очереди на спуск.

Я не успел ничего предпринять — только стоял и в изумлении пялился на нее. Она обернулась и встретилась со мной взглядом. Лицо ее озарилось радостью. Она вскрикнула: «Квоут!», бросилась ко мне и очутилась в моих объятиях прежде, чем я сообразил, что происходит. Я обнял ее и прижался щекой к ее уху. Мы встретились непринужденно, как танцоры. Как будто мы уже тысячу раз репетировали эти объятия. Она была теплая и мягкая.

— Ты что тут делаешь? — спросила она. Сердце у нее отчаянно колотилось, я чувствовал, как оно трепещет возле моей груди.

Я стоял как немой. Она отступила на шаг. Я только теперь заметил старый, уже желтеющий синяк у нее на скуле. Но все равно она была самым прекрасным из того, что я видел за последние два месяца, хотя и преодолел полторы тысячи километров.

— А ты что тут делаешь? — спросил я.

Она расхохоталась своим серебристым смехом, потянулась, чтобы коснуться моей руки. Потом она заглянула мне за спину и забеспокоилась.

— Пойдите! — крикнула она мальчишке, который закрывал дверцу, ведущую на лифт. — Мне надо уехать этим лифтом, а то я опоздаю. — Она выкрикнула это с мучительно-виноватым выражением на лице и, обойдя меня, вступила на платформу. — Ты заходи ко мне, ладно?

Мальчишка запер за ней дверцу, и сердце у меня упало: лифт пошел вниз.

— А где тебя искать?

Я подступил к самому краю Крути, глядя, как она исчезает внизу.

Она задрала голову. Ее лицо смутно белело в темноте, ее волосы казались тенью в ночи.

— Вторая улица к северу от Главной: улица Жестянщиков!

Сумерки поглотили ее, и внезапно я остался один на утесе.

Я стоял неподвижно, вокруг меня по-прежнему витал ее аромат, руки

еще ощущали ее тепло. Я чувствовал трепет ее сердца, словно пойманную птичку у себя на груди.

ГЛАВА 61

ЯСНОТКА

Наведавшись в Северен, я отнес футляр с лютней к себе в комнаты и поспешно бросился в покои Алверона. Стейпс был не особенно рад меня видеть, однако проводил меня к маэру со своей обычной торопливой деловитостью.

Алверон лежал в поту и в полузабытьи, его простыни и покрывала сбились в ком. Я только теперь заметил, как он исхудал. Руки и ноги сделались совсем тощие, лицо из бледного стало сероватым. Когда я вошел, он гневно зыркнул на меня.

Стейпс заботливо поправил на маэре одеяло и усадил его, подложив под спину подушку. Маэр стоически перенес все эти манипуляции, потом сказал: «Спасибо, Стейпс» — тоном, ясно дающим понять, что дворецкий может идти. Стейпс нехотя удалился, на прощание взглянув на меня крайне нелюбезно.

Я подошел к постели маэра и достал из карманов плаща несколько предметов.

— Я нашел все, что требуется, ваша светлость. Хотя и не все, что надеялся найти. Как вы себя чувствуете?

Он бросил на меня весьма красноречивый взгляд.

— Однако вы не спешили вернуться! Пока вас не было, заходил Кавдикус.

Я с трудом унял прилив тревоги.

— И что произошло?

— Он спросил меня, как я себя чувствую, и я ответил правду. Он заглянул мне в глаза, посмотрел горло, спросил, не тошнило ли меня. Я сказал, что да, попросил принести новую порцию лекарства и чтобы меня оставили в покое. Он ушел и прислал лекарство.

Меня охватила паника.

— И вы его выпили?

— Если бы вы задержались еще ненадолго, я бы его выпил, и к черту все ваши сказочки.

Он достал из-под подушки новый пузырек.

— Не вижу, какой от этого может быть вред. По-моему, я уже умираю.

Он сердито сунул его мне.

— Я думаю, что сумею поправить дело, ваша светлость. Помните, что сегодняшняя ночь будет самой тяжелой. И завтра тоже будет плохо. А потом должно стать лучше.

— Если я доживу, — буркнул он.

Это было всего лишь капризное ворчание больного, однако оно так точно отражало мои собственные мысли, что по спине у меня пробежал холодок. Прежде я не рассматривал возможность того, что маэр может умереть, невзирая на мое вмешательство. Но теперь, когда я увидел его воочию, хрупкого, посеревшего, дрожащего, я осознал истину: он может не дожить до утра.

— Для начала выпейте это, ваша светлость, — я достал фляжку.

— Бренди? — спросил он со скрываемой надеждой. Я покачал головой и отвинтил крышку. Он скривился и снова опустился на подушки. — Зубы Господни! Мало того, что я умираю, так еще и это! Рыбий жир?

Я кивнул с серьезным видом.

— Сделайте два больших глотка, ваша светлость. Это часть лечения.

Он даже руки не протянул.

— Я эту дрянь никогда не переваривал, а в последнее время меня тошнит даже от чая. Я не стану давиться им только для того, чтобы потом вернуть все обратно.

Я кивнул и закрыл фляжку.

— Я дам вам кое-что, чтобы это предотвратить.

На столике возле кровати стоял чайник, и я принялся заваривать ему чай.

Он слабо вытянул шею, чтобы посмотреть, что я делаю.

— Что вы туда сыплете?

— Средство от тошноты и средство, которое должно помочь вам вывести яд из организма. Немного лауданума, чтобы смягчить ломку. И чай. Ваша светлость пьет чай с сахаром?

— Обычно без. Но, подозреваю, без сахара ваше пойло будет на вкус как болотная вода.

Я насыпал в отвар ложку сахара, размешал и протянул ему чашку.

— Выпейте первым! — приказал Алверон. Бледный и мрачный, он смотрел на меня пронзительными серыми глазами и улыбался жуткой улыбкой.

Я заколебался, но всего лишь на миг.

— За здоровье вашей светлости, — сказал я и отхлебнул внушительный глоток. Потом поморщился и сыпанул еще ложку сахара. — Да, ваша светлость совершенно правы. Как есть болотная вода.

Он взял чашку обеими руками и принялся пить быстрыми, решительными глотками.

— Мерзость, — коротко сказал он. — Но все же лучше, чем ничего. Знаете ли вы, какой это ад: испытывать жажду, но не пить из страха выблевать воду? Собаке такого не пожелаю.

— Погодите немного, не допивайте до конца, — предупредил я. — Через несколько минут ваш желудок должен успокоиться.

Я ушел в соседнюю комнату и влил новый пузырек с лекарством в кормушки мимолеток. Я с облегчением увидел, что они охотно пьют нектар с лекарством. А то я опасался, что они начнут избегать кормушек из-за того, что жидкость изменила цвет, или повинуюсь какому-нибудь природному инстинкту самосохранения.

Кроме того, я боялся, что свинец для капелюшек не ядовит. И что им потребуется целый оборот, чтобы отравление начало сказываться. Меня тревожила нарастающая раздражительность маэра. И его болезнь. И то, что я, возможно, вообще ошибся и все понял неправильно.

Вернувшись к постели маэра, я увидел, что он держит на коленях пустую чашку. Я сделал вторую чашку такого же отвара, и он быстро его выпил. Потом мы с четверть часа сидели молча.

— Как вы себя чувствуете, ваша светлость?

— Лучше, — нехотя признался он. Я обратил внимание, что его речь сделалась несколько невнятной. — Намного лучше.

— Вероятно, это лауданум, — объяснил я. — Однако ваш желудок должен был уже успокоиться...

Я взял фляжку с рыбьим жиром.

— Два больших глотка, ваша светлость!

— Неужели, кроме этого, ничто не поможет? — с отвращением спросил он.

— Будь у меня доступ к университетским аптекарям, я бы, возможно, нашел что-нибудь поприятнее, но в данный момент это единственное, что может помочь.

— Тогда заварите еще чашку чаю, чтобы было чем запить.

Маэр взял фляжку, отпил два крошечных глотка и вернул ее мне. Сделав это, он жутко скривил рот.

Я вздохнул про себя.

— Если вы собираетесь отхлебывать по чуть-чуть, мы и до завтра не управимся. Ну давайте, два больших, полновесных глотка, таких, какими моряки пьют дешевый виски.

Он накупился.

— Не смейте говорить со мной как с ребенком!

— Тогда ведите себя как мужчина! — резко ответил я. Он был так ошарашен, что ничего не сказал. — По два глотка каждые четыре часа. К завтрашнему дню фляжка должна быть пуста.

Его серые глаза грозно сузились.

— Будьте любезны не забывать, с кем разговариваете!

— Я разговариваю с больным, который не желает пить лекарство, — ответил я ровным тоном.

В затуманенных лауданумом глазах вспыхнул гнев.

— Пол-литра рыбьего жира — это не лекарство! — прошипел он. — Это неразумное и злокозненное требование. Я этого пить не буду!

Я смерил его своим фирменным уничтожающим взглядом и выхватил фляжку у него из руки. Не отводя глаз, я выпил все до капли. Рыбий жир глоток за глотком лился мне в горло, и все это время я смотрел маэру в глаза. Я видел, как его гнев сменился брезгливостью, а под конец у него на лице застыло выражение немого ужаса, смешанного с отвращением. Я перевернул фляжку вверх дном, провел пальцем по горлышку изнутри и облизал палец.

Потом достал из кармана плаща вторую фляжку.

— Это была ваша завтрашняя доза, но вам придется выпить ее нынче ночью. Можно по одному глотку каждые два часа, если вам так легче.

Я протянул фляжку ему, по-прежнему не отводя взгляда.

Он молча взял ее, сделал два больших глотка и с мрачной решимостью закрыл пробку. Когда имеешь дело со знатью, всегда лучше напирать на гордость, чем на логику.

Я порылся в одном из карманов своего роскошного вишневого плаща и выудил оттуда кольцо маэра.

— Я забыл вернуть его вам прежде, ваша светлость.

Я протянул ему кольцо.

Он потянулся было за ним, потом передумал.

— Оставьте его пока себе, — сказал он. — Полагаю, вы это заслужили.

— Благодарю вас, ваша светлость, — сказал я, стараясь ничем не выдать своих чувств. Он не предлагал мне носить кольцо, однако уже то, что он позволил мне оставить его себе, было ощутимым шагом вперед в наших взаимоотношениях. Независимо от того, как пойдет дело со сватовством к леди Лэклесс, сегодня я сумел произвести на него впечатление.

Я налил ему еще чаю и решил дать последние наставления, пока он готов меня слушать.

— Ваша светлость, нынче ночью вам нужно допить этот отвар. Но не забывайте: это все, что у вас есть до утра. Когда вы пошлете за мной, я заварю вам еще. Старайтесь пить как можно больше жидкости. Лучше всего — молоко. Добавьте в него меду, с медом оно лучше пойдет.

Он кивнул и, похоже, начал дремать. Понимая, какой трудной будет для него эта ночь, я позволил ему заснуть. Я собрал свои вещи и вышел из комнаты.

Стейпс ждал во внешних покоях. Я сказал ему, что маэр спит, и предупредил, чтобы он не выливал заваренный чай, потому что его светлость будет его пить, когда проснется.

Взгляд, которым проводил меня Стейпс, был не просто ледяным, как прежде. Он был ненавидящим, почти убийственным. И только когда он затворил за мной дверь, я сообразил, как это должно выглядеть с его точки зрения. Он предполагал, будто я решил воспользоваться болезнью маэра, для того чтобы достичь своих собственных целей.

На свете немало подобных людей: странствующих лекарей, которые не стыдятся играть на страхах безнадежно больных. Взять хотя бы Яснотку, шарлатана из «Трех пенни за желание». Один из самых мерзких персонажей во всей пьесе: я еще не слышал, чтобы зрители не разразились аплодисментами, когда он оказывается у позорного столба в четвертом акте.

Памятуя об этом, я задумался, насколько слабым и посеревшим выглядел маэр. Когда я жил в Тарбеане, мне случалось видеть, как принудительное лишение офалума убивало здоровых молодых людей, а маэр не был ни молод, ни здоров.

А если он умрет, кого будут винить? Уж конечно, не Кавдикуса, опытного советника! И не Стейпса, преданного дворецкого...

А меня. Во всем обвинят меня. Ведь его состояние и в самом деле ухудшилось вскоре после моего приезда. Я не сомневался, что Стейпс не замедлит предать огласке тот факт, что я оставался с маэром наедине у него в спальне. Что я заваривал ему чай перед тем, как ему сделалось совсем худо.

В лучшем случае меня примут за юного Яснотку. В худшем — за наемного убийцу.

Вот о чем думал я, шагая по коридорам дворца маэра к себе в комнаты. Задержался я только затем, чтобы высунуться в одно из окон, выходящих на Северен-Нижний, и выблевать пол-литра рыбьего жира.

ГЛАВА 62

КРИЗИС

На следующее утро я еще до восхода отправился в Северен-Нижний. Я позавтракал горячей яичницей с картошкой, дожидаясь, пока откроется аптека. Управившись с завтраком, я купил еще две пол-литровые фляжки рыбьего жира и кое-какие снадобья, о которых позабыл накануне.

Потом прошел из конца в конец всю улицу Жестянщиков, надеясь встретить Денну, хотя было слишком рано и она наверняка еще не встала. На булыжных мостовых теснились повозки и крестьянские телеги. Наиболее предприимчивые нищие занимали самые бойкие углы, торговцы вывешивали вывески и распахивали ставни.

Я насчитал на улице Жестянщиков двадцать три трактира и постоянных двора. Отметив те, которые могла бы предпочесть Денна, я заставил себя отправиться назад, во дворец маэра. На этот раз я сел на грузовой подъемник, отчасти для того, чтобы сбить с толку тех, кто мог следить за мной, но отчасти и потому, что кошелек, выданный мне маэром, почти совсем опустел.

Поскольку мне нужно было делать вид, будто все идет как обычно, я сидел у себя в комнатах, дожидаясь, пока маэр за мной придет. Я послал карточку и кольцо Бредону, и вскоре он уже сидел напротив меня, разнося меня в тэк и рассказывая байки.

— ...И маэр велел уморить его голодом в железной клетке. Его подвесили прямо напротив восточных ворот. Он провисел там несколько дней, завывая и бранясь. Орал, что он, мол, невиновен. Что это несправедливо и он требует суда.

Я просто не мог в это поверить.

— В железной клетке?

Бредон кивнул с серьезным видом.

— Да, в настоящей железной клетке, совсем как в старые добрые времена. Кто его знает, где он ее откопал в наши дни. Прямо как в пьесе.

Я искал, что бы такое сказать, достаточно обтекаемое. Это звучало вопиющей дикостью, но я понимал, что открыто осуждать маэра лучше не стоит.

— Ну, — сказал я, — с разбойниками все-таки бороться надо...

Бредон хотел было двинуть фишку, потом раздумал.

— Ну, по правде говоря, многие полагали, что его поступок изрядно отдает... — он кашлянул. — Отдает дурным вкусом. Но вслух этого никто не говорил, если вы понимаете, что я имею в виду. История была грязная. Однако же она произвела желаемое впечатление.

Он наконец сделал ход, и некоторое время мы играли молча.

— Странное дело, — заметил я. — Я тут встретил человека, который понятия не имеет, какое место занимает Кавдикус в придворной иерархии.

— Ну, тут нет ничего особенно удивительного.

Бредон указал на доску.

— Система посылания и получения колец во многом похожа на тэк. На вид правила проще простого. Но когда доходит до дела, они оказываются весьма сложными.

Он убрал с доски фишку. Его темные глаза насмешливо щурились.

— По правде говоря, я на днях объяснял все тонкости этого обычая чужеземцу, не сведущему в подобных делах.

— Это было весьма любезно с вашей стороны, — сказал я.

Бредон величаво кивнул.

— На первый взгляд кажется, будто все просто, — сказал он. — Барон главнее баронета. Но временами свежие деньги перевешивают старую кровь. Временами контроль над переправой важнее, чем то, сколько солдат ты способен вывести в поле. Временами оказывается, что некий человек — более чем один человек с формальной точки зрения. Вот граф Сванисский, благодаря замысловатым причудам наследования, в то же время является виконтом Тевнским. Один человек воплощает в себе сразу две политические сущности.

Я улыбнулся.

— Матушка мне рассказывала, что знавала человека, который приходился вассалом самому себе. Он был обязан ежегодно выплачивать себе самому часть своих собственных налогов и в случае военной угрозы, согласно договору, явиться на помощь самому себе по первому зову с отрядом преданных воинов.

Бредон кивнул.

— Такое бывает куда чаще, чем можно подумать, — сказал он. — Особенно в самых старинных семьях. Вот, к примеру, Стейпс существует сразу в нескольких ипостасях.

— Стейпс? — переспросил я. — Но разве он не просто дворецкий?

— Ну-у... — задумчиво протянул Бредон. — Он, конечно, дворецкий. Но отнюдь не «просто дворецкий». Он довольно старинного рода, хотя никаким титулом и не владеет. Формально он не выше, чем какой-нибудь

повар. Однако ему принадлежат обширные владения. У него водятся деньги. И он слуга самого маэра. Они знакомы с детства. И всем известно, что Алверон прислушивается к его мнению.

Темные глаза Бредона взглянули на меня.

— И кто бы посмел оскорбить подобного человека железным кольцом? Зайдите к нему в комнаты, и вы увидите истину: кольца в его вазочке сплошь золотые.

* * *

Вскоре после того, как мы закончили игру, Бредон извинился и ушел, сказав, что его ждет ранее назначенная встреча. По счастью, теперь у меня была лютня и мне было чем занять время. Я принялся настраивать ее, проверять лады, возиться с колком, который то и дело ослабевал. Мы с ней слишком давно не виделись, а чтобы заново привыкнуть друг к другу, требуется время.

Прошло несколько часов. Я поймал себя на том, что рассеянно наигрываю «Жалобу Яснотки», и заставил себя прекратить. Миновал полдень. Мне принесли обед, потом прибрали со стола. Я заново настроил лютню, сыграл несколько гамм. Сам того не замечая, я заиграл «Беги из города, лудильщик». И только тогда сообразил, что пытаются подсказать мне мои руки. Будь маэр жив, он бы уже вызвал меня...

Я позволил струнам умолкнуть и принялся лихорадочно соображать. Надо уходить. Немедленно. Стейпс видел, как я принес маэру лекарство. Меня могут даже обвинить в том, что я что-то подлил в пузырек, полученный от Кавдикуса.

Меня стало колотить изнутри от ужаса: я мало-помалу осознавал, что положение мое безнадежно. Я не так хорошо знаю дворец маэра, чтобы ускользнуть незамеченным. Сегодня утром, по пути в Северен-Нижний, я и то сбился с пути, и мне пришлось спрашивать дорогу.

В дверь постучали — громче обычного, настойчивей, чем мальчуган-посыльный, который приносил мне приглашение маэра. Стража! Я застыл в своем кресле. Что будет лучше: открыть дверь и во всем признаться? Или же выпрыгнуть через окно в сад и попытаться все-таки сбежать?

В дверь постучали еще раз, погромче.

— Сэр! Сэр!

Сквозь дверь голос был слышен не очень хорошо, но это не был голос стражника. Я отворил дверь и увидел мальчика с подносом, на котором

лежало железное кольцо маэра и карточка.

Я взял то и другое. На карточке трясущейся рукой было нацарапано одно-единственное слово: «Бегом!»

* * *

Стейпс выглядел непривычно взъерошенным и встретил меня ледяным взглядом. Вчера он смотрел на меня так, словно хотел, чтобы я сдох и меня закопали. Теперь же его взгляд давал понять, что закопать можно и так.

Спальня маэра была щедро разукрашена цветами селаса. Их тонкий аромат почти заглушал вонь, которую они призваны были скрыть. Плюс растрепанный вид Стейпса, и мне стало ясно, что мои прогнозы насчет самой тяжелой ночи были недалеки от истины.

Алверон сидел на кровати, опираясь спиной на подушки. Выглядел он так, как и следовало ожидать: изможденным, однако уже не таким потным и терзаемым болью. На самом деле выглядел он почти как ангел. Он восседал в прямоугольнике солнечного света, кожа его слегка светилась, и растрепанные волосы сияли вокруг головы серебряным венцом.

Когда я подошел вплотную, он открыл глаза, и все благолепие развеялось. У ангелов не бывает такого пронзительного взгляда.

— Надеюсь, ваша светлость хорошо себя чувствует? — любезно осведомился я.

— Сносно, — ответил он. Но это был чисто формальный ответ, который мне ничего не сказал.

— Ну а чувствуете-то вы себя как? — спросил я уже менее светским тоном.

Он смерил меня пристальным взглядом, давая понять, что ему не нравится, когда я обращаюсь к нему так фамильярно, потом сказал:

— Старым. Старым и слабым.

Он перевел дух.

— Однако, несмотря на все это, мне лучше, чем в предыдущие несколько дней. Слабая боль, и еще я очень устал. Однако я чувствую себя... чистым. Думаю, кризис миновал.

Про прошедшую ночь я расспрашивать не стал.

— Вам заварить еще чаю?

— Да, будьте добры.

Маэр говорил ровным, вежливым тоном. Не в силах угадать его настроение, я поспешно заварил чай и протянул ему чашку.

Он пригубил чай и взглянул на меня.

— Он какой-то другой на вкус.

— В нем меньше лауданума, — объяснил я. — Слишком большая доза лауданума может повредить вашей светлости. Ваше тело впадет в зависимость от него точно так же, как прежде от офалума.

Он кивнул.

— Обратите внимание, мои пташки живы-здоровы, — заметил он как-то слишком небрежно.

Я заглянул в соседнюю комнату и увидел, что капелюшки как ни в чем не бывало порхают по своей золоченой клетке. Я похолодел, понимая, что означает это замечание. Он по-прежнему не верил, что Кавдикус пытается его отравить.

Я был слишком ошеломлен, чтобы сразу найти ответ, но через пару секунд наконец сумел выдавить:

— Их здоровье заботит меня гораздо меньше, чем ваше. Ведь вам же лучше, не так ли, ваша светлость?

— Такова уж природа моей болезни. Она накатывает приступами, потом вновь отступает.

Маэр поставил чашку. Он отпил не больше четверти.

— В конце концов она оставляет меня вовсе, и Кавдикус может месяцами болтаться в чужих краях, добывая ингредиенты для своих амулетов и зелий. Кстати, — сказал он, складывая руки на коленях, — не будете ли вы столь любезны принести от Кавдикуса мое лекарство?

— Да, конечно, ваша светлость.

Я заставил себя улыбнуться, стараясь не обращать внимания на тревогу, поднимающуюся в груди. Я прибрал беспорядок, который устроил, заваривая ему чай, и распищал свертки и кулечки с травами по карманам своего вишневого плаща.

Маэр милостиво кивнул, закрыл глаза и, похоже, снова погрузился в мирную солнечную дрему.

* * *

— О, наш начинающий историк! — воскликнул Кавдикус, жестом пригласил меня войти и указал на кресло. — Прошу прощения, я на секундочку!

Я опустился в мягкое кресло и только теперь обратил внимание на выставку колец на соседнем столике. Кавдикус устроил для них

специальную подставку. Каждое кольцо лежало именем наружу. Их было много-много, и серебряных, и железных, и золотых.

Мое золотое кольцо и железное кольцо Алверона лежали на отдельном подносике на том же столе. Я забрал их, обратив внимание на этот непринужденный способ вернуть кольцо без лишних слов.

Я с молчаливым любопытством разглядывал просторную комнату в башне. Чего ради он может пытаться отравить маэра? Это место — просто идеал любого арканиста, не считая, разумеется, самого Университета.

Любопытствуя, я поднялся на ноги и подошел к книжному шкафу. Библиотека у Кавдикуса была весьма внушительная, на полках теснилось не менее сотни книг. Многие названия были мне знакомы. Некоторые имели отношение к химии. Другие были алхимическими трактатами. В третьих речь шла о естественных науках, травничестве, физиологии, бестиологии. Большинство же книг, по всей видимости, представляли собой исторические труды.

Тут меня осенила мысль. Быть может, я сумею воспользоваться природной винтийской склонностью к суевериям. Если Кавдикус серьезный ученый и притом хотя бы наполовину суеверен, как все винтийцы, он может что-то знать о чандрианах. А главное, раз я строю из себя малоумного аристократика, мне не придется тревожиться о том, что такие расспросы повредят моей репутации.

Кавдикус вынырнул из-за угла и, казалось, был слегка застигнут врасплох, обнаружив меня возле книжного шкафа. Однако он быстро взял себя в руки и вежливо улыбнулся.

— Нашли что-нибудь интересное?

Я обернулся, покачал головой.

— Да нет, не особенно. А вы что-нибудь знаете о чандрианах?

Кавдикус тупо уставился на меня, потом расхохотался.

— Я точно знаю, что они не заберутся к вам в спальню и не украдут вас из кровати! — сказал он и сделал мне «козу», как младенцу.

— Так вы не интересуетесь мифологией? — спросил я, подавив прилив разочарования при виде его реакции. Я попытался утешиться тем, что этот вопрос окончательно сделал меня в его представлении полоумным лордишкой.

Кавдикус фыркнул.

— Ну какая же это мифология! — пренебрежительно ответил он. — Это фольклором и то не назовешь! Так, вздорные суеверия. Я на такое времени не трачу. И ни один серьезный исследователь этим заниматься не станет.

Он принялся слоняться по комнате, закрывая бутылки и расставляя их по полкам, поправляя стопки бумаги, возвращая на место раскрытые книги.

— Кстати, о серьезных исследованиях: насколько я помню, вы интересовались семейством Лэклесс?

Я молча уставился на него. После всех событий вчерашнего и сегодняшнего дня я едва не забыл свою давешнюю выдумку насчет генеалогии в анекдотах.

— Да, если вас не затруднит! — поспешил я с просьбой. — Я ведь уже говорил, что почти ничего про них не знаю.

Кавдикус кивнул с важным видом.

— Ну, в таком случае вам, возможно, не помешает поразмыслить над фамилией этого семейства.

Он поправил спиртовку под булькающим перегонным кубом, опутанным впечатляющим нагромождением медных трубок. Что бы он там ни гнал, вряд ли это было персиковое бренди.

— Видите ли, имена способны многое рассказать о своих владельцах.

Я ухмыльнулся, но поспешно спрятал улыбку.

— Да неужели?

Он обернулся как раз в тот момент, когда я сумел сделать серьезное лицо.

— Да-да! — произнес он. — Видите ли, имена и названия зачастую происходят от других, куда более древних. И чем древнее имя, тем ближе оно к истине. Фамилия Лэклесс возникла сравнительно недавно, никак не более шестисот лет назад.

Тут мне изображать изумление не пришлось.

— Шестьсот лет — это недавно?!

— Семейство Лэклесс — очень древнее.

Он перестал бродить по комнате и опустился в потертое кресло.

— Куда древнее дома Алверонов. Тысячу лет назад семья Лэклессов обладала не меньшей властью, чем Алвероны. Часть современного Винтаса, Модега, значительная доля малых королевств — все это некогда были земли Лэклессов.

— Но как же они назывались до того? — спросил я.

Он снял с полки толстую книгу и принялся нетерпеливо листать страницы.

— Вот! Это семейство звалось «Лоэклас», «Луклас» или «Лоэлэс». Все эти варианты переводятся одинаково: «без замка». В те дни люди куда меньше заботились о правописании.

— «В те дни» — это когда? — спросил я.

Он снова сверился с книгой.

— Лет девятьсот тому назад, но я видел и другие хроники, где Лоэжкласы упоминаются за тысячу лет до падения Атура.

Я выпучил глаза при мысли о семье, которая древнее империй.

— Так, значит, семья Лоэжклас сделалась семьей Лэжлесс? Но для чего им было менять фамилию?

— Некоторые историки дали бы отрубить себе правую руку, лишь бы ответить на этот вопрос! — сказал Кавдикус. — Принято считать, что в семье начались некие раздоры и род раскололся на несколько ветвей. Каждая ветвь взяла себе особое имя. Атуранская ветвь сделалась семьей Лэжжей. Они были весьма многочисленны, но их постигли тяжелые времена. Собственно, от их-то фамилии и происходит слово «лажей». Обедневшие аристократы, которые вынуждены были кланяться и выслуживаться, чтобы свести концы с концами.

На юге они сделались Лажлисами и мало-помалу были преданы забвению. То же самое вышло и с Кепсенами из Модега. Самая же обширная ветвь семейства находилась здесь, в Винтасе, если не считать того, что Винтаса тогда еще не существовало.

Он закрыл книгу и протянул ее мне.

— Могу одолжить ее вам, если угодно.

— Спасибо большое! — я взял книгу. — Вы, право, так добры...

Послышался далекий звон часового колокола.

— Ох, заболтался я, — сказал Кавдикус. — Время вышло, а я так и не сообщил вам ничего полезного.

— Ничего, немного исторических фактов тоже не повредит, — с благодарностью ответил я.

— Вы уверены, что вас не интересуют истории о других семьях? — спросил Кавдикус, подойдя к рабочему столу. — Вот не так давно я провел зиму в семействе Джажисов. Барон ведь вдовец, знаете ли. Весьма богат и несколько эксцентричен.

Он многозначительно вскинул брови и широко раскрыл глаза, давая понять, что с этим связано немало скандальных историй.

— Я, пожалуй, смогу припомнить пару историй, разумеется, при условии, что мое имя не будет упомянуто...

Я испытывал большое искушение выйти из роли ради такого дела, однако покачал головой.

— Быть может, когда я покончу с главой о Лэжлессах, — сказал я с самодовольством человека, поглощенного абсолютно бесполезным проектом. — Я веду серьезное исследование и не хочу, чтобы у меня в

голове все перепуталось.

Кавдикус слегка нахмурился, потом пожал плечами, закатал рукава и принялся готовить лекарство для маэра.

Я снова наблюдал за его приготовлениями. Алхимия тут была ни при чем. Я это знал, потому что видел, как работает Симмон. Это была даже не химия. Он явно просто готовил снадобье по рецепту. Но из чего именно?

Я смотрел, как он готовит лекарство, шаг за шагом. Сушеная трава — по всей видимости, некусай. Жидкость из бутылки с притертой пробкой — несомненно, муратум или аква фортис, во всяком случае, какая-то кислота. Кипя в свинцовой плошке, она растворяет в себе небольшое количество свинца, может быть, гранов пять. А белый порошок, вероятно, офалум.

Он добавил щепотку последнего ингредиента. Я даже предположить не мог, что это. Похоже на соль, но, с другой стороны, веществ, похожих на соль, очень много.

Повторяя привычные движения, Кавдикус пересказывал мне придворные сплетни. Старший сын Деферра выпрыгнул в окно борделя и сломал ногу. Леди Хешуа завела себе нового любовника, иллийца, он ни слова не знает по-атурански. Ходят слухи, что на королевском тракте к северу отсюда завелись разбойники, но слухи о грабителях ходят все время, так что тут нет ничего нового.

Вся эта болтовня меня нисколько не занимала, но я умею изображать интерес, когда надо. И все это время я наблюдал за Кавдикусом, ожидая, не выдаст ли он себя. Малейший намек на нервозность, капелька пота, мгновенное колебание... Нет, ничего. Никаких признаков того, что он готовит яд для маэра. Он явно чувствовал себя вполне комфортно и непринужденно.

Может ли оказаться так, что он травит маэра непреднамеренно? Исключено. Любой арканист, стоящий своего гильдера, достаточно разбирается в химии, чтобы...

И тут меня осенило. А вдруг Кавдикус вовсе не арканист? Вдруг это просто дядька в черной мантии, не видящий разницы между аллигатором и крокодилом? Может быть, он всего лишь ловкий самозванец, который травит маэра просто по неведению?

Может, он и в самом деле гонит персиковое бренди?

Он заткнул пузырек с янтарной жидкостью пробкой и протянул его мне.

— Вот, пожалуйста, — сказал он. — Смотрите, ступайте прямиком к нему! Пусть лучше выпьет снадобье, пока оно теплое.

Температура лекарства вообще не имеет никакого значения. Любой

медик это знает...

Я взял пузырек и указал на его грудь, как будто только теперь что-то заметил.

— Господи, а это что у вас? Амулет?

Поначалу он, похоже, смутился, потом вытащил из-под мантии кожаный шнурок.

— Своего рода, — ответил он со снисходительной улыбкой. На первый взгляд кусок свинца, который он носил на шее, и впрямь очень походил на гильдер арканума.

— Он вас от духов защищает, да? — вполголоса спросил я.

— Да-да, — небрежно ответил он. — От всего.

Я опасливо сглотнул.

— А потрогать можно?

Он пожал плечами и подался вперед, протянув мне амулет.

Я робко взял его двумя пальцами, потом отпрыгнул.

— Ой, оно кусается! — взвизгнул я с негодованием и испугом и затряс рукой.

Я увидел, что он с трудом сдерживает улыбку.

— Ну да. Наверно, надо его покормить...

Он снова спрятал его за пазуху.

— Ну, ступайте, ступайте!

Он махнул рукой в сторону двери.

Я отправился обратно в покои маэра, растирая на ходу онемевшие пальцы. Это был настоящий гильдер. Кавдикус был настоящий арканист. Он точно знал, что делает.

* * *

Я вернулся к маэру и минут пять поддерживал мучительно официальную светскую беседу, наполняя кормушки мимолеток еще теплым лекарством. Пичужки, как назло, были на удивление энергичны, жужжали крылышками и нежно чирикали.

Разговаривая со мной, маэр неторопливо прихлебывал чай и незаметно наблюдал за мной с кровати. Управившись с птичками, я простился и удалился настолько поспешно, насколько правила приличия это позволяли.

Хотя в разговоре мы не касались ничего серьезнее погоды, я чувствовал, что маэр хочет мне сказать, так отчетливо, словно он мне об этом написал. Он держит ситуацию под контролем. Он оставил выбор за

собой. И он мне не доверяет.

ГЛАВА 63

ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА

Вкусив ненадолго свободы, я снова оказался заперт у себя в комнатах. Хотя я надеялся, что худшее позади и маэр пошел на поправку, мне по-прежнему надо было быть под рукой, на случай, если его состояние ухудшится и он меня позовет. Я не мог даже ненадолго вырваться в Северен-Нижний, хотя мне отчаянно хотелось попасть на улицу Жестянщиков, в надежде отыскать Денну.

Поэтому я позвал Бредона, и мы приятно провели день за игрой в тэк. Мы играли партию за партией, и каждую из них я проигрывал все новыми, самыми примечательными способами. На этот раз, расставаясь со мной, Бредон оставил столик у меня, заявив, что его слуги устали таскать его туда-сюда.

Помимо игры в тэк с Бредоном и музыки, у меня появилось еще одно развлечение, хотя оно мне было и не по вкусу. Кавдикус действительно оказался заядлым сплетником, и при дворе разошелся слух, что я составляю генеалогию в анекдотах. И вот теперь, вдобавок к придворным, которые пытались выудить сведения обо мне, ко мне хлынул неиссякающий поток любителей вывешивать напоказ чужое грязное белье.

Кого мог, я отваживал, самым оголтелым предлагал сдавать свои истории в письменном виде. Удивительно, сколь многие из них действительно взяли на себя труд это сделать. На столе в одной из моих пустующих комнат начала расти целая кипа грязных побасенок.

* * *

На следующий день, когда маэр вызвал меня к себе, я, явившись, обнаружил Алверона сидящим в кресле возле кровати и читающим «Право королей» Фиорена в оригинале, на древневинтийском. Цвет лица у него был на удивление здоровый, и, когда он перевернул страницу, я не заметил, чтобы руки у него дрожали. Когда я вошел, он не взглянул в мою сторону.

Я молча заварил новую порцию чая кипятком, который ждал меня на столике у постели. Я налил чашку и поставил ее возле его руки.

Я проверил золотую клетку в гостиной. Мимолетки порхали вокруг

кормушек, играя в головокружительные догонялки в воздухе, отчего сосчитать их было не так-то просто. Однако я был практически уверен, что их по-прежнему двенадцать. Похоже, три дня питания ядом им ничуть не повредили. Я с трудом сдержал желание попинать клетку.

Наконец я переставил фляжку маэра с рыбьим жиром и обнаружил, что она на три четверти полна. Лишнее доказательство того, что мне доверяют все меньше.

Я молча собрал свои вещи и хотел было уходить, но, прежде чем я направился к двери, маэр поднял глаза от книги.

— Квоут!

— Да, ваша светлость?

— Кажется, мне уже не так хочется пить, как прежде. Не будете ли вы любезны допить это? — он указал на нетронутую чашку чаю, стоящую на столе.

— За здоровье вашей светлости! — ответил я и отхлебнул немного. Скривился, добавил ложку сахара, размешал и выпил все до дна. Маэр не сводил с меня глаз. Взгляд у него был спокойный, умный и слишком понимающий, чтобы быть добрым.

* * *

Кавдикус впустил меня и усадил на то же место, что и прежде.

— Извините, я сейчас, — сказал он. — У меня тут эксперимент, за которым нужен глаз да глаз, иначе все может пойти прахом!

И он устремился к лестнице, ведущей в другую часть башни.

Не зная, чем еще себя занять, я снова принялся разглядывать его выставку колец, понимая, что человек может довольно точно определить свое положение при дворе, используя кольца в качестве ориентиров.

Кавдикус вернулся как раз в тот момент, когда я лениво размышлял, не спереть ли мне одно из его золотых колец.

— Я не был уверен, хотите ли вы забрать свои кольца обратно, — сказал Кавдикус, указывая на стол.

Я посмотрел и увидел, что кольца лежат на подносыке. Даже странно, как я не заметил их раньше. Я взял их и спрятал во внутренний карман своего плаща.

— Спасибо вам большое, — сказал я.

— Вы сегодня снова отнесете маэру его лекарство? — спросил он.

Я кивнул и горделиво напыжился.

От кивка голова у меня закружилась. Я только теперь понял, в чем дело: я выпил целую чашку чая маэра. Лауданума там было немного. Точнее, там было немного лауданума для человека, которого терзает боль и которого мало-помалу отучают от нарождающейся тяги к офалуму.

А для здорового человека, такого, как я, лауданума там было многовато. Я чувствовал, как его действие мало-помалу охватывает меня: теплая истома, проникающая до самых костей. Все вокруг казалось несколько замедленным.

— Да, маэр очень просил принести ему лекарство побыстрей, — сказал я, тщательно заботясь о том, чтобы мои слова звучали отчетливо. — Боюсь, сегодня у меня не будет времени поболтать.

Я был не в том состоянии, чтобы долго изображать из себя слабоумного дворянчика.

Кавдикус кивнул с важным видом и отошел к рабочему столу. Я, как всегда, последовал за ним, изо всех сил изображая любопытство.

Я вполглаза смотрел, как Кавдикус смешивает лекарство. Однако разум мой был затуманен лауданумом, и остатки ясного сознания были сосредоточены на другом. Маэр со мной почти не разговаривает. Стейпс мне с самого начала не доверял, а мимолетки до сих пор здоровехоньки. А хуже всего то, что я сижу у себя, точно в ловушке, а Денна тем временем ждет внизу, на улице Жестянщиков, и небось гадает, отчего я не пришел ее навестить.

Я поднял глаза, заметив, что Кавдикус о чем-то меня спросил.

— Извините?

— Не могли бы вы передать мне кислоту? — повторил Кавдикус, закончивший растирать порцию травы.

Я взял стеклянную бутылку и протянул ему прежде, чем вспомнил, что я всего лишь невежественный аристократишка. Я не способен отличить соль от серы. «Кислоту»! Я и слова-то такого не знаю.

Я не покраснел, не замялся, не вспотел, и рука у меня не дрогнула. Я прирожденный эдема руэ, и даже в опоенном, полубессознательном состоянии я оставался актером до мозга костей. Я посмотрел ему в глаза и спросил:

— Это, да? Я помню, следом вы всегда наливаете жидкость из прозрачной бутылочки.

Кавдикус смерил меня долгим, задумчивым взглядом.

Я ослепительно улыбнулся в ответ.

— У меня отличная память на детали! — гордо сообщил я. — Я ведь уже дважды видел, как вы это делаете. Могу поручиться, что теперь я бы и

сам мог смешать лекарство для маэра, кабы захотел!

Я вложил в свой тон столько невежественной самоуверенности, сколько мог. Самоуверенность эта — верный знак истинного аристократа. Неколебимая убежденность, что они могут все: дубить кожу, ковать лошадей, лепить горшки, пахать землю... кабы только захотели!

Кавдикус еще с секунду вглядывался в меня, потом принялся отмерять кислоту.

— Ну разумеется, сударь!

Три минуты спустя я шагал по коридору, сжимая в потной ладони теплый пузырек с лекарством. Сумел я его одурачить или нет — это почти не имело значения. Важно было то, что по какой-то причине Кавдикус меня подозревает.

Стейпс, впустив меня в покои маэра, проводил меня убийственным взглядом. Алверон не обращал на меня внимания, пока я вливал в кормушки мимолеткам новую порцию яда. Очаровательные создания носились по клетке с неиссякаемой энергией.

Я отправился к себе кружным путем, стараясь получше изучить дворец маэра. Я уже наполовину рассчитал план побега, однако подозрения Кавдикуса заставили меня поспешить с окончательными приготовлениями. Если мимолетки не начнут подыхать уже завтра, в моих интересах будет исчезнуть из Северена как можно быстрее и незаметнее.

* * *

Той же ночью, рассчитывая, что так поздно маэр меня не позовет, я выскользнул в окно своей комнаты и принялся тщательно обследовать сады. Стражи там не было, но мне пришлось разминуться с полудюжиной парочек, прогуливавшихся при луне. Еще две парочки сидели бок о бок и вели романтические беседы: одна в беседке, вторая в бельведере. На последнюю парочку я едва не наступил, продираясь через живую изгородь. Эти двое не гуляли и не беседовали, но были поглощены не менее романтическим занятием. Меня они не заметили.

Наконец я отыскал дорогу на крышу. Отсюда была видна вся территория усадьбы. О западной стороне и думать было нечего: она жалась вплотную к обрыву Крути, — но я знал, что должны быть и другие выходы.

Обследуя южный конец усадьбы, я увидел, что в одной из башен ярко горит свет. И мало того: свет имел характерный красный оттенок симпатических ламп. Кавдикус еще не спал.

Я подобрался поближе и рискнул заглянуть в окно башни. Кавдикус не просто заработался допоздна. Он с кем-то разговаривал. Я вытянул шею, но собеседника его было не видно. И более того: окно было наглухо закупорено, так что я не слышал ни слова.

Я уже собирался перейти к соседнему окну, как вдруг Кавдикус встал и направился к двери. Тут показался и его собеседник. И даже со своего высокого насеста я узнал дородную, невыразительную фигуру Стейпса.

Стейпс явно был чем-то крайне взволнован. Он взмахнул рукой. Лицо его было смертельно серьезно. Кавдикус закивал, потом открыл дверь и выпустил дворецкого.

Я обратил внимание, что в руках у Стейпса ничего не было. Значит, он приходил не за лекарством. И не затем, чтобы одолжить книгу. Стейпс явился среди ночи, чтобы поговорить наедине с человеком, который пытался убить маэра.

ГЛАВА 64

БЕГЛЕЦ

«Хотя никакое из знатных семейств отнюдь не может похвалиться мирным прошлым, однако же именно Лэклессов окружают и преследуют всяческие злосчастья. Иные — извне: убийства, вторжения, крестьянские бунты, грабежи. Однако куда красноречивей те злосчастья, что берут начало внутри семьи: как может процветать семейство, чей старший наследник презрел все обязанности перед родней? Неудивительно, что клеветники нередко прозывают их Лэклессами-бессчастливыми.

Выходит, что доказательством могущества их крови служит тот факт, что они сумели просуществовать столь долго. И впрямь, если бы не сожжение Калуптены, мы могли бы отыскать летописи, свидетельствующие о том, что семья Лэклесс может потягаться древностью с королевским родом Модега...»

Я швырнул книгу на стол — если бы магистр Лоррен мог это видеть, у него бы кровь из зубов пошла. Если маэр полагает, будто подобными сведениями можно завоевать сердце женщины, значит, моя помощь ему куда нужнее, чем он думает.

Но при нынешнем положении вещей маэр вряд ли попросит меня о помощи, тем более в таком тонком деле, как его женитьба. Вчера он меня к себе вообще не звал.

Я явно лишился его расположения и чувствовал, что тут не обошлось без Стейпса. А учитывая то, что я видел позапрошлой ночью в окно башни Кавдикуса, было довольно очевидно, что Стейпс участвует в заговоре, имеющем целью отравить маэра.

Я сидел на месте, хотя и предвидел, что в результате мне придется целый день провести взаперти. Я понимал, что не стоит ухудшать и без того дурное отношение Алверона, суясь к нему без приглашения.

За час до обеда ко мне зашел виконт Гермен с несколькими страницами записанных сплетен. Кроме того, он принес колоду карт, очевидно рассчитывая пойти по стопам Бредона. Он предложил мне научить меня играть в дрозда и, поскольку я еще только учусь, согласился сыграть по маленькой: всего по биту за партию.

Он совершил ошибку, предоставив мне сдавать карты, и удалился, несколько запыхавшийся, после того, как я обыграл его восемнадцать раз

кряду. Наверное, надо было вести себя похитрее. Я мог бы поводить его, как рыбу на крючке, и выиграть у него половину его имений, но я был не в том расположении духа. Меня преследовали неприятные мысли, и мне хотелось остаться с ними наедине.

* * *

Через час после обеда я решил, что, пожалуй, уже не хочу добиваться расположения маэра. Если Алверону угодно доверять своему вероломному дворецкому — что ж, его дело. Пропади я пропадом, если еще хоть минуту просижу сложа руки у себя в комнатах, точно побитая собака под дверью.

Я накинул плащ, схватил свою лютню и решил прогуляться в сторону улицы Жестянщиков. Если маэр захочет меня видеть, пока меня не будет, — что ж, пусть записку оставит.

Я высунулся в коридор — и увидел стражника, стоящего навтыжку возле моей двери. Это был один из личной гвардии Алверона, в мундире цвета сапфира и слоновой кости.

Мы оба застыли неподвижно. Спрашивать, кого он тут охраняет, было бессмысленно: на семь метров в обе стороны других дверей не было. Я посмотрел ему в глаза.

— Как вас звать?

— Джейс, сэр.

Что ж, по крайней мере, меня все еще величают «сэром». Это чего-нибудь да стоит.

— И вы здесь, чтобы?..

— Мне приказано сопровождать вас, когда вы выходите из комнаты. Сэр.

— Ладно...

Я отступил назад и закрыл за собой дверь.

Чей это был приказ: Алверона или Стейпса? Хотя, в сущности, неважно.

Я вылез в окно, углубился в сад, перепрыгнул через ручеек, шмыгнул за живую изгородь и вскарабкался на декоративную каменную стену. Вишневый плащ был не самого удачного цвета для того, чтобы скрываться в саду, но зато он прекрасно прятал меня на фоне красной черепицы.

Оттуда я взобрался на крышу конюшни, прошел через сеновал и выбрался через заднюю дверь заброшенного сарая. Оттуда достаточно было перемахнуть через забор, и я оказался за пределами маэровой

усадыбы. Проще простого.

Я обошел двенадцать трактиров на улице Жестянщиков, прежде чем отыскал тот, где остановилась Денна. Ее не было дома, поэтому я пошел дальше по улице, глядя в оба и положившись на свою удачу.

Через час я ее нашел. Она стояла в толпе на углу и смотрела уличное представление. Хотите верьте, хотите нет, но это были «Три пенни за желание».

Кожа у нее сделалась смуглее, чем тогда, когда я в последний раз видел ее в Университете: она загорела в странствиях. На ней было платье с высоким воротом, по местной моде. Темные волосы прямыми прядями падали ей на спину, все, кроме одной тонкой косички, которая обрамляла ее лицо.

Я перехватил ее взгляд, как раз когда Яснотка выкрикивал свои первые строки:

Средства от всех болезней!
Их не найти полезней!
Зелья за пенни всем дарят исцеленье!
Если мучает икотка
Иль ломается красотка —
Лечит от всего Яснотка,
Здесь найдете вы спасенье!

Денна увидела меня и улыбнулась. Можно было бы остаться и посмотреть пьесу, но я и так знал, чем она кончится.

* * *

Несколько часов спустя мы с Денной лакомились сладким винтийским виноградом в тени Крути. Какой-то усердный каменщик выточил в стене утеса неглубокую нишу, образующую гладкие каменные скамьи. Очень уютное было местечко, мы обнаружили его, бесцельно шляясь по городу. Мы были там одни, и я чувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

Единственное, о чем я жалел, это о том, что у меня нет с собой ее кольца. Это был бы идеальный подарок, столь уместный при этой неожиданной встрече. А главное, я ведь даже и рассказать о нем Денне не

мог. Ведь если бы я о нем рассказал, пришлось бы признаться, что я оставил его в залог Деви.

— Я смотрю, ты недурно устроился! — сказала Денна, пощупав край моего вишневого плаща. — Что, забросил студенческое житье?

— Решил себе каникулы устроить, — выкрутился я. — Сейчас я помогаю в одном деле маэру Алверону.

Она посмотрела на меня с нескрываемым восхищением.

— Ух ты! Расскажи!

Я неловко отвернулся.

— Извини, не могу. Дело деликатное и все такое.

Я откашлялся и попытался сменить тему:

— А ты сама-то как? Я смотрю, у тебя дела тоже идут неплохо.

Я двумя пальцами погладил вышивку, которой был украшен высокий ворот ее платья.

— Ну, сама я с маэром знакомства не вожу, — сказала она, отвесив преувеличенно почтительный поклон в мою сторону. — Но, как я уже упоминала в своих письмах, я...

— Письмах? — переспросил я. — Так их было несколько?

Она кивнула.

— Я отправила целых три с тех пор, как уехала из Имре, — сказала она. — Вот, собиралась взяться за четвертое, но ты избавил меня от трудов.

— Я получил только одно, — сказал я.

Денна пожала плечами.

— Ну, я в любом случае предпочту рассказать тебе все лично.

Она сделала многозначительную паузу.

— Я наконец нашла себе официального покровителя!

— Что, правда? — обрадовался я. — Слушай, как здорово!

Денна гордо усмехнулась. На фоне светло-орехового, загорелого лица ее зубы сверкнули ослепительно-белым. А губы ее, как всегда, были ярко-алыми без всякой помады.

— Он придворный из Северена? — спросил я. — Как его звать?

Денна скроила серьезную мину и смущенно улыбнулась.

— Ты же знаешь, что этого я тебе сказать не могу, — укоризненно ответила она. — Ты же знаешь, как он заботится о том, чтобы его имени никто не узнал.

Мое радостное возбуждение схлынуло, я похолодел.

— О нет! Денна, неужели это тот самый мужик, что и раньше? Тот, который послал тебя играть на свадьбу в Требоне?

Денна озадаченно посмотрела на меня.

— Ну да, разумеется. Его настоящего имени я тебе назвать не могу. Как ты его тогда назвал? Мастер Вяз?

— Мастер Ясень, — сказал я, и имя это легло мне на язык сухой листвой. — Но ты-то хоть знаешь его настоящее имя? Хотя тебе он его сказал, прежде чем ты подписала договор?

— Ну да, думаю, я его настоящее имя знаю.

Она пожала плечами и провела рукой по волосам. Нащупав косичку, она, казалось, удивилась и принялась ловко расплестать ее, разглаживая пряди.

— А даже если и нет, какая разница? У всех есть свои тайны, Квоут. Лично мне до его тайн особого дела нет, главное, чтобы со мной он вел себя по-честному. А он весьма щедр.

— Но он же не просто скрытен, Денна! — возразил я. — Судя по тому, как ты его описывала, я бы сказал, что он либо параноик, либо замешан в каких-то опасных делах.

— Не понимаю, за что ты его так не любишь.

Я просто ушам своим не поверил.

— Денна, он же тебя избил до потери сознания!

Она застыла.

— Да нет!

Ее рука коснулась поблекшего синяка на скуле.

— Ничего подобного! Я же тебе говорила! Я упала с лошади. Дурацкая скотина приняла ветку за змею.

Я покачал головой.

— Я говорил про то, что было прошлой осенью в Требоне.

Денна уронила руку обратно на колени и сделала ею машинальный жест, пытаясь повернуть кольцо, которого не было. Ее лицо выглядело растерянным. Она взглянула на меня.

— Откуда ты про это знаешь?

— Ты же мне сама рассказала. В ту ночь, на холме, когда мы с тобой ждали дракуса.

Она опустила глаза, заморгала.

— Я... я не помню, чтобы я об этом рассказывала...

— Ты тогда была несколько не в себе, — мягко объяснил я. — Но ты мне это рассказывала. Ты рассказала мне все. Денна, тебе не стоит оставаться при таком человеке. Человек, способный с тобой так обойтись...

— Он сделал это для моего же блага! — воскликнула она. В ее темных глазах начинал разгораться гнев. — Разве я тебе этого не говорила? Я осталась без единой царапинки, а все остальные, кто был на свадьбе,

лежали мертвее мертвого. Ты ведь знаешь эти мелкие городишки. Они нашли меня лежащей без сознания, и то подумывали, что я имею какое-то отношение к этой резне. Ты же помнишь!

Я опустил голову и потряс ею, точно вол, досадующий на ярмо.

— Не верю. Наверняка был другой выход. Я бы точно нашел другой выход.

— Ну, что ж поделаешь! Не все же такие умные, как ты, — сказала она.

— Да при чем тут ум! — я почти кричал. — Он же мог забрать тебя с собой! Мог бы вмешаться и вступиться за тебя!

— Он не мог допустить, чтобы кто-то узнал, что он был там, — возразила Денна. — Он говорил...

— Он тебя избил!

Произнеся эти слова, я ощутил чудовищный гнев, поднимающийся изнутри. Он не был жарок и яростен, как припадки бешенства, что охватывали меня прежде. Это был иной гнев, ледяной и разгорающийся исподволь. И, едва ощутив его, я осознал, что он уже давно живет во мне, кристаллизуясь, точно пруд, покрывающийся льдом в долгую зимнюю ночь.

— Он тебя избил, — повторил я и ощутил это внутри себя, прочную глыбу ледяного гнева. — И что бы ты ни говорила, этого ничто не изменит. Если я когда-нибудь встречу с ним, я скорее пырну его ножом, чем пожму ему руку.

Денна подняла на меня взгляд, и раздражение исчезло с ее лица. Взгляд, который она бросила на меня, был исполнен нежности и жалости. Так смотрят на щенка, который рычит, воображая себя ужасно грозным. Она погладила меня по щеке, и я вспыхнул, внезапно устыдившись своей мелодраматической выходки.

— Слушай, давай не будем спорить на эту тему? — попросила она. — Ладно? Давай не сегодня. Я тебя так давно не видела...

И я решил махнуть на это рукой, чтобы не отпугнуть ее. Я же знал, что бывало, когда мужчины принимались слишком на нее давить.

— Ну хорошо, — ответил я. — Не сегодня. Но ты хоть Расскажи, зачем твой покровитель привез тебя сюда!

Денна откинулась на спинку скамьи и широко улыбнулась.

— Извини, дело деликатное и все такое, — передразнила она.

— Не вредничай! — возмущился я. — Я бы тебе рассказал, но маэр крайне дорожит своими секретами.

Денна подалась вперед и положила руку на мою.

— Бедный Квоут! Я же не со зла. Мой покровитель не менее скрытен, чем маэр, — если не более. Он весьма недвусмысленно дал понять, что, если я предам наши отношения огласке, дело будет плохо. Он очень настаивал.

Ее лицо сделалось серьезным.

— Он могущественный человек...

Казалось, она вот-вот скажет что-то еще, но потом остановилась.

Мне не хотелось понимать, но я ее понял. Я сам только недавно имел дело с гневом маэра, и это научило меня осторожности.

— Ну хорошо, а хоть что-то о нем ты рассказать можешь?

Денна задумчиво провела пальцем по губам.

— Он на удивление хорошо танцует. Думаю, об этом можно упомянуть, ничего не выдав. Он весьма мил, — сказала она и рассмеялась, увидев мое лицо. — Я проводила для него кое-какие изыскания, копалась в старых генеалогиях и исторических трудах. Я с его помощью собираюсь написать пару песен, чтобы сделать себе имя...

Она поколебалась, потом покачала головой.

— Пожалуй, это все, что я могу сказать.

— Ну а я смогу услышать эти песни, когда они будут закончены?

Она застенчиво улыбнулась.

— Думаю, это можно будет устроить...

Она вскочила на ноги, ухватила меня под руку, заставила встать.

— Ну, довольно болтать! Пошли прогуляемся.

Я улыбнулся. Ее возбуждение было заразительно, как у ребенка. Но, потянув меня за руку, Денна вдруг вскрикнула, скривилась и прижала ладонь к боку.

Я бросился к ней.

— Что случилось?

Денна пожала плечами и улыбнулась натянутой улыбкой, не отнимая руки от ребер.

— Это все после падения, — сказала она. — Дурацкая лошадь! Каждый раз, как забудусь и сделаю резкое движение, в бок вступает.

— Тебя кто-нибудь осматривал?

— Да там просто синяк! — сказала она. — А тех докторов, каких я могу себе позволить, я к себе не подпущу.

— А как же твой покровитель? — осведомился я. — Уж он-то, наверное, мог бы что-нибудь устроить?

Она медленно распрямилась.

— Да ладно, все не так страшно.

Она вскинула руки над головой и отстучала каблучками чечетку, потом рассмеялась, видя мое хмурое лицо.

— Ладно, все, больше никаких разговоров о тайнах! Пошли пройдемся. Поведай мне самые мрачные и скандальные сплетни маэрова двора.

— Ну ладно, — сказал я, когда мы зашагали по улице. — Я слышал, что маэр, как по волшебству, оправился от своей давней болезни.

— Ой, ну какая же это сплетня! — фыркнула она. — Это все знают!

— Баронет Брэмстон вчера вечером проигрался в пух и прах.

Денна закатила глаза.

— Скукота!

— Графиня Деферр потеряла невинность на представлении «Даэоники».

— Ой! — Денна прикрыла рот рукой, пряча смешок. — Что, правда?

— Ну, по крайней мере, после антракта ее при ней не было, — сказал я вполголоса. — Однако, как выяснилось, графиня просто забыла ее у себя в комнате. Так что она не то чтобы совсем потерялась. Ее нашли слуги пару дней спустя, во время уборки. Она закатилась под комод.

Денна сделала негодующее лицо.

— А я-то чуть было тебе не поверила!

Она дала мне оплеуху, снова скривилась и резко втянула воздух сквозь стиснутые зубы.

— Знаешь что, — негромко сказал я, — я ведь учился в Университете. Я, конечно, не лекарь, но в медицине кое-что смыслю. Я мог бы сам тебя осмотреть.

Она смерила меня пристальным взглядом, словно не зная, что думать о моем предложении.

— По-моему, — сказала она наконец, — никто еще не пытался меня раздеть более окольным путем.

— Я... — я почувствовал, что отчаянно краснею, — я вовсе не собирался...

Денна расхохоталась, видя мое смущение.

— Если уж я кому-то и позволю играть со мной в доктора, то это тебе, мой Квоут! — сказала она. — Но нет, спасибо, пока не надо.

Она взяла меня под руку, и мы пошли дальше.

— Я сама сумею о себе позаботиться.

Я вернулся во дворец маэра через несколько часов обычным путем, а не по крышам. Явившись в коридор, ведущий к моим комнатам, я обнаружил там уже целых двух стражников. Очевидно, о моем побеге стало известно.

Но даже это не так уж сильно испортило мне настроение: после времени, проведенного с Денной, я чувствовал, будто во мне четыре метра росту. И мало того, завтра мы с ней договорились поехать кататься верхом. Заранее знать, где и когда я встречу с Денной, было неожиданным даром судьбы.

— Добрый вечер, господа, — сказал я, подойдя к стражникам. — Что интересного я пропустил?

— Вы должны оставаться у себя в комнатах, — мрачно сообщил Джейс. Я обратил внимание, что на этот раз он не потрудился назвать меня сэром.

Я остановился, уже взявшись за дверную ручку.

— Прошу прощения?

— Вы останетесь у себя вплоть до дальнейших распоряжений, — сказал он. — И одному из нас приказано все время оставаться при вас.

Я ощутил прилив гнева.

— А Алверону об этом известно? — резко осведомился я.

Они неуверенно переглянулись.

Ага, так, значит, этот приказ отдан Стейпсом. И эта неуверенность не даст им наложить на меня руки.

— Давайте-ка разберемся с этим немедленно, — сказал я и стремительно зашагал прочь по коридору. Стражники догнали меня, звеня доспехами.

Пока я шагал по коридорам, мой гнев разгорался все жарче. Если маэр и впрямь окончательно утратил доверие ко мне, лучше покончить с этим здесь и сейчас. Если я лишен доброго расположения маэра, я, по крайней мере, предпочту вернуть себе свободу и возможность видеться с Денной, когда захочу.

Я свернул за угол как раз вовремя, чтобы увидеть маэра, выходящего из своих покоев. Он выглядел более здоровым, чем я видел его когда-либо прежде, под мышкой у него была стопка бумаг.

Когда я приблизился, он бросил на меня раздраженный взгляд. Я подумал было, что он сейчас велит стражникам уволочь меня прочь. И тем не менее я приблизился к нему так отважно, как будто у меня имелось письменное приглашение.

— Ваша светлость, — сказал я весело и дружелюбно, — нельзя ли вас

на минутку?

— Ну конечно! — ответил он тем же тоном и распахнул дверь, которую закрыл было за собой. — Входите.

Я посмотрел ему в глаза и увидел в них гнев, не менее пылкий, чем у меня. Какая-то малая разумная часть моей души съежилась от ужаса, но мой бешеный нрав уже закусил удила и неслился вперед во весь опор.

Озадаченные стражники остались в прихожей, а меня Алверон увел за вторые двери, в свои личные покои. В воздухе повисло грозное молчание, точно затишье перед внезапной летней бурей.

— Я просто глазам своим не верю! — прошипел маэр, закрыв за собой дверь. — Что за дерзость! Ваши безумные обвинения! Ваши смехотворные утверждения! Я не выношу публичных скандалов, так что с этим мы разберемся позднее.

Он сделал властный жест.

— Возвращайтесь к себе и не покидайте своих комнат, пока я не решу, что с вами делать!

— Ваша светлость...

По тому, как он расправил плечи, я понял, что он вот-вот кликнет стражу.

— Я не стану вас слушать, — холодно сказал он.

И тут я встретился с ним взглядом. Глаза у него были жесткие как камень, и я увидел, насколько он на самом деле разгневан. И это не был гнев покровителя или нанимателя. Это не было негодование человека, раздраженного тем, что я нарушил приличия. Передо мной стоял тот, кто с шестнадцати лет привык повелевать всем вокруг. Этому человеку ничего не стоило подвесить кого-нибудь умирать в железной клетке, просто чтобы дать урок остальным. Это был человек, который, повернись судьба немного иначе, мог бы теперь править всем Винтасом.

Моя ярость зашипела и потухла, точно задутая свечка, и я похолодел. Я наконец осознал, что катастрофически неправильно оценил ситуацию.

Будучи бездомным мальчишкой на улицах Тарбеана, я привык иметь дело с опасными людьми: пьяные портовые грузчики, стражники, даже такой же бездомный мальчишка с «розочкой» из бутылки — любой из них может тебя убить.

Чтобы выжить, главное — понимать правила, действующие в данной ситуации. Стражник не станет избивать тебя посреди улицы. Грузчик не погонится за тобой, если ты убежишь.

И вот теперь я внезапно отчетливо осознал свою ошибку. Маэр не был связан никакими правилами. Он мог приказать убить меня и повесить мой

труп на городских воротах. Мог бросить меня в темницу и забыть обо мне и оставить меня гнить в камере, умирать от голода и болезней. У меня не было ни положения в обществе, ни друзей, которые могли бы за меня заступиться. Я был беспомощен, как ребенок с мечом из ивового прутика.

Я осознал все это в мгновение ока и ощутил, как в животе у меня угнездился грызущий страх. Надо было остаться в Севере-не-Нижнем, пока была возможность! Вообще не надо было сюда приезжать и вмешиваться в дела таких могущественных людей...

И тут в комнату из гардеробной маэра ввалился Стейпс. При виде меня его лицо, обычно такое безмятежное, на миг изменилось, на нем мелькнули ужас и изумление. Но он быстро взял себя в руки.

— Прощу прощения, господа, — сказал он и поспешно направился обратно, туда, откуда вышел.

— Стейпс, — окликнул маэр, прежде чем он скрылся, — подите сюда!

Стейпс вполз обратно в комнату. Он нервно ломал руки. Лицо его имело ошеломленное выражение человека виновного, человека, застигнутого за чем-то бесчестным.

— Стейпс, что у вас там? — сурово осведомился Алверон. Приглядевшись, я увидел, что дворецкий не ломает руки — он что-то сжимает в руках.

— Ничего...

— Стейпс! — рявкнул маэр. — Да как вы смеее мне лгать? Покажите немедленно!

Дородный дворецкий молча разжал руку. На ладони у него безжизненно лежала крохотная птичка, яркая, как самоцвет. Лицо его сделалось абсолютно белым.

Еще никогда на свете гибель очаровательного существа не приносила никому такой радости и облегчения. Я уже несколько дней был уверен в предательстве Стейпса, и вот перед нами было неоспоримое доказательство.

Тем не менее я промолчал. Пусть маэр все сам увидит.

— Что это значит? — медленно осведомился маэр.

— Нехорошо думать о таких вещах, сэр, — поспешно ответил дворецкий, — а задумываться о них подолгу — и того хуже. Я принесу другую птичку. Она будет петь ничуть не хуже.

Повисло долгое молчание. Я видел, как Алверон борется с гневом, который он был уже готов обрушить на меня. Пауза затягивалась...

— Стейпс, — медленно спросил я, — а сколько всего птичек вы заменили за эти несколько дней?

Стейпс с негодующим видом обернулся ко мне.

Но прежде, чем он успел что-нибудь сказать, вмешался маэр.

— Ответьте ему, Стейпс! — его голос звучал так, будто он задыхается. — Это ведь уже не первая?

Стейпс бросил на маэра горестный взгляд.

— Ох, Ранд, я просто не хотел вас тревожить! Вы были так плохи! Потом вы потребовали птичек и после этого пережили ту ужасную ночь... А на следующий день одна из них подохла...

Он стоял, глядя на крохотную пташку у себя на ладони, и говорил все быстрее и быстрее, сбиваясь и путаясь. Его объяснения были так неуклюжи — сразу было видно, что они искренние.

— Я не хотел забивать вам голову разговорами о смерти. Пошел в сад, поймал другую птичку. Вам становилось все лучше, а они принялись помирать по четыре-пять штук в день. Как ни посмотришь, а там еще одна валяется на дне клетки, точно сорванный цветок. Но вы-то выздоравливали. И мне не хотелось об этом упоминать.

Стейпс накрыл мертвую капелюшку ладонью.

— Как будто они отдавали свои крошечные души, чтобы вам становилось лучше...

Внутри его что-то надломилось, и он вдруг разрыдался. Горькими, безнадежными слезами честного человека, который так долго беспомощно наблюдал, как его дорогой друг медленно умирает у него на глазах.

Алверон какое-то мгновение стоял неподвижно. Весь его гнев улетучился. Потом он подошел и дружески обнял своего дворецкого.

— Ох, Стейпс! — тихо сказал он. — В каком-то смысле так оно и было. Вы не сделали ничего, достойного порицания.

Я тихонько вышел из комнаты и принялся снимать кормушки с золотой клетки.

* * *

Через час мы втроем мирно ужинали в комнатах маэра. Мы с Алвероном рассказали Стейпсу, что происходило последние несколько дней. У Стейпса едва голова не пошла кругом от мысли о том, что его господин наконец выздоровел и что дальше ему станет только лучше.

Что до меня, проведя несколько дней в немилости у Алверона, я чувствовал большое облегчение, вновь обретя его расположение. Тем не менее я все еще испытывал потрясение при мысли о том, как близок я был

к гибели.

Я честно рассказал маэру о том, почему питал подозрения к Стейпсу, и принес дворецкому свои искренние извинения. Стейпс, в свою очередь, признался в том, что питал сомнения относительно меня. Под конец мы обменялись рукопожатием и стали думать друг о друге куда лучше.

Мы болтали, заканчивая обед, как вдруг Стейпс насторожился, извинился и бросился вон.

— Кто-то стучится, — объяснил маэр. — У него слух как у собаки. Временами даже жутко делается.

Стейпс отворил двери и впустил высокого человека с бритой головой, который сидел над картами вместе с Алвероном в тот день, когда я явился во дворец, генерала Дагона.

Войдя в комнату, Дагон обежал взглядом каждый угол, окно, вторую дверь, коротко взглянул на меня и снова на маэра. Когда его взгляд упал на меня, все глубинные звериные инстинкты, помогавшие мне выжить на улицах Тарбеана, тотчас приказали: «Беги! Прячься! Делай что угодно, лишь бы очутиться подальше от этого человека!»

— А, Дагон! — весело приветствовал его маэр. — Чудный день, не правда ли?

— Да, ваша светлость.

Генерал стоял навытяжку, избегая встречаться с маэром взглядом.

— Не будете ли вы так добры арестовать Кавдикуса за предательство?

Последовала короткая, в полмгновения, пауза.

— Да, ваша светлость.

— Думаю, восьми человек будет довольно, при условии, что они не растеряются в сложной ситуации.

— Да, ваша светлость.

Я начал замечать, что ответы Дагона слегка отличаются интонацией.

— Живым, — уточнил Алверон, как бы отвечая на вопрос. — Но чересчур нежничать не стоит.

— Да, ваша светлость.

И с этими словами Дагон повернулся, чтобы уйти.

Я поспешно заметил:

— Ваша светлость, если он и впрямь арканист, вам следует принять некоторые меры предосторожности!

Едва сказав «вам следует», я тут же пожалел об этом. Это звучало чересчур дерзко. Надо было сказать «Возможно, вы пожелаете принять меры...».

Но Алверон, казалось, не обратил внимания на мою оплошность.

— Да, разумеется! Вора должен ловить вор. Дагон, прежде чем свести его вниз, свяжите его по рукам и ногам прочной железной цепью. Из чистого железа, понятно? Заткните ему рот, завяжите глаза...

Он поразмыслил, потирая губы пальцем.

— И отрубите большие пальцы на руках.

— Да, ваша светлость.

Алверон взглянул на меня.

— Как вы думаете, этого будет достаточно?

Я с трудом подавил приступ тошноты и заставил себя не ломать руки, сложенные на коленях. Я даже не знаю, что выглядело более жутко: беспечный тон, которым Алверон отдавал эти приказы, или холодное равнодушие, с которым Дагон их выслушивал. Полноправный арканист, конечно, опасен, и справиться с ним непросто, однако мысль о том, чтобы искалечить человеку руки, казалась мне более ужасной, чем просто его убить.

Дагон вышел. Когда дверь за ним закрылась, Стейпса передернуло.

— Боже милосердный, Ранд, каждый раз, когда я его вижу, такое ощущение, будто мне затылок ледяной водой обдали. Избавились бы вы от него...

Маэр расхохотался.

— Чтобы он достался кому-нибудь еще? Нет уж, Стейпс. Он нужен мне здесь. Мой бешеный пес на коротком поводке.

Стейпс нахмурился. Но прежде, чем он успел сказать что-то еще на эту тему, его взгляд упал на открытую дверь гостиной.

— Ох! Еще одна!

Он подошел к клетке, бережно достал оттуда очередную мертвую мимолетку и понес выкидывать.

— Я понимаю, что они вам были нужны для того, чтобы проверить лекарство или вроде того, — донесся его голос из соседней комнаты, — но все равно, это как-то жестоко по отношению к бедным калантисам!

— Прошу прощения? — переспросил я.

— Наш Стейпс несколько старомоден, — с улыбкой объяснил Алверон. — И весьма образован, хотя и не желает этого признавать. «Калантис» — древневинтийское название этих птичек.

— Могу поклясться, что где-то я его уже слышал...

— Это еще и фамилия королевского рода Винтаса, — насмешливо заметил Алверон. — Для такого всезнайки вы на удивление слепы в некоторых вопросах!

Стейпс вытянул шею и снова посмотрел в сторону клетки.

— Нет, я понимаю, что это было необходимо, — сказал он. — Но отчего вы не взяли мышей или, скажем, гадкую собачонку графини Деферр?

Прежде чем я ответил, из внешних покоев донесся грохот, и не успел Стейпс вскочить на ноги, как в дверь ввалился стражник.

— Ваша светлость! — выдохнул он, подскочил к единственному в комнате окну и захлопнул ставни. Потом бросился в гостиную и закрыл ставни и там. Вслед за этим хлопанье ставень донеслось из других, дальних комнат, где я никогда не бывал. Послышался скрип передвигаемой мебели.

Стейпс, озадаченный, приподнялся было со стула, но маэр покачал головой и знаком велел ему сесть на место.

— Лейтенант! — окликнул он с легким оттенком раздражения в голосе.

— Прошу прощения, ваша светлость! — ответил вернувшийся стражник. Он тяжело дышал. — Приказ Дагона. Мне велено было обеспечить охрану ваших покоев.

— Я так понимаю, что дело обернулось не лучшим образом, — сухо сказал Алверон.

— Когда мы постучались в башню, на стук никто не ответил. Дагон велел нам выбить дверь. И там... я не знаю, что это было, ваша светлость. Какой-то злой дух. Андерс мертв, ваша светлость. Кавдикуса в башне не оказалось, но Дагон его ищет.

Лицо Алверона помрачнело.

— Проклятье! — прорычал он, треснув кулаком по ручке своего кресла, и, нахмутив брови, с шумом выдохнул воздух. — Хорошо.

Он жестом велел стражнику удалиться.

Тот напрягся, но остался на месте.

— Сэр... Дагон распорядился, чтобы я не оставлял вас без охраны.

Алверон бросил на него грозный взгляд.

— Хорошо. Тогда станьте там, — он указал в угол комнаты.

Стражник, похоже, был вполне доволен тем, что ему дозволили уйти в сторону. Алверон подался вперед, уперся лбом в кончики пальцев.

— Во имя Господне, как он догадался?

Вопрос звучал как риторический, однако же колесики в моей голове уже завертелись.

— Ваша светлость вчера брали лекарство?

— Да-да. Я делал все точно так же, как и в предыдущие дни.

«Ну да, за исключением того, что вы не прислали за лекарством меня», — подумал я про себя.

— А пузырек еще у вас? — спросил я.

Пузырек был здесь. Стейпс принес его мне. Я откупорил его, провел пальцем по горлышку изнутри.

— Каково на вкус лекарство вашей светлости?

— Я же вам говорил. Противное, горькое...

Я увидел, как расширились глаза маэра, когда я поднес палец ко рту и легонько коснулся его кончиком языка.

— Вы с ума сошли?! — осведомился Алверон.

— Сладкое, — коротко ответил я. Потом прополоскал рот водой и сплюнул ее так аккуратно, как только мог, в пустой стакан. Затем достал из кармашка своего камзола свернутый из бумаги пакетик, вытряхнул себе на ладонь часть содержимого и, поморщившись, проглотил.

— Что это? — спросил Стейпс.

— Лигвеллен, — соврал я. На самом деле это был уголь, но я понимал, что правдивый ответ вызовет только новые расспросы. Я набрал в рот воды и выплюнул и ее тоже. На этот раз вода была черной, и Алверон со Стейпсом изумленно уставились на нее.

Я пошел напролом:

— Должно быть, что-то заставило его заподозрить, что вы не принимаете лекарство, ваша светлость. Если вкус внезапно изменился, вы должны были бы спросить у него, в чем дело.

Маэр кивнул.

— Я виделся с ним вчера вечером. Он справлялся о моем здоровье.

Он стукнул кулаком по ручке кресла.

— Экая незадача! Если у него есть хоть капля ума, он уже полдня как сбежал. Теперь его не поймать!

Я подумал было, не напомнить ли ему о том, что, если бы он с самого начала мне поверил, ничего бы этого не случилось, но потом решил этого не делать.

— Я бы посоветовал вашим людям держаться подальше от его башни, ваша светлость. У него было довольно времени, чтобы заготовить там множество ухищрений, ловушек и тому подобного.

Маэр кивнул и провел рукой по глазам.

— Да. Разумеется. Позаботьтесь об этом, Стейпс. Я, пожалуй, лучше пойду отдохну. Это дело может занять немало времени.

Я собрался было уйти. Но маэр жестом велел мне сесть.

— Погодите немного, Квоут. Заварите мне чаю, прежде чем вы уйдете.

Стейпс колокольчиком вызвал слуг. Прибирая со стола, они с любопытством поглядывали на меня. Мало того что я сижу в присутствии

маэра, я еще и ужинал вместе с ним, в его личных покоях! Не пройдет и десяти минут, как эта новость разлетится по всему дворцу.

Когда слуги удалились, я заварил маэру еще чайник чаю. Я уже собирался уйти, когда он заговорил, не отрываясь от чашки, так тихо, чтобы стражник ничего не слышал:

— Квоут, вы доказали свою безупречную преданность, и я сожалею о сомнениях, которые некоторое время питал относительно вас.

Он отхлебнул чаю, проглотил его и продолжал:

— К несчастью, я не могу допустить, чтобы по дворцу разнеслись слухи о том, что меня отравили. Особенно вкупе с тем, что отравитель бежал.

Он бросил на меня многозначительный взгляд.

— Это помешало бы тому делу, которое мы с вами обсуждали прежде.

Я кивнул. Если всем станет известно, что его едва не погубил собственный арканист, это вряд ли поможет Алверону добиться руки женщины, на которой он надеялся жениться.

Он продолжал:

— К несчастью, эта нужда в сохранении тайны также не позволяет мне дать вам награду, которой вы более чем заслуживаете. В других обстоятельствах я бы, разумеется, счел, что пожаловать вам земли будет всего лишь скромным знаком признательности. Я даровал бы вам и титул. Моя семья по-прежнему имеет право наделять людей титулами независимо от короля.

Голова у меня пошла кругом, когда я осознал, о чем ведет речь маэр, а он тем временем продолжал:

— Однако, если я собираюсь это сделать, потребуются какие-то объяснения. А объяснений я предоставить не могу.

Алверон протянул руку. Я не сразу понял, что он хочет, чтобы я ее пожал. Нечасто, знаете ли, доводится пожимать руку таким людям, как маэр Алверон. Я немедленно пожалел, что единственный, кто это видел, был стражник, и понадеялся, что он достаточно болтлив.

Я торжественно пожал Алверону руку, и он продолжал:

— Я многим вам обязан. Если вам когда-нибудь что-то понадобится, вы можете рассчитывать на любую помощь, какую только может оказать благодарный владыка.

Я вежливо кивнул, стараясь сохранять невозмутимый вид, невзирая на владевшее мною возбуждение. Это было именно то, на что я надеялся! С помощью маэра я смогу наконец начать последовательные поиски амир. Он поможет мне получить доступ к церковным архивам, частным

библиотекам, местам, где важные документы не были подчищены и прорежены, как в Университете.

Но я понимал, что сейчас не самое подходящее время для просьб. Алверон обещал мне свою помощь. Нужно просто выждать время и заодно определить, какая помощь мне нужнее всего.

Когда я вышел из покоев маэра, Стейпс изрядно меня удивил тем, что без слов внезапно заключил меня в объятия. Благодарность на его лице не могла бы быть более искренней, если бы я спас его семью из горящего дома.

— Ах, сударь, вы, должно быть, даже не осознаете, как я вам обязан! Если вам вдруг что понадобится, вы только дайте мне знать.

Он стиснул мою руку и энергично ее потряс. Одновременно с этим я почувствовал, как он вложил что-то мне в ладонь.

Очутившись в коридоре, я раскрыл руку и увидел изящное серебряное колечко с выгравированным на нем именем Стейпса. И рядом с ним — второе кольцо, но не из металла. Оно было гладким и белым, и на нем тоже было корявыми буквами нацарапано имя дворецкого. Я понятия не имел, что может означать такое кольцо.

Я вернулся в свои комнаты, не помня себя от внезапно привалившего счастья.

ГЛАВА 65

БЛЕСТЯЩАЯ ИГРА

На следующий день мои скудные пожитки перекочевали в апартаменты, которые маэр счел более подходящими для своего фаворита. Там было пять комнат, и три из них выходили окнами в сад.

Это было весьма любезно с его стороны, но я невольно подумал о том, что эти комнаты еще дальше от кухни, чем мое прежнее жилье, и что к тому времени, как до меня донесут еду, она сделается холодной как камень...

Не успел я провести там и часа, как прибежал посыльный с серебряным кольцом Бредона и карточкой, на которой было написано: «В ваших новых великолепных апартаментах. Когда?»

Я перевернул карточку, написал: «Когда вам будет угодно!», — и отослал мальчишку обратно.

Серебряное кольцо я положил на подносик в своей гостиной. В вазочке рядом с подносилом теперь среди железных колец красовалось целых два серебряных.

Отворив дверь, я увидел, как темные глаза Бредона по-совиному пялятся на меня в ореоле белой бороды и волос. Он улыбнулся и отвесил мне поклон. Из-под мышки у него торчала трость. Я предложил ему кресло, потом вежливо извинился и ненадолго оставил его в гостиной одного, в соответствии с этикетом.

Не успел я выйти за дверь, как из гостиной донесся его сочный хохот.

— Хо-хо! — воскликнул он. — Вот это да!

Когда я вернулся, Бредон сидел за столиком для игры в тэк, держа в руках оба кольца, которые я только вчера получил от Стейпса.

— Вот это номер, прямо как в романе! — сказал он. — Похоже, я неправильно понял ситуацию вчера, когда моего посыльного отослал прочь от ваших дверей весьма угрюмый стражник.

Я ухмыльнулся в ответ.

— Последние два дня выдались весьма бурными, — сказал я.

Бредон огладил бороду и хмыкнул. Он был еще больше обычного похож на сову.

— Я думаю! — сказал он, вертя в пальцах серебряное кольцо. — Это само по себе говорит о многом. Но это!

Он указал тростью на белое кольцо.

— Это же совсем другое дело...

Я уселся напротив него.

— Скажу вам прямо, — ответил я, — я могу лишь догадываться, из чего оно сделано, не говоря уж о том, что оно означает.

Бредон приподнял бровь.

— Вы необычайно откровенны!

Я пожал плечами.

— На данный момент я куда больше уверен в своем положении, — признался я. — Достаточно уверен, чтобы позволить себе быть несколько откровеннее прежнего с теми, кто был ко мне добр.

Он снова хмыкнул и положил серебряное кольцо на стол.

— Уверены в своем положении? Ну еще бы!

Он взял в руки белое кольцо.

— К тому же нет ничего удивительно, что вы не знаете, что оно означает.

— Я думал, что кольца бывают всего трех видов, — сказал я.

— В основном так оно и есть, — сказал Бредон. — Однако обычай дарить кольца восходит к глубокой древности. Простолюдины делали это задолго до того, как это стало забавой знати. И хотя Стейпс дышит разреженным воздухом вершин, как и все мы, происхождения он, несомненно, самого простого.

Бредон положил белое кольцо обратно на стол и скрестил руки поверх него.

— Такие кольца делаются из того, что нетрудно добыть простому человеку. Юный влюбленный может подарить девушке, за которой ухаживает, колечко, сплетенное из молодой травки. Кожаное кольцо означает обещание услуги. И так далее.

— А роговое?

— Роговое кольцо означает вражду, — объяснил Бредон. — Сильную, непреходящую вражду.

— А-а... — сказал я, несколько застигнутый врасплох. — Понятно...

Бредон улыбнулся и поднял белое кольцо повыше.

— Однако это не рог, — сказал он. — Структура не та, и к тому же Стейпс никогда бы не вручил вам роговое кольцо вместе с серебряным.

Он покачал головой.

— Нет. Если не ошибаюсь, это кольцо костяное.

И он протянул его мне.

— Замечательно, — угрюмо сказал я, вертя его в руках. — А что

означает костяное кольцо? Что он пырнет меня ножом в печень и спихнет труп в пересоший колодец?

Бредон улыбнулся своей широкой, теплой улыбкой.

— Костяное кольцо означает, что он ваш большой и вечный должник.

— Понятно... — я потер кольцо пальцем. — Должен сказать, что я бы предпочел обещание услуги.

— Это не просто услуга, — сказал Бредон. — По традиции, такое кольцо вырезается из кости усопшего члена семьи.

Он приподнял бровь.

— Сомневаюсь, что этот обычай сохранился до наших дней, тем не менее это позволяет понять общую идею.

Я поднял взгляд, все еще несколько ошеломленный всем происходящим.

— А именно?

— Что такими штуками просто так не разбрасываются. Это не те игры, в которые играют дворяне, и не то кольцо, которое стоит выкладывать напоказ.

Он взглянул на меня.

— На вашем месте я бы спрятал его подальше и хранил получше.

Я бережно опустил кольцо в карман.

— Я вам очень обязан, — сказал я. — Если бы я только мог отплатить...

Он вскинул руку, прервав меня на полуслове. А потом, медленно и торжественно, опустил один палец вниз, сжал кулак и постучал костяшкой по столу для тэка.

Я улыбнулся и достал фишки.

* * *

— Думаю, я наконец начинаю осваивать эту игру, — сказал я час спустя. Я снова проиграл, но на этот раз Бредон обошел меня совсем ненамного.

Бредон отодвинулся от стола и глянул на меня со снисхождением опытного игрока.

— Отнюдь, — сказал он. — Как раз напротив. Вы овладели основами, но самую суть вы упускаете.

Я принялся разбирать фишки.

— Суть в том, что я наконец-то близок к тому, чтобы одолеть вас!

— Нет, — ответил Бредон. — Дело совсем не в этом. Тэк — игра тонкая. Потому-то мне так трудно отыскать людей, которые способны в него играть. Пока что вы прете напролом, как уличный громила. Можно сказать, вы играете даже хуже, чем пару дней назад.

— Нет, ну признайтесь же, — сказал я, — на этот раз я почти что вас одолел!

Он только насупился и властно указал на столик.

Я охотно уселся, улыбаясь и мурлыча себе под нос, будучи уверен, что уж теперь-то я наконец его обыграю.

Ничего подобного. Бредон ходил решительно и безжалостно, не колеблясь ни секунды. Он разнес меня так непринужденно, как вы могли бы разорвать в клочки листок бумаги.

Партия завершилась столь стремительно, что у меня дух захватило.

— Еще раз! — сказал Бредон таким властным тоном, какого я у него еще никогда не слышал.

Я собрал все силы, но следующая партия была еще хуже прежней. Я чувствовал себя щенком, борющимся с волком. Нет, мышонком в когтях у совы. Я даже не пытался бороться. Все, что я мог, — это отступить.

Но даже отступал я недостаточно проворно. Игра окончилась быстрее прежней.

— Еще раз! — потребовал Бредон.

И мы сыграли еще раз. На этот раз я вообще не чувствовал себя живым существом. Бредон был спокоен и бесстрастен, как мясник, орудующий разделочным ножом. И игра длилась примерно столько времени, сколько нужно, чтобы выпотрошить и разделать цыпленка.

Под конец партии Бредон нахмурился и отряхнул руки, словно только что помыл их и хотел стряхнуть с них капли.

— Ну хорошо, — сказал я, откидываясь на спинку стула. — Я все понял. Прежде вы просто играли со мной в поддавки.

— Нет, — ответил Бредон с мрачным видом. — Я хотел вам показать совсем не это.

— Тогда что же?

— Я пытаюсь заставить вас понять эту игру, — сказал он. — Всю игру в целом, не просто баловство с фишками. Суть не в том, чтобы играть лучше всех. Суть в том, чтобы быть отважным. Чтобы быть грозным. Чтобы быть изящным.

Он постучал по доске двумя пальцами.

— Любой, кто в своем уме, способен увидеть расставленную для него западню. Но отважно шагнуть в нее, заранее заготовив план, как ее

разбить, — вот что воистину замечательно.

Он улыбнулся, хотя лицо его осталось все таким же серьезным.

— А приготовить западню, заранее зная, что тот, кто в нее попадет, будет настороже и заготовит свои собственные хитрости и уловки, и все-таки обыграть его — это замечательно вдвойне!

Лицо Бредона смягчилось, и голос его стал почти вкрадчивым.

— Тэк отражает тонкое устройство мира. Он — зеркало жизни. В танце нельзя выиграть, юноша! Весь смысл танца — в движениях, которые совершает тело. А хорошая партия в тэк демонстрирует движения ума. И это прекрасно — для тех, кто имеет глаза, чтобы видеть.

Он указал на следы жестокого разгрома, лежащие между нами.

— Смотрите сами! Чего ради мне одерживать победу в такой игре?

Я посмотрел на доску.

— Так смысл не в том, чтобы выиграть?

— Смысл в том, — величественно произнес Бредон, — чтобы сыграть в блестящую игру!

Он развел руками, пожал плечами, лицо его расплылось в блаженной улыбке.

— Чего ради мне одерживать победу, если игра не будет блестящей?

ГЛАВА 66

ПОД РУКОЙ

В тот же вечер я сидел в одиночестве там, где, по идее, была моя гостиная. Или салон. По правде говоря, я так и не понял, в чем разница.

Я с изумлением обнаружил, что на новом месте мне изрядно нравится. Не потому, что тут просторнее. Не потому, что из окон открывался куда лучший вид на сад. Не потому, что мозаика на мраморном полу была приятнее для глаз. И даже не потому, что в этих апартаментах имелся свой собственный бар с приличным набором вин, хотя это, конечно, было приятно.

Нет. Новые апартаменты были лучше потому, что тут было несколько мягких стульев без подлокотников, идеально подходящих для игры на лютне. Подолгу играть в кресле с подлокотниками неудобно. В прежних своих комнатах я в конце концов усаживался на пол.

Я решил, что комната, где стоят удобные стулья, будет моим залом для репетиций. Или моей лютневой... Я пока не нашел достаточно подходящего названия.

Нет нужды говорить, что я был очень рад тому, как все обернулось. Чтобы отпраздновать новоселье, я откупорил бутылку хорошего темного фелорского вина, расслабился и достал свою лютню.

Я решил начать с чего-нибудь быстрого и проворного и сыграл «Тим-тиририм», чтобы размять пальцы. Потом заиграл что-то нежное и легкое, мало-помалу заново осваиваясь с лютней. К тому времени, как я уговорил примерно полбутылки, я сидел, задрав ноги на стол, и музыка, льющаяся с моих струн, звучала разнеженно, как кот, греющийся на солнышке.

И тут я услышал у себя за спиной какой-то шум. Я резко оборвал мелодию и вскочил, ожидая увидеть Кавдикуса, или стражу, или еще какую-нибудь смертельную опасность.

Но это был всего лишь маэр. Он смущенно улыбался, точно ребенок, только что разыгравший шутку.

— Я так понимаю, на новом месте вам нравится?

Я взял себя в руки и отвесил небольшой поклон.

— Для такого, как я, эти апартаменты, пожалуй, чересчур роскошны, ваша светлость.

— Они довольно скромны, учитывая, чем я вам обязан, — возразил

Алверон. Он уселся на ближайший диван и любезным жестом дал понять, что я тоже могу садиться. — Что это вы сейчас играли?

Я снова сел на стул.

— Да так, ничего, ваша светлость. Я просто развлекался.

Маэр приподнял бровь.

— Так вы это сами сочинили?

Я кивнул, и он махнул рукой.

— Простите, что прервал. Продолжайте, прошу вас.

— А что вам угодно послушать, ваша светлость?

— Мне известно из надежных источников, что Мелуан Лэклесс обожает музыку и красивые слова, — сказал он. — Вот что-нибудь в этом духе.

— Красота бывает разной, ваша светлость, — сказал я. И заиграл вступление к «Верной Виолетте». Мелодия лилась легко, нежно и печально. Потом я перескочил на «Песнь о сэре Савиене». Мои пальцы ловко брали сложные аккорды, не скрывая, как это трудно.

Алверон кивал, отвечая собственным мыслям, выражение его лица с каждой нотой становилось все более довольным.

— А вы и сами сочинять можете?

Я уверенно кивнул.

— Могу, ваша светлость. Только, чтобы написать достойную вещь, требуется время.

— И много ли времени на это требуется?

Я пожал плечами.

— День, два, три. Смотря какую песню вы хотите. Письма-то писать проще.

Маэр подался вперед.

— Я рад, что похвалы Трепе не были преувеличенными, — сказал он. — Должен признаться, что я переселил вас в эти комнаты не только из благодарности. Тут есть ход, ведущий в мои покои. Нам нужно будет часто видаться, чтобы обсуждать мое сватовство.

— Да, ваша светлость, это будет очень кстати, — сказал я, а потом добавил, тщательно выбирая слова: — Ваша светлость, я ознакомился с историей семьи невесты, но в таком деле, как ухаживание за дамой, от этого не так уж много проку...

Алверон хмыкнул.

— Вы, должно быть, принимаете меня за глупца, — беззлобно сказал он. — Я понимаю, что вам нужно встретиться с ней. Через два дня она будет здесь, она должна прибыть с визитом вместе со множеством других

знатных господ. Я объявил месячные празднества в честь моего выздоровления от длительной болезни.

— Весьма умно придумано! — похвалил я его.

Он пожал плечами.

— Я постараюсь свести вас как можно быстрее. Вам что-нибудь требуется для упражнений в вашем искусстве?

— Главное — побольше бумаги, ваша светлость. И еще перья и чернила.

— Как, и все? Мне рассказывали про то, что поэтам, чтобы слагать стихи, требуются всякие странные вещи.

Он сделал неопределенный жест.

— Какой-нибудь напиток особенный или обстановка... Я слышал о поэте, довольно знаменитом у себя в Ренере, который держит под рукой кадку с гнилыми яблоками. И когда его покидает вдохновение, он открывает эту кадку и вдыхает пары, которые исходят от яблок.

Я расхохотался.

— Я ведь музыкант, ваша светлость! Предоставьте эти зубодробительные суеверия поэтам. Мне ничего не надо, кроме инструмента, пары проворных рук и знания темы.

Это, похоже, смутило Алверона.

— И ничего, что помогало бы вам поддерживать вдохновение?

— Ваша светлость, я хотел бы получить разрешение свободно бродить где вздумается, по всему дворцу и по Северену-Нижнему.

— Ну конечно!

Я беспечно пожал плечами.

— Ну, в таком случае у меня под рукой есть все, что требуется для вдохновения.

* * *

Едва успев ступить на улицу Жестянщиков, я увидел ее. После всех этих бесплодных поисков в течение предыдущих нескольких месяцев мне теперь казалось странным, что я так легко ее отыскал.

Денна двигалась сквозь толпу с медлительной грацией. Не с той напряженностью, что сходит за изящество при дворе, но с природной легкостью движений. Кошка не думает о том, как потянуться, она просто потягивается. Дерево же не делает и этого. Оно просто раскачивается, не тратя на это никаких усилий. Денна двигалась именно так.

Я поспешно догнал ее, стараясь, однако, не привлекать ее внимания.

— Простите, барышня!

Она обернулась. Когда она увидела меня, лицо ее просияло.

— Да?

— Я бы нипочем не стал так запросто обращаться к женщине, но я невольно приметил, что у вас глаза совсем как у той дамы, которую я однажды безумно любил.

— Вы любили лишь однажды? Какая жалость! — сказала она, обнажая зубы в коварной ухмылке. — Я слышала, некоторым мужчинам это удастся дважды, а то и больше!

Я не обратил внимания на эту шпильку.

— Я всего лишь один раз выставил себя глупцом. Я никогда не полюблю снова.

Лицо ее смягчилось, и она легонько коснулась моей руки.

— Бедняжка! Должно быть, она нанесла вам чудовищную рану.

— Еще бы! И не одну.

— Но этого следовало ожидать, — сказала она таким тоном, словно это само собой разумеется. — Как же может женщина не влюбиться в такого завидного мужчину, как вы?

— Не знаю, право, — скромно отвечал я. — Но мне кажется, она не любила меня, ведь она покорила мое сердце небрежной улыбкой, а потом сгинула прочь без единого слова. Как роса в бледном сиянии рассвета.

— Как сон поутру, — с улыбкой добавила Денна.

— Как эльфийская дева, что скрылась в лесу.

Денна помолчала.

— Должно быть, она и впрямь была прекрасна, если покорила вас столь невозвратно, — сказала она, глядя на меня серьезным взглядом.

— Она была несравненна.

— Ах, оставьте! — ответила она, сделавшись игривой. — Все мы знаем, что, когда погасишь свет, все женщины одного роста!

Она грубовато хохотнула и многозначительно ткнула меня локтем.

— Это неправда! — ответил я с твердой убежденностью.

— Ну... — помедлив, ответила она. — Я так понимаю, в этом вопросе мне придется поверить вам на слово.

Она взглянула на меня.

— Быть может, со временем вы меня и убедите.

Я заглянул в ее глубокие карие глаза.

— Я всегда на это надеялся.

Денна улыбнулась, и сердце у меня в груди сбилось с ритма.

— Что ж, надейтесь и дальше!

Она взяла меня под руку и пошла со мной в ногу.

— Ведь если мы лишимся надежды, что нам останется?

ГЛАВА 67

ФИЗИОГНОМИКА

Следующие два дня я почти целиком провел, выслушивая наставления Стейпса, который обучал меня, как вести себя на торжественном обеде. Большую часть этикета я знал с раннего детства, но был только рад возможности освежить свои познания. К тому же обычаи меняются от страны к стране и год от года, а небольшой промах сулит серьезные неприятности.

Поэтому Стейпс устроил обед для нас двоих, а потом сообщил мне о дюжине мелких, но серьезных ошибок, которые я допустил. Например, неприличным считалось класть на стол грязный прибор. Это означало, что вполне нормально облизать свой нож дочиста. На самом деле это был единственный приемлемый выход, если вам не хотелось пачкать салфетку.

Не принято было съедать целиком кусок хлеба. Часть куска непременно должна оставаться на тарелке, и желательно — не только корка. То же самое касается молока: последний глоток непременно должен оставаться на дне стакана.

На следующий день Стейпс устроил еще один обед, и я наделал новых ошибок. Отпускать замечания по поводу еды не то чтобы неприлично, но это признак деревенщины. То же самое — привычка нюхать вино в бокале. А у маленького мягкого сырка, который мне подали, оказывается, была корочка. Любой воспитанный человек увидел бы, что корочка несъедобна и ее надо срезать.

Ну а я, будучи неотесанным варваром, слопал сырок целиком. Корочка, кстати, была очень вкусная. Однако я это запомнил и морально приготовился к тому, чтобы выкинуть половину хорошего сыра, который мне подадут. Ничего не поделаешь, такова цена цивилизованности.

* * *

На банкет я явился в костюме, пошитом специально для этого случая. Цвет костюма был мне к лицу: травянисто-зеленый с черным. На мой вкус, в нем было многовато золотого шитья, однако сегодня я нехотя склонился перед модой: ведь мне предстояло сидеть по левую руку от Мелуан

Лэклесс!

За последние три дня Стейпс устроил мне шесть торжественных обедов подряд, и я чувствовал себя готовым ко всему. Стоя у входа в пиршественный зал, я предполагал, что труднее всего будет изображать интерес к пище.

Однако я оказался готов к пиру, но отнюдь не к встрече с самой Мелуан Лэклесс. По счастью, актерское воспитание и тут не подвело и я без сучка без задоринки приветствовал ее любезной улыбкой и подал руку. Она учтиво кивнула, и мы вместе направились к столу.

В зале стояли высокие канделябры с десятками свечей. В серебряных кувшинах, украшенных чеканкой, ждала горячая вода для омовения рук и холодная — для питья. Старинные вазы с замысловатыми букетами наполняли воздух сладостными ароматами. На стенах красовались рога изобилия с блестящими фруктами. На мой вкус, смотрелось пестровато. Однако этого требовала традиция: все это демонстрировало богатство хозяина.

Я провел леди Лэклесс к столу и предложил ей стул. Идя через зал, я старался не смотреть в ее сторону, но, когда я усаживал ее за стол, ее профиль показался мне таким знакомым, что я невольно уставился на нее во все глаза. Я ее знал, я был в этом уверен! Но даже ради спасения собственной жизни я не мог бы припомнить, где мы с нею встречались...

Садясь за стол, я все пытался угадать, где же мы с ней могли видеться. Не будь земли Лэклессов в полутора тысячах километров от Имре, я подумал бы, что знаю ее по Университету. Но это было смешно. Наследница Лэклессов не могла учиться в такой дали от дома.

Мой взгляд блуждал по безумно знакомым чертам. Может, я встречал ее в «Эолиане»? Нет, вряд ли. Я бы ее запомнил. Она была очаровательна: твердо очерченный подбородок, темно-карие глаза. Наверняка я где-то ее видел...

— Простите, что вас так заинтересовало? — осведомилась она, не глядя в мою сторону. Ее тон был любезен, но где-то в глубине чувствовалось негодование.

Я на нее пялюсь! Еще и минуты не провел за столом, а уже влез локтем в масло!

— Прошу прощения, сударыня. Но меня занимают человеческие лица, а ваше лицо меня поразило.

Мелуан повернула голову, взглянула на меня, ее раздражение несколько улеглось.

— Вы турагиор?

«Турагиоры» утверждали, будто способны читать будущее по лицу, по глазам и по форме головы. Дремучее винтийское суеверие.

— Так, сударыня, балуюсь немного.

— В самом деле? И что же вам говорит мое лицо?

Она вскинула голову и слегка отвернулась.

Я сделал вид, будто разглядываю черты Мелуан, обратив внимание на бледную кожу и искусно завитые каштановые волосы. Губы у нее были полные и алые без какой-либо помады. Линия шеи — гордая и изящная...

Я кивнул.

— Что ж, сударыня, отчасти я вижу ваше будущее...

Она приподняла бровь.

— И что же?

— Вы вот-вот получите извинения. Простите мои глаза, они порхают своевольно, подобно калантисам. И я не мог отвести их от вашего лица, прекрасного как цветок.

Мелуан улыбнулась, но не покраснела. Чувствительна к лести, но привычна к ней. Я и это запомнил.

— Что ж, такое будущее предсказать нетрудно, — сказала она. — А что вы видите еще?

Я еще некоторое время вглядывался в ее лицо.

— Еще две вещи, сударыня. Ваше лицо говорит мне, что вы — Мелуан Лэклесс и что я к вашим услугам.

Она улыбнулась и протянула мне руку для поцелуя. Я взял руку и склонился над ней. Я не стал на самом деле целовать ее, как то было бы уместно дома, в Содружестве, я лишь слегка коснулся губами пальца собственной руки, державшей ее руку. По-настоящему поцеловать руку даме в здешних краях было бы чересчур смело.

Наша болтовня прервалась: подали суп. Сорок слуг одновременно поставили тарелки перед сорока гостями зараз. Я попробовал суп. Боже милосердный, кому могло прийти в голову сделать суп сладким?

Я съел еще ложку, делая вид, будто мне вкусно. Краем глаза я наблюдал за своим соседом, хрупким старичком, которого я знал как вице-короля Банниса. Лицо и руки у него были морщинистые, покрытые пигментными пятнами, волосы растрепанные и седые. Я увидел, как он, не церемонясь, окунул палец в суп, облизнул его — и отодвинул тарелку в сторону.

Он порылся в карманах и раскрыл ладонь, показав мне то, что он достал.

— Я всегда таскаю с собой полные карманы засахаренного миндаля,

когда собираюсь на подобные сборища, — сообщил он мне заговорщицким шепотом. Глаза у него сделались хитрющие, как у ребенка. — А то никогда не знаешь, чем тебя вздумают накормить!

Он протянул мне ладонь.

— Берите, коли хотите!

Я взял орешек, поблагодарил его, и до конца банкета он больше не обращал на меня внимания. Когда я в следующий раз взглянул в его сторону, он беззастенчиво лопал орешки из кармана и спорил с женой о том, пекут крестьяне хлеб из желудей или нет. Судя по тону беседы, я подслушал часть бесконечного спора, который они вели на протяжении всей своей жизни.

Справа от Мелуан сидела парочка иллийцев, которые болтали на своем певучем наречии. В сочетании с умело расставленными вазами, которые загораживали от нас гостей на противоположной стороне стола, мы с Мелуан оказались больше наедине, чем если бы гуляли под руку в садах. Маэр умело рассадил гостей.

Суп унесли и поставили вместо него кусок мяса — я так понял, это был фазан, запеченный под густым сливочным соусом. Я с удивлением обнаружил, что фазан мне вполне по вкусу.

— И как вы думаете, каким образом мы оказались вместе? — небрежным тоном осведомилась Мелуан. — Господин...

— Квоут, — я отвесил небольшой поклон, не подымаясь со стула. — Быть может, маэр желал, чтобы вы не скучали, а я временами могу быть весьма занятен.

— Да, вполне.

— А быть может, я подкупил мажордома, чтобы очутиться с вами рядом!

Она слегка улыбнулась и отпила глоток воды. «Ей нравится смелость», — подумал я про себя.

Я вытер руки и чуть было не положил салфетку на стол, а это было бы ужасной ошибкой. То был сигнал убирать блюдо, которое стояло сейчас на столе. И если сделать это слишком рано, это означало молчаливое, но уничтожающее неодобрение в адрес хозяина дома. Расправляя салфетку и стеля ее на колени, я чувствовал, как по спине между лопатками у меня течет струйка пота.

— И как же вы проводите время, господин Квоут?

Она не стала спрашивать, чем я занимаюсь, — это означало, что она считает меня аристократом. По счастью, я заранее приготовил ответ.

— Так, пописываю понемногу. Генеалогии. Парочку пьес... Вы

любите театр?

— Так, иногда. Смотря какой.

— В зависимости от пьесы?

— В зависимости от актеров, — сказала она, и в голосе ее послышалось странное напряжение.

Я бы и не заметил, не следил за ней так пристально. Я решил перевести разговор на более безопасную тему.

— Как вам показались дороги по пути в Северен? — осведомился я. На дороги любят жаловаться все. Это такая же надежная тема, как погода. — Говорят, на севере разбойники пошаливают?

Я надеялся немного оживить беседу. Чем больше она болтает, тем лучше я ее узнаю.

— В это время года на дорогах всегда кишат разбойники из руэ, — холодно ответила Мелуан.

Не просто разбойники — разбойники из руэ! Она произнесла это слово с таким ледяным отвращением, что я буквально похолодел. Она ненавидит руэ. Не просто недолюбливает, как большинство людей, — она питает к нам искреннюю, неподдельную, жгучую ненависть.

Я был избавлен от необходимости отвечать: подали охлажденные фруктовые пирожные. Слева от меня вице-король спорил с женой о желудях. Справа Мелуан неторопливо разламывала пополам клубничное пирожное, лицо ее было бледно, как маска слоновой кости. Глядя, как ее безукоризненно отполированные ногти раздирают на кусочки пирожное, я понимал, что она думает о руэ.

* * *

Если не считать этого упоминания об эдема руэ, вечер прошел довольно славно. Мне мало-помалу удалось разговорить Мелуан, и она принялась болтать о всякой ерунде. Изысканный обед тянулся два часа, времени для разговоров у нас было предостаточно. Я обнаружил, что она действительно воплощает в себе все то, что предполагал Алверон: умна, привлекательна, красноречива. И даже то, что я знал о ее ненависти к руэ, не особенно мешало мне наслаждаться ее обществом.

Сразу после обеда я вернулся к себе и принялся писать. К тому времени, когда ко мне заглянул маэр, у меня уже было готово три черновика письма, набросок песни и пять страниц, исписанных нотами и репликами, которые я рассчитывал пустить в ход позднее.

— Входите, ваша светлость.

Он вошел, я поднял на него глаза. Он был уже совсем не похож на того хрупкого, трясущегося старика, которому я сумел вернуть здоровье. Он немного пополнел и выглядел лет на пять моложе.

— Что вы о ней думаете? — спросил Алверон. — Во время вашей беседы она ничего не говорила о своих поклонниках?

— Нет, ваша светлость, — сказал я, протягивая ему сложенный листок бумаги. — Вот первое письмо, которое вы, возможно, сочтете нужным ей отправить. Я полагаю, вы сможете найти способ тайно передать его ей?

Он развернул письмо и начал читать, беззвучно шевеля губами. Я тем временем родил еще одну строчку песни, записав поверх строки аккорды.

Наконец маэр поднял глаза.

— Вы не находите, что это несколько чересчур? — смущенно осведомился он.

— Нет. Вон то, — я оторвался от работы и указал пером на другой листок бумаги, — действительно чересчур. А то, что вы держите в руках, — как раз что надо. В ней есть романтическая струнка. Она мечтает, чтобы ей вскружили голову, хотя, вероятно, не признается в этом.

На лице маэра по-прежнему отражалось сомнение, поэтому я отодвинулся от стола и положил перо.

— Ваша светлость, вы были правы. Эта женщина вполне достойна стать вашей супругой. Не пройдет и нескольких дней, как во дворце будет с десяток мужчин, которые с радостью взяли бы ее в жены. Не так ли?

— Да их уже с десяток, — угрюмо ответил он. — А скоро будет десятка три.

— И добавьте еще десяток тех, с кем она встретится за обедом или будет гулять в саду. И еще десяток, которые будут ухаживать за ней просто из любви к искусству. Сколько из них станут писать ей письма и стихи? Они будут посылать ей цветы, побрякушки, знаки своего расположения. Вскоре на нее обрушится поток внимания. У вас всего один шанс.

Я указал на письмо.

— Не медлите! Это письмо воспламенит ее воображение, ее любопытство. Через пару дней, когда у нее на столе будет лежать гора других записок, она будет ждать второго письма от нас.

Он поколебался, потом его плечи поникли.

— Вы уверены?

Я покачал головой.

— В таком деле ни в чем нельзя быть уверенным, ваша светлость. Можно только надеяться. Ничего лучшего я вам обещать не могу.

Алверон колебался.

— Я в этом совершенно не разбираюсь! — сказал он, и в голосе его послышались капризные нотки. — Вот если бы была книга с правилами, которых можно было бы придерживаться!

Сейчас он выглядел совершенно как обыкновенный человек, ничуть не похожий на маэра Алверона.

По правде говоря, я и сам был озабочен не меньше его. Все, что я знал об уходе за женщинами по собственному опыту, легко можно было уместить в наперсток, не снимая его с пальца.

С другой стороны, в моем распоряжении был богатейший чужой опыт. Десять тысяч романтических песен, пьес и легенд, вместе взятые, хоть что-нибудь да значат. Что касается отрицательного опыта, я насмотрелся на Симмона, который пытался приударить чуть ли не за каждой женщиной на пять километров от Университета с безысходным энтузиазмом ребенка, пытающегося взлететь. Более того, я насмотрелся на то, как десятки мужчин разбивались в щепки о Денну, подобно кораблям, забывшим о приливе.

Алверон смотрел на меня неподдельно озабоченным взглядом.

— Как вы думаете, месяца хватит?

Заговорив, я сам удивился тому, как уверенно звучит мой голос.

— Ваша светлость, если за месяц я не сумею помочь вам ее покорить, значит, это вообще невозможно.

ГЛАВА 68

ПОЧЕМ ХЛЕБУШЕК

Следующие дни выдались довольно приятными. Светлое время суток я проводил с Денной, в Северене-Нижнем, исследуя город и его окрестности. Мы проводили время, катаясь верхом, купаясь, распевая песни или просто болтая целые дни напролет. Я восхвалял ее беззастенчиво и безнадежно: только глупец мог надеяться заарканить ее.

А потом я возвращался к себе и писал письмо, которое сочинял про себя весь день. Или изливал душу в песне. И в этой песне или письме я говорил все то, чего не осмеливался сказать Денне днем. То, что, как я знал, только отпугнуло бы ее.

Закончив письмо или песню, я переписывал все заново. Слегка сглаживал острые углы, убирал чересчур откровенные пассажи. Мало-помалу подгонял и переделывал, пока наконец результат не подходил Мелуан Лэклесс тютелька в тютельку, точно опойковая перчатка.

Это была идиллия. Отыскать Денну в Северене удавалось мне куда лучше, чем когда-либо в Имре. Мы проводили вместе по несколько часов кряду, иной раз встречались дважды и трижды на дню, иной раз три-четыре дня подряд.

Хотя справедливости ради следует заметить, что все шло не так уж гладко. Было, было несколько репьев в одеяле, как говаривал мой отец.

Первым из репьев был молодой господин по имени Герред, который сопровождал Денну во время одного из первых наших свиданий в Северене-Нижнем. Разумеется, он знал ее не под именем Денны. Он называл ее «Алора», так ее звал и я до конца дня.

На лице Герреда застыло обреченное выражение, которое мне было уже более чем знакомо. Он достаточно давно общался с Денной, чтобы влюбиться в нее, и только что начал понимать, что его время подходит к концу.

Я видел, как он совершал все те же ошибки, которые до него совершали другие. Чересчур властно обнял ее за талию. Вручил ей в подарок кольцо. Когда мы бродили по городу, стоило ей задержать на чем-то взгляд дольше трех секунд, он тут же предлагал ей это купить. Пытался требовать у нее обещание непременно встретиться снова. Быть может, на балу у Деферров? А может, пообедаем в «Золотой доске»? А вот люди

графа Абеляра завтра ставят «Десятигрошового короля»...

По отдельности все это могло бы быть замечательно. Может быть, даже привлекательно. Но все вместе давало картину неподдельного отчаяния, с руками, стиснутыми до побелевших костяшек. Он цеплялся за Денну, как будто был утопающим, а она — обломок доски.

Он бросал на меня гневные взгляды, когда она не видела, а когда Денна простилась с нами, пожелав обоим доброй ночи, лицо у него вытянулось и побелело, как будто он уже два дня как умер.

Второй репей был похуже. После того как я помогал маэру ухаживать за его дамой почти два оборота, Денна внезапно испарилась, без следа, без предупреждения, не сказав ни слова. Ни прощальной записки, ни каких-либо извинений. Я ждал ее три часа в конюшне, где мы договорились встретиться. Потом я отправился в трактир, где она жила, и узнал, что накануне вечером она собрала вещи и съехала.

Я отправился в парк, где мы обедали накануне, потом обежал еще десяток мест, где мы обычно встречались. К тому времени, как я сел на подъемник, идущий на вершину Крути, была уже почти полночь. Но все равно какая-то безрассудная часть меня продолжала надеяться, что она встретит меня наверху и снова бросится мне на шею в порыве неудержимого восторга.

Однако ее там не было. В ту ночь я не написал ни письма, ни песни для Мелуан.

На второй день я несколько часов шатался по Северену-Нижнему, озабоченный и уязвленный. В тот же вечер, у себя в комнатах, я долго потел, ругался и портил бумагу и наконец, испортив листов двадцать, выдал из себя три коротких, относительно сносных абзаца, которые и вручил маэру на его усмотрение.

На третий день сердце камнем лежало у меня в груди. Я попытался было закончить песню, которую писал для маэра, но ничего толкового у меня не вышло. В течение первого часа все ноты, которые я брал, выходили свинцовыми и безжизненными. На второй час они сделались неблагозвучными и разрозненными. Я упорствовал до тех пор, пока каждый звук, издаваемый моей лютней, не сделался скрипучим и мерзким, как ножом по зубам.

Наконец я позволил своей бедной измученной лютне умолкнуть, вспомнив то, что некогда говорил мой отец: «Песни сами выбирают себе час и время. Если у лютни жестяной звук — должно быть, это не без причины. Твоя музыка звучит в тон твоей душе, из грязного колодца не наберешь чистой воды. Подожди, пока муть осядет, иначе звук выйдет

гнусный, как у треснутого колокола».

Я положил лютню в футляр, понимая, что это правда. Мне требовалось отдохнуть несколько дней, чтобы вновь успешно ухаживать за Мелуан от имени маэра. Это была слишком тонкая работа, чтобы делать ее через силу или не от чистого сердца.

С другой стороны, я понимал, что маэр будет недоволен заминкой. Мне нужен был повод, и, поскольку маэр весьма неглуп, повод должен был быть хотя бы отчасти законным.

* * *

Я услышал знакомый шорох воздуха, говорящий о том, что в моей гардеробной отворилась потайная дверь, ведущая в секретный проход в комнаты маэра. К тому времени, как он показался в дверях, я уже беспокойно расхаживал взад-вперед.

За последние два оборота маэр еще немного отъелся, и его лицо уже не было таким вытянувшимся, с запавшими щеками. Он выглядел весьма внушительно в своем пышном наряде: рубашке цвета сливок и слоновой кости и жестком камзоле темно-сапфирового оттенка.

— Я получил ваше письмо, — резко бросил он. — Так песня готова?

Я обернулся к нему.

— Нет, ваша светлость. Мне пришло на ум кое-что поважнее песен.

— Что касается вас, ничего важнее песен быть не может! — твердо ответил маэр, поправляя манжет рубашки. — Я слышал от нескольких людей, что первые две песни Мелуан очень понравились. Вам следует направить все свои усилия в этом направлении.

— Ваша светлость, мне стало известно, что...

— Довольно! — нетерпеливо перебил Алверон, взглянув на циферблат высоких пружинных часов, что стояли в углу комнаты. — Меня ждут.

— Вашей жизни по-прежнему грозит опасность со стороны Кавдикуса!

Надо отдать маэру должное: при необходимости он мог бы зарабатывать себе на жизнь игрой на сцене. Он почти не дрогнул, лишь слегка замешкался, поправляя второй манжет.

— Каким образом? — осведомился он, стараясь казаться равнодушным.

— У него есть и другие способы причинить вам вред, помимо яда. Способы, которые можно применить на расстоянии.

— Вы имеете в виду заклинания? — спросил Алверон. — Он собирается вызвать призрака и прислать его, чтобы околдовать меня?

«О Тейлу и все прочие! „Призрака“! „Околдовать“!» Как легко было забыть, что этот умный, тонкий и во всех прочих отношениях вполне образованный человек ничем не лучше ребенка, когда речь идет о тайных знаниях! Он небось верил даже в фейри и живых мертвецов, бедолага...

Однако пытаться просвещать его было бы утомительно и непродуктивно.

— Возможно, что и так, ваша светлость. Но существуют и другие, более серьезные опасности.

Он несколько утратил свой невозмутимый вид и посмотрел мне в глаза.

— Что же может быть серьезнее, чем прислать призрака?

Маэр был не из тех, кого можно смутить одними словами, поэтому я взял из вазы с фруктами яблоко, протер его рукавом и протянул маэру.

— Не поддержите, ваша светлость?

Он недоверчиво взял яблоко.

— К чему это вы?

Я подошел к стене, где висел мой красивый вишневый плащ, и достал из одного из многочисленных карманов иголку.

— Я покажу вам, ваша светлость, на что способен Кавдикус.

Я протянул руку за яблоком.

Маэр отдал мне яблоко, и я оглядел его. Держа яблоко под углом к свету, я увидел то, на что надеялся: смазанные отпечатки на блестящей коже. Я пробормотал связывание, сосредоточил свой алар и воткнул иглу в центр отпечатка, оставленного на яблоке указательным пальцем маэра.

Алверон дернулся, издал нечленораздельный изумленный возглас и уставился на свою руку так, словно его неожиданно кольнули булавкой.

Я предполагал, что он укорит меня, но он ничего не сказал. Глаза у него расширились, лицо побледнело. Потом он стал задумчиво наблюдать за капелькой крови, набухающей на кончике пальца.

Маэр облизнул губы и медленно сунул палец в рот.

— Понятно, — негромко сказал он. — От этого можно уберечься?

На самом деле это был не вопрос.

Я кивнул с суровым видом.

— Отчасти да, ваша светлость. Полагаю, я смогу изготовить... э-э... амулет, который вас защитит. Я лишь сожалею, что не подумал об этом прежде, но то одно, то другое...

— Да-да! — маэр жестом велел мне замолчать. — Что вам нужно,

чтобы изготовить амулет?

Вопрос был с двойным дном. На первый взгляд, он спрашивал о том, какие материалы мне потребуются. Но маэр был человек практичный. Он, кроме всего прочего, хотел узнать мою цену.

— В мастерской в башне Кавдикуса должно быть все, что мне нужно, ваша светлость. А те материалы, которых в мастерской не найдется, я смогу найти в Северене, только на это потребуется время...

Затем я помолчал, обдумывая другую сторону вопроса. Маэр мог дать мне сотню вещей: денег выше головы, лютню из тех, какие могут себе позволить только короли... Я аж вздрогнул при мысли об этом. Лютня работы Антрессора! Я такой даже не видел никогда, а вот отец мой видел. Он как-то раз играл на Антрессоровой лютне в Анилене и временами, хлебнув винца, любил рассказывать об этом, обрисовывая руками в воздухе ее изящный абрис.

Так вот, маэр мог добыть мне такую в мгновение ока!

И не только это, разумеется. Алверон мог устроить мне доступ в сотню частных библиотек. Да и официальное покровительство такого знатного лорда — тоже дело немалое. Имя маэра способно открывать двери так же легко, как имя самого короля.

— Есть кое-что еще, — медленно начал я, — что я надеялся обсудить с вашей светлостью. У меня есть один проект, но для его завершения мне требуется ваша помощь. И еще у меня есть друг, талантливый музыкант, который нуждается в высокопоставленном покровителе...

Я сделал многозначительную паузу.

Алверон кивнул. Его серые глаза говорили о том, что он все понял. Маэр был не дурак. Он знал, почему хлебушек.

— Я прикажу Стейпсу дать вам ключи от башни Кавдикуса, — сказал он. — Сколько времени вам потребуется, чтобы изготовить талисман?

Я сделал вид, что размышляю.

— По меньшей мере четыре дня, ваша светлость.

Этого должно хватить, чтобы взбаламученные воды моего творческого колодца успокоились. Или чтобы Денна вернулась оттуда, куда она сорвалась так внезапно...

— Если бы я был уверен в его оборудовании, можно было бы и быстрее, но мне придется действовать осторожно. Я не знаю, какие ловушки подстроил Кавдикус, прежде чем бежать.

Услышав это, Алверон нахмурился.

— А вы сможете продолжать свои нынешние занятия?

— Нет, ваша светлость. Работа будет довольно утомительной и

потребуется много времени. Тем более что, как я предполагаю, вы предпочли бы, чтобы я соблюдал осмотрительность, добывая нужные материалы в Северене-Нижнем...

— Да, разумеется.

Он шумно выдохнул через нос.

— Ад и преисподняя, а ведь так все хорошо шло! Кого же мне приставить писать письма, пока вы будете заняты?

Последнее он произнес задумчиво, разговаривая сам с собой.

Эту мысль надо было уничтожить в зародыше. Я не желал делить честь завоевания сердца Мелуан с кем-то еще.

— Не думаю, что это так уж необходимо, ваша светлость. Дней семь-восемь тому назад — быть может. Но теперь, как вы говорите, мы сумели ее заинтересовать. Она взбудоражена, готова к дальнейшему сближению. И теперь, если она в течение нескольких дней не получит от нас новых вестей, она будет разочарована. Но главное — она захочет вернуть себе ваше внимание.

Маэр огладил бородку. Лицо его стало задумчивым. Я подумал, не пустить ли в ход сравнение с рыбкой, которую надо поводить на крючке, но не был уверен, что маэр когда-нибудь занимался столь плебейским делом, как удить рыбу удочкой.

— Не считите за дерзость, но... Ваша светлость, вам когда-нибудь, в юности, доводилось добиваться расположения юной дамы?

Алверон улыбнулся моей осмотрительности.

— Не сочту. Что вы хотели сказать?

— Какие из них казались вам привлекательнее? Те, что сразу бросались вам в объятия, или те, что казались более упрямыми, несговорчивыми, возможно, даже равнодушными к вашим ухаживаньям?

Взгляд маэра сделался отсутствующим — он вспоминал.

— Так вот, у женщин все точно так же. Некоторые не выносят, когда мужчина цепляется за них. И все они ценят, когда им предоставляют свободу и возможность сделать свой собственный выбор. Трудно жаждать того, что у тебя все время под рукой.

Алверон кивнул.

— Отчасти вы правы... Разлука питает страсть...

Он кивнул снова, уже увереннее.

— Хорошо. Три дня!

Он снова взглянул на пружинные часы.

— Ну а теперь мне пора...

— И последнее, ваша светлость! — поспешно сказал я. — Талисман,

который я буду делать, должен быть настроен на вас. Мне потребуется ваше сотрудничество.

Я кашлянул.

— А точнее, немного ваших... телесных субстанций.

— Говорите прямо!

— Понемногу вашей крови, слюны, кожи, волос и мочи.

Про себя я тяжело вздохнул, понимая, что для суеверного винтильца это готовый рецепт для вызывания призрака или какой-нибудь подобной чуши.

Как я и ожидал, маэр, выслушав этот список, прищурил глаза.

— Я, конечно, не знаток, — медленно произнес он, — но мне кажется, что это именно то, чем мне ни в коем случае не следует делиться ни с кем. Почему я должен вам доверять?

Я мог бы начать распространяться о своей верности, напомнить о своих былых заслугах, поставить ему на вид, что я уже спас ему жизнь. Но за последний месяц я успел разобраться, как работает голова маэра.

Я улыбнулся ему своей лучшей проницательной улыбкой.

— Вы же умный человек, ваша светлость! Я уверен, что вы и так это знаете.

Он улыбнулся в ответ.

— Ну, предположим, будто я этого не знаю?

Я пожал плечами.

— Если вы, ваша светлость, умрете, мне с вас никакого проку не будет!

Его серые глаза заглянули в мои, потом он кивнул, удовлетворившись ответом.

— И то верно. Напишите мне, когда вам все это потребуется.

Он повернулся, собираясь удалиться.

— Три дня!

ГЛАВА 69

ПОДОБНОЕ БЕЗУМИЕ

Я несколько раз побывал в Северене-Нижнем, добывая все необходимое для маэрова грэма. Самородное золото. Никель и железо. Уголь и травильные кислоты. Деньги для этих покупок я добывал, распродавая разные предметы оборудования из мастерской Кавдикуса. Можно было бы попросить денег у маэра, однако я предпочитал, чтобы он думал обо мне как о человеке независимом и находчивом, а не как о бездонной дыре, куда уходят деньги.

Ну, и совершенно случайно, покупая и продавая, я посещал многие из тех мест, где мы бывали вместе с Денной.

Я так привык встречаться с нею, что теперь она мерещилась мне повсюду, где ее не было. Каждый день сердце у меня радостно подпрыгивало, когда я видел, как она сворачивает за угол, заходит к сапожнику, машет мне с другого конца двора. Но на самом деле все это оказывалась не она, и каждый вечер я возвращался во дворец маэра еще более безутешным, чем накануне.

Вдобавок еще и Бредон несколько дней тому назад уехал из Северена, навестить каких-то родственников по соседству. А я и не подозревал, как привязался к нему, пока он не исчез.

Как я уже говорил, изготовить грэм не так уж трудно, если у вас есть все необходимое оборудование, схема и алар, прочный, как клинок рамстонской стали. Инструменты для работы по металлу в башне Кавдикуса были вполне приемлемые, хотя, конечно, им было далеко до тех, что у нас в артной. Со схемой тоже проблем не было — у меня хорошая память на такие вещи.

Трудясь над грэмом для маэра, я одновременно принялся делать второй грэм, в замену тому, которого я лишился. К несчастью, из-за довольно грубого оборудования, которое было в моем распоряжении, я не успел его закончить как следовало.

Грэм маэра я завершил через три дня после разговора с ним и через шесть дней после внезапного исчезновения Денны. На следующий день я оставил свои бесплодные поиски и расположился в одном из открытых кафе. Я пил кофе и пытался обрести вдохновение для песни, которую задолжал маэру. Я провел там десять часов, и единственное, чего

добился, — это волшебным образом перевел чуть ли не полведра хорошего кофе в чудную, душистую мочу.

В тот вечер я выпил несообразное количество скаттена и уснул за письменным столом. Песня для Мелуан так и осталась неоконченной. Маэр был весьма недоволен.

* * *

Денна появилась вновь на седьмой день, когда я бродил по местам наших прогулок в Северене-Нижнем. Невзирая на все мои поиски, она увидела меня первой и, смеясь, подбежала ко мне. Она торопливо рассказала о песне, которую слышала накануне. Мы провели день вместе — так непринужденно, будто она никуда и не уезжала.

Я не стал расспрашивать ее о внезапном исчезновении. Я был знаком с Денной уже более года и кое-что знал о тайных пружинах ее сердца. Я знал, что она ценит свою независимость. Я знал, что у нее есть свои тайны.

В тот вечер мы гуляли в маленьком саду, тянущемся вдоль самого края Крути. Мы сидели на деревянной скамейке, глядя на темный город внизу: беспорядочные брызги света светильников, уличных фонарей, газовых фонарей с редкими вкраплениями огоньков симпатических ламп.

— Извини, пожалуйста, — тихо сказала она.

Мы почти четверть часа сидели молча, глядя на городские огни. Если она и решила продолжить какой-то прерванный разговор, я не помнил, о чем речь.

— Прошу прощения?

Видя, что Денна не отвечает, я обернулся к ней. Луны на небе не было, вечер выдался темный. Лицо Денны было тускло освещено тысячами сияющих внизу огней.

— Иногда я исчезаю, — сказала она наконец. — Быстро, тихо, посреди ночи.

Денна не смотрела на меня, говоря это. Ее темные глаза были прикованы к раскинувшемуся внизу городу.

— Ну да, именно так, — продолжала она еле слышно. — Без предупреждения, не сказав ни слова. И потом ничего не объясняю. Иногда я не могу поступить иначе.

Тут она обернулась и посмотрела мне в глаза. Ее лицо, подсвеченное тусклым светом, было очень серьезным.

— Надеюсь, тебе это не нужно говорить, ты и так все понимаешь, —

сказала она. — Надеюсь, мне не нужно объяснять...

Денна снова отвернулась и уставилась на мерцающие огоньки внизу.

— Но все-таки — извини, пожалуйста.

Мы еще немного посидели, наслаждаясь уютным молчанием. Мне хотелось что-нибудь сказать. Мне хотелось сказать, что меня это совершенно не волнует, но это была бы ложь. Мне хотелось сказать ей, мол, для меня главное, что она вернулась, но я опасался, что это прозвучит чересчур искренне.

Так что я побоялся сказать то, чего говорить не следует, и потому не сказал ничего. Я же знал, что бывает с мужчинами, которые цепляются за нее чересчур крепко. Это же была главная разница между мной и остальными. Я не пытался обнимать ее за талию, шептать что-то ей на ухо и внезапно целовать в щечку.

Разумеется, я думал об этом. Я помнил, какая она была теплая, когда кинулась мне на шею тогда, возле конного лифта. Бывали времена, когда я отдал бы свою правую руку, лишь бы обнять ее снова.

Но потом я вспоминал лица тех, других мужчин, осознавших, что Денна их бросает. Я вспоминал всех тех, кто пытался приковать ее к земле — и остался в дураках. И я сдерживал желание показать ей все песни и стихи, которые написал, понимая, что излишняя искренность может все погубить.

А если это означало, что она не целиком принадлежит мне, что ж с того? Зато я останусь тем, к кому она всегда сможет вернуться, не страшась упреков и расспросов. И потому я не пытался выиграть ее любовь и удовлетворялся блестящей игрой.

Однако в глубине души какая-то частица меня не переставала надеяться на большее, и оттого я все время отчасти оставался глупцом.

* * *

Шли дни. Мы с Денной шатались по улицам Северена, сидели в кафе, смотрели пьесы, катались верхом. Вскарabкались на Круть пешком просто затем, чтобы сказать, что мы это сделали. Побывали на портовом рынке, в бродячем зверинце, в нескольких кунсткамерах.

А иногда целыми днями ничего не делали, просто сидели и болтали, и в эти дни главной темой наших бесед бывала музыка.

Мы часами обсуждали тонкости ремесла музыканта. Как сочиняются песни. Как соотносятся куплет и припев, о ритме, о тональности, о

размерах.

Были вещи, которые я узнал еще в раннем детстве и о которых часто размышлял. И хотя Денна была новичком в этом деле, в некоторых отношениях это было ее преимуществом. Я-то начал учиться музыке прежде, чем говорить. Я знал десять тысяч правил мелодии и стиха лучше, чем свои пять пальцев.

А Денна их не знала. В некоторых отношениях это ей мешало, зато отчасти именно это делало ее мелодии такими странными и восхитительными...

Ах, плохо я объясняю! Ну ладно: представьте, что музыка — это огромный запутанный город вроде Тарбеана. За те годы, что я провел на его улицах, я выучил их наизусть. И не только главные улицы. И не только мелкие переулки. Я знал все проходные дворы, все крыши и отчасти даже канализацию. Благодаря этому я мог перемещаться по городу, как кролик по кустарнику: ловко, проворно, путая следы.

Денна же никогда ничему не училась. Все эти проходные дворы были ей неведомы. Вы можете подумать, будто из-за этого она вынуждена была бродить по городу наугад, потерянная и беспомощная, заблудившаяся в лабиринте каменных стен.

А она вместо этого просто проходила сквозь стены. Иначе она не умела. Никто никогда не говорил ей, что так нельзя. И оттого она перемещалась по городу, как некое сказочное создание. Она бродила по дорогам, не видимым никому, кроме нее, и оттого музыка ее была дика, непривычна и вольна.

* * *

В общем, мне потребовалось двадцать три письма, шесть песен и, стыдно признаться, одна поэма.

Разумеется, дело было не только в письмах и песнях. Одними письмами женского сердца не завоеешь. Алверон и сам не сидел сложа руки. А после того, как он открыл Мелуан, кто был ее таинственным поклонником, он взял на себя львиную долю трудов, мало-помалу очаровывая ее своей скромностью и почтительностью.

Однако именно мои письма привлекли ее внимание. Именно мои песни заставили ее подойти достаточно близко, чтобы Алверон смог пустить в ход неторопливое обаяние своих речей.

И все равно, те письма и песни были моими лишь отчасти. Что же

касается поэмы, на свете есть лишь одно, что могло сподвигнуть меня на подобное безумие.

ГЛАВА 70

НАВЯЗЧИВОСТЬ

Мы встретились с Денной возле трактира на Чокеровом проезде, где она жила, скромного заведения под вывеской «Четыре свечи». Выйдя из-за угла и увидев ее в свете фонаря, висящего над входной дверью, я ощутил прилив радости — просто оттого, что могу найти ее там, где искал.

— Я получил твою записку, — сказал я. — Представь себе, как я обрадовался!

Денна улыбнулась и сделала реверанс, приподняв юбку одной рукой. Да, на ней была юбка, а не замысловатое платье из тех, в каких ходят знатные дамы: простой кусок ткани, какие носят крестьянки, сгребаящие сено или пляшущие в хороводе.

— Я была не уверена, сумеешь ли ты выбраться, — сказала она. — Все-таки все приличные люди давно уже спят.

— Признаться, я удивился, — сказал я. — Будь я любопытен, я бы поинтересовался, отчего ты до сих пор на ногах в столь поздний час.

— Дела, дела! — театрально вздохнула она. — С покровителем встречалась.

— Он снова в городе? — спросил я.

Она кивнула.

— И пожелал встретиться с тобой в полночь? Однако это... странно.

Денна спустилась с порога трактира, и мы пошли по улице рядом.

— Ну, в чьей руке кошелек, тот и... — она беспомощно развела руками. — Мастер Ясень всегда выбирает самое странное время и самое неподходящее место. В глубине души я подозреваю, что это просто какой-то одинокий аристократ, которому наскучило быть обычным покровителем талантов. Может, ему это добавляет перцу: он воображает, что участвует в каких-то темных интригах, вместо того чтобы просто заказывать мне песни.

— Так что же ты задумала нынче ночью? — спросил я.

— Да ничего, просто провести время в твоём приятном обществе, — сказала Денна, наклонилась и взяла меня под руку.

— Ну, в таком случае, — сказал я, — я хочу тебе кое-что показать. Это сюрприз! Доверься мне.

— Ой, это я уже двадцать раз слышала! — темные глаза Денны ехидно

блеснули. — Правда, не все сразу и не от тебя.

Она улыбнулась.

— Ладно, буду толковать сомнения в твою пользу, а свои старушечьи колкости приберегу на потом. Веди меня, куда хочешь!

И мы отправились в Северен-Верхний на конном лифте. С платформы мы оба пялились на огни ночного города, точно бестолковые простолюдины, какими, собственно, и были. Я повел ее на долгую прогулку по булыжным мостовым, мимо лавчонок и скверов. Потом все здания остались позади, мы перелезли через невысокий деревянный забор и направились к темному силуэту заброшенного сарая.

Тут уж Денна не удержалась.

— Ладно, — сказала она. — Признаю: сюрприз удался! Ты меня удивил.

Я только ухмыльнулся и повел ее дальше, в темный сарай. Внутри пахло сеном и отсутствующей сейчас скотиной. Я подвел Денну к приставной лестнице, которая уходила во мрак у нас над головами.

— Это что, сеновал, что ли? — недоверчиво осведомилась Денна. Она остановилась и уставилась на меня странным, изумленным взглядом. — Ты меня ни с кем не путаешь? С какой-нибудь четырнадцатилетней крестьянкой по имени... — она беззвучно пошевелила губами. — Ну, в общем, с каким-нибудь деревенским именем.

— Гретта! — предложил я.

— Ну да. Ты, наверно, перепутал меня с девчонкой в корсаже с низким вырезом по имени Гретта?

— Не волнуйся, — ответил я. — Если бы я собирался тебя соблазнить, я бы подошел к делу иначе.

— В самом деле? — переспросила она и провела рукой по волосам. Ее пальцы принялись рассеянно заплетать косичку. Потом она спохватилась и растеребила ее. — Но в таком случае что же мы тут делаем?

— Ты же говорила, что обожаешь сады, — сказал я. — А сады Алверона особенно прекрасны. Я подумал, может, тебе там понравится.

— Ага, посреди ночи! — сказала Денна.

— Чудная прогулка при луне! — поправил я.

— Сегодня луны нет и не будет, — возразила она. — А если и будет, то так, узенький месяц.

— И тем не менее, — не отступал я, — много ли надо луны, чтобы наслаждаться благоуханием цветущего жасмина?

— На сеновале-то? — сказала Денна тоном, исполненным недоверия.

— С сеновала просто удобнее всего забраться на крышу, — объяснил

я. — А оттуда — во дворец маэра. А из дворца — в сад.

— Но если ты на службе у маэра, — спросила она, — отчего бы не взять и не попросить тебя впустить?

— Ах! — театрально воскликнул я, вскинув палец. — Но как же приключения? Есть сто человек, которые могли бы просто пригласить тебя прогуляться в садах маэра. Но только один может провести тебя туда тайком!

Я улыбнулся ей.

— Денна, я предлагаю тебе уникальную возможность!

Она ухмыльнулась в ответ.

— Ты так хорошо знаешь тайные струны моей души!

Я протянул ей руку, словно приглашая ее сесть в карету.

— Прошу, миледи!

Денна оперлась на мою руку, поставила ногу на первую ступеньку лестницы, но тут же остановилась.

— Эй, постой, ты неучтив! Ты собираешься заглянуть мне под платье!

Я напустил на себя убедительный вид оскорбленной невинности и прижал руку к сердцу.

— Сударыня, я же джентльмен! Могу вас заверить, что...

Она хлопнула меня по затылку.

— Ты уже признавался, что ты не джентльмен! — сказала она. — Ты просто воришка и норовишь похитить мою невинность!

Она отступила назад и, передразнивая меня, отвесила поклон:

— Прошу, милорд!

Мы вылезли на сеновал, оттуда на крышу и спустились в сад. Серпик луны у нас над головой был тонок, как вздох, и так бледен, что почти не затмевал света звезд.

В садах было на удивление тихо для такой теплой и славной ночи. Обычно даже в этот поздний час парочки бродили по аллеям и шушукались на скамьях в беседках. Интересно, куда они все подевались? На бал какой-нибудь или на торжественный прием?

Сады маэра были обширны, а извилистые дорожки и замысловатые живые изгороди заставляли их казаться еще просторнее. Мы с Денной брели бок о бок, слушая шум ветра в кронах. Казалось, будто мы с ней — единственные люди на свете.

— Не знаю, помнишь ли ты один наш давнишний разговор, — сказал я вполголоса, не желая нарушать тишину. — Мы тогда говорили о цветах.

— Помню, — ответила она так же тихо.

— Ты говорила, тебе кажется, будто все мужчины учатся ухаживать за

дамами по одной и той же затрепанной книжонке.

Денна беззвучно рассмеялась — я это скорее почувствовал, чем услышал. Она закрыла рот рукой.

— Ой, а я и забыла! Неужели я действительно так говорила?

Я кивнул.

— Ты говорила, они все приносили тебе розы.

— И до сих пор приносят, — сказала она. — Скорей бы уж они добыли новую книжку!

— Ты просила меня выбрать цветок, который подошел бы тебе больше.

Она застенчиво улыбнулась.

— Да, помню. Я тебя испытывала.

Потом нахмурилась.

— Но ты меня перехитрил: ты выбрал цветок, о котором я даже не слышала никогда, не говоря уже о том, чтобы видеть.

Мы свернули за угол. Дорожка вела в темно-зеленый тоннель арки.

— Не знаю, успела ли ты увидеть их с тех пор, — сказал я. — Но вот он, твой цветок селаса.

Путь нам озаряли одни только звезды. Месяц был такой узенький, что его все равно что не было. Тьма под аркой была густой и непроглядно-черной, как волосы Денны.

Широко раскрыв глаза, мы напряженно вглядывались во тьму, и там, где звездный свет пробивался сквозь листву, видны были сотни цветков селаса, раскрывшихся в ночи. Аромат селаса был бы головокружителен, не будь он столь тонок.

— Ах! — вздохнула Денна, озираясь по сторонам. Тут, под аркой, ее лицо светилось ярче луны. Она раскинула руки в стороны. — Какие же они нежные!

Мы молча шли вперед. Повсюду лозы селаса оплетали решетчатые арки, цепляясь за дерево и проволоку, скрываясь от полуночного неба. Когда тоннель наконец закончился, снаружи оказалось светло как днем.

Молчание затягивалось. Мне наконец сделалось не по себе.

— Ну вот, теперь ты знаешь, какой он, твой цветок, — сказал я. — А то мне было жаль, что ты его никогда не видела. Селас довольно капризное растение, насколько я знаю.

— Тогда оно, должно быть, и впрямь мне подходит, — тихо ответила Денна, глядя себе под ноги. — Я тоже трудно пускаю корни.

Мы пошли дальше. Дорожка свернула, и арка скрылась за поворотом.

— Ты обходишься со мной лучше, чем я того стою, — сказала наконец

Денна.

Я рассмеялся: что за нелепая мысль! Только нежелание нарушать царящую в саду тишину помешало мне от души рассмеяться. Я сдерживал смех как мог, аж с ноги сбился и даже споткнулся.

Обогнавшая меня на шаг Денна смотрела на меня, и на губах у нее играла улыбка.

Наконец я перевел дух.

— Это с тобой-то, которая пела со мной в тот вечер, когда я заработал дудочки! С тобой, которая подарила мне лучший подарок, какой я когда-либо получал!

Тут мне вспомнилось.

— А ты знаешь, — спросил я, — что твой футляр для лютни мне жизнь спас?

Улыбка росла и распускалась, точно цветок.

— Что, правда?

— Правда-правда! — сказал я. — Я даже и надеяться не могу обойтись с тобой так хорошо, как ты того стоишь! При том, чем я тебе обязан, это весьма скромная плата!

— Ну, по-моему, для начала и это неплохо.

Она взглянула на небо и глубоко вздохнула.

— Я всегда больше всего любила безлунные ночи. В темноте проще говорить, что думаешь. Проще быть собой.

Она пошла дальше, и я пошел рядом. Мы миновали фонтан, пруд, стену бледного жасмина, раскрывшегося в ночи. Миновали каменный мостик и снова очутились в лабиринте живых изгородей.

— Ты ведь мог бы обнять меня за талию, знаешь ли, — заметила она деловым тоном. — Мы гуляем в саду, совсем одни. При луне, какая уж ни на есть.

Денна смотрела на меня искоса, усмехаясь уголком губ.

— Это вполне допустимо, если хочешь знать.

Внезапная перемена ее настроения застигла меня врасплох. С тех пор как мы встретились в Северене, я ухаживал за ней безумно, безнадежно, но церемонно, и она старательно мне подыгрывала. Она отвечала любезностью на любезность, шуткой на шутку, игривой болтовней на болтовню — не как эхо, скорее подобно двум музыкантам, поющим дуэтом.

Но сейчас все было иначе. Ее тон был менее игрив, он сделался проще и прямее. Перемена была столь внезапной, что я не нашелся, что сказать.

— Четыре дня тому назад я подвернула ногу на неровной мостовой, — тихо сказала она. — Помнишь? Мы шли по Минсотову проезду. Я

оступилась, и ты подхватил меня прежде, чем я поняла, что споткнулась. Я удивилась — как же внимательно ты за мной следишь, чтобы замечать такие вещи!

Мы снова свернули. Денна продолжала говорить, не глядя на меня. Голос ее был тих и задумчив, как будто она разговаривала сама с собой.

— Я почувствовала твои руки, такие надежные, ты поддержал меня. Почти обнял. Тебе было бы так легко меня обнять. Всего на несколько сантиметров дальше... Но когда я твердо встала на ноги, ты тут же отвел руки. Не колеблясь. Не медля. Ничего такого, что я могла бы неправильно понять.

Она хотела было обернуться ко мне, но передумала и снова опустила глаза.

— Это не так уж мало, — сказала она. — Кругом столько мужчин, и все они только и делают, что пытаются вскружить мне голову. И есть ты, который добивается ровно противоположного. Чтобы я твердо стояла на ногах. Чтобы не упала.

Она застенчиво, почти робко потянулась ко мне.

— Когда я беру тебя под руку, для тебя это как будто само собой разумеется. Ты даже накрываешь мою руку своей, словно затем, чтобы она не выскользнула.

Она говорила об этом как раз в тот момент, когда я это сделал, и мне стоило немалого труда довести жест до конца, так чтобы он не стал неуклюжим.

— Но и все. Ты никогда не заходишь дальше, чем надо. Никогда не давишь на меня. Знаешь, как это непривычно?

Мы посмотрели друг на друга, там, в тишине лунного сада. Я ощущал тепло ее тела, так близко она стояла, держа меня под руку.

Как ни неопытен я был с женщинами, этот намек мог понять даже я. Я пытался придумать, что сказать, но я мог только смотреть на ее губы. Отчего они такие алые? Даже цветы селаса выглядели черными в лунном свете. Отчего же ее губы такие алые?

И тут Денна застыла. Не то чтобы мы особо двигались, но в тот момент она окаменела и склонила голову набок, точно олень, пытающийся уловить еле слышный звук.

— Кто-то идет! — сказала она. — Пошли!

Она вцепилась в мою руку и потащила меня прочь с дорожки, через каменную скамью, сквозь низкий и тесный проем в живой изгороди.

Наконец мы очутились в каких-то густых кустах. Там было уютное местечко, как раз нам вдвоем угнеститься. Благодаря трудолюбивым

садовникам там не было ни молодой поросли, ни опавших листьев или веточек, которые могли бы зашуршать или хрустнуть под нашей рукой или коленом. На самом деле трава в этом укромном уголке была такая же густая и мягкая, как на любой лужайке.

— Есть тысяча девушек, которые могли бы гулять с тобой в саду при луне, — прошептала Денна. — Но только одна будет прятаться с тобой в кустах!

Она ухмыльнулась. В ее голосе журчал сдерживаемый смех.

Денна смотрела сквозь изгородь в сторону дорожки, а я любовался ею. Ее волосы занавесью падали вдоль щеки, и сквозь них торчал кончик уха. В тот миг для меня это было самое прекрасное зрелище на свете.

Потом я услышал шорох шагов на дорожке. Сквозь живую изгородь до нас донеслись негромкие голоса, мужской и женский. Секунду спустя они появились из-за угла, рука об руку. Я тут же узнал их.

Я обернулся, подался ближе и выдохнул на ухо Денне:

— Это маэр. И его юная возлюбленная.

Денна вздрогнула. Я сбросил с плеч вишневый плащ и накинул его ей на плечи.

И снова посмотрел в их сторону. Вот Мелуан рассмеялась чему-то, что он сказал, и положила ладонь поверх его кисти, лежавшей на ее руке. Если они уже так близки, пожалуй, мои услуги ему теперь и ни к чему...

— Это не для вас, моя дорогая, — отчетливо произнес маэр, когда они проходили мимо. — Для вас — одни лишь розы.

Денна обернулась, взглянула на меня расширенными глазами и обеими руками зажала рот, чтобы сдержать хохот.

В следующую секунду они миновали нас и медленно удалились, идя нога в ногу. Денна отняла руки от лица и сделала несколько глубоких, дрожащих вдохов.

— И у него та же самая затрепанная книжонка! — сказала она. Глаза у нее так и сверкали.

Я невольно улыбнулся.

— Похоже на то.

— Значит, это и есть маэр... — негромко сказала она. Ее темные глаза смотрели сквозь листву. — А он ниже ростом, чем я думала...

— Хочешь познакомиться? — спросил я. — Могу представить!

— О, это было бы чудесно! — сказала Денна с легкой насмешкой. Она захихикала, но, видя, что я не смеюсь вместе с ней, взглянула на меня и перестала смеяться. — Ты что, серьезно, что ли?

Она склонила голову набок и как-то смущенно улыбнулась мне.

— Ну, думаю, нам не стоит прямо сейчас выкатываться из кустов ему под ноги, — признал я. — Но мы могли бы зайти с другой стороны и выйти к нему навстречу.

Я указал в ту сторону, куда нам надо было пойти.

— Я не думаю, что он прямо сразу пригласит нас к обеду или что-нибудь в этом духе. Но мы можем вежливо раскланяться, встретившись ему на тропинке.

Денна по-прежнему смотрела на меня, и ее брови слегка сдвинулись — она почти нахмурилась.

— Так ты серьезно... — сказала она.

— А ты что ду... — начал было я и тут осознал, отчего она так смотрит. — Так ты думала, что я врал, когда говорил, будто работаю на маэра? Ты думала, я врал, что мог бы просто пригласить тебя сюда?

— Ну, мало ли что мужчины рассказывают, — пожала плечами Денна. — Они любят прихвастнуть. И я не стала думать о тебе хуже оттого, что ты наврал мне с три короба.

— Я бы не стал тебе врать! — возразил я, потом подумал и поправился: — Хотя нет, неправда. Стал бы. Ты стоишь того, чтобы тебе иногда приврать. Но я не врал. Ты ведь стоишь и того, чтобы говорить тебе правду.

Денна улыбнулась мне теплой, ласковой улыбкой.

— К тому же правда реже встречается.

— Ну чего, хочешь? — спросил я. — В смысле познакомиться с ним?

Она посмотрела на дорожку сквозь изгородь.

— Нет, не хочу.

Когда она качала головой, ее волосы шевелились, как тени от ветвей.

— Я тебе и так верю. Не надо.

Она опустила глаза.

— А потом, у меня на юбке пятна от травы. Что он подумает?

— А у меня листья в волосах, — признал я. — И я точно знаю, что он подумает.

Мы вылезли из кустов. Я вытряхнул листья из волос, Денна отряхнула подол юбки, слегка поморщившись, когда оттирала зеленые пятна.

Мы вернулись на дорожку и пошли дальше. Я подумал было обнять ее за плечи, но не сделал этого. Я плохо разбирался в таких делах, однако мне показалось, что подходящий момент миновал.

Когда мы проходили мимо статуи женщины, срывающей цветок, Денна подняла голову и вздохнула.

— Пока я думала, что мне нельзя тут находиться, было как-то

веселее, — призналась она с ноткой сожаления в голосе.
— Так оно всегда и бывает, — кивнул я.

ГЛАВА 71

ИНТЕРЛЮДИЯ

ТРИЖДЫ ЗАПЕРТЫЙ СУНДУК

Квоут вскинул руку, давая Хронисту знак остановиться. Писец протер кончик пера бывшей под рукой тряпкой и устало повел плечами. Квоут достал потрепанную колоду карт и принялся сдавать их сидящим за столом. Баст взял свои карты и с любопытством заглянул в них.

Хронист нахмурился.

— Что, собственно...

На крыльце послышались шаги, дверь в «Путеводный камень» распахнулась, на пороге показался лысый пузатый человек в вышитом жилете.

— Мэр Лант! — воскликнул трактирщик, бросая карты и вскакивая на ноги. — Чем могу служить? Выпить? Закусить?

— Стаканчик винца не помешает, — ответил мэр, входя в трактир. — Гремсбийского красного не найдется?

Трактирщик покачал головой.

— Боюсь, что нет, — сказал он. — Дороги нынче, знаете ли... Во всем нехватка.

Мэр кивнул.

— Ну, тогда какого-нибудь красного, — сказал он. — Но имейте в виду, больше одного пенни я за него платить не готов!

— Конечно-конечно, сэр! — озабоченно сказал трактирщик, потирая кисти рук. — А кушать что-нибудь будете?

— Нет, — сказал лысый. — Я вообще-то пришел, чтобы воспользоваться услугами писца. Решил обождать, пока тут станет потише и можно будет потолковать наедине.

Он окинул взглядом пустую комнату.

— Вы ведь не против, если я на полчаса займу ваш трактир?

— Ну что вы, что вы! — трактирщик подобострастно улыбнулся и замахал руками на Баста, чтобы тот убрался.

— Но у меня же полный расклад! — возмутился Баст, размахивая картами.

Трактирщик грозно зыркнул на помощника и убежал на кухню.

Мэр скинул куртку и повесил ее на спинку стула, пока Баст, ворча,

собирал остальные карты.

Трактирщик принес стакан красного и запер входную дверь большим латунным ключом.

— Мы с парнишкой уйдем наверх, — сказал он мэру, — вам мешать не будем!

— Вы очень любезны, — ответил мэр, усаживаясь напротив Хрониста. — Я дам знать, когда мы управимся.

Трактирщик кивнул и погнал Баста прочь из зала, вверх по лестнице. Квоут отворил дверь в свою комнату и жестом пригласил Баста к себе.

— Интересно, что за секреты такие у старого Ланта, — сказал Квоут, как только дверь за ними закрылась. — Надеюсь, он не очень надолго.

— У него двое детей от вдовы Криль, — невозмутимо сообщил Баст.

Квоут вскинул бровь.

— В самом деле?

Баст пожал плечами.

— Да весь город знает.

Квоут хмыкнул, усаживаясь в большое мягкое кресло.

— Ну и что же мы станем делать в ближайшие полчаса? — спросил он.

— Мы уже сто лет не занимались! — Баст вытащил деревянный стул, стоявший у небольшого письменного стола, и уселся на краешке. — Научи меня чему-нибудь!

— Не занимались... — задумчиво произнес Квоут. — Да, почитай-ка ты «Целум Тинтур»!

— Ре-еши! — умоляюще протянул Баст. — Она же такая скучная! Я не против занятий, но почему надо непременно заниматься по книжке?

Тон Баста заставил Квоута улыбнуться.

— Ну что ж, тогда займемся загадками?

Баст расплылся в улыбке.

— Хорошо, дай подумать секундочку...

Квоут постучал пальцами по губам, обвел взглядом комнату. Вскоре его взгляд упал на темный сундук, стоявший в ногах кровати.

Он сделал небрежный жест.

— Как бы ты открыл мой сундук, если бы тебе пришла охота?

Баст насторожился.

— Твой трижды запертый сундук, Реши?

Квоут взглянул на ученика и хмыкнул.

— Что-что? — не веря своим ушам, переспросил он.

Баст зарделся и потупился.

— Ну, просто я привык так его называть... — промямлил он.

— Ничего так название... — Квоут помедлил. На его губах играла улыбка. — Хотя звучит как в сказке, ты не находишь?

— Ну, Реши, ты ведь сам сделал его таким, — насупившись, ответил Баст. — Три замка, редкостное дерево и все такое. Я не виноват, что получилось как в сказке!

Квоут подался вперед и, извиняясь, похлопал Баста по колену.

— Да нет, Баст, это отличное название! Просто оно застало меня врасплох.

Он снова откинулся на спинку кресла.

— Итак, как же ты станешь открывать трижды запертый сундук Квоута Бескровного, если тебе потребуется его ограбить?

Баст улыбнулся.

— Знаешь, Реши, когда ты так говоришь, ты похож на пирата.

Он задумчиво уставился на сундук.

— Я так понимаю, попросить у тебя ключи — не вариант? — спросил он наконец.

— Верно, — сказал Квоут. — Для чистоты эксперимента предположим, что ключи я потерял. Нет, лучше так: предположим, что я умер и ты теперь можешь безнаказанно ковыряться в моих секретах.

— Как-то это мрачновато звучит, Реши, — мягко укорил его Баст.

— Да жизнь вообще штука мрачноватая, Баст, — возразил Квоут, и в голосе его не было ни тени улыбки. — Привыкай помаленьку.

Он указал на сундук.

— Ну, валяй, мне не терпится посмотреть, как же ты раскусишь этот орешек.

Баст посмотрел на него в упор.

— Эти твои загадки еще хуже книг, Реши, — сказал он, направляясь к сундуку. Он лениво потыкал его ногой, наклонился, оглядел две отдельные замочные скважины — одну темную, железную, вторую блестящую, медную. Поковырял пальцем выпуклую крышку, наморщил нос.

— Знаешь, Реши, не нравится мне это дерево. А железный замок — это вообще нечестно!

— Ну вот, видишь, ты уже извлек один полезный урок, — сухо сказал Квоут. — Ты вывел универсальный закон: мир не обязан вести себя честно.

— Да тут даже петель нет! — воскликнул Баст, осматривая заднюю стенку сундука. — Как может быть крышка без петель?

— О, мне потребовалось немало времени, чтобы до этого додуматься! — не без гордости признался Квоут.

Баст опустился на четвереньки и заглянул в медную скважину. Потом поднял руку и прижал ладонь к пластине замка. Зажмурился и застыл, как бы прислушиваясь.

Постояв так, он наклонился и дунул на замок. Ничего не произошло. Его губы зашевелились. Он говорил слишком тихо, разобрать было нельзя ни слова, однако в голосе отчетливо слышалась мольба.

Через некоторое время Баст сел на корточки и нахмурился. Потом он лукаво улыбнулся и постучал по крышке сундука. Стука было почти не слышно, словно он стучал не по дереву, а по камню.

— Чисто из любопытства, — сказал Квоут, — а что бы ты стал делать, если бы изнутри кто-то постучался в ответ?

Баст поднялся на ноги, вышел из комнаты и тут же вернулся с целым набором инструментов. Он опустился на одно колено, взял изогнутый кусок проволоки и несколько минут возился с медным замком. В конце концов он принялся браниться сквозь зубы. Когда Баст менял позу, чтобы подобраться с другой стороны, его рука коснулась тусклой пластины железного замка, и он отшатнулся, шипя и плюясь.

Баст снова поднялся на ноги, бросил проволоку и достал длинный гвоздодер из блестящего металла. Он попытался просунуть его тонкий конец под крышку, но так и не сумел воткнуть инструмент в тонкую, как волос, щелку. Через несколько минут он оставил и эту затею.

Потом Баст попытался было опрокинуть сундук набок, чтобы подлезть снизу, но, сколько он ни старался, ему удалось только сдвинуть сундук сантиметров на пять.

— Слушай, Реши, сколько же в нем весу? — воскликнул Баст, изрядно рассердившись. — Килограмм полтора?

— Больше двухсот, когда он пустой, — ответил Квоут. — Помнишь, чего нам стоило поднять его наверх?

Баст вздохнул и снова воззрился на сундук. Лицо у него сделалось свирепым. Потом он достал из охапки инструментов топорик. Не тот грубый клиновидный топор, которым они кололи дрова за трактиром. Этот топорик был изящен и грозен. Он был весь выкован из цельного куска металла. Форма лезвия отдаленно напоминала древесный лист.

Баст слегка подкинул оружие на ладони, снова пробуя его на вес.

— Вот что я бы сделал потом, Реши. Если бы я по-настоящему хотел его открыть.

Он с любопытством взглянул на своего наставника.

— Но если ты предпочитаешь, чтобы я этого не делал...

Квоут развел руками.

— Ты на меня не смотри, Баст. Я умер. Делай как знаешь.

Баст ухмыльнулся и с размаху обрушил топорик на закругленную крышку сундука. Раздался странный приглушенный звон, как будто в дальней комнате позвонили в колокольчик, обмотанный тканью.

Баст помедлил, а потом принялся остервенело рубить крышку топориком. Сперва он махал одной рукой, потом заработал двумя, высоко вскидывая топорик, будто и впрямь дрова колол.

Блестящее листовидное лезвие упорно не хотело врубаться в дерево, каждый удар отлетал в сторону, как будто Баст пытался разрубить цельный каменный блок.

Наконец Баст остановился, запыхавшись, наклонился, оглядел крышку сундука, провел по ней ладонью, потом посмотрел на лезвие топорика и вздохнул.

— Ты работаешь на совесть, Реши.

Квоут улыбнулся и приподнял воображаемую шляпу.

Баст окинул сундук пристальным взглядом.

— Я бы попытался его поджечь, но роу не горит, это я знаю. Возможно, мне удалось бы его раскалить, так чтобы медный замок расплавился. Но для этого придется целиком запихнуть его в кузнечный горн.

Он посмотрел на сундук, здоровенный, как дорожная укладка аристократа.

— Но такого большого горна у нас в городке нет. И я даже не знаю, до какой температуры требуется нагреть медь, чтобы она расплавилась.

— Подобные сведения, — заметил Квоут, — несомненно, могут стать предметом книжного урока.

— Кроме того, я думаю, ты принял предосторожности на такой случай.

— Принял, — сознался Квоут. — Но идея неплоха. Она демонстрирует способность к нестандартному мышлению.

— А если кислотой? — спросил Баст. — Я знаю, у нас внизу есть довольно мощные химикалии...

— Муравьиная кислота роу не возьмет, — сказал Квоут. — Соляная тоже. Можно попробовать царской водкой. Но доска толстая, а царской водки у нас мало.

— Да я не про дерево думал, Реши. Я думал еще раз попробовать с замками. Если влить в них достаточно кислоты, она их разъест...

— Это если предположить, что один полностью железный, а второй медный, — заметил Квоут. — Даже если бы это было так, кислоты потребуется немало, и к тому же ты рискуешь, что кислота попадет внутрь

сундука и испортит его содержимое. Разумеется, то же самое касается и огня.

Баст снова уставился на сундук, задумчиво потерев губы.

— Тогда у меня все, Реши. Мне нужно время, чтобы над этим подумать.

Квоут кивнул. Баст, заметно приунывший, собрал и унес свои инструменты. Вернувшись, он подпихнул сундук с другой стороны, подвинув его на прежнее место, так чтобы он снова ровно стоял в ногах кровати.

— Но ты неплохо старался, Баст, — утешил его Квоут. — Весьма последовательно. Ты делал все то же самое, что сделал бы на твоём месте я.

— Эге-гей! — глухо донесся снизу голос мэра. — У меня все!

Баст вскочил и бросился к дверям, задвинув стул обратно под стол. Резкое движение потревожило один из смятых листов бумаги, что валялись на столе, комок бумаги упал на пол, подпрыгнул и закатился под стул.

Баст остановился, наклонился, чтобы поднять бумагу.

— Не трогай, — угрюмо сказал Квоут. — Пусть лежит.

Баст замер с протянутой рукой, потом выпрямился и вышел.

Квоут вышел следом, затворив за собой дверь.

ГЛАВА 72

ЛОШАДКИ

Через несколько дней после нашей с Денной прогулки в саду при луне я написал песню для Мелуан под названием «Одни лишь розы». Маэр нарочно просил меня об этом, и я охотно взялся за дело, представляя, как будет хохотать Денна, когда я сыграю ей эту песню.

Я уложил песню маэра в конверт и посмотрел на часы. Я думал, что у меня уйдет целый вечер на то, чтобы ее закончить, но песня далась мне на удивление легко. В результате весь вечер оказался свободен. Было уже поздновато, но не так, чтобы совсем поздно. Не так уж поздно для вечера возжиганья в таком городе, как Северен. И, наверно, совсем не поздно отыскать Денну.

Я переоделся в свежий костюм и поспешно покинул дворец. Поскольку деньги я добывал, распродавая отдельные предметы оборудования Кавдикуса и играя в карты с аристократами, которые лучше разбирались в моде, чем в статистике, я уплатил целый бит за конный лифт, а потом бегом преодолел полмили до улицы Ньюэлл. За несколько кварталов до трактира Денны я перешел на шаг. Ей, несомненно, будет приятно, что я так спешил к ней, однако я не хотел явиться к Денне запыхавшимся и взмыленным, как загнанная лошадь.

В «Четырех свечках» ее не оказалось. Меня это не удивило. Денна не из тех девушек, кто станет сидеть сложа руки только оттого, что я занят. Однако мы с нею провели большую часть месяца, вместе исследуя город, и я догадывался, куда она могла пойти.

Пять минут спустя я увидел ее. Денна шагала по запруженной народом улице решительно и целеустремленно, так, словно очень спешила.

Я направился было к ней, потом заколебался. Куда она может так торопиться, одна, так поздно вечером?

На встречу со своим покровителем.

Мне хотелось бы сказать, что я лишь после мучительных колебаний решился наконец последовать за ней, но это была бы неправда. Слишком уж велико было искушение узнать, кто таков ее покровитель.

Так что я накинул на голову капюшон плаща и принялся пробираться через толпу следом за Денной. Это на удивление просто, если иметь навык. В свое время я забавлялся таким образом в Тарбеане, проверяя, долго ли я

сумею преследовать человека, прежде чем меня заметят. Дело облегчалось тем, что Денна была неглупа и держалась приличных районов, где на улицах было много народу, а при тусклом ночном освещении мой плащ выглядел неопределенно темным.

Я следовал за ней около получаса. Мы проходили мимо лоточников, торговавших каштанами и жареными пирожками с мясом. В толпе попадалось немало стражников, улицы были ярко освещены рассеянными там и сям уличными фонарями и лампами, подвешенными над вывесками трактиров. Временами попадались уличные музыканты, которые играли и пели, поставив перед собой шляпу, один раз мы миновали бродячую труппу, разыгрывавшую какую-то пьесу на маленькой мощеной площади.

А потом Денна свернула за угол, в кварталы попроще. Фонарей и подвыпивших гуляк попадалось все меньше. Уличные музыканты сменились нищими, которые назойливо кланчили деньги или хватали прохожих за полы одежды. Из окон пивных и трактиров и здесь лился свет, однако улицы были далеко не столь оживленными. Люди держались по двое, по трое — женщины в корсетах и мужчины с жестким взглядом.

Не то чтобы здесь было опасно. Точнее сказать, эти улицы были не опаснее битого стекла. Ведь битое стекло не станет нарочно тебя ранить. Его можно даже брать в руки, если осторожно. Бывают и такие улицы, что опаснее бешеных собак, — там тебя никакая осторожность не уберезет.

Я уже начинал нервничать, как вдруг Денна остановилась у входа в темный переулок. На миг она вытянула шею, словно прислушиваясь. А потом заглянула в темноту и шмыгнула туда.

Неужели она встречается со своим покровителем именно здесь? Или просто решила срезать путь до соседней улицы? А может, просто выполняет наставления своего параноика-покровителя, чтобы убедиться, чтобы за ней никто не следит?

Я принялся браниться себе под нос. Если я сунусь в переулок следом за ней и она меня заметит, сделается очевидно, что я ее выслеживал. Но если я не последую за ней, то сойду со следа. Не сказать, чтобы это был действительно опасный район, и все же мне не хотелось, чтобы она бродила тут одна так поздно.

Так что я окинул взглядом соседние дома и нашел здание, фасад которого был сложен из неровного дикого камня. Оглядевшись, я вскарабкался по нему наверх, стремительно, как белка, — еще один полезный навык, доставшийся мне от моей загубленной юности.

После того как я очутился на крыше, мне уже ничего не стоило перемахнуть через коньки нескольких соседних зданий и, спрятавшись в

тени трубы, заглянуть в переулок. Над головой висел серпик луны, и я рассчитывал увидеть Денну, стремительно шагающую вперед к другому выходу из переулка или тихо беседующую со своим неуловимым покровителем.

Но ничего подобного я не увидел. В тусклом свете от окна в одном из верхних этажей виднелась неподвижная женщина, распростертая на мостовой. Сердце у меня отчаянно заколотилось, но тут я сообразил, что это не Денна. Денна была одета в рубашку и штаны. А эта женщина была в белом платье, юбка платья была задрана и смята, и ее голые ноги белели на темных камнях.

Я принялся судорожно вглядываться и наконец разглядел Денну. Она стояла вне пятна света из окна, вплотную к широкоплечему мужику, лысина которого блестела в лунном свете. Что она с ним, обнимается, что ли? Это и есть ее покровитель?

Но наконец мои глаза привыкли к темноте и я разглядел, в чем дело: они действительно стояли вплотную друг к другу, но отнюдь не обнимались. Денна упиралась рукой ему в шею, и я увидел отблеск лунного луча на металле, похожий на далекую звезду.

Лежащая на земле женщина зашевелилась, Денна окликнула ее. Женщина неуклюже поднялась на ноги, споткнулась, наступив на собственную юбку, и медленно протиснулась мимо них, по стеночке пробираясь к выходу из переулка.

Как только женщина очутилась позади нее, Денна сказала что-то еще. Я был слишком далеко и не разобрал слов, но ее голос звучал так гневно и свирепо, что у меня волосы на руках встали дыбом.

Денна отступила от мужика, и он попятился назад, держась за шею. Мужик тут же принялся яростно браниться, брызгая слюной и размахивая свободной рукой. Он говорил громче, чем она, но достаточно неразборчиво, так что я почти ничего не разобрал — только расслышал, что он несколько раз повторил «шлюха!».

Однако, сколько он ни молол языком, подойти к ней на расстояние вытянутой руки он так и не решился. Денна стояла молча, глядя на него и широко расставив ноги. Нож она держала перед собой в опущенной руке. Ее поза была почти непринужденной. Почти.

Побранившись минуту-другую, мужик неуверенно сделал полшага вперед, потрясая кулаком. Денна что-то сказала и сделала короткий резкий выпад ножом в направлении его паха. В переулке сделалось тихо. Мужик слегка передернул плечами. Денна повторила выпад, и мужик снова принялся браниться, но уже потише. Он повернулся и побрел прочь, по-

прежнему прижимая руку к шее.

Денна проводила его взглядом, потом расслабилась и аккуратно убрала нож в карман. Она развернулась и пошла к выходу из переулка.

Я бросился назад, откуда пришел. Внизу, на улице под фонарем, я увидел Денну и ту, вторую женщину. Теперь, при лучшем освещении, я разглядел, что женщина куда моложе, чем я думал: молодая девушка, почти девочка. Плечики у нее вздрагивали от рыданий. Денна гладила ее по спине, и мало-помалу девушка успокоилась. Через некоторое время они пошли прочь.

Я бросился в сторону переулка, где еще прежде заметил старую железную водосточную трубу — относительно простой спуск с крыши. Но все равно у меня ушло минуты две, прежде чем я ощутил под ногами бульжники мостовой и вдобавок ободрал себе все пальцы.

Мне потребовалось немалое усилие воли, чтобы не броситься догонять Денну и девушку бегом. Меньше всего мне хотелось, чтобы Денна узнала, что я ее преследовал.

По счастью, шли они медленно, и я без труда их выследил. Денна проводила девушку обратно в приличный район и завела ее в респектабельный на вид трактир с нарисованным на вывеске петухом.

Я немного постоял снаружи, разглядывая через окно помещение трактира. Потом поглубже надвинул капюшон, небрежно прошел в глубь трактира и уселся за перегородкой, рядом с тем столом, где сидели Денна с девушкой. При желании, наклонившись вперед, я мог бы увидеть их стол, но сейчас ни я их не видел, ни они меня.

В зале было почти пусто, и служанка подошла ко мне почти сразу, как я сел за стол. Она взглянула на дорожную ткань моего плаща и улыбнулась:

— Что вам угодно?

Я окинул взглядом впечатляющую батарею сверкающего стекла за стойкой, поманил служанку к себе и сказал хрипло и негромко, точно еще не успел оправиться от крупа:

— Рюмочку вашего лучшего виски. И стаканчик доброго фелорского красного.

Девушка кивнула и удалилась.

Я обернулся к соседнему столу и наострил свои чуткие уши.

— ...Твой выговор, — услышал я голос Денны. — Откуда ты родом?

Пауза, потом неразборчивое бормотанье девушки. Она сидела ко мне спиной, и я ничего не расслышал.

— Но ведь это же в западном фарреле, да? — спросила Денна. — Далеко же ты забралась от дома!

Девушка снова что-то пробормотала в ответ. Потом последовала долгая пауза, в течение которой я вообще ничего не слышал. Я не мог понять, то ли она молчит, то ли шепчет так тихо, что мне не слышно. Я с трудом подавил желание податься вперед и заглянуть в их сторону.

Снова послышалось бормотание, очень тихое.

— Да я понимаю, что он говорил, будто любит тебя, — мягко ответила Денна. — Все они так говорят.

Служанка поставила передо мной высокий бокал и вручила мне рюмку.

— Два бита с вас!

Тейлу милосердный! Неудивительно, что у них почти пусто, при таких-то ценах!

Я опрокинул виски одним глотком и едва не закашлялся — оно обожгло мне глотку. Потом достал из кармана целый серебряный кругль, положил тяжелую монету на стол и накрыл ее пустой рюмкой.

И снова жестом подозвал служанку.

— У меня для вас предложение, — вполголоса сказал я. — Прямо сейчас я хочу просто посидеть в тишине, выпить вина и поразмыслить о своем.

Я постучал пальцем по перевернутой рюмке с монетой под ней.

— Если мне дадут спокойно посидеть и никто не будет мне мешать, все это, за вычетом цены напитков, ваше.

Глаза служанки слегка расширились, устремились на меня и снова на монету.

— Но если меня станут донимать разговорами и расспросами, пусть даже затем, чтобы спросить, не угодно ли мне чего, я просто расплачусь и уйду.

Я посмотрел на нее.

— Можете ли вы мне помочь предаться уединению?

Девушка энергично закивала.

Служанка удалилась, тотчас подошла к другой женщине, стоящей за стойкой, и несколько раз махнула рукой в мою сторону. Я немного расслабился, убедившись, что они больше не станут привлекать ко мне внимание.

Я пригубил вино и прислушался.

— ...А отец твой чем занимается? — говорила Денна. Я тотчас узнал этот тон. Таким негромким, ровным голосом мой отец, бывало, разговаривал с напуганными лошадьми. Это такой специальный тон, предназначенный для того, чтобы успокоить и заставить расслабиться.

Девушка что-то пробормотала.

— Отличное ремесло, — ответила Денна. — А чего же ты тогда тут делаешь?

Снова неразборчивый шепот.

— Принялся руки распускать, да? — невозмутимо переспросила Денна. — Ну что ж, такое со старшими сыновьями сплошь и рядом.

Девушка снова заговорила, на этот раз с жаром, хотя я по-прежнему не мог разобрать ни слова.

Я протер свой бокал краем плаща и наклонил его чуть вбок. Вино было густо-красное, такое темное, почти черное. Благодаря этому стенка бокала могла служить зеркалом. Не идеальным, конечно, но я видел крошечные фигурки за перегородкой.

Я услышал, как Денна вздохнула, перебив девушку, которая что-то невнятно бормотала вполголоса.

— Дай я угадаю, — сказала Денна, явно раздраженная. — Ты украла серебряные ложки или что-нибудь этакое и сбежала из города.

Крохотное отражение девушки было неподвижно.

— Но все оказалось не так, как ты себе представляла, да? — спросила Денна, уже помягче.

Я увидел, как плечи девушки затряслись, и услышал негромкие, душераздирающие рыдания. Я отвел взгляд и поставил бокал на стол.

— На-ка, — послышался звон бокала, поставленного на стол. — Выпей, — сказала Денна. — Это чуть-чуть поможет. Не сильно, но поможет.

Рыдания затихли. Я услышал, как девушка изумленно закашлялась и поперхнулась.

— Бедненькая дурочка, — тихо произнесла Денна. — Что за ужас повстречаться с тобой, хуже, чем в зеркало посмотреться!

Девушка впервые за все время заговорила достаточно громко, чтобы я смог ее расслышать:

— Я же думала: если он все равно меня возьмет задаром, лучше уж отправиться куда-нибудь, где я смогу выбирать и получать за это деньги...

Ее голос звучал все тише, пока наконец я не перестал разбирать слова, только тон.

— «Десятигрошовый король»?! — изумленно перебила Денна. Я никогда прежде не слышал, чтобы она говорила таким ядовитым тоном. — Кист и крайле, до чего ж я ненавижу эту гнусную пьеску! Модеганская сказочная чушь! Мир устроен совсем иначе.

— Но... — начала было девушка.

Денна перебила ее:

— Нет никаких принцев, переодетых в лохмотья, которые только и ждут, чтобы тебя спасти! А даже если бы и были, кем бы стала ты сама? Ты была бы все равно что собачонка, которую он подобрал в канаве. Его собственность. И после того, как он увез бы тебя в свой замок, кто бы спас тебя от него самого?

Воцарилось молчание. Девушка кашлянула и тут же умолкла.

— Ну и что же нам с тобой делать? — спросила Денна.

Девушка шмыгнула носом и что-то сказала.

— Если бы ты могла сама о себе позаботиться, мы бы с тобой тут сейчас не сидели, — возразила Денна.

Бормотание.

— Тоже выход, — сказала Денна. — Правда, они берут себе половину того, что ты делаешь, но все равно это лучше, чем ничего и перерезанная глотка в придачу. Я так думаю, ты это и сама поняла сегодня.

Раздался шорох ткани по ткани. Я наклонил бокал, чтобы посмотреть, но увидел только, как Денна что-то делает руками.

— Давай-ка поглядим, что у нас есть, — сказала она. Послышался знакомый звон монет по столу.

Девушка изумленно ахнула и что-то сказала.

— Отнюдь, — ответила Денна. — Это не так уж много, если это все деньги, что у тебя есть. Ты ведь теперь, наверно, и сама понимаешь, как дорого жить одной в городе.

Снова бормотание, с вопросительной интонацией.

Я услышал, как Денна втянула в себя воздух и медленно выдохнула.

— Да потому, что мне тоже помогли в свое время, когда я в этом нуждалась, — ответила она. — И потому, что, если тебе не помочь, не пройдет и оборота, как тебя не будет в живых. Уж поверь женщине, которая в свое время тоже наделала немало глупостей.

Послышался шорох монет, передвигаемых по столу.

— Так, — сказала Денна. — Значит, вариант первый. Устроить тебя в ученье. Ты, конечно, старовата и это будет стоить денег, но можно попробовать. Что-нибудь простенькое. В ткачихи. В портнихи. Работать придется за троих, но у тебя будет еда и крыша над головой, и ремеслу выучишься.

Вопросительное бормотание.

— С твоим-то говором? — насмешливо переспросила Денна. — А умеешь ли ты завивать даме волосы? Накладывать макияж? Чинить наряды? Штопать кружева?

Пауза.

— Нет, милочка, в горничные ты не годишься, и я не знаю никого, кого можно было бы подкупить.

Звон монет, сгребаемых в кучку.

— Вариант второй, — сказала Денна. — Снять тебе комнату, пока не заживет этот синяк.

Шорох монет.

— Потом купить тебе место в почтовой карете и отправить домой.

Опять шорох монет.

— Ты отсутствовала в течение месяца. Им как раз хватило времени, чтобы начать всерьез беспокоиться. И когда ты вернешься домой, они будут просто счастливы, что ты жива-здорова.

Бормотание.

— Да что захочешь, то и скажешь, — ответила Денна. — Но, если у тебя в голове есть хоть капля мозгов, постарайся, чтобы это звучало убедительно. Никто не поверит, что ты встретила принца, который отправил тебя домой.

Еле слышное бормотание.

— Конечно, будет тяжело, а ты как думала, дуреха! — резко ответила Денна. — Они тебе это по гроб жизни вспоминать будут. Соседи будут шептаться у тебя за спиной каждый раз, как ты выйдешь на улицу. Мужа найти тебе будет непросто. Всех подруг ты растеряешь. Но это та цена, которую тебе придется уплатить, если ты хочешь хоть отчасти вернуться к прежней жизни.

Снова звон сгребаемых в кучку монет.

— Вариант третий. Если ты уверена, что хочешь попробовать себя в ремесле шлюхи, можно устроить так, чтобы ты не кончила свою жизнь мертвой в канаве. Личико у тебя милое, но потребуются соответствующая одежда.

Шорох монет.

— И чтобы кто-то научил тебя, как себя вести.

Опять шорох монет.

— И кто-то еще, кто избавил бы тебя от этого деревенского говора.

Опять шорох.

Бормотание.

— Да потому, что это единственный разумный способ этим заниматься! — напрямик ответила Денна.

Снова бормотание.

Денна раздраженно вздохнула.

— Ну ладно. Твой отец — конюший, верно? Так вот, подумай о разных лошадях, которыми владеет барон: битюги, рысаки, охотничьи...

Взбудораженное бормотанье.

— Вот именно, — сказала Денна. — Так вот, если бы тебе пришлось выбирать, какой лошастью быть, что бы ты выбрала? Битюг трудится до упаду, но что ему с того? Ему ли достается лучшее стойло, лучшая еда?

Бормотание.

— Верно. Все достается красивым породистым лошадам. Их и гладят, и холят, и лелеют, и работать им приходится лишь по праздникам или когда кто-нибудь отправится на охоту.

Денна продолжала:

— Так вот, если собираешься быть шлюхой, за это надо браться с умом. Ты же не хочешь быть портовой девкой, ты же хочешь быть герцогиней! Надо, чтобы мужчины за тобой ухаживали. Присылали тебе подарки.

Бормотание.

— Да-да, именно подарки! Если они платят, они сразу начинают считать, будто ты — их собственность. Видишь, как сегодня все обернулось. То есть ты, конечно, можешь сохранить этот свой говорок и корсаж с низким вырезом, чтобы матросня лапала тебя за полпенни. А можно научиться держать себя как следует, сделать прическу и начать ублажать джентльменов. Если ты интересная, хорошенькая и умеешь слушать, мужчины начнут искать твоего общества. Им захочется не просто завалить тебя в кровать — им захочется потанцевать с тобой. И тут уже ты можешь сама распоряжаться собой. Герцогиню никто не заставит платить за комнату вперед. Герцогиню никто не зажмет в проулке на бочонке и не вышибет ей зубы после того, как натешился вдоволь.

Бормотание.

— Нет, — угрюмо ответила Денна. Послышался звон монет, сыпаемых в кошельки. — Не надо себе врать. Даже самая породистая лошадь — все равно лошадь. А это значит, что рано или поздно тебя оседлают.

Вопросительное бормотание.

— Тогда уходи, — ответила Денна. — Если они требуют больше, чем ты готова дать, это единственный выход. Уходи прямо среди ночи, тихо и быстро. Но если ты ушла, значит, ты сожгла за собой мосты. Это цена, которую ты платишь.

Неуверенное бормотание.

— Этого я тебе сказать не могу, — ответила Денна. — Тебе самой

придется решать, чего ты хочешь. Хочешь вернуться домой? Вот цена. Хочешь сама распоряжаться своей жизнью? Вот цена. Хочешь быть вольна отвечать «нет»? Вот цена. Цена есть всегда.

Раздался скрип отодвигаемого стула, и я прижался к стенке, услышав, что они встали.

— Это всякий должен решать сам, — говорила Денна. Ее голос постепенно удалялся. — Чего тебе хочется больше всего? Чего тебе хочется так сильно, что ты готова заплатить что угодно, лишь бы это получить?

Они ушли, а я еще долго сидел за столом. Вино не шло мне в глотку.

notes

Примечания

Здесь и далее имеется в виду «сладкий сидр» — безалкогольный напиток из кипяченого яблочного сока. — *Прим. перев.*

«Богоявление». — *Прим. перев.*